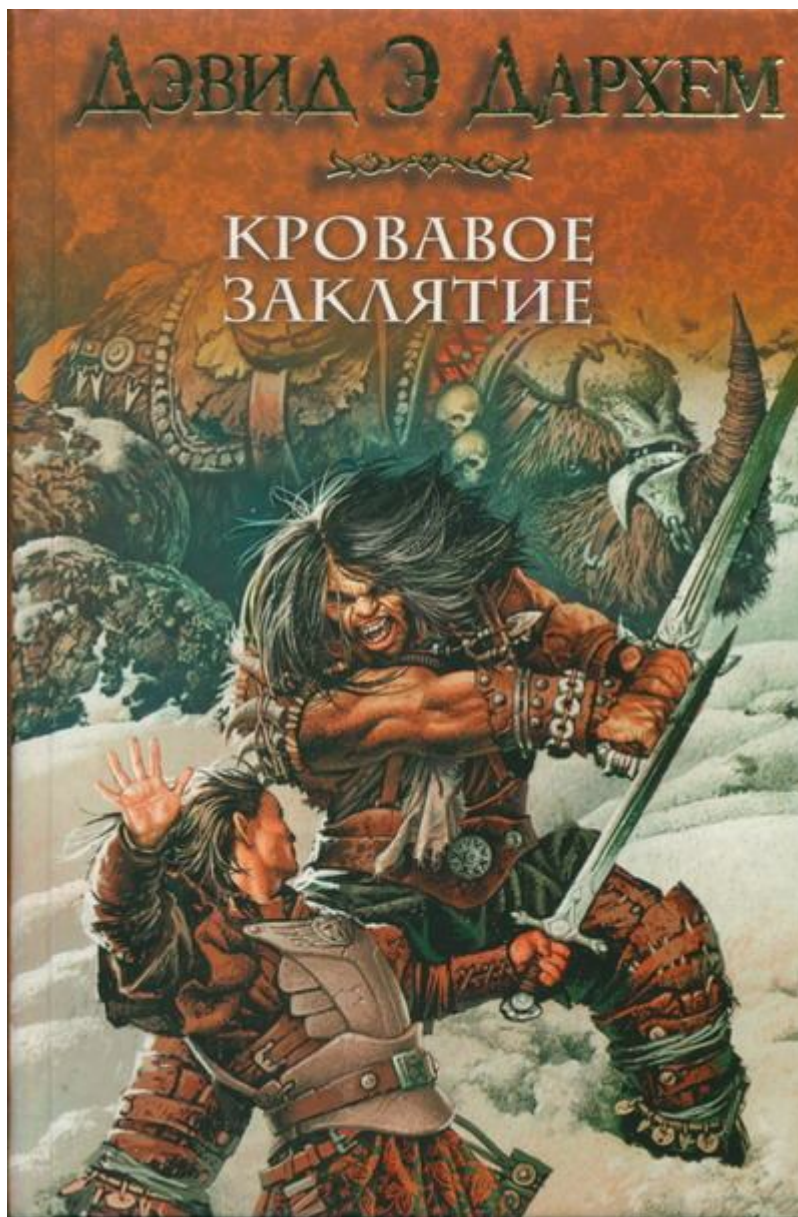

Дэвид Энтони Дархэм Кровавое заклятие

Акация – 1

OCR & ReadCheck - Юрчик. <http://oldmaglib.com>
«Дэвид Э. Дархем "Кровавое заклятие"»: АСТ, АСТ Москва, Полиграфиздат; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-060363-3, 978-5-403-03083-0, 978-5-4215-0377-4

Аннотация

Много веков назад империя Акация правила бесчисленными странами и народами, — но рано или поздно рушатся даже самые могущественные державы...

Вот и Акация пала под натиском повстанцев — некогда покоренных людей народа мейн, призвавших себе на помощь не только диких и жестоких кочевников, но и древнюю, запретную, темную магию...

Последний император убит.

Его детям, лишенным трона и власти, предстоит самим пробивать себе дорогу в

жизни...

Но кто из них рано или поздно снова воссядет на трон предков?

Старший сын, ставший героем среди кочевников — или младший, избравший жребий «джентльмена удачи»?

Старшая дочь — жрица в таинственном храме на далеком острове — или младшая, вынужденная разделить ложе с вождем победивших мейнцев?

Судьба их еще темна. Приключения их только начинаются!

Дэвид Дархем «Кровавое заветие»

Латону и Патриции

Благодарности

Помимо моей жены Гудрун, я благодарю Латона Джонсона и Джерри Лебланка, прочитавших мое произведение, когда оно существовало только в виде рукописи, и Джеймса Патрика Келли — за одобрительный кивок. Я хочу сказать спасибо Слоану Харрису, который был прекрасным агентом, и Джеральду Говарду — великолепному редактору. Также спасибо всем моим коллегам по магистерской программе, в особенности ребятам из группы беллетристики — за поддержку, когда я перешел на темную сторону. И спасибо всем в «Даблдей» и «Якоре». Я собирался написать небольшую историю, но множество людей, которых я просто не могу здесь перечислить, помогли мне создать настоящий роман, который вы теперь держите в руках.

Книга первая Королевская идиллия

Глава 1

Убийца начал свой путь из крепости Мейн-Тахалиан, миновав огромные ворота с дубовыми, укрепленными железом створками, приоткрытыми ровно настолько, чтобы выскользнуть наружу. Выехал он на рассвете, одетый, как большинство воинов Мейна, в плащ из лосиной шкуры, полностью укутывающий тело и ноги и прикрывающий даже коня. Грудь наездника защищал прочный нагрудник из двух слоев металла, обитый изнутри мехом выдры. Убийца ехал на юг по заснеженной земле, замерзшей до ледяного блеска.

Зима была яростно холодна. Первые несколько дней пути пар, вырывавшийся изо рта, замерзал на губах; иней ложился причудливыми выступами, отчего рот сделался похожим на вход в пещеру. Шарики льда путались в бороде, стучаясь друг о друга, точно стеклянные бубенцы.

Убийца встречал на пути не так уж много людей — даже когда проезжал через поселения, состоявшие из приземистых домиков с полукруглыми крышами. Он видел на снегу следы зайцев и белых лис и лишь изредка — самих зверей. Один раз снежный кот долго наблюдал за ним с вершины огромного валуна, размышляя, убежать ли от всадника или погнаться за ним.

Время от времени убийца поднимался на гребни холмов и окидывал взглядом равнины, кишасшие северными оленями. Невиданное доселе зрелище. Сперва он даже подумал, что каким-то чудом забрел в мир духов. Затем уловил застарелый запах животных, и это убило тайну. Всадник въехал прямо в середину стада, весело наблюдая, как олени кинулись в разные стороны. Грохот их копыт эхом отдавался в груди.

Если бы земли мейнцев принадлежали им, он мог бы охотиться на этих зверей, как

делали его предки. Но мечте не под силу изменить реальность. Народ мейн, северное высокогорное плато того же названия, великая твердыня Тахалиан, знатный род, который должен был бы владеть этой территорией, — последние пять веков все они принадлежали Акации. Мейнцы потерпели поражение, были истреблены в великом множестве, и с тех пор здесь заправляли иноземные наместники, взимавшие непомерные налоги и беспрестанно требовавшие рекрутов. Воины Мейна уходили служить в армию Акации. За тридцать земель, вдали от дома они не могли услышать предков. Всадник видел в этом огромную несправедливость, которой давно следовало положить конец.

За первую неделю пути он дважды сворачивал с главной дороги, чтобы обогнуть заставы Северной Стражи. Все бумаги были в порядке, и вряд ли кто-нибудь стал бы его задерживать, но всадник не доверял акацийцам. А вдобавок ему претила сама мысль о том, что придется делать вид, будто он признает их власть. Каждый крюк приближал его к Черным Горам, которые тянулись параллельно дороге. Горы вздымались из снегов подобно огромным глыбам обсидиана, заточенным до остроты бритвы. Если верить старым сказаниям, эти вершины были наконечниками копий, проткнувшими крышу мира. Копья принадлежали древним гигантам, чье обиталище пряталось глубоко под кожей земли.

Десять дней спустя убийца добрался до Мефалийского Предела — южной границы Мейна, и постоял несколько секунд, глядя вниз, на густые леса в трех тысячах футов под ним. Никогда больше не вдохнуть ему воздуха этой горной страны. Он снял с шеи лошади уздечку и отбросил ее в сторону, заменив простыми поводьями. Не обращая внимания на холод, убийца скинул плащ и оставил валяться на земле. Кинжалом отрезал кожаный ремешок шлема, снял его и зашвырнул в кусты. Освобожденные из плена металла длинные каштановые волосы рассыпались по плечам, будто радуясь обретенной свободе. Волосы были одной из причин, побудивших убийцу взять на себя эту миссию. Их оттенок даже отдаленно не напоминал бледно-золотой цвет соломы, присущий большинству мейнцев.

Прикрыв нагрудник хлопковой рубашкой, молодой человек взял коня под уздцы и начал спускаться с гор. Он шел по тропе, извивавшейся над землей на головокружительной высоте. А под ним, далеко внизу, открывались совсем иные пейзажи: густые лиственные леса и небольшие деревеньки. Это была северная окраина земель, находившихся под непосредственным контролем Алесии — главного административного центра Акации.

Убийца почти не говорил на языке империи, а потому предпочитал помалкивать, раскрывая рот лишь в тех случаях, когда выбора не было. Так он продал лошадь торговцу, встреченному на южной оконечности лесов: что-то промямлил и проворчал в кулак несколько невразумительных слов. В оплату за лошадь он получил монеты Акации и простую неброскую одежду, а вдобавок взял пару грубых сапог, зная, что придется пройти пешком весь оставшийся путь до побережья. Так он вновь преобразился.

Теперь убийца шел по главной дороге на юг. В сумке, свисавшей с плеча, лежали вещи, которые еще могли ему пригодиться. Ночи он проводил, свернувшись калачиком в какой-нибудь ямке — на окраине деревни или прямо в лесу. Местные жители называли это время года зимой, но для убийцы оно более походило на тахалианское лето: было так тепло, что временами пот лил с него градом.

Неподалеку от порта Алесии молодой человек преобразился еще раз. Он снял нагрудник и схоронил его под камнями на Ане реки, а потом надел плащ, сотканный в холодной мастерской Мейна. В этом плаще, накинутом на плечи, убийца собирался прикинуться вадаянцем. В свое время вадаянцы были представителями древнего ордена и служителями религиозного культа. Ныне они стали просто учеными и хранителями древнего знания под патронатом храма Вады. Эти люди редко разговаривали с кем бы то ни было и относились к империи с изрядной долей пренебрежения. Так что никто не удивится его молчаливости.

Убийца добавил последние штрихи к своей новой внешности — побрился и собрал длинные волосы в тугий пук на макушке, перевязав его тонкими шнурками. Обнажившаяся кожа оказалась бледной и розоватой, словно у новорожденного поросенка. Убийца втер в нее

дубильное вещество, предназначенное для морения дерева. Теперь даже самый пытливый взгляд не отличил бы пришельца с севера от ученого мужа, за которого он себя выдавал.

Несмотря на то, что убийца носил новую маску с завидным самообладанием, он был отнюдь не тем, кем хотел казаться. Человека звали Тасрен Мейн. Он происходил из благородного рода: был сыном Хеберена Мейна и младшим братом Хэниша и Маэндера Мейнов. Хэниш Мейн ныне являлся верховным вождем племен, населяющих плато Мейн. Маэндер был главой пунисари — элитной гвардии, гордых воинов Мейна, хранителей боевых традиций своего народа. Таким родством стоило гордиться, но Тасрен отказался от всех причитающихся ему привилегий и выбрал стезю убийцы. Теперь его жизнь наконец-то обрела смысл. Никогда прежде он не был столь сосредоточен и уверен. Он возложил на себя миссию и поклялся выполнить ее любой ценой. Много ли найдется людей, которые точно знают, зачем они дышат и что должны сделать, прежде чем сойти в могилу?.. Что ж, ему повезло.

Стоя на палубе пассажирского судна, Тасрен наблюдал, как скалистый остров Акация медленно поднимается из бледно-зеленого моря. На расстоянии он казался вполне безобидным. Самая высокая точка острова находилась на южной его оконечности; холмистые равнины в центре окружали горные края, которые, то обрывались утесами, то снова вздымались вверх, кое-где образуя плато, которые местные жители давно уже приспособили для постройки домов. Стволы акаций — темные, как чернокожие жители Талая, — были увенчаны густыми листовными кронами с горящими в них белыми соцветиями. Длинная, извилистая береговая линия щетинилась скалами, и достичь острова было не так-то просто — пляжи и гавани встречались здесь крайне редко.

Проплывая мимо сторожевых башен порта, Тасрен заметил флаг империи, бессильно обвисший в безветренном воздухе. Впрочем, он знал, что увидит, если флаг развернется: желтое солнце в квадрате из красных линий на фоне черного силуэта дерева, давшего название острову. Каждый ребенок Изученного Мира знал эту эмблему — и не имело значения, как далеко от здешних мест он появился на свет. Тасрен с трудом подавил желание смачно сплюнуть за борт.

Он сошел на берег в главном порту, окруженный толпой других пассажиров — торговцев и рабочих, женщин и детей. Все они, словно олени, перепрыгивали щель между бортом и пристанью над кристально чистой водой. Среди них Тасрен заметил нескольких вадаянцев, но предпочел не встречаться с ними взглядом. Стоя на твердых камнях причала, Тасрен думал о том, что вот-вот очутится в самом логове врага. Если б хоть кто-нибудь сейчас опознал пришельца или сумел прочесть его мысли, он стал бы целью для каждого кинжала, меча и копья на острове. Молодой человек замер, изумленный тем, что никто на него не накинулся. Никто не поднял тревогу. Никто даже не замедлил шага...

Он окинул взглядом стену из розоватого камня. За ней вздымались к небу шпили, башни и купола, выкрашенные в синий, темно-красный или коричневый цвета. Некоторые явственно требовали ремонта, иные блестели и переливались на солнце. Здания шли террасами, ярус за ярусом, все выше и выше в гору. Да, это было красиво; даже Тасрен не стал бы отрицать очевидное. Здешние строения разительно отличались от приземистых домов его родины. Тахалиан выстроен из толстых пихтовых балок и наполовину вкопан в землю для защиты от холода. Там нет никаких украшений — ведь большую часть года крепость стояла погруженная в зимнюю тьму, и снег покрывал все ее поверхности.

Тасрен зашагал к воротам нижнего города. Не важно, сколько времени потребуется, рано или поздно он найдет путь к самому сердцу Акации. Он будет принимать любые личины, какие только придется, пока не сумеет проникнуть во дворец. И там он ответит на вопрос, небрежно, заданный братом с месяц назад. «Если нужно убить многорукую тварь, — сказал Маэндер, — не лучше ли для начала отрезать ей голову? А когда она будет бродить ослепленная и растерянная — тут уже можно приняться и за конечности». Убийце нужно всего лишь подобраться к голове и выбрать удачный момент, чтобы нанести удар. Главное — сделать это прилюдно; тогда молва разнесется по свету как заразная болезнь, передаваясь

из уст в уста.

Глава 2

Стараясь хоть как-то скрасить утомительную скуку утреннего урока, Мэна Акаран всегда садилась на одно и то же место — травяной холмик за спинами братьев и сестры.

Мэне недавно сравнялось двенадцать. Со своего «наблюдательного поста» она могла смотреть сквозь выломанный зубец каменной балюстрады, окружавшей двор. Из «окна» были видны многоярусные террасы дворца, западная стена города и длинная цепь холмов, между которыми лежала распаханная земля. Самой высокой точкой в этом пейзаже был вздымавшийся вдалеке утес, известный как Небесная Скала. Мэна бывала там с отцом и помнила гадкий запах помета, пронзительные крики морских птиц и невероятные виды, открывающиеся со скалы, которая отвесно поднималась из бушующего моря на пятнадцать сотен футов.

Теперь Мэна сидела в классной комнате на открытом воздухе, где королевские дети обычно встречались с учителем, но мысли ее были далеко. Нынче утром она вообразила себя чайкой, летящей среди скал. Вот она опустилась ниже и понеслась над самой поверхностью воды, лавируя между рыбачьими лодками и торговыми баржами, которые качались на волнах морских течений. Мэна оставила все это позади, и волны сделались выше, потемнели, из бирюзовых стали синими, а потом иссиня-черными. Она пролетала над мелководьями, кишевшими яркими рыбками, и над спинами китов. Ей хотелось найти нечто новое и неизведанное, то, что наверняка вот-вот покажется из-за обрамленного белой пеной края горизонта...

— Мэна? Вы с нами, принцесса? — Ясон, королевский наставник, оба брата и сестра — все смотрели на нее. Дети сидели на влажной траве. Ясон стоял перед ними, держа в руке старый фолиант. Другую руку он упер в бок. — Вы слышали мой вопрос?

— Само собой, ничего она не слышала, — сказал Аливер. Шестнадцатилетний, он был старшим из королевских детей и наследником престола. Недавно Аливер догнал отца по росту, и его голос начал меняться. На лице старшего принца застыло выражение беспредельной скуки; этот недуг поразил его год назад и лишь недавно начал сходить на нет. — Она думала о рыбках или о дельфинах.

— Ни рыбки, ни дельфины не имеют никакого отношения к нашему уроку, — заметил Ясон. — Итак, повторяю: над кем основатель династии Акаранов одержал победу при Галарале?

Этот вопрос она пропустила? Да кто угодно может на него ответить! Мэна ненавидела простые вопросы. Ей нравилось знать что-то, неизвестное всем остальным. Младший брат Даризл — и тот знает, кто был первым королем и что он совершил. А ведь ему только девять! Мэна поджала губы, и лишь когда Аливер раскрыл рот, как видно, намереваясь в очередной раз ее поддеть, она поспешно ответила:

— Эдифус был основателем династии. Он родился в суровые и темные времена в Озерных Землях и одержал победу в кровопролитной войне, охватившей весь мир. Встретился с вероломным королем Татом при Галарале и разбил его армию при помощи чародеев сантот. Эдифус был первым в династии Акаран, которая состоит из двадцати королев, и последний из них — мой отец. Сыновья Эдифуса — Таларан, Тинадин и Прайтос сражались за империю в нескольких кампаниях, известных как Войны Распределения...

— Хорошо-хорошо, — поспешно сказал Ясон. — Я не спрашивал о...

— Чайка.

— Что?

— Я была чайкой, а не рыбой и не дельфином. — Мэна скорчила Аливеру рожу, а потом с той же гримасой обернулась к Коринн.

Чуть позже, после нескольких бесплодных попыток вернуться к своим «птичьим видениям», Мэна начала прислушиваться к беседе. Теперь речь шла о географии. Коринн

назвала шесть провинций империи и даже умудрилась рассказать о тамошних правителях и особенностях местной политики. Майнланд располагался чуть севернее Акации; дальний север занимала сатрапия Мейн; Кендовийская Конфедерация находилась на северо-востоке, Талай — на юге, а горные племена Сениваля — на западе. Близлежащие острова носили название Архипелага Вуму и составляли последнюю провинцию, хотя она в отличие от всех прочих не имела централизованного управления.

Ясон расстелил на траве карту и велел детям прижать коленками края. Даризэл просто обожал карты. Он навис над ней и повторял все слова учителя, будто переводя их остальным. Дело продвигалось не быстро, и в конце концов Мэна потеряла терпение.

— А почему Акация в середине карты? — спросила она. — Если мир погибает, и у него нет краев, как ты говорил нам, Ясон, то как определить, где центр?

Коринн сочла вопрос глупым. Она посмотрела на Ясона, приподняв бровки, и презрительно изогнула губы. В свои пятнадцать девушка была очень хорошенькой и прекрасно об этом знала. С оливковой кожей и кругленьким личиком она была образцом акацийской красоты. Коринн многое унаследовала от своей покойной матери; по крайней мере так полагали окружающие.

— Ей положено быть в центре, Мэна. Все это знают.

— Кратко и доходчиво, — усмехнулся Ясон. — Однако Мэна задала хороший вопрос. Каждый народ считает себя лучшим. Первым, центральным и главным. Верно? Как-нибудь я покажу вам карты талайцев. Они рисуют их несколько иначе. И почему бы им не считать Талай центром мира? Они тоже великая нация...

Алиер фыркнул.

— Ты шутишь! Люди, которые едва научились носить одежду? Которые охотятся с копьями и поклоняются богам в зверином обличье? У них там до сих пор племенное управление — вожди и все такое. Да они не лучше дикарей из Мейна!

— А еще там слишком жарко, — прибавила Коринн. — Говорят, в Талае по полгода земля сухая, как пудра. Тамошним жителям приходится копать ямы, чтобы набрать воды.

Ясон признал, что климат Талая и впрямь суров, особенно на дальнем юге. Он понимал, что ученики всегда будут воспринимать окружающий мир с точки зрения жителей Акации. Неудивительно, учитывая, что Акацийская империя довлела над всем Изученным Миром.

— Мы избранный народ, — наконец сказал Ясон. — Но также мы и великодушный народ. Не следует презирать талайцев или любых других...

— А я и не говорил, что кого-то презираю. Каждый идет своим путем, и я, когда стану королем, буду уважать их. А теперь скажи мне, зачем тут лежит эта карта? Ты будешь чему-нибудь учить нас или нет?

Ясон уловил раздражение в голосе Аливера и коротко кивнул. Потом примирительно улыбнулся и сменил тему. Наставник никогда не забывал, что он всего лишь слуга. Иногда это казалось Мэне неудачным решением. Как они узнают что-то действительно важное о мире, если могут заткнуть учителя, просто повысив голос?

Урок продолжался. Дети слушали Ясона, более не перебивая, однако несколько минут спустя в дверном проеме показался отец. Лицо короля Леодана было смуглым, цвета дубленой кожи. Виски, присыпанные пылью седины, оттеняли темные волосы. Возраст и бремя королевских забот не пощадили его. Леодан подошел к детям, кивнул учителю, а потом обвел взглядом панораму острова.

— Ясон, — сказал он, — мне придется прервать ваш урок. Скоро прибывает делегация из Ошени, и несколько недель у меня почти не будет времени на детей. Сегодня я проснулся и подумал, как чудно было бы прокатиться верхом. Я собираюсь воплотить это желание в жизнь, и если дети хотят присоединиться ко мне, я буду рад.

Дети хотели. Не прошло и часа, как маленькая кавалькада выехала через узкие боковые ворота дворца. Юные принцы и принцессы сидели в седлах с четырех-пяти лет, и все были хорошими наездниками — даже Даризэл. Десять конных охранников следовали за ними на почтительном расстоянии. Вряд ли что-то могло угрожать королю на Акации, но монарху

часто приходится следовать традиции, оставшейся с незапамятных времен.

Они мчались на запад по высокой горной дороге. Время от времени она превращалась в узкую тропу, ограниченную с обеих сторон крутыми обрывами с поросшими можжевельником склонами. Тропа вела к морю. Колочие короны акаций возвышались над балдахином листьев и ветвей. Деревья дали острову название, а династии Акаран — ее официальный титул. Они были отличительной чертой этого пейзажа, уникального среди других островов Внутреннего моря, где акации никогда не росли.

В те времена, когда Мэна была совсем маленькой, деревья ее пугали. Они были покрыты шипами и наростами; в них присутствовало какое-то невозмутимое спокойствие, и вместе с тем казалось, будто акации хранят глубоко внутри искру жизни, скрытый разум, который они по непонятной причине таили от окружающего мира. Мэна привыкла к акациям лишь много позже. Старый, отшлифованный песком ствол поселился в комнате Дариэла, чтобы малыш мог играть на дереве и лазать по нему. Тогда Мэне стало легче. Если акации можно срубить, пересадить и превратить в детские игрушки — их не стоит бояться...

Всадники спустились к морю на южной оконечности острова. Отсюда открывался вид на залив; скалы вокруг в великом множестве населяли морские птицы. Лошади ступали между нагромождениями выбеленного солнцем плавника, а иной раз заходили прямо в воду цвета зеленого стекла, взбивая копытами пену. Аливер спрыгнул с седла и теперь кидал ракушки в волны. Коринн стояла на полусгнившем стволе огромного дерева, раскинув руки в стороны и обратив лицо к прохладному бризу. Дариэл охотился за крабами на песке.

Мэна шагала по правую руку от отца, пока он переходил от одного ребенка к другому. Он интересовался всем подряд, смеялся; самые простые вещи забавляли короля, когда он находился рядом с детьми. Мэна держала в руках ветку, проводя пальцами по изъеденной солью коре. Жизнь была именно такой, как надо. Мэна не задавалась вопросом, почему король, веселящийся в компании своих детей, вызывает удивление. Для нее это было естественно. Мэна не могла представить себе иного порядка вещей. Она, однако, задумывалась: видит ли кто-нибудь, кроме нее, напряжение, спрятанное за улыбкой отца. Леодан радовался искренне, но веселье давалось ему не без труда. Он горевал о той, кого не было с ними...

Вечером того же дня, вернувшись в теплый уют дворца, Мэна и Дариэл свернулись на кровати в ее комнате. Они ждали отца, обещавшего рассказать им историю.

Как все покои дворца, комната Мэны была просторной, с высоким потолком и полом из гладкого белого мрамора. В этой комнате не было ничего, что Мэна устроила бы по своему вкусу. Вот гнездышко Коринн в полной мере отражало пристрастия хозяйки — сплошь кружева, яркие ткани и мягкие подушки. Здесь же стояла старая мебель из твердого дерева с щекочущей кожу обивкой, а на стенах висели гобелены с изображением древних героев. Мэна могла перечислить деяния лишь немногих из них, но в присутствии этих людей она чувствовала себя в безопасности. Они смотрели на Мэну. В конечном итоге это люди ее отца. И ее собственные...

Леодан сел на табурет возле кровати.

— Итак, — сказал он, — сегодня я собирался рассказать вам о двух братьях и о том, как они поссорились. Жаль, что Аливер и Коринн уже переросли наши вечерние сказки. Когда-то им очень нравилась эта история, хотя она и печальная...

Давным-давно на свете жили два брата, Башар и Кашен. Они были так близки, что никто на свете не сумел бы их разделить. Лезвие ножа не прошло бы между ними. Братья очень любили друг друга. Как-то раз к ним явились люди из близлежащего поселения. Люди сказали, что прослышали о двух добрых и благородных братьях, и просят одного из них стать их королем. Существовало древнее пророчество, гласящее, что если у них будет король, он принесет народу благополучие и благоденствие. Эти люди много лет бедствовали и жили в нужде, они мечтали о короле, но никак не могли решить между собой, кто же должен им стать. В конце концов они обратились к добрым братьям, прося одного из них

принять титул. Братья спросили, могут ли они оба стать королями, но селяне ответили «нет». Только один человек может быть королем — так сказал пророк. Однако обоим братьям хотелось править. Пусть селяне сами выберут одного из них, сказали они, а второй согласится с этим решением. Втайне Башар и Кашей договорились, что через сто лет они поменяются ролями, и тот, кто был королем, уступит свое место брату.

Селяне выбрали Кашена и короновали его. Сто лет он благополучно правил подданными, и народ благоденствовал. Башар всегда был рядом с братом, и в первый день сто первого года он попросил Кашена отдать ему корону. Брат взглянул на него неприязненно. Кашен уже привык быть королем, и ему нравилась власть, которой он обладал. Башар напомнил о договоренности, но Кашен объявил, что знать ничего не знает. Услышав это, Башар рассердился. Братья повздорили. Кашен выгнал Башара вон, однако вскоре тот ощутил страх и стыд и убежал прочь из деревни, в далекие холмы. Здесь он и оставался, пока не освободился от любви к брату, а вместо нее наполнил свою душу злобой. Собрались грозовые тучи, из них хлынул дождь, и молнии то и дело озаряли небо...

Дариэл протянул руку и коснулся запястья отца.

— Это всё правда?

Наклонившись к нему, Леодан прошептал:

— Каждое слово.

— Им нужно было править по очереди, — сказал Дариэл сонным голосом.

— Башар догнал брата и ударил его посохом по голове. Кашен пошатнулся, но выдержал удар и напал на Башара. Тот снова взмахнул посохом и на сей раз подсек брату колени. Кашен упал на спину, а Башар схватил его, вздернул на ноги и поволок к обрыву. Ветер бил в лицо и завывал вокруг них, но все же Башар сумел добрести до края пропасти и скинуть брата вниз.

Однако Кашен не погиб. Он свернулся клубком и покатился по склону. Оказавшись внизу, Кашен встал и бросился бежать. Он пересек долину и вернулся с другой стороны. Кашен поднялся на вершину далекой горы, и тут с небес ударила молния. Она была такой ослепительно-яркой, что Башар зажмурился. Снова открыв глаза, он увидел, что молния попала в Кашена. Однако тот не упал на землю; тело Кашена дрожало и лучилось светом. Голубое сияние освещало его сгоревшую кожу и обугленную плоть, но Кашен не был мертв. Он снова кинулся бежать и мчался теперь еще быстрее, чем прежде. Делая огромные шаги, Кашен добрался до вершины горы и перескочил через нее, даже не оглянувшись на брата...

Мэна подождала, однако пауза все длилась и длилась. Тогда она спросила:

— Это конец истории?

Леодан шикнул и кивнул на Дариэла, показывая, что малыш уснул.

— Нет, — сказал он, осторожно взяв мальчика на руки, — но это конец истории на сегодня. Башар понял, что некое божество обратило взор к его брату и благословило его. Знал он и то, что им предстоит стать противниками в долгой и трудной войне. Они сражаются до сих пор.

Леодан выпрямился, держа на руках Дариэла.

— Иногда, если прислушаться, можно услышать, как они кидают друг в друга камни в горах.

Мэна смотрела в спину отцу, покуда он не вышел в дверной проем; желтые лампы в коридоре на миг осветили его, а потом отец исчез из поля зрения. Внезапно Мэне отчаянно захотелось окликнуть его, но она промолчала и лишь с трудом перевела дыхание, будто ей не хватало воздуха. Отчего-то ей показалось, что отец исчезнет в коридоре навсегда, и она больше его не увидит. Когда Мэна была помладше, она часто простела отца вернуться — снова и снова, и он сидел подле дочери, рассказывая ей истории, пока не терял терпение окончательно или пока Мэна не засыпала от усталости.

Она вдруг заметила, что изо всех сил стискивает простыни в сжатых кулаках. Мэна расслабила руки, пытаясь распространить спокойствие от кончиков пальцев по всему телу. Бояться нечего, убеждала она себя. Леодан беспрестанно повторял, что никогда ее не

покинет. Он обещал это с полной и непоколебимой родительской уверенностью. Почему же она не может просто поверить отцу? И почему желание поверить казалось неуважением к ее покойной матери? Мэна знала, что многие дети никогда не теряли родителей. Даже спящий Дариэл не помнил мать как следует и не особенно скучал по ней. Он ничего не знал об утрате. Так невежество иной раз оказывается благом. Ах, если бы только она родилась младшей вместо Дариэла!.. В глубине души Мэна догадывалась, что это недобрая мысль, нечестная по отношению к брату, но никак не могла отделаться от нее.

Глава 3

Едва войдя в комнату, Таддеус Клегг понял, что женщина едва не падает с ног от усталости. Она стояла спиной к двери, освещенная оранжевым светом камина, и темная тень от ее фигуры лежала на дальней стене. Женщина покачивалась из стороны в сторону, ее движения, ломанные и неуклюжие, выдавали смертельную усталость. Одежда была измята и неопрятна, словно у какой-нибудь крестьянки, но под слоями грязи Таддеус разглядел стальной блеск кольчуги. Шлем плотно облегал голову; единственным его украшением служил пучок желтоватых конских волос на макушке.

— Гонец, — проговорил Таддеус, — приношу извинения за то, что вам пришлось ждать меня стоя. Мои слуги соблюдают формальности даже в тех случаях, когда следовало бы обратить внимание на обстоятельства...

Женщина одарила его нелюбезным взглядом.

— Почему меня держат здесь, канцлер? Послание предназначено для короля Леодана. Я привезла его по приказу Лики Алайна, командира Северной Стражи.

Таддеус обернулся к слуге, маячившему за спиной, и приказал принести еды. Дождавшись, когда слуга исчезнет из комнаты, он жестом указал женщине на диван, но та села лишь после того, как Таддеус опустился на диван сам. Он разъяснил посланнице, что она находится здесь именно потому, что ее письмо адресовано Леодану. Будучи канцлером, он принимал всю королевскую корреспонденцию первым.

— Разумеется, вам об этом известно, — сказал Таддеус, и в его голосе проскользнул едва заметный упрек.

В свои пятьдесят шесть Таддеус был далеко не так красив, как в юности. Безжалостное солнце акацийского лета вытравило глубокие морщины на коже. Казалось, новые складки появлялись всякий раз, как он смотрел в зеркало. И все же, сидя в свете дрожащего огня камина, закутанный в темно-красный атлас своего зимнего плаща, Таддеус Клегг являл собой внушительное зрелище. Он выглядел именно тем, кем и был — опорой империи, доверенным лицом правителя самой могущественной страны Изученного Мира.

Таддеус был всего на несколько месяцев моложе Леодана Акарана. Он происходил из семьи, почти не уступавшей по знатности королевскому роду. Однако с самых ранних лет Таддеус усвоил, что его дело — служить будущему монарху, не заглядываясь на корону. Он стоял ближе всех к трону, был наперсником короля, первым человеком, которому Леодан доверял свои тайны. Таддеусу позволялось видеть короля таким, каким он представал лишь перед семьей. Он принял эту роль и статус с самого рождения — как и двадцать два поколения канцлеров до него.

Слуга вернулся с подносом, уставленным дымящимися тарелками. Здесь были теплые устрицы, анчоусы, виноград и два графина — с вином и с лимонной водой. Таддеус жестом предложил женщине отведать принесенные кушанья.

— Не будем спорить, — сказал канцлер. — Я вижу, что вы хороший солдат, а ваша одежда говорит о том, что вы проделали долгий и трудный путь. В Мейне сейчас, должно быть, отвратительная погода. Выпейте. Переведите дыхание. Вспомните, что теперь вы в Акании. А затем расскажите, с чем пожаловали.

— Генерал Алайн выражает...

— Да, вы уже говорили о Лике. Стало быть, вас направил сюда не наместник?

— Послание от генерала Алайна, — повторила женщина. — Он выражает восхищение и возносит хвалу нашему государю и четверым его детям. Генерал клянется в верности трону и просит, чтобы донесение было выслушано со всем возможным вниманием. Каждое слово его правдиво, даже если оно покажется невероятным.

Таддеус покосился на слугу, и тот поспешно покинул комнату. Затем канцлер произнес:

— Король слушает моими ушами.

— Хэниш Мейн собирается начать войну против Акации.

Таддеус улыбнулся.

— Сомнительно. Мейнцы не идиоты. Акацийская империя раздавит их как муравьев. Когда Лика стал таким...

— Господин канцлер, прошу меня простить, но я еще не закончила рапорт. — Казалось, посланницу огорчал этот факт. Несколько секунд она растирала мешки под глазами. — Мы имеем дело не с одним только Мейном. Хэниш заключил союз с людьми из-за Ледовых Полей. Они перешли крышу мира и направляются на юг, в Мейн.

Улыбка канцлера поблекла.

— Это невозможно.

— Господин, я клянусь своей правой рукой: они идут на юг тысячами. Мы полагаем, что их призвал Хэниш Мейн.

— Он сумел выйти за пределы Изученного Мира?

— Наши разведчики видели этих людей. Они очень странные. Дикие и воинственные...

— Иноземцы всегда кажутся дикими и воинственными.

— Они выше обычных людей более чем на голову и ездят верхом на шерстистых рогатых тварях, которые могут без труда растоптать человека. На юг идут не только воины; с ними женщины, дети и старики. Они тащат с собой огромные повозки, каждая — как движущаяся гора, и ее тянут сотни странных животных. Говорят, они везут осадные башни и всякое другое оружие и гонят стада скота...

— Вы описываете бродячих кочевников. Я тут вижу какой-то вымысел, основанный, полагаю, на том, что у страха глаза велики.

— Если это просто кочевники, то таких, каких еще не видывал свет. Они захватили город Ведус на дальнем севере. Я сказала: «захватили», но на самом деле они просто растоптали его. Взяли все ценное, что могли унести, и оставили за спиной руины.

— Почему вы решили, что Хэниш Мейн имеет к этому какое-то отношение?

Посланница в упор уставилась на канцлера. На вид женщине можно было дать не более двадцати пяти, однако ее старили следы усталости и перенесенных лишений. Таддеус всегда уважал женщин-солдат. Они, в общем и целом, были сделаны из более качественного материала, нежели средний мужчина. Посланница знала, что говорит, к ее словам следовало прислушаться.

Канцлер поднялся и указал на большую карту империи, висящую на стене.

— Покажите-ка мне, где все это происходит. Расскажите подробности.

Они проговорили два часа. Таддеус задавал вопросы, и с каждой секундой лицо его все более мрачнело. Женщина отвечала; она, несомненно, была уверена в своих словах. Глядя на карту, Таддеус представлял себе места, о которых шла речь — дикую заснеженную пустошь, обдуваемую ледяными ветрами. Никакая иная часть Изученного Мира не порождала столько проблем, сколько сатрапия Мейн. Это северное плато, где зима властвовала девять месяцев в году, было родиной суровых светловолосых людей, которые как-то умудрялись там выживать. Плато носило имя населяющего ее народа, однако мейнцы не были коренными жителями этих мест. Некогда они жили в Майн-ланде и на восточных окраинах Сенивальских гор и не так уж сильно отличались от древних акацийцев. Во времена первых королей династии Акаран племена вынуждены были переселиться на север и назвать эту неприятную землю своим домом. С тех пор сменилось двадцать два поколения. Примерно в то же время Акараны обосновались на Акации.

Мейнцы были воинственным и драчливым народом, таким же жестоким и суровым, как их земля. Они поклонялись пантеону злобных духов, называемых Тунишневр. Мейнцы необычайно уважали предков и строго блюли чистоту крови. Они брали жен только из своего народа и категорически запрещали межрасовые браки. Именно поэтому каждый мейнский мужчина мог с уверенностью сказать, что ведет свой род от благородных предков и вправе претендовать на трон. И любой мог получить этот трон, заслужив звание верховного вождя победой в смертельном поединке, называемом мазерет.

Такая система приводила к быстрым сменам лидеров, хотя каждому новому вождю еще предстояло заслужить уважение масс. Верховный вождь отказывался от прежней фамилии и принимал вместо нее название своего народа, демонстрируя, что является главным его представителем. Так Хэниш, сын Хеберена, сделался Хэнишем Мейном в тот день, когда выиграл свой первый мазерет и получил корону покойного отца. Тот факт, что Хэниш люто ненавидел Акацию, давно не был новостью — во всяком случае для канцлера. Однако сведения посланницы донельзя изумили его.

Таддеус настаивал, чтобы посланница не стеснялась в еде, и вскорости блюдо опустело. Слуга принес другое — на этот раз с твердым сыром, который следовало резать острым ножом. Канцлер отрезал по куску для себя и для гостьи, насадил свою порцию на кончик ножа и слушал донесение, задумчиво рассматривая собственное отражение в начищенном лезвии.

Женщина пыталась бороться со сном, но к середине ночи ее силы иссякли. Она едва могла поднять веки, которые закрывались сами собой.

— Простите канцлер, — наконец сказала она, — боюсь, я сейчас упаду. Впрочем, я все вам рассказала. Теперь мне необходимо получить аудиенцию у короля. Это послание предназначалось для него.

При упоминании о короле Таддеусу в голову пришла неожиданная мысль — вовсе не та, которая приличествовала бы случаю. Канцлер вспомнил один день прошедшего лета, когда он нашел Леодана в лабиринте дворцового сада. Король сидел на скамье в каменной нише, увитой виноградными лозами. Ниша и камень, в котором она была вырублена, являли собой остатки скромного древнего жилища первого короля. На коленях Леодана сидел его младший сын Дариэл, и они с увлечением рассматривали какой-то маленький предмет в руках мальчика. Когда канцлер приблизился, король поднял на него взгляд, полный веселого удивления.

— Таддеус, посмотри. Мы обнаружили насекомое с крыльями в пятнышках.

Он сказал это так, будто насекомое в пятнышках было самой важной вещью в мире. В тот момент Леодан сам казался ребенком, ровесником своему сыну. Более всего король нравился Таддеусу именно таким. Он любил этот светлый взгляд ясных глаз, еще не затуманенных мутной пеленой миста, как бывало по вечерам. Иной раз король Леодан казался самым скучным человеком на свете — но только не в те минуты, которые он проводил с детьми. Рядом с ними он становился наивным мечтателем, помнящим времена своей юности. Мудрым глупцом, который не уставал изумляться богатству и разнообразию мира.

— Канцлер?..

Таддеус очнулся, осознав, что по-прежнему сидит в своей комнате, в тишине. Посланница генерала отдалась своей усталости, как канцлер — чудесному воспоминанию. Он ощутил острый кончик сырного ножа, прижатый к пальцу, и проговорил:

— Леодан должен узнать обо всем незамедлительно. Генерал Алайн направил вас прямо сюда? Вы не передавали эти сведения наместнику?

— Мое послание предназначено государю, — коротко ответила женщина.

— Очень хорошо. — Таддеус потеревил мочку уха. — Подождите здесь. Я сообщу о вас королю. Благодарю за службу.

Канцлер поднялся на ноги и направился к выходу из комнаты. Он все еще держал в руках нож, словно в задумчивости позабыл положить его. Пройдя мимо посланницы,

канцлер обернулся и... перерезал ей горло от уха до уха. Он не был уверен, что оружие подойдет для подобного дела, и несколько перестарался. Однако все прошло как по маслу. Женщина упала лицом вниз, не издав ни звука. Несколько мгновений Таддеус стоял над ней, стиснув нож в кулаке. Все лезвие до самой рукоятки окрасилось темно-алым; кровь запачкала руку. Помедлив немного, Таддеус разжал кулак. Нож упал на ковер и замер в неподвижности.

Канцлер не был всецело предан королю, его верность простиралась не так далеко, как могло показаться. Теперь — впервые в жизни — он доказал это действием. Кровавым деянием. И ничего уже нельзя изменить. Жестокая правда обрушилась на него, и Таддеусу стоило немалых усилий успокоиться и направить мысли в нужное русло. Необходимо отослать слуг, чтобы привести в порядок комнату и убрать тело. Это займет весь остаток ночи, но ничего. Не придется даже выходить наружу. Под полом его комнаты располагались подвалы. Всего-то и надо, что стащить женщину вниз по винтовой лестнице, ведущей в подземелье. Затолкать труп внутрь, запереть дверь и оставить тело крысам, насекомым и червям. Кости никто никогда не найдет.

Ах, если бы все, что ему еще предстояло сделать, было так же просто!

Глава 4

Подобно всем отпрыскам знатных семейств, Аливер Акаран вырос в роскоши. Просыпаясь, он находил мягкие тапочки на полу у кровати и цветочные лепестки в тазике для умывания, наполненном ароматной водой. С самого рождения он ел только лучшую пищу, каждое блюдо было приготовлено самыми искусными поварами из самых качественных продуктов и отличалось великолепным вкусом. Никогда в жизни Аливер не ночевал холодными зимами в нетопленной комнате, не готовил сам себе ванну и не стирал одежду. Ему даже не случалось видеть, как моют посуду после обеда. Если бы Аливера попросили описать процесс починки одежды, стирки или уборки, ему бы пришлось выдумать все из головы. Мир, в котором жил Аливер, был устроен так, чтобы доставлять ему удовольствие. Тем не менее шестнадцатилетний принц частенько бывал сердит или обижен на весь белый свет.

Минула неделя с тех пор, как они катались по берегу вместе с отцом и остальными детьми. Нынче утром Аливер натянул кожаные тренировочные башмаки и повесил на плечо куртку для занятий фехтованием. Он вышел из комнаты, миновав стражников, которые изваяниями застыли у его двери, и зашагал по коридору. Чуть далее, выстроившись вдоль стены, стояли настоящие манекены. Эти фигуры, размером с взрослого человека, были вырезаны из сосны и невероятно походили на людей — вплоть до фактуры кожи и мельчайших изгибов плоти над костями. Изваяния стояли в разнообразных позах и были облачены в военные одеяния разных народов. Чернокожий талайский бегун с железным копьем в руках; сепивальский пехотинец в чешуйчатом доспехе с длинным мечом на поясе; конник Мейна в прочном стальном нагруднике под толстым плащом с разлохмаченными завязками, сшитым из толстой звериной шкуры; воин народа вуму, украшенный перьями орла... Стояли здесь и акацийцы, одетые в опрятную форму, — свободные, не мешавшие движениям штаны и великолепные кольчуги.

В комнате Аливера много вещей, так или иначе связанных с войной. Больше, чем хотелось бы королю. Леодан однажды сказал, что Акация будущего видится ему как мирная империя. Однако принц не обращал внимания на слова отца. Ему хватало раздоров и в каждодневном общении со сверстниками — и это было потруднее, чем спорить с королем. Леодан уже нашел свое место, ему более не нужно лезть наверх, расталкивая соперников, Аливер же только вступал в пору мужских испытаний. С точки зрения Аливера все, что получил Леодан, все, чего он добился, стало возможным благодаря мужеству и верности людей, носивших оружие. Именно армия позволила его предкам завладеть разрозненными, разобщенными землями и народами и сколотить могучий союз. Что еще, кроме военной

силы, помогло первым королям достичь такого единства? И что, кроме силы, до сих пор поддерживало этот союз?

Временами Аливер представлял себе, как отец разглагольствует перед толпами древних людей, пытаясь объяснить им преимущества мирного сосуществования. Да они бы прогнали его прочь от лагерного костра! Вышвырнули бы на холод, плюнули вслед и назвали бы трусом. А потом затеяли бы кровопролитную битву, выясняя, кому принадлежит мир. В этих фантазиях Аливер иногда приходил на помощь отцу с мечом в руке. Иной раз он просто смотрел. Нельзя сказать, что Аливер не любил отца. Он беспокоился о нем и ненавидел себя за подобные злые мысли. Они возникали помимо воли — равно как и странные плотские желания, которые с недавних пор не давали юноше покоя. Впрочем, все это не имело большого значения. Так или иначе, Акараны были великодушными государями и владели прекрасным королевством. Они правили двадцать два поколения и останутся у власти много дольше, если только это будет зависеть от Аливера. Вот почему он так упорно занимался боевыми искусствами.

Тренировочный зал марахов располагался в нескольких минутах ходьбы от дворца. Большую часть пути дорога шла вниз по склону холма. Перед Аливером открывался великолепный вид на остров — комплекс дворца, город под ними и безбрежное море. Домики вдалеке едва можно было рассмотреть. Ближайшие здания являли собой лучшие образчики акацийской архитектуры. Улицы спускались с террасы на террасу, приспособляясь к холмистой местности, сотворенной природой. За воротами виднелся изгиб главного тракта, люди на нем были размером с булавочную головку — не больше муравьев, ползущих по человеческой руке. Шпили домов нижнего города походили на швейные иголки, поставленные остриями вверх — такие крошечные, что, казалось, их можно зажать между двумя пальцами. Невозможно представить, что огромный город начался с простой крепости, возведенной Эдифусом — сторожевой цитадели, поставленной высоко на горе, чтобы осторожный монарх мог без помех оглядывать море вокруг острова. Эдифус еще опасался, что его недавно завоеванные земли могут обратить оружие против Акации.

Раскрасневшись от быстрой ходьбы, Аливер вошел в большой зал с колоннами, освещенный масляными лампами на стенах или треногах и световыми люками, вырезанными в потолке. Солнце бросало косые лучи на серовато-белые плиты пола. Запах горящего масла казался почти приятным по сравнению с угарной вонью печей, обогревающих огромное помещение.

Аливер поздоровался с наставниками и кивнул другим ученикам, вошедшим одновременно с ним. В основном это были молодые люди, хотя среди них затесалось и несколько девушек. Женщины в Акации могли тренироваться наравне с мужчинами. Вообще говоря, они составляли почти четверть имперской армии. В зал марахов, однако, допускались лишь дети аристократов, высокопоставленных чиновников и офицеров. Многие из них были агнатами — представителями знатных семейств, которые могли доказать свою принадлежность к роду Эдифуса.

Аливер знал, что прежние правители Акараны часто приближали к себе молодых сверстников из аристократических семей. Если верить слухам, его дед Гридулан не расставался с тринадцатью своими приятелями. Обедал ли он, спал, правил страной или женился — товарищи всегда были рядом. Что до самого принца — ровесники относились к нему с почтением, но близких друзей он так и не завел. Аливер старался не обращать на это внимания, находя удовольствие в независимости и привилегированном положении. Однако в глубине души он опасался, что все дело в его характере; с ним что-то не так...

В зал вошел Мелио Шарратт, и Аливер улыбнулся ему. Мелио был ровесником принца и единственным человеком, которого он мог бы, пожалуй, назвать другом. Разница в возрасте составляла всего несколько недель; открытая улыбка Мелио и его добрый взгляд притягивали Аливера с самой первой их встречи. Когда мальчикам было по десять лет, они, случалось, играли в прятки в лабиринте дворцового сада или выдумывали истории, в

которых один становился рассказчиком, а другой — главным героем. Речь в них, конечно же, шла о ратных подвигах и приключениях, сражениях с чудовищами и победе над злом. Аливеру было хорошо вместе с Мелио — много лучше, чем с любым ровесником. И все же, несмотря на привязанность к этому пареньку, принц никогда не подпускал его слишком близко. Ни его, ни кого бы то ни было еще. Мальчишки выросли, повзрослели, и с возрастом менялись не только их тела, но и чувства. Улыбка, которая когда-то казалась дружеской, ныне тоже переменилась, и ее истинное значение трудно было определить.

— Привет тебе, принц, — сказал Мелио. — Надеюсь, у тебя все благополучно?

— Не жалуюсь, — откликнулся Аливер, с преувеличенным интересом рассматривая что-то в дальнем конце тренировочного зала.

Мелио пятерней зачесал назад длинные пряди темных волос и — в точности как Аливер недавно — принялся разглядывать других учеников.

— Как успехи с Пятой Формой? Битеран показывал ее тебе на прошлой неделе? Если ты ее уже освоил, можно браться за копьё.

— Я выучу, — бросил Аливер. — Как насчет тебя? Если надо — могу помочь с Четвертой.

— Ты? — весело удивился Мелио. — Мой царственный наставник!

Его лицо могло бы остаться незамеченным в толпе, пока Мелио не начинал улыбаться. В такие моменты простоватые черты разом преображались. Это лицо было создано для радости и безудержного веселья, а красивые ровные зубы казались невероятно белыми в сочетании с оливковой кожей. Оба юноши знали, что в фехтовании они стоят на разных ступенях. Аливер имел право изучать более сложные формы марахов, нежели полагалось его сверстникам — таково было древнее установление. Мелио же предложили тренироваться в Элите, боевые приемы которой несколько отличались от стиля марахов. Элита была еще более узкой группой, куда принимали людей без различия статуса и социального положения; здесь имели значение только способности. Мелио пригласили в Элиту, и это значило, что наставники видели в нем настоящий талант.

— Гляди, вон Эфрон, — сказал Мелио. — Отлично дерется, кстати. Недавно уделал отца Карвера. Можешь быть уверен: это стало для старика большим сюрпризом.

Эфрон Анталар был на год старше большинства учеников и на голову выше. Аливер глянул в ту сторону, куда указывал Мелио, и увидел лохматую рыжую шевелюру Эфрона. Анталары тоже являлись агнатами Акаранов: между их семьями было заключено немало браков. В Эфроне текла кровь королей; по сути дела, он мог сосчитать ступени, отделявшие его от трона, на пальцах двух рук. Эфрон шагал по залу, окруженный толпой друзей и приятелей, которые из кожи вон лезли, чтобы привлечь его внимание. Молодой Анталар был много знатнее любого из них, и каждый, кто сумел бы завоевать его расположение, имел недурные шансы подняться повыше по лестнице статуса.

Проходя мимо Аливера, Эфрон поклонился, а спутники повторили его движение — более или менее старательно.

— А, принц, — сказал он. — Ну что, готов сразиться с призраками?

Аливер понимал, что имеет в виду Эфрон, и почувствовал укол обиды. Специфика его тренировок состояла в том, что после вступительной лекции Аливер отделялся от остальных учеников. Все прочие вставали в пары и молотили друг дружку затупленными или деревянными мечами. Хотя оружие не имело острой кромки, им можно было нанести весьма и весьма болезненный удар или укол. Аливер же сражался только с наставником, который обучал его классическим Формам. Учитель показывал выверенные до мельчайших деталей фехтовальные позиции и приемы, ставил руку, объяснял, как правильно дышать, как держать голову и куда смотреть. Вооружившись деревянными мечами, они обменивались медленными, плавными ударами, оттачивая навык. Поэтому Аливер всегда ощущал себя особенным. На тренировках он получал больше, чем остальные ученики. Впору было ему позавидовать... Так, во всяком случае, полагал принц, пока Эфрон не уничтожил его самодовольство одним-единственным вопросом.

— С призраками? — переспросил Аливер. — Я не верю в призраков, Эфрон. Зато я верю, что наставники знают, как наилучшим образом обучить фехтованию наследника престола.

— Угу. — Эфрон кивнул. — Видимо, знают. Ты прав, как всегда.

Он отошел от принца, обернулся к приятелям и возвел глаза к потолку, а потом что-то сказал молодым людям. Аливер не расслышал слов, а компания Эфрона двинулась дальше, весело перешептываясь на ходу.

Во время урока Аливер упорно пытался выкинуть Эфрона из головы. Занятия начались с лекции, которую сегодня читал второй инструктор — Эдвар. Это был крепкий мужчина с бычьей шеей и мощным торсом, чьи предки, по всей вероятности, происходили из Кендовии. Он рассказывал о парировании меча, о так называемых мягких блоках — защитной тактике, где боец отражает атаку противника с минимальными затратами физических сил. Такой прием довольно рискован, объяснял наставник, поскольку есть опасность недооценить силу врага. Однако это удобный маневр, поскольку можно использовать энергию противника для того, чтобы начать собственное движение. Вы словно опираетесь на оппонента, получаете преимущество в скорости и выигрываете инициативу. Так, сберегающий силы метод очень полезен, если предстоит долгая битва. Подобные приемы использовала Герта, когда сражалась с братьями Талаком и Талласом и тремя их волкодавами.

После лекции ученики разбились на пары, чтобы отработать Формы. Методика боя базировалась на наборах определенных движений, которые использовали древние герои в различных битвах. Первая Форма брала за основу поединки в Карни, где Эдифус сражался с вождем могущественного племени.

Вторая Форма повторяла приемы Элисс — воительницы из Ошени, убившей Каривенского Фанатика одним коротким мечом. Сами ошеницы не почитали Элисс за ее боевые подвиги так, как это делали акацийцы. Возможно, потому, что Каривенский Фанатик в Ошени тоже считался героем, защищавшим старую веру от безбожников, которых возглавляла Элисс.

Третья Форма принадлежала старому рыцарю Бетерни, отправившемуся в битву с «вилками демона» — коротким оружием вроде кинжала, снабженным длинными шипами по обе стороны клинка. В умелых руках они ловко ломали мечи врагов.

Далее шли другие Формы — каждая следующая сложнее предыдущей, и так до десятой, самой заковыристой, которая воспроизводила бой Теламатона с пятью последователями бога Рилоса. Аливер не знал, существовали ли на самом деле Теламатон, бог Рилос и пять его последователей, однако он был намерен когда-нибудь освоить и эту форму. Согласно легенде, Теламатон сражался безоружным, а вдобавок у него было вывихнуто плечо. Но даже в столь жалком состоянии он сумел поразить своих врагов ударами ног, которые герой наносил, высоко подпрыгивая в воздух.

Пока другие ученики постигали Четвертую Форму, Аливер, по традиции, работал над Пятой. Он изучал методы боя, которые жрец Адаваля применил в схватке с двенадцатью волкоглавыми стражами мятежного бога Андара. Принц как раз начал осваивать эти приемы. Большую часть урока он простоял столбом, держа в руках березовый посох, слушая наставника и пытаясь представить себе сцену, которую тот описывал. Разумеется, старый жрец возоблада над врагами, по очереди раскроив им черепа своим немудреным деревянным оружием.

Время от времени Аливер ощущал на себе взгляды других учеников. В иные моменты ему самому безумно хотелось обернуться и окинуть взглядом зал. Он смотрел на пары, сражавшиеся между колоннами — почти сотня юношей и девушек и причудливая игра мечей. Каждый старался достать клинком противника. Они получали от процесса немалое удовольствие. Слышался смех, веселые возгласы и шутливые обещания мести. Случалось, твердое ясеневое дерево било кого-нибудь по бедру или кололо в незащищенные ребра. Аливер никогда не страдал от таких ударов и ясно понимал это, когда вместо смеха и шуток слышались вскрики боли.

По окончании тренировки наставники напомнили ученикам, что мечи следует поставить на место. Как бы знатны ни были отпрыски аристократических семейств, они должны научиться уважению к оружию. Вновь смешавшись с толпой молодых людей, Аливер старался держаться естественно: обменивался веселыми репликами со сверстниками, отпускал шутки и ехидные комментарии. Но то, что у других, казалось, получалось само собой, ему давалось с огромным трудом.

Он почти ощутил облегчение, когда надел мягкие кожаные сапожки и подобрал с пола тренировочную куртку и башмаки. В дверях образовался затор, и Аливер остановился, пропуская других мальчишек. Тем временам Эфрон, сидевший на корточках неподалеку от двери, поднялся на ноги и шепотом сказал что-то своему приятелю. Он вроде бы старался понизить голос, но все же реплика была достаточно громкой, чтобы принц расслышал ее до последнего слова:

— Да уж, когда сражаешься с воздухом, проиграть невозможно. Впрочем, и победить тоже. Убей — не понимаю, для чего это нужно.

Дверь на улицу была всего в нескольких шагах, и Аливер мог оказаться за порогом всего через пару секунд. Однако он остановился и повернулся на каблуках.

— Что ты сказал?

— О, ничего, мой принц. Ничего особенного.

— Если имеешь ко мне какие-то претензии — скажи в лицо.

— Да я просто завидую тебе, вот и все, — отозвался Эфрон. — Мы все учимся фехтовать мечом, но ты ни разу не получал им по голове, как мы.

— Может, хочешь подраться со мной? Если думаешь, что мои тренировки хуже ваших...

— О нет. Разумеется, нет... — Эфрон пошел на попятный. Он покосился на приятелей, словно пытаясь понять, не перешагнул ли он опасную грань — или еще можно сделать пару шагов вперед. — Я не хотел бы поставить синяк на царственном теле. Твой отец, пожалуй, снимет с меня за это голову.

— Отцу твоя голова без надобности. Да кто сказал, что ты вообще сумеешь ко мне прикоснуться? И тем более поставить синяк?

Эфрон неожиданно погрустнел. Позже еще Аливер задумается об этой странности, но теперь, в горячке момента, он ничего не заметил.

— Не стоит нам драться, — сказал Эфрон. — Я не хотел нанести обиду. Тебя и правда учат не так, как нас. С другой стороны, тебе никогда и не придется участвовать в настоящей битве. Мы оба это знаем.

Эфрон говорил вполне искренне и дружелюбно, однако кипящий от злости Аливер углядел в его словах лишь оскорбление и насмешку. Принц повернулся и решительно шагнул к оружейной стойке.

— Мы будем сражаться по вашим правилам, — заявил он. — Деревянными мечами. Давай! Достань меня, если сумеешь. Даю слово: тебе за это ничего не будет.

Минутой позже двое юношей стояли друг напротив друга в кругу, образованном другими учениками; многие то и дело оглядывались, опасаясь, как бы не вернулся наставник.

У Эфрона был необычный стиль фехтования. Он двигался с обманчивым, непредсказуемым ритмом, то и дело меняя темп движений и направление удара. То он нападал и парировал в определенной манере, то вдруг расслаблял запястье, вычерчивая мечом в воздухе причудливые арки. Едва Аливер начинал понимать ритм и приспосабливаться к нему, как Эфрон менял стиль прямо на половине движения. Он присел, оказавшись на два дюйма ниже, режущий удар превратился в выпад. Только что рука двигалась сверху вниз, а в следующий миг метнулась вперед, стремясь нанести укол. Два этих движения, казалось, не имели ничего общего, одно из них никак не могло быть продолжением другого.

Некоторое время Аливеру удавалось держать противника на расстоянии и избегать ударов. Однако движения принца были более резкими и суматошными, чем ему хотелось бы.

Он дергался из стороны в сторону, елозил ногами по полу и тяжело дышал. Тело сделалось точно деревянным, мышцы сводило судорогой. Ясневый меч удобно лежал в руке, но принц понимал, что едва ли улучит удачный момент, чтобы самому нанести удар. Приходилось только защищаться. Аливер пытался вычленил среди движений противника что-то знакомое, известное по собственным тренировкам. Он сосредоточился на двенадцатом движении Пятой Формы, когда следовало ускользнуть от размашистого удара слева; шагнуть вперед и блокировать неизбежно возвращавшийся меч. Затем нужно толкнуть оружие оппонента вниз и вправо, подсесть колени и нанести режущий удар по диагонали, в правый бок. Таким приемом Эдифус взрезал тело врага — так, что вывалились кишки, а потом, когда противник согнулся пополам, без труда отрубил голову. Ненужная красивость, на самом деле, но Аливер частенько пытался представить себе этот бой во всем его великолепии.

Три раза Аливер начинал связку, однако Эфрон все время отступал и менял тактику. Затем он вдруг шагнул вперед и взмахнул мечом с такой скоростью, что Аливер съехал в ожидании неизбежного рубящего удара. Меч Эфрона слегка мазнул его по макушке. Если бы Эфрон ударил по голове в полную силу, Аливер скорее всего рухнул бы без сознания. Он услышал, как зрители возбужденно переговариваются, затем последовал взрыв смеха. Принц осознал, что прежде мальчишки наблюдали за ними в полном молчании — слышалось лишь возбужденное дыхание, шорох подошв по плитам пола и сухой треск сталкивающихся деревянных мечей.

Вскоре Аливер понял, что все время отходит назад, с трудом отмахиваясь от ударов. Ему нужно было свободное место, много свободного места. Он ожидал, что вот-вот врежется в зрителей, но те двигались вместе с ним, сохраняя круг. Они даже раздались в стороны, когда Аливер и Эфрон приблизились к колонне. Аливер ударился ногой о гранитное основание и на миг опустил меч, полагая, что это повод сделать паузу. А может, и вовсе прекратить схватку. Улыбнуться. Отшутиться. Никто не одолел противника. Ничья... Но Эфрон ударил. Его меч просвистел в дюйме от лица Аливера и стукнулся о колонну.

Принц выпрямился. Он вспомнил гнев, охвативший его перед боем. Эфрон — невежественный дурак! Не может быть, чтобы он сознательно ударил так, словно хотел разбить принцу горло. Аливер перехватил взгляд Мелио, стоявшего в противоположной части круга. На лице юноши ему почудилось сочувствие. Это разъярило принца. Ему не требуется сочувствие!.. Он вскинул меч над головой и резко опустил вниз, вложив в удар всю силу. Даже если Эфрон попытается блокировать, Аливер надеялся продавить его, используя инерцию и энергию своей ярости.

Эфрон, однако, предусмотрел все. Он ушел в сторону и сделал быстрый выпад. Укол пришелся Аливеру в плечо, как раз в место сочленения сустава и кости. Из этой позиции Эфрон сделал плавный разворот и нанес Аливеру — уже застывшему на месте от резкой боли — второй удар, в локоть. Будь в руках юноши настоящий меч, он отрубил бы Аливеру руку. Принц вскрикнул от боли, однако Эфрон еще не закончил. Он отступил, отдернув меч, а потом ринулся вперед, держа оружие перед собой. Затупленный кончик меча ударил Аливера в грудь. Принц и так уже корчился от боли в руке и плече, а сила последнего удара сбила его с ног и швырнула на мат.

Самодовольная улыбка озарила лицо Эфрона.

— Вы обезоружены, милорд. И вдобавок мертвы. Какой странный исход. Кто бы мог подумать?

Аливер поднялся, красный как рак и разозленный донельзя — более на себя, чем на Эфрона. Какое унижение! Он не стерпел насмешек Эфрона, вызвал его на бой и позорно проиграл. А хуже всего то, что он показал всем собравшимся свою досаду. Ни в коем случае не следовало этого делать. До сих пор его умения и навыки были загадкой; теперь все исчезло, сметенное несколькими ловкими ударами. Парни, окружившие Эфрона, хлопавшие его по спине, поздравлявшие с победой, смеялись над недотепой-принцем. Как он сможет снова прийти сюда и заниматься фехтовальным балетом, зная, что все ученики будут ехидно коситься на него, с трудом пряча насмешку?.. Мелио догнал принца на середине длинной

лестницы.

— Аливер! Подожди! — Дважды он пытался прикоснуться к локтю принца, и дважды Аливер яростно отталкивал его руку. Наверху лестницы Мелио обогнал принца, загородил ему дорогу и схватил за плечи, вынудив остановиться. — Брось! Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Не надо. Эфрон — ничто.

— Ничто? — переспросил Аливер. — Ничто?.. Если он ничто, кто же тогда я?

— Сын короля. Аливер, не уходи. Не надо себя жалеть. Думаешь, эта дурацкая стычка что-нибудь значит? Я тебе скажу... — Мелио чуть отступил, но не убрал ладоней с плеч принца, словно давая понять, что тот может уйти, однако не стоит этого делать. — Ладно, ты дерешься хуже Эфрона. Он хорош... Да постой ты! Не обращай на него внимания. Аливер, он же завидует тебе! Неужели ты не понимаешь? Вся его чванливость — сплошное притворство. На самом деле он мечтал бы оказаться на твоём месте. Да он глаз с тебя не сводит! Слушает каждое слово, сказанное тобой или о тебе. На уроках сидит в последнем ряду и смотрит тебе в затылок, словно хочет провертеть в нём дырочку.

— Что ты болтаешь?

— Я говорю, что Эфрон слабак. Он завидует тебе. Ты принц, и у тебя великолепная семья. У тебя красивая сестра... Ладно-ладно, шучу. Это правда, но я шучу. В будущем Эфрон может стать твоим врагом или лучшим другом, но сейчас не позволяй ему чувствовать себя победителем. Просто забудь всю эту историю, как будто её не было. — Мелио сделал рукой размашистый жест, указывая за спину Аливера. — Вернись завтра в зал, словно ничего не случилось. Дай Эфрону понять, что все его насмешки значат не больше, чем грязь на твоих сапогах.

С приближением сумерек воздух становился холоднее, и оба юноши вскоре это почувствовали. Мелио отпустил принца и растер ладонями голые руки. Аливер смотрел в сторону, в квадратик лилового неба между двумя темными силуэтами зданий. В небе мчались три птицы, быстрые, как выпущенные дротики.

— Да просто очень уж глупо все вышло, — услышал Аливер собственный голос. — Я, видно, с ума сошел, коли допустил такое. Ты не представляешь, как поганно я себя чувствую.

Мелио не стал спорить. Несколько секунд прошло в тишине, а потом оба юноши, поддавшись холоду, двинулись к следующему лестничному пролету и неторопливо зашагали вверх.

— Любой может случайно проиграть в поединке, и ребята отлично это знают. Но сколько из них сумело бы... — Мелио помедлил, отыскивая слова поделikatнее. — Кто из них сумел бы опозориться — а потом найти мужество, чтобы наплевать на все? Может, они не понимают, но это тоже способ показать свою силу. И не кривись, тебе не идет. Аливер, ты действительно хороший боец и выполняешь Формы лучше всех остальных. Проблема в том, что ты знаешь только Формы. В настоящей схватке нужно еще уметь применять их по назначению, компоновать вместе, складывать комбинации в одну секунду, не думая. Нужно добиться того, чтобы Формы получались сами, очень быстро. Все происходит не в мозгах, не осознанно. Ну, вроде как ты роняешь нож со стола и ловишь его прежде, чем он падает на пол. Ты не думаешь, получается само собой. Так же надо поступать и в бою. И тогда твое сознание освободится для других вещей. Можно прикинуть, как половчее выпустить противнику кишки.

— И когда ты успел стать таким мудрым? — сердито спросил Аливер.

Мелио поднялся до конца лестницы и обернулся к принцу. Он ухмылялся.

— Я прочитал все это в книжке. И еще я знаю несколько стихов. Девчонкам нравится. А теперь послушай: мы будем иногда фехтовать. Возможно, тебе придется несладко, но мы будем учить друг друга. Может, поработаем с Четвертой Формой, как ты предлагал. Рано или поздно дело пойдет на лад. Что скажешь?

— Посмотрим, — ответил Аливер.

Он уже знал, какой даст ответ, но не готов был сдаться так легко.

Глава 5

На сей раз это были не просто слухи о бесчинствующей толпе мародеров. Не просто доклад о разрушении Ведуса. Те истории казались изрядно преувеличенными, и генерал Лика Алайн спокойно игнорировал их. Но теперь ситуация оказалась совсем иной: весь патрульный отряд пропал где-то среди снежных просторов Мейна. Подобное событие не имело простого объяснения. Там, снаружи, действительно что-то происходит.

Генерал потерял сон и аппетит; он уже не мог думать ни о чем другом, кроме странных теней, прячущихся в белом безмолвии. Алайн направил гонца к королю, чтобы сообщить факты, которыми располагал, но знал, что не может спокойно сидеть, дожидаясь ответа. Лика Алайн должен был сделать все, что только в его силах.

Генерал выгнал свою армию из уютного тепла цитадели Катгерген и повел ее через сумрачный свет северной зимы, по заледеневшей коже мейнского плато. К востоку от Мейна простиралась огромная тундра — бесприютная местность под названием Пустоши. Земля здесь холмистая и неровная, лишенная деревьев, поскольку местные леса вырубili много веков назад, и Пустоши насквозь продуваются холодными злыми ветрами. Ходить по ним непросто даже в теплое время года, а уж зимой такое путешествие становится настоящим испытанием.

Сани, запряженные собаками, несли лагерное снаряжение и провиант. Еды было достаточно, чтобы кормить пять сотен человек по крайней мере полтора месяца. Солдаты шли пешком, топча снег тяжелыми сапогами. Они носили шерстяную одежду, тяжелые плащи из шкур животных и теплые варежки из кроличьего меха. Оружие было привязано к телу, чтобы не мешать движению.

Без особого труда армия преодолела путь, отделявший Катгерген от аванпоста Хардит, и на два дня встала лагерем вокруг него — к нечаянной радости местных солдат. Гарнизону Хардита вменялось в обязанность следить за передвижениями на дороге, но по большому счету все их существование в этом отдаленном форте было каждодневной борьбой за выживание.

Апанпост находился на западной границе Пустошей. Дальше на запад простирались безлюдные земли, пересеченная местность, где еще встречались участки, поросшие хвойным лесом.

На третий день пути, после того как армия покинула Хардит, с севера налетела жестокая снежная буря. Она напала как разъяренная росомаха, прижала людей к земле и попыталась разорвать их на части. Они потеряли дорогу и целые сутки пытались отыскать ее. Безрезультатно. Снег ложился высокими сугробами, ветер перекатывал их туда-сюда, словно океанские волны, и ориентироваться было решительно невозможно. Равно не могли они отыскать дорогу ни по солнцу, ни по звездам. Лика приказал своим людям двигаться, используя счисление пути. Это был утомительный процесс, во время которого большая часть армии подолгу оставалась на одном месте. Безрадостная перспектива в подобных погодных условиях.

Каждый вечер генерал Алайн выбирал место для лагеря рядом с каким-нибудь естественным прикрытием: возле цепи холмов или в лесу — если удавалось отыскать его в одной из низин. Солдаты вынимали из саней топливо и устанавливали преграды для ветра. Когда огонь костров разгорался как следует, в них кидали целые древесные стволы. Потом вся армия собиралась вокруг этих ярко пылающих костров, лица краснели и покрывались потом, глаза слезились от дыма, даже если ветер дул в спину. Но как бы ни силен был огонь по вечерам, за ночь он неизбежно угасал. Зола и уголья заносило снегом. Утро встречало людей трескучим морозом; солдаты тратили долгие часы, разыскивая друг друга под снегом и понуждая собак двигаться дальше.

На двадцать второй день пути они проснулись от жгучего ветра, дующего с севера. Кристаллики льда облепили одежду и кололи лица, будто острые осколки стекла. Едва армия оставила лагерь, как вернулся один из разведчиков головной колонны и кинулся к генералу с

докладом. Солдат, впрочем, не сумел сказать ничего вразумительного. Местность впереди была плоской, как тарелка — насколько он мог судить. Разведчик полагал, что следует повернуть и двигаться вниз под уклон, который привел бы их к Тахалиану. Однако кое-что встревожило его. Какой-то звук в воздухе и промерзшей земле под ногами. Солдат слышал его лишь потому, что отошел далеко от армии, куда не долетал шум ее передвижения. Вдобавок ему казалось, что собаки тревожатся; очевидно, они тоже слышали эти странные звуки.

Генерал наклонился поближе к разведчику, чтобы тот разобрал его слова за ревом ветра.

— Какой такой звук?

Разведчик замялся.

— Будто дыхание...

— Дыхание? Что за чушь? Какое еще дыхание в такую погоду? У тебя проблемы со слухом.

Генерал протянул руку, точно намереваясь откинуть капюшон солдата и проверить, на месте ли у того уши. Разведчик не сопротивлялся; казалось, он и сам не в восторге от собственного ответа.

— ...Или сердцебиение. Я не уверен, сэр. Оно такое...

Генерал никак не продемонстрировал, что считает сообщение особенно важным, но через некоторое время отошел в сторонку от своих офицеров, чтобы поразмыслить в одиночестве. Даже если рассказ солдата вызван проникшей в него болезнью, не следовало приуменьшать опасность. Разведчики замечают множество неочевидных вещей. Возможно, они могли бы выяснить, где находится армия, или вернуться по собственным следам к месту последней лагерной стоянки, где еще остался небольшой запас топлива для костров. Возможно, имеет смысл переждать там бурю и даже раздать дополнительный паек из запасов продовольствия, если возникнет нужда. В конце концов, армия находилась где-то неподалеку от Тахалиана. Даже если Хэниш Мейн замыслил недоброе, он не осмелится сейчас выступить открыто. Он будет вынужден принять армию Алайна и притворяться верным подданным империи...

Генерал стоял на самом краю колонны. Видимо, именно поэтому он и слышал звук — если слово «услышал» вообще было здесь применимо. За спиной шумело войско, скрипел снег под ногами, шуршали полозья саней. Нет, если он и слышал — то не ушами. Скорее уж Алайн почувствовал звук — низкую вибрацию, которая словно эхом отдавалась в груди. Он отошел от колонны еще на несколько шагов и опустил на одно колено. Кто-то из офицеров окликнул его, но генерал отмахнулся сжатым кулаком, и офицер замолк. Лика встал на колени, стараясь снова уловить звук; он попытался отрешиться от всех прочих шумов — воя ветра и шороха капюшона, трещащего о волосы. Прошло несколько минут, и генерал обнаружил то, что искал. Слабый звук, однако он был. Похож на дыхание, в самом деле. На сердцебиение, да... Разведчик не лгал. В этом звуке был ритм — равномерный и повторяющийся. Генерал пытался понять...

Он выпрямился и приказал войскам строиться, сомкнуть щиты и приготовить оружие. Велел лучникам достать стрелы с тяжелыми наконечниками, для которых ветер не станет помехой. Отдал приказ возницам собрать сани в середине колонны и загнать туда же собак. Тот самый офицер, который окликал генерала, спросил, что же он услышал, и Лика коротко бросил:

— Барабан.

Армия выстроилась в боевые порядки. Пятьсот пар глаз напряженно смотрели на север, где по-прежнему яростно бушевала буря. И тогда все услышали звук...

Прошел час. Они стояли недвижно, вслушиваясь в далекий ритм. Звук бился и пульсировал где-то за ветром, который теперь стал еще сильнее. Тяжелые хлопья снега мгновенно покрыли плащи, шерстяные края одежды, щиты и уже не таяли на лицах — так холодна была кожа людей. Солдаты превратились в белые статуи. Генерал стоял

неподвижно, слушая далекий рокот, который, казалось, звучал в такт с биением сердца. И тем сильнее было его изумление, когда звук прекратился. Просто исчез. От неожиданности Ли́ка на миг перестал дышать. А затем он понял, что совершил ошибку. Где бы ни был этот барабан, он стучал много больше часа. Возможно, дни или даже недели — прежде чем они сумели расслышать его. Как можно было быть столь беспечным?..

Впрочем, генералу не дали времени поразмыслить над этим вопросом. Тварь выскочила из-за снежной завесы и кинулась на него. Огромный зверь, рогатый и покрытый шерстью, нес на себе всадника. Человека, закутанного в шкуры и меха, с копьём в воздетой руке. Всадник издал яростный вопль. Его скакун вломился в ряды людей как раз со стороны генерала и его охраны. Он прорывался сквозь колонну, не обращая на солдат никакого внимания. Одних зверь растоптал, других раскидал в разные стороны, не снижая скорости и не меняя курса. Тварь пропала из поля зрения на противоположном конце колонны — так же быстро, как и появилась.

Ошеломленный, генерал замер, созерцая жуткую картину. Десяток погибших и вдвое больше раненых, которые корчились на снегу, окрашивая его кровью.

Чья-то рука легла ему на плечо. Генерал повернулся и увидел именно то, что ожидал: всадник был не один. Остальные возникли в единый миг, выскочив из-за пелены бурана. Их было невероятно много. Странные люди, каких генерал никогда прежде не встречал. Этот кошмарный рой будет последним, что он увидит в своей жизни, подумал Ли́ка. Теперь генерал понял, что даже если его послание дошло до Акации, оно было отнюдь не полно. Король и жители империи и не представляют, какая жуткая угроза движется на них с севера.

Глава 6

Был поздний вечер, когда Леодан Акран услышал шаги в своих покоях. Он даже не поднял взгляда. Король и без того знал, кто к нему явился. Твердая походка канцлера имела свой собственный, особый ритм. Леодан полагал, что виной тому легкая хромота в правой ноге Таддеуса. Незадолго до его прихода слуга как раз зажег для короля трубку с мистом и неслышно исчез. Острый запах наркотика был сейчас единственной вещью, которая имела значение для Леодана. Призрак вцепился ему в затылок и провисел так весь день. Голод... Он виделся королю похожим на летучую мышь. Тварь прилипла к голове; ее острые когти — тонкие словно изогнутые иглы, проткнули кожу и нашли точку опоры, ухватившись за череп. Тварь появилась утром, во время совета; она оставила его на час, который король провел вместе с Коринн, затем снова вернулась. Когти, ставшие еще более острыми, не отпускали весь вечер. Они покалывали Леодана во время ужина и больно скребли по черепу, пока он укладывал в постель Дариэла.

Дариэл попросил рассказать историю, и Леодан скривился. Недовольная гримаса на его лице возникла всего лишь на миг, а в следующую секунду король уже пожалел об этом. Мальчик ничего не заметил, но это напомнило Леодану о злых мыслях, от которых он не мог избавиться даже в компании детей. В таких случаях Леодана всегда охватывал жгучий стыд. Где бы он был без своих ребятишек? Без Мэны, которой до сих пор (быть может, у него осталось лишь несколько драгоценных месяцев) нравилось слушать его истории. Без Дариэла, свято уверенного, что папа знает все-все на свете... Без них Леодан был бы пустой раковиной. Позор на его голову, если он допустит, чтобы хоть минута, проведенная с ними, прошла в раздорах. Он рассказал Дариэлу историю, а потом еще несколько секунд стоял перед дверью сына, слушая его ровное дыхание и укоряя себя за слабость.

Все это было немного ранее. Теперь мукам Леодана пришел конец. Трубка лежала перед ним на низком столике — замысловатая вещица, составленная из продолговатых стеклянных сосудов, полостей с водой и кожаных шлангов. Один из них король держал сейчас за кончик двумя пальцами. Он положил его в рот, слегка сжав зубами, и осторожно вдохнул. Затем, распробовав горьковатую, гниlostную сладость миста, втянул его в горло. Трубка клокотала и шипела. Леодан наклонился вперед и прикрыл глаза. Он знал, что

канцлер стоит рядом, но не обращал на него внимания. Это не имело значения. Здесь не было ничего, что Таддеус не видел бы раньше.

Наконец Леодан откинулся на подушки дивана и неторопливо выдохнул струйку зеленоватого дыма. Тварь у него на затылке один за другим вынимала свои когти. Она поблекла и растворилась, унеся с собой тяжесть, которая целый день давила на голову, словно гранитный колпак. Окружающий мир казался нечетким и размытым. Колючки исчезли без следа. Теперь Леодан ощущал тихое спокойствие и теплое чувство единства с миллионами людей по всей империи, связанными с ним тем же самым наркотиком. Крестьяне и кузнецы, городские стражники и мусорщики, рудокопы и работоторговцы — здесь все они были одинаковы, и все были равны.

Король открыл мутные глаза, покрытые сеткой красноватых сосудов.

— Какие новости, канцлер?

Таддеус сел на ближайший диван, закинув ногу на ногу. В руке канцлер держал бокал портвейна, зажав его между большим и указательным пальцами. Некоторое время Леодан тупо смотрел на бокал, замороженный движением жидкости в нем — медленно вращавшейся оттого, что Таддеус слегка взболтал портвейн. Он рассеянно слушал доклад канцлера о подготовке к приему ошенийской делегации. Хотелось бы, говорил Таддеус, произвести впечатление на иноземцев, показав им силу и богатство; но вместе с тем и выказать дружеские намерения. Впрочем, не переборщив. Коль скоро ошеницы подтвердят, что признают гегемонию Акации, мы сможем ответить согласием на их просьбу. Если такова будет королевская воля.

Леодан кивнул. Лично он не имел ничего против. Однако уже несколько раз Ошения вступала в альянс с Акацийской империей и затем расторгала все договоренности при малейшем несогласии между ними. Если имеющиеся у него сведения о молодом принце Игалдане соответствуют действительности, то теперь дело должно пойти на лад; но было еще несколько аспектов подобного союза, о которых не хотелось думать. Король сменил тему, однако неприятные вопросы в его голове никуда не исчезли.

— Недавно Мэна расспрашивала о Воздаянии.

— И что ты сказал?

— Ничего. Зачем девочке знать, что в ее жилах течет кровь убийц? Это было давно, и мы изменились.

— Ты прав, это было давно, — задумчиво откликнулся Таддеус. — Двадцать два поколения... Разве ребенок сумеет осознать такие масштабы?

Король, между тем, вспомнил, что когда Мэна задала этот вопрос, он увидел в глазах дочери странное выражение. Казалось, она не готова безоговорочно принять на веру его слова. Что ж, очень мудро с ее стороны. Ведь он лгал ей — от первого и до последнего слова. Воздаяние давно не имеет никакого значения для нашей жизни?... Вопиющая ложь, произнесенная с непоколебимой уверенностью. Сколько пройдет времени, прежде чем он лишится возможности держать все втайне? Ведь не одна только Мэна задавала вопросы. Все чаще Леодан видел неуверенность и недоверие в глазах Аливера... Рано или поздно плотина рухнет...

Канцлер, меж тем, продолжал доклад:

— Совещательная комиссия созывает наместников, чтобы договориться о совместных действиях на случай, если рудокопы Прайоса сплотятся против...

— Я должен этим заниматься? Терпеть не могу рудники.

— Ладно. Пусть наместники разбираются сами. Впрочем, есть один вопрос, который они не сумеют утрясти без нашей помощи. — Таддеус пожевал губами и дождался, когда король поднимет на него взгляд. — Представители Лиги желают знать, действительно ли вы готовы отказать Лотан-Аклун в их требовании повышения Квоты.

Этих слов было более чем достаточно, чтобы выдернуть Леодана из сонного умиротворения. Лотан-Аклун и договор под названием «Квота»... Грязное дело, омерзительное тайное соглашение империи Акаранов... Леодан вдохнул дым. В глубине

души он очень хотел, чтобы комиссия разобралась и с этим делом. По правде сказать, совет представителей провинций, заседавший в Алесии, решал очень много вопросов, связанных с экономикой Акации. Однако Тинадин — один из первых королей, бывший во многих смыслах главным строителем империи Акаранов, — написал пункты Квоты просто и ясно. Контроль, власть, ответственность — все ложилось на плечи монарха. Секрет был известен многим, но в полной мере владел информацией только он один. Вопросы о Квоте решались во дворце. Для нее существовала отдельная статья бюджета, и никакие иные власть имущие, кроме самого короля, не имели к ней касательства. Об этом не говорилось вслух — кроме как в очень узких кругах. А само дело крутилось далеко отсюда, и даже король не мог видеть всех колесиков механизма. Сколь бы пытливым ни изучал Леодан древние тексты, подробности распределения ресурсов оставались для него темным лесом. Общий смысл, впрочем, был понятен.

Тинадин унаследовал трон, завоеванный его отцом, и пережил своих братьев. А затем обнаружил, что ему грозит война на несколько фронтов. В истории эти сражения сохранились под наименованием Войн Распределения. То были смутные, беспокойные времена. Хаучмейниш из Мейна, бывший союзник Тинадина, стал его врагом. Более не доверял он и некогда преданным магам — сантот. Мятежи в провинциях вспыхивали один за другим — как пожары на акацийских холмах в летний зной. Его собственное восприятие мира было искажено и пугало Тинадина. Он жил, зная, что любое слово, сорвавшееся с губ, может изменить ткань мироздания. Тинадин тоже был сантот — сильнейшим среди них, но бесконтрольная магия стала пыткой для короля. И самой тяжелой его ношей.

Вот тогда-то и появилась новая угроза, пришедшая с другого берега Серых Валов. Тинадин быстро уяснил, что эта сила намного превосходит его собственную. Сила звалась Лотан-Аклун. Они явились из Иных Земель, что лежали за пределами Изученного Мира, отделенные от него огромным океаном. Лотан-Аклун никогда не показывали своих возможностей, но объявили о них, а королю в тот момент менее всего был нужен еще один враг. Он предложил мир, торговлю и обоюдную выгоду. Лотан-Аклун с готовностью согласились. Однако поставили собственные условия, которых Тинадин никак не ожидал.

В то время договор казался полезным. Лотан-Аклун обещали не нападать на опустошенные войной земли и вести торговлю с Акаранами. По условиям соглашения Акацийская империя должна была каждый год поставлять Лотан-Аклун полный корабль детей-рабов — не задавая вопросов и не принимая более никакого участия в их судьбе. Взамен они обязались снабжать Тинадина мистом. Король вскоре поймет, уверяли Лотан-Аклун, как полезен этот инструмент для умиротворения беспокойной империи...

Мелкие детали утрясли позднее, но договор был заключен. С тех пор тысячи детей из всех уголков Изученного Мира грузились в корабли и отплывали за Серые Валы. А миллионы людей по всей Акацийской империи, позабыв прежнюю жизнь, работу, мечты, всецело отдавались во власть мимолетных видений, даруемых мистом. Тем самым наркотиком, который Леодан вдыхал нынче ночью. Такова была правда Акации...

— Требование? — наконец спросил Леодан. — Ты сказал, требование?

— Судя по их тону, да, милорд. Именно так. Насколько я понимаю, Лотан-Аклун весьма и весьма уверены в себе.

— Самоуверенность лотанов — не новость, — заметил Леодан. — Отнюдь не новость... Они уже забрали души моих людей. Что им еще надо? Лотан-Аклун не лучше любого другого сброда, который нас окружает. Рудокопы, купцы, сама Лига. Никто не довольствуется тем, что имеет. Я никогда не видел ни одного лотана, но отлично их знаю... Пусть Лига передаст мой ответ. Квота останется прежней. Договор был заключен навечно задолго до моего рождения. Именно такой, каков он есть. И не будет никаких изменений — ни сейчас, ни в будущем.

Леодан сказал это твердой уверенностью окончательного решения, но тишина, повисшая в комнате после его слов, не понравилась королю.

— Есть еще один вопрос, который нам нужно обсудить, — сказал Леодан. — Нынче

утром я получил письмо от генерала Алайна из Северной Стражи. Он послал его на имя одного купца из нижнего города, а тот передал мне через слуг. Довольно-таки необычный способ...

— Да, очень странно. — Канцлер откашлялся. — И что же этот вояка желал сообщить?

— Непонятное письмо, Таддеус. Оно кажется полным смысла, но смысл этот ускользает от меня из-за скудности деталей. Генерал спрашивает, прибыл ли ко мне гонец, которого он отправил немного ранее. Некто лейтенант Сзара. Судя по всему, посланница должна была передать мне какие-то печальные сведения.

Таддеус в упор посмотрел на короля.

— И ты получил такое письмо?

— Ты знаешь ответ. Оно должно было пройти через твои руки.

— Совершенно верно. Однако я впервые о нем слышу. Лика изложил хоть какие-нибудь подробности?

— Нет. Он не доверяет бумаге.

— И правильно делает. То, что написано, может прочитает кто угодно.

Леодан посмотрел на канцлера и некоторое время изучал его тяжелым взглядом — затуманенным наркотиком, но все еще сосредоточенным. Лицо оставалось невозмутимым, однако лоб короля прочертила глубокая складка, выдававшая его беспокойство.

— Да, может быть... Странно, почему он решил писать мне, а не наместнику. Конечно, Лика недолюбливает Риалуса Нептоса... Я тоже, к слову сказать. Знаешь, этот Нептос пишет мне по меньшей мере дважды в год. Рассказывает о своих талантах и намекает, что неплохо было бы отозвать его из Мейна и назначить на какой-нибудь пост в Акации. Можно подумать, я сплю и вижу, как бы пристроить Нептоса ко двору. Он напоминает, что происходит из знатного акацийского рода, уверяет, что климат Мейна пагубно влияет на его здоровье. Тут в общем-то не поспоришь. Мейн — гадкое место... Ладно, в общем, Лика желает пообщаться со мной напрямую. Очень любопытно. Где же эта Сзара?

Таддеус пожал плечами.

— Не знаю. И в мирные времена случаются неприятности. Середина зимы. Здесь это не так заметно, но в горах Мейна погода, должно быть, сущий кошмар. Как она собиралась ехать в Акацию? Верхом или по реке Аск?

— Понятия не имею.

— Я разберусь, — заявил Таддеус. — Покамест выкинь это из головы, а я погляжу, что к чему. Отправлю к Лике посланников. С твоего позволения, я дам им полномочия королевских гонцов, чтобы им не чинили препятствий в пути и везде обеспечивали свежими лошадьми. Мы все узнаем самое позднее через месяц. А может, и раньше, если они поедут через Ошению. Максимум двадцать пять дней.

Таддеус замолчал, ожидая ответа короля. Леодан что-то неразборчиво пробурчал.

— Сам увидишь: наверняка ничего серьезного. Лика всегда был перестраховщиком, если только речь заходила о Мейне, но его опасения ни разу не оправдались.

— Теперь все иначе, — заметил король. — Хеберен Мейн был разумным человеком, однако он мертв. Его сыновья из другого теста. Хэниш амбициозен. Помню, я видел его мальчишкой, когда он приезжал на остров. И я видел его глаза... Маэндер — тот просто чистая злоба, а Тасрен — загадка. Мой отец всегда говорил: мейнцам ни в коем случае нельзя доверять. Я поклялся ему, что никогда не совершу подобной ошибки. Ты сам всегда советовал мне быть осторожнее. Мы с тобой старались предусмотреть все возможные проблемы, помнишь?

Таддеус кивнул.

— Конечно. Ведь это моя работа. В юности я повсюду видел опасность. Но Акация никогда не была сильнее, чем сейчас. Вот что я хотел сказать, друг мой.

— Знаю, Таддеус. — Король обратил взор к потолку. — Скоро я возьму детей, и мы отправимся в путешествие. Объедем все провинции империи. Я попытаюсь убедить народ в том, что я добрый и великодушный король, а народ попытается убедить меня в том, что они

верные подданные. Возможно, иллюзия продержится еще некоторое время... Как думаешь?

— Звучит недурно, — отозвался Таддеус. — Дети будут в восторге.

— Разумеется, их «дядюшка» поедет с нами. Они ведь очень любят тебя, Таддеус.

Канцлер немного помолчал.

— Такая честь слишком велика для меня.

Леодан сидел, так и эдак вертя в голове слова Таддеуса. В них было что-то приятное, теплое — если отрешиться от первоначального контекста. Однажды он сказал нечто подобное Алире. Как же?... «Твоя... любовь слишком велика для меня». Да, верно. А почему он так сказал? Да потому, что это была правда, само собой. Леодан исповедался перед ней вечером накануне их свадьбы. Он выпил слишком много вина и выслушал слишком много хвалебных речей. Ему стало тошно, он просто не мог более выносить всего этого. Потому Леодан оттащил свою нареченную в сторону и сказал, что она должна узнать о нем некоторые вещи, прежде чем они поженятся. Леодан признался ей во всем, что знал о преступлениях Акранов — и древних, и тех, что были совершены во времена его отца, и тех, которые совершались до сих пор. Он вывалил все это со слезами на глазах, патетично и даже злобно — уверенный, что Алира отшатнется в ужасе. Почти надеясь, что она с омерзением отвергнет его. Любая добрая женщина именно так и поступила бы, а Леодан не сомневался в доброте своей нареченной.

Как же изумлен он был тогда ее ответом! Алира подошла к нему, придвинула красивое большеглазое лицо. На нем не было ни следа удивления, отвращения или осуждения. «Король — лучший и худший из людей, — сказала она. — Ну конечно же. Конечно». Их губы встретились; она целовала Леодана страстно и жадно, так, что у него перехватило дыхание. Может быть, именно в тот момент они на самом деле стали мужем и женой. В миг полного понимания и согласия. Теперь Леодан не мог бы сказать, какой аспект ее любви притягивал его более всего. Может быть, то, что Алира могла простить ему все, и любить, по-прежнему считая добрым, великодушным человеком? Или осознание того, что Алира — как и он сам — была способна подняться над правдой и ложью? Что бы ни делал король, он не боялся признаться жене и получал ее благословение. Он любил ее беззаветно. Теперь Леодан сомневался, что сумел бы править империей, если бы рядом не было Алиры. Неизвестно, пошло ли это на пользу Акации, но для Леодана — слабого и неуверенного в себе правителя — помощь жены оказалась бесценным даром.

— Возможно, Таддеус, — промолвил Леодан, запоздало отвечая на реплику канцлера. — Возможно, я оказываю тебе слишком большую честь. Все мы временами совершаем эту ошибку. Но какой от нее вред?

Если Таддеус и сказал что-нибудь, король не услышал ответа. Он закрыл глаза и отрешился от реальности. Казалось, какая-то сила прижимала его к невидимой стене. Мист наполнил душу до краев, и настала пора сбросить оковы физического мира. В такие моменты Леодан чувствовал себя так, будто бы прижимался грудью к твердой плите, а неведомая сила упрямо вдавливала его тело в этот камень. Когда он больше не мог выносить тяжесть, тело начало протекать сквозь плиту, чтобы погрузиться в нее и пройти насквозь — словно камень был пористым, а сам Леодан обратился в жидкость.

По ту сторону бытия ждала Алира. Иллюзия, которую он любил более реальной жизни. И Леодан поспешил к ней.

Глава 7

Риалусу Нептосу казалось, что он нашел способ следить за всеми, кто появляется в цитадели Катгерген. Он полагал, что подобный надзор необходим для наместника — особенно учитывая его шаткое положение...

Нептос заказал большой лист стекла, который сделали в печи у подножия крепости. Затем вынул часть стены в своем кабинете и заменил его стеклом; получилось огромное окно. Стекло было выше человеческого роста и такое широкое, что Риалус едва мог ухватить

его, разведя руки в стороны. Работа вышла не безукоризненной. Стекло оказалось неравномерным по толщине, скорее матовым, чем прозрачным, а вдобавок внутри было полно воздушных пузырей. Тем не менее Риалус отыскал несколько участков, сквозь которые можно было смотреть.

Оставшись один в своих покоях, он прижался лбом к новоявленному окну. Теперь в комнате наверняка станет холоднее, и кашель усилится. О, этот бесконечный кашель! Вечная мука, терзавшая его слабую грудь... Однако Нептос не собирался сдаваться. Порой он даже ложился на пол, глядя на улицу сквозь прозрачный участок в нижней части стекла; устроившись таким образом, можно было увидеть вход в казармы и проследить, кто навещает подопечных Лики Алайна. Если же встать на скамеечку и глядеть через стекло вниз, прищурив один глаз, появлялся прекрасный обзор ворот в центре восточной стены. Отсюда Нептос увидел, как войска генерала Алайна покидают Катгерген — вопреки прямому приказу наместника. Несколько недель спустя из этой же точки Риалус наблюдал прибытие Маэндера — среднего из братьев Мейн.

Нептос отодвинулся от стекла. Ему вновь стало холодно. Цитадель отапливалась при помощи горячей воды, которая била из земли. Посредством сложной системы труб и воздушных туннелей тепло разносилось по всему зданию. Создатели Катгергена называли замок чудом инженерного искусства, но, по правде сказать, здесь никогда не было достаточно тепло. А Риалус к тому же подозревал, что его намеренно поселили в самых холодных покоях.

Он обогнул стол, подошел к стене, уставленной книжными полками, и провел пальцами по корешкам. Запыленные фолианты, полные записей, учетные книги и журналы наместников, которые велись с первых дней установления акацийской гегемонии в провинции Мейн. Отец Риалуса относился к этим книгам с мрачной почтительностью. Он пытался внушить ее и своему единственному сыну — безуспешно. Риалус был вторым поколением в семье, с тех пор как она перебралась в Мейн; должность наместника он унаследовал. Когда предыдущий наместник ушел на покой, отца отправили сюда, на север, в наказание за какое-то должностное преступление. Какое именно, Риалус даже не мог припомнить. Шли годы. Наместники других провинций менялись часто, но семья Нептосов прочно осела в Мейне. Акараны, казалось, просто забыли о них. Риалус сознавал, что вынужден расплачиваться за преступление, о котором и понятия не имеет. Прискорбно, что окружающий мир не видит ясного и острого ума (правда, заключенного в хилом теле)! Если бы только люди сумели взглянуть дальше физических дефектов, они бы поняли, какой бесценный работник прозябает здесь, в северной глуши.

Риалус любил повторять, что Дающий награждает достойных. Увы, покамест, похоже, божественные силы мира не заметили его существования. По прошествии десяти лет, которые Риалус провел на посту наместника, забытый всеми, его преданность империи Акаранов изрядно пошатнулась. Старший из братьев Мейн быстро заметил это. Хэниш был красивым мужчиной и блистательным оратором. Когда он говорил, его серые глаза светились такой уверенностью и самообладанием, что Риалус не мог противиться напору. Хэниш разъяснил ему странную систему верований Мейна, и в его устах она вовсе не казалась абсурдной. Мир живых мимолетен и быстротечен, объяснял он, но сила, называемая Тунишневр — вечна. Тунишневр представлял собой сонм душ всех достойных людей народа мейнов, когда-то ходивших по земле, а ныне умерших. Однако жизненная сила не полностью покинула их; энергия ярости держала Тунишневр прикованными к миру людей. Виной тому было проклятие, наложенное на мейнцев и не позволяющее им уйти за грань бытия. Души, запертые внутри мертвых тел, отданы во власть бесконечных мук и невыносимой боли. Смерть, которой следовало стать радостью и освобождением, обратилась жуткой пыткой. Предки, объяснял Хэниш, избрали его, чтобы облегчить их страдания.

Наместник спросил, чего же на самом деле хотят эти Тунишневр, и как именно их следует освобождать от мук, но Хэниш лишь легкомысленно пожал плечами, словно они с Риалусом были приятелями. Он умел мгновенно перескакивать с серьезного тона к самому

что ни на есть непринужденному.

— Я знаю, что в мире живых должны произойти перемены, и мне надлежит их осуществить. Я для этого рожден. А ты, Риалус Нептос, — союзник моего врага.

Хэниш говорил шутливым тоном, но список преступлений, совершенных Акацийской империей, от того не становился менее длинным и менее омерзительным. Хэниш называл их одно за другим. Под гнетом Акаранов страдали все, от бледных жителей севера до темнокожих обитателей юга. Восток и запад, бесчисленное множество разных, не похожих друг на друга людей. Многие поколения жили и умирали под железной пятой «вечного мира» Акаранов. Мейн, однако, никогда не забывал, кто его настоящий враг. И наконец-то в Акации появился достаточно слабый король, чтобы нанести удар. По мнению Хэниша, Леодан оказался самым никчемным правителем за всю историю акаранской династии. Может быть, в скором времени начнется новая эра; появится новый календарь, ведущий отсчет времени от этого славного дня. Возникнут иные представления о справедливости, будут перераспределены земные блага, власть и привилегии наконец-то попадут в руки тех, кто трудился на благо других людей... Риалус едва ли мог возразить. В конце концов, он сам был в числе несправедливо обиженных и отлично знал, как Акация платит по счетам своим союзникам.

Трудно сказать, в какой именно момент братья Мейны перетащили его на свою сторону. Риалус помнил, что сперва он скептически отнесся к заявлениям Хэниша. Тот говорил, что Лига — давний союзник Акаранов — много сильнее Акации, и теперь они разочарованы Акаранами и злы на Леодана. В Лиге считают, что король намерен отменить Квоту и аннулировать торговлю мистом. Поэтому его судьба решена: Леодан будет смещен и заменен другим правителем, более расположенным к сотрудничеству. Хэниш поведал, что со времен правления Тинадина такое случалось дважды, но тогда все было иначе. Короля заменял наследник — более молодой, неопытный и подверженный влиянию и контролю. На сей раз Лотан-Аклун собирались ликвидировать всю династию и учредить новую, посадив на трон властителей Мейна.

Вдобавок к тому Хэниш заключил договор со странным народом, который намеревался пересечь Ледовые Поля и выступить на стороне Хэниша в грядущей войне. Они владели необычными военными машинами, метавшими шары горячей смолы или огромные камни. Добавьте сюда армию самого Мейна, которую Хэниш втайне собирал и тренировал в Тахалиане. Имея в распоряжении все это — равно как и некоторые другие сюрпризы, — Хэниш мог обрушиться на беспечный, ничего не подозревающий мир и захватить его по частям.

Братья намекали на разные должности, которые Риалус мог бы занять в обновленной системе, однако до сих пор он не видел от них реальных поощрений. Риалус надеялся доказать свою полезность. К сожалению, с Ликой Алайном дело не заладилось. Нептос знал, что армия генерала сгинула в снегах, но подозревал, что Маэндер останется недоволен таким исходом. Как-никак, он велел Риалусу удерживать Алайна в Катгергене и следить, чтобы тот ни в коем случае не узнал о приближении чужаков. Нептос провалил оба задания.

Маэндер вошел в покои наместника, демонстративно игнорируя формальности, необходимые для встречи с акацийским чиновником. Он миновал секретаря, который готовился доложить о нем, и прошел прямо в кабинет Риалуса — уверенными шагами, которые казались одновременно и мягкими, и достаточно тяжелыми, чтобы сокрушить камни под ногами. Маэндер был на несколько дюймов выше наместника и широк в плечах. Поджарое, мускулистое тело дышало силой. Длинные волосы цвета светлой соломы, падали ниже плеч. Маэндер каждый день мыл их в ледяной воде и тщательно расчесывал — необычное дело для большинства мужчин Мейна, которые, как правило, позволяли волосам сбиваться в колтуны. В остальном же Маэндер очень походил на других мужчин своего народа — крепкий и жилистый, он был в отличной физической форме и носил одежду из выделанной кожи.

Маэндер стянул подбитые мехом перчатки и швырнул на стол так, что они с шумом ударились о столешницу. Потом обвел комнату изучающим взглядом, задержав его на стекле.

— Так это и есть твой наблюдательный пост, — сказал он, задумчиво рассматривая окно. Маэндер говорил на акацийском с гортанным акцентом своего родного языка, звуки которого всегда оскорбляли слух Риалуса. — Стражники пошутили, когда я шел сюда. Я велел доложить о моем приезде, а они сказали, что ты и так уже все знаешь, поскольку один глаз у тебя всегда прижат к стеклу, и ты, кажется, не понимаешь, что стекло прозрачно с обеих сторон. По-моему, это наглость, наместник. Я бы им такого не спустил.

Нептос покраснел. Простой факт, что люди с улицы видят его не хуже, чем он их, как-то не доходил до сознания Риалуса. Теперь он представил себе, как глупо выглядел снаружи — деформированное лицо, искаженное неровностями стекла. А люди глядели на него, пряча ухмылки, потешаясь... Несколько слов, невзначай брошенных Маэндером, — и он ощутил себя полным идиотом. Риалусу вспомнилось время, когда братья Мейны разговаривали с ним с должной почтительностью. Теперь все изменилось. Он утратил прежнее уважение. Впрочем, было ли оно?..

Маэндер отвернулся от окна. Взгляд его серых глаз был вьедливым и пронзительным. Он будто бы не смотрел, а целился в тебя. Наместник никогда не встречал человека, который глядел бы на него так же пристально, излучая такую яростную, злую волю. Так ребенок смотрит на жука, которого собирается раздавить каблуком...

— Ты знаешь, что случилось с армией Алайна?

Риалус не был великим оратором, а перед Маэндером и вовсе превратился в запинающегося слюнтявого кретина. Неудивительно, что средний Мейн составил о нем неверное впечатление. К счастью, Маэндер больше говорил сам, чем расспрашивал Риалуса. Он поведал, что разведчики нюмреков отправились вперед, чтобы расчистить дорогу перед основными войсками. Они встретились с армией генерала и разбили ее. Невидимые для акацийцев, нюмреки несколько дней следили за Алайном, пока не нашли хорошее место для засады. Потом явились в реве бурана и убили всех до последнего человека.

— Возможно, ты будешь рад услышать, что нюмреки не преувеличивали, называя себя хорошими бойцами. Они были очень рады стычке с людьми Алайна. Это их немного согрело.

Маэндер отвернулся от Риалуса и принялся мерить шагами комнату. В его волосах с левой стороны было три тонких косы; две заплетены голубыми лентами, а третья — тонким кожаным шнурком с серебряными бусинами. Риалус знал, что это какая-то примитивная система счета боевых побед: голубые ленты за десять убитых людей, кожаный шнур — за двадцать. Или наоборот? Наместник не мог припомнить точно.

— Нюмреки не имеют себе равных. Они заглывают и выплевывают всех, кто стоит у них дороге. Их женщины и дети получают такое же удовольствие от резни, как и мужчины. Едва ли даже объединенные силы Акации совладают с ними в открытом бою.

— Стало быть, все к лучшему, — отозвался Риалус. — Дающий награждает достойных. Нас ждет успех!

Маэндеру не понравились слова наместника.

— Не беги впереди себя, Нептос. Ты не сумел удержать генерала в Катгергене. Ты торчал за своим окном, когда они уходили и угрожали всему, что мой брат планировал много лет. Исход недурен, право слово, но ты вынудил нас спешить. И правда ли, что твой генерал отправил в Акацию несколько гонцов?

— Не беспокойся. Я выследил их всех и убил.

— Не так. Один ускользнул. И встретился с канцлером короля Таддеусом Клеггом.

— О! — только и сказал Риалус.

— Вот именно — о! Впрочем, и здесь тебя хранила добрая судьба. — Маэндер сделал паузу, и Риалус задрожал, ожидая развязки. — Интересы... Таддеуса и Леодана расходятся, им не по пути.

Риалус разинул рот.

— Расходятся?

— Именно так. — Маэндер протянул руку и пошарил в миске с маслинами на столе Риалуса — деликатес из Акации, который не так-то просто доставить в Мейн. — На самом деле, Нептос, причины этого расхождения во многом напоминают твои собственные. Рассказать?

Риалус опасливо кивнул, слишком заинтригованный, чтобы отказаться. Маэндер заговорил с набитым ртом. Он предложил Риалусу перенестись в прошлое — в те времена, когда Леодан и Таддеус были еще молоды. Вот юный принц: идеалист и мечтатель. Он не уверен, что сумеет снести бремя власти, которое ляжет ему на плечи. Он безумно влюблен в красавицу Алиру, она для него важнее короны. За спиной принца стоит канцлер. Решительный, верный, законопослушный. Он отлично владеет мечом. Таддеус амбициозен и в отличие от Леодана знает, как управлять.

— Леодан никогда не был надеждой и опорой отца, — ухмыльнулся Маэндер.

Гридулан считал принца слабаком, сказал он. Но сын есть сын — другого у старого короля не было. Леодану предстояло занять трон. Потому-то Гридулан сделал все возможное, чтобы воспитать характер принца, хотя у него под рукой и был Таддеус. Сыну требовался сильный канцлер, но король имел основания опасаться талантов Таддеуса. В конце концов, тот был агнатом Акаранов и мог проследить свой род до самого Эдифуса. В определенных обстоятельствах канцлер имел право претендовать на корону. Угроза усилилась, когда Таддеус женился на Дорлинг — девушке, также принадлежавшей к семье агнатов. Не прошло и года после свадьбы, как у них появился ребенок. Алира родила своего первенца Аливера два года спустя. Итак, Таддеус: сильная личность, офицер марахов, с молодой женой, сыном и с чудесной родословной. Он пользовался любовью народа и поддержкой наместников, видевших в канцлере защитника их интересов. Говоря кратко: Таддеус стал угрозой, которую Гридулан не мог сбрасывать со счетов, даже если сам Леодан не сознавал этого.

— Догадываешься, как он решил проблему? — спросил Маэндер. — Есть идеи?

Идей у Риалуса не было.

— Тогда я тебе поведаю. Гридулан пообещался с одним из своих доверенных друзей. По приказу короля этот друг добыл редкий яд — один из тех, что используют в Лиге. Смертельная штучка. Он лично проследил, чтобы яд попал Дорлинг в чай. Ее ребенок, тогда еще грудной, отравился через молоко матери. Оба умерли.

— Их убили по приказу короля? — уточнил Риалус.

— Именно так.

Тогда еще не было точно известно, что стряслось с женой и сынишкой канцлера. Некоторые подозревали убийство, но никто не называл виновного. Во всяком случае, не того, кого надо. Леодан был вне себя от горя. Гридулан сыграл хитро. Он сумел погасить амбиции Таддеуса, оставив его самого в живых, чтобы тот помогал сыну. Леодан не догадывался об убийстве, пока старый король не умер. Потом он прочитал личные записи Гридулана. Как он должен был поступить, поняв, что родной отец убил жену и ребенка его лучшего друга?

— Возможно, сильный человек признался бы другу, — сказал Маэндер, пожав плечами, словно сам не был до конца в этом уверен. — В любом случае Леодан держал рот на замке и лишь наказал человека, совершившего убийство. Знаешь, кто это был?

На сей раз Маэндер не стал дожидаться ответа Риалуса.

— Да-да, именно твой бесценный папаша подсунул яд в чашку. Вот почему ты здесь, передо мной, жалкий наместник жалкой провинции. Ты был наказан — как и твой отец — за верность Гридулану. Семейные тайны могут далеко завести, Риалус. Судя по выражению твоего лица, я и удивил тебя, и ответил на давние вопросы.

Риалусу потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями. Потом он спросил:

— Откуда ты все это узнал?

Маэндер отвернулся и выплюнул косточку от маслины.

— У моего брата очень много друзей на высоких постах. Кое-то из них владеет интересными сведениями. Лига, например. Они наблюдают за событиями с большим интересом и охотно делятся информацией, чтобы помочь нам вскипятить горшок. Поверь мне, Риалус: эта история — правда от первого до последнего слова. Пару месяцев назад мой брат рассказал все Таддеусу Клеггу. О! Новость произвела на него впечатление. Думаю, его верность Леодану сильно поколебалась. Представь, как жил канцлер с тех пор, как потерял Дорлинг и сына. Всю свою нерастрченную любовь он перенес на детей Леодана. Он был рядом с ним, он поддерживал его, когда умерла Алира. А теперь вообрази, что он почувствовал, узнав, что за всем этим стояли убийство, предательство, ложь. Окажись ты на его месте — разве не захотел бы ты взглянуть, как будут наказаны Акараны? Жажда мести — очень простая эмоция. Ее легко понять. На ней можно сыграть. Согласен?

Риалус кивнул. Ему отчаянно хотелось остаться одному, чтобы обдумать рассказ Маэндера.

— В любом случае, — сказал тот меж тем, возвращаясь к предыдущей теме, — я не стану убивать тебя за промахи. Но, боюсь, придется за них заплатить. Я обещал нюмрекам отдать им Катгерген. Скоро они явятся, и тыпустишь их в крепость. Смотри, не разозли ненароком их вожда, Калраха. Насколько я его знаю, он не склонен к милосердию.

— Не хочешь же ты сказать...

На лице Маэндера появилось выражение оскорбленного достоинства.

— Ты что, собрался со мной спорить? Нюмрекам нужна крепость, чтобы отдохнуть и перегруппироваться. Если угодно, можешь приказать армии организовать оборону, а сам — беги навстречу своей судьбе... какой бы она ни оказалась. Не надо на меня так смотреть, Нептос. Пока мы не познакомились, я и не думал, что человек может быть настолько похож на крысу. — В голове Маэндера вдруг скользнула неподдельная ярость, но он тут же смирил ее и понизил тон: — Ты останешься жив. Однако настоящие награды получает тот, кто действительно приносит нам пользу.

— Ты погубил меня, — пробормотал Риалус.

— Я тебя не губил. Если ты и обречен на гибель, то эта судьба была определена задолго до нашей встречи. Такое происходит со всеми. Мне больше нечего сказать, Нептос.

Маэндер уже шел к выходу, когда к Риалусу наконец-то вернулся дар речи:

— Ты забыл, что я... я наместник. И командую в этой крепости... — Маэндер повернулся к нему с таким потрясенным взглядом, что Риалус мгновенно сменил курс. Он быстро осознал, как опасно обращаться к мейнцу с подобными заявлениями. — Я... я еще смогу быть вам полезен.

— Хитрая бестия. Ты достойный сын своего отца. Ну и какая от тебя польза?

— Если примешь мое предложение, я хочу быть уверен, что получу награду. Я могу отдать тебе королевскую семью. Вернее, Их головы.

— Наши люди уже готовят покушение на короля. Может быть, он уже мертв. Может быть, весть об этом уже летит к Хэнишу.

— Нет-нет... Я знаю... — сказал Риалус. Он едва не расплылся в довольной улыбке, поняв, что нашел спасительную лазейку. — Я говорю не о короле. Род Акаран не заканчивается Леоданом.

Глава 8

Коринн Акаран понимала, что знает о мире далеко не все. Многие имена, фамилии знатных семей, исторические события не удерживались в ее памяти. Но все это не беспокоило Коринн, поскольку не имело никакого значения для ее жизни. Она была старшей дочерью короля Леодана и притом красавицей — вот что действительно важно. Коринн не желала власти над королевством отца. Трон отойдет Аливеру, и пусть. Она не находила

ничего привлекательного в пертурбациях государственного управления. Гораздо лучше стоять в стороне и исподволь влиять на события посредством придворных интриг. Целый мир был слишком велик для нее: Коринн вполне удовлетворяла небольшая его часть. Но уж в этой части мало кто из людей вел столь же чудесную жизнь, как она сама, и мало кто смотрел в будущее с таким же оптимизмом.

Однако же Коринн хранила секреты, о которых никто не догадывался. По натуре своей она была жизнерадостной девушкой, любила красивые платья, пикантные сплетни и романтические истории. И вместе с тем Коринн часто думала о смерти. Это темное облако, заполнявшее ее мысли, всегда было где-то поблизости. Мать Коринн умерла, когда девочке было десять лет. С тех пор Коринн постоянно преследовали мрачные мысли о недолговечности жизни.

Алира Акаран угасла на исходе весны. Коринн до мельчайших деталей помнила последние минуты, проведенные с матерью. Девушке часто снилось, что она снова сидит у кровати больной, сжимая ее исхудавшую руку. Болезнь разрушала тело Алиры, и казалось, мать растворяется на глазах. Стояли жаркие дни, Алира часто скидывала с себя одеяло. Ноги, торчавшие из-под ночной сорочки, были тоненькими как палочки, а ступни и пальцы выглядели неестественно огромными. Эти ступни были первым, что видела Коринн, входя в комнату. К кому времени Алира уже несколько недель лежала прикованная к постели; она так ослабла, что не могла пройти по комнате без помощи дочери. Коринн поддерживала легкое тело матери, пока та делала неуверенные шаги — словно ребенок, который только учится ходить.

Маленькая девочка была ошеломлена, в одночасье поняв, что реальный мир гораздо страшнее самых жутких кошмаров. Куда же пропала всемогущая мать, которая знала мысли Коринн, прежде чем та раскрывала рот; мать, смеявшаяся над ее детской боязнью драконов, гигантских змей и чудовищ? Где же воительница, что убивала этих тварей, просто войдя в комнату, улыбнувшись Коринн и окликнув ее по имени? Где красавица, сидевшая подле Коринн и обучавшая ее сложному искусству придворного этикета? Женщина, которая была образцом для подражания? Все изменилось в единый миг — и Коринн не могла понять, почему, как и зачем...

А вдобавок к тому Коринн видела себя в каждом кусочке тела умирающей матери. Алира дала дочери овал своего лица, изгиб губ, узор линий на лбу. У них были одинаковые руки: та же форма кистей и суставов, те же тонкие ногти, та же манера отставлять мизинец. Десятилетняя девочка держала в ладонях свою собственную руку — худую, слабую... Будто бы каким-то непостижимым образом прошлое слилось с настоящим, или настоящее с будущим.

И хотя оптимизм юности часто гнал прочь смятение, в душе Коринн поселился страх, который она так и не сумела преодолеть. Вернее, сумела только отчасти. Сперва она получит все дары жизни, рассуждала Коринн, потом потеряет их и умрет. Эта мысль появилась, когда ей было десять лет, и никуда не исчезла, когда Коринн сравнялось одиннадцать, потом двенадцать. Шло время, но мрачное чувство не поблекло с годами. Коринн пыталась понять, как эти болезненные мысли уживаются с ее оптимизмом и жизнерадостной натурой. Пыталась — но не могла. Это приводило ее в растерянность. Кажется, и окружающие задавались вопросом, что творится в душе юной девушки.

Коринн часто напоминала себе, что все живущее движется к смерти; мало кому судьба подарила такую роскошную жизнь, какую вела Коринн. Возможно, в конце концов, что она ошибалась. Может быть, ее существование будет долгим и радостным; может быть, она даже найдет способ жить вечно — не старея и не поддаваясь никаким хворям.

Нынче днем Коринн предстояло встретить делегацию из Ошени. Поднявшись с постели, девушка уселась перед зеркалом и долго изучала свое отражение. Потом взяла кисточку из конского волоса, предназначенную для нанесения макияжа, и окунула ее в пудру. Пудра была сделана из толченых ракушек, и когда Коринн провела кисточкой по щекам, на них остались серебристые блески. Она решила, что эти мерцающие искры

отлично дополняют переливы серебряных нитей, затканых в небесно-голубое облегающее платье. Сегодня мрачные мысли оставили ее в покое. Коринн многого ожидала от нескольких последующих дней. В отличие от Аливера Коринн не обязана посещать скучные, наполненные пустыми формальностями приемы. Однако она уже достаточно взрослая, чтобы в некоторых случаях выступать как «официальное лицо». На сей раз Коринн предстояло исполнить роль радушной хозяйки и развлечь ошенийского принца Игалдана.

Горничная опасалась, что день будет холодным, но Коринн надела лишь платье поверх тонкой сорочки. Как-нибудь переживу, решила она. Ее единственной уступкой погоде стал новый предмет гардероба, недавно присланный из Кендовии — белая меховая пелерина с красивыми и удобными застежками. Коринн решила, что она вполне элегантно сочетается с платьем. Во всяком случае, ей хотелось на это надеяться. Коринн не слишком-то хорошо разбиралась в зимней одежде. Трудно стать специалистом, живя в Акации, где девять месяцев в году стоят теплые дни.

Коринн встретила ошенийского принца на ступенях замка Тинадина. Ее сопровождала небольшая свита, переводчик и несколько людей из ведомства канцлера. Они стояли в обрамлении гранитных колонн на фасаде замка — шероховатых, изъеденных дождем и ветрами. Замок Тинадина являлся частью более древнего архитектурного ансамбля, нежели основная часть города. Он был построен в те времена, когда короли Акации неодобрительно смотрели на плавные линии и изящные арки южных городов — тех, что возвышались на талайском побережье и стали источником вдохновения для архитекторов более поздних эпох.

Принц был одет просто и неброско. Коринн ощутила бы некоторое разочарование, если б Игалдан не искупил незатейливость костюма изысканной вежливостью и безукоризненными манерами. Он шел, опустив взгляд и прижав к бокам руки с повернутыми наружу ладонями. Его свита шагала в ногу, точно копируя движения Игалдана, словно все они были единым организмом. Внизу лестницы молодой человек приостановился и поднял голову, встретив взгляд принцессы. Они смотрели друг другу в глаза — немного дольше, чем принято по этикету, и Коринн решила, что готова простить Игалдана. Принцессу покорила его милая робкая улыбка, а вдобавок Коринн поняла, что ее платье, и белый мех на плечах, и сложная прическа, и блестящая пудра, подчеркивающая высокие скулы, — все это произвело на принца неизгладимое впечатление.

Внешность у Игалдана была типично ошенийская. Светлые волосы чуть заметно отливали рыжим, а ярко-голубые глаза, похожие на стеклянные бусины с темными прожилками, словно светились изнутри. Некогда Коринн полагала, что бледная веснушчатая кожа едва ли может составить конкуренцию смуглой акацийской или почти черной талайской, но, глядя на Игалдана, поняла, что ее привлекают эти черты. Коринн хотелось протянуть руку и притронуться к нему, погладить кожу под глазами и прикоснуться кончиками пальцев к пятнышкам веснушек...

Она повела делегацию осматривать главные достопримечательности верхнего яруса города — комплекс дворца, правительственные здания и тренировочные площадки. Ошенийцы пришли в восторг при виде золотистых обезьянок, которые в великом множестве жили на территории дворца. В их стране нет ничего подобного, объяснили гости. Коринн кивнула. Она-то встречала этих зверюшек каждый день. Маленькие, не больше кошки, с пушистой шерсткой разных оттенков, от желтоватого до темно-красного, в древности обезьянки считались священными животными, но Коринн точно не знала почему и не стала об этом упоминать.

Наконец они подошли к старым руинам одной из первых сторожевых башен, построенных Эдифусом. Над древним фундаментом теперь возвышалось современное здание — нечто вроде открытого павильона с арочными входами, откуда открывался вид на три стороны света. В центре возвышалась статуя, изображавшая молодого Эленета. Один из помощников канцлера выступил вперед, чтобы рассказать историю первого чародея, которая

была неразрывно связана с историей самого Дающего.

Вначале, поведал рассказчик, Дающий сотворил мир, сделав его физическим воплощением радости. Он придал форму всем созданиям на земле — включая и людей, хотя в то время он никак не выделял их среди других существ. Дающий шел по земле, напевая и творя мир силой своих слов. Божественный язык был нитью, иголкой, узором, из которого Дающий ткал мироздание. Впрочем, благоденствие не продлилось долго. Человеческий мальчик семи лет, сирота по имени Эленет, однажды увидел бога, когда тот проходил мимо их деревни. Он подошел к Дающему и предложил стать его слугой, надеясь приблизиться к божественной благодати. Дающему понравился мальчик, и он согласился. Эленет, однако, не был подобен другим существам, которые шли за Дающим. Долгое время мальчик слушал песню бога. Он запомнил слова, понял, что они значат, и узнал их силу. Вскоре Эленет сам научился говорить на этом языке, а потом убежал.

— Он стал первым из Говорящих Словами Бога, — закончил помощник канцлера, — и передал свое знание нескольким избранным. Дающий узнал об обмане Эленета и очень огорчился. Бог отвернулся от мира и замолчал. Он никогда больше не ходил по земле и не пел. Вот почему мир остался таким, каков он есть сейчас.

Судя по всему, Игалдан хорошо знал эту историю. Он опустил на одно колено и провел пальцами по выщерблинам древнего камня, что-то бормоча себе под нос. Коринн не понравилась эта патетичность, и она нахмурилась. Однако не прошло и часа, как Игалдан совершенно очаровал ее. Он оказался приятным собеседником и неплохо говорил на акацийском — так же, как и большая часть его свиты. Переводчик и помощники канцлера давно отошли от них, и делегация разбилась на небольшие группы, словно дети на школьной экскурсии.

— А правда, — сказал Игалдан, — что Эдифус стал одним из первых учеников Эленета? Я слышал, он тоже был чародеем. Не поэтому ли он и его сын Тинадин сумели одолеть всех врагов? Как вы полагаете, принцесса?

— Признаться, не задумывалась... Честно говоря, я не особо верю в магию. Если мои предки имели такой дар, куда же он делся теперь? Почему его нет, например, у меня?

— Значит, нет? — с улыбкой спросил Игалдан. — Вы не можете, например, сотворить заклинание и заставить меня исполнять ваши распоряжения?

— Едва ли мне нужна магия, чтобы этого добиться, — усмехнулась Коринн. Слова сорвались ее губ прежде, чем она успела хотя бы сообразить, что говорит. Ее щеки запылали. — Возможно, сказку о магии придумали позже, пытаясь объяснить успехи Эдифуса? Малым мира сего трудно поверить в человеческий гений.

— Может, и так... — Принц побарабанил пальцами по выветренному камню, обозревая панораму острова на востоке. — Видимо, я тоже отношусь к слабым мира сего, потому что мне нравятся старые истории. Ваши предания очень сильно повлияли на наши собственные легенды. В Ошени не сомневаются, что в древности люди практиковали магию, и что ваш народ использовал ее, управляя миром. Есть чудесное стихотворение о том, как люди обрели это знание. Сейчас не время для стихов, но, может быть, позже у меня появится возможность прочесть его вам.

— А как насчет магии в наши дни? — спросила Коринн. — Что-то я не встречала здесь волшебников.

Принц молча улыбнулся. Они покинули руины Эдифуса и пошли назад по пологому пандусу, ведущему к Королевской беседке.

— Я не так уж много знаю о вашем народе, — промолвила Коринн. — Расскажите мне про ошенийцев.

— Вам Ошениа показалась бы холодной страной. Впрочем, не такой, как Мейн. Там зимой люди почти не видят солнца, и снег может пойти в любой день года, даже в середине лета. Ошениа не такова. Да, лето у нас недолгое, зато жаркое. Все животные и растения извлекают пользу из теплых месяцев. Весной цветы и молодая трава лезут прямо из-под снега, будто в один прекрасный день на исходе зимы Дающий позволяет им очнуться, и уж

тогда ничто не может встать на их пути. Летом у нас тепло. Мы купаемся в озерах на севере Ошенин, а некоторые — даже в море. В Киллинтиче даже проводят соревнования по плаванию и бегу. Участники плывут от замкового мола до мыса в гавани, а потом бегом возвращаются обратно по берегу. Это занимает целый день.

Они немного постояли у подножия последней лестницы. Обе свиты чуть приотстали. Коринн произнесла:

— Странно... Сперва вы сказали, что в Ошенин холодно, а теперь говорите о цветах и купании. Где же настоящая правда, принц?

— У нас на севере главное не холод, а те моменты, когда морозы отступают, — ответил Игалдан. Некоторое время они с Коринн стояли в молчании. — Однако мы во многом похожи на вас, — продолжал принц. — Нашим людям нравится узнавать новое, так же, как и вам. Некоторые ошенинцы даже едут учиться в Алесию. Ошенин была первой из северных стран, кто присоединился к Эдифусу в войне с Мейном. К сожалению, альянс просуществовал недолго и был разорван, когда конфликт разрешился. Вот почему мой отец так хочет, чтобы ваш батюшка почтил нас своим присутствием. Отец уже немолод, ему трудно путешествовать, но его цель — прочный союз между нашими государствами. Он верит, что вместе мы будем сильнее.

Свита постепенно нагоняла, и Игалдан пошел вверх по лестнице, а Коринн последовала за ним. Они поднялись бок о бок, оставив сопровождающих позади.

— А еще мы поэты, — сказал принц.

— Поэты?

— Да, мы сохраняем свою историю в эпических поэмах, которые поют барды. А в судах все тяжбы ведутся в стихотворной форме. Это старая традиция, но из-за нее судебные процессы собирают толпы зрителей.

— Странно, — сказала Коринн, хотя на самом деле ей так не казалось.

Она терпеть не могла официальные процедуры. Возможно, если бы правительственным бюрократам приходилось говорить в рифму, они не были так безумно скучны.

— Вы старший сын в семье?

Игалдан кивнул.

— Да. У отца есть еще трое детей от моей матери и двое от второй жены.

Коринн попыталась поднять бровь, но все это закончилось тем, что обе брови подскочили вверх и изогнулись под странными углами.

— Вторая жена?

— Ну... да. Мой отец восстановил старый закон, который позволяет брать двух жен, чтобы наверняка обеспечить наследника. В его случае такой проблемы не было... Ему не нужно было волноваться... просто он — человек основательный.

— Ясно. И вы тоже человек основательный?

— Нет. Я женюсь только один раз.

Они дошли до высокого балкона позади Королевской беседки. Коринн провела пальцами по каменной балюстраде и указала подбородком на чистый зеленовато-синий морской простор, расстилавшийся передними.

— Вот как... Должно быть, женщины в вашей стране невероятно красивы, если мужчина мечтает жениться дважды.

— Вы ошибаетесь. Наши женщины и вполтину не так привлекательны, как акацийки. Поверьте... — Игалдан тронул Коринн за локоть. — Принцесса, в тот день, когда вы почтите Ошенин своим присутствием, вас провозгласят самой прекрасной женщиной, и я первый стану вашим поклонником.

Парой фраз принц сделал комплимент, дал понять, что восхищается ею, и пообещал всеобщее преклонение. Несколько секунд Коринн стояла молча, ошарашенная открывшимися возможностями: можно провести всю жизнь как прекрасный лебедь в окружении уток. Она что-то робко ответила принцу, и они продолжили прогулку, но Коринн твердо решала узнать об Ошенин как можно больше. Возможно, она только что нашла

будущего мужа. Все знали, что Акация и Ошения собираются заключить союз. Не исключено, что ее свадьба будет хорошим политическим ходом. Она могла бы стать принцессой одной страны и королевой другой. Коринн очень нравилась подобная перспектива.

Глава 9

Лика Алайн не питал иллюзий относительно собственной важности для Акацийской империи. За все сорок восемь лет жизни, из которых более половины было отдано военной службе, он никогда не считал свою персону особенно значимой. Лика был просто солдатом, одним из многих в колонне, что маршировала в неизвестность, оставшись за бортом истории. Так он полагал до одного особого случая, который открыл ему глаза и заставил воспрянуть от сна. Простое событие, происходившее тысячу раз в его жизни, но на этот раз Лика словно родился заново...

Сперва не было ничего. Потом его глаза различили окружающий мир — такой, какого он не видел прежде и даже не представлял, что такое возможно. В первую секунду этот мир появился перед ним прямоугольником яркого белого света наверху. Он имел странную форму и ярко горел в темноте. Лика попытался найти точку опоры и сесть, но не слишком отчетливо понимал, где у него ноги, а где руки. Вдобавок он был чем-то прижат к земле. Некоторое время Лика смотрел вверх, рассеянno и бездумно, не понимая, где находится и что происходит. Потом в прямоугольнике возникло движение — быстрое, как вспышка, оно мелькнуло и пропало. Лика задергался, не отводя глаз от света. Движение возникло вновь. Птица... птица с раскинутыми крыльями, влетевшая в прямоугольник откуда-то снизу. А за ней Лика мало-помалу разглядел контуры облаков, плывущих по белому северному небу. Это открытие оказало решающее действие. Лика сообразил, что за вес на него давит. Вернулось обоняние, и с ним пришла мешанина запахов. Теперь Лика знал, что они обозначают. Он понял, где находится и как здесь оказался.

Рогатая тварь... всадник на ее спине... множество других, которые пришли вслед за первым, вынырнув из бурана. Это произошло на самом деле, подумал Алайн. Я потерял всех своих людей. Я привел их к...

Как же так вышло? Кто эти существа, вихрем несшиеся на странных скакунах? Никогда прежде генерал не видел такого ужаса на лицах людей. Первый всадник и его сотоварищи выскочили из метели, чтобы убивать — жестоко и беспощадно. Некоторые держали в руках копья и метали их на полном скаку — тяжеленные копья, которые пробивали акацийскую броню как тонкую замшу. Солдату, стоявшему перед Алайном, копьё угодило в грудь, и сила удара унесла его прочь. Враги ехали верхом на зверях, похожих на... как же оно называется... животное из Талая... А, носорог! Твари напоминали носорогов, покрытых густой массой свалывшейся серой шерсти. Они вихрем ворвались в ряды акацийцев и лишь изредка притормаживали, чтобы в лепешку растоптать очередное тело.

Хуже всего стало, когда вооруженная мечами и топорами толпа ударила по колонне еще не оправившихся от шока солдат. Враги были огромного роста, длинноногие, сильные. Лика видел, что они наслаждаются резней. Неужели такое возможно? Когда они убивали, в их глазах светилась почти детская радость. Так мальчишка с игрушечным мечом «отрубает» приятелю руки, ноги и, наконец, голову, а потом вскидывает кулак, торжествуя, смеясь над воображаемыми ранами врага. Эти существа, отсекая конечности, тоже ликовали, веселились, радостно хлопали друг друга по плечам. Их лица, наполовину прикрытые гривами спутанных черных волос, были белыми как снег. Генералу хотелось посмотреть кому-нибудь из них в глаза — вблизи, но судьба не дала ему такого шанса.

Какие приказы он отдавал? Лика попытался припомнить, однако разрозненные фрагменты жуткой резни никак не складывались у него в голове в целостную картину. Возможно — никаких. Слишком уж быстро все произошло. Враг налетел на них, оставив после себя тела умирающих солдат, кровь, отрубленные конечности на истоптанном алом

снегу. Мертвые лежали повсюду — переломанные, похожие на скрученных тряпичных кукол. Враги словно и не беспокоились за собственную жизнь. Ничто их не трогало. Ничто не путало. Кровавая бойня была для них не более чем развлечением.

Лика видел, как вражеский копейщик заколол акацийку, лежавшую у его ног. Пару секунд он рассматривал женщину с детским любопытством, а потом поднял копье с зазубренным наконечником и нанес удар прямо в лицо. Лика ощутил невероятный прилив ярости. Он бешено взревел — так, что его крик эхом разнесся по заснеженной равнине. Копейщик обернулся, выдернул свое оружие и двинулся к генералу. Если он метнет копье и промахнется, подумал Алайн на бегу, то узнает, что такое добрая акацийская сталь. Однако противник был меток. Копье полетело вперед с такой скоростью, что превратилось в размазанную темную линию. Генералу неизбежно пришел бы конец, если б не солдат, чьего имени он так и не узнал. Солдат встал между копейщиком и генералом. Копье проткнуло его насквозь; зазубренный наконечник вышел из спины вместе с ошметками плоти и острыми осколками ребер. Его кончик указывал как раз туда, куда прилетело бы копье — в бок Алайна. Мертвое тело с размаху врезалось в генерала. Сила удара опрокинула его на спину. Шлем солдата стукнул Лику по лбу, и мир померк. Очевидно, копейщик считал мертвыми обоих.

Надо думать, именно поэтому его не добили. Лика открыл глаза много часов спустя, лежа под грудой неподвижных тел. Падая, он успел заметить, как некоторые из вражеских воинов хватают трупы за ноги и стаскивают их в кучи, будто не желали захламлять поле боя. Видимо, понял Лика, он оказался в одном из «курганов». Поверх набросали убитых. Окровавленные тела мужчин и женщин лежали вокруг него и над ним... Ненадолго очнувшись, генерал снова потерял сознание.

Время от времени он приходил в себя и тогда ощущал боль и жар. Мертвецы стискивали его со всех сторон — так плотно, что сперва Лике почудилось, будто они согревают его. Потом жар усилился, и генерал сообразил, что он не может исходить от окоченевших трупов. Тела дрожали и корчились, издавая отвратительный запах паленой плоти. Прошли часы, прежде чем Лика, изнемогая от жара и то и дело проваливаясь в переполненные кошмарами сны, понял, что огонь внутри него. Лихорадка угнездилась под черепом, в центре лба. Там будто копошился жук, погружая длинный хоботок прямо в мозг и наполняя его ядом. Мысленным взором Лика видел округлое, раздутое брюшко насекомого, подрагивающее при каждом движении. Он хотел добраться до жука и выкинуть вон, но не мог пошевелиться. Лика исходил потом; едкая соленая жидкость заливала глаза. Он попытался облизать губы, ню на их месте оказалась твердая неподатливая корка. Зубы тоже изменились — острые и резавшие язык, они наполняли рот жижей, которую не удавалось выплюнуть. Лика давился ею, терял сознание, приходил в себя, задыхался, вспоминал об огне и насекомом под черепом и понимал, что его сгнившая плоть начинает стекать с костей. Потом снова проваливался во тьму. Сон, явь, судороги боли сменяли друг друга...

Все это было до того, как Лика Алайн очнулся и увидел над собой белый свет и птицу. Он с трудом выбрался из-под кучи обледенелых трупов. Тела, на первых порах обеспечившие ему тепло, стали жесткими и холодными. Их присыпал снег, однако было заметно, что человеческие останки обуглены; ветер до сих пор разносил пепел. Очевидно, трупы пытались сжечь. Кругом высились подобные кучи.

Курган, где был погребен Лика, пострадал от огня меньше остальных. Очевидно, именно поэтому он до сих пор дышал. Повсюду валялось сломанное оружие и детали экипировки, части человеческих тел. Все было покрыто кровью. Смерть и опустошение царили на заснеженной равнине. Кроме Лики здесь не было ничего живого, за исключением нескольких птиц-падальщиков — приземистых, тонкошеих обитателей этих холодных земель. На миг генералу подумалось, что, наверное, все же мертв и находится в загробном мире.

Несколько минут он стоял неподвижно, опираясь о кучу тел. Потом одна из птиц села рядом на землю и попыталась оторвать скрюченные пальцы одного из солдат. Лика подумал,

что мог бы убить несколько падальщиков, и мысль показалась очень заманчивой. Он прикончил троих, а остальные взмыли вверх, кружась над его головой и крича от ярости. Приятное чувство быстро исчезло: Лика осознал, что занимается ерундой. Птиц становилось все больше; они опускались на землю, стоило только повернуться к ним спиной.

Теперь он заметил, что вокруг появились и другие животные. Маленькие лисицы с белым мехом и розоватыми пятнами вокруг челюстей, похожие на ласок зверьки с полосатыми черно-белыми хвостами и даже странные жуки с твердыми панцирями, которым холод был нипочем. Лика убил несколько таких жуков, просто прикоснувшись к ним. Он будто сжигал их теплом своих пальцев. Жар... Какая мощная сила заключена в нем — дарующем жизнь и смерть, муки и избавление...

Генерал принялся собирать топливо, чтобы развести огонь. Это было непросто: им овладела невероятная слабость. Приходилось часто останавливаться и глотать воду из кожаной фляжки, подвешенной к поясу. Время от времени он отправлял в рот кусочки тонкого твердого хлеба — единственной пищи, которую принимал желудок. В меркнувшем свете ранних сумерек Лика подкармливал растущий огонь. Когда костер разгорелся, Лика принялся бросать туда замерзшие, опаленные тела своих солдат. Он уходил в темноту и волок к огню истерзанные трупы. Каждое маленькое путешествие становилось настоящим испытанием. Кружилась голова; часто приходилось падать на одно колено и так стоять, закрыв глаза, пока головокружение не унималось. Снова поднялся ветер; он завывал среди снегов и бросал в лицо клубы вонючего дыма. Лика беспрерывно кашлял, его лицо покрылось копотью, но генерал продолжал работу, пока тела не закончились. Его люди не станут пищей для падальщиков. Пусть уж лучше ветер развеет их прах по ветру, и души солдат отправятся на поиски лучшего мира — прочь от этого искаженного творения Дающего.

Поздним вечером Лика пристроился у огня. Глаза слезились от пепла, губы были покрыты твердой коркой, на зубах скрежетала зола. Несколько раз порывы ветра доносили до него звуки женского пения. Невозможно... И все-таки он слышал его достаточно ясно, чтобы разобрать отдельные слова. Что теперь делать? Он снова и снова задавался этим вопросом. Лика Алайн был боевым генералом. Он потерпел поражение и теперь должен выработать план действий. Все так... но поставить вопрос легче, чем придумать ответ. Он то и дело отвлекался от размышлений, когда очередное жуткое воспоминание овладевало мыслями. В памяти то и дело вспыхивали картины резни. Увы, Алайн не мог припомнить, чтобы хоть один из нападавших упал. И сегодня, собирая трупы, он не заметил ни одного мертвого врага.

След нападавших был легко различим в розоватом свете утра. Снег и ветер не сумели укрыть тропу, оставленную ими. Она тянулась через равнину точно сухая река. Эти люди тащили с собой повозки — достаточно большие, чтобы колеса прорезали диагональные колеи несколько футов глубиной. Лика видел крестообразные отпечатки копыт шерстистых носорогов и огромное множество следов, оставленных врагами. Некоторые из них были в полтора раза больше человеческих. Другие оказались довольно маленькими и, видимо, принадлежали детям. А еще генерал заметил отпечатки сапог акацийских солдат. Что это? Пленники?

Генерал отправился по следу, погрузив провиант и свое оружие на маленькие сани. Он взял два шеста от тента и опирался на них, глубоко погружая палки в снег при каждом шаге. Так начался поход одиночки, преследующего армию. Затея не имела смысла. Лика даже не мог точно сказать, какова его цель. Ему просто требовалось хоть что-нибудь делать. В конце концов, он оставался солдатом империи, а его родине угрожал враг. И Лика обязан был предупредить Акацию.

Глава 10

Подобно всем ошеницам, которых Аливер встречал до сих пор, Игалдан был одет в

национальный костюм — длинные кожаные штаны, облегающие ноги, рубашка с зелеными рукавами, синяя куртка и войлочная шляпа, немного сдвинутая набок. Простая одежда вроде той, что носят на охоте. Она вполне соответствовала национальному характеру ошенийцев. Аливер знал, что они любят кататься верхом по лесам своей страны. Ошенийцам нравилось считать себя охотниками, какими некогда были их предки. Мускулистые и ловкие, они как нельзя лучше подходили для такого занятия.

Аливер как-то сказал отцу, что не стоило бы позволять правителям других государств называть себя королями. Разве может один король править другим? Это принижало титул владыки Акации. Чего доброго, какой-нибудь королишка сочтет себя равным Акаранам! Не лучше ли, чтобы в империи был один монарх? Леодан терпеливо ответил сыну: нет, не лучше. Все страны Изученного Мира, кроме Ошени, так или иначе признавали над собой власть Акации. Завоеванные народы вынуждены были подчиниться, но все же они имели чувство собственного достоинства. Пусть у них останутся короли и королевцы, традиции, самобытность. Так они сумеют хоть в какой-то степени сохранить гордость. Это важно, поскольку люди, утратившие самое себя, способны на все.

— Неужели тебе трудно назвать человека королем? — сказал Леодан. — Пусть они останутся собой и пусть ощущают власть Акации как добрую отцовскую руку на плече сына.

На встречу с ошенийским принцем явились не все члены Королевского совета, некоторые прислали заместителей. Увидев это, Леодан что-то неодобрительно пробормотал себе под нос. Таддеус сидел рядом с королем; в зале присутствовал сэр Дагон из Лиги Корабельщиков и многие другие высокопоставленные лица. В общем и целом — достаточно важных персон, чтобы придать встрече высокий статус. Принц Игалдан явился в сопровождении ошенийских сановников. Игалдан исполнял обязанности посланника лишь три года, но уже поднаторел в этом деле. Во всяком случае, сопровождающие относились к нему с непритворным уважением.

Принц обратился к Леодану и Таддеусу без излишнего официоза. Он передал им длинное приветствие от своего отца, составленное в стихотворной форме, со сложными рифмами и необычным ритмом. Аливер ощутил некоторый дискомфорт, сравнивая себя с ошенийским принцем — и роли, которые каждый из них играл в политике своего государства. Вдобавок открытое лицо и изысканные манеры Игалдана явно располагали к нему людей.

— Благородные советники Акации, скажу не лукавя, что никогда в жизни не видел более прекрасного острова и более величественного дворца. Вы благословенный народ, а Акация — главный самоцвет в красивейшей из корон!

Некоторое время принц заливался соловьем, распевая дифирамбы акацийской культуре. Он потрясен великолепной цитаделью, поражен работой каменщиков, талантом инженеров и архитекторов. Ему необычайно нравится изысканная демонстрация богатства и процветания, явленная взору без излишней кичливости и тяжеловесности. Он никогда не ел более прекрасного ужина, нежели тот, что подали прошлым вечером — рыба-меч, поджаренная на открытом огне и поданная с соусом из какого-то сладкого фрукта, о котором принц раньше даже не слыхивал. Все здесь учтивы и любезны. Скромный житель маленькой страны, где часто царят холода и непогода, он преклоняется перед сиянием Акации, средоточием силы и покоя.

Речь Игалдана текла плавно и гладко, и Аливер не сразу заметил, что, изящно переплетая слова, принц мало-помалу приближается к истинной цели своего визита. К тому времени как он это осознал, Игалдан уже говорил об Ошени — гордой стране с длинной историей, надолго сохранившей свободу и независимость. Нет нужды, полагал принц, напоминать благородному собранию о той роли, которую играла Ошени в деле поддержания акацийского мира. Именно двойной фронт и совместные действия Акации и Ошени становились залогом победы в былые времена. Хотя с тех пор у них не раз возникали разногласия, Игалдан призывал вспомнить о дружбе и взаимопомощи между их

народами.

— Я приехал, чтобы передать пожелание моего отца. Король Галдан просит позволения присоединиться к Акацийской империи на равных правах с другими провинциями — такими, как Сениваль, Кендовия или Талай. Король Галдан обещает: если вы примете нас, ваш народ получит только выгоду, и Акация никогда не пожалеет о своем решении.

Вот оно, подумал Аливер. Наконец-то он понял, к чему все эти замысловатые вступительные речи. Акация, между тем, не дала немедленного ответа. Члены Королевского совета засыпали молодого принца вопросами. Они интересовались, отменит ли Галдан декрет королевы Элены — надменную декларацию вечной независимости. Игалдан ответил, что закон, изданный королевой, был актуален в ее время. Никто не может вернуться в прошлое и изменить то, что уже случилось. Галдан относится к постановлениям Элены с всемерным уважением, но теперь речь идет о дне сегодняшнем — о настоящем и о будущем.

Таддеус спросил, что за великие бедствия обрушились на Ошению, если после стольких лет независимости она просит места за этим столом.

— Никаких бедствий, господин канцлер. Однако мы слишком долго дистанцировались от экономической системы империи. Наш народ идет по пути прогресса и смотрит в будущее новым взглядом. Теперь мы видим возможности, которых не замечали прежде.

— Гм... — протянул канцлер, на которого слова принца не произвели особого впечатления. — Стало быть, дела ваши совсем плохи?

Игалдан с холодной вежливостью опроверг предположение канцлера. Ошения, сказал он, скромная страна, но она никогда не бедствовала. Ошения богата янтарем и драгоценными камнями. Ее исполинские сосны используются для постройки кораблей во всех уголках Изученного Мира. Ошенийцам известен секретный рецепт особого состава на основе смолы, которым обмазывают борта, дабы закрыть щели и уберечь корабль от воды, соли и древоточцев. Полезная вещь для любой страны, имеющей флот.

Игалдан, казалось, мог еще долго продолжать в том же духе, но тут сэр Дагон прокашлялся, дав понять, что собирается говорить. До сих пор он тихо и неподвижно сидел на противоположном конце стола, но Аливер ни на миг не забывал о его присутствии. Лига Корабельщиков... Леодан однажды сказал, что во всей империи нет более грозной силы. «Ты думаешь, это я правлю миром»? — спросил он в тот раз с печальной усмешкой.

Лига вынырнула из хаоса еще до воцарения Эдифуса. Отбросы общества всех мастей, якобы союз мореплавателей, а на самом деле обычная банда пиратов. Но во времена правления Тинадина Лиге было поручено осуществлять морские перевозки согласно договору с Лотан-Аклун. Так она была легализована, а затем начала процветать. В скором времени Лига обрела такую силу, что монополизировала всю морскую торговлю. Влияние Лиги ощущалось во всех уголках Изученного Мира, и везде у нее были свои агенты. Затем Лига получила безраздельную власть над морскими силами Акации, когда седьмой акацийский монарх распустил флот и заменил его кораблями Лиги. Очень скоро Корабельщики обрели и военную мощь: у них появились собственные силовые структуры под общим названием Инспекторат Иштат — предназначенные для защиты их интересов.

Сэр Дагон выглядел необычно — как и любой другой из членов Лиги. Их внешний вид скорее подошел бы жрецам какого-нибудь древнего культа, нежели торговцам. Всем представителям Лиги с детства определенным образом сжимали голову, так что череп деформировался и принимал вид яйца, обращенного острым концом назад. Шея сэра Дагона была необычайно длинной и тонкой. Такого эффекта члены Лиги достигали, надевая на шею множество колец и постепенно увеличивая их число. Они даже спали в них, и так, на протяжении жизни, шея постепенно вытягивалась. Голос Дагона был достаточно громким, чтобы его слышали все, и вместе с тем необычно ровным и бесцветным. Казалось, он тщательно взвешивал каждое слово, прежде чем произнести его.

— Какова численность населения вашей страны?

Игалдан кивнул одному из секретарей, и тот ответил на вопрос Дагона. Из свободных граждан в Ошении насчитывалось тридцать тысяч взрослых мужчин, сорок тысяч женщин и

почти тридцать тысяч детей. Число стариков быстро менялось, поскольку ошенийцы часто прерывали свою жизнь, когда чувствовали, что более не могут приносить пользу. Вдобавок в Ошениии жило много иноземных купцов, которых никто не считал, и некоторое количество плебеев — что-то около пятнадцати тысяч душ.

Секретарь закончил отчет, и Игалдан сказал:

— Впрочем, вы знаете все это сами. Мы в курсе, что агенты Лиги с некоторых пор наблюдают за делами Ошениии.

— Думаю, вы ошибаетесь, — отозвался сэр Дагон, не уточнив, однако, в чем именно ошибался принц. — Еще недавно ваши граждане голосовали против внедрения нашей системы торговли. Должны ли мы поверить, что ситуация изменилась? Готов ли король Галдан сотрудничать с нами на тех же условиях, что и другие провинции Акации? Вы знаете, какую продукцию покупает империя и что мы получаем взамен?

Повисла пауза. Аливер поочередно посмотрел на Игалдана, на советников, на отца и на других представителей Лиги. Его сердце забилося в ускоренном ритме, словно где-то поблизости скрывалась опасность. Он понимал, что многие из присутствующих в зале чувствуют нечто подобное, но на их лицах не было растерянности, которую ощущал сам Аливер. О какой продукции толкует сэр Дагон? Камни с рудников, уголь из Сениваля, предметы роскоши и самоцветы из Талая, экзотические животные с архипелага Вуму — всем этим торговали в Изученном Мире. Ресурсы Ошениии, которые упоминал Игалдан, тоже находили покупателей. Но если они говорят об этом, то почему в их словах чувствуется такой странный, зловещий подтекст?

Игалдан обвел взглядом представителей Лиги и неохотно кивнул.

Сэр Дагон выглядел довольным. Он переплел длинные пальцы и положил руки на стол. Драгоценный перстень ярко сверкнул в солнечном луче.

— С течением времени, здраво поразмыслив, все люди находят нашу систему приемлемой. Все видят преимущества и выгоду. К сегодняшнему дню мы достигли определенного равновесия, и мне не хотелось бы его нарушать. Посему новые участники сейчас не приветствуются. Думаю, король меня понимает. — Сэр Дагон кивнул в сторону Леодана, не удостоив его взглядом. Затем он вроде бы пошел на попятный: — Однако с другой стороны... Скажите мне: ваши женщины плодовиты?

Игалдан усмехнулся, но тут же одернул себя, увидев, что никто не последовал его примеру. Он посмотрел по сторонам, затем вновь обратил взгляд к сэру Дагону. Принц осознал, что вопрос Дагона не просто грубоватая шутка. Последовало обсуждение, показавшееся Аливеру странноватым. Ошенийские советники отвечали на вопросы, приводя статистику по количеству беременностей, по возрастам полового созревания женщин Ошениии, по детской смертности. На миг Аливеру показалось, что губы сэра Дагона дрогнули в намеке на улыбку. Дагон откинулся на спинку кресла и погрузился в загадочное молчание. Встреча продолжалась, однако члены Лиги больше не участвовали в беседе.

Казалось, Леодан был рад сменить тему.

— Я понимаю ваше стремление, принц, и уважаю его. Тем не менее я не устал восхищаться гордостью и свободолобием ошенийцев. Вы последние в Изученном Мире, кто сохранил независимость. Для многих людей вы были, ну... источником вдохновения.

— Милорд, — отвечал Игалдан, — к сожалению, никому не под силу накормить и напоить народ одним лишь вдохновением. Нам, ошенийцам, нечего стыдиться, однако теперь очевидно, что устройство мира все менее соответствует нашим идеалам.

— Каким же? — поинтересовался Таддеус. — Не освежите ли нашу память?

— Некогда Ошениией управляла прекрасная и мудрая женщина, королева Элена. Своей политикой она пыталась добиться, чтобы Изученный Мир превратился в содружество свободных и независимых государств. Ни одна страна не властвует над другой, все торгуют между собой на равных правах, каждый сохраняет свои традиции, обычаи, национальные особенности и поклоняется своим богам. Идеалом Элены было мирное сосуществование, дружба и взаимовыручка. Именно это она и предложила Тинадину.

Кто-то из советников Леодана заметил, что такая система работала бы бытовом уровне — все страны могли бы существовать и обладали бы равными возможностями. Но никто не достиг бы такого же процветания и стабильности, какую обеспечивала акацийская гегемония — при поддержке Лиги Корабельщиков. Изученный Мир остался бы скоплением варварских государств, каждое с собственными амбициями и бесконечными рассуждениями о превосходстве своей нации над прочими. Именно таков был мир до Войн Распределения.

Игалдан не стал спорить. Он кивнул и широким жестом обвел окружающее пространство, словно признавая его доказательством подобных аргументов.

— Королева ответила бы вам, что самое большое — не всегда самое лучшее. Особенно если богатство принадлежит горстке людей и приобретается за счет эксплуатации народа. — Игалдан опустил голову и провел рукой по волосам. — Впрочем, я пришел говорить не об этом. Элена ушла в прошлое. Мы же смотрим в будущее.

— Временами я все еще могу представить мир, о котором мечтала ваша королева, — сказал Леодан.

— Я тоже, — отозвался принц, — но только когда закрываю глаза. Если же они открыты, я вижу нечто совсем иное...

Часом позже, во время перерыва, Леодан пил чай в компании Таддеуса и Аливера. Король и канцлер некоторое время беседовали, обмениваясь впечатлениями от встречи. Аливер был немало удивлен, когда отец неожиданно обернулся к нему и спросил:

— Ну а ты что обо всем этом думаешь? Выскажи свое мнение.

— Я? Я думаю... принц кажется разумным человеком. Я пока не могу сказать о нем ничего дурного. Если остальные ошенийцы похожи на него, то это очень хорошо для нас, верно? Только... если они такого высокого мнения об Акации, то почему не присоединились к нам раньше?

— Присоединение к нам влечет за собой много разных последствий, — произнес Леодан. — Неудивительно, что они долго колебались. Однако теперь Ошения ясно дала понять, что готова стать нашим другом, если мы ответим ей тем же.

Таддеус сделал нетерпеливый жест, словно говоря, что все не так-то просто.

— Твой отец, как обычно, слишком щедро расточает похвалы.

— Ничего подобного, — возразил Леодан. — Я говорю, как есть. Они протянули нам руку дружбы, которая сохранится на многие годы. А мы не ухватились за нее.

— И хорошо, что не ухватились. Наше терпение окупилось сполна. — Канцлер обращался к королю, но его взгляд остановился на Аливере и задержался на лице принца, словно давая понять, что тому следует повнимательнее прислушаться к беседе. — Игалдан сделал хорошую мину, но по всему видно, что Ошени приходится несладко. Я удивляюсь, как они вообще сумели просуществовать до сих пор, вне империи, притом сохранив какое-то подобие экономики. У них есть некоторые полезные ископаемые, да. Плодородные земли, несколько хороших портов, янтарь и смола, однако без Лиги им просто некуда все это девать. Гордые ошенийцы вынуждены продавать свои ресурсы на черном рынке за гроши, прибегая к помощи пиратов. Хорошо быть идеалистом, пока не придет нужда. Что бы там ни говорил Игалдан, мы нужны им больше, чем они нам. Если мы примем Ошению, будет много возни с определением ее статуса в империи. Она окажется на правах ведела — новой завоеванной провинции, — что предполагает самый низший ранг. А ведел несет много тягот.

— Что, если они не войдут на правах ведела? — спросил король.

— А куда они денутся? В наших старых законах другой категории нет. Тинадин высказался на сей счет вполне однозначно. Любая страна мира может либо присоединиться к империи, либо воевать против нее. В тот день, когда ошенийцы отказалась принять акацийскую гегемонию, они решили свою судьбу. — Таддеус помедлил, глотнул чая, а потом снова заговорил, отвечая на невысказанное возражение, которое он тем не менее предвидел. — Прошедшие века не изменили ничего. Любой правитель любого государства должен понимать, что его решения повлияют на все будущие поколения. Отвергнув

предложение Тинадина, королева Элена знала, что ее народ будет вечно жить под бременем этих условий.

— Таддеус говорит о черном и белом в мире тысячи красок, — сказал Леодан. — На самом деле мы не завоевали Ошению и не победили ее. Она не была нашим врагом, как Мейн. Нам не требовалось преобладать над ними. Сотни лет мы жили бок о бок, но они не были нам ни вассалами, ни врагами.

— Верно, сотни лет, — кивнул Таддеус, — и этого за одну ночь не изменить. На самом деле, Аливер, твой отец, разумеется, может принять ошенийцев. Он идеалист. Он мечтает о благодном мире, где все народы сидят за одним большим столом. Ему не хочется признавать очевидное. А именно: для того чтобы этот стол вообще был, очень многих придется из-за него выгнать. Именно так рассуждает Лига. Поэтому не думаю, что Ошению позволят войти. Лига не склонна к подобному расширению своей сферы деятельности. Мне показалось, что Ошения кажется им лакомым куском, но все же они держат ее в стороне — по какой-то причине, нам неведомой. Есть вещи, Аливер, которые твой наставник не объяснил тебе до конца. В империи коммерция значит гораздо больше, чем политика. Здесь, у нас, Лига развернулась в полную силу и возвысилась, как нигде. Мы знаем далеко не все о делах Лиги, но судьбу Ошению решать будут они. Если Лига откажется ее принять, Ошения останется за бортом.

Леодан прикрыл лицо рукой. Казалось, беседа утомила его.

— Вот это, сынок, и есть первичная и истинная суть, очищенная от всяческих напластований.

— Черно-белая, — прибавил Таддеус.

Глава 11

Убийца прибыл в Акацию втайне от всех. Узнай хоть кто-нибудь о миссии Тасрена, вероятность предательства была бы слишком велика. Многие по всей империи жаловались на Акаранов, но Тасрен не мог доверять никому, Он не открылся даже агентам Мейна. Иные из них провели на острове годы, а некоторые жили здесь поколениями. Кто мог поручиться, что южные земли не испортили этих людей?

Тасрен самостоятельно отыскал путь в нижний город, переделся рабочим и спокойно миновал главные ворота. Он ходил по заполоненным народом улицам, испытывая отвращение к очевидной беспечности местных жителей. Ни одному чужаку не позволили бы свободно бродить по Тахалиану. Какой прок от грандиозной крепости, если враг может с такой легкостью проникнуть сюда? Столь чудесный остров достался никчемным людишкам!.. Озираясь по сторонам, Тасрен отмечал вопиющую роскошь Акации, и сердце его замирало от предвкушения. Под властью Мейна Акация станет неприступным бастионом. Он попытался вообразить ее, зная, что ему не суждено увидеть обновленный остров собственными глазами.

Тасрен расспросил прохожего и быстро отыскал квартал, где обитали знатные иноземцы. Стараясь не привлекать излишнего внимания, Тасрен искал возможность встретиться с единственным человеком, который был ему необходим. Промедление оказалось недолгим. Уже на третий день пребывания в городе Тасрен увидел мейнского посла. Волосы Гурнала, некогда золотистые, теперь приобрели металлический блеск — как часто бывает, если мейнец слишком долго живет на юге. Сперва Тасрен заметил лишь голову посла в толпе. Однако, подойдя ближе, разглядел, что Гурнал носит свободные акацийские одежды и мягкие сандалии. Лишь медальон на груди выдавал его происхождение. Маэндер был прав в своих подозрениях: Гурнал потерял себя. И почему мягкая роскошь столь соблазнительна для слабых людей?

Под покровом ночной темноты Тасрен взобрался по каменной стене, спрыгнул на задний двор особняка посла и методично обошел дом, разыскивая его обитателей. Он бродил по тихим комнатам, задерживаясь в каждой, чтобы глаза привыкли к темноте. Непростое

дело — сориентироваться в жилище, полном бесполезными вещами, декоративными вазами, статуями в человеческий рост, стульями, слишком маленькими, чтобы на них сидеть, и чучелами животных. Каждая комната имела собственный запах. Тасрен сообразил, что это запахи разных цветов.

Он нашел спящую дочь посла и связал ее по рукам и ногам без единого звука. Девушка только и успела, что поднять руку, когда Тасрен прижал лоскут ткани к ее рту. Сын посла, мальчишка-подросток, спал неглубоко и оказался силен. Они боролись несколько секунд в непроглядной темноте. Это была необычная, жутковатая борьба — тем более странная, что мальчик не произнес ни слова даже после того, как убийца вывернул ему руку и едва не сломал ее. Жена посла ахнула, когда изогнутое лезвие ножа коснулось ее горла. Она открыла глаза и посмотрела Тасрену в лицо, прошептав имя мужа, но что это обозначало, мольбу или упрек, он не знал наверняка. Тасрен связал их всех там где нашел, остро осознавая, какое милосердие он проявил.

С тремя домашними слугами дело обстояло иначе. Они спали вповалку, все трое рядом, и вскочили на ноги, готовые сразиться с убийцей. Тасрен ощутил невероятное облегчение, когда зарезал их. Стычка была довольно громкой, и на некоторое время убийца замер в неподвижности, прислушиваясь к каждому шороху и пытаясь понять, не услышали ли его.

Гурнал, должно быть, что-то почувствовал. В прежние годы он бы уже стоял на ногах, вооруженный и готовый обороняться, но Акация сделала его слабым. Когда Тасрен вошел, посол перекатился с боку на бок на кровати, запутавшись в простынях, как ребенок. Наконец он приподнялся на локтях и пробормотал что-то себе под нос. Потом задрыгал ногами, спустил голые ступни на пол и сел на кровати. Понял ли Гурнал, что он в комнате не один? Судя по его поведению, вряд ли. Гурнал не заметил Тасрена, притаившегося в тени за шкафом. Он снова что-то пробормотал, поднялся и пошел к выходу.

Тасрен выскочил из своего убежища и быстро полоснул Гурнала ножом под коленом — сперва по одной ноге, потом по другой. Посол упал. Тасрен схватил его за ворот и дернул назад. В следующий миг он сидел на Гурнале верхом, коленями прижимая его руки к полу. Посол крикнул во всю силу своих легких, но тут Тасрен приставил окровавленное лезвие своего ножа к кончику его носа. Гурнал мгновенно замолк.

— Кому ты служишь? — спросил Тасрен на родном языке, слова которого были резки и неблагозвучны. Точно речные камни трещали под зубилом.

Гурнал смотрел на убийцу, не узнавая его. Глаза посла были того же серого цвета, что и у Тасрена.

— Мейну. Крови Тунишневр. Тысячам тех, кто погиб. Тех, с кем... я единое целое.

— Хорошо, что ты произносишь такие слова. Они правильны. Но правильный ли ты человек?

— Конечно, — сказал Гурнал. — Кто ты? Почему ранил меня? Я...

— Молчи. Вопросы задаю я. — Тасрен уселся поудобнее, уперев колено в грудь посла. — Когда ты окажешься рядом с королем?

Лицо Гурнала исказила гримаса боли. Всем своим видом он давал понять, как ему худо. Тасрен давил коленом на грудь, пока посол не закашлялся. Наконец он заговорил, до сих пор ошеломленный, будто не верил, что все происходит на самом деле. Его разбудили среди ночи, ранили, прижали к полу и теперь заставляют отвечать на бесцеремонные вопросы. Неслыханно! Тасрен тем временем не давал ему поблажки. Он настойчиво расспрашивал Гурнала, и тот говорил, пересказывая подробности своей повседневной жизни, перечисляя свои обязанности и места, где он должен появиться в течение нескольких ближайших дней. Наконец Гурнал заметно успокоился и стал отвечать охотнее, словно поняв, что ничего страшного и необратимого с ним не произойдет.

— Ты встретишься с королем сегодня вечером? — спросил Тасрен.

— Конечно. Правда, не один на один. Я должен присутствовать на приеме в честь ошенийских гостей. Там будет много...

— Где прием?

— Во дворце. Сегодня и завтра. Я получил личное приглашение. Небольшой банкет, только для своих. Редко удастся поужинать за одним столом с королем, но я... — Гурнал осекся на полуслове. В его глазах появилось изумление. Несколько секунд он лишь беззвучно шевелил челюстью, пока наконец дар речи не вернулся к нему. — Я узнал тебя. Тасрен! Тасрен...

Убийца шикнул, призывая к молчанию. Он наклонился к уху Гурнала, коснувшись губами мягкой кожи и хрящей, и прошептал:

— Кто я — не имеет значения. А важно то, что ты становишься слабым. Ты говоришь ртом, а не сердцем.

Посол пытался возразить. Его взгляд метался из стороны в сторону, словно ища помощи. Словно ему нужно было увидеть чьи-то глаза, чтобы начать действовать.

— Может быть, Каллах, кто судит всех перед воротами гор, услышит тебя и позволит войти, — продолжал Тасрен, — но в этом мире у тебя другой повелитель, и ему решать, насколько ты полезен. Вождь недоволен тобой, Гурнал. Хэниш Мейн более не ценит твою жизнь. Однако ты мейнец и ты получишь последний шанс доказать свою верность.

Остаток ночи Тасрен провел, объясняя послу и его семье, что нужно делать. Он живописал боль и пытки, которым подвергнет их Хэниш, если они провалят задание. Он напоминал им о долге мейнского народа и о силе Тунишневр, которые карают любого, кто вызывает их гнев. У них остался последний шанс обелить себя. Жена и дети должны показаться на публике, делая вид, что все в порядке. Они будут притворяться, выслуживаться и лстить акацийцам. Они придумают, как объяснить исчезновение слуг, и не позволят никому войти в дом. Тем временем Гурнал откроет Тасрену все, что ему необходимо знать, дабы подобраться к королю. Научит его местным обычаям. Расскажет, с кем он может столкнуться и какую охрану встретит. Говоря кратко: они помогут ему убить короля.

Тасрен покинул дом посла на следующий день. На нем был парик, сделанный из волос одного из убитых слуг. Парик сидел как влитой; поверх него Тасрен надел повязку из конских волос — знак того, что ее обладатель выполняет важное и срочное поручение. Тасрен был избран для своей миссии не только потому, что обладал навыками убийцы. Еще одна причина состояла в том, что внешне он очень походил на Гурнала — та же форма лица, тот же разрез глаз, такие же высокие скулы. Как-никак, они родственники — троюродные братья по материнской линии. Сильнее всего различался цвет волос, но парик решил эту проблему.

Тасрен без особого труда нашел путь наверх. Он вошел в ворота дворца вместе с другими людьми. Стражники не задали ему ни единого вопроса; один из них махнул рукой: проходи. Никто не обыскивал гостей на предмет оружия. Стражники просто стояли в определенных местах и поглядывали по сторонам — зрители, а не участники событий. Тасрену казался отвратительным запах этого места. Невероятное смешение различных ароматов, сладких притираний, духов из всех уголков мира. Все было именно так, как предсказывал Хэниш: представители множества стран и народов, которые улыбались и кланялись своим акацийским хозяевам. Неужели весь мир отрекся от гордости? Они походили на оленей и антилоп, что поют оды льву, пожирающему их детей. Какой в этом смысл? Тасрен силился понять — и не мог.

Весь вечер он простоял вблизи выхода из зала, делая вид, что ему удобно в странных одеждах посла. Тасрен приветливо кивал людям, встречаясь с ними взглядом, и словно невзначай отворачивался от тех, кто намеревался с ним заговорить. Два раза ему не удалось избежать беседы со «знакомыми». Тасрен кашлянул в кулак и объяснил свою молчаливость простудой. Акацийцы развеселились. Он слишком долго прожил на острове, шутили они, и сам стал акацийцем — кашляет от легчайшего сквозняка. Оба «приятеля» отошли, улыбаясь.

Прием вымотал Тасрена до полного изнеможения. Ни на миг он не мог расслабиться.

Сердце яростно колотилось о ребра. Нос и щеки были покрыты бисеринками пота; изнанка парика тоже стала влажной. И тем не менее любой, кто смотрел на него, видел на лице «посла» спокойное, благодушное выражение.

Настал момент, когда в зале повисла тишина, и глашатай объявил выход монарха. На голове короля возлежал золотой венец с шипами, имитирующими иглы акации. Тасрен смотрел на него, понимая, как близок он к цели. Лишь несколько шагов отделяли его от славы и места в истории народа Мейн.

Тасрен и не пытался подойти к королю. Сегодня он лишь произвел разведку. Самое важное случится завтра.

Глава 12

Без ведома отца, брата, сестер и даже няни, под чьим неусыпным надзором он должен был находиться, Даризэл Акаран часто сбегал из детской и часами бродил по огромным пространствам дворца. Эти «походы» начались прошлым летом, когда прежняя няня слегла с лихорадкой и прислали новую — пожилую женщину, строгую, но добрую. У новой няни была одна беда: она частенько наливала себе в чай непонятную жидкость, от которой ее клонило в сон. Даризэл быстро понял, какие выгоды можно из этого извлечь.

Даже если женщина просыпалась и не находила мальчика рядом, она не беспокоилась. Покои, отведенные для детей, были такими большими, что она могла часами искать воспитанника по комнатам, не подозревая, что его уже нет ни в одной из них. Появлялась в детской, Даризэл приставал к няне, предлагая поиграть в настольные игры или в солдатики. Или покидать дротики в мишень. Или подраться на деревянных мечях... Бедная женщина была уже старовата для таких упражнений. Она все чаще и чаще оставляла мальчика наедине с его игрушками. Именно это Даризэлу и требовалось.

Он нашел тайный проход совершенно случайно, гонясь за мячиком, который катился к щели между шкафом и стеной. Старый шкаф был огромным исполином из красного дерева — таким монументальным, что Даризэл долгое время считал его каменным. Мальчик протиснулся за него — сперва на длину руки, а затем целиком. Грудью он прижимался к задней стенке шкафа, а спиной елозил по граниту стены. Даризэл попытался присесть, шаря рукой там, где, по его мнению, должен был находиться мячик. Стены мешали добраться до игрушки. Наконец он нашел место, где сумел опуститься на корточки, и зашарил руками по пыльному полу.

Лишь после того как мячик оказался у него, Даризэл сообразил, что находится в каком-то коридоре. Света здесь едва хватало, чтобы рассмотреть грубо обработанные каменные стены — вовсе не такие, как везде во дворце. Здесь было невероятно тихо. Мальчик ощутил чуть заметное движение воздуха — словно дыхание на лице, словно едва слышный шепот... Так началось его знакомство с давно забытой системой проходов и туннелей, которые в прежние времена использовались слугами, чтобы передвигаться незаметно. Настоящий лабиринт лестниц, коридоров, залов и тупиков, куда свет попадал через дыры, пробитые в камне. Даризэл гулял по заброшенным комнатам, в которых кое-где еще сохранились отдельные предметы мебели, ковры и драпировки на стенах. Все это было покрыто толстым слоем пыли. Ни разу мальчик не встретил здесь ни одной живой души. Зато он обнаружил зловещие фигуры, вырезанные на притоках и дверных косяках. Странные двуногие звери с выпученными глазами, люди со звериными частями тел — вепрей, львов, ящериц, гиен и орлов. Одна фигура походила на гигантскую жабу, но ее злобная морда не имела ничего общего с этим милым созданием. Кто и зачем вырезал здесь все это? Какие страшные, должно быть, царили времена, если людям пришлось поделиться своими телами со зверьем. Однажды за Даризэлом увязалась золотистая обезьянка, но, увидев статуи мгновенно сбежала. А мальчик остался в одиночестве, раздумывая, не сделать ли ему то же самое.

Как-то раз Даризэл выглянул из узкого туннеля и увидел яркий солнечный свет. Внизу

плескались морские волны. Ослепленный светом дня, он выбрался наружу и подошел к краю каменного выступа. Надо же! Он отыскал секретный путь прямо к морю на севере острова, неподалеку от храма Вады. Мальчик стоял, вдыхая влажный, пропитанный солью воздух, а морское ветер трепал его волосы. Он бросил камень в воду, и испуганные рыбки прыснули в разные стороны. Над головой кружились большеклювые морские птицы. На глазах у Дариэла одна из них сложила крылья и нырнула прямо в море.

Дариэл подумал, что неплохо бы вернуться назад и принести удочку, но тут большая волна накрыла выступ как раз у него под ногами. Фонтан соленой воды взлетел вверх, окатив Дариэла. Он покачнулся, ноги поехали по мокрому камню... Воде бурило и пенилась вокруг. Дариэл раскинул в стороны руки и ноги, силясь найти точку опоры. Наконец ему удалось втиснуться между двумя валунами. Несколько секунд мальчик лежал там, тяжело дыша и всхлипывая. Его запросто могло смыть этой волной. И никто бы не догадался, что случилось. Он бы просто исчез...

Стоило вообразить себе такое — и слезы сами собой потекли из глаз. Дариэл больше никогда не возвращался на выступ и никому не рассказал о нем. Это место пугало его.

По правде говоря, и сами путешествия по подземельям щекотали нервы Дариэла. Кровь пульсировала в висках, руки начинали дрожать. От звука призрачного дыхания в коридоре волосы на шее поднимались дыбом, а кожа покрывалась мурашками. И все же он любил эти таинственные места и не хотел отказываться от своих приключений, хотя и понимал, что придется, если только кто-нибудь узнает.

«Кто-нибудь» — это люди из верхнего дворца. Меж тем население огромного дворцового комплекса состояло не только из них. Дариэл нашел несколько мест, помимо детской, откуда можно было выйти в тайные туннели. Такой простор для исследований! А еще на подземных ярусах дворца существовал целый мир, совсем не похожий на тот, что остался наверху. Это было царство неприметных слуг, механиков, поваров и техников. Среди рабочего люда Дариэл чувствовал себя свободно, как нигде больше в компании взрослых. За исключением разве что отца, которого Дариэл обожал. Сперва эти люди побаивались принимать у себя маленького принца, опасаясь, что с мальчиком случится какая-нибудь беда, а их накажут, но постепенно дело пошло на лад. Кое-кто до сих пор относился к мальчику с прохладцей. Дариэл подозревал, что здесь часто говорили о нем за его спиной. Однако были и люди иного сорта, и с ними принцу даже удалось подружиться. Он катался в тележке, которую тянул ослик. На этой тележке дядюшка Севил возил дрова из нижних кладовых во дворец. Часто Дариэл вертелся вокруг столов со сладкой выпечкой, одно за другим таская любимые пирожные. Он общался со стариками — бывшими рабочими дворца, жившими под землей незаметно для представителей высшего света.

Дариэл мог часами наблюдать за работой кочегаров, которые трудились в душных, закопченных пещерах под кухнями. Печи, где готовили еду для королевского стола, работали при помощи гигантских топок, соединенных с ними сложной системой труб. Они переплетались под потолком, будто огромная паутина; Дариэл так и не сумел разобраться, что здесь к чему. Стены пещер покрывал толстый слой сажи, а в воздухе постоянно висела угольная пыль. Черные, раздетые до пояса кочегары — люди с огромными руками и плечами, налитыми кровью глазами и желтыми зубами — истекали потом. У пещеры не хватало одной стены, но это было сделано не ради красивого вида на западное побережье — так рабочие хотя бы отчасти спасались от жара топок. А вдобавок так было проще перетаскивать в пещеру уголь, что добывали в Сенивале и на баржах перевозили с материка на Акацию.

Именно сюда и пришел Дариэл в день приема, устроенного для ошенийских послов. Изнутри доносились шум и гам. В воздухе стоял запах сажи, усиливающийся по мере того, как он проходил повороты коридора. Печи ревели и полыхали жаром мальчику казалось, будто он вступает в пасть какого-то сказочного чудовища. Фигуры людей в красноватых отсветах пламени имели зловещий и жутковатый вид. Однако Дариэл разглядел среди них одного конкретного человека и поспешил к нему.

Валя называли кендовианцем. Сам он говорил, что в юности был пиратом и исплавал Серые Валы вдоль и поперек. Дариэл относился к этим заявлениям с некоторым скептицизмом. Валь казался плотью от плоти акадийской земли, и маленький принц просто не мог поверить, что он прибыл откуда-то издалека. Этот человек был невероятно огромен. Дариэл впервые увидел его, когда Валь ходил возле печей, двигаясь с тяжеловатой грацией, подсвеченный снизу красным пламенем. В тот миг мальчик не сомневался, что перед ним сказочный гигант — один из тех, что живут в жерлах вулканов. Даже сейчас он не вольно вздрогнул. Валь отдал кому-то распоряжение, сопроводив его парой крепких словечек, а потом ухватил кусок угля размером с ребенка. Вот тогда-то он и заметил Дариэла. Валь выпрямился во весь рост и провел рукой по губам, стирая произнесенное богохульство.

— Юный принц, что вы здесь делаете? — спросил он, подступая ближе и опускаясь на одно колено. — Сегодня прием во дворце. Или вы не знаете? Ваш батюшка чествует ошенийского принца. Не очень подходящее время, чтобы здесь развлекаться. Вы ведь не хотите навлечь беду на голову старого Валья?

Дариэл всегда робел перед этим огромным человеком, не вместе с тем его неудержимо тянуло к Валью. Почему-то рядом с ним было уютно и спокойно. Он застенчиво улыбнулся и пробормотал, что, дескать, не хотел ничего плохого.

Гигант опустил руку на плечо мальчика и слегка встряхнул его.

— Ладно, — сказал он, с некоторым усилием поднимаясь на ноги. — Мне как раз пора сделать перерыв. Давай-ка вдыхнем свежего воздуха.

Они отошли от печей. Дариэл следовал за Валем, которые будто прокладывал просеку в толпе рабочих. Кругом кипела работа. Скрежетали лопаты, зачерпывающие уголь, скрипели тележки, запряженные злыми ослами. Вокруг сновали люди, сыпля руганью и проклятиями. Все бурлило, двигалось, шумело и грохотало, но куда Дариэл оставался рядом с Валем, он знал, что находится в безопасности. Мальчик шагал по грубому каменному полу и один раз врезался в ноги Валья, когда тот остановился, чтобы пропустить тележку. Огромная рука упала с высоты и опустилась на плечо Дариэла, словно защищая его. Потом они двинулись дальше.

Небо было затянуто слоями тяжелых облаков, ветер утих. После полумрака пещеры зимнее утро показалось ослепительно-ярким. Дариэл всегда остро ощущал такие перемены — из тьмы на свет, из жары в холод. Они словно вышли из жерла вулкана с его духотой и спертым воздухом — и окунулись в ароматную, пахнущую солью свежесть. Малыш и великан поднялись по каменной лестнице и зашагали по пологому пандусу, ведущему к кухням.

Здесь безраздельно властвовала Кэран — кухарка, разносившая еду для рабочих. Она как раз поставила поднос с галетами на подставку остужаться и выпрямилась в полный рост. Кэран уставилась на Дариэла, и тот замер точно мышонок под взглядом кошки. Мальчик вспыхнул от смущения, хотя не мог понять, откуда оно проистекает. Так бывало всегда, когда Кэран на него смотрела. Казалось, женщина знает мысли Дариэла лучше, чем он сам.

Отвернувшись от принца, кухарка перевела взгляд на Валья, уперла руки в бедра, выпирающие из-под фартука, и смерила гиганта неодобрительным взглядом.

— Ах ты свинтус! — рявкнула она. — Хоть бы лицо сполоснул, прежде чем на кухню-то соваться!

Маленький Дариэл догадался, что причиной недовольства женщины был он сам, а вовсе не его спутник. В отличие от Валья Кэран всегда относилась к мальчику с опаской, хотя Дариэл не мог понять почему. Неужели он способен нанести ей какой-то вред? И еще принц подозревал, что, хотя Кэран осыпала Валья грубостями, на самом деле он ей нравился. Однако кухарка отчего-то стеснялась этого и скрывала свои чувства.

— Тише, женщина, — сказал Валь. — Я всего-то и прошу, что пару галет и кружку чая. Не знал, что ради этого нужно вымыться. — Он бросил взгляд на Дариэла, словно ища у него сочувствия, а потом сгреб с подноса большую часть галет и зажал их в кулаке.

— Не обращай на нее внимания, — сказал Валь, когда они вдвоем вышли из кухни и

уселись рядышком на каменном обрыве, свесив ноги над морем. — Кэран думает, что тебе не по вкусу придется еда работяг.

Дариэл держал галету двумя пальцами, рассматривая ее со всех сторон и не особенно стремясь положить в рот эту ломкую безвкусную лепешку.

— Да нет, нравится... Ее трудно откусить, — прибавил Дариэл, словно это все объясняло.

— Конечно, нравится. Я так и скажу Кэран. Некоторые из нашего народца ужасно забавные.

Дариэл, разумеется, был полностью согласен.

— Почему она меня не любит?

— Ее предки готовили еду для твоих предков. Очень, очень давно. Мы слуги, а вы — наши хозяева. У нее свое мнение на этот счет. Но я мыслю иначе. Ты хороший парень. В любом случае пройдет год-другой, и ты потеряешь к нам интерес. Перестанешь сюда ходить. Я не хочу тебя обидеть, малыш, просто я уверен, что у тебя найдутся дела поинтереснее. Начнутся тренировки с мечом и всякие другие штуки. Тебя будут учить тому, что должен знать принц. Вот Кэран — она отчего-то думает, что ты погубишь меня. Говорит: ей что-то такое приснилось. Ну, я сказал, что она, должно быть, перекушала своей стряпни перед сном. Хотя, знаешь, она навела меня на одну мысль. Вот, позволь тебя спросить... зачем все это?

Дариэл непонимающе посмотрел на Валя, и тот развернул свою мысль. Он наклонился поближе к мальчику и свел брови так, что они превратились в одну толстую линию над переносьем.

— Почему ты сидишь здесь со мной, ешь каменные галеты, пьешь наш черный чай? Ты ведь принц, Дариэл. Для тебя это, должно быть, все равно что жевать грязь. Я уже не говорю о моей недостойной компании...

Дариэл отвернулся. Ему стало неудобно — не от самого вопроса, но от тона, каким он был задан. В нем чувствовалось что-то неестественное, будто большой человек скрывал свои настоящие эмоции. Дариэлу слышалась фальшь. Суть здесь была в чем-то другом. Он уже давно рассказал Валью, как нашел путь в подземелья. Он давно объяснил, что ему нравятся приключения и опасность, что люди здесь не такие нудные, как наверху. Валь слышал все это раньше, но задавал тот же самый вопрос снова и снова, будто ни один из прежних ответов Дариэла его не устраивал. Стараясь заполнить тишину, принц сказал первое, что пришло в голову:

— Моя няня пьет какой-то странный чай и от него засыпает.

— Да?

— Да. Мне скучно сидеть там.

Валь откусил от галеты и заговорил с набитым ртом:

— И впрямь. Кому интересно смотреть на спящую старуху?

И снова Дариэл услышал в его голосе какую-то иронию, но не обратил внимания. Ему показалось, что настал удачный момент поговорить о вещах, которые его беспокоили. Дариэл поведал Валью о своих старших сестрах и брате, которые далеко не всегда были с ним добры. Мэна чаще других общалась с малышом приветливо, но Коринн считала брата глупеньким, а Аливер вообще терпеть его не мог. Однажды он наорал на Дариэла и велел ему убираться вон, а Коринн сказала: «Отойди, от тебя плохо пахнет» — и посетовала, что Дариэл не родился девочкой. Ни у кого из них нет времени на младшего братишку. Всем плевать, как и во что он играет, чем занимается. Так мало-помалу Дариэл нарисовал пред своим другом печальную картину забвения и одиночества — грустной жизни, где рядом с мальчиком не было никого.

Валь слушал, не перебивая: ворчал себе под нос, ел галеты и, казалось, следил за кораблями на море. Подняв взгляд, Дариэл увидел, как подрагивают его ноздри, как шевелятся волоски в носу — тяжелые от угольной пыли. Он вдруг вспомнил, как отец входил к нему в комнату по ночам, целовал его в щеки, в лоб, в губы. Дариэл всегда притворялся, что спит, хотя на самом деле легко просыпался и просто от шороха двери и

движения воздуха, когда отец входил в комнату. Иногда Дариэл чувствовал, что на его кожу падают слезы.

Ему стало неудобно из-за того, что он все это рассказал. Зачем? На самом деле Дариэл любил свою семью. Его брат и сестры совершенны — каждый по-своему! — и мальчик восхищался ими. Он боялся дня, когда отец перестанет приходить к нему по ночам. Но вместе с тем испытывал боль, понимая, что отец в такие моменты обычно очень печален. Дариэл знал, что его мать умерла, но не помнил ее. Однако если такое однажды случилось оно может произойти снова. Вдруг он потеряет еще кого-то из семьи? Такая страшная мысль!.. Дариэл поспешил сменить тему разговора и спросил Валь о тех временах, когда он был пиратом.

Валь, кажется, не был уверен, стоит ли рассказывать, но не прошло и пары минут, как он ударился в воспоминания, причем, похоже, не без удовольствия. Он родился в пиратской семье по фамилии Верспайн и, сколько себя помнил, всегда жил бродячей жизнью, в основном на бортах пиратских кораблей. Иногда пираты сходили на берег и устраивали временный лагерь где-нибудь на Внешних Островах. Здесь они прятались и отдыхали после успешных набегов. Пираты грабили корабли и поселения по всему океанскому побережью — от северных границ Кендовии до самого Талая. Налетали обычно ночью, проникая в города и деревни. Брали, что им нравилось, и жестоко расправлялись с теми, кто пытался оказать сопротивление. Пираты продавали награбленное добро, получая взамен деньги и вещи первой необходимости, а затем возвращались на острова, где проводили несколько спокойных месяцев — рыбачили, валялись на песке, пили, устраивали потасовки и наслаждались безмятежной жизнью, пока не приходила пора вновь отправляться в рейд.

Дариэл чувствовал, что начинает замерзать. Поднялся ветер, дующий с северо-запада, и принес промозглый холод.

— Почему сейчас ты больше не пират?

Пожав плечами, Валь пробормотал, что, дескать, лучше ему вернуться к работе. Уже стоя в полный рост, он помедлил и обратил взгляд к морю.

— Видишь ли... Сердце не лежит, — сказал он. — Многие кого я знал, умерли... неправильной смертью. Раньше я был молод, и такие вещи меня не тревожили. Я считал: мне принадлежит все, что я могу взять. И не важно, кого я убью или пораню, — нечего стоять у меня на пути! Но потом... начинаешь понимать, что мир полон людей, лишь немногим отличающихся от животных. Можно сидеть и с улыбкой рассказывать о давних временах — вот как сейчас, однако тридцать лет своей жизни я был именно таким животным. А ведь человек отличается от зверя. Вот когда я это понял, я бросил пиратство и приехал сюда, служить твоему отцу. Для тебя я просто Валь, кочегар, но когда-то я был кровожадным убийцей. Можешь такое представить?

Дариэл поднял голову и оглядел гиганта — простое лицо, кожу, почерневшую от въевшейся угольной пыли, широченные плечи, заслонявшие горизонт... Даже несмотря на все это, Дариэл не мог представить Валь кровожадным убийцей. От его рассказов захватывало дух, и сознание мальчишки готово было впитывать их как губка, бесконечно, сколько угодно. Не верилось, что Валь способен причинить кому-то вред. Он обычный работяга из подземного мира дворца, симпатичный гигант, который на самом деле унаследовал свою профессию от отца и никогда не покидал острова. Наверное, он просто где-то узнал все эти истории и теперь рассказывал их мальчику, чтобы хоть немного скрасить его существование.

Глава 13

Леодан Акран был вечно не в ладах с самим собой. Жестокие сражения бесконечно велись в душе короля, и ни одна из сторон не могла одержать победу. Леодан знал, что он слабый человек с множеством недостатков. Мечтательная натура, поэт, ученый, гуманист — все это едва ли укладывалось в образ хорошего монарха. Он воспитывал своих детей в

традициях акацийской культуры, но упорно скрывал от них изнанку жизни империи. В первую очередь — позорный торговый договор с Лотан-Аклун. Леодан надеялся, что его дети никогда не познают жестокость на собственном опыте — несмотря на то, что держать меч над склоненными головами подданных всегда было неотъемлемым правом короля. Он с отвращением думал о коварном наркотике, подчинившем себе бесчисленное число жителей Акацийской империи, превратившем их в послушных, бездумных животных. И все же именно он, Леодан Акаран, позволял этому злу существовать на свете. Он до безумия любил своих детей и порой просыпался по ночам от кошмарных сновидений, в которых с его малышами случалась какая-нибудь беда. И вместе с тем Леодан знал, что многочисленные агенты по всей империи вырывают других детей из рук несчастных родителей. И действовали агенты именем короля. Даже думать об этом было жутко, а между тем вина лежала на нем одном.

Сам Леодан не издавал подобных законов. Они перешли к нему по наследству вместе с короной от предыдущих правителей. Леодан вырос на тех же сказках, которые сейчас рассказывал своим отпрыскам. Он испытывал такое же почтение к древним героям. Он обучался Формам, уважительно смотрел на сановников из разных уголков империи и безоговорочно верил, что его отец — правомочный правитель всего Изученного Мира.

В возрасте девяти лет Леодан впервые увидел шахты Киднабана — разверстые пропасти, вырезанные в камне, бесчисленные люди, раздетые до набедренных повязок, похожие на мириады муравьев в человеческом обличье... Тогда он просто ничего не понял. Почему эти мужчины и подростки выбрали для себя такую жизнь? Он не задавал вопросов, но смутное беспокойство уже не покидало мальчика. Вскоре после его четырнадцатого дня рождения отец разъяснил Леодану кое-какие вещи. Он узнал, что рудничных рабочих забирают из каждой провинции, заставляют трудиться на Киднабана, не спрашивая их согласия. А посещающие Акацию высокопоставленные лица были привилегированным меньшинством, кому вменялось в обязанность умирять простой народ и подавлять его недовольство.

Это открытие стало для Леодана настоящим потрясением. Но даже оно не шло ни в какое сравнение с тем, что он узнал о Квоте. Юный Леодан отправился к отцу и осыпал того упреками. Он влетел к нему, кипя праведным гневом, как раз в тот момент, когда Гридулан упражнялся с мечом. Правда ли, спросил Леодан, что со времен Тинадина все короли каждый год отправляли за Серые Валы корабль рабов? Правда ли, что именем Акаранов у родителей отнимают детей и продают их? Правда ли, что никто даже не поинтересовался, какая судьба уготована этим мальчикам и девочкам? Правда ли, что с давних времен Лотан-Аклун платят Акации наркотиком, с помощью которого короли держат людей в подчинении?

Гридулан прервал упражнения, упер кончик обнаженного меча в мат под ногами и посмотрел на сына. Он был высоким человеком — Леодан так и не сравнялся с ним в росте — с твердой военной выправкой. Приятели короля, числом тринадцать, заполняли тренировочный зал. Некоторые фехтовали; остальные стояли возле одной из колонн, беседуя между собой.

— Да, правда, — отвечал Гридулан. — Еще Лотан-Аклун пообещали, что никогда не затеют войну против нас. И это нам на руку. Тинадин писал, что каждый из них — точно змея с сотней голов. Хорошо, что ты узнаешь особенности жизни нашей империи, хотя вряд ли...

Леодан перебил отца. Он говорил тихо, голос сочился ядом. Все это было необычно для принца, но история о Квоте слишком сильно задела его. Она показалась Леодану чуть ли не личным оскорблением. Грязная, отвратительная сделка! Принц не сумел совладать с гневом.

— Как ты мог позволить, чтобы такие мерзости творились твоим именем? Мы должны немедленно прекратить торговлю, даже если это означает войну с лотанами! Есть только один правильный путь. Если ты боишься на него ступить, тогда я...

Движение отца застало его врасплох. Гридулан перекинул меч в левую руку, шагнул вперед и влепил юноше пощечину — с такой силой, что едва не оторвал ему голову. Принц

пошатнулся и упал на спину, прижав руку к пылающей щеке. Гридулан же обрушил на сына поток грязных ругательств.

— Все, что мы имеем, — прошипел он, — мы получили благодаря этому договору! Отказаться от него — значит подвергнуть опасности наши жизни и опорочить память всех Акаранов. Всех, кто соблюдал соглашение. Только дурак может ценить свободу кучки людей превыше благополучия нации! Договор соблюдался много веков, — продолжал Гридулан, наклонившись поближе к сыну. — Сам Тинадин подписал условия Квоты. Кто ты такой, чтобы сомневаться в его мудрости?.. А если тебе этого мало, подумай о том, что не я команду армией. Формально войска подчиняются мне, да, но на деле офицеры слушаются наместников. А наместники выполняют желания Лиги. Лига же никогда не допустит отмены Квоты. Если только мы заикнемся об этом, они примут меры, чтобы уничтожить нас и посадить на трон кого-нибудь поговорчивее. Понимаешь? Мы потеряем все, и ты еще пожалеешь о том времени, когда короли позволяли этой «мерзости» существовать. Да тебя самого могут продать как раба! Многие в Алесии сочли бы это справедливым...

— Получается, что быть королем это ничего не значит? — спросил Леодан, готовясь к новой пощечине.

Гридулан, однако, не ударил его. И в голосе отца было больше грусти, чем гнева.

— Конечно, я имею большую власть — до тех пор, пока правильно танцую свою партию в имперском балете. Я знаю правила и следую им, но этот танец больше меня, Леодан. И больше тебя. Сейчас тебе сложно понять. Ты хочешь мира, честности и справедливости для всех, но не добьешься ни того, ни другого, ни третьего. Никогда.

Государь выпрямился и небрежно взвесил меч на руке.

— На самом деле, Леодан, тебе следует еще долго учиться, прежде чем ты сможешь бросить мне вызов. И не говори больше об этом вслух. Даже перед моими доверенными людьми.

Сидя на подоконнике одного из огромных окон библиотеки, Леодан задавался вопросом: неужели его отец ожесточил свое сердце настолько, чтобы стать убийцей?.. Король выкинул эти мысли из головы. Он знал, что и так слишком много времени проводит в прошлом. Тем не менее отрешиться от раздумий было сложно — особенно в такой вечер, когда сам воздух, казалось, напоен грустью.

Акация лежала в климатической зоне, удачно расположенной между засушливыми бушлендами Талая и морозными просторами Мейна, но временами и здесь становилось достаточно холодно, чтобы пошел снег. Как правило, маленький снежок выпадал раз или два за зиму и быстро таял. Настоящие холода приходили каждые четыре-пять лет. Нынче — в ночь ошенийского приема — весь день бушевала буря, а под вечер высыпал снег.

Снегопад начался с нескольких жалких хлопьев, плывущих по воздуху в скудном свете позднего дня. К вечеру тучи опустились так низко, что задевали шпили самых высоких башен дворца.

Между дневной встречей и подготовкой к вечернему банкету Леодан сумел уединиться в библиотеке. Это была временная передышка, и король чувствовал, что она уже близится к концу. Он обошел пустынную комнату, разглядывая книги — тысячи и тысячи томов. Здесь хранилась книга, написанная на языке, который якобы использовал Дающий, создавая мир.

Леодан быстро огляделся по сторонам, убеждаясь, что вокруг и в самом деле никого нет, а потом отыскал фолиант и провел пальцами по корешку, не отмеченному никакими знаками, кроме тех, что оставило время. Он знал, где стоит книга со дня своего совершеннолетия, когда отец ее показал. Внутри, сказал Гридулан, заключено знание обо всем, что составляет суть мироздания. Внутри — язык творения и разрушения. Внутри — инструменты, которые использовал Тинадин, чтобы захватить Обитаемый Мир. Страшное, опасное знание. Вот почему Тинадин уничтожил всех, кто читал эту книгу, и запретил своим потомкам даже заглядывать под переплет. Однако именно им Тинадин оставил книгу на сохранение, спрятав ее в библиотеке, и с тех пор поколения Акаранов блюли эту традицию.

В юности Леодан часто воображал, как он получает в распоряжение божественную силу и творит при помощи слов, которые срываются с его губ и преобразуют ткань реальности. Впрочем, он никогда не открывал книгу. Леодан так и не поверил до конца в эту историю — и вместе с тем слишком боялся, что она окажется правдой. Короче говоря, он оставил книгу в покое. Иногда ему хотелось снять ее с полки и перелистать; или разорвать ее; или сжечь; или посмеяться над ней. Он сам не знал, чего желает больше. Так или иначе, король никогда не заглядывал под обложку; не сделал он этого и теперь. С некоторых пор Леодан перестал думать о книге. Перестал верить в сказки о магии. В конце концов, в реальном мире было мало доказательств ее существования.

Он погладил кончиками пальцев корешок соседнего фолианта и снял его с полки. «Сказание о двух братьях»... Прихватив книгу, Леодан вернулся на подоконник. Может быть, сегодня вечером он продолжит рассказывать эту историю Мэне и Дариэлу. Леодан был рад, что дети по-прежнему любят их вечерние посиделки. Он боялся того неизбежного момента, когда малыши ускользнут от него, оставят детство за спиной и предпочтут обществу отца компанию сверстников. Леодан мечтал, чтобы дети оставались в безопасности — желательно рядом с ним, — были счастливы и довольны окружающим миром. Леодан вложил в детей всю свою любовь. В каждом из них жила его потерянная жена, проступая все четче...

С другой стороны, король понимал: будет лучше, если дети покинут его и отправятся в большой мир, дабы укрепить узы дружбы во всей империи. Сам он редко выезжал за пределы острова, но отнюдь не потому, что пренебрегал жителями провинций. В юности Леодан любил путешествовать и приобрел много друзей в далеких землях. Во всяком случае, он верил, что это так, хотя на самом деле очень мало знал о дружбе. В отличие от отца Леодан никогда не сближался со сверстниками. Монарший титул мешал непринужденному общению с людьми. Лишь в других странах, где между ним и собеседником стояли переводчики, где зачастую приходилось разговаривать на языке жестов и улыбок, где различия в культуре могли сгладить неловкость, Леодан становился самим собой. Здесь он мог шутить и смеяться, мог запросто общаться с людьми. Эта простота общения, как он думал, и была дружбой. Такие путешествия оказались одной из самых больших радостей его юности.

После смерти Алиры мир разительно переменился. Это стало ясно в тот день, когда ее прах развеяли на Небесной Скале, и северный ветер разнес его по всей Акации. Теперь часть Алиры была в каждой горсти земли, в каждой травинке, выросшей здесь, в каждой акации, в воздухе, которым он дышал. Леодан ежедневно ощущал ее прикосновения. Он думал о ней каждый раз, когда ветер овеивал его лицо. Где бы ни был Леодан, он чувствовал запах, напоминавший о ней. Он думал об Алире, проводя пальцами по пыли, что лежала в темных углах библиотеки... Вот почему ему так не хотелось уезжать с острова: Леодан боялся покидать его. Они с Алирой прожили вместе не так уж и долго, но если его пепел будет развеян так же, как и ее прах, так же унесен северным ветром, — они, быть может, разделят долгую тишину небытия. Он мечтал об этом не менее, чем о счастье и благополучии своих детей. Но кто поручится, что так и будет, если Леодан умрет в чужой земле? Кто пообещает, что ему не уготована вечность страданий и тоски? Та же печаль, которую он нес в себе все эти годы — с тех пор, как Алира покинула его?..

Леодан поднял взгляд. Нет, такие мысли делу не помогут. Как-никак, он король и еще способен изменить мир к лучшему. У него есть план. Шанс отыскать, наконец, смысл жизни. Единственное, за что стоило побороться. И если он победит в этой битве, то получит право называться достойным человеком, не опорочившим память Алиры и не опозорившим своих детей... Ах, если бы он мог разорвать контракт Тинадина с Лотан-Аклун! Он умер бы с надеждой, что будущее его детей окажется светлым и радостным. Сложно было глянуть на эту перспективу отчетливо и позволить ей принять форму, но с момента встречи с ошенийским принцем Леодан чувствовал, что перед ним предстают новые возможности.

Игалдан стал для него открытием. Очевидно, молодой человек понимал все тяготы

партнерства с Лигой. И хотя сейчас Ошени приходилось пойти на такой шаг, принц сохранил достаточно моральной стойкости, чтобы ненавидеть это грязное дело. Возможно, Игалдан окажется как раз тем человеком, в котором так нуждается король. Единомышленник. Потенциальный союзник в борьбе с Лигой. Не исключено, что вместе они могли бы изменить империю...

Разумеется, канцлер прав, предполагая, что Лига не примет Ошению с распростертыми объятиями. Она опасается, что добавление в систему еще одного государства изменит баланс сил и ослабит их контроль. Нет сомнения, что Лига заинтересована в ресурсах Ошени — не говоря уж о детях, предназначенных для торговли. Однако Лига хотела сперва измотать Ошению до последней степени. Ошеницы же, со своей стороны, еще имели достаточно сил. Они были независимы и в основном не попали под власть наркотической зависимости, что держала в подчинении столь многих в Изученном Море. Вдобавок Ошения обладала неплохой армией — факт, немало беспокоящий Лигу, которая всегда рассматривала боевую мощь как потенциальную угрозу. Настолько, что даже ограничивала в числе собственные силовые структуры.

Очевидно, в скором времени сэр Дагон явится к нему с предложением ряда мер, которые помогут ослабить Ошению. Скажем, активизировать торговлю мистом вокруг ее границ. Или направить агентов для разжигания внутренней розни. Спровоцировать высокопоставленных чиновников на неблагоприятные действия или сделать их героями грязных скандалов. А то и просто убрать с дороги: несчастный случай, болезнь... Мало ли что может приключиться с человеком? При мысли об этом у Леодана затряслись руки. Прежде Акация использовала такие методы; Лига предложит сделать это снова.

Разве что... Разве что ему удастся быстро присоединить Ошению к империи. Тогда он будет защищать ее как своего вассала. И у Леодана появится союзник, который поможет ему в пересмотре Квоты. Они восстанут против Лиги, скинут оковы Лотан-Аклун... Не исключено, что придется вести войну на несколько фронтов — сперва против Лиги и консервативных сил Совета, потом, возможно, и против Лотан-Аклун, если те выполнят свою угрозу столетней давности. Рискованно, да... но другого шанса у него не будет.

Сидя в библиотеке с книгой в одной руке и чашкой чая в другой, Леодан решил организовать частную встречу с Аливером и Игалданом. Он расскажет обоим все, что знает о преступлениях империи. Это будет неприятным открытием для сына, но Леодан надеялся, что Аливер согласится стать его союзником в борьбе. Одновременно Леодан предоставит Игалдану шанс воплотить в жизнь мечту королевы Элены. Сейчас или никогда! Человек может ждать долго, однако рано или поздно наступает момент, когда он должен, наконец, стать самим собой...

Леодан услышал, как слуга вошел в библиотеку через дальнюю дверь. Король проследил его путь между книжными полками. Остановившись на почтительном расстоянии, слуга сообщил, что близится время банкета. Королевские портные ждут его величество, дабы подогнать вечерний костюм по фигуре...

Следующий час Леодан простоял с разведенными в стороны руками, окруженный портными. Для каждой из официальных церемоний король, согласно древней традиции, одевался в определенный наряд. Послов из Ошени акадийские монархи принимали в струящихся зеленых одеждах, прошитых по бокам золотыми нитями. Это одеяние имело несколько символических значений. Если смотреть на него спереди, оно являло взору картину болотистой местности в центральной Ошени. Там обитали некоторые виды перелетных водоплавающих птиц, а вдобавок именно этот регион упоминался во многих поэтических преданиях ошеницев — в том числе в легенде о Карлите, боге в образе белого журавля, родившегося из первозданной земли болот. Если же король стоял, прижав локти к телу и скрестив руки на груди, тогда на ткани широких длинных рукавов можно было увидеть акацийских солдат, стоявших в героических позах. Костюм демонстрировал уважение к национальной символике и истории Ошени и вместе с тем ненавязчиво давал понять, что Акация по-прежнему способна охватить ее всю единым объятием.

Двойные двери в дальнем конце комнаты со стуком распахнулись. Мэна и Дариэл скользнули внутрь — по одному на каждую створку. Они состязались уже несколько недель, проверяя, кто быстрее и ловчее откроет эту дверь. Следом за младшими всплыла Коринн, одетая в вечернее платье. Последними появились Аливер и Таддеус, погруженные в беседу. Дети поспешили к отцу. Разного роста, характера и темперамента, каждый из них, тем не менее, кто взглядом, кто жестом, кто чертами лица напоминал Алиру. Глядя на детей, Леодан задыхнулся от счастья. Он старался не думать, как много подобной радости потерял Таддеус... Когда-нибудь он признается ему во всем, пообещал себе Леодан. Когда-нибудь...

Мэна обвила своими маленькими ручками отцовскую талию. Леодан виновато посмотрел на портного, однако не отогнал девочку. Коринн приблизилась изящными маленькими шажками и чмокнула отца в щеку.

— Папа, снег идет! — воскликнул Дариэл. Его лицо радостно сияло. — Там все-все белое! Ты видел? Можно нам выйти? Пойдем с нами! Давай играть в снежки! Спорим, я выиграю? — Дариэл угрожающе свел брови, предупреждая, что сражение будет нелегким.

Дети весело болтали о пустяках, и Леодан с удовольствием присоединился к ним. Он обожал такие моменты, когда мог быть не монархом, не самодержцем, не властелином огромной империи, а просто отцом.

Дариэл подпрыгивал, словно его ноги состояли из пружин. Он использовал весь свой дар убеждения, который приобрел за девять лет жизни, чтобы уговорить отца отправиться с ними на прогулку. Аливер объяснил брату, что у короля нет времени играть в снежки. Наследник, почти взрослый юноша, старался держаться как положено будущему монарху и даже позу принял соответствующую — не иначе скопировал с какого-нибудь бюста короля в Зале Славы. Коринн сказала что-то насчет банкета, который они, старшие, обязаны посетить. В голосе девушки звучали властные интонации, отличавшие ее от младших детей, и одновременно слышались нотки девчоночьей мольбы, обращенной к отцу. А Мэна стояла позади, слушая их всех. Она смотрела сквозь всю суматоху, прыжки, размахивания руками — и улыбалась Леодану. Когда Мэна так делала, он видел в ней Алиру — не столько в чертах лица, сколько в терпеливой, понимающей радости, спрятанной в глубине глаз.

— Дариэл прав, — сказал Леодан. — Сегодня особая ночь. Давайте пробежимся по плоским крышам и устроим снежную войну. Будем сражаться при свете факелов. А потом соберемся вместе, в одной комнате. Наши покои слишком далеко друг от друга. Старые здания огромны, они разделяют нас... Аливер, не смотри на меня так. Можешь уделить немного времени отцу? Сделай вид, что ты до сих пор маленький мальчик. Сделай вид, что для тебя нет большей радости, чем сидеть возле меня и слушать мои истории. Скоро нам с тобой придется поговорить о более сложных вещах, но только не сегодня.

— Ладно, — кивнул Аливер, перекикивая восторженные вопли Дариэла. — И не жди от меня пощады. Еще прежде, чем кончится ночь, меня провозгласят Королем Снегов.

— Я ненадолго зайду на банкет, — сказал Леодан. Коринн, казалось, собиралась возразить, но король улыбнулся ей. — Ненадолго. Сбегу оттуда после третьей перемены блюд. Дорогие гости быстро забудут обо мне, а мы устроим снежную войну.

Глава 14

Тасрен Мейн немного постоял на улице, наслаждаясь прикосновением снежных хлопьев к обнаженной коже. Ощущение снега, целующего его обращенное к небу лицо, было необычайно приятным. Тасрен решил, что это очень красиво и очень правильно, хотя ничего подобного в своей стране он не видел; ночной воздух родины был лишь слегка прохладным, этого холода едва-едва хватало для того, чтобы выпал снег. Ветер утих, и город погрузился в безмолвие. Звуки шагов прохожих скрадывались слоем белых влажных кристалликов на земле. Снегопад в Акации совсем не походил на жестокие бураны Мейна, и все же Тасрен увидел в этом знак. Послание родины, благословение Тунишневр. Предки напоминали Тасрену о важности его миссии. Все, что он делает, пойдет на благо народа мейн...

Снег падал на Акацию... Даже небеса видят грядущие перемены.

Тасрен преодолел последнюю лестницу, миновал двор и приблизился к банкетному залу. Другие гости уже входили в двери. Тасрен провел пальцами по парикам, проверяя все шпильки и булавки, которые удерживали его на месте. Одежда убийцы была безукоризненна, плечи укутаны лучшим плащом посла. Тасрен знал, что в прежние времена никто не мог приблизиться к акацийскому монарху ближе, чем на сто шагов. Правители наблюдали за подобными собраниями со значительной дистанции, будто смотрели представление. Короля закрывала стена стражей-марахов, стоявших, преклонив колена, с обнаженными мечами; их одежда и лица были припорошены бронзовой пылью. Они напоминали статуи, готовые ожить и ринуться в битву при возникновении малейшей угрозы. Тасрен слышал, что марахов обучали не только боевому искусству, но и наблюдению за людьми — их движениями, поведением и манерой держаться. Впрочем, это было давно. Роскошь размягчает людей, делает их беспечными. Интересно, что подумали бы древние короли, если бы увидели сегодняшний банкет?..

Тасрен кивнул стражникам у двери. Они поздоровались с ним, признав посла. Ни намек на подозрение в глазах, улыбки широкие и искренние. Следуя указаниям Гурнала, Тасрен прошел через длинную приемную залу, отделявшую его от цели. Стены в зале были увешаны картинами, изображающими древних акацийцев. Здесь же стояли статуи — очевидно, прежних королей Акации. Между статуями замерли солдаты в ладно пригнанных доспехах, их ладони лежали на рукоятках мечей. Стражники были так же неподвижны, как и каменные люди, которых они охраняли.

Дверь в дальнем торце вела в банкетный зал. У входа собралось несколько мужчин — сановники и их охрана. Тасрен прошел мимо, зная, что теперь ни один его шаг не останется незамеченным. Каждое движение рук, манера держаться, черты лица — все окажется на обозрении. Тасрен загодя прорезал дыру в изнанке камзола и спрятал там оружие. Теперь ему пришлось пробормотать успокаивающую молитву, чтобы пальцы перестали дрожать. Рука сама тянулась к оружию, и Тасрен боролся с желанием выхватить его и перерезать горло первому же человеку, кто косо на него глянет.

Перед распахнутыми дверями банкетного зала глава стражи любезно улыбнулся Тасрену, ненавязчиво загораживая дорогу. По обе стороны от него стояли солдаты-марахи. Эти не склонны были улыбаться. За их спинами Тасрен увидел комнату, освещенную сотнями ламп и заполненную людьми. Слышались приглушенный гул голосов и музыка струнных инструментов. В воздухе плыли запахи изысканных блюд. Командир марахов принялся обыскивать Тасрена, убеждаясь, что гость пришел без оружия — тронул его за плечо и провел рукой по бедру. Он назвал Тасрена именем Гурнала и спросил, как ему нравится погода. Впрочем, убийца видел, что мысли мараха заняты другим. Он смотрел мимо Тасрена, на стражников во внешнем зале. Кивком и жестами он дал им понять, что с приходом последнего гостя можно будет закрыть наружные двери. Затем командир снова обратил взгляд к гостю, продолжая обыск. Тасрен сохранял на лице каменное спокойствие, хотя внутри был сжат, как пружина, и готовился кинуться вперед, проложив просеку сквозь толпу гостей, если будет необходимо.

Однако прежде чем стражник вернулся к своему делу — которое могло стоить ему жизни, — в дальнем конце зала пропел рог. Это был знак начала церемонии, сменившийся более нежной мелодией. Офицер что-то весело сказал, поспешно обхлопал Тасрена и пропустил его внутрь. Пальцы мараха так и не коснулись спрятанного оружия.

Итак, одно из самых сложных препятствий осталось позади. Теперь Тасрену оставалось лишь спокойно сидеть, наблюдая за открытием банкета. Он видел, как в зал вошел король; далее последовала свита, сын и дочь короля, ошенийский принц, канцлер Таддеус Клегг и охрана, окружавшая их всех полуколыцом. Хотя, по словам Гурнала, это была «маленькая вечеринка, только для своих», в зале оказалась добрая сотня людей. И многие из них стояли между убийцей и его жертвой. Первые несколько секунд Тасрен не двигался вовсе. Он

чувствовал, что покрывается потом, и изо всех сил старался успокоиться... дышать медленно и ровно... сосредоточиться... очистить разум... Как учили. Нужно создать правильный момент смерти жертвы: собрать вместе мириады движущих сил мир и направить их вперед — точно стрелу, пущенную из лука, через качающиеся в воздухе кольца. Тасрен внимательно наблюдал за ближайшими к королю гостями, отмечая, как они держат себя, куда смотрят и на каком расстоянии от жертвы находятся.

В тот момент, когда Тасрен начал двигаться, он стал единым целым с толпой. Пару раз он отступил вбок, отодвинув кого-то с дороги, чтобы достичь открытого пространства, и, наконец, поймал удачный момент. Леодан здоровался с гостями, отвечая на приветствия из толпы. Кому-то он улыбнулся, кому-то кивнул, потом, словно узнав старого друга, шагнул вперед и оставил охранников за спиной. Он раскинул руки, будто намереваясь обнять человека, и птицы, вышитые на рукавах его, зашевелились как живые.

Тасрен выхватил из-под камзола кинжал. Быстрое движение привлекло внимание толпы. Лезвие отразило свет ламп, рассыпая во все стороны яркие лучи. Смертоносная вещь, которой не могло, не должно быть в этом зале... Тасрен сделал несколько стремительных шагов вперед. Глаза короля обратились к нему, в них было недоумение. Рот Леодана чуть приоткрылся, словно он собирался произнести имя посла. Тасрен чуть наклонил изогнутое лезвие кинжала, метя в левую глазницу. Он бы преуспел, если б один из стражников не помешал ему. Марах вскочил на стол и взмахнул мечом, целя в правое запястье убийцы. Тасрен отдернул руку; марах промахнулся и потерял равновесие. Второй рукой Тасрен схватил стражника за лодыжку и сильно дернул. Марах пошатнулся. Тасрен толкнул его так, чтобы он упал на другого охранника, выбив у того обнаженный меч.

Друг короля, которого Леодан так и не успел обнять, теперь стоял перед монархом, вскинув руки к лицу и разинув рот. Тасрен ударил мужчину каблуком под колено, и он повалился на пол. Тут же слева подлетел еще один стражник с мечом наготове. Тасрен вскинул руку с кинжалом; стражник увел меч вверх, но Тасрен подогнул колени, повернувшись вокруг своей оси, и ударил солдата рукоятью кинжала под мышку. Рукоять заканчивалась острым шипом, который проткнул одежду, кожу и мышцы солдата. Тасрен повел рукой вниз, и шип пропахал длинную борозду в человеческой плоти — от подмышки до пупа.

Послышался чей-то высокий голос, выкрикивающий приказы. Королевский сын, понял Тасрен. Но какую бы команду ни отдавал юнец, это уже не имело значения. Тасрен до сих пор не использовал кинжал по-настоящему; теперь время пришло. Прежде чем кто-нибудь успел остановить убийцу, он шагнул к королю и, глядя в его ошеломленное лицо, ударил в верхнюю, часть груди, слева — точно в глаз одного из вышитых ошенийских журавлей. Один простой выпад. Короткий укол. На груди Леодана выступило маленькое пятно крови, и король тут же прикрыл его ладонью. Дело было сделано. Все оказалось куда проще, чем представлял себе Тасрен.

Он остановился и замер, выпрямив спину и расправив плечи. В доли секунды солдаты окружили его плотным кольцом. Стражники убили бы его на месте, если бы их не смутила внезапная неподвижность убийцы. Солдаты промедлили, и Тасрен получил возможность высказаться, не спуская глаз с короля, которого теперь окружала стена охраны. Он, Тасрен Мейн, сын Хеберена, младший брат Хэниша и Маэндера, умрет с радостью в сердце, зная, что совершил великое деяние. Он убил тирана. Он долго ждал этой минуты и теперь, наконец, счастлив, потому что завершил дело своей жизни.

— Многие прославят меня, — сказал Тасрен на ломаном акацийском, с трудом подбирая слова. — Многие прославят меня и последуют за мной.

Он прижал кончик изогнутого кинжала к своей шее и резко ударил лезвием по сонной артерии. И секунду спустя рухнул на гладкие плиты пола, глядя, как окружающий мир искажается перед глазами, как предметы меняют форму, мало-помалу сливаясь в многоцветные пятна. Он упал лицом вверх, и его еще бьющееся сердце выкидывало в воздух фонтаны крови, заливавшей грудь и лицо. Моргая, Тасрен посмотрел на зал сквозь завесь

алого тумана. Король уходил из зала в центре плотной толпы людей, сгрудившихся вокруг него, точно пчелы вокруг матки. Они вытолкали Леодана наружу, поддерживая его под локти. Король тяжело обвис на их руках, все еще прижимая ладонь к окровавленной груди. На миг, когда ничто не перекрывало обзор, Тасрен увидел разинутый рот короля и его глаза, полные боли, изумления и страха.

Созерцая все это, Тасрен подумал о старшем брате и пожалел, что Хэниш не видел его деяния. Впрочем, он вскоре услышит о нем, и его сердце наполнится гордостью.

Ненасытная пустота уже пожирала тело Тасрена, по капле выпивая жизнь. Он прошептал молитву, ощущая во рту вкус жидкого металла. Благодать снизошла на него. Он завершил наконец то, к чему шел так долго. Достиг своей главной цели. Он положил начало великим переменам и теперь шел за грань бытия без страха и сожаления, как солдат, сражавшийся за правое дело. Прежде чем сознание померкло, Тасрен начал произносить слова Воссоединения — хвалебного гимна Тунишневр.

Глава 15

Мэна никогда больше не сможет спокойно посмотреть на восьмигранный кубик детской игры под названием «Крысиные бега». Именно в нее они играли с младшим братом, когда убийца напал на Леодана. Дариэл опасался, что отец не выполнит обещания насчет снежной войны, и Мэна согласилась посидеть с ним возле банкетной залы. Так они могли перехватить короля, едва только он покажется в дверях. Они по очереди бросали кубик и наблюдали, как зеленый стеклянный октаэдр катится по диванчику, в конце пути неизменно застревая в шелковых складках до покрывала. По правде сказать, Мэну не слишком интересовала игра, равно как и победа в ней; ей просто нравилось прикасаться к гладкому восьмиграннику и ощущать его в плотно сжатом кулаке. Временами она трясла кубик так долго, что Дариэл терял терпение.

Беда случилась всего через несколько минут после того, как закрылись огромные двери банкетной залы. Краем уха Мэна уловила приглушенные звуки какой-то суматохи внутри, но поначалу не обратила внимания. А в следующий миг двери распахнулись, тяжелые створки с грохотом ударили в стены. Мэна вскочила, рассыпав кубики по ковру. В двери хлынула толпа людей. Они двигались медленно и неуклюже, шаркая ногами по полу, пригибаясь под своей ношей, и все-таки было понятно, что люди спешили. Все растерянно кричали друг на друга. Кто-то возвысил голос, требуя освободить дорогу для короля. Король ранен!

Мэна даже не сразу поняла, что тяжелая ноша на руках придворных — ее отец...

Кожа короля была свинцово-серой, словно у присыпанного пудрой трупа. Бесцветные губы плотно сжаты, глаза наполнены страхом. Корона сбилась набок. На бороде повисли белые капли слюны. Там, под этими искаженными, неузнаваемыми чертами прятался человек, которого Мэна любила больше всех на свете. Человек, утративший все, что делало его сильным, нежным и мудрым... Она схватила Дариэла в охапку и закрыла ему глаза. Крепко прижав к себе брата, Мэна отвернулась к стене, будто это движение могло избавить ее от всего, что она увидела.

Немного позже Мэна сидела на кровати в комнате Дариэла и баюкала в объятиях плачущего мальчика. Бессчетное число раз она повторила, что все будет в порядке. Папа поправится. Конечно же. Разумеется. Эта рана — все равно что булавочный укол. Так ей сказали. Неужто Дариэл думает, будто булавочный укол может повредить королю Акации?

— Давай не будем глупенькими, — сказала она. — Папа придет завтра и посмеется над твоими опухшими глазами. Они у тебя всегда пухнут наутро, если ты плачешь перед сном.

Наконец дыхание Дариэла стало спокойным и ровным, и Мэна осторожно разомкнула объятие. Она села, привалившись спиной к стене, и бездумно смотрела, как медленно вздымается и опадает грудь брата, разглядывала осунувшееся лицо мальчика. Она так сильно любила его... При мысли об этом на глаза Мэны навернулись слезы — впервые за

сегодняшний вечер. Даризэл еще слишком мал, чтобы все понять, верно? На самом деле Мэна и сама толком не знала, что произошло и насколько серьезно ранен король. Ей казалось, что детали не так уж и важны. Лицо отца объяснило ей все. Не имеет значения, что случится завтра; панический страх, который она видела, навечно останется в ее памяти. Мэна будет видеть его всегда, за любой маской, которую наденет отец. Она будто застала его за каким-то непристойным занятием — слишком гадким, чтобы Мэна теперь нашла в себе силы относиться к отцу по-прежнему. Легкость и непринужденность, существовавшие между ними до сих пор, ушли.

Мэна слезла с кровати и некоторое время мерила комнату шагами, разглядывая плиты пола. Она не знала, что ей делать, куда идти, и есть ли вообще смысл куда-нибудь идти и что-нибудь делать. Мэна понимала, что нынче ночью ей никто ничего не скажет. Она раздумывала, не выскользнуть ли из комнаты и не пробраться ли в покои отца... Впрочем, ее, конечно же, остановят. Особенно посреди ночи и после таких событий. Скорее всего ей не дадут выйти до самого утра. А может быть, и после.

В конце концов Мэна пересекла комнату и залезла на нижние ветки акации, что стояла в углу. Странно было видеть дерево прямо во дворце. Прошлой зимой Леодан подарил его Даризэлу на день рождения. Король сам все это придумал, поговорил с плотниками и шлифовальщиками и дал им задание. Работа велась втайне, пока Леодан и дети были в Алесии. Вернувшись, все они вошли в комнату Даризэла и увидели сухой ствол старой акации, вправленный в каменный пол. Ее ветви сплетались над головой, и казалось, будто некоторые из них уходили прямо в стены и подпирали их. Ствол был отшлифован, а шипы затуплены. В дерево втерли красновато-коричневое масло пополам с сандалом. Акация была украшена лентами и зелеными листьями, сделанными из шелка — так искусно, что дерево могло показаться живым. Между ветвей мастера установили платформы с веревками, лесенками и качелями, чтобы лазать по ним. И все это — просто ради того, чтобы сделать сюрприз маленькому мальчику. Неслыханная идея, странная экстравагантность в культуре, которая вообще игнорировала детей, пока они не вырастали достаточно, чтобы развлекаться как взрослые. Акация породила немало сплетен, в том числе и сомнения в здравом рассудке короля.

Забравшись на одну из платформ, Мэна оглядела комнату. Притушенные лампы озаряли ее оранжевым светом. Даризэл безмятежно спал. Рядом стоял поднос с едой и чаем, принесенный служанками. В первые минуты после происшествия они метались вокруг детей, взволнованные и перепуганные. Служанки снова и снова спрашивали, не нужно ли им чего, но все, что требовалось Мэне и Даризэлу в тот момент — это ответ на вопрос, который девушки дать не могли. Никто из них ничего не знал о состоянии короля. Утром все наладится, сказали они. Если бы девушки не повторяли это слишком часто, Мэна, возможно, поверила бы им, а так она лишь уверилась в мысли, что служанки говорят неправду. Девуцы всегда болтали о короле. Даже в присутствии Мэны они иногда перешептывались, обсуждая его желания, намерения или поступки. Как правило, они несли чушь, но сейчас дело обстояло иначе. Служанки были напуганы. Служанки были растеряны. И они лгали.

— Да какое мне до них дело? — спросила Мэна у тихой комнаты.

Служанки — просто недалекие женщины, которые обращались с младшими детьми, как будто те были... ну, как будто они были детьми. Мэна всегда знала, что она старше своих лет. Она понимала вещи, которых не понимали они. Эти знания Мэна делила с отцом. Она-то не сомневалась, что с его рассудком все в порядке. Отец разумный, добрый и мудрый, как никто другой, и он в курсе, что Мэна уже не малое дитя. Он никогда не общался с ней как с ребенком. Порой, когда они оставались одни и отец был в хорошем расположении духа, он говорил с ней как со взрослой. Это была их общая тайна, их маленькая странность, и они общались подобным образом, только оставаясь наедине.

Именно так, откровенно и рассудительно, говорил Леодан, сидя на этом самом дереве в компании Мэны. Отец объявил, что ему наплевать, если кто-то из знати или слуг полагает, будто он не в своем уме. Когда же это было? Ранней весной прошлого года? Или в первую

неделю лета? Леодан сказал, что весь мир давно сошел с ума. Он полон злобы, недоброжелательства, жадности и двуличности. Все эти вещи — его составные части, как буквы в ее тетради, которые составляют слова. А из слов происходит язык, и без него невозможно понять друг друга. Я понял это не сразу, говорил отец, но теперь вижу вполне явно.

— Когда я был молод, — продолжал он, привалившись к ветке и поглаживая пальцами гладкую поверхность дерева, — я полагал, что могу изменить мир. Я верил, что, став королем, издам указы и законы, которые покончат с людскими страданиями. Конечно, я не надеялся, что наш мир станет идеальным. Так не бывает. Но я бы сделал его настолько близким к совершенству, насколько вообще может вообразить человек.

Мэна спросила, добился ли он этого. Отец поднял на нее взгляд, и в его глазах девочка увидела странное, какое-то болезненное выражение жалости и любви. Прошло несколько секунд, прежде чем король ответил: поблагодарил Мэну за вопрос и за предположение, что он мог быть таким великим человеком. Он рад, сказал отец, что жизнь Мэны до сих пор столь безоблачна — раз она полагает, будто такие вещи возможны. Увы, он не воплотил мечту своей юности. Леодан не сумел бы сказать, когда и почему все возвышенные идеи испарились из его мыслей. Однако теперь, вспоминая, он отдавал себе отчет, что все возвышенные слова, описывающие эти идеи, — не более чем пар, что улетает прочь от одного дуновения зимнего ветерка. Великие слова не находили воплощения на земле, они блекли и таяли, едва сорвавшись с губ. Король произносил их в зале Совета, и его слушали — с вежливыми терпеливыми взглядами. Он предложил реформы даже в Алесии — на собрании наместников, которые принесли ему клятву верности. Там эти слова были услышаны, и наместники превозносили мудрость короля. Он покидал собрание, чувствуя, что мир готов измениться. Однако годы шли, а мир оставался таким же, как был. Он не становился лучше, и ни одна из идей не воплотилась в жизнь. Никто не возразил королю — и никто не стремился что-то менять. Тогда Леодан понял: он бессилен. Между ним и теми колесами, что вращали мир, расположилась тысяча чужих рук. Все притворялись, что лояльна ему, и ни одна не взялась за работу. Может быть, признал отец, именно поэтому он забыл о мечтаниях и нашел смысл жизни в любви к женщине — и к детям, которых они с ней произвели на свет.

— Мэна, моя мудрая дочурка, я не такой сильный человек, как тебе кажется. — Отец поднял руку и потрепал ее по подбородку. — Я не в состоянии изменить мир. Повсюду в нем происходят преступления — ужасные злодеяния, которые творятся моим именем, а я не могу этому помешать. Я не сумел удержать твою мать, когда болезнь завладела ею, и она покинула нас, но я люблю своих детей. Вы сейчас — моя главная забота, все четверо. Я подумал: почему не построить хотя бы в собственном доме тот мир, который мне нужен? Если я дам вам безмятежное счастье, какого не бывает за стенами дворца, жизнь моя будет прожита не зря. Само собой, вам еще предстоит узнать, сколь грязен мир, но перед тем — почему не познать радость? Ты хочешь быть ребенком, у которого сбываются мечты, верно?..

Тут в комнату вошел Даризл. Отец окликнул его, и время откровенных бесед закончилось — до следующего раза, когда представится шанс. Стоило Мэне вспомнить об этом — и слезы хлынули градом. В тот раз она не ответила отцу. Не спросила, о каких ужасах он говорит. Она никогда не видела их и знала только о войнах — древних битвах, описанных в исторических книгах высокопарным слогом. Да, Мэна с радостью ответила бы отцу. Она хотела, очень хотела быть ребенком, у которого сбываются мечты.

Мало-помалу мир расплывался и блекнул перед глазами. Девочка устроилась поудобнее, привалившись к стволу. Станные грезы пришли к ней, и позже Мэна не могла сказать наверняка, были они воспоминанием о каком-то давнем событии или попросту сном. Мэна и девушка, имени которой она не помнила, перебирались по скалам на северной оконечности острова. Наконец они вышли на каменный мол, длинный линией выдававшийся в море. Девушка несла рыболовную сеть и весело рассуждала, как они принесут домой

сытный ужин. Море бурлило вокруг зубчатых скал, раскачивая на волнах длинные ветви водорослей и подкидывая вверх крабов с голубоватыми панцирями и сверкающих мидий. Девушки знали, что им нельзя находиться на берегу, но все будет в порядке, если они поймут в сети драгоценное живое сокровище.

У самой поверхности воды плыла стая рыб. Они двигались вдоль берега — огромный косяк. Их было так много, что Мэна не могла разглядеть ни конца, ни начала этой стаи. Рыбы шли бок о бок; те, кому не хватало места у поверхности, опускались на глубину. В каждой было, пожалуй, два-три фута длины. Самые верхние плыли так близко, что временами их хвосты высовывались из воды. Нижние шли глубже, и глубже, и глубже — насколько хватал глаз. Мэна была уверена, что море здесь довольно мелко, однако оно казалось бездонным и кишело рыбой.

Принцесса попросила у девушки сеть, схватила ее и наклонилась, готовясь закинуть в воду. Девушка прошептала, что им нельзя ловить этих рыб.

— Они плывут к морскому богу. Он проклянет нас, если мы съедем хоть одну.

Мэна не обратила внимания. Какой еще морской бог? Чушь!.. Она швырнула сеть в море, ожидая, что та мгновенно потяжелеет, наполнившись рыбой. Однако когда Мэна вынула сеть, та оказалась пуста. Стая плыла мимо, плотная, как и прежде, и ни одна из рыб не угодила в ловушку. Мэна бросила сеть чуть дальше и вытащила ее, истекающую водяными каплями. Ничего. Она двигала сеть под поверхностью воды, из стороны в сторону, погружала глубоко в море и резко дергала вверх — безрезультатно. Рыбы ускользали. Они были так близко, что удавалось разглядеть форму их плавников и узор на чешуйках. Мэна видела круглые глаза рыб, и в них была печаль. Что-то в этих глазах притягивало ее. Она отложила сеть в сторону и бросилась в воду, уверенная, что таким образом, наконец, сумеет притронуться к рыбе. Конечно же, они того хотели... Если они и шли на зов какого-то морского бога, то делали это не слишком охотно. Мэна могла бы помочь им. Это казалось ей очень важным. Она пробила поверхность воды и начала погружаться...

Проснувшись. Мэна резко взмахнула руками, едва не свалившись с дерева. В первые секунды она не могла понять, где находится, и лишь чувствовала, что сон отступает. Девочка знала, что должна вспомнить что-то очень важное, но она еще долго озиралась по сторонам и осознавала реальность, прежде чем окончательно пришла в себя. Глядя вверх через узкое высокое окно, Мэна увидела небо, сереющее в преддверии близкого рассвета. Тонкие облака, затянувшие небо, были окрашены по краям нежно-розовым. Новый день... Сколько вчерашних бед уйдут в небытие сегодня? Что в ярком свете солнца окажется не более, чем игрой теней и обманами ночного мрака?

Она как раз спускалась с дерева, когда дверь распахнулась. Вошла Коринн, оглядывая комнату, словно видела ее впервые. Девушка посмотрела на спящего Дариэла и прижала ладони к губам. Прошептала что-то, словно какая-нибудь суеверная крестьянка при виде страшного природного явления. Следом за принцессой вошли слуги и принялись готовить комнату к новому дню: раздвинули шторы, задули лампы, убрали поднос с нетронутой едой и принесли новый, с кувшином сока и фруктами. Среди этой суеты Коринн стояла неподвижно, словно остров, окруженный бушующими волнами. Она очнулась, когда к ней подошла Мэна. Ее опухшее лицо покрывали розоватые пятна. Губы были мягкими и набухшими.

— Он не умрет, — сказала Коринн. — Он дал мне слово, что не умрет. Он обещал, что никогда не покинет меня. Не уйдет, пока не встретит моих детей — так он сказал маме... Пока не поднимет их на ноги и не расскажет о ней... Он и нам обещал рассказать все-все о маме... О том, какой она была в молодости, когда они только поженились...

— Ты говорила с ним?

Коринн сделала неопределенный жест.

— Не сегодня. Это было... прежде. Он обещал мне. Я хочу сказать: до вчерашних событий...

Чувствуя, что сестра еще долго может продолжать в подобном роде, Мэна перебила ее:

— Как он сейчас? Скажи мне, как он сейчас? Что с ним случилось?

— Что ты хочешь знать? — Коринн не смотрела на Мэну; ее взгляд бесцельно блуждал по комнате. — Отца ударили кинжалом. Какой-то убийца из Мейна... Лекари сказали, что лезвие было отравлено. Я спросила, что за яд, и никто не ответил. Они ничего не знают. Никто не говорит правды! Меня даже не пустили к нему. Таддеус не хочет со мной разговаривать! Они все сошли с ума. Аливера позвали на совет, словно отец уже умер. Но ведь это не так. Я знаю, что это не так!

Она напугана еще больше, чем я, подумала Мэна и взяла ладонь Коринн в свои руки. Казалось, прикосновение немного успокоило девушку. Коринн заговорила тише и медленнее, взгляд стал осмысленным, и она, наконец, посмотрела на сестру.

— Мэна, это было ужасно! Я все видела. Я заметила того человека еще до того, как он напал. Он шел сквозь толпу. Я подумала: какой он красивый. Вроде бы это Гурнал, но выглядит гораздо моложе. Или мне кажется? Надо же, никогда прежде не замечала, что он такой симпатичный... Так я думала... а потом он достал нож. Как он пронес нож на банкет? Если бы я закричала тогда, в самый первый момент... Но я не поняла... Я ничего не понимаю!

Мэна снова стиснула ее руки и притянула сестру поближе. Она догадывалась, что лучше ничего не отвечать на такое заявление — и просто промолчать. Роли сестер теперь поменялись, Мэна снова подумала о своем сне и внезапно осознала, что девушка на скалах вовсе не странная незнакомка, а Коринн. Как такое могло получиться? Мэна стояла рядом с родной сестрой и не узнала ее. Бессмыслица! Впрочем, сны на то и сны, в них редко присутствует логика. Мэна выкинула из головы глупые мысли. Сейчас самое важное — успокоить Коринн. Проблема в том, что Мэна не хотела ей лгать. Она поискала правильные слова и верный тон и, наконец, проговорила:

— Я думаю, все будет в порядке. Если отец...

— Заткнись! — рявкнула Коринн. Ее глаза расширились, в них пылала ярость. — Отец не умрет. Не вздумай желать ему смерти! Не смей говорить, что это может случиться!

Ошеломленная, Мэна замолчала. Она все сказала неправильно...

— Я... я вовсе не имела в виду... ничего такого... Я хочу, чтобы отец поправился. Мне страшно, и... и...

На миг Мэне показалось, что Коринн ударит ее, но та вдруг шагнула вперед и обвила сестру руками. Впервые со времен злополучного банкета Мэна почувствовала, что ей хорошо. На душе было тревожно и грустно, но по крайней мере Мэна понимала, что она не одна. Они с сестрой делили печаль и страх. Сегодня Мэна и Коринн были близки и понимали друг друга, как никогда прежде.

Глава 16

Издалека птица напоминала голубя. Собственно, голубь и был ее отдаленным предком. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что птица имеет с ним лишь отдаленное сходство. Размером с молодого морского орла, она обладала крепкими крыльями, острым клювом и великолепным зрением хищника. На лапах птицы были надеты кожаные чехлы, похожие на миниатюрные печатки. Каждый «палец» заканчивался стальным шипом, и птиц обучали использовать их по назначению. К лапе крепился небольшой футляр, куда клали свернутые записки. По старой традиции этих почтовых птиц по-прежнему называли голубями, хотя они были гораздо сильнее, выносливее и могли постоять за себя при встрече с другим крылатым хищником. Если требовалось передать важную и срочную депешу в кратчайшие сроки, лучшего посланца было не сыскать. Именно такой голубь и отправился в путь в ту ночь, когда Тасрен Мейн ранил короля Леодана.

Птица слетела с руки хозяина и поднялась в ночное небо, сражаясь с холодным морским ветром. Крылатый силуэт помаячил в каскадах снежных хлопьев, все уменьшаясь в размерах, и, наконец, пропал из виду. Мир вокруг был сумрачен и сер, но где-то над

континентом, за Алесией, небеса уже светлели. Птица летела сквозь мрак, взмахивая сильными крыльями и скользя на воздушных потоках.

На рассвете она добралась до прибрежной деревушки неподалеку от Аоса. Здесь человек отвязал футляр и, не вынимая послания, прикрепил его к другой птице. Эта полетела в Ошению, паря над лесами и равнинами. На другой день она уже пересекла ущелье Градтика и за час до заката солнца прибыла в Катгерген.

В этот раз послание извлекли из футляра. Человек пронес его по холодным коридорам цитадели и остановился возле покоев, которые занимали Маэндер Мейн и его свита.

Маэндер проснулся, когда его окликнули. Человек оставался по ту сторону двери, прося прощения за беспокойство и утверждая, что дело не терпит отлагательств. Маэндер выбрался из теплой постели, где вперемешку лежали подушки, меховые одеяла и обнаженные женские тела. Его постель была просто частью обитого войлоком пола. Пол подогревался снизу горячим паром, который шел от кипящего озера под Катгергеном и разносился по всей цитадели посредством сложной системы труб и воздуховодов. Из-под одеял выглядывали где женская рука, где бедро с гладкой бледной кожей, где прядь льняных волос. Пять, шесть или даже семь женщин. В такой мешанине трудно сказать наверняка. Если Маэндер звал любовниц, то сразу много, и ему нравилось, когда женщины похожи друг на друга.

От холода кожа покрылась приятными мурашками. Он любил резкие перепады, когда одна крайность сменяет другую. От жары к холоду. От наслаждения к боли. От любовных утех — к войне.

Приоткрыв дверь, Маэндер взял письмо и вернулся в комнату. Сон как рукой сняло. Подойдя к окну, он прочитал записку — раз, другой, третий. Письмо было коротким, но именно этих новостей он ждал всю жизнь. Сердце заколотилось с удвоенной скоростью, словно каждым ударом отсчитывая бесчисленные дни, проведенные в ожидании.

— Благодарю вас, предки, — произнес он. — Слава тебе, брат. Тебя будут помнить. Ты обретешь славу, которой так желал.

Среди мехов и подушек зашевелились женщины. Кто-то громко зевнул. Кто-то перекатился с боку на бок. Одна откинула одеяло, выставив на обозрение голое бедро. Маэндер ощутил нарастающее возбуждение. Он подумал, как чудесно было бы вернуться в постель, разбудить женщин, окунуться в их мягкое тепло, взять их одну за другой, разделяя с любовницами свое ликование. Однако плотские забавы придется отложить. Пришедшее донесение извещало о начале грандиозных перемен. Время для радости настанет потом — как и время для слез. Он еще оплачет брата — не сейчас, позже.

Маэндер вышел в соседнюю комнату. Сегодня он развлечется другим способом. И лучше бы сделать все побыстрее.

Едва войдя в свою комнату, Риалус Нептос увидел Маэндера, вольготно развалившегося на собственном диване наместника. К этому времени Маэндер уже успел переделать множество дел. Он отправил в полет еще одну птицу — невзирая на сильный ветер, дующий с севера. Вдобавок послал гонца на север, наказав тому как следует защититься от непогоды. Солдаты собственного отряда Маэндера распределились по крепости, передвигаясь поодиночке или парами, чтобы привлекать поменьше внимания. Конюхи приготовили его лошадей и сани к отъезду. Маэндеру оставалось лишь переговорить с наместником — и все дела в Катгергене будут завершены.

Риалус вошел, бормоча что-то себе под нос и ежась от холода. Увидев мейнца, он остановился — так резко, что чашка в его руках дернулась, и дымящаяся жидкость выплеснулась на пол.

— Маэндер? Что привело тебя сюда в столь ранний час?

Маэндер скорчил обиженную мину.

— Вот так приветствие! Можно подумать, ты не рад меня видеть.

Риалус немедленно перепугался и принялся уверять, что вовсе не имел в виду ничего

такого. Он просто удивился. На самом деле он шел в ванную и на минутку завернул в свой кабинет. Совершенно случайно. А если бы не завернул, Маэндеру пришлось бы ждать... Риалус тараторил без умолку, и не похоже было, что поток его слов скоро иссякнет.

— Хватит! — Маэндер спустил одну ногу с дивана. Каблук черного сапога звучно ударил об пол. — Нам надо поговорить. Не желаешь ли присесть?

Риалус не желал, но Маэндер ждал, вперив в наместника суровый взгляд, и Нептос быстро изменил мнение.

— Леодан Акаран, — сказал Маэндер, — слетел со своего трона... Не перебивай меня. Я скажу все, что тебе следует знать. Мой брат Тасрен принес себя в жертву, чтобы покончить с тираном. Он достиг своей цели. Думаю, через пару дней ты узнаешь, что Леодан покинул бранный мир. У тебя кофе льется через край.

Риалус, ошеломленный словами Маэндера, не заметил, что его чашка накренилась.

— Своим деянием Тасрен сообщил всему миру, что наши люди более не признают власть Акаранов. Он объявил войну, и я намерен довершить дело, за которое умер мой брат. Через пару часов я уеду отсюда... Вижу облегчение на твоём лице. Не радуйся раньше времени, я еще не закончил. То, что я скажу сейчас, Риалус, может вызвать у тебя очередной приступ заикания, но постарайся выслушать меня спокойно. Я намерен поручить тебе несколько важных дел. И первое из них связано с ванными.

— Э?.. Ванными?

— Именно. У второго отряда гарнизона сегодня банный день, не так ли? Так вот, ты велишь первому и третьему отрядам присоединиться к ним. Получится небольшая давка, но я уверен, что солдаты не будут против. Ах, эта теплая вода, влажная жара хорошей ванной... Кто их не любит? Если вдруг возникнут вопросы, скажешь, что сегодня днем ванны будут чистить, и все, кто желает помыться, должны сделать это утром. Ну или что-нибудь в этом роде. — Маэндер неопределенно помахал рукой в воздухе, давая понять, что детали оставляет на усмотрение наместника. — Ну а потом... ты прикажешь заткнуть все вентиляционные отверстия ванн комнат и откроешь главный клапан, чтобы пар пошел в полную силу.

— Я не понимаю, — начал Риалус. — Жара в ваннах...

— ...превысит все мыслимые пределы. Я знаю. Вода закипит. Весь гарнизон сварится, как омары в чане. Они начнут цепляться друг за друга, стараясь выбраться из воды, но их там будет слишком много. Воздух наполнится паром, и они задохнутся. Я очень хорошо знаю, что случится, Риалус.

— Они попытаются выскочить наружу... голые и... — Наместник был слишком ошарашен, чтобы продолжать. — Ты шутишь?

— А тебе кажется, что это смешно? Станный ты человек, Риалус. В любом случае омары выскочат из ванн. Я оставлю сколько-то своих солдат, и они подопрут двери, чтобы пар закончил дело. А потом разделаются с теми, кто случайно избежит бани. Затем они уедут, чтобы подготовиться к дальнейшим событиям. Все ли тебе ясно, Нептос?

Риалус, заикаясь, повторил, что весь гарнизон погибнет — словно Маэндер не понимал суть собственной затеи. Без малого три тысячи солдат гарнизона — почти вся Северная Стража, оставшаяся после ухода Алайна, — задохнется и сварится заживо. Они попадут в ловушку и погибнут ужасной смертью. Неслыханно! Это же массовое убийство огромного масштаба. Невероятная низость! Изощренное коварство!..

— Жуткая бойня! — закончил Риалус с неподдельным негодованием. — Допустить...

Маэндер поднялся с дивана, схватил своего невысокого собеседника за плечо и вздернул на ноги. Потом сжал шею Риалуса и подтащил к его любимому стеклу.

— Ты прав: это будет жуткая бойня, но тебе не о чем волноваться. От тебя требуется лишь просто сидеть здесь и пялиться в окно. Обозревай горизонт. Скоро придут гости, помнишь? Они уже рядом. Возможно, тебе принимать их не далее как сегодня вечером. Вот тогда, мой друг, ты обрадуешься, что у тебя в запасе столько вареного мяса.

Маэндер ушел, не дожидаясь ответа. Он был так доволен собой, что опасался, как бы

восторг не отразился на его лице. Каблуки сапог громко стучали при каждом шаге. Такая походка причиняла боль, но Маэндеру нравилось ощущать, как камень содрогается под ногами — словно сама земля покорна его воле. Он знал, что Риалус смотрит ему вслед с разинутым ртом, в благоговейном ужасе. Такой маленький человечек, подумал Маэндер. Землеройка. Однако он приносит пользу, и им легко манипулировать.

Маэндер находился в прекрасном расположении духа и готов был простить грызуну его недостатки. Великолепный день! Тасрен обрел бессмертие. Хэниш вскоре поведет армию к Алесии по реке Аск, Маэндер двинет свои силы через горы, в Кендовию, а их новые союзники — нюмреки! — прорвутся через Ошению, сея ужас и разрушения. Изученный Мир не видел ничего подобного уже много столетий. А потом армии встретятся, и лучшие акацийские войска полягут еще до начала битвы...

Нынешние времена, думал Маэндер, стоят того, чтобы жить — здесь и сейчас.

Глава 17

Встреча Лики Алайна с воином-нюмреком произошла неожиданно. Генерал долго шел по снегу, перемешанному с каменным крошевом — тропе, которая отмечала путь орды. Усталость тяжким грузом давила на плечи. Мрачная решимость, что вела Лику вперед в первые дни, давно испарилась. Одиночество и лишения сыграли с рассудком странную шутку: останавливаясь, чтобы осмотреться, Алайн видел на горизонте движущиеся расплывчатые фигуры, но все они оказывались миражами. Подойдя ближе, генерал понимал, что здесь никого нет и не было. Все чаще и чаще он погружался в воспоминания. Реальный мир давно сменился воображаемым, выстроенным из событий прошлого. Лика почти забыл, куда и зачем он идет по пустынным заснеженным равнинам. Картины недавней бойни почти изгладились из его памяти.

Он брел по равнине к западной оконечности Пустошей. В голове не осталось ни одной четкой мысли. Земля перед ним оставалась такой же голой и лишенной растительности, как и прежде, но теперь она была неровной, складчатой, точно морщинистая кожа. Тут и там равнину пересекали русла замерзших рек, еще не потревоженных близостью весны. Спускаясь в очередную низину, Лика терял из виду горизонт, однако тропа орды была хорошо заметна. Она уводила все дальше и дальше — такая же прямая. Лика брел по ней, опустив взгляд к земле.

Так он преодолел очередной подъем и начал спускаться в овраг, который через несколько месяцев станет ложем реки. Вдруг Лика заметил несколько темных фигур, однако соображал он туго и не сразу понял, что именно видит. Потом до него донеслось ворчание — первый звук живого существа, который он слышал за долгое время. Этот звук был сигналом тревоги, и он пробудил чувства Алайна. Генерал замер на месте. Санки поехали по гладкому склону и толкнули его под коленки.

Впереди было два живых существа и одно мертвое. Ворчание исходило от шерстистого носорога. Зверь стоял примерно в сорока ярдах от Лики — почти рядом. Достаточно близко, чтобы Алайн мог представить ощущение от прикосновения к его грубому меху. Были видны кольцеобразные бороздки на роге зверя и гравировка на пряжках ремней седла. Носорог решил, что присутствие Лики несет в себе опасность, и подался назад, мотая головой из стороны в сторону. Неподалеку от него сидел один из белокожих гигантов, склонившись над рукотворным очагом. Он поднял голову и посмотрел на носорога — должно быть, не понимая, отчего забеспокоился зверь. Потом его взгляд переместился на Лику. Что делал здесь этот человек, почему он остался один — выполнял ли какое-то задание или просто отстал, — этого Лика так никогда и не узнал. Они не могли поговорить. То, что увидел Алайн, немедленно воскресило в его памяти воспоминания о жуткой, доселе невиданной резне — нюмрек собирался закусить человеческой плотью. Над котлом, стоявшим в очаге, висело тело молодого мужчины. Мертвец был обращен лицом вверх, руки и ноги касались снега, в то время как спина поджаривалась, коптилась в дыму и тушилась на пару — все

одновременно. Нюмрек как раз протянул руку, чтобы кинуть порцию плоти и внутренних органов в похлебку, бурлящую в котле... и тут заметил Лику. Он отложил нож и встал, раскинув руки в стороны, словно престарелый рабочий, готовящийся поднять непосильный груз. Затем нагнулся и пошарил по снегу вокруг себя. Когда же нюмрек выпрямился, в одной руке он держал копьё, а в другой — изогнутый меч.

Лику отшвырнул постромки, привязанные к санкам. Несколько дней назад он перестал носить меч на поясе и положил его в кучу прочих вещей. Генерал поспешно схватил оружие и вытащил из ножен. Еще у Лику был арбалет и стрелы к нему, но нюмрек приближался слишком быстро. Он метнул копьё. Наконечник ударил в кучу поклажи, и санки опрокинулись. Лику прыгнул назад, отшвырнув в сторону перчатки и на пробу взмахнув мечом. Потом сообразил, что нюмрек вовсе не пытался поразить противника копьём. Он кинул его, развлекаясь, попал в цель и теперь жестами выражал ликование. Затем воин двинулся вперед, пружинистым шагом, едва не подпрыгивая — если это слово можно применить к существу такого размера. Он перебрасывал меч из руки в руку, демонстрируя, что равно владеет обеими. меховой плащ свисал с плеч, то распахиваясь, то обматываясь вокруг тела, так что Лику не мог определить истинные габариты врага. Черты лица воина сложно было рассмотреть под гривой спутанных волос и шапкой, которую он ухарски сдвинул на одну бровь. Зато Лику видел, что на его губах играет торжествующая улыбка.

Как убить подобную тварь? Лику снова и снова задавался этим вопросом. А меж тем, если он не преуспее, потеряет свою собственную жизнь. Нюмрек выписывал мечом широкие полукружия; изогнутое лезвие со свистом распарывало воздух. Лику поднырнул под клинок, направленный ему в голову, и острое лезвие срезало несколько прядей волос. Он попытался принять следующий удар на свой меч и заблокировать клинок противника, но когда лезвия столкнулись, запястье Лику вспыхнуло невыносимой болью. Удар едва не вывернул его, и Алайн лишь чудом удержал меч, схватив обеими руками. Превозмогая боль, он продолжал сражаться — если это можно было назвать сражением. На самом деле он отступал и уклонялся, пригибался и увертывался, не проводя ни одной атаки. Теперь Алайн избегал ударов меч о меч — за исключением разве что скользящих блоков. Он ощущал себя марионеткой, совершающей лишь те движения, которые потребны кукловоду.

Бой не продлился и нескольких минут, а Лику уже задыхался и истекал потом. Глаза слезились. Казалось, будто он и так уже продержался против своего врага невозможно долго. Нюмрек разговаривал во время боя. Он издавал гортанные звуки, достаточно упорядоченные, чтобы они могли быть словами. Лику искал возможности перейти в атаку, но противник был слишком высок, слишком быстр, слишком тяжел и постоянно напирал, осыпая Алайну градом ударов. От него исходил пронзительный запах, невыносимый для обоняния — словно уксус, застарелая моча и лук. Встав спиной к солнцу, нюмрек полностью заслонил его, превратившись в темный силуэт. Как может человек убить подобную тварь?..

А потом Лику вспомнил. Восьмая Форма. Джеримус против стражей Твердыни Туллак. Согласно легенде, те стражи были гигантами. Больше человека. Сильнее. Они не имели понятия о милосердии. Эти воины жили, чтобы убивать. Они наводили ужас на королевство Кендеву — предшественницу Кендовии. Так продолжалось долго, но затем воин по имени Джеримус загнал их обратно в Твердыню и самолично прикончил двух стражей, отыскав способ с ними расправиться. Они были слишком самоуверенны, понял Джеримус. Слишком сильны и слишком нетерпеливы. Воин обратил порывистость стражей против них самих. Он дразнил их — лишь защищаясь и не нападая, пока они не разозлились и не начали совершать ошибки. Один раз такая схема сработала. Может, получится и сейчас?

Лику изменил стиль боя, превратив драку в танец и мало-помалу вплетая в него кусочки и детали Формы. В первые секунды он едва не лишился головы и быстро сообразил, что маневры древнего Джеримуса несколько отличались от тех, что требовались ему сейчас. Восьмая Форма предполагала наличие двух противников, но Лику модифицировал большинство движений, предназначенных второму гиганту. Сперва враг ничего не замечал, и тогда Лику завертелся в безумной, яростной атаке, что было сил рубя воздух. Это

озадачило гиганта. Он повернул огромную голову и несколько секунд пристально рассматривал участок пространства, который Лика так старательно рубил. Генерал меж тем всадил клинок в ногу воображаемого противника, потом выдернул меч из снега, вскинул его вверх и ударил в шею под подбородком. Этот готов. Лика убил его.

Что бы там ни подумал нюмрек о представлении, он шагнул вперед и возобновил атаку. Пока они сражались, Лика все более врастал в ткань Формы. Теперь генерал чувствовал себя куда лучше. Если уж ему суждено умереть, по крайней мере он не баран на бойне. Он умрет достойно. К Алайну вернулась уверенность, а с ней пришла четкость движений. Лика ощущал, что время от времени он не просто предвидит движения противника, а провоцирует их. Да, думал он, иди ко мне. Враг повиновался. Ударь, а потом уходи вправо. И снова нюмрек поступил именно так. Взмахни мечом, словно ты хочешь отрубить мне ноги... Лика подпрыгнул — и как раз вовремя. Не идеальная Форма, но Лика варьировал движения в нужные моменты, и это получалось у него все лучше и лучше. Воин явно не узнавал узор танца. И начал злиться. Ухмылка исчезла с его лица. Он перестал бормотать и только постанывал от напряжения. Пару раз нюмрек даже плюнул в Алайна, желая оскорбить его.

Решительный момент настал неожиданно. Враг, охваченный безудержной яростью, переброшил меч из левой руки в правую и ринулся вперед, размахивая оружием. Клинок описывал в воздухе громадные круги и вращался с невероятной скоростью. Нюмрек вложил в эти движения всю силу руки, плеч, мышц живота. Он мчался вперед на полном ходу — сгусток непримиримой бешеной злобы. Лика отпрянул в сторону. Ветер, поднятый движениями меча, едва не сбил его с ног. Клинок нюмрека врезался в лед, выбив из-под ног фонтан мерцающего голубоватого крошева.

Именно так! Именно так последний из стражей Туллака ударил по каменной плите на полу Твердыни. Лика наступил на меч нюмрека, утвердив одну ногу на лезвии, а другую — на рукояти. Третьим движением Алайн перешагнул на руку гиганта и отсюда нанес удар. Его меч ушел в круговое движение — такое быстрое, что клинок показался размытым пятном. Лика не отследил того момента, когда лезвие прошло через шею врага, зато следующая секунда навеки осталась в его памяти. Голова нюмрека все еще стояла на плечах, словно никакого удара не было вовсе, а потом тело гиганта пошатнулось, начало падать — и голова отлетела прочь, волоча за собой шлейф сверкающей темно-алой крови. Пожалуй, ни разу со времен Джеримуса Восьмая Форма не исполнялась с таким мастерством.

Созерцая алую жидкость, исходящую паром на льду, Лика проговорил:

— Гм. Надо же... Сработало.

Сражаясь с рвотными потугами, Алайн оттащил человеческие останки подальше от огня. Потом ударом ноги перевернул котел. Наконечником копья сгреб угли в кучу и развел нормальный огонь, покидав в него все, что могло гореть, в том числе и собственную поклажу. Затем пришел черед медленной, неприятной работы — превращения мертвого тела в пепел. В конце концов, этот человек был акацийским солдатом. Генерал не смог опознать его и не обнаружил при нем никаких бумаг, удостоверяющих личность. Тем не менее он прочитал поминальную молитву и нашел слова, чтобы оплакать безвестного воина. Печаль Лики была неподдельной. Она исходила из сердца, ясная и острая, и поскольку вокруг никого не было, ему незачем было стыдиться своих слез.

Покончив с погребением, Лика обернулся к носорогу, который все еще стоял поодаль. Он направился к зверю, держа в руке копьё и стараясь не показывать, что прихрамывает. Должно быть, подвернул лодыжку во время боя. По мере приближения Лики носорог фыркал и понемногу отступал, держа человека на расстоянии и не сводя с него взгляда. Генерал поглядел по сторонам в поисках чего-нибудь съедобного, но не обнаружил ничего подходящего.

— Слушай, — сказал Лика, — у меня мало времени. Если ты не заметил, твой хозяин потерял голову. Но мы можем помочь друг другу. Я хочу попасть куда-нибудь, и побыстрее, а это будет трудновато на одной ноге. Ну а ты... думаю, тебе тоже надо куда-нибудь пойти.

Судя по реакции животного, оно было довольно умным, однако достичь взаимопонимания не удалось. В ответ на уговоры зверь топнул копытом по снегу. Генерал знал, что он слаб, уязвим и легок по сравнению с этой машиной, что его меч и копье не идут ни в какое сравнение с оружием, данным зверю природой. Однако ни в коем случае не следовало показывать животному свой страх. Иначе ему, пожалуй, придет в голову, что он может запросто нацепить человека на рог. Или растоптать в лепешку огромными копытами. Исход боя между ними предрешен. Алайн молился, чтобы носорог не догадался об этом. Затем ему в голову пришла одна мысль.

Он отвернулся от зверя, ушел, прихрамывая, и вскоре вернулся, держа в руке голову мертвого воина. Лика швырнул ее под ноги зверю. Голова покатилась вперед и быстро остановилась, застряв в снегу. Зверь долго изучал ее то одним, то другим глазом, словно подозревая какой-то подвох. Лика отпустил пару шуточек... нет, пожалуй, он выбрал не самый подходящий момент. Генерал замолчал, и над сугробами повисла тишина.

Ладно. У зверя появилась пища для размышлений. Лика даст ему время подумать.

Глава 18

Аливер оделся с военной строгостью. Хотя принц был в комнате один, он тщательно расправил все складки на парадном камзоле, как будто за каждым его движением следили старшие, готовые придаться к любой мелочи. Было сумрачно и холодно, поскольку Аливер задул почти все лампы и открыл большое полукруглое окно. Ему предстояло присутствовать на встрече с королевскими советниками — экстренном совещании, собранном из-за покушения на короля. Покушение, убеждал себя Аливер. Всего лишь покушение. Неудавшаяся попытка. За два дня, прошедших со времени нападения, Аливера так и не пустили к королю, но Таддеус уверял, что король жив и борется со смертью. Теперь, сказал канцлер, все в руках врачей... Какая нелепица! Неужели жизнь Леодана Акарана и судьба империи могут зависеть от горстки людишек — одного с ножом и нескольких с настоями и эликсирами?..

Нельзя сказать, чтобы принца никогда не предупреждали о такой возможности, но до сих пор теоретические обсуждения правил наследования казались абстрактными и далекими от жизни. Аливер не ожидал, что придется применить их на практике так скоро. Его наставник Ясон однажды сказал, что самое опасное время для принца — дни и недели перед коронацией. Случалось, рассказывал он, что принцы погибали от рук самых доверенных советников, друзей или даже собственных детей, полагавших, что корона будет им к лицу. Аливер, разумеется, отверг мысль, что такое предательство может настичь Акаранов. Однако Ясон имел ответ и на это:

— История учит нас, что власть одной династии не может продолжаться вечно. Не важно, как она сильна и как жестко контролирует свои владения. Возможно, конечно, что вы, Акараны, переписали правила, и история зря пытается уловить вас в свои сети...

Ясон сказал это с поклоном, будто бы шутя, добродушно — как он всегда делал, когда говорил что-то неприятное для принца. Однако сейчас Аливер углядел в слогах наставника какой-то мрачный намек, и им овладело неприятное предчувствие.

Резкий стук в дверь застал принца врасплох. Вошел паж, держа на ладонях меч, что носил имя Королевский Долг. Аливер хорошо знал этот клинок. Именно им в древние времена Эдифус сражался при Карни. Черное пятно на обмотанной кожей рукояти по преданию было кровью самого короля. Во время поединка с вождем племени Эдифус споткнулся, едва не выронил меч и выжил лишь потому, что схватился за клинок противника голый рукой. Острое лезвие разрезало ему ладонь и пальцы. Этот прием позже был модифицирован и включен в Форму в виде блокирующего движения, когда следовало оттолкнуть плоскую часть меча противника тыльной стороной кисти. Леодан носил Королевский Долг лишь в редких случаях, когда того требовали традиции. Обычно меч лежал на постаменте в покоях отца, и Аливер частенько любовался им. Сейчас он провел

пальцами по грубой, шершавой коже рукояти и обхватил ее пальцами, надеясь, что меч идеально ляжет в ладонь. Взявшись одной рукой за рукоять, а второй за ножны, Аливер движением запястья сломал печать и выдвинул клинок. Впоследствии он не мог сказать с точностью, что произошло на самом деле, но в тот момент ему почудилось, что меч закричал. И это был не крик радости: в нем слышались горе и боль. Аливеру померещилось, что комната наполняется призраками, готовыми материализоваться и обрушить на него свою ярость. Он поступил неправильно, тронул вещь, которую не следовало трогать — вещь, не принадлежавшую ему и не для него предназначенную.

Паж застегнул пояс с мечом на талии принца. Оружие будет при нем до тех пор, пока отец не поправится и не заберет его. Аливер старался носить меч с достоинством, не обращая внимания на то, что он болтался туда-сюда и бил о бедро при каждом шаге. Подумать только: еще несколько дней назад Аливер считал великой честью сидеть среди генералов и сановников! Мог ли он ожидать, что займет место в Совете до своего семнадцатого дня рождения? Чувство вины сидело в нем, словно камень с острыми краями. Аливер видел, как убийца ударил отца в грудь — и ничего, ничегошеньки не сделал. Этот злодей назвал отца тираном. Тираном! С какой стати? Принц знал, что подлые, коварные люди извращают суть вещей, приспособливая их под свои цели. Им нельзя верить, никогда и ни в чем. И все же... убийца произнес это слово с непоколебимой уверенностью, перед лицом столь многих людей... Аливер был возмущен. Да что там, он просто кипел от ярости!

Ах, если бы только можно было вернуть тот момент! Он бы схватил негодя за горло... Почему он не сделал этого? Тогда, на банкете, Аливер только и мог, что кричать. Остановите его! Кто-нибудь, остановите его. Снова и снова. А ведь нужно было отпихнуть стражу, перепрыгнуть через стол, и... Столько всего можно было бы сделать. Совершить славный поступок... Сотни раз принц прокручивал в голове эту сцену во всех возможных вариантах и лишь больше мрачнел. Аливер уверился в мысли, что отец пострадал по его вине.

По сравнению с огромными роскошными помещениями, присущими акацийскому архитектурному стилю, Зал Совета казался крохотной тесной комнатухой, где едва помещался овальный стол из полированного гранита. Вокруг расположились советники Леодана. Свет проникал сквозь единственное розеточное окно на южной стене. Лучи падали таким образом, чтобы освещать центр стола и лица сидящих за ним людей. Все остальное было погружено во мрак, и из-за этого резкого контраста Аливеру пришло на ум, что зал больше похож на комнату для допросов.

Дождавшись, когда глаза привыкнут к свету, принц занял место в кресле отца. Аливер не знал, должен ли он объявить о начале совета. Он обвел взглядом странно незнакомые, искаженные игрой света лица советников. Некоторые смотрели на принца, другие прятали глаза... Не живые люди, а каменные истуканы. Как прикажете начинать такое собрание?

Впрочем, принцу и не пришлось этого делать. Первым заговорил Таддеус Клегг. Он произнес имена пяти первых акацийских королей и напомнил собравшимся, что они принимают участие в решении крайне важных вопросов. Древние короли Акции — суть, источник мудрости и образец для подражания. Сейчас, когда на королевство обрушилась беда, советникам должно помнить о них и следовать их заветам, принимая решения.

— Прежде чем мы обратимся к темам сегодняшнего совета, я думаю, стоит рассказать, как дела у короля. Полагаю, все вы хотите знать. — По залу пронеслись шепотки. — Я могу передать вам лишь то, что мне сказали лекари. В данный момент король жив. Если он умрет, лекари явятся и сообщат нам незамедлительно. Они предполагают, что король отравлен. По всей вероятности, у убийцы был кинжал илахов, древнего ордена мейнских убийц. Насколько я знаю, почти все они были уничтожены Эдифусом и объявлены вне закона. Однако вполне возможно, что их смертельный яд сохранился до сих пор... и теперь высасывает жизнь из нашего государя, — Канцлер бросил мимолетный взгляд на Аливера и отвел глаза. — Лекари делают все, что в их силах, — продолжал он. — Может быть, король выживет. Однако мы должны быть готовы к любому исходу. Сегодня принц Аливер сидит на месте короля. Я прошу принять его как вашего повелителя, даже если вы молитесь, чтобы он

как можно скорее уступил кресло отцу.

Аливер с некоторым усилием посмотрел вокруг и попытался ответить на обращенные к нему благожелательные слова, но тут же спустил глаза и только слушал молча, глядя в стол. Так же, разглядывая гранитную столешницу, он выслушал и доклад секретаря канцлера. На острове едва ли мог оказаться человек, способный подтвердить личность убийцы, сказал он, но по счастью нам повезло. На Акации нашелся чиновник, который прожил год в Катгергене, инспектируя дела сатрапии. Он подтвердил, что этот человек действительно Тасрен Мейн. Впрочем, некие сомнения остались до сих пор. Мы направили голубя в Алесию, и тамошние представители Мейна прислали ответ, утверждая, что убийца никак не мог оказаться Тасреном. Они клянутся, что если и имел место какой-то заговор, то Мейн не имеет к нему отношения. Они готовы явиться ко двору и лично уверить нас в своей невиновности. С другой стороны, настораживает тот факт, что мейнцы, жившие на Акации, исчезли в неизвестном направлении. Гурнал и его родственники сбежали; в их доме обнаружены тела убитых слуг. Если Мейн ни при чем, как тогда это объяснить?

Выслушав доклад секретаря, Джулиан, один из советников короля, проговорил:

— У нас недостаточно сведений, чтобы предпринимать какие-либо действия...

Несколько возмущенных голосов наперебой указали ему, что действий пока никто и не предложил. Джулиан невозмутимо продолжал:

— Хэниш Мейн посылает брата на смерть... какой в этом смысл? Начать войну, которую он не сможет выиграть? Нелепо. Хэниш — мальчишка. Я видел его на зимнем празднике пару лет назад. Отрастил кой-какую бородашку на щеках, пытаюсь выглядеть старше, но он еще щенок.

В разговор вступил Рилос — командующий акацийскими вооруженными силами. Человек, которому, насколько знал Аливер, король доверял.

— Хэниш уже не мальчишка, — заметил Рилос. — Насколько я знаю, ему сейчас двадцать девять.

Джулиан мельком взглянул на Аливера и обернулся к генералу.

— Если заговор устроил Хэниш, то возникает вопрос: зачем? Чего он хочет добиться?

— Этого мы не знаем, — сказал Чейлс, еще один пожилой офицер. — Джулиан, ваше великодушие общеизвестно, но не все люди столь же благородны.

— А мальчишки зачастую просто глупы, — прибавил Рилос. — Полны гордыни. Безрассудства...

Джулиан хотел было ответить, когда вступил Таддеус:

— Все мы здесь достаточно разумны, чтобы не называть день ночью, — сказал он. — Нужно учитывать любые возможности, и вопрос Джулиана правомерен. Не исключено, что Хэниш Мейн действительно ни при чем. Не исключено... однако я знаю, что главный подозреваемый обычно и есть виновник. Мейнцы — древний народ. Древний народ имеет длинную память. Может быть, Хэниш полагает, что действует от имени праотцов. Он выражает волю предков, а те жаждут акацийской крови, и чем дальше — тем больше. Во всяком случае, так полагают мейнцы, и они не откажутся от своих суеверий.

— Все народы имеют историю, — сказал Рилос. — Некоторые из нас помнят об этом, а некоторые — нет. Иные могут назвать имя своего прадеда, а иные не могут. Но древняя кровь по-прежнему бежит в наших жилах. Время — не оправдание для предательства.

В зале повисла тишина. Казалось, советники колеблются, и Аливер решился заговорить.

— Мы ходим вокруг да около вместо того, чтобы посмотреть в лицо фактам, — начал он. — Разве кто-нибудь сомневается, что тот человек... убийца... что он из народа мейн? Он чисто говорил на их языке. Он назвал свое имя. Разве этого мало? — Тишина была ответом принцу. Казалось, все изумились речам юноши и не знали, как ответить. — Какой смысл смотреть в ночное небо и думать, не спрятан ли солнечный свет за облаками? Мы знаем, кто виноват. Мейнец ранил моего отца! Мы должны воздать им сторицей.

— Вы совершенно правы, принц, — сказал Таддеус. — Именно поэтому мы здесь

собрались. Нужно понять, как именно мы ответим Мейну. У наместников может быть собственное мнение на сей счет, но они все равно будут ожидать от нас руководящих указаний и одобрения своих действий.

— Стало быть, надо разработать план атаки? — спросил Аливер, обретая уверенность от собственной удалости. — Как скоро наша армия сможет оказаться у ворот Тахалиана?

Таддеус переадресовал вопрос Карверу — единственному капитану марахов на острове. Карвер был самым молодым из собравшихся в зале советников — лишь немного за тридцать. Этот человек родился под счастливой звездой. Он был отпрыском древнего рода, потомственным военным. Таланты и амбиции быстро вознесли его на самый верх. Несколько лет назад он добровольно вызвался возглавить войска, посланные для подавления мятежа в Кендовии. В последнее время боевые действия в империи были редкостью, и Аливер полагал, что опасность мятежа сильно преувеличили. Как бы там ни было, Карвер командовал настоящими солдатами в настоящем сражении. Немногие из ныне живущих акацийцев могли этим похвастаться. Однако слова Карвера отнюдь не привели Аливера в восторг.

Не следует торопиться, заявил марак. Нужно принять в расчет боевые силы Мейна, а также учесть, что противник дислоцируется в труднодоступном регионе. Вдобавок между Мейном и Акацией располагаются территории со сложным ландшафтом. Акацийские войска в настоящий момент рассеяны по большой территории. Это позволяет империи контролировать провинции, но для военной кампании потребуются реорганизация и переброска армий. Можно начать стягивание отрядов из провинций к центру, а также объявить новый призыв. Таким образом, Акация сможет сосредоточить необходимое количество войск в районе Алесии в начале весны. Если Ошения окажет содействие, есть шанс, что войска удастся выдвинуть на позиции в область ущелья Градтика ко дню весеннего равноденствия. Наступательная операция начнется не ранее, чем через месяц после развертывания сил возле ущелья. Вдобавок она будет происходить в сложных условиях весенней распутицы и разлива рек. Не говоря уже о насекомых...

— Насекомых?! — взвился Аливер. — Вы с ума сошли! Мейнский убийца ранил моего отца, а вы толкуете про насекомых?!

Карвер нахмурился — так, что его густые брови сошлись к переносице.

— Милорд, вы когда-нибудь видели крошечных мошек, которых полно в Мейне весной? Их там целые тучи, такие огромные, что человек может задохнуться, просто глубоко вдохнув. Вдобавок они кусаются. Случалось, люди умирали от потери крови. А хуже всего, что они разносят заразу — лихорадку, чуму... Планируя военную кампанию, нужно учитывать очень много факторов. На войне есть масса способов погубить солдата и помимо вражеского меча. Мухи, мой принц, один из них. Возможно, передовые отряды, знакомые с зимними условиями Мейна, могли бы начать движение раньше — прежде чем оттепель разбудит паразитов. Однако, учитывая исчезновение генерала Алайна, я не советовал бы этого делать.

Аливер недоуменно покачал головой. Он не ожидал услышать такую отповедь из уст бравого офицера. Его всегда учили мыслить категориями наступательной войны — ведь армия Акации многократно превосходила силы любой из провинций. Принц хотел спросить, что стряслось с генералом Алайном, но постеснялся: он видел, что все остальные и так знают, о чем речь. Подумав, Аливер сказал:

— Солдаты Мейна не превосходят числом двадцати тысяч, и десять из них — у нас на службе, разбросанные по всей империи. Таков был приказ. Итак, я спрашиваю: сколько времени нам нужно, чтобы собрать армию, способную побить десять тысяч человек? Вряд ли это непосильная задача.

Карвер пробормотал, что количество мейнского населения никому точно не известно. Их численность постоянно колеблется в таких пределах, что невозможно верить ни одному официальному источнику.

— Армию, потребную для войны с Мейном, удастся собрать только к лету. До той

поры карательная операция вряд ли возможна... Если Хэниш выбирал время так, чтобы мы не ударили в ответ немедленно, то он выбрал правильно. Вдобавок надо учитывать национальные особенности мейнцев. Для них убийство — нечто само собой разумеющееся. Слабые, болезненные дети подлежат смерти. Таким образом, с каждым поколением они становятся все сильнее. Мейнцы научились выживать в самых суровых условиях. Любой их мужчина — воин. У них много секретов, о которых нам ничего неизвестно. За жизнь каждого мейнца мы заплатим дорогую цену...

Слова Карвера были встречены одобрительным бормотанием. Один из советников сказал, что, по слухам, Хэниш втайне тренирует армию где-то в северной глуши. Другой покивал: он тоже слыхивал. Джулиан неодобрительно пожал плечами, словно говоря, что здесь не место досужим домыслам, однако промолчал.

— Хэниш Мейн хорош в мазерете, — сказал Карвер. — Это танец-поединок, который любят мейнцы. Если нападение на короля — его рук дело, то он словно бы кинул кинжал в лицо империи. Хэниш хочет свалить нас с ног, выбить из равновесия. Надо признать, что в какой-то мере он преуспел.

— И сдается мне, следующий удар не заставит себя ждать, — прибавил Чейлс.

Рилос кивнул.

— У мейнцев есть очень интересное верование. Они якобы общаются со своими мертвыми предками. И эти предки, мне рассказывали, хорошо умеют убеждать. Такая религия опасна, когда она толкает людей к агрессивным действиям.

Аливер посмотрел на генерала. Да что такое с ними со всеми? Нападение на отца они считают обычным тактическим ходом в какой-то политической игре. Танцы? Разговоры с мертвыми? Что за чушь?!

— Вы что, раздумываете, как бы половчее сдать врагам империю моего отца? — рявкнул Аливер. — Будьте вы прокляты, если не предложите ни одного смелого решения!

— Мой дорогой принц... — сказал Таддеус, слегка поморщившись — словно он предпочитал, чтобы эта дискуссия происходила между ними с глазу на глаз. — Не надо нас проклинать. На самом деле никто не сомневается, что Акация в безопасности. Советники просто хотят донести до вас, что ситуация довольно мрачная...

— Знаю! — отрезал Аливер. — Я видел, что стало с отцом. Расскажите мне все, что вам известно. И главный вопрос — я повторю его еще раз: как мы накажем Хэниша Мейна? Вот что нужно сделать в первую очередь. Мы должны лишь решить, когда и как. Вам понятно?

Советники согласно покивали, но до конца совещания Аливер спрашивал себя, мудро ли он поступил, подняв крик. Он ушел из зала в растерянности и недоумении. Голова пухла от идей, которые стремительно сменяли друг друга. Будущее было покрыто мраком. Аливер сам себе казался мальчишкой, потерпевшим кораблекрушение; он плыл в бурном море, цепляясь за один из обломков, отданных на волю волн.

Глава 19

Таддеус стоял у постели Леодана — у постели своего давнего друга, и сердце его сжималось от боли и тоски. Более всего поразило канцлера лицо короля. Оно было мертвенно-бледным и неподвижным. Леодан выглядел невероятно старым, уставшим от жизни, безразличным ко всему, что происходит вокруг. Впрочем, назвать его лицо бледным, значит, сказать лишь половину правды. Оно было белым как пудра, жизнь будто вытекла из-под восковой кожи. Неожиданно для себя Таддеус подумал, что так мог выглядеть сам Эдифус на смертном одре. И кончина Леодана — равно как смерть первого короля много веков тому назад — могла означать огромные перемены в окружающем мире.

Более всего на свете Таддеусу хотелось упасть на колени и зарыдать — признаваясь во всем и все отрицая. В каком-то смысле и то, и другое было бы правдой. Как-никак, канцлер приложил руку к покушению. Он поверил письму, которое послал ему Хэниш Мейн. Таддеус ни на миг не усомнился, что Гридулан повинен во всех преступлениях, названных Хэнишем.

Он возненавидел сына за грехи отца. Он желал наказать его. Мечтал, чтобы Акараны страдали, чтобы их империя была повержена в хаос. Иногда, глядя на короля, погруженного в наркотический транс, Таддеус воображал, как он кладет ладони на горло Леодана и медленно, по капле, выдавливает из него жизнь. Физически это было нетрудно, но фантазии остались фантазиями — канцлер так и не тронул короля. Зато зарезал несчастную посланницу. Таддеус не планировал убийства заранее. Он даже не слишком хорошо понимал, зачем это сделал. Той ночью он принял решение внезапно, почти не думая. Женщина принесла весть об угрозе Акаранам. Таддеус хотел, чтобы эти угрозы воплотились в жизнь, и потому посланнице пришлось умереть. Леодана, однако, Таддеус тронуть не посмел: попросту трусил и, как истинный трус, совершил убийство чужими руками. Не он ли просил Хэниша Мейна наказать короля за его прегрешения? Так почему же теперь, когда мейнец преуспел, у него так паскудно на душе?..

Занимаясь тысячами дел, которые ситуация требовала в эти дни от верного канцлера, Таддеус не мог отделаться от картин, вновь и вновь вспыхивавших в его памяти, — ошеломленное лицо Леодана, алые пятна на его груди, скрюченные пальцы, стиснувшие плечо ошенийского принца, разинутый в ужасе рот... Равно не мог он отделаться и от воспоминаний об убийце, кто стоял посреди зала, с бесстыдной откровенностью называя свое имя. Таддеус слышал мейнские слова, срывающиеся с губ мужчины, и ему нетрудно было понять их значение. Он увидел, как этот человек перерезал себе горло, как кровь хлынула фонтаном. Лицо убийцы излучало спокойствие и уверенность — ни колебания, ни страха перед неминуемым концом. Тасрен Мейн смотрел на толпу, словно был истинным пророком неизвестного бога, а все вокруг — жалкими невеждами, обреченными на вечное проклятие...

Король чуть слышно застонал и открыл глаза. Таддеус схватил друга за руку, прошептал его имя. Леодан обернулся, но в его глазах не было удивления, которое ожидал увидеть Таддеус. Язык в приоткрытом рту был белым, сухим, раздутым и неповоротливым. Едва ли король мог говорить. Это был один из симптомов отравления — верный признак того, что Леодан доживает последние часы. Однако тело еще не отказало ему. Король подвигал руками — сперва неуверенно, потом все более настойчиво. Таддеус сообразил, что он требует пергамент, чернила и перо. Таддеус подал письменные принадлежности и немного приподнял подушки, чтобы Леодан мог сесть. Повернув руку короля в положение, удобное для письма, Таддеус смотрел на пергамент, ожидая, когда же перо начнет двигаться... Рука слушалась плохо, буквы выходили неровными, перекошенными, слепленными одна с другой. Долгое время шорох пера по сухому пергаменту был единственным звуком в комнате. Таддеус гадал, теребя мочку уха, что король может ему писать, и в голове возникали самые невероятные идеи. Обвинения? Проклятия? Таддеус задумался, как бы он отреагировал, если бы этот умирающий человек на самом деле обвинил его в злодеянии. Достанет ли ему гнева и обиды, чтобы бросить обвинение в ответ? Канцлер прислушался к себе и понял, что не ощущает ни того ни другого.

Прошло немало времени, прежде чем Леодан закончил писать. На его лице отразилось глубочайшее удовлетворение, и он поднял пергамент, показывая канцлеру текст. Послание гласило: «Скажи детям, что их история написана только наполовину. Пусть они допишут ее до конца и поместят подле самых великих преданий. Скажи им. Их история стоит рядом с величайшей легендой, какую только знал мир».

Таддеус, кивнул.

— Конечно, сир.

Леодан приписал: «Сделай. Обязательно».

— Что я должен сделать? — спросил Таддеус. Огромное облегчение снизошло на него, и канцлер не сумел этого скрыть. — Скажи — и я исполню. — Он сообразил, что ляпнул глупость и устыдился. Тронув короля за руку, Таддеус жестом показал, что имел в виду «напиши». Напиши — и все будет исполнено.

Леодан долго скрипел пером по пергаменту, все менее обращая внимание на красоту

букв. Канцлер обошел кровать, заглядывая товарищу через плечо и читая слова по мере того, как они появлялись. Он понял, о чем просит Леодан, еще до того, как тот закончил писать. Король напоминал о политическом курсе, который следовало провести в жизнь как можно скорее, прямо сейчас — коль скоро он вынужден умереть, прежде чем дети станут достаточно взрослыми, чтобы управиться с изменившимся положением в мире. Леодан вручил канцлеру план радикального переустройства империи. Все детали были известны лишь ему одному. Таддеус с изумлением вспомнил, что они когда-то говорили об этих вещах. В тот момент план казался канцлеру умозрительной конструкцией, фантазией, не имеющей ничего общего с реальной жизнью. Очередной припадок королевского сумасбродства. Однако, похоже, фантазия плотно засела в мозгу Леодана.

— Вряд ли нам это понадобится, — мягко сказал Таддеус, опустив ладонь на руку короля. — Мы многого не знаем, Леодан. Возможно, ты еще поправишься. Нападение могло быть делом рук одного сумасшедшего. А твой план... таит в себе опасность. Ты можешь поставить под угрозу своих детей — вместо того, чтобы защитить их. Когда мы обсуждали его, я не думал, что ты всерьез...

Король отпихнул руку канцлера. Сделав над собой огромное усилие, от которого лицо превратилось в гротескную маску с выпученными глазами, трясущимися щеками и отвисшей челюстью, Леодан ухитрился выговорить:

— Сделай... это.

Он повторил фразу несколько раз, пока язык окончательно не отказал ему и слова не превратились в нечленораздельное шипение.

Таким приказом невозможно пренебречь. Таддеус кивнул, и Леодан мгновенно успокоился. Он вздохнул и тяжело откинулся на подушки, более не пытаясь говорить, однако не сводил с Таддеуса пристального взгляда. Канцлеру хотелось отвернуться, но тут он понял, что в глазах короля нет упрека. Леодан словно просил не забывать чудесные времена их юности, мечты и надежды. Таддеус внезапно осознал, что приближение смерти не пугает Леодана; казалось, он даже находил в этом что-то приятное для себя. Он наконец мог скинуть бремя власти и предоставить детям бороться с несправедливостями, которые не осмелился уничтожить сам. Дело будет трудное и опасное, и все же Леодан просил канцлера направить детей на этот путь. Сам он более не имел выбора, часы жизни сочтены. И теперь судьбы империи более не его забота. Он сделал все, что мог, чтобы его мечты стали явью — поручил канцлеру помочь детям в деле переустройства мира.

Король написал еще один короткий приказ. «Собери детей, а потом...» Таддеусу не надо было спрашивать, кого имеет в виду Леодан. Он все знал сам.

Канцлер встретился с принцами и принцессами полчаса спустя. Ему было ужасно холодно, хотя дворец прекрасно отапливался. Впрочем, Таддеус понимал, что температура воздуха здесь ни при чем, и холод у него внутри. Он стоял, привалившись спиной к закрытой двери королевских покоев и скрестив руки на груди, дабы скрыть малейшую предательскую дрожь. Глядя на четыре юных лица, обращенных к нему, канцлер порадовался, что выбрал такую позу. Он ведь и впрямь был этим детям почти как отец. Как они хороши! Аливер... Кровь Тинадина, он стоял, горделиво выпрямившись, стройный, подтянутый, легкий. В нем жили упрямое спокойствие, серьезность и отвага. Красавица Коринн... Сейчас ее кожа поблекла и покрыта пятнами. Обычно хорошенькое лицо стало почти отталкивающим, но чувствовалось что-то трогательное в ее беззащитности и душевной обнаженности. Глаза Мэны печальны. Она стоит, опустив голову, и выглядит старше своих лет. Спокойная и рассудительная, девочка, казалось, знает, зачем их позвали. А Дариэл смотрит по сторонам широко распахнутыми глазенками и дрожит, как мышонок... Совладав с эмоциями, Таддеус заговорил:

— Король хочет вас видеть. Пожалуйста, не утомляйте его. Сейчас он может общаться только одним доступным ему способом. Не требуйте больше, чем он может дать. Ваш отец очень плох... — Таддеус не знал, сколько он имеет право сказать, что следует сообщить детям, а о чем надо умолчать. Он хотел объяснить им истинное положение дел, но не мог

заставить себя выговорить нужные слова. — Вы готовы? — наконец спросил он.

Глупый вопрос. Таддеус смотрел в детские лица и понимал с болезненной ясностью, что они отнюдь не готовы к зрелищу, которое их ожидает. Не готовы принять как данность, что отец уходит... Канцлер отвернулся и рывком распахнул дверь, а потом отступил в сторону, освобождая дорогу. Он закрыл дверь за их спинами и двинулся прочь, стараясь не думать о том, что происходит в комнате — между детьми и их отцом.

Помощники канцлера ждали внизу. Он ушел к себе, оставив дверь открытой, чтобы не пропустить момент, когда дети будут уходить. Одного из помощников канцлер отправил с наказом приготовить королю трубку миста. Он поклонился и вышел, но Таддеус успел заметить, что на его лице мелькнуло удивление, чуть ли не презрение. Канцлер не сделал ему замечания: молодой человек был в чем-то прав. Если владыка империи приближается к смерти, разве не нужно ему оставаться в ясном сознании до самого конца? Многие в королевстве неладно, многие дела требуют королевского внимания. Разве не должен правитель даже последний свой вздох сделать на благо государства?.. Какая несусветная глупость, подумал Таддеус. Ну и, разумеется, в официальной записи о кончине короля не будет никаких упоминаний о наркотиках. Как и всегда, впрочем.

Таддеус постоял перед камином, поворошил кочергой дрова, хотя они горели ярко и ровно. Дайте же старому человеку то, что ему нужно, думал он. Отраду миста. Наркотик выполнял самые сокровенные желания человека, воплощал все его мечты. Леодан не курил мист до смерти Алиры, но, неутешный в своем горе, пристрастился к нему. Так было с миллионами людей во всех уголках империи. Рабы на рудниках Киднабана; родители, чьих детей отдали за море по договору Квоты; нищие в трущобах Алесии; купцы, которые возили товары по грозному морю; солдаты, годами служившие вдалеке от дома; рабочие, проводившие дни в нелегком монотонном труде, — все они зависели от этого целительного бальзама. Все усвоили, что наркотик дарит им отдохновение от забот и погружает в мир сладких грез. Король в этом смысле ничем не отличался от своих подданных.

В мире иллюзий, созданных мистом, Леодан проводил время с покойной женой. Однажды он признался в этом Таддеусу. Возлюбленная ждала его за гранью сознания, встречала его. В ее глазах были сочувствие и понимание; Алира не одобряла злодеяний Леодана, но все равно любила его. Взявшись за руки, они шли по своей прежней жизни, перемещаясь от одной чудесной минуты к другой. Свадьба. Моменты близости. Рождение детей — каждого из четверых, ниспосланных им Дающим. Мгновения счастья... Изумительно, говорил Леодан, видеть все эти мелкие, крошечные детали. Он смотрел на Алиру, разглядывал черты ее лица, жесты, движения, слышал ее голос. И каждый раз словно совершал новое маленькое открытие. Удивительно — он так сильно любил ее и все-таки позабыл множество маленьких подробностей, которые теперь узнавал заново. Великое счастье и наслаждение ожидали Леодана за гранью миста. Он вновь испытывал все, что они с Алирой пережили вместе.

Жизнь, думал Таддеус, должна казаться бледной тенью реальности по сравнению с таким блаженством. Затем он вспомнил о детях. По крайней мере Леодан имел детей — счастье, в котором отказано Таддеусу. Королю не приходилось жить под бременем знания, что его любовь убило предательство. После смерти Дорлинг Таддеуса часто спрашивали, почему он не женится вновь и не заведет детей. Он всегда пожимал плечами и выдумывал какую-нибудь отговорку, ни разу не сказав правды. А правда заключалась в том, что он боялся стать причиной новых смертей. Может быть, он всю жизнь подспудно знал, что его любимые были убиты, и причиной тому стали амбиции молодого канцлера.

Проклятие! Таддеус резко толкнул поленья в огне. Он злился на себя — злился за то, что не в силах контролировать свои мысли. Они точно клубки гадюк извивались в голове. Жадная змея, бесконечно пожирающая собственный хвост... Канцлер поставил кочергу на место и глянул на записку короля. Кое-как накорябанные слова, кривые, неровные строки, почерк, лишь отдаленно напоминающий руку Леодана. Если б документ попался в руки кому-то другому, он бы ни в жизнь не поверил, что это писал сам король. Да и мало кто

поймет суть его распоряжений. Только Таддеус и Леодан знали о плане. Они обсуждали его несколько лет назад, как некоторый умозрительный конструкт. Таддеус потягивал вино, король погружался в забытие миста. Кто мог подумать, что теперь все это могло стать реальностью?.. Так или иначе, бумага не предназначена для чужих глаз. Она принадлежала Таддеусу. Король верил ему свою заветную мечту — не подозревая, что отдаст ее в руки величайшего предателя...

Таддеус снова взглянул на пергамент. «Если иного выхода не останется, отправь их на четыре ветра. Отправь их на четыре ветра, как мы договорились, друг мой».

Перечитав записку, Таддеус разжал пальцы, и листок улетел в камин. Он опустился на край полена, и Таддеус подумал, что надо бы подтолкнуть его кочергой. Затем пергамент охватило пламя, он свернулся, почернел и исчез в огне. Так быстро, так просто... Канцлер вернулся к письменному столу, не слишком хорошо представляя, что делать дальше. Наверное, лучше всего заняться повседневными делами — перелистать донесения, почитать отчеты... и тут он увидел конверт.

Одинокий белый квадратик сиротливо лежал в центре огромного отполированного стола. Он никак не мог здесь оказаться. Его не было в утренней почте, а если послание предназначалось канцлеру лично, то его следовало передать прямо в руки. Таддеусу стало еще холоднее, словно все внутренности разом обратились в лед. Не прикоснувшись к конверту, канцлер медленно опустился на стул. В первый миг упругая кожа сиденья воспротивилась, будто пытаясь оттолкнуть хозяина, потом прогнулась и приняла на себя его вес — как и всегда.

Ногтем Таддеус разорвал сгиб конверта и прочитал послание.

«Король мертв, — говорилось в нем. — Вы не приложили руку к этому деянию. Все, что случилось, — заслуга моего брата. Если вы и впрямь мудры, то не почувствуете ни мук совести, ни радости. Однако, Таддеус, теперь вам стоит подумать о будущем. Позаботьтесь о детях. Они нужны мне и нужны живыми. Предоставьте их и вдобавок к удовлетворению от свершившейся мести вы получите щедрую награду. В том я даю вам свое слово».

Таддеус помедлил, прежде чем взглянуть на подпись. Она показалась ему не именем, а непонятными словами, значение которых он будто бы знал, но позабыл — Хэниш Мейн.

Снаружи послышался шум. Таддеус поспешно прижал письмо ладонью к бедру. Двое людей прошли по коридору, беседуя между собой. Их фигуры мелькнули за полуоткрытой дверью и исчезли. Таддеус сдвинул конверт ниже, прикрыв торчащий белый уголок, и зажал письмо между колен.

Он не знал, сколько времени просидел так, отдавшись старым воспоминаниям — перепутанный и выбитый из колеи. Затем канцлер услышал, что дверь королевских покоев открылась. Он поднялся, подошел к камину и отправил второе послание в огонь вслед за первым. Настало время вернуться к старому другу. Надо отнести ему трубку с мистом и сказать «прощай». А потом решать судьбу детей из рода Акаран.

Глава 20

Почтовые голуби северной короткокрылой породы разлетелись из Катгергена по всему Мейну — вплоть до самых отдаленных его уголков. Их путешествия порой заканчивались в самых неожиданных местах. На скальных выходах среди снежных просторов. В низких хижинах, где люди собирались перед проволочными клетками, глядя голубей, принесших радостные вести. В хибарах длинноволосых отшельников, которые связаны с миром и другими людьми только через крылатых посланников. Пути голубей были известны лишь немногим людям, но все птицы благополучно достигли конечной цели своего пути.

Голубь прибыл в Тахалиан через четыре дня после того, как улетел с Акации. Человеку потребовалось бы на этот путь гораздо больше времени. Птица приземлилась на насест, от ее ноги отвязали футляр, и в скором времени адресат получил предназначенное ему послание.

Он поднялся с треногого табурета стоявшего на утопленной в землю арене Калатрока.

Сотни людей возводили это строение много лет. Массивные балки, соединенные железными кольцами, куполом смыкались над ареной шириной пятьсот квадратных ярдов. Здесь с лихвой хватало места для военных маневров, строевых учений и тренировок. Порой в Калатроке происходили даже большие баталии, имитирующие настоящие сражения. Бревенчатый купол исправно прикрывал воинов от непогоды и любопытных глаз. Великолепная тренировочная площадка для мейнской армии и тайная гордость людей, которым давно уже не полагалось иметь ни тайн, ни гордости. Сегодня, однако, громадный Калатрок стал ареной битвы лишь для двоих.

Хэниш Мейн вышел в центр круга и поклонился человеку, который поклялся убить его. Коротким кивком он дал понять, что готов начать танец. Мазерет.

Вождь народа мейн был среднего роста, худощавый и стройный. Он стриг волосы короче, чем большинство мужчин Мейна, обрезая их чуть ниже ушей. Лишь три косы падали на плечи; две — с вплетенными в них шнурами из оленей кожи, третья — с зеленым шелком. Черты его лица будто нарочно были подобраны таким образом, чтобы подчеркнуть глаза. Тонкие как волосок морщинки прорезали широкий лоб. У Хэниша были высокие скулы и орлиный нос с тонкой переносицей; на одной из ноздрей виднелся крохотный шрам. Молочно-белая кожа казалась почти прозрачной под нижними веками; здесь она словно светилась изнутри, придавая серым глазам мечтательное выражение, которое могло обмануть людей, не знавших истинного характера вождя.

Сегодня Хэниш облачился в короткий килт и тальбу — одежду, состоящую из единого куска тонкой выделанной кожи, которая была обмотана вокруг тела, оставляя руки свободными. Противник Хэниша на голову выше вождя — длинноногий, жилистый и мускулистый, великолепно сложенный. У него бледно-золотые волосы: две косы с зелеными лентами, обозначавшими, что он уже танцевал мазерет, выжил в нем и мог поведать об этом миру. Он был хорошим бойцом и уважаемым человеком, соратником Хэниша, с кем вместе они строили планы грядущей войны. И лишь теперь, когда война была уже на пороге, амбиции воина побудили его бросить вызов вождю.

Двух мужчин окружали зрители — мейнские офицеры, мастера мазерета, лекарь и воины из числа пунисари, элитной гвардии Мейна, выполнявшие роль телохранителей вождя. Здесь же стояли два жреца Тунишневр, чьи лица закрывали надвинутые капюшоны. Один из жрецов ожидал, когда дух покинет тело танцора, проигравшего мазерет, дабы произвести ритуал воссоединения с предками. Второй готовился произвести обряд введения во власть — в случае, если вызвавший Хэниша воин победит и займет место верховного вождя. Чуть поодаль стоял Халивен — первый советник Хэниша. Это был человек, невысокий по стандартам Мейна, но крепкий и сильный как медведь. Большой нос покрывали мелкие пятнышки оспин, на скулах проступали красноватые линии артерий. Халивен был братом покойного Хеберена и дядей молодого вождя.

За спинами привилегированных зрителей стояли другие — великое множество солдат в полном боевом облачении, добрый десяток тысяч. Десять тысяч пар серо-голубых глаз, десять тысяч голов с льняными волосами, спутанными как змеиные гнезда — в лучших традициях воинов Мейна. Нельзя сказать, чтобы мазерет был в Мейне необычным зрелищем, но он неизменно собирал бесчисленное число зрителей. Зрелище, будоражащее кровь любого мужчины, которому повезло наблюдать поединок. Хэниш вскинул руки в ответ на выкрики солдат. Он знал, почему они кричат так громко, и ему хотелось, чтобы солдаты видели его уверенность и беспечность перед лицом смертельной опасности. Сильные люди заслуживают сильного вождя — такого, который не боится испытать себя. Он должен отринуть любовь к жизни, отринуть страх, отринуть человеческие желания. Все, что заставляет слабого человека совершать ошибки.

Двое мужчин сошлись на расстояние удара. Они двигались в медленном, плавном танце, то приближаясь друг к другу, то отступая. Для человека, не ведающего, что такое мазерет, представление могло бы показаться скучным. Он мог бы решить, что бойцы слабы, неумелы и притом трусоваты. Сначала Хэниш и его противник разглядывали друг друга,

раскачиваясь на месте, смещаясь всего на несколько дюймов. Оба были вооружены только короткими кинжалами, которые пока что покоились в ножнах на талии. Узкий клинок шести дюймов в длину напоминал нож для разделки речной форели — за исключением того, что качество металла было несравненно лучше.

Хэниш перемещался медленно и плавно — четкими, выверенными движениями, продуманными до мельчайших деталей. На его лице застыло равнодушное выражение, глаза были холодными и пустыми. Ничто не выдавало его намерений, не предвещало, куда он двинется, что сделает в следующую секунду. Одновременно Хэниш внимательно оглядывал противника, ища в нем любую слабинку, любой намек на возможную ошибку. Он полностью отдался на волю инстинктов, выкинув из головы все лишнее и ненужное — тысячи вещей, которые сейчас не имели значения, и сосредоточился на нескольких, необходимых для выживания. Его наставник однажды сказал, что мазерет похож на танец двух кобр, встретившихся на травяном полу джунглей. Их бой точно странный балет — неторопливый, вальяжный. Никто не делает ни единого обманного движения, никто не пытается выиграть в скорости. Но когда наступает нужный момент, все происходит мгновенно. Один удар, стремительный как молния. Один смертельный удар... Хэниш никогда не видел живую кобру, однако нарисованная учителем картина и поныне стояла перед глазами. Он всегда поступал именно так, и его удар возникал из пустоты, как искра между двумя кремнями. И Хэниш понимал, что он сделал, лишь после того, как все было кончено.

Наконец бойцы впервые соприкоснулись ладонями. Они наклонились друг к другу, испытывая силу и вес партнера — шеи прижаты бок о бок, подбородок лежит на плече противника, руки и пальцы ищут опору. Они переплелись и закружились, напрягая мышцы ног и торса, проверяя друг друга на прочность. Хэниш уступал высокому воину и в мускулах, и в массе тела, но он мгновенно заметил, что противник бережет правую ногу. Возможно, виной тому были последствия старого ранения. Противник лучше двигался, когда шел вперед, и чувствовал себя неуверенно, отступая. Хэниш понял — хотя воин и пытался это скрыть, — что его противник предпочитает бить первым. Он только искал удобного случая, чтобы бросить тело вперед, с ведущей правой ногой...

Хэниш разорвал объятие, вывернулся и ушел вбок. Стоя лицом к толпе, вытащил кинжал. Противник сделал то же. Хэниш не удивился, увидев, что воин напряг мышцы правой ноги, развернув торс, перебросил кинжал в обратный хват и махнул им снизу вверх по диагонали, одновременно кидаясь вперед. Он действительно желал ударить первым.

Тревога отразилась на лице воина еще прежде, чем он закончил движение. Удар неизбежно должен был прийти Хэнишу в правую часть груди, однако кинжал вообще не коснулся его. Хэниш поднырнул под руку противника и присел, избежав удара. Затем повернулся вокруг своей оси, выпрямился и воткнул кинжал в левую сторону спины, под лопатку. Ощувив, что лезвие не встретило сопротивления, целиком прогрузившись в плоть, Хэниш понял, что удар достиг цели. Он чуть повернул кинжал и рванул его вбок, протаскивая по узкой щели между ребрами. Разрезав ткани мышц и легкого, лезвие коснулось сердца.

Воин упал. Солдаты разразились воплями, от которых завибрировали балки, и с крыши посыпался снег. Они выкрикивали имя Хэниша и стучали себя кулаками в грудь. Первые ряды качнулись вперед, кинувшись к вождю, и только заслон пунисари удержал их на месте. Даже ребенком Хэниш оказывал на людей потрясающее действие. Они, казалось, видели в нем воплощение героев прошлого и теперь только уверились в этом, изумленные красотой и молниеносностью убийства.

Хэниш закрыл глаза и безмолвно попросил предков принять павшего воина. Позвольте ему стать одним из вас, мысленно сказал он. Позвольте его мечу быть ветром в ночи, а его кулаку стать молотом, от ударов которого содрогается земная твердь. Пусть его ноги ступают по земле и воде, а его семя падает с небес в лоно прекраснейших из женщин... Хэниш не назвал имя поверженного противника, но оно звучало в его голове, а с ним приходили воспоминания — мальчишка, которым когда-то был воин, их детские игры, смех, веселье и радость. Память уводила его все дальше, но Хэниш одернул ее и затолкал эти

мысли как можно дальше.

Вновь открыв глаза, он обернулся к жрецам. Оба приблизились и откинули капюшоны, являя миру головы со светло-золотыми волосами, большая часть которых была удалена, чтобы обнажить бледную кожу. Это утихомирило солдат; под сводами Калатрока теперь раздавались лишь приглушенные шепотки и призывы к молчанию.

— Такова воля Тунишневр, — сказал один из жрецов. Голос был мягким, но от его звуков воздух будто бы насыщался энергией. — Надеюсь, господин мой, ты не опозоришь их и в следующий раз, если таковой будет иметь место.

С этими словами они поклонились и отступили, двигаясь плавно и неслышно. Мягкие, подбитые мехом башмаки позволяли жрецам скользить по деревянному полу, словно тот был ледяным.

Хэниш поднял руки, обернувшись к толпе, и солдаты опять разразились восторженными криками. Он пошел к ним, обогнув своих телохранителей. Он хлопал людей по спинам, по плечам, пожимал им руки, напоминая о великом будущем, которое их ожидает, и о неослабевающей мощи Тунишневр. Мы сильны только вместе, сказал Хэниш. Вождь ничем не отличается от любого из вас. Отдельная личность не имеет значения, если только ей не вверена судьба всего мейнского народа. В этом — как и во многом другом — мейнцы отличаются от врагов, Акаранов.

— Мы живем рядом со своим прошлым, — сказал Хэниш. — Каждый камень Мейна дышит им, и не должно его отвергать. Разве не так?

Толпа единым хором выразила свое согласие.

— Истина в том, что народ Мейна не сделал ничего, его позорящего. Это Акараны переписывают прошлое, чтобы оно им подходило. Они пожелали забыть, что Эдифус имел не одного сына, а трех. Они даже не помнят их имен, но мы помним. Таларан — старший, Прайтос — младший и Тинадин — средний между ними.

Каждое имя мейнцы встречали неодобрительным ворчанием. Многие с презрением плевали на пол.

— Тише, тише, — сказал Хэниш. Он вынудил их замолчать, понизив голос, и людям пришлось вытянуть шеи, чтобы расслышать его. — Оба брата сражались рядом с Тинадином, защищая и расширяя владения отца. Они преуспели — но только с помощью Мейна. Мы были им союзниками. И чем же нам отплатили? Я вам скажу. Вскоре после смерти Эдифуса Тинадин умертвил своих братьев. Он убил также их жен и детей. Перерезал их друзей, всех, кто поддерживал братьев, и все их семьи. Затем разделался с вождями мейнского народа, когда они стали более не нужны. Вы знаете, что это правда. Мы, мейнцы, были главными союзниками Тинадина, и он же объявил нас предателями. И тогда Хаучмейниш...

Толпа заревела при одном упоминании этого великого имени.

— Да, — продолжал Хэниш, — наш благословенный предок не потерпел работорговли и позорного договора с Лотан-Аклун. Он осудил Лигу Корабельщиков, назвал их пиратами и начал против них войну. Вот за это нас убивают и проклинают. За то, что наши предки были праведны и благородны. За то, что в глазах всей империи мы стали предателями — хотя никого не предавали. В награду за помощь и поддержку нас выгнали на это холодное плато... Но изгнание скоро закончится, братья мои, и все мы обретем свободу!

За пределами арены, в полутемном коридоре Халивен наконец-то остался наедине со своим племянником.

— Да уж, ты знаешь, как горячить людям кровь. И все же эти выкрутасы меня нервируют, Хэниш. Они сейчас совсем не к месту. Что, если бы на арене остался твой труп?

— Они более чем к месту, — откликнулся Хэниш. — Особенно в теперешней ситуации. Если я не могу жить по заветам предков, то много ли стоит моя жизнь? Предки принимают наши умения или отвергают их. Ты знаешь это не хуже меня, Халивен. Как еще мог я увериться, что Тунишневр по-прежнему благоволят ко мне? Порой ты меня удивляешь, дядя. Ни один человек не имеет значения. Только цель.

Его собеседник улыбнулся уголком рта.

— Однако у каждого человека есть своя миссия и своя роль на пути к цели. Манлейт не был тебе другом. Он рвался к власти и славе, которые скоро станут твоими. Вот и все. Ему не следовало устраивать поединок, особенно сейчас. Особенно с тобой. Двадцать второе поколение...

— Я не единственное дитя своего поколения, — возразил Хэниш. — Моя роль в том, чтобы вдохновлять людей примером и вести за собой. Вот потому-то я и танцевал с Манлейтом. Мы друзья со времен юности. Подумай о людях в Калатроке. Подумай, как они будут сражаться теперь, как будут готовить себя к грядущей войне. У них ясные глаза, они сильны, здоровы, никому из них не туманит мозги проклятый мист. Подумай об этом! Сравни наших людей с миллионами других в мире. Миллионами рабов. Ими помыкают, их обманывают... Если считаешь, что я могу требовать от своих людей верности, не доказывая, что сам верен им, — ты ошибаешься.

С этими словами Хэниш покинул дядю, оставив его наблюдать за тренировкой. Он поднялся по лестнице и вышел из Калатрока на свежий воздух. Холодный ветер ударил с такой силой, что Хэниш замер на месте. Пришлось упереться ногами в землю и прикрыть лицо ладонью от острых кристалликов льда. Хэниш прожил здесь без малого тридцать лет и всё же не переставал удивляться ярости мейнской зимы. Особенно остро он ощущал это, выходя на улицу из тепла человеческого убежища. Зимняя ночь порою казалась живым, злобным существом. Как ни старались люди сделать жизнь на плато хоть сколько-нибудь сносной, снег упорнее пытался занести их с головой, ветер — столкнуть с гор, а холод — проникнуть сквозь все защитные покровы. Подавшись вперед, Хэниш посмотрел на узкую тропку, ведущую по замерзшей земле, и темную громаду Тахалиана, едва видимую за пеленой метели.

В цитадели Хэниша уже ждал его помощник, Арсей. Он протянул вождю крошечный свиток.

— Письмо от Маэндера. Тасрен пробрался на Акацию, спал там и ел, и враг ничего не заметил. А потом Тасрен пришел на банкет и ткнул Леодана илахским кинжалом. Идиллия закончилась.

Хэниш взял записку и повертел в пальцах, не читая. Мысли о брате не покидали его с того дня, как Тасрен уехал, и все же Хэниш ощутил укол стыда оттого, что не думал о нем несколько часов. В чужом краю, один, окруженный врагами, ежеминутно подвергаясь опасности... В сравнении с этим мазерет казался детской игрой. Хэниш знал, что Тасрен всегда чувствовал себя худшим из братьев. Самый младший, не столь уж искусный воин, стоящий дальше всех в роду от славного имени отца. Быть третьим сыном в Мейне непросто. Но эдакая заноза в мозгах может оказаться благом, если она побуждает человека к действию. Так гласит мейнская мудрость.

— А что же мой брат?

Арсей отвел взгляд.

— Он просит, чтобы Мейн славил его имя. — Арсей произнес древнюю формулу, обозначающую, что человек принял смерть, достойную воина.

— Так и будет, — твердо проговорил Хэниш. Он приказал Арсею назначить совет генералов на следующее утро. Затем велел отправить двух посланцев — одного в горы, предупредить скрытую там армию, что время пришло, второго — к Маэндеру в Катгерген, чтобы спустил с привязи нюмреков. И еще Хэнишу пора было привлечь к делу наемников — морских офицеров, так долго гостивших в его скованной льдом цитадели. До сих пор они лишь пили гог, ели, спали и развлекались; пришло время отрабатывать аванс. Мейн находился за тысячу миль от моря, но у него был свой флот — еще один секретный проект, на воплощение которого ушли долгие годы. Скоро флот двинется на юг...

— Я встречу с ними завтра, — сказал Хэниш. — Предупреди моего секретаря, он мне тоже понадобится. Нынче ночью я отсижу всю ночь с предками, поведаю им про судьбу Тасрена. И еще мне нужно провести ритуал очищения после мазерета. Ночь будет долгая...

При упоминании о предках Арсей склонил голову, да так и не поднял ее. Когда помощник уходил, Хэниш чувствовал его страх. На людях он это осуждал: не след бояться предков, пусть даже они — воплощение гнева и ярости. Однако и у Хэниша сжималось горло, и ледяная рука стискивала сердце. Не надо бояться Тунишневр, но все бояться. В священной усыпальнице предков бурление энергии живых мертвецов чувствуешь так же остро, как ощущаешь жару или холод на своей коже. Души умерших мейнцев, застрявшие между двумя мирами, посередине безвременья, кипели от гнева и ненависти. И требовалось немало отваги, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

Хэниш немного постоял в одиночестве, собираясь с мыслями, прикидывая расстановку сил и пытаясь сложить все происходящее в единую картину. Уже родилось двадцать третье поколение со времени Воздаяния. Уже родилось...

Если Тунишневр правы — а они, конечно же, правы, — все в мире изменится, и очень скоро.

Глава 21

Впоследствии Коринн будет часто сниться последнее объятие. Оно станет проклятием, ночным кошмаром. Сплетение рук детей и тело умирающего отца. Принцесса знала: отец не хотел, чтобы прощание было таким, он пытался сделать все как-то иначе, он любил их и не желал видеть их горя. Она знала — но это не имело значения. Коринн стояла и смотрела, хотя более всего ей хотелось кинуться прочь, чтобы ничего не видеть. Некоторые вещи лучше оставлять незавершенными. Незаконченными.

То, что происходило в комнате короля между ним и его детьми, было просто. Он ждал, полусидя среди подушек. Коринн отстала, когда дети кинулись к Леодану и упали на колени возле его постели. Дело было даже хуже, чем она себе представляла. Человеческая развалина... Коринн думала об отце всю предыдущую ночь, о том, как он мучается, какие боли его терзают. Может быть, он уже умер... Картины, одна другой ужаснее, возникали в ее воображении. Но наконец увидеть это наяву... Словно демон под маской, тревоживший ее сны, наконец был явлен взору при свете дня. Однако это отнюдь не успокоило Коринн. Напротив — демон оказался еще кошмарнее, чем она себе представляла. Ей хотелось повернуться и убежать. Наверное, Коринн так и сделала бы, но с того момента, как девушка вошла в комнату, глаза короля были прикованы к ней.

Остальные бормотали какие-то слова утешения и ободрения, выражая надежду, что отец скоро поправится. Леодану надоело это слушать. Он взмахнул рукой, призывая к тишине. Дети замолкли и замерли в ожидании. Коринн первая поняла, что отец не в состоянии разговаривать, что он чудовищно слаб и, вероятно, уже умирает. Он не мог ничего им сказать, не мог высказать последние пожелания. Отец не сумеет, поняла Коринн, сдержать слово, которое ей дал...

Она раньше других поняла, что означают его вздутые руки. Король поднял их и развел в широком жесте. Слабые, худые дрожащие руки... Аливер отступил на шаг, очевидно, полагая, что отец таким образом призывает их выслушать какую-то речь. Важные и значительные слова. Но все было совсем не так. Король просто держал в воздухе руки, разведенные в стороны, пока дети наконец не поняли его и не приняли приглашение. Они неуклюже столпились вокруг постели и обняли отца. Коринн подошла последней. Лишь теперь она поняла, как ужасно то, что здесь происходит. Как жутко — лежать на умирающем человеке, молча, вцепившись друг в друга и обливаясь слезами.

Таковы были последние минуты, которые дети провели с отцом. Коринн убежала из комнаты, хотя Мэна умоляла ее остаться с ними. Это последнее объятие должно было укрепить узы между ними, но Коринн оно показалось тяжелыми оковами. Она сбежала, как только появилась такая возможность — спряталась в личных покоях и приказала охране никого не пускать.

Так, сидя за закрытыми дверями своей комнаты, немного позже тем же днем Коринн

получила весть о смерти отца. Сперва начались перешептывания в коридоре. Потом, несколько секунд спустя, огромный колокол на одной из самых высоких башен начал звонить — медленно, глубоко и скорбно. В перерывах между ударами девушка слышала горестные вопли и завывания слуг; потом этот всеобщий плач распространился по дворцу, выплеснулся в нижний город и в порт, чтобы оттуда разнестись по миру. Коринн изо всех сил прижала ладони к ушам и все равно не смогла избавиться от ужасающих звуков.

Следующая неделя прошла как в тумане. Если бы у Коринн был выбор, она заперлась бы в своей комнате и прекратила все контакты с внешним миром. Увы, ее присутствие требовалось каждый день, каждый час, хотя Коринн ничего в общем-то толком не делала. Пустая раковина, которую обнимали, которой кланялись, перед которой прятали слезы. Она стояла рядом с братьями во время заупокойной молитвы, пока барабанщики выстукивали медленный траурный марш, исполняемый только для умерших монархов. Сидела, слушая и не слыша бесконечные потоки слов соболезнования, длинные речи во славу Леодана. Аристократы, сановники, чиновники высшего ранга всплывали перед ее взглядом и говорили, говорили, говорили бесконечно. Слова наслаивались друг на друга, сливались в неразборчивый гул, теряя смысл. Коринн понимала, что за скорбным фасадом прячутся совершенно другие чувства — страх, недоумение, беспокойство. Люди шептались об ужасных последствиях, которые могла повлечь за собой смерть монарха, о страшной угрозе на горизонте. Коринн не было до этого дела. Она полностью погрузилась в собственное горе, и происходящее в большом мире не волновало ее.

К концу недели жрицы Вады и их помощницы провели ритуал и сожгли тело короля. Такова была последняя оставшаяся официальная обязанность этого храма, и жрецы исполняли ее со всей возможной торжественностью. Пепел короля поместили в урну; прах будет развеян ранней осенью, как велела традиция. Принцесса могла только радоваться отсрочке, ибо у нее уже не оставалось сил на официальные церемонии.

Зато Коринн с большой охотой выполняла древний ритуал поминовения усопшего. Она закрыла все окна в своей комнате и запрещала всем — даже служанкам — смотреть на нее. Еду и питье оставляли под дверью, но принцесса едва к ним притрагивалась. Шли дни. Мэна дважды подходила к двери Коринн, один раз пришел Аливер, и даже Даризэл отправил посланника с наказом упросить сестру выйти. Однако она прогоняла их всех. Коринн в основном дремала, изредка просыпаясь, а затем снова погружалась в полусон, отдаваясь воспоминаниям и картинам прошлого. Настал момент, когда Коринн с неприятным изумлением осознала, что все это просто обман, иллюзия. Вещи, существовавшие когда-то, уже не вернутся. Образы, за которые она цеплялась — отец и мать, — не материальны, они стали просто картинками в ее памяти. Зачем такие нужны? К ним нельзя притронуться, их нельзя увидеть или услышать. Жизнь становилась именно такой, какую Коринн видела в самых мрачных своих предчувствиях. Она теряла любимые вещи — снова и снова. И так будет всегда, пока ее саму не поглотит голодная утроба черного забвения. Коринн не хотела принимать это как данность и старалась отринуть подобные мысли, но мир вновь и вновь представлял перед ней в самых уродливых формах.

В один из дней Коринн вдруг услышала за стенами комнаты какие-то крики, шум и возню. Что-то звякнуло, что-то упало и покатилося. Раздался стук каблуков по камню пола. Все это не настолько взволновало принцессу, чтобы она взяла на себя труд подняться. Коринн лежала, раскинувшись на широкой мягкой кровати; услышав стук, она лишь лениво приподняла голову и сонно посмотрела в сторону двери. И только когда дверь распахнулась, Коринн наконец-то сообразила, что кто-то действительно желает войти и увидеть ее.

Игалдан ввалился в комнату, едва не растянувшись на полу, упал на колени, чудом удержал равновесие и, наконец, выпрямился. Затем сделал несколько стремительных шагов по комнате, направляясь к Коринн. Следом бежали несколько стражников. Они так торопились попасть внутрь, что застряли в дверях, толкаясь и переругиваясь. Мечи они держали осторожно и неуклюже, опасаясь поранить друг друга. Взгляд Игалдана заметался

по комнате; наконец принц увидел Коринн. Она стояла у кровати, прижав руки к груди. Игалдан сделал к ней шаг, другой и остановился. Стражники прорвались сквозь дверь, кинулись к незваному гостю и замерли на месте — глядя на молодых людей и не очень-то зная, что предпринять.

— Принцесса, — выговорил Игалдан, — простите за вторжение. Я знаю, это крайне невежливо с моей стороны, но мне очень нужно было вас увидеть. Я хотел убедиться, что с вами все в порядке, и...

Один из стражников перебил принца. Он тоже принялся извиняться и объяснять, что Игалдан прорвался, игнорируя приказ остановиться. Коринн жестом велела ему замолчать.

— Оставьте нас, — велела она.

Стражники ушли, и Игалдан вознамерился продолжить покаянную речь, однако Коринн промолвила:

— Не надо.

Принц постоял несколько секунд, словно раздумывая, что сказать, и, наконец, заговорил без обиняков.

— Меня отзывают в Ошению. Видимо, отец боится за мою жизнь. Вдобавок, мне кажется, его беспокоят события на севере. Сегодня голубь принес послание. Приказ короткий, но недвусмысленный. Я должен ехать. — Игалдан помолчал мгновение, словно колеблясь. — Я не хочу оставлять вас в таком состоянии, — прибавил он.

Девушка стиснула руки. Ею овладели нервозность, неуверенность. Она не понимала, зачем Игалдан вообще сюда явился. Коринн знала, что выглядит не лучшим образом в мятом платье, неумытая, с растрепанными, спутанными волосами. Она посмотрела куда-то вбок, надеясь, что Игалдан проследит за этим взглядом и перестанет смотреть на нее.

— В мире что-то не так?

— Да, более чем. Весь остров гудит. Корабли уходят на материк и приплывают оттуда чуть ли не каждый час. Совет в Алесии заседает почти без перерывов. Ошени и Акация еще не заключили официального соглашения, но, похоже, Алесия будет рада нашему союзу. Ходят слухи, что какая-то армия осадила Катгерген. Ваш брат мужественно пытается во всем разобраться. Вы можете им гордиться, Коринн: он хорошо держится, несмотря на свой странный статус — уже не принц, но еще и не король...

Коринн спросила Игалдана, когда он уезжает. Принц отвечал, что отплывает в Алесию со следующим восходом солнца. Там, согласно с приказом отца, его встретит эскорт из Ошени, и они немедленно отправятся на родину. Игалдан не стал вдаваться в детали, и молодые люди замолчали. Коринн с грустью думала об этом путешествии, понимая, что вскоре их разделят бесконечные мили. Ей вспомнился рассказ принца о холодных ошенинских озерах, холмах и густых лесах. Чудесно, должно быть, кататься на лошади среди огромных деревьев... Коринн представила себе Игалдана, скачущего верхом по зеленым лугам северной страны, так непохожей на ее родную Акацию — драгоценную жемчужину посреди моря. А Ошени... она далеко отсюда. И дело не только в расстоянии. Коринн представлялось дикое, безлюдное место, где легко затеряться, исчезнуть или полностью изменить собственный облик...

— Как вы думаете, не могли бы мы поехать вместе? — спросила Коринн. — Я не буду обузой. Мне хочется сбежать отсюда. Мне хочется остаться с вами...

Она не думала об этом со дня смерти отца, но теперь, когда слова сорвались с ее губ, принцессой овладела непоколебимая уверенность, что так оно и есть. Именно этого Коринн хотела сейчас более всего на свете.

Игалдан взял ее руки в свои и крепко сжал их. Они вместе опустились на край кровати и сели бок о бок, прижавшись друг к другу.

— Ах, если бы только я встретил вас в иное время, когда мир еще не начал погружаться в пучины безумия! Ваш отец был необыкновенным человеком. Его смерть стала для меня ударом. Настоящим ударом. И несмотря ни на что, вы, Коринн, безраздельно занимали мои мысли. Все, что я видел, слышал, чувствовал, — напоминало мне о вас. Мир разваливается

на части, а я... мне все кажется таким мелким, незначительным. Для меня важны только вы. Я сказал себе: так нельзя, держи себя в руках... Тщетно. Ничего не выходит. И тогда я подумал: может быть, это любовь? Вот так. Ты влюбился в принцессу Коринн... Я знаю, что не должен говорить такие дерзкие слова, но... но времени так мало. Я хотел увидеть вас еще раз, прежде чем нас разнесет в разные стороны. Я хотел, чтобы вы знали: есть человек, который вас любит. Не знаю, куда вы уедете, но прошу: возьмите мою любовь с собой.

И снова принц говорил изумительные вещи. Она любима! Игалдан — смелый, красивый, честный — любит ее! Коринн стиснула руки и слегка подалась вперед.

— Я никуда не еду, — сказала она, думая, что принц неверно выразился. — Хотя мне бы хотелось, да... Я бы поехала с вами, если б только вы меня позвали.

Игалдан разжал пальцы.

— Так вы еще не знаете? Коринн, вы тоже уезжаете, завтра утром. Ваш брат сообщил мне в приватной беседе. Он вне себя из-за этого, невероятно сердит. Все дети короля Леодана должны покинуть остров. Канцлер полагает, что вам лучше уехать с Акации — для вашей же собственной безопасности. Он отправляет всех детей в какое-то тайное убежище.

— Тайное убежище? — прошептала Коринн.

Принц решил, что она желает услышать подробности и признал, что сам ничего больше не знает. Однако Коринн на самом деле не ожидала ответа, она просто раздумывала об этом тайном месте. Где оно? Коринн часто мечтала о путешествии в далекие страны. Представляла, как ее бы там приняли. Сочли бы красивой?.. Может, они отправятся в Талай? На побережье Кендовии? На Внешние Острова или в иное место, удаленное от сердца империи? Или, возможно, просто поплывут в Алесию? Едва ли это тайное убежище, но, может быть, Коринн мыслит слишком глобально? Новости удивили ее, однако не испугали и не огорчили. В любом случае это обозначало движение, перемену, уход отсюда. Такая перспектива скорее радовала Коринн, чем расстраивала.

Она спросила Игалдана, куда бы он поехал, если бы хотел спрятаться. Этот вопрос несколько озадачил принца, однако он задумался и наконец сказал, что скорее всего отправился бы на дальний север своей страны. В Ошениии еще оставались места, где леса подступали прямо к склонам гор — например, у подножия гряды Градтика. Воздух этого холодного сурового края, свежий и бодрящий, наполнял тело здоровьем и силой. Возле гор было пустынно и безлюдно. Там жили большие бурые медведи, и до сих пор сохранился особый вид волков, непохожих на тех, что можно встретить в обычном лесу. Игалдан был там всего один раз, несколько лет назад, но по сей день не мог забыть величественной красоты северной природы. Он рассказал, как стоял на скалах на закате. За спиной возвышалась горная стена, а впереди, насколько хватал глаз, простирался древний лес. Причудливая игра цветов меркнувшего дня придавала картине сказочный, неземной вид. Темнеющие леса были озарены солнечным огнем, блестели крылья орлов, облетающих дозором свои горные владения. Никогда прежде, признался Игалдан, он не чувствовал такого единения с землей и такой гордости за предков. Здесь появился его народ. Край дикий и суровый, но он плоть от плоти его. Люди вышли из леса на южное побережье и основали Ошениию. Они оставили за спиной волков и медведей и расселились по этой земле, приняв на себя ответственность за нее. И каждый ошениец, принц или простолюдин, знал и помнил это.

— Мне бы хотелось, чтобы вы увидели мою страну, — закончил Игалдан.

— Мне тоже, — откликнулась Коринн. — Только скажите, что согласны взять меня с собой, и я поеду за вами. Вы заботились бы обо мне в том диком краю. Вы могли бы охотиться, добывать свежее мясо и защищать меня от медведей и других зверей. Неужели мир не проживет без нас?

Ладони Игалдана, сжимавшие ее руки, стали влажными. Коринн заметила это, когда он чуть отстранился, и холодный воздух коснулся ее кожи. Что она такое сказала? Нагородила глупостей?.. Наверняка Игалдан убрал руки, потому что отвергал ее предложение. Опустив голову, девушка ждала отповеди.

Игалдан сунул пальцы в нагрудный карман и вынул маленький конверт, запечатанный

воском.

— Я написал это для вас. Как только хватило отваги... Возьмите.

Принц прижал конвертик к ее ладони и положил руку на пальцы Коринн, мягко понуждая ее сжать кулак.

— Что это?

— Поймете, когда прочитаете... Только не сейчас, позже. — Игалдан встал и помог принцессе подняться. — Теперь мы должны идти навстречу своей судьбе. Коринн, я бы очень хотел показать вам мою страну. Я бы хотел, чтобы ваша мечта воплотилась в жизнь. Однако сейчас не время. Отец призывает меня домой, потому что нам грозит война. Я должен ехать. А вы... вам нужно сделать так, как скажет канцлер. Он уверен, что поступает правильно. — Коринн попыталась возразить, но Игалдан остановил ее, схватив за плечи. — Прошу вас, Коринн. Я должен помочь отцу... А потом приеду за вами. Вы примете меня? Я должен знать, что сражаюсь за вас. Если так, никто не сумеет меня одолеть!

Коринн ухитрилась кивнуть. Игалдан прижался лицом к ее лицу; его горячая кожа была гладкой и мягкой. Он поцеловал девушку в щеку, повернулся и быстро вышел за дверь.

Глава 22

Риалус Нептос сбежал через несколько дней после «захвата» Катгергена. Перед уходом он швырнул все тяжелые и твердые предметы, какие только нашлись в его комнате — стул, медную цветочную вазу, пресс-папье в форме белого медведя, боевой топор, некогда преподнесенный его отцу ошенийцами, — в стеклянное окно, которое принесло ему столько хлопот и несчастий. Оно не разлетелось каскадом осколков, как надеялся Риалус, зато сильно растрескалось, так что наместник остался вполне удовлетворен проделанной работой. Хотел ли он таким образом наказать само стекло или тех, кто будет смотреть через него впоследствии, — осталось неясным даже ему самому.

Он взял с собой лишь горстку людей — тех, кто достаточно задолжал ему или достаточно замарался, чтобы держать язык за зубами. Ньюреки, которых Нептос оставил за спиной, внушали ему настоящий ужас — тут даже не требовалось лгать. Мало кто из коллег мог предположить, что наместник сам приложил руку к падению Катгергена. В самом деле: когда Риалус бежал через ущелье Градтика, он был уже почти уверен, что спасается бегством.

Именно поэтому Нептос прибыл в Ошению с готовой, вполне правдоподобной историей. На королевском совете, поспешно собранном Галданом, он поведал, как жестокие захватчики налетели на цитадель, точно снежный шквал. Некоторое время назад разведчики донесли о странном движении на Ледовых Полях. Он отправил туда отряд генерала Алайна, дабы тот прояснил ситуацию. Однако генерал со всем своим отрядом как в воду канул, и Риалус опасался, что с ними случилось несчастье. Атака же на Катгерген стала для всех полной неожиданностью.

Ньюреки, продолжал Риалус, явились огромной ордой. Это громадные создания, одетые в меха и шкуры, вооруженные копьями в два человеческих роста и тяжелыми изогнутыми мечами. Многие из них ехали верхом на рогатых животных с жесткой шкурой и толстой шерстью. Они вломились в ворота Катгергена, прежде чем успели поднять тревогу. Никто ничего не сказал и не объяснил — они просто начали убивать. Устроили безжалостную резню, словно наслаждаясь кровопролитием. Будто это было для них веселой забавой.

Нептос почти не врал. Ньюреки — «гости», как называл их Маэндер — прибыли большой кровожадной толпой. Мало кто оказывал им сопротивление, но они все-таки умудрились многих убить, в процессе явно получая удовольствие. Риалус, разумеется, не сказал Галдану, что вся Северная Стража нашла смерть в одной жуткой ловушке. Вместо этого он объявил, что солдаты яростно сражались, но вынуждены были отступать все дальше и дальше, сдавая крепость часть за частью. Наконец оставшихся прижали к стене цитадели, и

тогда нападавшие вступили в переговоры.

— Вы видели их предводителя? — Даже сейчас, когда болезнь спины приковала его к креслу, Галдан все еще выглядел внушительно. Лицо короля было спокойно, хотя в голосе явственно слышалось беспокойство. — Как он назвался?

— Калрах, — отвечал Риалус. — Никогда не видел более странных созданий. Не было никого похожего на них в Изученном Море со времен Древних — тех, что походили на богов Итема...

— Вы хотите сказать, что они боги? — перебил его один из советников Галдана.

Риалус был несколько озадачен таким поворотом.

— Ну... нет. Я просто имел в виду, что они страшны на вид. Очень неприятные...

И с этого момента Риалусу почти не приходилось врать. Стоя перед отрядом нюмреков, он чувствовал себя так, словно смотрел сквозь деформированное стекло волшебного окна в какую-то другую эпоху, на существ, выкованных в совсем ином горниле, нежели люди. На тех, кто, по преданию, населял землю в далекие-далекие времена. Это были высокие создания, по меньшей мере на три-четыре головы выше обычного человека, длинноногие и длиннорукие, с широкими плечами. У них были черные волосы, кустистые брови и очень светлая кожа — в первые секунды Риалус даже подумал, что кожа чем-то намазана. Подойдя ближе, он решил, что это все же естественный цвет. Такого же оттенка был церемониальный напиток вадаянцев, который они пили на новый год: молоко, чуть разбавленное козьей кровью. Сквозь тонкую кожу проступал узор вен, видимый невооруженным глазом. Словно вены были нарисованы на бумаге, подсвеченной снизу...

Калрах, предводитель нюмреков, выступил вперед. У него была мощная шея с рельефно выступающими мышцами и свирепое лицо. Темно-карие глаза казались почти черными. Надбровные дуги сильно выдавались вперед, а подвижные брови, в которых сидели серебряные кольца; то и дело взлетали вверх, чуть ли не до середины лба. Риалус едва нашел в себе силы посмотреть в лицо этому созданию, но когда их взгляды встретились, он не смог отвести глаза, застыв от ужаса.

Нептос объяснил, что для переговоров они привлекли мейнца, который исполнял обязанности переводчика. Заявление было встречено изумленным шепотом ошенийцев.

— Хэниш Мейн знает об этом народе? — спросил Галдан.

Риалус предположил, что, очевидно, знает, затем продолжал:

— Калрах не объяснил причины нападения. Он просто сказал, что мы должны уйти. Катгерген более не наш, эту крепость пообещали нюмрекам. Меня отпустили, чтобы остальные могли узнать о приближении врага и подготовиться. Мол, так будет интереснее.

— Кто кому пообещал Катгерген? — ошеломленно переспросил ошенийский придворный.

Риалус пожал худыми плечами.

— Я не знаю подробностей. Мы были не в том положении, чтобы спорить. Калрах велел мне идти к своим людям и сказать, что их конец близок. Нюмреки будут охотиться на нас ради развлечения и жарить на вертелах.

— Вы шутите! — воскликнул король. — То, что вы говорите, не укладывается в голове. — Казалось, монарх разом растерял все умение мыслить рассудительно. — Вы сошли с ума?

Риалус почти готов был согласиться, что так оно и есть. Если б ему нужно было солгать, он ни за что не сумел бы выдумать подобное из головы. Тем не менее Калрах сказал именно это. Он сидел в цитадели, шутил со своими офицерами, разглагольствовал о всяких жестокостях, словно Риалуса нет и в помине. Словно переводчик не доносил до него каждое слово нюмрека. И то, что он говорил, вызывало дрожь. Нептос даже свел вместе колени, опасаясь, что еще чуть-чуть — и он позорно обмочится.

Ошенийцы засыпали Нептоса вопросами. Они понимали, что, очевидно, будут следующими, и требовали у изгнанного наместника подробностей, интересовались его догадками и предположениями. Риалусу понравилась роль доверенного советчика. О чем-то

подобном он мечтал всю свою жизнь. Ему хотелось бы остаться здесь и честно помогать людям в борьбе с нюмреками. Ну, хотя бы советами... Однако искушение было легко преодолеть — стоило вспомнить выражения лиц Маэндера и Калраха. Рассудок возобладавал, и Риалус отринул заманчивую идею. Он объяснил ошенийцам, что долг призывает его в Алесию. Галдан отпустил Риалуса, снабдив длинным письмом. Какое бы зло ни принесла сюда эта кровожадная орда, писал король, ошенийцы встретят его первыми... Как отважно и благородно! Но подобно многим другим возвышенным словам, эти имели не больше веса, что ветер, принесший их. Риалус не сомневался, что Ошения падет через пару недель. Максимум через месяц. Свое мнение он, разумеется, держал при себе.

Риалус покинул Ошению на борту корабля королевского флота, созерцая исчезающий берег, где уже начались военные приготовления. Нептос был очень доволен собой. Это чувство не покидало его до самой высадки на берег. Он мечтал о вилле в западных холмах Алесии — мечтал с тех пор, как впервые увидел ее мельком лет пятнадцать назад. Алесия... Для Риалуса именно она была настоящим центром Акацийской империи, истинной столицей. Живое сердце огромного государства, из которого в мир приходило все, достойное внимания. Он безумно любил это место — его роскошь и богатство, удовольствия, которые оно предлагало, неограниченную власть денег, бесконечный лабиринт интриг и пестрое разнообразие шлюх... Риалус всегда верил, что настанет день, когда он будет благоденствовать за стенами центрального города, нагретыми солнцем, увитыми густыми виноградными лозами и благоухающими сладкими запахами.

Очень жаль, что он прибыл к воротам Алесии, чтобы предать людей, которых так любил. Риалус старался не задумываться об этом — и отлично преуспел, сосредоточив мысли только на награде, которая вскоре упадет ему в руки. Как Нептос и сказал Маэндеру, у него были в Алесии свои люди, желавшие увидеть, как будет перераспределено городское богатство. Среди них были члены семьи Нептоса, но основную часть составляли члены нелегальных кружков. Эти люди собирались маленькими группами и ничего не знали о других подобных организациях. Агенты же Нептоса были внедрены в каждую из них.

Риалус дал слово и должен его сдержать. Да, прольется кровь, однако иначе обещанную награду не получить. С первых же дней своего пребывания в Алесии Риалус Нептос носил маску. Маска плакала и сокрушалась, боясь приближающейся войны. Истинное же лицо Нептоса было спокойно и сосредоточено. Он разглядывал виллы за городом, раздумывая, какую выбрать. Казалось, слова, которые он так любил повторять, наконец-то стали истиной — Дающий и впрямь награждает достойных.

Глава 23

Пожалуй, никогда прежде безлюдные ледяные земли Мейна не видели такой суеты и суматохи. Резкие выкрики приказов, низкое ворчание яков, звон бесчисленных колокольчиков и топот солдатских сапог. Огромные тяжелые предметы волокли по поверхности земли, и та словно не могла решить, сопротивляться ли ей этим усилиям или помочь людям. Слышался скрежет металла и дерева о промерзшую почву — звук флота из девяноста боевых галер, пересекавших море льда и снегов. Их тянули сотни яков, сопровождаемые пятнадцатью тысячами погонщиков. К сапогам солдат были привязаны маленькие бубенцы. Старики сказали Хэнишу, что каждый должен носить на себе бубенчик, который будет напоминать о доме. Надо объявить о себе миру, возвысить голоса, говорившие за множество безмолвных поколений, — те сражались и умирали для того, чтобы нынешний поход стал возможен. И пусть Тунишневр, запертые в неподвижных телах, услышат эти звуки и узнают как потомки их славят.

С каждой пройденной милей Хэниш все яснее чувствовал, что его связь с предками слабеет. И все же сейчас он понимал — ясно и отчетливо, как никогда прежде, — что достоин их доверия и выполнит миссию, возложенную предками. Хэниш проделал грандиозную работу. Все слухи о нем, которые распространялись сейчас на Акации, были

правдой. Он выслал вперед несколько кораблей-разведчиков, дабы удостовериться, что предполагаемый поход вообще возможен. Рыбаки заметили их, но Хэниша это не взволновало. Не важно, что там болтают о движении на севере. Как бы ни были правдивы слухи, люди не поверят в них до конца... пока не станет слишком поздно. Пусть поволнуются. Пусть поразмышляют. Пусть повоюют с призраками, существование которых они не могут ни доказать, ни опровергнуть.

— Природа всегда была для мейнца чем-то вроде удара хлыста для быка! — проорал Халивен на ухо Хэнишу, с трудом перекрикивая ветер. — Она ничего не меняет. Только заставляет нас работать упорнее. Так и надо.

Дядя всегда умел сказать нужные слова в нужный момент, и Хэниш радовался, что он рядом. В глазах своих людей Хэниш был олицетворением непоколебимой уверенности, но это порой давалось ему нелегко. Халивен — немолодой уже человек, так похожий на отца — всегда знал, как ободрить племянника и придать ему сил.

В конце первой недели пути небо прояснилось — так внезапно, что животные встревожились. Вышло солнце, и мир изменился. Люди удивленно озирались по сторонам, с недоумением покачивая головами. Небесный свод стал бледно-голубым; солнце было едва заметно, но оно озаряло землю и небеса. Хэниш забрался на высокую мачту одного из кораблей. Нелегкое дело: покрытые узлами веревки впивались в ладони, ноги скользили по обледеневшим бревнам рангоута. Хэниш не был моряком. Кто, родившийся в Мейне, мог бы этим похвастаться? И все же у него захватило дух от восторга, когда он глянул на мир с высоты грот-мачты, и ветер ударил в лицо, развевая волосы и унося прочь пар дыхания.

Впереди расстился белый мир — такой яркий, что больно было смотреть. Хэниш опустил на глаза пластинку из матового стекла. Глядя через этот искусственный сумрак, он в первый раз увидел целиком весь караван своих судов. Корабли шли, пересекая твердое белое море. Девяносто галер, что не раскачивались и не вздымались на волнах, не покорялись капризам стихии. Они двигались ровно, их паруса были аккуратно свернуты, обледеневший такелаж сверкал, как серебристая паутина. Корабли катились на деревянных полозьях, укрепленных железом; каждый тянуло множество быков, покрытых густой шерстью. Двадцать пять пар животных на корабль. За ними шли погонщики, закутанные в такое количество мехов, что в них едва можно было опознать людей.

Следом двигалась армия. Солдаты частью ехали на санях, частью шли пешком. Все были отлично экипированы и одеты достаточно тепло, чтобы не бояться мейнских морозов. Здесь были не только молодые мужчины, но и седовласые старики, и безусые юнцы, едва встретившие свой тринадцатый или четырнадцатый день рождения. Хэниш не сомневался, что все они будут сражаться достойно. Однако его армия была лишь одной из трех, двигавшихся на юг. Вторая, около пяти тысяч человек, шла по северной дороге, через Озерные Земли, в Кендовию. Это был главный кулак Мейна под предводительством Маэндера; ему предстояло нанести основной удар. Третья армия, само собой, нюмреки, которые сейчас, должно быть, уже вторглись в Ошению. И еще множество разных хитростей, планов атак, хитрых тактических ходов. Результат долгих раздумий и приготовлений в Тахалиане. Теперь все разом пришло в движение. Хэниш до сих пор не мог поверить, что это происходит наяву.

Он стоял на марсовой площадке, пока лицо и руки совсем не заоченели, и сошел вниз только с заходом солнца — когда оно скатилось с небес и утонуло во льдах. Мир потемнел, снова началась метель, и завывающий ветер принялся осыпать людей острыми ледяными осколками.

Несколько дней спустя они добрались до аванпоста Скейтвит и здесь пополнили запасы продовольствия. Двое суток ушло на необходимый ремонт, а затем армия снова двинулась к югу, приближаясь к горам, которые были границей плато Мейн. Перед ними лежала широкая горная долина, мало-помалу переходящая в пологий склон, у подножия которого начинались Эйлаванские леса. В скором времени армия уже шагала по заснеженной земле, усаженной

толстыми пихтами. Хотя по-прежнему стояли морозы, особенно жестокие ночью, но и днем не дававшие спуска, многие солдаты скинули теплые шапки и меховые плащи. С позволения вождя несколько воинов отделились от армии и отправились на охоту; вернулись с крупным северным оленем. Запах жареного мяса поплыл над равниной.

Хэниш вдыхал его, вспоминая старые истории о том, как Акараны узурпировали трон при помощи тайных альянсов и бесчисленных обещаний, которые они раздавали с большой щедростью. А затем избавлялись от людей, достаточно сильных и отважных, чтобы воспротивиться им и рассказать об их преступлениях. Именно тогда на его народ обрушилось проклятие, именно тогда появились Тунишневр, и люди были изгнаны с равнин за Мефалийский Предел. Много лет они кочевали, следуя за стадами северных оленей, и выжили только благодаря охоте. Лишь несколько поколений спустя мейнцы обнаружили горячие источники и выстроили Мейн-Тахалиан. Тогда они сумели вернуться к оседлой жизни — срубить огромные деревья и выстроить себе убежища в холодном, пустынном и безрадостном краю. И еще много столетий минуло, прежде чем народ мейн сумел вернуть былые связи с большим миром — притворяясь лояльными Акаранам, прикидываясь и изворачиваясь. Делая вид, что прошлое забыто и что цель их существования — верно служить и трудиться на благо акацийской гегемонии.

Такие мысли вызвал у Хэниша простой запах оленьего мяса в морозном воздухе. Вряд ли дети Акации знают хоть что-нибудь об этих вещах. Акацийцы старательно игнорируют очень многое из истории мира. Они вычеркнули из памяти события, которые выставляли их в черном свете, и были уверены, что остальные народы поступили так же. Хэниша это устраивало. Пусть приход мейнцев станет для них неприятным сюрпризом, застанет врасплох. Они поймут — слишком поздно! — настоящее положение дел и истинную сущность мира, которым так Долго правили.

Путь стал гораздо легче, когда армия достигла Низин — унылого голого края заболоченных озер, куда стекались все воды весеннего таяния, катящиеся с северных гор. Сейчас озера замерзли, и двигаться по ним было просто. По крайней мере так казалось вначале.

На четвертый день пути по озерам один из кораблей провалился под лед. Он ушел в воду на несколько футов; полынья, окруженная вздыбившимися льдинами, начала быстро расширяться. От нее побежала трещина, мгновенно поглотив дюжину яков и одного человека. Погонщика вынули из воды и завернули в меха, а несколько быков выбрались на лед сами, когда солдаты обрезали постромки. За ночь полынья вновь замерзла, и корабль с расколотым корпусом плотно засел во льду. Его можно было вытащить и отремонтировать — при наличии времени и нужных инструментов. Однако у них не было ни того ни другого, а потому Хэниш приказал разгрузить корабль, вытащить все полезное и бросить его, не церемонясь.

Происшествие с кораблем явилось первым знаком того, что зима начинает сдавать позиции. Следующая часть путешествия грозила стать самой опасной. Армия шла по непрочному льду, зная, что с каждым днем природа готовит им все больше ловушек. Хэниш высылал вперед разведчиков, вооруженных толстыми железными шестами. Солдаты простукивали поверхность льда, ориентируясь и на слух, и на собственную интуицию. Иногда Хэниш сам обгонял армию и шел один, изучая взглядом далекий горизонт. Он не сумел бы сказать зачем; просто чувствовал, что так надо. Он представлял, что остался один на один с этими огромными безлюдными заснеженными пространствами, и эта мысль странным образом успокаивала его. Он мог вообразить, что отвечает только за себя, и его сила или слабость будут иметь значение только для него одного... Впрочем, иллюзия быстро рассеивалась: Хэниш всегда слышал стук палок разведчиков. Будто какие-то странные погонщики бичевали лед перед быками вместо того, чтобы следовать за ними. Он не один — осознание этого каждый раз приносило одновременно разочарование и ободрение.

Все вновь изменилось, когда армия добралась до кромки льда. Впереди завиднелась

черная линия воды. Коричневатый бурлящий поток выбегал из-под льда озера и уносился прочь, на юг, становясь рекой Аск. Глыбы сероватого льда отламывались кусок за куском и уплывали с течением. Армии предстояло подготовить суда к водному путешествию.

Первый корабль едва успел взять на борт людей, лошадей и провизию, когда лед под ним застонал и затрясся. Погонщики яков поспешно бросили хлысты и полезли на корабли. Быки, так долго связанные в упряжки, прошедшие бесконечные мили, неуверенно топтались на месте, не понимая, что означает внезапная остановка. Наконец первое судно соскользнуло со льда. Корма подпрыгнула вверх, борта застонали, словно галера готова была развалиться пополам. Только теперь яки отодвинулись от кромки льда, повернули свои большие рогатые головы и побежали на север. Никто их не остановил. Первый корабль встал на воду и поплыл, подхваченный течением.

Галера, где находился Хэниш, соскользнула с льда третьей. Ему хотелось на миг отвлечься от происходящего, закрыть глаза и передать новости Тунишневр... но было не до того. Сквозь трещины между замерзшими досками борта внутрь хлынули потоки ледяной воды. Потом капитан закричал, что доски разбухнут, все будет в порядке, и Хэниш выкинул эту проблему из головы. В любом случае у них нет возможности немедленно исправить ситуацию. Бурная река вздулась от водяных масс — как и всегда в это время года, когда снеготаяние в Низинах набирало силу. Она подхватила корабли, как легкие щепки. Хэниш хотел войти в Акацию вместе с весной, и, похоже, он правильно выбрал время. Река разлилась широко; деревья, растущие по берегам, сейчас торчали прямо из воды. Бешеный поток с ревом несся на юг, словно каждая капля стремилась обогнать своих товарок в сумасшедшей гонке к морю. Галеры подбрасывало на гребнях волн. Кое-где на поверхности воды разверзались гигантские воронки, которые разворачивали корабли и пытались засосать их, вскидывая в воздух бурые фонтаны и обдавая людей пеной. Река хватала весла и выдергивала их из рук гребцов, так что те взлетали в воздух, скидывая людей со скамеек и раскалывая черепа.

Самыми же опасными были места, где на воде стояли преграды. Некоторые из них прежде были островами, но в это время года над водой торчали только верхушки деревьев, тянущиеся из глубин как пальцы тонущих гигантов. В других местах река обтекала каменные рифы, которые едва не разодрали борт одного из кораблей. Кое-где встречались пороги; вода здесь бурлила, шипела и со страшным грохотом билась об огромные камни. Одно из передних судов прошло над таким водопадом. Оно зарылось носом в пену, затем поднялось в воздух и помедлило миг, словно раздумывая, не вознестись ли к небесам. А потом неохотно скользнуло вниз. Гигантский поток воды обрушился на корму и накрыл ее, погребя под собой. Корабль опрокинулся; люди посыпались в воду, кувыряясь и барахтаясь в кипящей пене. Галера задрала нос и за несколько секунд ушла на дно. Позже она всплыла днищем вверх; мертвый корабль покачивался на поверхности воды, словно туша сдохшего левиафана.

Однако же, невзирая на отдельные потери, армия успешно продвигалась к югу. Она неслась вперед, она будто бы ехала на спине исполинской водяной змеи. Хэнишу это нравилось. Он слишком долго прожил взаперти и теперь наслаждался свободой. Даже если свобода вела к смерти. Он не жалел о потерях и не оплакивал их. Да, змея брала свою плату за помощь, которую оказывала. Главное, цель приближалась. Очень скоро Хэниш испытает на практике то, что так долго придумывал в тихом уединении Тахалиана.

Глава 24

По ночам Аливеру снилось, что он сражается с безымянным, безликим врагом. Эти сны были не похожи на прежние — те, в которых Аливер видел себя великим воином, подобным героям древности, и шутя расправлялся с недругами. Нет. Теперь его преследовали мрачные, зловещие видения, где каждый миг был наполнен страхом. Такие сны всегда начинались вполне невинно: он гулял по аллеям нижнего города, болтал с молодыми придворными за

завтраком или искал в своей комнате книгу, которая — он точно помнил — должна быть где-то здесь. А потом наступал момент, когда в его сон входил страх. Солдат с обнаженным мечом появлялся в конце коридора и звал Аливера по имени; обеденный стол опрокидывался, и когда взгляд принца прояснялся, он видел вражеских воинов, врывающихся в комнату будто тысячи пауков. Они лезли через окна или спрыгивали с потолка, с мечами, зажатыми в зубах. Иногда Аливер просто ощущал за спиной бесформенное бурлящее зло и знал, что оно вот-вот накинется на него.

В этих снах Аливер отчаянно сражался с врагами — и дрался неплохо, но лишь до тех пор, пока не наступало время вонзить меч в тело противника. Тогда приходило отчетливое осознание того, что он должен убить живое существо, человека — такого же, как он сам. И течение времени замедлялось. Движение останавливалось. Руки Аливера теряли силу, мускулы размягчались. Еще ни разу его оружие не взрезало плоть врага. На этом месте Аливер всегда просыпался, в поту, тело напряжено, а мышцы сведены судорогой — будто бы битва происходила на самом деле. Лишь через несколько секунд начиналось медленное возвращение к реальности. И Аливер понимал, что очнулся от ужасного сна лишь затем, чтобы попасть в новый кошмар, происходящий наяву. Так повторялось изо дня в день; сколько Аливер ни старался, он не мог заставить себя хоть немного расслабиться.

Смерть отца влекла за собой тысячу разных последствий, и все они вызывали растерянность. Несмотря на то что прежний правитель умер, Аливер пока еще не считался королем. Акараны были абсолютными монархами, но, казалось, весь мир поставил целью задержать коронацию Аливера и помешать ему занять место отца. Вдобавок в Акации существовали древние традиции, а акацийская правящая семья обязана была неуклонно соблюдать ритуалы. Коронация нового монарха всегда происходила осенью, в тот же день, когда прах прежнего короля разлетался по ветру. Так был коронован Тинадин, и с тех пор все следовали этому примеру. На протяжении многих веков пауза между смертью одного монарха и восхождением на трон другого случалась довольно часто. Случай Аливера был далеко не первым. Беспрецедентной акцией было назначать коронацию на день летнего солнцестояния, тем более без согласования с советом провинций. Жрицы Вады сочли это время неподходящим и отказались благословить церемонию. Да и аппарат правительства не пришел в восторг от идеи доверить столь значимую роль неопытному юнцу. Наверное, какой-нибудь другой принц вцепился бы в эту власть и выдрал ее зубами, несмотря ни на что — но только не Аливер. В глубине души он был даже рад, что корона пока не легла ему на голову (хотя, разумеется, принц ни за что не согласился бы признать это вслух). Он полагал, что Таддеус как нельзя лучше подходит для роли регента.

Дурные новости приходили одна за другой. Катгерген пал, захваченный варварами, его гарнизон был уничтожен. Наместника вместе со слугами выкинули вон, и они сообщили о страшной угрозе, надвигающейся на мир. Это не укладывалось у Аливера в голову. Падение Катгергена обозначало поражение... скольких? Двух тысяч солдат? По меньшей мере. И похоже, никто не сумел сбежать, чтобы поведать подробности. Варвары даже не брали пленных. А как насчет мирных людей, которые жили в цитадели? Мастерские, торговцы, куртизанки, рабочие, их семьи, их дети — все, кто сделал мрачную твердыню Катгерген пригодной для жизни? Их просто перебили. Как такое постичь разумом?

Некоторых людей, занимавших ключевые посты в Алесии, зарезали в собственных постелях. Многих перебили с женами, детьми, слугами и рабами. Тела были изуродованы, изрублены до неузнаваемости. Можно обойтись гораздо меньшим, когда хочешь просто убить. Это походило на дело рук какого-то сумасшедшего, безумца...

Два дня спустя неизвестные нанесли удар в другом месте. Люди, принадлежащие к роду Акаран, были перебиты при попытке покинуть Мэнил — город на скальном утесе, где располагались многие роскошные дома семьи. Сводная сестра Леодана Катрина и еще четырнадцать человек, носивших фамилию Акаран, погибли в доках. Они поднимались на борт корабля, когда люди, переодетые портовыми рабочими, напали на них и зарубили всех короткими мечами, которые до того прятали под одеждой.

Сколько последует новых смертей, какие еще планы лелеют убийцы, где и когда они нанесут следующий удар — не знал никто. Акация полнилась слухами. Говорили, что многие аристократы погибли от рук собственных домашних слуг, садовников и наемных рабочих. Говорили также, что из холодного Мейна идет на юг флот боевых галер. Трапперы видели их на реке Аск; впрочем, простые невежественные люди могли что-то перепутать, да и дело происходило очень далеко отсюда. Кто-то полагал, что Риалус Нептос, который исчез из Алесии сразу же после учиненной там резни, был одним из главных вдохновителей этого мятежа. Ходили также слухи, будто бы все представители Лиги Корабельщиков разом собрались и уплыли домой, не говоря ни слова.

Аливер отчаянно желал понять смысл происходящего и собрать вместе кусочки мозаики. Увязать хаос в единую картину. Но моменты затишья случались редко, и постоянно одолевали новые беды.

Тренировки в зале марахов для Аливера закончились. К войне готовились всерьез. Офицеры разговаривали со вчерашними учениками как с равными. Теперь все работали на одно общее дело, все знали, что скоро бойцам предстоят суровые испытания. Аливеру здесь были не особенно рады. Люди, которые еще недавно казались такими уверенными в себе, теперь колебались, отдавая приказы. В их глазах читалось сомнение. Тренировки марахов сложны и довольно опасны: ученик мог получить серьезную травму. И все же боль, синяки, оставленные деревянным мечом, риск проиграть сопернику и стать посмешищем — ничто по сравнению с настоящей битвой. Речь идет о жизни и смерти, и враги будут убивать по-настоящему. Сама мысль об этом заставляла Аливера взглянуть на свои тренировки совсем с другой стороны. Способен ли он убить? Едва ли. Не выйдет ли так, что он погубит государство при первом же серьезном испытании? Никогда в жизни ничто не страшило его более, чем эта жуткая мысль.

Вдобавок ко всему прочему, Аливер не мог понять, чего от него ожидают на самом деле. Он не знал, как к нему относятся; общение со сверстниками теперь стало еще более напряженным. Принц боялся, что его оберегают, стараются отодвинуть в сторону от остальных — как всегда бывало на тренировках. Правда, офицеры все чаще и чаще указывали ученикам на необходимость изучения Форм как основных примеров батального искусства. А основой для большинства Форм послужили приемы, применяемые героем королевской крови, исправно владеющим мечом, копьем или боевым топором. Может, Аливера прочили в такие герои? Ожидали, что он покажет на поле боя чудеса боевой выучки и приведет Акацию к победе? Принц не знал, и никто, даже Таддеус, ни намеком, ни полунамеком не объяснил, какова его роль в грядущих событиях.

За несколько дней до начала большого движения армий Таддеус Клегг и старшие офицеры устроили военный смотр, желая оценить войска в совокупности. Смотр проходил на огромном стадионе Кармелия, названном именем супруги седьмого короля династии. Он располагался на плоском мысу, далеко выступающем в океан — немного ниже дворца и чуть выше верхнего города. Огромная чаша, вырезанная в камне, Кармелия вмещала тысячи скамей — чуть вогнутых, так что разом получалась и спинка, и козырек от непогоды. Земляная арена под открытым воздухом была утрамбована до твердости камня. Зачастую, когда арену протирали, на полу возникали причудливые круглые узоры, притягивающие к себе взгляды зрителей.

До прихода офицеров и канцлера лучшие молодые солдаты, каких мог предоставить остров, слаженно маршировали по стадиону, великолепно держа строй. Они двигались под звуки походной флейты — инструмента, издававшего печальный заунывный звук, который тем не менее неизменно притягивал к себе внимание. В течение следующего часа солдаты провели серию поединков с добровольцами-зрителями. Затем настал черед показательного выступления, где пять сотен воинов продемонстрировали тщательно отработанную Девятую Форму — Хейден и лесные люди спасают невесту Тинадина от сенивальских предателей. После этого солдаты выстроились на арене, чтобы послушать речи командиров — о былых войнах и об угрозе, с которой Акация столкнулась ныне.

Затем к солдатам обратился сам канцлер. Таддеус потер подбородок и некоторое время словно раздумывал. Если бы на нем не было канцлерских регалий — лент и шарфа через плечо — многие, пожалуй, не узнали бы этого усталого изможденного старика с исхудавшим лицом, покрытым глубокими морщинами.

— Как раз сегодня до меня дошли новости, которые я должен сообщить вам, — сказал он. — Я намерен сделать это именно так: стоя здесь, среди вас, на расстоянии вытянутой руки, когда мы можем посмотреть друг другу в глаза. — Таддеус поднял руку, в которой, как теперь заметил Аливер, он держал свиток. Канцлер развернул его и взял за углы, чтобы показать всем солдатам. — Это объявление войны от Хэниша Мейна, сына Хеберена. В нем он говорит о своей ненависти к нам и объявляет себя вождем нового мира. Больше не надо гадать. Мы знаем, с кем сражаемся и почему. Мы знаем, что Хэниш Мейн желает уничтожить нас под корень. Мейнец полагает, что сумеет справиться с нами, и потому вероломно напал. Вот наш враг. И вот его наглое послание.

Казалось, Таддеус готов разжать руки и выкинуть пергамент на ветер. Солдаты и офицеры хранили молчание; все ждали, не добавит ли канцлер чего-нибудь. Тот стоял, вроде бы не собираясь продолжать, но и не двигаясь с места. Хотя его окружало множество людей, ни один не встретился взглядом с канцлером. Аливер услышал, как волны бьются о берег возле скал под стадионом. Он считал волны, набегающие на камень: одна, другая, третья... Странно, что он не замечал этого звука раньше. Море было у самых ног, нежно касаясь земли. Аливер ощущал легкую вибрацию в воздухе, будто невидимый дождь мелких брызг падал ему на лицо и плечи. Целый мир простирался перед ним, и все могло в любую секунду измениться...

Таддеус поднял голову и обвел взглядом окружающие его лица, мимоходом посмотрев на Аливера.

— Я предлагаю принимать все как должное. С сегодняшнего дня. Скоро война станет неотъемлемой частью нашей жизни. Смиритесь. Пусть она станет для вас естественным ходом вещей. Солнце движется по небу, ветер летит над землей, ночь следует за днем... так есть и не может быть иначе. Точно так же воспринимайте и то, что нас ожидает. Если вы сумеете, то будете готовы к завтрашнему дню. Недавно вы демонстрировали Девятую Форму. Как все вы знаете, их всего десять. Однако почему бы однажды не появиться одиннадцатой? Вспомните об этом, когда пойдете на битву.

Канцлер повернулся, готовясь уйти, помедлил и добавил:

— А еще приготовьтесь удивляться. Наш мир не таков, каким вы его себе представляете. Возможно, однажды вы поверите в то, к чему мы не сумели вас подготовить...

Утром того дня, когда командиры должны были выдать армии последние инструкции перед началом развертывания, Аливер встретил на верхней террасе Мелио и Эфрона. Принц кивнул им обоим, с удивлением осознав, что рад компании Эфрона. Отчего-то рядом с ним он чувствовал себя спокойнее. Всего несколько дней назад Аливер считал Эфрона едва ли не злейшим своим врагом, а сейчас вся ненависть куда-то исчезла. Эфрон уже пострадал больше, чем следовало бы. Он потерял в Мэниле двух сестер, кузена и нескольких слуг, которых знал с детства. Смерть некоторых представителей рода Акаран приблизила его к трону. Прежде Аливер предположил бы, что это обрадует Эфрона, но теперь он отчетливо понимал, что радоваться тут нечему. Лицо молодого человека было усталым, однако на нем читались решительность и упрямство.

— Я только что получил назначение, — сказал Эфрон. — Еду в Алесию. Хотя вообще-то я просился в Ошению. Очевидно, что варвары, которые взяли Катгерген, придут именно туда. Я хотел быть там, где могу принести больше пользы. — Он помолчал несколько секунд, меряя шагами площадку и о чем-то размышляя. С нижней террасы слышался невнятный приглушенный крик, но молодые люди были слишком далеко и не обратили внимания. — С другой стороны, я должен блюсти честь рода. Меня назначили заместителем

генерала Ревлиса.

Аливер замер на месте.

— Заместителем генерала? — переспросил он.

— Не делай такое удивленное лицо.

— Я... я не удивлен.

— Все изменилось, — промолвил Эфрон. — Даже Лига это признает. Они отозвали свои корабли и уплыли, не сказав ни слова. Мы можем перемещать войска и без их помощи, но это будет нелегко.

— Они тоже против нас? — спросил Мелио. — Лига, я имею в виду. Ты знаешь, Аливер?

— Точно не знаю, — отозвался принц. — Впрочем, сомневаюсь. Лига живет ради денег. Им все равно, с кем торговать. Они просто осторожны и блюдут свои интересы.

Эфрон улыбнулся.

— Не они одни.

— О чем ты? — спросил Мелио.

— Сейчас не время. Может, позже.

— Почему же позже? — сказал Аливер. — Не из-за меня ли? Ты не желаешь говорить при мне?

Эфрон бросил на принца быстрый взгляд и отвел глаза.

— В твоём обществе я подумаю дважды, прежде чем что-нибудь сказать. Как и любой. Никто не хочет оскорбить будущего короля.

— Ты, кажется, пытаешься, — усмехнулся Мелио.

— Нам не стоило препираться раньше, и теперь не надо. Но мне известно кое-что, чего принц не знает, и я постоянно об этом думаю. Мой отец не хотел, чтобы я жил с закрытыми глазами. Он рассказал мне правду о некоторых аспектах жизни в империи. Может, для тебя это тоже будут новости, Мелио. Отец всегда говорил, что злодеяния, которые мы совершили, однажды к нам вернутся. То, что сейчас происходит... если бы ты знал правду, то не удивлялся бы. Например: как ты думаешь, откуда берутся наши денежки? Нам никогда этого не объясняли. Мы всегда думали, что они возникают сами собой, и так до бесконечности. Когда-то мы захватили мир, и он наш навечно, верно? Мы такие милые, чудесные люди, которые замечательно управятся с этой властью. Все кругом довольны. Мы несем только благо. — Эфрон посмотрел в сторону, ядовито ухмыльнувшись. — Вы не видите в моих словах изъяна? Подумайте на досуге. Однажды вы заметите, что баланс не сходится. Тогда зайдите ко мне. Я расскажу вам все, что знаю о прогнившей Акации. И вы удивитесь, почему на нас не напали давным-давно.

Аливеру захотелось ударить Эфрона. Врезать ему по физиономии и потребовать, чтобы он вынул меч. Можно ли поступить иначе в ответ на такое оскорбление государства? Или... следует донести на Эфрона? Позвать офицеров, чтобы допросили его? Разве это не долг принца? Эфрон говорит как предатель...

— Прошу прощения, если обидел, — сказал Эфрон, хотя в его голосе не было и тени раскаяния. — Ты, Аливер, не виноват. В этой игре ты такая же пешка, как и я. Только мне предстоит рисковать головой. Мне, Мелио и другим вроде нас... — Он отвернулся и пошел прочь, но, спустившись на несколько ступенек, обернулся. — Взрослым людям, сказал мой отец, пора научиться видеть, что происходит у них под носом. Только глупцы верят, будто в мире есть что-то абсолютное. Ты не дурак, Аливер. Ты просто наивная душа.

Аливер прошел полпути следом за Эфроном, мысленно повторяя эти слова. Он знал, что должен был разозлиться, обругать его за слабость — особенно теперь, когда они находились перед лицом такой угрозы... и лишь пошел вперед, словно внезапно очнувшись. Он сравнивал слова Эфрона с неожиданным признанием канцлера, мало-помалу осознавая его мрачный смысл. Эфрон, шедший немного впереди, первым увидел, что творится внизу, и замер на месте. Секунду спустя Аливер был уже подле него. Он проследил за взглядом Эфрона и не сразу сумел понять смысл разыгравшейся сцены.

На площади в нескольких сотнях ступеней внизу царило безумие. Люди с криками метались во все стороны. Аливер увидел в толпе генерала Ревлиса. Не успел он сообразить, кто это, как генерала рубанули сзади по ноге. Принц узнал человека, взмахнувшего мечом, попытался вспомнить его имя, но не смог. Ревлис упал на одно колено, откинув голову назад и вскрикнув от боли. А секундой позже тот же меч рассек ему горло. Генерал упал; кровь хлынула фонтаном. Его ноги задергались, скребя каблуками по камням мостовой, и тело изогнулось в предсмертных судорогах.

— Хеллель? — прошептал Мелио.

Аливер еще ничего не понимал, а Эфрон вскрикнул:

— Ах ты ублюдок! Да я мог бы прирезать тебя в твоей собственной постели!

Принц не понял, о чем он. И к чему вся эта суматоха? Что происходит? Хеллель? Паренек из свиты Эфрона, его бледная тень, который вечно ему подпевал и лебезил перед ним...

Заметив недоумение Аливера, Эфрон махнул рукой, указывая на сцену внизу и в то же время словно бы отстраняясь от нее.

— Они мейнцы! Глянь на них. Хеллель — там, у перил. И Аваран с Мелишем на лестнице. Они предали нас!.. Следовало ожидать.

В следующий миг Эфрон уже несся вниз по ступенькам с головокружительной скоростью, громко стуча каблуками по камням. На бегу он схватился за меч и, спрыгнув на террасу, вытащил его из ножен. Двое противников тут же накинулись на него с разных сторон. Мелио отстал от Эфрона лишь на пару секунд и теперь тоже был на площади, бешено размахивая мечом.

Позже Аливер неоднократно пытался понять, как развивались события. Он помнил, что выхватил клинок и, стиснув зубы, ринулся вниз по лестнице — в бой. Да, именно так. Ему хотелось этого более всего на свете... Да, он непременно побежал бы вниз, если бы только мог сдвинуться с места, но чья-то рука сомкнулась на его предплечье и вынудила остановиться.

Аливер повернулся. Перед ним стоял Карвер, капитан марахов.

— Принц, — проговорил он, — уберите меч. Вы должны идти в безопасное место.

Капитан обернулся к солдатам, стоявшим за его спиной, и отобрал нескольких, приказав им сопровождать Аливера. Остальные ссыпались вниз по лестнице следом за Карвером. Да, так все и было на самом деле. Аливера увели прочь, и он так и не узнал, чем закончилась стычка. Принц отсиживался в безопасном месте, пока Мелио и Эфрон сражались за Акацию.

Глава 25

Таддеус Клегг вернулся в свои покои. Он смертельно устал за этот долгий день, когда все время приходилось прятать растерянность и сомнения, чтобы мир видел только энергичного, уверенного в себе канцлера. Меша лежала на стуле, свернувшись уютным клубочком. Услышав шаги Таддеуса, кошка приподнялась, вытянула одну лапку, затем другую и громко заурчала. Родом из Талая, песочного окраса, короткошерстая — за исключением живота и подбородка, — она в полтора раза превосходила размером обычную домашнюю кошку. Вдобавок у нее был дополнительный палец на каждой лапе. Это преимущество она с удовольствием использовала, ловко прихлопывая мышей к полу. Вдобавок Меша вела борьбу за территорию с золотистыми обезьянами, и те быстро сдавали позиции.

Таддеус повел плечами, скидывая плащ, и швырнул его на спинку стула. Меша спрыгнула с сиденья, побежала к хозяину и мягко ткнулась головой в его ладонь. Хотя Таддеус никогда не признался бы в этом, он получал почти чувственное удовольствие, прикасаясь кончиками пальцев к гладкой шерсти кошки. Она осталась для него единственным любимым и близким существом. Канцлер был слишком горд и слишком

рассудочен, чтобы снова сближаться с людьми после того, что произошло однажды.

— Меша, милая моя девочка, ты ведь все знаешь, верно? Обо всем этом безумии там, снаружи. А тебе и дела нет. Право слово, ты счастливица.

В скором времени Таддеус удобно устроился на диване, а Меша лежала у него на коленях. Он потягивал приторный персиковый ликер и пытался привести в порядок раздерганные чувства — дабы они хоть немного подходили к тихому умиротворению, окружающему его сейчас. Ничего не вышло. За дверями спокойствия не было и не предвиделось. События стремительно неслись вперед, война приближалась с каждым днем, и Таддеус не мог, как ни старался, отрешиться от дневных забот. Сегодня он заседал на совете с генералами, и они приняли решение встретить Хэниша Мейна возле Алесии. Тщательно обсудили все детали, связанные с развертыванием самой большой армии, которую Изученный Мир видел со времен Тинадина. Такая задача, что, право слово, руки опускаются. Все делается в спешке, в суматохе, да вдобавок нет настоящего правителя. Короля, который мог бы скоординировать процесс и взять на себя ответственность за все... Да, Аливер тоже сидел на совете, вставляя реплики, когда мог. Мальчик хорошо держится, учитывая, в какое положение он угодил, но что толку? Разумеется, генералы обращались в основном к Таддеусу. А канцлер до сих пор не мог решить, на чьей он стороне... Он работал на Акацию — и вместе с тем горел желанием отомстить Акаранам. Эта жуткая двойственность приводила Таддеуса в отчаяние.

Не то чтобы канцлер намеревался в дальнейшем помогать Хэнишу, но когда он прочитал ясное и недвусмысленное послание мейнского вождя, первым его порывом было исполнить требование. Возможно, Таддеус слишком долго служил королю и уже отвык жить, не имея над собой властной руки. А может быть, Хэниш обладал таким влиянием на людей, что мог повелевать ими и обращать к себе их сердца даже на расстоянии. Итак, что же делать с этим приказом? Хэниш велел канцлеру привести к нему детей Леодана. «Отдай их мне — и ты получишь награду». Вот так просто и без затей. Отдать их — и месть Таддеуса свершится. Месть всем Акаранам... Канцлер размышлял, сможет ли он верно служить Мейну. Чем они заплатят? Должностью наместника? Талай бы ему вполне подошел. Огромные просторы, бесконечное море трав... Достаточно большая провинция, чтобы затеряться. Идея казалась Таддеусу все более и более привлекательной.

Или он слишком скромничает? Неужели до сих пор живы амбиции, которые Гридулан заметил в нем много лет назад? Таддеус вдруг подумал, что сейчас мог бы без труда получить трон. Остров у него в кулаке. Он контролирует все процессы, глава рода Акаранов погиб, на материке хаос, даже при дворе Акации начались беспорядки, пролилась кровь. Никто здесь не держал бразды правления так крепко, как он. Королевские дети полностью доверяют канцлеру, он вхож в их личные покои в любое время дня и ночи. Таддеус мог бы обойти их всех и отравить. Чашка теплого молока, предложенная любимым «дядюшкой»; пирожное с особой сахарной глазурью; целебный бальзам на кончике пальца, который он намазал бы им вокруг глаз, точно стирая слезы... Таддеус знал много способов использовать яд. Да что говорить! Можно просто положить подушку на лицо. Или перерезать горло. Или остановить сердце единственным ударом ребром ладони по груди. Покончить с ними и таким образом вернуть Гридулану давний долг.

— Ах, сколько патетики, Меша! — сказал Таддеус, проводя ладонью по шелковистой спинке своей любимицы. Кошка искоса посмотрела на него и вытянула шею. — Я уже немало натворил. Пора выбрать один верный путь и идти по нему. Грядут перемены, их уже не остановить. А дети? Такие ли уж они невинные, какими кажутся? Волчата вырастают, а, Меша? Волчонок превратится в волка и в один прекрасный день укусит руку, которая его кормит. Иначе не бывает. Глупо притворяться, будто мы способны изменить нашу природу. Смотри, я все разложил по полочкам... Но я люблю этих детей, вот в чем проблема.

Меша как раз задремала, когда Таддеус поднялся и спихнул ее на пол. Он был зол на себя; об этом вообще не стоит говорить, даже если рядом только кошка. Канцлер подошел к шкафу, встроенному в стену рядом с кроватью, и достал трубку с мистом, которая некогда

принадлежала королю. Странно, что он так поздно пристрастился к пороку. Надо было прожить жизнь почти до конца, прежде чем понять, какие радости приносят сладкие грезы. Таддеус понимал, что утром на него снова обрушатся заботы, но между «тогда» и «теперь» можно урвать немного отдыха. Ему хотелось позабыть обо всем. Или, по крайней мере, достичь состояния, когда ничто уже не имеет значения.

Некоторое время спустя Таддеус очнулся, вынырнул из черного ничто, лишённого сновидений — бездумного забытья, которое глубже любого сна. Непонятная сила резко и грубо выдернула его наружу. Казалось, железные пальцы поволокли наверх, прочь из глубин забвения. Канцлер перекатился на спину, надеясь, что перемена позы поможет снова вернуться в сон. Утро еще не настало, а значит, никому не позволено будить канцлера и наваливать на него бесконечные хлопоты. Он ощутил тяжесть в ногах и решил, что на кровать вспрыгнула Меша. Она иногда сворачивалась в изножье постели и всаживала когти, словно ловя воображаемую добычу...

Вдруг чей-то голос произнес:

— Встань и посмотри на меня.

Таддеус хотел крикнуть стражу, но прежде чем сумел принудить себя раскрыть рот, его тело подчинилось приказу. Канцлер сел, оглядывая комнату, и тут заметил... что его тело не двинулось с места. Он поднялся, оставив плечи, руки и грудь лежать на кровати, где они и были до сих пор, словно Таддеус выскользнул из собственной плоти. Канцлер сидел на постели, словно раздвоившись — в коленях, бедрах, паху он все еще ощущал тяжесть физической оболочки, а верхняя половина тела стала бесплотным духом, откликнувшимся на призыв.

Перед ним маячил смутный силуэт. Он имел контуры человеческой фигуры, но Таддеус явственно видел сквозь него очертания предметов в тускло освещенной комнате. Вдобавок призрак сам светился, а его серые глаза ярко горели. Верхняя половина лица была единственной частью, которая казалась достаточно плотной, чтобы к ней можно было притронуться; остальное напоминало волны мерцающей энергии. Свет временами меркнул и затем разгорался, будто блеск луны, который, то прятался за бегущими по небу облаками, то вновь появлялся. Свет подчеркивал черты лица призрака и придавал некоторую плотность его плечам и рукам, а нижняя часть тела постепенно блекла, сливаясь с сумраком.

Призрак заговорил приглушенным раскатистым голосом, доносившимся словно из гроба. Хотя он звучал странно, смысл слов был вполне ясным и простым. И слова эти хлестнули канцлера как пощечина.

— Таддеус Клегг, пес, мне нужно многое сказать тебе.

Канцлер ошеломленно уставился на него. Как такое возможно? Он постарался всем своим видом выразить возмущение и презрение к беспардонному вторжению — даже невзирая на колдовство, которое явно имело место. Инстинктивная реакция... но это выражение лица было трудно сохранить, потому что свечение глаз призрака гипнотизировало. Почему он не кликнет стражу? Что-то удерживало канцлера, что-то мешало словам сорваться с губ... Сперва нужно понять, кто перед ним. Имя вертелось в голове. Надо только произнести его, чтоб оно стало явью.

— Хэниш? — спросил канцлер.

Человек улыбнулся, явно довольный, что узнали. Этой улыбки было вполне достаточно для Таддеуса. Он попал в цель.

— Как ты сюда попал?

— Через мир снов, — сказал силуэт. — Ты и спишь — и не спишь. Мой дух бодрствует, хотя тело лежит в забытии далеко отсюда. Оно даже сейчас зовет меня назад, тащит обратно. Наши души не любят покидать свои оболочки, Таддеус. Горькая ирония — учитывая, как сильно мои предки хотят избавиться от своих мертвых тел. Тем не менее это так. Я удивлен не меньше твоего, надо сказать. Не знал, что у тебя есть дар. Такое не каждому дано. Мои братья, например, его лишены. Неизвестно, откуда что берется...

Силуэт Хэниша поблек на миг, потом засиял ярче прежнего.

— Я рад, что ты так быстро узнал меня. Однако я пришел не просто поболтать.

Таддеус напрягся. Было в голосе Хэниша что-то странное, словно значение имел не только смысл слов, но и то, как мейнец произносил их. Трудно понять, что у собеседника на уме, если он находится за тысячу миль от тебя, но все же Хэниш был человеком, а Таддеус хорошо знал людей.

— Дети целы? — спросил Хэниш.

— Дети? Не стоит их опасаться. Они не представляют реальной угрозы для...

— Ты не причинил им вреда? — В голосе Хэниша скользнуло беспокойство.

Мейнец опять поблек на секунду, и у Таддеуса появилась передышка, чтобы подумать. Глядя в серые глаза призрачного собеседника, канцлер понимал, что мейнец недоговаривает. Он не лгал напрямую, но за словами стоял какой-то второй смысл, который Хэниш пытался скрыть.

— Разумеется, нет, — ответил канцлер, когда вождь вновь возник перед ним. — Дети здесь, рядом со мной, в безопасности...

— Мне нужно, чтобы они остались живы. Понял? Это очень важно. Говорю тебе еще раз: когда ты передашь их мне, я не поскуплюсь на награду. Мы еще обсудим детали в более спокойные времена, но будь уверен: я тебя не обижу. Даю слово. Я не лицемерный Акаран. Я говорю правду. Мой народ всегда говорит правду.

Внезапно на Таддеуса снизошло озарение. Он понял, что утаивает Хэниш. Последние слова мейнца стали ключом к разгадке. «Мой народ всегда говорит правду». Это была не пустая похвальба. Люди Мейна действительно гордились тем, что не лгут. Некогда мейнцы открыто обвинили Акаранов в преступлениях; именно за это их народ был изгнан на север и проклят.

Тогда появились Тунишневр... Прежде Таддеус не смотрел на ситуацию под таким углом. Ведь для акацийцев эти верования были просто легендой, сказкой. Однако мейнцы, похоже, воспринимают их совершенно иначе.

Прежде он думал только о давней ненависти Мейна к Акации, о том, как страстно они желали получить в свое распоряжение ее плодородные земли и богатства. О том, как мечтали разделаться с извечными врагами. Однако до сих пор канцлер не понимал, что стремления Хэниша простираются гораздо дальше. Речь идет не просто о войне за земные блага. Изученный Мир стал полем битвы, однако истинная цель Хэниша Мейна лежала на ином плане бытия. Должно быть, он верил, что его предки попали в ужасную ловушку и подвергаются бесконечным мукам. Хэниш хотел разбить цепи проклятия, наложенного на его народ еще во времена Войн Распределения, и освободить Тунишневр. Снять проклятие можно лишь одним способом — так гласила легенда. Вспомнив ее, Таддеус вздрогнул. Либо Хэниш безумец, либо в мире гораздо больше загадок и тайн, чем кажется на первый взгляд.

Эти мысли пронеслись в мозгу канцлера в единую секунду; Хэниш, казалось, ничего не заметил.

— Собери детей, — сказал он. — Сохрани их для меня. Если с ними что-то случится, я превращу твою жизнь в бесконечную пытку. Поверь, это в моей власти. Я могу быть щедрым Таддеус, но могу быть и жестоким.

— Не сомневаюсь, — откликнулся канцлер. — Все под контролем. Я жду тебя здесь, и дети при мне.

Свет в глазах Хэниша померк. Его силуэт задрожал и исчез, как облачко пара, унесенное ветром. Таддеус почувствовал, что возвращается в свое тело. Плоть объяла его; он снова был в материальном мире... Отдать детей Хэнишу? Не так быстро, сказал себе Таддеус. Он еще ничего не решил. Напрасно мейнец считает, что получил покорного слугу.

Таддеус повторял это снова и снова, пока не почувствовал, как затягивает его в свои черные глубины сон. Таддеус боялся, что, проснувшись, забудет ночной разговор и тогда... тогда он может совершить ошибку. Нужно помнить. Необходимо помнить, потому что этот разговор менял все. Хэниш верил, что может снять проклятие с Тунишневр, убив наследника династии Акаран. Только чистая кровь Акаранов способна вернуть к жизни его проклятых

предков. Если цель Хэниша именно такова, тогда дети, которых любил Таддеус — те четверо, кого он знал с младенчества, о ком заботился, кому отдал всю нежность, не растраченную на собственных отпрысков, — будут распяты на жертвенном алтаре и истекут кровью. Если окажется, что проклятие Тинадина не миф, что оно может быть снято, — тогда двадцать два поколения мейнцев вернутся к жизни. Они снова будут ходить по земле, а их ярость и жажда мести повергнут мир в хаос.

Наконец-то все встало на свои места. Таддеус принял решение. Он не возьмет себе власть и не наденет корону, как хотелось бы амбициозному корыстолюбцу, все еще жившему где-то в глубине души. Равно и не позволит он Хэнишу ввергнуть мир в пучину новых войн. Таддеус выполнит просьбу своего друга. О чем он думал так долго, когда ответ лежал на поверхности? Мятущийся разум Таддеуса наконец-то утихомирился; страшная двойственность, занимавшая мысли, исчезла. Он выбрал. Он отошлет детей в безопасное место, а потом — когда настанут спокойные времена — постарается воплотить в жизнь план, предложенный Леоданом. Таддеус знал его досконально и имел достаточно власти, чтобы повернуть мир на этот путь. Никому, кроме него, такое не под силу, но канцлер мог попытаться.

Дети ни о чем не подозревают. Они даже не догадываются, что ждет их в самом ближайшем будущем. Таддеус понимал, что Аливер возненавидит его за то, что он собирается сделать. Принц наверняка ужаснется, разозлится и назовет канцлера предателем.

Что ж... Все правильно. Страшно и правильно. Правда и ложь.

Глава 26

Флот мейнских галер плыл по реке Аск, пока та не выкинула его во внутреннее море. И хотя Хэниш мечтал немедленно повернуть к самой Акации, он понимал, что придется подождать.

Остров будет принадлежать ему, но еще не сейчас. Всему свое время.

Он собрал уцелевшие суда в устье реки. Здесь флот некоторое время дрейфовал, пока Хэниш изучал состояние кораблей и войск. Войска поджидали отставших и помаленьку чинили, что могли. Армия сохранила боеспособность, люди рвались сойти на сушу и ринуться в драку. Все желали победы Мейна и стремились доказать это на поле брани.

Корабли еще не успели пристать к берегу, когда вождь получил важные вести. Первое большое сражение в войне между Хэнишем и Акаранами произошло без участия войск Мейна и Акации. Ошенийская армия под командованием принца Игалдана встретила нюмреков на плоскогорье Ошенгьюк. Воины, купцы, жрецы и земледельцы из всех уголков королевства собрались на каменистой равнине, чтобы сражаться за свою страну. Игалдан вывел на поле почти тридцать тысяч душ. Армия противника не составляла и шести. Однако нюмреки были грозной силой. Они вылетели на поле вопящей дикой ордой, и вид ее был страшен. Нюмреки напоминали людей — и все же достаточно сильно отличались от них. Они постригли своих странных скакунов, чтобы звери не страдали от жары. Шерстяные клочья еще свисали кое-где над сероватой, покрытой шрамами кожей. Поэтому звери имели какой-то нездоровый вид, как будто шерсть слезала с них сама по себе. Впрочем, «болезнь» не мешала чудищам двигаться вперед с огромной скоростью, мускулистые тела излучали силу и мощь.

В сражении нюмреки применили оружие, которое не использовали до сих пор — катапульты. Громоздкие машины метали огненные шары в половину человеческого роста. Сферы взмывали в небо, вычерчивая в воздухе пламенеющие арки, и с грохотом рушились на землю, выбивая огромные ямы. Если же они попадали в людей, то выводили из строя целые отряды. Упавший сверху шар мог раздавить человека в лепешку. Если он летел горизонтально, то разносил солдата в клочки, отрывал конечности или смахивал голову с плеч. Все это застало молодого принца врасплох. В конце концов в него попал один из огненных шаров. Вместе с принцем погибла и вся армия. Соппротивление Ошени

закончилось в один день... Трагично, что ни говори, но для Хэниша эти вести прозвучали сладкой музыкой.

Столь же эффектно было и прибытие Маэндера в Кендовию. Согласно плану кампании, Маэндер нападал на кланы, заставляя их братья за оружие или покоряться ему. Семена раздора между кланами были посеяны давно; мейнцы засылали своих агентов, которые разыскивали союзников и распаляли вражду. Кендовианцы были воинственными людьми — гордыми и горячими, подобно самим мейнцам. Вспыльчивые и порывистые, они быстро хватались за оружие. Акацийцы обычно поощряли одни кланы и принижали другие, сея вражду между ними, так что кендовианцы давно погрязли в междоусобных сварах, не задумываясь, кто их настоящий враг. Маэндер использовал все средства убеждения — и кнут, и пряник, — чтобы перетащить кендовианцев на свою сторону. В письме Хэнишу он обещался вскоре перейти через горы Сениваля и привести за собой всю Кендовию. Его армия возросла втрое. Возможно, после войны придется окоротить кендовианцев, но сейчас Маэндер видел в них верных союзников.

Сама Акация взорвалась изнутри. Хэниш точно не знал, как ответят на объявление войны мейнские солдаты, служившие акацийцам — много лет и вдали от дома. Да, он надеялся на них. Ведь каждый мейнский воин поклялся ответить на призыв своего народа к войне — в любой момент, где бы он ни находился. Тем не менее Хэниш понимал, что годы, проведенные вдали от дома, могли ослабить их решимость. Тунишневр, впрочем, никогда не сомневались. Они уверили Хэниша, что вера мейнских солдат так же крепка, как и прежде, — и не ошиблись. По всей империи мейнцы поднимали мятежи, едва прослышав о войне. Они кидались на врагов, которых еще вчера называли товарищами. На Акации тридцать три мейнских солдата, служивших в акацийском полку, и четверо новоприбывших из Алесии выхватили мечи и перерезали половину акацийских бойцов на острове, прежде чем те успели хотя бы сообразить, что происходит. В Аосе пятеро северян раскрасили лица кровью и вихрем пронесли по городскому рынку, убивая всех без разбору. Мейнцы отравили питьевые фонтаны в прибрежных городках к востоку от Алесии. А одинокий солдат в одном из аванпостов Майнланда убил своего командира и прирезал несколько местных офицеров, прежде чем его схватили. Все мейнцы принесли себя в жертву, поскольку никто из мятежников не желал попасть в руки акацийцев живым. Без сомнения, Тунишневр подстрекали их, требуя, чтобы они ценой жизни искупили бесславную службу Акаранам.

Лишь в Талае восстание захлебнулось, не успев начаться. Приказы с Акации достигли Бокума почти одновременно с вестями о войне. Так что мейнские солдаты были закованы в цепи до того, как успели поднять оружие. Жаль... хотя такой пустяк не имел значения. Сердце Хэниша наполнялось гордостью за свой народ. По предварительным оценкам, мятежи уменьшили имперскую армию почти на четверть. Акацийцы споткнулись в самом начале пути и растерялись, не сумев предпринять решительных действий. Вот вам великая нация! Лишь несколько недель минуло со дня смерти Леодана Акарана — и разразилась война. Наблюдая за происходящим, Хэниш все более уверялся в мысли, что не ошибся, начиная ее. А ведь его главное оружие пока еще покоилось в ножнах...

Генеральное сражение должно было произойти на полях, протянувшихся к востоку от Алесии. Из-за войны их так и не засеяли, и здесь акацийцы собрали громадную армию. Непросто было перевезти ее сюда, поскольку Лига отозвала свои корабли, и в дело пошли все лодки, паромы, баржи и яхты, которые только удалось сыскать. На суше купцы и торговцы снабдили армию повозками, лошадьми и мулами, так что в конечном итоге все войска собрались возле Алесии. С Акации летели приказы, отдаваемые именем принца Аливера Акарана, но самого молокососа увезли подальше, что как нельзя более устраивало Хэниша.

— Очень мило со стороны их командующего, кем бы он ни был, согнать всю толпу в одно место, — сказал Халивен. — Так мы разделаемся с ними за раз. Может, учитывая обстоятельства, надо дать им побольше времени, чтобы собраться?

— Окажем им ответную любезность, — рассмеялся Хэниш.

Войска Мейна высадились на берегу в нескольких днях пути от Алесии, и Хэниш не повел их немедленно в бой. Армия встала лагерем и проводила время, отдыхая и развлекаясь. Стояла чудесная погода. Солдаты давно скинули зимние одежды, подставив тела солнечным лучам и теплему ветру. Их кожа была бледна до прозрачности, но быстро розовела под весенним солнцем южных земель. Мейнцы, однако, старались не терять форму. Они бегали наперегонки, боролись друг с другом, упражнялись с мечом и копьем и устраивали состязания по перетягиванию «каната», в которых канатом служили два человека, взявшиеся за руки. Десятеро или более солдат поднимали по одному воину на плечи и тянули каждого в свою сторону, стараясь разорвать хватку. Эти подвижные игры напоминали мейнский праздник макушки лета. Дни ранней весны здесь, на юге, были такими же теплыми, как самое жаркое лето возле Тахалиана. Несколько воинов даже танцевали мазерет. Солдаты полюбили вино, пиво и крепкие настойки, что производили в местных деревнях, и временами мертвецки напивались. Однако наутро все вставали как новенькие, с ясными глазами и без малейших следов похмелья. Мейнцы отличались крепким здоровьем и не в последнюю очередь потому, что никто из них никогда не притрагивался к мисту.

Все это лишь укрепило боевой дух солдат, который и без того был на высоте. Они пошли на врага, подбадривая себя боевыми песнями. Хэниш ехал на широкогрудом жеребце рядом с дядей. Пожалуй, никогда он не испытывал такого душевного подъема. За его спиной стройными рядами шагали воины Мейна — высокие, светловолосые и сероглазые, облаченные в кожаные доспехи. Они шли, вспоминая легенды своего народа. Шлемы и наконечники копий ярко сверкали на солнце. Солдаты по-прежнему носили бубенцы, привязанные к сапогам, и звон их — славящих Тунишневр — сладкой музыкой ласкал уши Хэниша. Он едва мог сдерживать охватившие его чувства, и приподнятое настроение ничуть не испортилось при взгляде на армию врага.

Ну и толпу собрали акацийцы! Сорок, а может, и пятьдесят тысяч человек. Их число втрое превосходило его собственную армию. Мужчины и женщины, светлокожие и смуглые, со всех концов необъятной империи. Хэниш взглянул за их спины — на огромную каменную стену, которая тянулась с юга на север, словно перегораживая весь мир. Алесия располагалась в нескольких милях дальше, но за акацийской армией стоял первый барьер, возведенный много веков назад, чтобы защищать город от врагов. Стена отличалась странной, непривычной для глаза красотой. Она вся была сложена из каменных блоков самых разных размеров и цветов. Грубая, беспорядочная пестрая мозаика, камни разной фактуры и формы завораживали зрителя, неизбежно притягивая взгляд.

Хэниш знал историю создания стены. О ее постройке распорядился Эдифус, хотя в окрестностях трудно было найти подходящий камень. Однако разные провинции и государства неожиданно оказали ему помощь: прислали каменщиков и камень, добытый на своей территории. Весть о строительстве достигла самых отдаленных уголков империи, и даже маленькие племена желали принять в нем участие. Так возник первый символ единения, первый символ империи, которую Хэниш теперь собирался низвергнуть.

Где-то там, среди каменных блоков, находится гигантский кусок базальта, вырезанный из тела гор возле Скейтвита. Хэниш узнал бы его, если бы увидел. На одном из углов камня было выгравировано имя Хаучмейниша. После победы он прикажет вынуть блок из стены. Мейн принес этот дар не по доброй воле, и Хэниш желал вернуть его назад.

Сообразно с древним обычаем, предводители враждующих армий встречались перед битвой лицом к лицу, чтобы поговорить о грядущем сражении и выяснить, не может ли спор разрешиться мирным путем. Предполагалось, что даже в тот момент, когда армии уже стоят друг перед другом, еще остается шанс договориться. Может быть, стороны неверно поняли друг друга? Может быть, кто-то из противников желает попросить мира?.. Акацийские лидеры предложили Хэнишу встретиться, и он ответил согласием.

Халивен нашел племянника в лагере. Хэниш сидел на табурете, в шатре, образованном

четырьмя холщовыми стенами. Это были личные «покои» вождя. Место, где он мог остаться один, чтобы помолиться или поговорить с Тунишневр, хотя, по правде сказать, Хэниш не связывался с предками с тех пор, как корабли вышли в реку Аск. Он чувствовал их, как голодный человек улавливает в отдалении запах мяса, но это было ничто по сравнению с давящей мощью их присутствия, которая довлела над ним в Тахалиане. Ранее поддержка Тунишневр, их непоколебимая уверенность были почти осязаемы. Теперь они исчезли — именно теперь, когда Хэниш подошел так близко к своей цели... Халивен откинул холщовое полотнище и вошел в шатер.

— Ты готов?

— Да, — сказал Хэниш, стараясь, чтобы в его голосе не проскользнуло и тени сомнения. — Я просто слушал, как поет птица. Ее зов словно... бьющийся хрусталь. Острый. Чистый. Осколки... не падают, а улетают по ветру. Никогда не слышал у нас ничего подобного.

— Нашим птицам особо не о чем петь, — произнес Халивен.

Хэниш был одет в манере, более подходящей для мазерета. Белая тальба укутывала тело, добавляя величия фигуре вождя. Свои косицы Хэниш откинул назад и стянул вместе кожаным шнуром. Он, как и Халивен, носил кинжал в ножнах, горизонтально привешенных к поясу. Однако сегодня кинжал не понадобится. Ни он, ни любое иное оружие — кроме того, что принес собой дядя. Халивен держал в руке маленький серебряный футляр размером с палец.

— Открыть его? — спросил Халивен.

Не услышав возражения, он нажал крошечную защелку и откинул крышку, а потом протянул коробочку племяннику. Внутри лежал небольшой клочок ткани, сложенный в несколько раз. Грубая материя вроде той, из которой в Мейне шили плащи. На ней сохранились остатки узора, изрядно поблекшего и выцветшего. Хэниш долго рассматривал лоскут.

— Эта вещь убила моего деда, — промолвил он.

— А теперь давай покончим с твоим врагом, — ответил Халивен.

Хэниш вынул ткань, сжал ее в пальцах, а потом засунул клоч за отворот тальбы с правой стороны.

— Запомни: битву начинать не раньше, чем через два дня, — сказал Халивен. — Постарайся договориться.

Несколько минут спустя Хэниш стоял перед группой представителей Акацийской империи. Каждый был одет в свой национальный костюм, но все придерживались в одежде красновато-оранжевой гаммы. Кое-кто носил доспехи, сверкающие, будто серебристая рыба чешуя. Один из акацийцев начал церемониальную молитву, обращаясь к Дающему и перечисляя имена древних королей, но Хэнишу быстро наскучило его слушать.

— Кто из вас говорит за Акаранов? — перебил он.

— Я. — Вперед выступил молодой человек. Смазливый дворянчик в отличной физической форме, с плавными движениями опытного мечника. — Эфрон Анталар.

— Анталар? — переспросил Хэниш. — Не Акаран? Я-то думал, что увижу сегодня здесь самого принца Аливера.

Казалось, вопрос не понравился молодому Анталару и рассердил его. Он будто помимо своей воли положил ладонь на рукоять меча.

— Я уполномочен говорить от... от имени короля. Мы полагаем, что ты недостойн чести находиться в присутствии его самого.

Хэниш хотел бы увидеть принца, прикоснуться к нему собственными руками. Он коротко глянул на Халивена — так быстро, что никто не понял, что произошло между двумя мейнцами. Очевидно, дядя полагал, что нужно и дальше следовать плану. Хэниш снова обратился к Эфрону и изогнул губы в саркастической усмешке.

— Итак, ваш трусливый монарх прислал тебя отвечать за грехи Акаранов? Что вы за странные люди? Идете за человеком, который не ведет вас за собой...

— Я не отвечаю за грехи Акаранов! — рявкнул Эфрон. — Зато хочу посмотреть, как ты ответишь за свои. Хватит ухмыляться! Я погляжу, как тебе зашьют губы проволокой, еще до завтрашнего утра!

Хэниш удивленно приподнял брови. Тем временем вперед выступил другой акациец. Этот представился как Рилос, главнокомандующий армией. Он был высокий и угловатый, коротко обрезанные волосы обильно припорошила седина. Рилос заговорил о боевой силе, которую собрала Акация. Войска империи многократно превосходят мейнцев числом, сказал он. Вдобавок солдаты, что собрались на поле — только часть армии, находящейся в распоряжении империи.

— Так какие же у вас шансы? Вы объявили войну и вынудили нас ответить. Должны ли мы начать битву? Или вы готовы сдаться и понести заслуженное наказание?

— Сдаться? О, такая мысль меня не посещала.

— Я Карвер из рода Дерван, — вступил в разговор третий акациец. — Я возглавлял карательные отряды во время мятежа в Кендовии. Я повидал настоящие сражения и наших солдат в бою. Говорю вам: у Мейна нет надежды.

Хэниш пожал плечами.

— Я иного мнения. Мое объявление войны в силе. Давайте начнем сражение через два дня.

— Два дня? — переспросил Эфрон.

Он посмотрел на Рилоса и остальных офицеров. Никто не возражал.

— Да, мы подумали, что вас это вполне устроит. — Хэниш развел руками. — Ведь число ваших войск с каждым днем лишь возрастает. Ко мне же подкрепление не придет, мы проведем это время в молитве и очищении. Что скажете?

— Пусть будет так, — кивнул Эфрон. — Через два дня.

Акацийцы ушли, и только молодой Анталар стоял неподвижно. Он смотрел в глаза Хэнишу, не отпуская его взгляда, и будто бы хотел что-то сказать, но не знал, как начать.

— Леодан был очень хорошим королем, — наконец проговорил Эфрон. — Убив его, вы совершили ужасную ошибку.

— Правда? — Хэниш приблизился на шаг. — Дай-ка я кое-что тебе объясню. Мой предок Хаучмейниш был благородным человеком. Он боролся за праведное дело. Пока ваш Тинадин убивал направо и налево, стремясь заграбастать побольше власти, Хаучмейниш пытался урезонить его. Он хотел помочь ему. Как друг. Как брат.

Прежде чем Эфрон успел уловить движение, Хэниш оказался рядом с ним и положил ладонь на плечо юноши. Эфрон вздрогнул и напрягся, готовый к любому повороту событий, но Хэниш стоял неподвижно, стараясь показать, что в его жесте нет угрозы. Он словно надеялся, что, прикоснувшись к собеседнику, лучше сумеет донести до него свои слова.

— Мой предок сказал Тинадину, что им овладели демоны. Хаучмейниш просил его открыть глаза и посмотреть, что он натворил. Тинадин убил своих братьев, вызвал к жизни зловещую магию и узаконил работорговлю. Однако ваш король не желал ничего слышать. Он накинута на друга и снес ему голову с плеч. А потом Тинадин проклял его народ — мой народ — и выгнал людей на север. В холодные горы, где мы и живем с тех пор. Вы — империя зла. Столетиями вы причиняли людям страдания. Я пришел покончить с вашей властью, и поверь: многие поблагодарят меня за это. Способен ли ты поверить, что я говорю правду?

Мышцы на шее Эфрона напряглись, вздулись жилы, словно на него обрушилась невидимая тяжесть.

— Нет. Это не может быть правдой.

Хэниш постоял неподвижно, рассматривая юношу задумчивым взглядом, как будто только теперь осознал в полной мере, что осталась лишь одна возможность разрешить ситуацию.

— Я понимаю твой гнев. Мы скоро встретимся лицом к лицу, но я запомню тебя таким, каким вижу сейчас. — Он убрал руку с плеча Эфрона и взмахнул ей, коснувшись лица

юноши. Эфрон отдернул голову, однако прежде Хэниш успел мазануть кончиками пальцев по его губам, задев зубы. Эфрон схватился за меч, но Хэниш уже отвернулся и направился к своему войску.

— Я сам тебя убью! — крикнул Эфрон. — Найди меня на поле! Если ты мужчина!

Бедный мальчишка, думал Хэниш на ходу. Он и понятия не имеет, что значит это прикосновение и зачем оно было нужно...

Два дня спустя, на заре, Хэниш вывел свои войска в поле. Они шли по земле, еще затянутой утренним туманом. Голубоватая дымка мало-помалу начала исчезать, когда глаз солнца выглянул из-за горизонта и озарил мир своим сиянием. Акацийская армия не выстроилась в боевые порядки, готовая встретить врага. Хэниш знал, что так и будет. Они невозбранно шли через поля — по колеям от повозок и земле, взрыхленной ногами солдат. Все было спокойно, и мейнцы беспрепятственно вступили в акацийский лагерь. Никто не встретил их; не было вооруженных солдат, не слышалось бряцания оружия и свиста тетивы, не сверкали на солнце серебристые доспехи. Ничего не осталось от огромного войска, которое Хэниш видел два дня назад.

В лагере царил ужасающий беспорядок. Вчерашние костры выгорели, и от них тянулись к небу тонкие струйки дыма. Вороны, привлеченные запахом смерти, в великом множестве сидели на земле и на крышах шатров. В воздухе кружили хищные птицы — неторопливые и уверенные в себе. Сцена всеобщего опустошения наводила ужас, но страшнее всего были люди.

Они лежали вокруг костров, на лужайках между шатрами — повсюду, где был хоть клочок свободного места. Тела скорчились в грязи. Бессчетное количество тел. Офицеры, солдаты, лагерная обслуга — все, кто составлял акацийские легионы. Одни катались по земле. Другие лежали неподвижно, уткнувшись лицом в траву или глядя в небо. Лица, искаженные болью, блестели от пота; многие из них были покрыты алыми язвами, формой напоминающими головастиков.

Могло показаться, что лагерь тих, хотя тишины не было и в помине. Воздух дрожал от звуков, но все они сливались в единую бессмысленную какофонию. Акацийцы хрипели и задыхались. Стонали и скулили, жадно втягивая воздух. Их тела корчились в судорогах. Лишь немногие заметили приближающихся мейнцев, да и те едва ли могли что-то поделать. Хэниш знал, как сильны их муки, и в этот момент, пожалуй, не смог бы сказать, что он чувствует. Радость? Или стыд?

Мейнские солдаты не могли долее сдерживаться. Они толпой устремились следом за Хэнишем, на бегу вынимая мечи и опуская к земле наконечники копий. Акацийцы лежали, словно тысячи рыб, выброшенные на берег, беспомощные. Никто и не мыслил об отпоре. Мейнцы просто шагали по полю, добывая врага мечами или копьями. Некоторые охотились на акацийцев, которые еще стояли на ногах, но таких было немного. Сам Хэниш не принял участия в боине. Он просто ходил по полю, глядя, как его люди пускают кровь, и серые глаза вождя были ледяными. Хэниш только сказал, что ищет одного человека и не желает убивать его, пока они не переговорят. Солдаты немедленно предоставили ему нужные сведения, и вождь направился к одному из просторных акацийских шатров.

Эфрон полуодетый лежал в нескольких шагах от своей походной кровати. Широко распахнутые немигающие глаза бездумно смотрели в потолок. Лицо было мокрое от пота и такое грязное, что даже мухи садились на него с осторожностью.

— О, Эфрон... Я действительно хочу запомнить тебя таким, каков ты был два дня назад. Я принял во внимание твою силу. Твою ярость. Я уважаю тебя за них и считаю достойным противником. А потому хочу объяснить, что с вами произошло. Ты ведь не понял, верно?

Хэниш опустился на колени возле юноши. Отогнал мух.

— Ты знаешь историю об Эленете и о том, как он первый раз попытался говорить на языке Дающего? Создатель нашел его в саду, где Эленет возился со своим новым, бесспорно

неудачным творением. Предания не говорят нам, что это было, но у меня есть предположение. Думаю, что Эленет искал для себя вечную жизнь. Легенды не упоминают ни одной смерти — до тех пор, пока Эленет не стал Говорящим Словами Бога. Однако, сдаётся мне, он боялся, что если однажды перестанет существовать, то не сможет вернуться обратно. Эленет пытался найти защиту от ярости Дающего. Увы, в попытках сделать себя бессмертным он создал недуги, которые унесли множество человеческих жизней. Да, в тот день Эленет сотворил болезни, и мы расплачиваемся за это до сих пор. И ты сейчас расплачиваешься. Видишь ли, в чем главная проблема людей, говорящих языком Дающего: они не были богами и не могли ими стать. Люди не умели произносить слова как надо, искажали их на губах или в голове... или в сердце. И магия превращалась в свое уродливое подобие. Именно от этого ты и страдаешь.

Эфрон, казалось, только теперь заметил Хэниша и обернулся к нему. Зрачки юноши были расширены почти во всю радужку, но он отчаянно пытался сосредоточить на Хэнише плывущий взгляд. Его пот стал красноватым. Хэниш нашел тряпку в миске возле кровати и вытер Эфрону лоб, но почти сразу же розовая влага вновь проступила сквозь поры.

— Много лет назад, — продолжал Хэниш, — еще до моего рождения, мейнцы впервые встретились с нюмреками и узнали о Лотан-Акун. Те люди, которые общались с нюмреками, подхватили от них эту болезнь. Они вернулись с Ледовых Полей и заразили почти весь Тахалиан! Все, кто жил в цитадели, валялись беспомощные — точно как вы сейчас. Тысячи людей умерли, но те, кто выжил, стали не подвержены болезни и никого не заражали. Сперва мы хранили эту историю в секрете, потому что стыдились ее, и лишь много позже благодаря моему отцу поняли, что такая зараза может быть оружием. Ваши люди ничего не узнали. Мы никогда не сообщали точных данных о нашей численности, и это пошло на пользу. Затем мы обнаружили, что можно передать болезнь в легкой форме, уколов человека зараженной иглой, и тогда он скорее всего не умрет, если заболит по-настоящему. А затем мы узнали, что дух болезни может жить очень долго после того, как сама она прошла. Два дня назад я прикоснулся к тебе, Эфрон, подержав в руках клочок ткани от одежды, в которой умер мой дед.

Хэниш пошарил в складках тальбы и вытащил лоскут.

— Вот вещь, которая победила вас. В ней до сих пор живет зараза. Невозможно поверить, правда? Я сам бы не поверил, если бы не знал правду. Я тебя убил единственным прикосновением. Многие люди со временем выздоравливают, но сперва сильно мучаются, как ты сейчас, а потом еще долго страдают от страшной слабости. Зараза пойдет гулять среди ваших людей, а за ней придем мы и соберем свою жатву. Идиллии Акаранов приходит конец. С ее смертью начнется новая эпоха. Для тебя же будет лучше, если ты этого не увидишь. Вряд ли ты сумеешь принять будущий порядок вещей.

Хэниш вышел из шатра минутой позже. В руке он нес обнаженный кинжал, красный от крови. Вокруг продолжалась резня. Вождь поднял взгляд и посмотрел на пеструю стену Алесии. Хорошо бы отыскать камень с гор Скейтвита, прежде чем идти дальше. Он бы прижался к нему щекой. Хэнишу безумно хотелось прикоснуться к камню и сказать ему, что все идет как надо. Все просто и правильно, началось до него и продолжится после. Он всего лишь инструмент, необходимый для достижения великой цели.

Глава 27

Выбранный корабль был большим рыбацким судном с двумя квадратными парусами на грот-мачте и треугольным кливером танцевавшим над бушпритом будто воздушный змей в потоке ветра. Парус дрожал и выгибался, то и дело меняя форму, и незамысловатая эмблема владельца то появлялась, то исчезала из поля зрения. Жители побережья отлично знали этот корабль: он бороздил акацийские воды уже больше тридцати лет. Команда на палубе была несколько более многочисленна, нежели обычно, но это неудивительно для ранней весны, когда на судне совершают последние приготовления к сезону лова. Скоро тунец вернется с

талайских мелководий и огромными стаями пойдет к материку. Для рыбаков тогда наступит жаркая пора. Пока что осадка корабля свидетельствовала, что трюмы его пусты. В сезон простоя они обычно наполнялись не чаще, чем раз в пять дней.

Впрочем, на сей раз все было не так, как казалось со стороны.

Под личиной рыбаков на самом деле скрывались солдаты. А вместо желтохвостых рыб — обычного груза в это время года — корабль вез детей из рода Акаран. В начале путешествия они прятались в дурно пахнущем трюме и едва не задохнулись от пропитавшей его вони. Все четверо были угрюмы и недовольны. У всех четверых на лице застыло одно и то же обеспокоенное выражение — словно оно было общей семейной чертой. Мэне хотелось заговорить, сказать хотя бы несколько слов, чтобы снять гнетущее напряжение, но она не могла придумать ничего осмысленного.

Оказавшись за высоким мысом северной гавани, корабль встал под ветер и помчался вперед. Он резал синие холодные волны; стая морских птиц летела за ним, издавая хриплые крики. После того как остров остался далеко за кормой, капитан охраны позволил детям выйти на палубу. Мэна стояла на палубе в задней части корабля, вдыхая соленый морской воздух. Она раздумывала, кто из стоявших здесь солдат по-настоящему убивал людей. Некоторые из них принимали участие в подавлении мейнского мятежа в Акации. С бунтовщиками разделались довольно быстро. Последний выбрался с территории дворца, и его преследовали на лестницах, однако в конце концов поймали в нижнем городе и зарубили. Аливера вывели из боя и заставили уйти в безопасное место. Брат не распространялся об этом, но Мэне казалось, что ему нестерпимо стыдно.

Мэна отвернулась от охранников и оглядела корабль. Она еще не решила, нравится ли ей путешествие. Таддеус объяснил детям, что они уезжают с острова временно, на неделю или около того... не больше, чем на месяц. Вскоре мятеж будет подавлен, виновные — наказаны, и канцлер разберется со всеми остальными интриганами на острове. Дети же поплывут на северную оконечность Киднабана и спокойно устроятся в доме управляющего рудниками. Таддеус обещал, что они вернутся на Акацию в самом ближайшем времени, но Мэна отчего-то не поверила ему. За невозмутимым спокойствием и рассудительными словами канцлера скрывалась какая-то другая правда, однако Мэна не могла понять, в чем тут дело.

Аливер вроде бы не сомневался в искренности канцлера, но категорически отказывался следовать его плану. Никогда прежде Мэна не видела брата в такой ярости. Он кричал о какой-то битве, говорил, что его долг — вести армию. Он же король! Это его обязанность, даже если он умрет на поле боя! Таддеусу пришлось применить весь свой немалый дар убеждения, чтобы утихомирить принца и заставить его сбавить тон. Канцлер теперь фактически управлял империей как полномочный регент. Он окоротил Аливера, сказав, что приказ об отъезде исходил от самого Леодана, и что Аливер обязан остаться в живых ради своей страны и народа. В конце концов он практически силой заставил принца сесть на корабль. Аливера просто привели на борт вместе с остальными, и охранники-марахи недвусмысленно дали понять, что будут следовать приказам канцлера. Принцу ничего не оставалось, как смириться, хотя он кипел от злости и краснел от унижения.

Немного позже тем же днем впереди показался мыс Фаллон. Берег здесь состоял из высоких выветренных утесов, а за ними начиналась холмистая равнина, поросшая травами и пестреющая первыми весенними цветами. Даризэл пришел к Мэне на корму и сел рядышком. Они подкрепились сардинами с печеньем, причем Даризэл не так ел, как ковырялся в рыбе, стараясь отделить мякоть от косточек. Кости он собирал в кучку, поддевал ее на кончик ножа и выбрасывал за борт. Мэна же смотрела на брата, и горло ее перехватывало от нежности. Чувство любви к нему было сродни ностальгии, воспоминаниям о чем-то потерянном и давно ушедшем, словно Даризэл не сидел здесь, рядом, подле нее в этот самый момент. Тогда откуда в ней эта странная грусть, непонятная тоска — словно все, что происходит сейчас, на самом деле давно изменилось?..

Подошел Аливер, придерживая висящий на поясе старый меч Эдифуса — Королевский

Долг. Меч был слишком большим и громоздким для принца. Он бил юношу по бедру, путался в ногах, и казалось, от него больше мучений, чем пользы. Принц изо всех сил пытался сделать вид, что все идет как надо. Мэне хотелось обнять его, но она понимала: ему это не понравится.

— Мы приближаемся к рудникам, — кивнул он в сторону берега. — Там отбывают наказание преступники. На Киднабане есть еще один рудник. И несколько в Сенивале.

Мэна вытянула шею и выглянула за борт. Корабль огибал мыс. Низкое солнце скупо освещало берег, и девочке потребовалось некоторое время, чтобы разглядеть детали. Огромные тени на земле оказались гигантскими ямами, и Мэна не могла даже предположить, какой они глубины, поскольку видела только дальнюю стену, пересеченную непонятными линиями и испещренную дырами. Там и тут горели маяки — костры, заключенные в стеклянные купола. Стекло преломляло свет, и яркие лучи били в небо. Очевидно, работа здесь не прекращалась и ночью. Мэна задумалась, откуда берется столько преступников, так много нехороших людей, воров или убийц. Возможно, когда она вырастет, ей удастся что-нибудь поправить. Она могла бы путешествовать и именем отца предоставлять людям новые возможности, которые сделают их жизнь лучше.

Ночь провели в тайной бухте, укрытой межу Киднабаном и материком, а на следующий день корабль вошел в гавань Кролла на северном побережье острова. Тем же вечером дети уже были в доме, стоящем на холме над городом. Дом принадлежал управляющему рудниками, Креншалу Вадалу. Этот маленький человечек неприметной наружности говорил с подчеркнутой вежливостью, но в то же время складывалось впечатление, что он мечтает оказаться где-нибудь подальше отсюда. Скользнуть за угол и исчезнуть с глаз долой. Мэна отметила, что прошло несколько минут, прежде чем Креншал сподобился выразить детям соболезнования по поводу смерти короля Леодана. Да и, пожалуй, не сделал бы этого вовсе, если б секретарь не напомнил ему — взглядом и движением бровей.

После ужина Креншал поведал детям о том, что ожидает их в ближайшем будущем. Очень просто: предстояло безвылазно сидеть в его доме. Вот и все. Сидеть и ждать. Не принимать никаких гостей — никто не должен знать об их присутствии. Таддеус будет регулярно писать им и немедленно сообщит, как только ситуация изменится в ту или иную сторону. Никаких других посланий и иной корреспонденции дети получать не будут. Им придется обойтись без роскоши и развлечений. Ни в коем случае нельзя спускаться в город. Молодых Акаранов ожидала простая жизнь, совсем не похожая на ту, что они вели в Акациях. Все, что мог предложить Креншал — несколько стылых комнат, обычно предназначенных для административного персонала рудников, незамысловатую пищу и свою компанию. Последний пункт явственно был попыткой пошутить, но управляющий так мямлил слова, что шутка вышла натушной.

Аливер заявил, что желает получать сведения обо всех событиях на острове — незамедлительно, как только они поступают. Он говорил высокомерным тоном, словно пытаясь сразу же расставить все по местам и показать, кто здесь главный. Сам он отнюдь не чувствовал той уверенности, какую пытался продемонстрировать, и Мэна украдкой осмотрелась, размышляя, заметил ли это кто-нибудь, кроме нее. Брат боялся, что окажется за бортом корабля событий и утратит всякий контроль над ситуацией. Он находился в состоянии полнейшей неопределенности — уже не просто принц, каким был несколько недель назад, но еще и не король. Хотя надеялся им стать. С точки зрения Мэны, ему следовало смириться со своим положением и просто подождать.

Аливер немного сбавил тон и спросил:

— Здесь есть лошади? Хотелось бы проехаться и осмотреть остров. Вдобавок нам всем не помешает прогулка на свежем воздухе.

Даризл, очевидно, полностью поддерживал брата, однако управляющий ответил:

— Боюсь, это совершенно исключено. То есть... гм... в основном ради вашей же безопасности, принц. На некоторое время надо отказаться от верховой езды и от прогулок вообще. Полагаю, канцлер предупредил вас?

— А как насчет рудников? — настаивал Аливер. — Хочу их проинспектировать. Не обязательно в открытую.

— Проинспектировать? — Казалось, Креншал никогда прежде не слышал этого слова. — Мой принц, это тоже невозможно. На рудниках полно негодяев. В любом случае там нет ничего интересного. Мы найдем для вас развлечения и в доме. Вы не будете скучать, молодые люди, даю слово.

Управляющий, впрочем, не выполнил обещания. В течение нескольких дней он почти не появлялся детям на глаза. Каждый вечер они ужинали вместе, не более того. Днями Креншал где-то пропадал, а развлечься в доме было нечем. Обычно здесь жили помощники управляющего и прочие люди, составляющие его штат; сейчас их всех куда-то переселили. В пустых комнатах и холодных коридорах гуляло эхо. Очевидно, дом покидали в спешке. В своей комнате Мэна нашла полупустую бутылку ароматического масла для ванны, носок, завалившийся за кровать, и обренок ногтя на полу перед трюмо.

Настольные игры скрасили детям первые двое суток. Книги из библиотеки управляющего — сам Креншал не особенно интересовался литературой — спасли положение в третий день, когда Даризэл уговорил Аливера почитать вслух одну из эпических поэм. Мальчики были в восторге, но Мэна не могла отделаться от мыслей об отце. Коринн, видимо, чувствовала что-то похожее; девушка резко поднялась и молча вышла из комнаты. Коринн, впрочем, вообще мало разговаривала с тех пор, как они покинули Акацию. Если же она все-таки раскрывала рот, то говорила невыразительным, бесстрастным голосом, словно в окружающем мире не было ничего необычного.

Перемены начались ближе к вечеру третьего дня. Коринн вошла в гостиную, где дети по большей части проводили время, и обвела комнату мрачным взглядом. Мэна была искренне удивлена, когда Коринн подошла к ней, опустилась рядом с сестрой и устало вздохнула.

— Ты слышала? Один охранник рассказал, как двое людей пытались сбежать из города, но их заметили и «скрутили». А остальные солдаты засмеялись и сказали, что так им и надо. Как думаешь, что это значит?

— Наверное, это значит, что они были наказаны, — сказала Мэна.

— Разумеется! — Коринн фыркнула. — Ты всегда говоришь самые очевидные вещи. Как наказаны? Вот что я хочу знать.

— Я не всегда говорю очевидные вещи, — ответила Мэна, опасаясь, что раздражение сестры выльется в очередную ссору. На самом деле если кто-то и говорил банальности, то чаще всего сама Коринн.

Девушка издала тихий стон отчаяния.

— Здесь странно, Мэна. Все не так, как должно быть. И местные жители... не могу на них смотреть без содрогания. Они выглядят... они тупые, как будто у них мозги животных, а не людей. Я хочу домой. Я устала от неопределенности. Мне очень многое надо сделать.

— Например, что? — спросила Мэна, стараясь, чтобы в ее голосе сестра не уловила ни тени насмешки.

Похоже, удалось. Коринн искоса посмотрела на нее.

— Ты не поймешь.

На четвертый день слуга управляющего принес детям кубики, чтобы поиграть в крысиные бега. К тому времени Мэне уже надоело притворяться, будто она находит времяпрепровождение в пустом доме сколько-нибудь приятным. Как и Аливер, она считала дни и с нетерпением ждала новостей от Таддеуса, надеясь, что тот позволит им вернуться. Однако, когда от канцлера пришло первое зашифрованное послание, оно никого не обнадежило. Положение по-прежнему нестабильное, писал Таддеус. Детям следует оставаться там, где они есть. Канцлер обещал, что будет предупреждать о малейших изменениях, но не упомянул ни словом, что же произошло с тех пор, как они уехали. Никаких новостей о войне. Ни намек на то, какова ситуация.

Однажды Мэна заметила странную пелену на небе и испугалась, что ее дурные

предчувствия начинают воплощаться. В воздухе витали тени — странные текущие силуэты, похожие на тучи, парившие низко над землей. Глядя на них из окна своей комнаты, Мэна понимала, что они всегда были там. Просто раньше она не останавливалась, чтобы их рассмотреть. Дело было не в ненастной погоде, как ей казалось прежде, — в просветах между темными облаками виднелось ясное голубое небо. Как странно, подумала Мэна. Раз взглянув на эти тучи, она не могла отвести глаз. Они виделись девочке предвестниками зла — аморфные силуэты, которые могут превратиться во что-нибудь по-настоящему страшное, если смотреть на них слишком долго.

Проснувшись поутру, Мэна первым делом подошла к окну. Темные облака оставались на месте, и проступили четче и яснее и еще более сгустились к вечеру. Чем дольше Мэна изучала их, тем более убеждалась, что облака не просто плывут по небу, — они повсюду вокруг нее. Их частицы проникали даже в дом: висели в воздухе, оседали на горизонтальных поверхностях и в шероховатостях стен. Легкая пыль разлеталась от малейших движений воздуха. Крошечные кристаллики касались щек и ресниц. Мэна чувствовала, как першит в горле.

Она обратилась за разъяснениями к служанке, которая меняла постельное белье в ее комнате. Казалось, девушка вовсе не обрадовалась тому, что юная гостья с ней заговорила.

— Принцесса, это просто пыль. Она поднимается от рудников во время работы. Вот и все.

Мэна спросила, близко ли рудники, и служанка кивнула: как раз за холмами.

— Где же все рабочее в таком случае? До сих пор я не видела никаких признаков рудников.

— Вы видели призрак, он висит в воздухе. Да только на что вам сдались рудники-то?.. — отвечала девушка. — Рабочие? Может, там и нет рабочих. Я в этом ничего не понимаю.

Мэна задумалась, и служанка воспользовалась паузой, чтобы выскользнуть из комнаты. Странное поведение. Слуги не должны уходить, когда с ними разговаривают. С другой стороны, возможно, именно этот «побег» служанки и подвигнул Мэну на действия, которые она предприняла несколько часов спустя.

Девочка вышла из дома после наступления темноты, закутавшись в плащ, найденный в шкафу. Возле двери комнаты стояла охрана, но Мэна выбралась через окно во внутренний двор и выскользнула в ворота. Она не взяла с собой света, да и не требовалось: высоко в небе стояла луна. Нервно вздрагивая от каждого шороха, Мэна устремилась по тропинке, выложенной чем-то белым, прочь от дома.

Выше по склону холма, на дороге, нес вахту еще один охранник. Тени скрывали его, и Мэна притормозила, пытаясь понять, как он стоит и куда смотрит. Ветер доносил неприятный запах пота и немытого тела. Боясь, что ее заметят, Мэна оставила тропинку и пошла по траве, низко пригибаясь, нащупывая ладонями и ступнями неровности земли, которые могли помочь ей проскользнуть мимо охранника.

Сердце колотилось как бешеное. Мэне казалось, что она производит невероятное количество звуков — шелестит плащ, шуршит трава под башмаками, с громкими шорохами разбегаются грызуны, перепуганные ее приближением. Тем не менее девочка не останавливалась, с трепетом ожидая, что стражник вот-вот окликнет ее. Она слыхала, что ходить тихо — очень трудно, и солдаты марахи умеют улавливать любые необычности в ночных звуках. Интересно, кто это сказал? Мэна тяжело дышала, все тело ныло от непривычной согнутой позы, но на проверку побег оказался не таким уж и сложным делом. Она благополучно прошла мимо стражника и вернулась на главную дорожку. Ноги и руки, пальцы, мышцы вроде бы сами знали, что и как делать. Хотелось присесть и обдумать это, но нужно было достичь цели, и она решила не останавливаться.

Вверх по склону уходили лестницы. Мэна карабкалась по ним, согнувшись, хотя и понимала, что тут ее уже не заметят. Ступеньки кончались, упираясь в каменистую дорогу. По другую сторону поднималась крутая насыпь. Мэна полезла по ней, цепляясь за пучки

травы, и по дороге нарвала ее полные горсти.

Подъем занял лишь несколько минут. Насыпь была последним препятствием на пути к цели. Оказавшись наверху, девочка поднялась во весь рост. За насыпью должна была скрываться та самая вещь, которая вызывала ее любопытство. Причина ее ночного путешествия. И все же Мэна оказалась не готова к тому, что увидела.

Тихая ночь осталась за спиной, по ту сторону гребня холма. Луна исчезла; не было ясного неба, под которым она только что шла. Здесь над землей висело темное, постоянно меняющее форму облако. Под ним находился огромный провал, исполинекий кратер, простиравшийся во все стороны насколько хватал глаз. Непрерывный шум, лязг и грохот сливались в жуткую какофонию звуков. Мэна никогда прежде не видела и не слышала ничего подобного.

Она стояла на северной оконечности рудников Киднабана. Глядя на огромные ямы, похожие на сотни разъяренных ртов, Мэна почувствовала тот же ужас, который испытывала лишь однажды, в раннем детстве. Дура-нянька рассказала ей сказку о демонах, что жили в недрах огненной горы, кормились ее пламенем и крали из кроватей непослушных детей. Рудники Киднабана были похожи на страшную гору, какой представляла ее маленькая Мэна. Там и тут стояли сосуды с горящим маслом, накрытые стеклянными колпаками, и свет, преломляясь в гранях стекла, яркими лучами устремлялся к небу. В этом свете Мэна снова заметила множество перекрещивающихся диагональных линий, какие видела у мыса Фаллон. Однако теперь они были ближе. Линии словно бы шевелились, и поначалу Мэна решила, что это просто игра света и тени. Она ошибалась.

Линии оказались лестницами и балками, рельсами для вагонеток, пандусами, поднимавшимися ярус за ярусом. По ним двигались люди. Сотни людей. Отсюда Они казались такими маленькими, что трудно было различить их по отдельности. Они выглядели как единый поток, как муравьиная дорожка, если смотреть на нее издалека — будто одно длинное шевелящееся существо. Мэна решила, что их больше, чем несколько сотен. Скорее уж тысячи. Десятки тысяч. И даже это могло быть лишь малой частью от общего количества. Мэна понятия не имела, как огромны рудники и сколько людей находится вне ее поля зрения.

Она немного передвинулась и соскользнула вниз, на другую сторону, через гребень холма. Здесь легла на живот, глянула вниз и окаменела, увидев, что творится прямо под ней. В двадцати — тридцати футах ниже проходила дорога, вырезанная в камне. Она была заполнена рабочими. Люди несли на плечах мешки и еще какие-то предметы. Их кожа и одежда были одинакового черно-серого цвета, и лишь масляные лампы бросали на толпу оранжевые отсветы.

Немного дальше к югу стояла башня, приземистая и массивная; крыша, напоминавшая шляпку гриба, была украшена позолоченной эмблемой Акаранов. Мэна увидела символ своей семьи — силуэт акации на фоне желтых солнечных лучей. Ее символ... Привычная картинка, знакомая с раннего детства.

Под крышей виднелся балкон, заполненный людьми. Глядя на юг из-за края выступа, Мэна заметила еще одну сторожевую башню, и еще одну, и еще. Они стояли, должно быть, по всему периметру огромного кратера. Люди на балконах были охранниками, надзирателями. Мэна видела, что многие из них держат в руках луки со стрелами, наложенными на тетиву. Не то чтобы это удивило Мэну: преступников надо охранять. Но их было так невероятно много! Башни стояли повсюду. Самые далекие из них виделись смутными силуэтами на горизонте. Крошечные люди в кратере не имели ни малейшей возможности сбежать. Все, что им оставалось, — работать, работать и работать. Бесконечно.

Мэне надоело осматривать огромные пространства рудников. Они расплывались перед глазами, и Мэна сосредоточилась на том, что располагалось прямо под ней. Глядя на рабочих, девочка ощутила смутную тревогу. Изможденные люди шли с опущенными головами. Никто не разговаривал друг с другом. Никто не поднимал глаз к небу. Мало-помалу Мэна сумела разглядеть черты лиц людей, их исхудавшие тела и острые ключицы,

едва прикрытые кожей. Теперь казалось, что рабочие совсем близко, и Мэна внезапно поняла, что напугало ее более всего. Дело было не в их количестве, не в унылом виде и даже не в том, какими маленькими и уязвимыми они выглядели по сравнению с исполинскими ямами. Среди рабочих Мэна увидела детей. Каждый третий или четвертый человек в цепочке был ребенком не старше ее самой. Некоторые — не выше Дариэла.

Она попятилась. Хотелось как можно скорее вернуться назад, к свежему ночному воздуху. Мэна сделала несколько шагов вниз по склону и остановилась. Нет, сейчас нельзя возвращаться в дом: все эмоции наверняка написаны у нее на лице. Ясно, что мир совсем не таков, каким его нарисовали для нее. Она подумала об отце, вспомнила, как он бывал порою печален. Не поэтому ли? Мэна видела акацийские рудники. Рудники ее отца. Ее семьи. Эти люди, эти дети... они работали на нее. Демоны, крадущие малышей из кроваток, существовали на самом деле. Они приносили их сюда, и дети изнемогали в тяжком труде — ради блага Акранов. Может быть, та няня, что рассказала страшную сказку, знала об этом? Может быть, именно поэтому она считала себя вправе пугать маленькую принцессу, дразнить ее и портить ее сны?..

Мэна вернулась домой как раз вовремя. Едва она успела войти в свою комнату и скинуть плащ, как громкий стук в дверь нарушил предрассветную тишину. Надо уходить отсюда, сказал незнакомый голос из-за двери. Бросать все и уходить немедленно.

— Принцесса, от этого зависит ваша безопасность.

Почему Мэна не узнала голос? Он не принадлежал никому из охранников, слуг или людей Креншала. И все же она была уверена, что человек говорит искренне. Ей грозит опасность! Мэна вновь схватила плащ и оглядела комнату, думая, не приказать ли, чтобы собрали вещи. Может, спросить у человека за дверью? Однако выйдя в коридор, Мэна не сказала ни слова. Она была готова идти как есть. Взъерошенная, порозовевшая от ночной прогулки, с одним-единственным плащом, перекинутым через руку. Просто готова.

Мэна не знала, что, выйдя в дверь, навсегда оставляет прежнюю жизнь за спиной. Она не представляла, что на много лет расстанется с братьями, сестрой и всеми, кого знала до этого момента. Принцесса и вообразить не могла, что шаг за порог уведет ее в темноту — прочь от привычного мира, от дома, от страны, семьи и даже собственного имени. В другую жизнь.

Книга вторая Изгнанники

Глава 28

Едва ли на всем белом свете нашелся бы хоть один человек, который узнал бы путника, что шагал сейчас по грязной дороге, ведущей к горному городку Пелос. Запах коз и конского пота намертво въелся в его одежду, под ногтями застрял засохший куриный помет, в спутанных волосах и бороде торчали стебли соломы. Его дыхание пропахло вином. Этот человек ухаживал за лошадьми в городской таверне. Подходящая работа для оборванца — несложная, а вдобавок частенько можно передохнуть и приложиться к бутылки с вином. Этот конюх мало походил на себя былого. Он больше не пользовался своим настоящим именем, хотя иногда бормотал его вслух, словно боясь позабыть.

Вечером путник остановился на утесе, как раз рядом с тропинкой. Перед ним расстился горный пейзаж — скалы и провалы, озаренные бледным светом луны. Ключья тумана скользили над каменистыми равнинами, похожие на огромных призрачных слизней, каких можно в великом изобилии увидеть в лесу после дождя. По дальним холмам двигалась желтая точка света. Может, там проезжал торговец с фонарем, зажженным для защиты от духов. Горные жители были суеверным народом, боявшимся ночи и ночных тварей. Конюх из таверны не понимал этих страхов. В какой-то мере он даже хотел, чтобы его задрал

белранн или уволок лесной упырь. Такая смерть, думал человек, почетнее его нынешней жизни. Существование в реальном мире более не имело для него смысла. И если бы налетела гигантская росомеха и откусила ему голову, человек пожалел бы разве что о потере призрачной страны своих грез.

Конюх уже собрался вернуться на тропу и отправиться к хижине, которую называл домом. Он ощущал голод — того особого сорта, который ни с чем нельзя было спутать. Прежде чем уйти, человек прошептал:

— Лика Алайн. Я Лика Алайн. Я не умер. Меня не убили.

Лика Алайн, некогда генерал самой беспокойной провинции Акации. Теперь... Кто он теперь? Вот уже несколько лет он вел бесцельное, бессмысленное существование. Лика Алайн сражался на севере. Он выжил в бойне, учиненной нюмреками, — единственный из всего отряда. Пережил лихорадку и в одиночку прошел долгий путь по заснеженным равнинам, преследуя врага. Теперь все это в прошлом. Его усилия ни к чему не привели. Алайн считал, что выполняет важную и опасную миссию, но он ошибался. Девять лет назад он спустился с Мефалийского Предела верхом на шерстистом рогатом звере, полагая, что несет в Акацию важные вести... и обнаружил, что империя погрузилась в пучину войны. Король мертв. Ошени разорена нюмреками. Племена Кендовии под предводительством Маэндера Мейна подняли мятеж, а вся акацийская армия заражена страшной болезнью, которая сделала ее совершенно беспомощной. Хэниш без боя победил на Алесийских полях. Лики не было возле Алесии в те дни; он прибыл вскорости — и увидел тысячи гниющих тел, объединенных падальщиками и облепленных мухами.

Несколько недель вся империя была охвачена войной. С полей Алесии она пришла в каждый город, каждый дом, двор и храм. Казалось, яростная злоба мейнцев не угаснет до тех пор, пока последний акациец не попробует их стали. Провинции, убоявшись подобной судьбы, переходили на сторону Мейна.

Кланы Кендовии сплотились под его властью. Сенивальцы оказали вялое сопротивление и быстро сложили топоры. Архипелаг Вуму запросил мира после первого же направленного на него удара. А в Ошени и вовсе некому было воевать. Сильная, сплоченная империя развалилась на глазах, и это подкосило Алайна. Казалось, все столетия власти над Изученным Миром ничего не значили. Хваленая «процветающая» империя превратилась в руины. Пала под ударами, развалившимися ее изнутри.

Лишь Талай, богатый ресурсами и обширными землями, сопротивлялся Мейну еще долго после падения Акации. Остались ли они верны империи или просто дрались за свою независимость? Талай мог просто отречься от Акации, как поступили остальные, однако продолжал войну. Алайну было все равно почему. Талайцы сражались с Хэнишем Мейном и ордами нюмреков — вот и все, что имело для него значение. Генерал присоединился к ним. В особенности его прельщала возможность сразиться с нюмреками.

Многие полагали, что нюмреки не уйдут далеко от своих северных регионов. Казалось, они плохо приспособлены даже к умеренному теплу Ошени. Однако, прибыв в Талай, нюмреки скинули меховые плащи и вышли под солнце, сверкая снежно-белой кожей. Теперь, когда ничто не скрывало их мускулов и длинных конечностей, они выглядели еще более жуткими. После нескольких дней, проведенных под жарким солнцем Талая, кожа нюмреков трескалась и расползалась, как мясо над углями. Во время первой битвы они выглядели так, словно прошли сквозь пламя. Пласты кожи сваливались с их тел, а волосы вылезали клочьями. Разумеется, думал Алайн, нюмреки не пойдут дальше. Красные, ободренные до мяса, сочащиеся сукровицей — они просто не выживут... Он снова ошибся.

Нюмреки сражались как безумные. Они выглядели хуже иссеченных трупов, которые усеивали поле боя, но они стояли. Несколько недель спустя их кожа выросла заново и потемнела. Она тоже шелушилась и отслаивалась, но не так сильно, как в начале. Наконец нюмреки полностью исцелились. Южное солнце более не причиняло им вреда. Теперь они ходили обнаженными, за исключением юбки, которые носили и мужчины, и женщины. К ужасу отступающих талайцев, враги вышли в поле здоровыми и сильными, играя мускулами

под медной кожей. В ночь летнего солнцестояния они танцевали, славя длину дня и силу солнца. Возникло новое предположение: морозные пустоши не были родиной нюмреков. Очевидно, их раса изначально жила в тропиках. Возможно, некогда нюмреков изгнали на север, и лишь теперь они вернулись в любимый климат. Племена Талая отступали, отдавая свои земли кусок за куском.

Люди говорили, что Хэниш Мейн намерен уничтожить под корень все, что только имеет отношение к Акации. Злобные Тунишневр требовали стереть с лица земли даже память о народе, который завоевал Мейн. Однако, когда война закончилась и воцарился мир, Хэниш начал заботиться о сохранении империи, действуя на удивление разумно и рассудительно. Он не изничтожил акацийскую архитектуру. Оставил Алесию, Мэнил и Аос в первозданном виде и не тронул ни единого здания или скульптуры на самой Акации. Пострадали только статуи Тинадина, которые Хэниш велел свалить и разбить на куски. Он вынул из внешней стены Алесии черный камень с гор Скейтвита, перевез его во дворец на Акации и поставил как памятник на то место, куда некогда складывали дары Эдифусу и Тинадину. С другой стороны, Хэниш наводнил дворцы Акации собственными людьми и привез мейнские реликвии. Он накрыл акацийскую культуру тонким слоем мейнской и не возражал против их смешения. Вместо того чтобы окончательно разрушить акацийскую систему управления и торговли, Хэниш приспособил их для собственных целей.

Все это отнюдь не утолило пылающей ненависти Алайна, но он больше не мог сражаться. Все его союзники погибли, или сложили оружие, или исчезли в неизвестном направлении. Враги больше не воевали, а восстанавливали империю, укрепляли ее и учились распоряжаться новыми владениями. Если бы Лика знал, во что превратится его жизнь, он бы вырезал себе кишки собственным мечом. Но тогда он знать этого не мог. Один день перетекал в другой, бывший генерал не находил себе применения и мало-помалу терял смысл существования.

Бродя по империи, Алайн утратил уважение к воинским регалиям: куртка давно была продана за еду, кинжал — за вино, шлем потерялся, походный мешок стал добычей вора. Через некоторое время бывший генерал уподобился множеству других измученных войной ветеранов. Потасканный, неряшливый, растерянный, немолодой уже человек, он явно не представлял угрозы для мейнской армии, которая теперь контролировала большую часть Изученного Мира. Лика Алайн всегда любил выпить. Раньше он с наслаждением смаковал дорогие вина; теперь хлестал в два горла дешевый алкоголь. Алайн мог бы умереть под забором смертью пьяницы и радоваться такому исходу. Однако, как ни смешно, от алкоголизма его спасла... другая зависимость.

При мейнцах миста в империи стало еще больше, чем во время правления Акранов. Он был повсюду, привычный как вода или хлеб, дешевле кендовийского вина. Лика взялся за трубку одним тоскливым вечером, когда не сумел добыть бутылку. Какое потрясающее открытие! Вдохнув дым, генерал понял, что ошибался: война не закончена. Он — демон кровавой кары. Он убивал нюмреков прежде и сделает это снова. Генерал лежал на спине и видел прямо над собой картины, нарисованные на ночном небе. Вот он шагает по Ошени, держа по мечу в каждой руке. Мир не видывал подобных ему уже много столетий. Алайн шагнул в грезы и оказался в настоящем, невыдуманном мире. Он ощущал землю под ногами и вдыхал в легкие воздух. Он прошел тысячу миль и сражался, пока его лицо не стало красным от крови нюмреков. Руки словно срослись с мечами, сталь была частью его тела. Он убил бесчисленное множество врагов. Он нес священное возмездие и собирал кровавую дань...

...Утром Лика со стоном очнулся от видений — стареющий оборванец, а никакой не герой и не великий воин. Алайн мог отринуть наркотик и проклясть его за обман, но пары миста все еще дурманили мозг, и казалось, что в ночных грезах заключена истина. Навешиваемые мистом видения были яркими, четкими, осязаемыми — настоящими, как жизнь.

Закон запрещал людям использовать мист в дневное время, в рабочие часы. Нарушителей заключали под стражу и отбирали наркотик — наказание, которого боялись все. Впервые за долгое время Лика примирился со своим нынешним существованием. Днем

он заливал в себя добрую порцию вина и ухаживал за лошадьми, чтобы заработать несколько монет и купить мист который скрашивал ночные часы. Подобно миллионам трудяг, Алайн не замечал, что происходит вокруг, не думал, во что он превратился. Трудно было сказать, в какой момент он попал в полную и безраздельную зависимость. Мист стал его хозяином и господином. Лика больше не верил ни в какого бога и посвятил себя новому служению.

Именно об этом он размышлял, возвращаясь вечером к своей хижине. Незадолго перед тем он купил пакетик миста и шел, лаская пальцами длинные ломкие нити. Поскорей бы добраться до хижины! Можно будет набить трубку и вдохнуть...

Алайн замер на полушаге. Ему почудилось чье-то дыхание в темноте.

— Прошу прощения, — донесся голос, — я не хотел вас пугать.

В тени перед хижинкой что-то зашуршало, и подлунный свет вышел человек. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо, но незнакомец развел руки в стороны, показывая, что не имеет дурных намерений.

— На самом деле это вы меня напугали. Подошли так тихо...

Голос звучал успокаивающе и миролюбиво, однако бывший генерал не любил людей в капюшонах. Особенно тех, кто выходит из ночной темноты и загораживает ему дорогу. И он всем видом продемонстрировал это незнакомцу.

— Вы Лика Алайн? — спросил человек.

Вопрос застал генерала врасплох. В первый миг он подумал, что пришелец слышал его бормотание на скале. Лика поспешно спрятал нити миста в карман.

— Вы Лика Алайн? Командующий акацийской армией в Мейне? Лика Алайн, которого иногда называют Оседлавшим Зверя?

Человек говорил по-акацийски очень чисто, как уроженец острова. Лика давным-давно не слышал совершенной речи. Кто мог говорить такие слова на таком языке? Очевидно, только убийца, который хотел быть уверен в своем предположении, прежде чем расправиться...

— Вы — Лика Алайн, первый человек, убивший нюмрека?

— Нет, — сказал генерал на местном диалекте. — Вы ошиблись.

Фигура в капюшоне не сдвинулась с места. Она походила на статую, наполовину слившуюся с ночными тенями. На миг Лика подумал: может, у него галлюцинации? Может, эта статуя всегда тут стояла, а он не обращал внимания? Или, возможно, никакой статуи не было вообще, а жаждающее миста сознание просто сыграло с ним злую шутку?..

Однако незнакомец снова заговорил:

— Жаль, очень жаль. Мне нужен Лика Алайн. Видимо, я ошибся. Простите, что потревожил. Позвольте предложить вам кое-что... маленькую компенсацию за беспокойство. Вот...

Человек выпростал из-под плаща руку. В воздух взлетела маленькая монетка. Она вертелась и мерцала, вспыхивая лунным светом. Лика невольно проследил за ней взглядом. Старый воровской трюк — но он попался. Впоследствии Лика не мог точно сказать, заметил ли он движение человека. Одно определенно: он ощутил удар в живот. Что-то твердое врезалось в него с такой силой, что едва не пробило насквозь. А в следующий миг Лика почувствовал укол в шею. Боль вспыхнула на миг и тут же угасла. И вместе с ней угасло сознание.

Алайн открыл глаза. Он отчетливо помнил человека в тенях, его голос, подброшенную монетку и удар в живот. Несколько секунд генерал лежал, размышляя обо всем этом. Мало-помалу взгляд прояснился, и Лика понял, что смотрит на грубые балки потолка. Их освещали мерцающие отблески огня из очага. Лика хорошо знал этот потолок — каждую неровность в нем, сучок в одной из балок, кружево старой паутины в углу. Он лежал в своей хижине, на собственной койке, созерцая знакомый потолок. Что все это значит?..

Фигура в плаще склонилась над ним.

— Ты солгал мне, Лика Алайн. Не скажу, что удивлен. Сейчас не то время, чтобы

запросто разговаривать с чужаками... Только вот врешь ты неубедительно.

Человек взял свечу и поднес к лицу. Лица ошарашенно воззрился на незнакомца. Он увидел старого человека с кожей, морщинистой словно древесная кора. Его волосы были седые, редкая борода заплетена в косички на сенивальский манер. Если тело подходит к лицу, оно должно быть слабым и тщедушным. Нищий бродяга, жалкий человеческий обломок... Как же этот хлюпик сумел уделать генерала?

Человек, казалось, прочитал его мысли.

— На самом деле я не такая уж развалина, какой кажусь. Равно как и ты. Хотя в честной драке у меня не было бы шансов против тебя. То, что здесь случилось... пусть это не задевает твоей солдатской гордости. — Он помедлил секунду. — Посмотри повнимательнее, Лица Алайн. Скажи, узнаешь ли ты меня. Мы ведь встречались прежде — в другое время, в другой жизни...

Лица повиновался, посмотрел повнимательнее. И обомлел.

— Канцлер! Таддеус Клегг.

Старик улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Для тебя не все еще потеряно.

Глава 29

Коринн Акаран наконец признала, что в мейнских женщинах есть, пожалуй, некая своеобразная красота. Она размышляла об этом, едучи по горной тропе, что извивалась серпантинном, уводя все выше и выше, к Небесной Скале. Мейнки могут быть привлекательными; нужно лишь привыкнуть к резковатым чертам. Все мейнцы имели примерно одинаковый тип внешности, но жесткие, четко очерченные лица, которые казались такими красивыми у мужчин, были неуместны для женщин. Во всяком случае, так полагала Коринн до последнего времени. Лишь недавно она поняла, что, глядя на мейнок, всегда сравнивала их с собой. Теперь, когда Коринн ехала по тропе в компании молодых мейнских женщин, ее мысли вновь вернулись к этой теме.

Все началось с приказа. Хэниш Мейн, сообщил посланник, желает, чтобы принцесса Коринн проводила больше времени с его кузиной Репной и другими знатными женщинами из Мейна. Посланник сказал «желает», но они оба знали, что слово «требуется» более уместно в данной ситуации.

Хэниш назвал Коринн принцессой. Все называли ее принцессой, хотя, по сути дела, она была пленницей на острове, некогда принадлежащем ее отцу. Коринн жила среди людей, которые убили отца, обратили в руины Акацийскую империю и уничтожили род Акран. Она ходила по коридорам, знакомым с детства. Она видела в окнах привычные пейзажи — нижний город и море. Вечерами часто ужинала за огромным столом в центральной зале. Но она более не была в кругу семьи. Другие люди заняли фамильный дворец. Молитвы читали на другом языке и славил богов другого пантеона — странного, злобного, суть которого Коринн так и не поняла. Ее жизнь балансировала на грани между «тогда» и «теперь». Нынешняя реальность перемешивалась с воспоминаниями. Коринн не знала, есть ли на земле еще хоть один человек, который оказался в подобных обстоятельствах.

Нынче днем Ренна ехала на гнедом коне, которого, должно быть, подобрала нарочно, чтобы он подходил к ее наряду. Ренна надела приталенную кофту в пастельно-голубом и бежевом тонах и разрезную юбку. Все вместе могло показаться платьем, когда Ренна стояла, но неизбежно разъезжалось, если она садилась верхом. Бледная, тоненькая девушка с далеко не идеальными чертами, которые, к счастью для нее, довольно удачно комбинировались, так что ее лицо можно было назвать приятным. Волосы Ренна заплетала в косы, и вначале Коринн стоило некоторого труда отличить ее от мужчины.

В первые годы оккупации мало кто из мейнок покинул Тахалиан и переселился на Акацию. Мейнцы предпочитали держать своих женщин взаперти. Они не любили смешиваться с другими народами, и трудно было придумать для женщины более страшный

грех, нежели дать жизнь полукровке. Равно мейнцы не пришли в восторг, когда жительницы завоеванной империи начали рожать белокожих, сероглазых детей с тонкими чертами лица. Но тут уж ничего нельзя было поделать. Хотя мейнцы на все лады расхваливали своих женщин, им явно нравились мягкие лица и оливковый оттенок кожи акациек — пусть даже они и говорили, что равнодушны к их прелестям. Поговаривали, что даже Маэндер Мейн наплодил толпу ублюдков. Постепенно все больше мейнских женщин спускалось с гор вслед за мужьями и любовниками. Среди них были и знатные дамы, и подруги простых солдат, которые, впрочем, теперь вели непривычно роскошную жизнь.

Ренна приехала в Акацию лишь несколько месяцев назад, однако уже адаптировалась к местным условиям жизни. У нее был красивый голос — высокий и нежный, чудесно подходивший для акацийского языка.

— Хэниш считает тебя очень красивой, — сказала она. Ренна носила шляпу с широкими сетчатыми полями, которые защищали ее от солнца. Из-под этой сетки она робко взглянула на Коринн. — Хотя ты, наверное, и сама знаешь. Ты понимаешь в мужчинах больше, чем я, да?

— До сих пор я понимала не так уж много, — ответила Коринн. Ее мало интересовали романчики и придворные интриги. Начать с того, что это был не ее двор. Вдобавок такие вещи напоминали Коринн о потерях. И все же, помимо своей воли, она спросила: — С чего ты взяла, что Хэниш считает меня красивой?

— Ну, это очевидно, принцесса, — откликнулась Ренна. — Он глаз с тебя не сводит. На летнем празднике он танцевал только с тобой.

Другая девушка, подруга Ренны, поддержала ее. Потом обернулась в седле и глянула на четырех молодых мейнок, ехавших следом. Все дружно закивали.

Коринн фыркнула.

— Да уж, на том празднике никто с меня глаз не сводил. То-то, должно быть, потешались, глядя, как я спотыкаюсь через два шага на третий. Попробовал бы Хэниш отвернуться — я б ему все ноги оттоптала. Ваши танцы для меня — темный лес.

Принцесса уже не первый раз пыталась отвергнуть комплименты Ренны, но та не уставала выражать восторг. Коринн наконец замолчала, признав поражение в словесной баталии. До войны ею восхищались мужчины и женщины гораздо более изысканные и утонченные, чем любая из этих девчушек. Коринн хорошо знала, какое место она занимает в нынешнем мире. А вот молодые мейнки вряд ли это понимали, и вряд ли они хотя бы догадывались о фальши, которая сопровождала их отношения с принцессой Акаран. Коринн знала, что она — боевой трофей, выставленный на обозрение для удовольствия Мейна и в назидание подданным нового короля. «Смотрите! Вот неоспоримое доказательство, что империя, существовавшая здесь до Мейна, побеждена. Смотрите, Акараны сидят за нашим — нашим! — столом. Поглядите на эту женщину. Оцените ее изысканные манеры, красоту, изящество. Вспомните, как могущественны были Акараны, и как они слетели с трона, были приручены и стали нашими домашними питомцами...»

Коринн вела роскошную жизнь. Она обладала массой привилегий. И все же чувствовала себя игрушкой. Вещью. Собственностью, принадлежащей всем мейнцам сразу — даже этим юным женщинам, которые расточали ей комплименты.

Девушки приблизились к Небесной Скале. Порыв ветра донес до них запах птичьего помета. Одна из мейнок прикрыла нос ладонью и спросила, действительно ли так необходимо ехать дальше. Не обратив на нее внимания, Коринн двинулась вперед. Любое пренебрежение к Акации оскорбляло ее, даже если речь шла всего лишь о морских птицах. Остров цвел всеми красками лета, трава на холмах отливала золотом. Лишь колючие короны акаций исчезли бесследно — деревья вырубili по приказу Хэниша в первые годы его правления. Еще один символ победы над империей. Еще одно действие, которое Коринн никогда не простит Хэнишу Мейну...

В ближайшее время начнется засушливый сезон, и на холмах запылают пожары. Столбы черного дыма потянутся к небу, и хищные птицы закружат над выжженными

пятнами, похожими на раны земли. Коринн поведала об этом своим спутницам, сказав, что скоро придется осторожно выбирать время для прогулок. Случалось, люди, застигнутые быстро вспыхнувшим пожаром, сгорали на месте... Девушки слушали Коринн в благоговейном молчании, должно быть, воображая огненные вспышки, способные сжечь человека дотла. Жуткая мысль для людей, живших в стране девятимесячной зимы, где — как говорил Игалдан — снег мог выпасть даже в середине лета. Коринн нравилось, что мейнки страшатся особенностей острова, знакомых ей с детства. С другой стороны, такие мысли всегда вызывали у принцессы печальные воспоминания. Игалдан... Коринн старалась не думать о нем. Она так близко подошла к большой любви — а кровожадные безумцы отобрали ее...

К тому времени как девушки добрались до Небесной Скалы, поднялся ветер. Стоя на краю утеса, Ренна и ее придворные дамы цеплялись за свои шляпки, чтобы они не улетели в море. У Коринн не было подобных проблем. В отличие от мейнок, чья кожа краснела и шелушилась, Коринн под жаркими лучами солнца становилась только краше. Так что принцессе не требовался головной убор, и она с затаенной улыбкой наблюдала за страданиями спутниц. Ее веселье, впрочем, не продлилось долго.

— Смотрите, — сказала одна из девушек, — Ларкен возвращается из Талая. Вон его корабль.

Секунду спустя Коринн заметила судно. У него были красные паруса с эмблемой из двух перекрещенных кирок — герб, пожалованный Ларкену Хэнишем за его службу во время войны. Паруса парили над волнами, быстро приближаясь к острову, и при виде этого полыхающего алым цветом корабля Коринн ощутила прилив ярости.

Ларкен... Стоило подумать о нем, и принцесса вспоминала о своем позорном пленении. Именно Ларкен постучался в дверь ее комнаты в Киднабане девять лет тому назад. Он стоял перед ней — высокий, красивый, ладный в одеждах мараха. Ларкен говорил серьезно и спокойно, и, несмотря на грозящую опасность, это спокойствие передалось Коринн. Его послал Таддеус Клегг, сказал Ларкен. Канцлер поручил ему отвезти принцессу в безопасное место. Только ее. Об остальных детях позаботятся другие солдаты, поскольку все они направляются в разные стороны. Всем четверым нельзя долее оставаться в одном месте. Таддеус и король Леодан придумали план, который теперь нужно претворить в жизнь. Ларкен показал принцессе бумагу с подписями и печатями, подтверждавшую его слова. Коринн узнала отпечаток перстня Таддеуса.

— Надо идти, — сказал Ларкен. — Верьте мне. Если потребуется, я отдам за вас жизнь.

Коринн очень хотелось поверить ему. Теперь она изумлялась — как можно было просто уйти, не поговорив с братьями и сестрой? Коринн заикнулась об этом, но Ларкен ее отговорил. Агенты Хэниша Мейна уже на пути к Киднабану, сказал он. Предатели повсюду. Даже их гостеприимному хозяину, управляющему Креншалу, больше нельзя доверять, и поэтому они должны бежать. Немедленно. Время работает против них. Остальные дети уже отправились в путь. Они вновь соберутся все вместе через некоторое время, но сейчас надо идти. Выбора нет.

Ларкен был любезен и учтив. Умелый, сильный, решительный, он точно знал, что делать, а Коринн нужно было просто следовать его инструкциям. Она повиновалась и шагнула за своим спасителем в незнакомый мир. Они вышли из дома управляющего, проскользнули по темным улочкам Кролла и оказались в порту. Здесь уже ждал шлюп, который Ларкен твердой рукой направил в открытое море. К тому времени, как поднялось солнце, они обогнули мыс, и Кролл исчез из поля зрения. По пути Ларкен подробно объяснял Коринн, куда они направляются и что намерены делать дальше. Оставив Киднабан за кормой, шлюп полетел к мысу Фаллон. Вечером того же дня Коринн и Ларкен прибыли в тихий маленький городок Данос. Принцесса окончательно выбилась из сил и полностью положила на своего умелого спутника.

Ларкен объяснил, что в Давосе им надо встретиться с другим агентом Таддеуса. Только он знает, куда двигаться дальше. Это надежный человек, и ему можно полностью доверять.

Агент так бурно и радостно приветствовал Коринн, что она смутилась. Странное чувство, доселе ей неведомое.

— Здесь мы в безопасности, — сказал агент, когда они шли по ночному городу. — Наша встреча содержалась в полнейшей тайне. Только я читал распоряжения канцлера. Подготовка к каждой стадии вашего путешествия производилась отдельно, так что никто, кроме меня, не знает всех деталей. Так велел Таддеус, и я четко выполнил его указания. Поверьте мне, принцесса Коринн, худшее позади.

— Никто не знает о нашем прибытии? — спросил Ларкен. — Ты уверен?

Агент мог поклясться в этом своей жизнью и жизнью своих детей. У него на руках имелись все необходимые бумаги, которые требовались, чтобы продвигаться дальше. Агент знал все инструкции, пароли и явки. Им предстоит, сказал он, направиться в Кендовию. Там есть верные Акаранам люди, которые приютят Коринн и предоставят надежное убежище. Хэниш Мейн ни в жизнь ее не найдет, ищи он хоть сотню лет.

Казалось, Ларкен был удовлетворен, и некоторое время они просто шли по улицам. Агент тараторил без умолку. Его огорчала ситуация в империи, он сожалел о смерти Леодана, рассказывал Коринн о предстоящем путешествии и клялся, что скоро все будет улажено. Коринн хотелось, чтобы агент замолчал и, одновременно, чтобы он говорил дальше. Она боролась с желанием вцепиться в него и крепко держать до тех пор, пока мир не вернется к своему нормальному состоянию. Никогда прежде Коринн не чувствовала такой необходимости быть рядом с людьми. Теперь ей хотелось оставить Ларкена и вверить свою жизнь их новому спутнику.

И тем сильнее ошарашило принцессу то, что случилось потом. Едва они свернули за угол и оказались в темном закоулке, как Ларкен что-то прошептал. Человек Таддеуса резко обернулся к нему, будто услышав предостережение. Он так и смотрел на Ларкена, когда тот шагнул вперед, чем-то взмахнул и ударил спутника по лбу. Агент замер на месте, точно прикипев к земле, пока убийца не отдернул руку. Обмякшее тело повалилось на мостовую. Лишь теперь Коринн увидела, что Ларкен держит в руке маленький топорик, который прежде висел у него на поясе.

— Ни звука. — Ларкен крепко взял Коринн за локоть. — Имейте в виду: если вы закричите, мне придется утихомирить вас весьма болезненным способом. — Он протащил ее по нескольким ступеням и выволок в переулок. — Так надо, принцесса. Не вините меня... или его. Мы все актеры в драме, которая больше нас самих. Идемте. Путешествие еще не закончилось.

— Что... что вы делаете? — выдохнула Коринн, безуспешно пытаясь высвободить руку. — Куда вы меня ведете?

Впервые Ларкен проигнорировал ее вопрос. Никакого вежливого ответа. Никакого быстрого, но внятного объяснения. Он просто вел Коринн за собой. В укрытие, да. Однако совсем не в то, которое приготовил для нее отец. Как выяснилось впоследствии, Ларкен не был ни верным человеком канцлера, ни тайным агентом Мейна. Он притащил Коринн в старую заброшенную лачугу и здесь ожидал окончания войны, чтобы продать принцессу тому, кто победит. Домик прятался в холмах неподалеку от Даноса на обрывистом, заваленном валунами берегу реки, куда люди приходили редко.

Так прошло много дней. Коринн и ее похититель редко общались, и после каждого разговора Коринн ругала себя за то, что вообще раскрыла рот. Ларкен кормил принцессу и, как мог, заботился о ней. Время от времени он уходил в Данос, каждый раз крепко связывая Коринн. А вернувшись, пересказывал ей новости, так что принцесса знала о событиях войны. Вдобавок Ларкен поведал Коринн ужасные вещи о грязной изнанке Акацийской империи. В то время принцесса отказывалась верить ему, хотя теперь понимала, что все было правдой. Все до последнего слова.

Коринн Акаран вышла из хижины другим человеком. Не было больше наивной девочки, верившей в чистоту и порядочность людей. Коринн поклялась, что никто и никогда больше не поймает ее в ловушку. Она никому не будет доверять. Она никогда не будет

любить. Ни один человек не убедит ее в своей доброте. Коринн многое узнала об истинной сущности мира и дала себе слово, что найдет способ выжить в нем.

Через два месяца после похищения Ларкен передал принцессу в руки Хэниша Мейна, тем самым обеспечив себе привилегированное положение в новой империи. А Коринн оказалась при мейнском дворе, где и жила по сей день — вот уже девять лет.

На обратном пути она не проронила ни слова. Женщины вернулись во дворец через боковые ворота. Светловолосые охранники со смехом предложили им назвать пароль. Они шутили и весело болтали с девушками, но Коринн терпеть не могла эти игры. Принцесса еще больше расстроилась, узнав, что за воротами ожидает посланник Хэниша Мейна. Он сообщил, что Хэниш желает видеть ее нынче вечером. Коринн мысленно застонала. Она собралась было ответить, что больна и хочет уединиться в своих покоях, но тут ощутила на себе взгляды девушек — восхищенные, завистливые и любопытствующие. Ладно. Не имеет значения, что она хотела сказать. Коринн молча выслушала посланника и равнодушно пожала плечами.

Стоя в коридоре перед дверью в покои, которые принадлежали когда-то ее отцу, Коринн попыталась успокоиться. Пусть румянец сойдет со щек, сердцебиение вернется к нормальному ритму, а лицо станет холодным и бесстрастным. Хэниш Мейн вызывал у нее странное чувство, от которого Коринн всеми силами старалась избавиться. В этом ей обычно помогали воспоминания об их первой встрече. Тогда Коринн называла имя Игалдана, сказав, что принц не допустит ее пленения. В ответ Хэниш ухмыльнулся.

— Игалдан? Ошенийский щенок? Так вот о ком вы думаете? Ладно, я понимаю, он был видный парень. Да еще, кажется, поэт. Ну так знайте, что он загубил свою армию на поле боя. Они все погибли... довольно поганой смертью. Игалдан, дорогая принцесса, покрыл свое имя позором. Впрочем, если желаете, можете помнить его таким, каким он вам больше нравится. Вы, акацийцы, умеете притворяться.

Никогда прежде Коринн не испытывала к человеку подобной ненависти. В тот момент Хэниш показался ей омерзительным, жестоким, грубым, гадким. Теперь ей приходилось прилагать немалые усилия, чтобы помнить об этом. Слишком часто, глядя на Хэниша, она испытывала совсем другие эмоции...

— Коринн? — донеслось из-за двери. — Принцесса, я знаю, что вы в коридоре. Входите. Давайте поговорим немного. Я узнал кое-какие новости. Думаю, вам будет интересно.

Эта его манера тоже несказанно раздражала Коринн. Казалось, Хэниш имел нечеловечески острые чувства. Она толкнула дверь и перешагнула порог. Хэниш сидел за столом ее отца, держа в руке веер бумаг и теребя одну из своих косиц — ту, которая указывала число людей, убитых в танце мазерет, столь любимом мейнцами. Хэниш поднял голову и улыбнулся ей. Коринн мгновенно разозлилась на него за эту улыбку — потому что она озарила лицо Хэниша и подчеркнула красоту его глаз. Эти проклятые глаза! Они неотвратимо притягивали к себе взгляд Коринн; они будто светились изнутри, мерцали, как серые звезды. Они действовали на нее как бирюзовая вода одного из белых пляжей возле Аоса: ею можно было любоваться бесконечно. Некоторые вещи просто созданы для того, чтобы на них смотреть. Глаза Хэниша Мейна — и все его лицо, если уж на то пошло, — были из их числа. Коринн стоило немалых усилий надеть приличествующую случаю маску холодного равнодушия.

— Солнце очень идет вам. — Хэниш говорил по-акацийски, как делал чаще всего, когда они общались между собой. — Такая теплая красота хорошо подходит к вашим солнечным дням, здесь, на юге. Кстати, я рад, что вы согласились прогуляться с моей кузиной и ее подругами.

— У меня не было выбора, — отозвалась Коринн. — Если помните, вы сами отдали мне такой приказ.

Хэниш улыбнулся, словно она сказала что-то очень приятное.

— Трудно научить мейнских женщин придворным манерам. У них нет никакого опыта. Ни у кого из нас не было поначалу. Я знаю, что наши девушки восхищаются вами и следуют вашему примеру.

Коринн промолчала. Хэниш положил бумаги на стол.

— У меня есть новости, которые могут вас заинтересовать. Ларкен вернулся из Талаа. И принес вести о вашем брате. — Он помедлил миг, наблюдая за реакцией Коринн. — Покамест мы не нашли его, хотя вот-вот найдем. Он где-то в Талаае, во внутренних районах. Люди Ларкена напали на одно из местных поселений, но акацийцы, что там прятались, ускользнули у них из-под носа. Ваш брат Аливер оказался очень вертким.

— Откуда вы знаете, что это Аливер, а не Дариэл?

Хэниш пожал плечами.

— Я как раз надеялся, что вы поможете мне разобраться. Аливера действительно отправили в Талай?

— Такие сведения помогли бы вам в поисках?

— Да, весьма.

Коринн посмотрела ему прямо в глаза и честно ответила:

— Не имею ни малейшего понятия.

Теперь Хэниш выглядел не таким довольным, как прежде. Казалось, он готов был подняться из-за стола и подойти к принцессе. Однако он лишь скрестил руки на груди и заговорил на мейнском:

— А вы сильно изменились... Где та девочка, что стояла передо мной девять лет назад? Помните, как мы заботились о вас, когда вы лежали в лихорадке? Поверьте, принцесса: без наших знаний об этой болезни вы страдали бы гораздо сильнее. Возможно, ваши родные тоже пострадали от болезни, но некому было им помочь. Возможно, они тоже изменились. Не исключено, что вы и не узнаете их, а они — не узнают вас. Может быть, Коринн, вы сейчас скорее одна из нас, чем одна из них.

Коринн приподняла брови и всем видом выразила прозрение к подобному предположению.

— Принцесса, где ваши родные? — не отступал Хэниш, снова прейдя на акацийский.

— Вы уже спрашивали.

— И еще спрошу. И еще, и еще. Возможно, вы говорите правду, но я все равно буду задавать вам этот вопрос по пять раз на дню следующие двадцать лет.

— А потом перестанете?

— Потом я буду задавать его по десять раз на дню следующие сорок лет, если Тунишневр позволят мне топтать землю столь долго. Коринн, вы прожили девять лет в моем доме как почетная гостья. Причинил ли я вам вред? Упал ли хоть волос с вашей головы? Принуждал ли я вас к чему-то? Так помогите мне разыскать ваших братьев. И сестру. Я уже говорил вам прежде и повторяю еще раз: я лишь хочу, чтобы они вернулись во дворец своего отца и жили здесь в мире, как вы. Неужели лучше им скрываться в провинциях, прятаться по углам, но норах, как загнанным зверям?

— Где бы ни были мои родные, они свободны, — откликнулась Коринн. — Я бы не хотела ничего менять. Думаю, они тоже.

— Вы уверены? — Коринн не ответила, и Хэниш нахмурился. — Ладно. Прекрасно. Мы их найдем. У меня есть время и власть. У них — мало друзей и мало возможностей. Мы почти поймали одного из ваших братьев. Теперь он поймет, что его преследуют. Задержится, начнет совершать ошибки, доверять тем, кому не следует... Лично я полагаю, Коринн, что их жизнь далека от совершенства. В отличие от вашей. Жаль, что мы проводим так мало времени вдвоем. Столько лет прошло, а вы до сих пор не знаете меня толком. Мне бы хотелось это исправить. Теперь я не буду так часто уезжать. Думаю, если вы узнаете меня получше, я вам больше понравлюсь. Возможно, однажды мы решим, что можем быть вместе. Как вам такая мысль?

— Позвольте мне уйти! — резко сказала Коринн.

— Вы вольны приходить и уходить, когда захотите, принцесса. Поймите это наконец.

Коринн развернулась на каблуках и направилась к выходу. Она знала, что Хэниш будет смотреть ей вслед, пока она не исчезнет из поля зрения. Ей стоило большого труда сохранить непринужденный вид, однако Коринн преуспела. Выйдя из покоев, она свернула за угол, и Хэниш остался позади. Лишь теперь принцесса выдохнула и позволила себе расслабиться... но тут же поняла, что она не одна.

В арочном проеме, который ей нужно было миновать, стоял Маэндер. Он только что вошел внутрь и разговаривал с кем-то, стоявшим позади него. Заметив Коринн, Маэндер умолк. У него из-за спины вышел Ларкен; он сделал несколько шагов вперед и тут увидел принцессу. Ларкен приподнял брови, его губы растянулись в ухмылке. Хотя Ларкен был акацийцем, теперь он говорил только на мейнском. Они с Маэндером чем-то походили друг на друга — оба высокие, стройные, хорошо сложенные, оба являли собой прекрасные образчики мужской красоты своих народов.

Коринн шла вперед и смотрела мимо них, в коридор, сосредоточив взгляд на точке пространства где-то за их спинами. Она без проблем миновала Ларкена, но когда поравнялась с Маэндером, тот вытянул руку поперек проема, загораживая Коринн дорогу. Она остановилась, не поднимая головы, глядя на мускулистую руку, покрытую золотистыми волосками. Под мягкой кожей на сгибе локтя пульсировала вена, похожая на толстого червя. Коринн чувствовала, что Маэндер впился в нее взглядом, пытаясь рассмотреть лицо. Она знала этот взгляд. Коринн часто ощущала его на себе, проходя по коридорам дворца. Он тревожил ее даже во сне, и, просыпаясь, принцесса настороженно осматривала комнату, дабы убедиться, что рядом никого нет. Этот человек пугал ее, как никто другой, хотя за все время пребывания Коринн во дворце они едва обменялись несколькими фразами.

Вот и сейчас Маэндер не сказал ни слова. Свободной рукой он взял Коринн за подбородок и вынудил ее поднять голову. Несколько секунд он рассматривал девушку, а потом наклонился к ней; жесткие волосы бороды коснулись ее щеки. Маэндер чуть повернул голову и провел языком по ее виску. Коринн отдернула голову, ударила ребром ладони по его руке и выскочила в коридор. За спиной раздался голос Ларкена:

— Какова она на вкус? Сладкая или кислая? Мне всегда было интересно.

Коринн не разобрала ответа. Ей почудился смех Маэндера, но Коринн не могла сказать в точности, слышала она его на самом деле, или это была всего лишь игра ее воображения. Впрочем, она полагала, что не ошиблась — смех преследовал ее повсюду. Хэниш мог сколько угодно разливаться соловьем, Маэндер показал Коринн истинное лицо мейнцев. Она никогда не будет доверять им. Коринн уже очень давно перестала верить людям и не собиралась начинать снова. Принцесса не знала, куда подевались ее братья и сестра. Но не сомневалась: где бы они ни были, им живется гораздо, гораздо лучше, чем ей.

Глава 30

Бриг мчался на всех парусах и вот-вот должен был налететь на мель. Он был как раз напротив рифа — так близко, что уже врезал носом расходящиеся от него волны и опасно раскачивался из стороны в сторону. Шпрот отлично видел все это с марсовой площадки «Баллана». Добыча, которую они гнали четыре дня, сейчас разлетится на тысячу обломков. Вот ведь досада! Как он посмотрит в глаза Довиану, если вернется с пустыми руками? Сделайте что-нибудь, подумал он. Проклятие! Сделайте же что-нибудь, вы, идиоты! Я не для того за вами гнался, чтобы...

Рулевой Нинеас крикнул ему снизу, и громовой голос многоопытного морского волка разом перекрыл шум:

— Они сдают назад! На нас! Шпрот, мне держать прежний курс?

— Да! — заорал в ответ молодой капитан.

Разумеется! Держать курс! Их жертвой был бриг Лиги — не чета тем огромным судам, что бороздили океанские просторы, но все же очень недурная добыча. Ладный кораблик. На

таких красавчиках важные шишки из Лиги плавали от побережья до платформ — городов на воде, прикрепленных к океанскому дну в сотне миль к северо-западу от Внешних Островов. Платформы были основной базой Лиги Корабельщиков. Как правило, каждый подобный бриг сопровождали несколько боевых кораблей, набитых солдатами Инспектората Иштат. Если бы на судне находился кто-нибудь из руководства Лиги, добыча была бы грандиозной. Простому пирату вроде Шпрота о такой не приходилось и мечтать — потому что взять ее можно было лишь с немалым флотом. До сих пор никто даже не пытался организовать такой налет. Этот бриг наверняка плыл без важных людей и несметных богатств на борту. Не настолько важная птица, чтобы беспокоить Иштат.

Шпрота проинформировал один из агентов Довиана. Парень был известным ловкачом, истинным мастером перевоплощений. На сей раз он затесался среди портовых рабочих на береговой базе Лиги и утверждал, что бриг пиратам вполне по зубам. Послание пришло ночью накануне отплытия корабля; Довиан полагал, что источник сведений вполне надежен. Получив благословение Довиана, Шпрот на следующее утро вышел в море. «Баллана» — легкий клипер, такие корабли способны развивать хорошую скорость, но отнюдь не предназначены для боя. Именно поэтому в первый день преследования бриг не обращал на «Баллан» особого внимания. Они, возможно, заметили странную штуковину, приделанную к носу корабля — множество соединенных вместе деревянных брусьев, обитых железом. Конструкцию увенчивал угрожающего вида металлический шип семи футов в длину и двух в толщину, заостренный на конце. Он был немного похож на подвижный мостик, который перекидывали с корабля на мол, если требовалось разгрузить судно с носовой части — полезная вещь в переполненных портах Внутреннего Моря. Однако шип предназначался для совсем иных целей, и Шпрот собирался в скором времени опробовать конструктор в действии. В конце концов, это его изобретение. Его коготь, как любил говорить молодой капитан.

«Баллан» следовал за бригом по Мелководью и вдоль цепи рифов, которые отмечали самый удобный морской путь через Внешние Острова. Вокруг было полно других кораблей, а Шпрот не хотел нападать на бриг при свидетелях. Он плыл будто бы по своим делам, несколько раз приставая в разных гаванях, а потом, используя скорость «Баллана», нагонял свою жертву. Заметить бриг было нетрудно, поскольку его борта, выкрашенные в белый цвет, ярко сияли под солнцем.

На третий день бриг поднял все паруса. «Баллан» не отставал. Утром четвертого дня он загнал жертву на мели возле небольшого атолла у северной оконечности Внешних Островов. Горизонт был чист, и Шпрот решил, что время настало. Они заберут сокровища корабля. Сегодня или никогда. Ветер раздувал паруса «Баллана». Он заметно превосходил бриг в скорости. Но этого было мало. Требовалось еще отыскать удачную позицию, чтобы использовать «коготь». Бриг, меж тем, отвернул от рифа и оказался под углом к «Баллану». Очевидно, капитан знал местные воды лучше, чем предполагал Шпрот. Плевать — положение вполне подходит для атаки.

Шпрот орал во всю силу легких и все же не был уверен, что его слышат на палубе. Ревел ветер, волны с громким плеском бились в борта, и голос капитана не мог перекрыть этого шума. Боясь, как бы рулевой не решил из осторожности изменить курс, Шпрот поймал веревку, которая свисала от марсовой площадки до самой палубы. Он носил перчатки без пальцев, которые приспособил для своих целей еще в детстве — в первые годы морских приключений. Теперь же Шпрот ухватился за веревку обеими руками и с головокружительной скоростью съехал вниз. Миг спустя он уже стоял на палубе рядом с Нинеасом.

— Не вздумай менять курс! — проорал Шпрот ему в ухо. — Держи по ветру, правь прямо на них!

Теперь его слышал не только рулевой, но и команда, собравшаяся на палубе. Вооруженные до зубов пираты — люди из самых разных уголков Изученного Мира, представители всех народов. Каждый со своими обычаями, своим любимым оружием, своими надеждами и чаяниями — и своими причинами выбрать стезю морского разбойника.

Их капитан — с красивым мальчишеским лицом, стройный, легкий, тонкий в кости — казался слишком юным, чтобы командовать такой бандой головорезов. Тем не менее Шпрот прекрасно чувствовал себя в этой роли. Обратившись к команде, он весело проговорил:

— Все, как мы и планировали, друзья. Все, как планировали. И ни шагу, прежде чем я дам сигнал.

Массивный бриг неотвратимо надвигался на хрупкий «Баллан». Он нес свои тела над морскими волнами, словно дородная кабатчица, проплывающая по трактирному залу среди моря подвыпивших клиентов. Бриг выглядел невероятно, неправдоподобно белым, словно был сделан не из дерева — хотя из чего еще строить корабли? На марсовых площадках и на палубе виднелись высокие бортики со щелями, очень удобные для стрелков. За бортиками затаились арбалетки. Град стрел обрушился на «Баллан», но это казалось ерундой по сравнению с обычной оборонительной системой кораблей Лиги. На судне, защищенном должным образом, находилось бы в три раза больше стрелков. Впрочем, и эти стали для пиратов проблемой. Каждая стрела, смазанная смолой, загоралась, слетая с ложа арбалета. Те, что ударили в борт и палубу «Баллана» или попали в паруса, вспыхнули негасимым пламенем. Пираты лопатами скидывали в воду стрелы и сгустки смолы. Атака не стала для них сюрпризом.

Корабли неслись друг к другу. Теперь они были так близко, что скорость «Баллана» могла погубить его. Шпрот хотел крикнуть, чтобы свернули паруса, однако решил, что это не ко времени. В один из парусов как раз попала очередная стрела, и пламя проделало в нем здоровенную дыру. Шпрот обернулся к матросам, возившимся возле «когтя».

— Готовься! Ждите сигнала! — Глядя, как стремительно сокращается дистанция между кораблями, он очень вовремя прибавил: — Эй, на палубе! Держитесь крепче!

В последние мгновения он приказал чуть повернуть клипер, чтобы смягчить удар. «Баллан» закрипел и накренился, вставая на нужный курс, а в следующий миг корабли на полном ходу врезались друг в друга. «Баллан» встряхнуло. Такого жуткого треска Шпрот еще не слышал в своей жизни. Палуба накренилась, едва не встав вертикально; огромная волна захлестнула ее и смыла за борт двух человек. Плавающие огни зашипели, но не погасли. Шпрот кое-как ухитрился уцепиться за борт и высвободить «коготь», прежде чем сила удара сбила его с ног и он покатился по вздыбившейся палубе. Конструкция пришла в движение; она падала вперед очень медленно и словно бы неохотно. Шпрот наблюдал за ней, лежа на спине возле перил. Он уверился в мысли, что механизм поврежден — «коготь» двигался слишком медленно. Если так пойдет дальше, он просто ляжет на палубу брига, не причинив тому никакого вреда.

Однако под собственным весом «коготь» набрал скорость. Стальной наконечник проломился через палубу брига, круша переборки и шпангоуты. Как и предполагалось, брусья разошлись в стороны, превратившись в распорки и удерживая шип под палубой. Несколько человек провалились в дыру. Корабли накрепко сцепились друг с другом, но бриг по инерции все еще двигался вперед. «Баллан» снова встряхнуло так, что Шпрота крепко приложило спиной о палубу, и несколько секунд он только хрипло дышал, не в силах выдать ни слова. Он чувствовал, как «коготь» шевелится во внутренностях брига, ломая и корежа их. Несколько арбалетчиков попали между бортами, и их раздавило в фарш. Остальные отказались от атаки и кинулись назад в свои гнезда.

До Шпрота долетел голос Нинеаса, спрашивающего, что им теперь делать. Есть идеи? Идей не было, но, к счастью, мгновенная растерянность капитана прошла незамеченной. «Коготь» наконец-то зацепился как следует и теперь держал крепко. «Баллан» вроде бы нашел точку опоры и перестал раскачиваться, так что люди сумели подняться на ноги. Все обернулись к капитану; Шпрот рывком вскочил на ноги. Следующий приказ был очевиден:

— На борт! — рявкнул он. — На борт!

Абордаж был рискованным, безумным предприятием, возможным лишь потому, что никто не подумал оценить реальную опасность. Шпрот, как и все остальные, просто действовал. Он бежал, карабкался, прыгал... Все происходило невероятно быстро, на одних

инстинктах, почти без участия разума. Невероятное ощущение — ступить на палубу вражеского брига. Все вокруг было покрыто толстым слоем белой краски, Шпрот и его команда взбежали на борт — и замерли на миг, ошеломленные чудным зрелищем. Но только на миг: у них было здесь дело. Охранники корабля уже бежали навстречу пиратам. Воздух наполнился свистом стрел. Лязгнули, скрепящаясь, мечи. На палубе брига началась кровавая бойня.

Что поделаться? Такова уж работа пиратов.

Со времени нападения минуло три дня. Шпрот вышел из доков и зашагал по усыпанной обломками белых ракушек дорожке. Дорога вела в Белую Пристань — пиратский городок, спрятанный в глубине острова. Он шел в авангарде толпы, которая росла с каждой минутой. Со всех сторон неслись радостные выкрики. Дети не отставали от взрослых. Даже городские собаки не могли сдержать радости и с веселым лаем носились вокруг. Еще бы! Пират вернулся с победой и богатой добычей. Шпрот не мог стереть с лица самодовольную улыбку. Он и его команда нынче стали героями дня. Шпрот оказался в центре внимания, им восторгались, его превозносили до небес. Пирату нравилось слышать радостные возгласы и ловить восхищенные взгляды молодых женщин. Роль всеобщего любимца давалась Шпроту легко, но он не воспринимал это как должное. Юноша честно трудился, чтобы на самом деле стать достойным такой чести. И еще — чтобы Довиан гордился им. В этом отношении Шпрот был еще мальчишкой, и мнение приемного отца имело для него огромное значение.

Белая Пристань никогда не мыслилась как постоянное поселение. Даже сейчас, когда городку уже сравнялось шесть лет, он по-прежнему выглядел каким-то недолговечным, неосновательным. Дома здесь представляли собой легкие строения, установленные прямо на песке. Незамысловатые конструкции с дощатыми щелистыми стенами, крытые пальмовыми ветками. Зачастую стены и вовсе заменяла натянутая холстина, обеспечивавшая мало-мальскую защиту от солнечных лучей. Многие готовили на улице, на открытом огне, оставляя объедки собакам и бесчисленным кошкам. Городок производил впечатление временного лагеря, который мог быть снят или заброшен в любой момент. Так и случится, если запахнет жареным и удача от пиратов отвернется.

На острове была чудесная гавань — немного мелководная, зато с ровным дном и единственным узким входом, едва заметным с моря из-за сильно изрезанной береговой линии и цепи высоких дюн. Они надежно скрывали поселение от посторонних глаз. Только дымы могли выдать его, но твердое дерево кустарников, растущих повсюду на острове, горело чисто. С проплывающего мимо корабля можно было увидеть разве что белое марево, мало чем отличающееся от одеяла тумана. На маленьком острове пираты нашли себе отличный приют.

Белая Пристань была домом Шпрота со дня ее основания. Он отлично помнил это событие. Шпрот, тогда еще мальчишка, стоял рядом с Довианом, пока гигант осматривал гавань, ухмылялся и говорил, что местечко как раз для них. Уютное, укрытое от всего мира. Здесь можно отдохнуть после рейда, спрятать похищенных людей и награбленное добро — ну и все такое. Так рассуждал он, расхаживая по пляжу вместе с мальчишкой, прилипшим к его боку. И Довиану удалось приспособить мир для жизни, для воплощения мечты...

Оставив ликующую толпу во дворе возле дворца Довиана, где Нинеас и молодые члены команды принялись рассказывать великую историю о захвате брига Лиги, Шпрот вошел внутрь. В руках он держал узкий ящичек из чистого золота, украшенный сложным орнаментом. Дворец Довиана не был, конечно, настоящим дворцом. Он представлял собой мешанину комнат и коридоров — лишь немногим лучше, чем остальные домики города. Тут и там виднелись брусья и балки, а иногда и целые секции, снятые с захваченных кораблей. Стены увешаны эмблемами, табличками с названиями судов и различными предметами корабельной оснастки. Сувениры, приобретенные за годы морского разбоя. Настоящий лабиринт, прекрасно подходивший для игр в прятки, в «Глаз пирата» и «Бей хвостом». Шпрот носился по коридорам дворца со дня его появления и очень любил их, особенно в те

времена, когда Довиан еще твердо стоял на ногах. Ловкий и проворный, несмотря на свои габариты, он обожал бегать и играть как мальчишка.

Шпрот постучал в дверь комнаты Довиана и вошел внутрь. Слабый свет пробивался сквозь щели в стенах и потолке, но вскоре глаза юноши привыкли к полутьме. Довиан лежал на кровати — вот уже несколько месяцев, с тех пор, как боль, угнездившаяся глубоко в костях, приковала его к постели. Он часто и натужно кашлял, руки и ноги дрожали и едва шевелились. Кровать стояла у дальней стены; огромное как гора тело покоилось среди подушек, почти раздавленных его весом. Лицо Довиана было в тени, но Шпрот знал, что глаза обращены на него.

Стоя на пороге, юный капитан рассказывал о набеге. Он назвал людей, которые погибли во время рейда, и нашел для каждого добрые слова. Он подробно описал захват корабля, повреждения, которые получил «Баллан», и «коготь» в действии. Отлично работает, сказал Шпрот, хотя лучше переставить его на другой корабль и использовать только против маленьких судов. На самом деле он едва не разорвал «Баллан» на куски. Шпрот живописал драку, произошедшую на блестящей белой палубе брига, и подробно рассказал о сокровищах, которые пираты там нашли. По стандартам Лиги корабль был все равно что пуст, но, как известно, эти «стандарты» превосходят все мыслимые пределы. Пираты же остались вполне довольны добычей. Они выгребли все золотые и серебряные предметы, столовые приборы, посуду, зеркала, ковры, резную мебель, прекрасные стеклянные фонари — обычные вещи на любом корабле Лиги. Вдобавок пираты отыскивали сейфовую комнату и заставили капитана открыть ее. Капитан, должно быть, думал, что она пуста, поскольку сам удивился, обнаружив там небольшой ящик, наполненный монетами. Тот самый, что сейчас держал в руках Шпрот.

— Скольких вы убили? — спросил Довиан.

— Десять мужчин. Двух подростков. И... одну девушку. Тео перерезал ей горло, прежде чем сообразил. Я его не виню.

— А что сделали с остальными?

— Связали и заперли в рубке. Еды и воды им хватит на несколько недель. А Лига, я думаю, найдет корабль через пару дней.

— Хорошо, что ты проявляешь милосердие.

Шпрот улыбнулся.

— Ты сам меня учил этому. Так же, как учил убивать. В любом случае пират должен оставить несколько свидетелей в живых, чтобы они разнесли вести о его подвигах.

В ответ Довиан издал невнятный звук — то ли рассмеялся, то ли закашлялся. Потом поднял огромную лапищу и поманил юношу к себе. Шпрот пересек комнату и опустился на колени возле кровати Довиана, заглянув ему в лицо. Время, солнце и ветер избородили лицо старика глубокими морщинами. Сейчас он постепенно терял вес, хотя все еще обладал внушительными габаритами. Довиан положил ладонь на плечо Шпрота, стиснув его до боли.

— Я горжусь тобой, мальчик... Я не был уверен, что ты вернешься из рейда.

Шпрот скромно улыбнулся и признал:

— Да, дело вышло несколько рискованное.

Несколько секунд Довиан молча рассматривал юношу, возможно, в душе удивляясь их непохожести.

— Не могу сказать, что мне нравится твоя кровавая работа, но тут уж ничего не поделаешь. Не мы сотворили мир, верно? Таковы его законы, что одному человеку придется поднимать оружие на другого.

Шпрот молча кивнул.

Если он надеялся, что это обрадует старика, то сильно просчитался. Казалось, все вышло совсем наоборот. Морщинистое лицо Довиана исказилось, словно от боли. Он потер пальцем глаз с такой силой, словно хотел выдавить его.

— Я думаю, моя работа закончена. Я научил тебя всему, что умел сам. В восемнадцать лет — ты капитан корабля, люди слушаются тебя беспрекословно. Я ни о чем не жалею,

потому что знаю наверняка: ты сумеешь выжить в нашем мире. И даже неплохо устроиться. Я сделал для тебя все, что мог. Прости, если такая жизнь не подходит принцу...

— Перестань! Гляди, я уйду, если ты снова начнешь стенать. Я вернулся, я захватил корабль Лиги, а ты опять сокрушаешься о прошлом! У меня его нет. Хочешь, чтобы я ушел?

Долгую секунду Довиан смотрел на него.

— По крайней мере люди видят в тебе королевское достоинство. Нет, правда. И ты не уйдешь — я тебя еще не отпустил. Они видят королевское достоинство. Люди сами не понимают, что они видят, но беспрекословно слушаются тебя. Идут за тобой туда, куда ни в жизнь бы не пошли за кем-то другим. Я придумал тебе прозвище, чтобы никто не догадался о твоей благородной крови. Ведь что такое шпрот? Маленькая рыбка, каких миллион в море. Однако никуда не денешься, парень: твоё происхождение лезет из всех щелей. Светится в глазах, срывается с губ, едва ты раскрываешь рот.

— Даже когда я матерюсь?

— Даже тогда... — Довиан почти утонул в подушках и оттуда глядел на юношу, очевидно, довольный представленной ему картиной. — Даже в такие моменты ты по-прежнему мой Дариэл. Маленький принц, который любил бегать среди грязных рабочих в пещерах под дворцом. Почему ты это делал, малыш? Странная склонность для мальчика, которому полагается быть наверху. А он бродит по подвалам, в темноте... Я никогда не мог понять.

— И не пытайся. В любом случае я не так уж хорошо все помню и не могу тебя просветить. — Шпрот указал на коробку, которую принес с собой. — Не хочешь взглянуть, что там?

— Ты и правда не помнишь?

— Нет. Все, что я помню, и все, что я хочу помнить, — та жизнь, которая у нас здесь. Только она имеет значение, — проговорил юноша, стараясь, чтобы голос звучал как можно более убедительно.

Шпрот старался изо всех сил, потому что говорил неправду. По крайней мере не совсем правду. Просто он не мог связать в единую картину разрозненные обрывки воспоминаний. Не мог отчетливо представить события своей жизни до встречи с Довианом. Мысли о тех временах будто лишали его сил. Там было много печали, грусти, тоски и одиночества, которые теперь исчезли безвозвратно. Если Шпрот и думал о временах, когда он звался Дариэлом Акараном, то вспоминал лишь войну и то, как Валь его спас.

Он покинул Киднабан вместе с человеком, который называл себя солдатом-марахом. Этот солдат разбудил Дариэла рано поутру, взял мальчика на руки и ушел из дома управляющего. По дороге он что-то объяснял, говорил что-то успокаивающее, но Дариэл еще толком не проснулся и позже ничего не мог вспомнить. Они отплыли из порта Кролла и через несколько часов были на материке. Два дня Дариэл и его спутник шли пешком; на третий солдат купил пони, потому что мальчик совсем выбился из сил. Он готов был расплакаться в любой момент, все время спрашивал о сестрах и брате и просился обратно к ним или домой. Солдат был человеком незлым, но не умел обращаться с детьми. Он недоуменно смотрел на мальчика, словно никогда прежде не видел плачущего, и не мог понять, что за вода льется из глаз.

Солдат объяснил, что исполняет план, придуманный королем Леоданом. Дариэла нужно переправить в Сениваль, где о нем позаботятся друзья отца. Им надо лишь добраться туда, и всем бедам и волнениям придет конец. Дариэл будет в безопасности, и все разъяснится. Несколько дней они держали путь на запад, через холмы и нагорья, вроде тех, что Дариэл видел возле мыса Фаллон. Они шли у подножия гор, где земля была изрезана и перекорежена руками людей. Это, объяснил солдат, сенивальские рудники. Дариэл видел людей — покрытых черной пылью рабочих. В основном здесь были мужчины и мальчишки, хотя иногда встречались женщины и даже девочки. Одетые в лохмотья, они возбужденно что-то обсуждали. Юный принц не мог понять, о чем идет речь. Единственное, что он

уловил: все вести, похоже, были печальными.

Дариэл не знал, что это за место и как оно связано с империей отца. Солдат же, оглядев изрытую землю, что казалась красной в отсветах заходящего солнца, произнес:

— Настоящая преисподняя — вот что они тут устроили. Преисподняя в золотой короне... — Он резко осекся, вспомнив о Дариэле, и пробормотал, что надо двигаться дальше. Они почти достигли своей цели.

Узкая, продуваемая ветром, горная тропа привела путников к поселению, где солдат должен был оставить Дариэла. Подойдя ближе, солдат нахмурился.

— Что такое?

Селение лежало в живописной долине, окруженной горами. Сперва Дариэл решил, что солдат остановился, желая полюбоваться красивым видом, но потом заметил, как тихо вокруг. Улицы были пусты, не было ни животных, ни людей на полях. Ни единой струйки дыма не поднималось из труб над домами.

— Что-то тут не так, — промолвил солдат.

Дариэл не мог с ним не согласиться.

Принц так и не узнал, что случилось с жителями. Они просто исчезли, а вместе с ними исчез и тот, кто должен был их встречать. Солдат опустился на подвернувшийся чурбак, обхватил голову руками и сидел так, молча и не двигаясь. Дариэлу показалось, что прошли долгие часы, однако он терпеливо стоял рядом, держа под уздцы своего пони, пока тот щипал сладкую горную траву.

Наконец солдат поднял голову и объявил, что придумал план. Он отправится в соседний городок, расположенный в дне пути дальше на запад. Если выдвинуться прямо сейчас, до городка удастся добраться на рассвете. Там он постарается выяснить, что к чему, и вернется еще до заката завтрашнего дня. Может быть, кто-нибудь ищет Дариэла. Надо это проверить и подумать, как им быть дальше. Однако ехать придется быстро, так что Дариэлу лучше подождать здесь, в одной из хижин. Солдат оставил мальчику свой дорожный мешок и поклялся, что все будет в порядке.

Потом он уехал. Дариэл слушал стук копыт пони, пока он не утих совсем, и тут ему стало страшно. Мальчик не возражал против придуманного плана. Не сказал ни слова. Разве мог он знать, что солдат лжет?

Он провел ночь в темноте, дрожа от страха — маленький как мышонок и такой же беспомощный. Дождило, было холодно, а когда ночь пошла на спад, по долине словно призраки поплыли клочья тумана. Дариэл не развел огня, не вытащил одеяла из мешка, оставленного солдатом. Он ощущал голод, но не понял, что это такое. Ему не хотелось встречаться лицом к лицу с жестокой реальностью, и потому Дариэл отгородился от любых ее проявлений. Он лежал, полностью отдавшись своим фантазиям, воображая, что отец снова жив и спешит сюда, чтобы спасти его. Дариэл выдумывал все новые и новые истории. Может, это было и к лучшему, потому что когда помощь пришла, она оказалась столь же неожиданной и невероятной, как любая из его фантазий. И тем не менее он принял ее с распростертыми объятиями...

Сидя на табурете возле кровати своего спасителя, Шпрот спросил:

— Помнишь ночь, когда ты нашел меня?

— Как вчера, малыш.

— Вот отсюда и начинаются мои воспоминания, понимаешь? С той огромной тени, которая вошла в дверь хижины...

— Кошмарная дыра! — перебил Довиан. — Безобразие, что тебе вообще пришлось там сидеть.

— Я могу повторить твои слова в точности, — продолжал Шпрот. — Ты...

— Кто бы мог подумать, — пробасила тень, входя в хижину вслед за светом желтого фонаря, — что в таком месте и в такое время можно найти настоящего принца? Интересно,

кому из нас повезло?

Дариэл отлично помнил эти слова, однако в ту далекую ночь он не сразу понял, что происходит. Прошло уже три дня. Мальчик по-прежнему надеялся, что солдат еще, может быть, вернется, но надежда эта таяла с каждым часом. Знакомый голос, подумал Дариэл. Только чей же он? И как здесь оказался? Дариэл был уверен, что слышал этот голос раньше, только не мог представить, что его обладатель окажется здесь, в этой горной хижине.

Тень придвинулась ближе.

— Ты в порядке, шельмец? Не бойся, это Валь. Валь пришел помочь тебе.

«Валь?» — подумал Дариэл. Валь из пещер под дворцом — кормилец кухонных духовок... Его Валь! Он поднялся на ноги, спотыкаясь, шагнул вперед и упал на руки гиганта. И, вдохнув соленый, едкий запах угольного дыма, исходящий от огромного человека, Дариэл разразился рыданиями. Он вцепился в рубашку Валя обеими руками, утирая слезы и сопли о жесткую ткань и сотрясаясь всем телом.

— Не надо, парень, — мягко сказал Валь. — Успокойся. Теперь-то все у нас будет хорошо.

Так оно и случилось. Выяснилось, что Валь направлялся домой, в Кендовию, подобно многим беженцам, согнанным войной с привычных мест. Во временном лагере, устроенном среди холмов, он случайно повстречал того самого солдата, что сопровождал Дариэла. Солдат уже крепко приложился к бутылке сливового вина и рассказывал всем, желающим слушать, что он был личным охранником одного из королевских детей. Валь подсел поближе и принялся вынимать из солдата подробности. Дыша перегаром, тот поведал, что его подопечным был младший принц. Мало-помалу Валь вытянул из него все детали — как они направлялись в Сениваль, как обнаружили пустую деревню, как солдат спраздновал труса, бросил мальчика и сбежал. Он не мог найти человека, которому следовало передать ребенка! Человек тот исчез, возможно, умер, и солдат не имел ни малейшего понятия, что делать дальше. А война? А все эти события, что происходят вокруг? Маэндер в Кендовии, Хэниш разбил армию на Алесийских полях! Что простой солдат может сделать для принца? Да ничегошеньки! Да, он бросил его, предоставил собственной судьбе, но какой у него был выбор?

Валь никогда не рассказывал в подробностях, что он сделал с тем солдатом. Лишь однажды пробормотал нечто вроде: вряд ли он сможет есть что-нибудь тверже козьего сыра до конца своих дней. Дариэл ничего не понял, но картинка, возникшая в голове, заставила его надолго задуматься. Он размышлял об этом, шагая вслед за Валем. Ничего, сказал гигант. Он как раз знает подходящее местечко, где без труда можно исчезнуть, скрыться с глаз долой. Большую часть пути мальчик ехал на плечах кендовианца, свесив ноги по обе стороны шеи и запустив пальцы в кучерявые волосы своего спасителя.

Три дня они шли по горам, а на четвертый Дариэл уловил в воздухе запах соли. Тем же вечером мальчик, дремавший на плечах у Валя, услышал, как тот сказал:

— Гляди, парень. Думаешь, это море? Как бы не так. Это место, где может укрыться целый народ.

Они постояли на обрыве, глядя на безбрежный мир, раскинувшийся на западе. Дариэл, который с самого рождения жил на острове, с первого взгляда мог сказать, что вода перед ними совсем другая. Не голубая, не бирюзовая, не зеленая. Такой воды Дариэл не видел прежде. Ока была густого синевато-серого цвета, а кое-где казалась и вовсе черной. Огромные волны лениво катили свои тела, медленно, никуда не торопясь. Возле берега они поднимались, словно жидкие горы, висели в воздухе миг, а потом ныряли назад, в пенистый хаос. Их плеск не был ритмичным, равномерным, какой привык слышать Дариэл. Каждая волна имела собственный звук и ударяла в берег по-своему. Сидя на плечах гиганта, Дариэл смотрел и смотрел на них, не в силах отвести глаз. Он никогда не видел ничего столь же величественного, внушающего благоговейный трепет своей силой и размерами.

— Язык Серых Валов, — произнес Валь. — Безграничный океан. Вот так мы исчезнем из мира твоего отца и войдем в мой.

Дариэл не ответил. Смутный страх, сидевший в нем уже много недель, теперь овладел им с новой силой. Дариэл не мог поверить, что сумеет прожить без своей семьи. Он пропадет без них. Пальцы Дающего сдернут его с земли и унесут в никуда. Дариэл был маленьким огоньком, который так легко потушить. И все-таки он существовал. Он был здесь, он имел что-то внутри себя — такое же твердое и реальное, как земля под ногами. Он действительно мог бы исчезнуть из одного мира и войти в другой. Исчезнуть и появиться заново...

Именно так и произошло. Валь дал ему новую жизнь и снабдил новым именем — так же, как и себя. Истории о его пиратской жизни не были выдумкой. Валь — теперь он величал себя Довиан, сократив название родного народа — действительно родился в пиратской семье. Вернувшись на Внешние Острова, он быстро восстановил прежние связи и принялся искать корабли и команду. Мир созрел для разграбления. Кругом царил хаос, который обещал смениться новым порядком — под властью Хэниша Мейна. Многие толкались и соперничали, разыскивая в новом укладе уютное местечко под солнцем. Валь плавал вместе с Дариэлом, учил его всему, что знал о мореплавании и сражениях, морском разбое и управлении людьми, о выживании в самых неблагоприятных условиях...

Все, что было прежде — дворец Акации, статус принца, империя отца, сестры и брат, — мало-помалу покрывалось смутной дымкой. Казалось, Валь знает прежнюю жизнь маленького принца лучше самого Дариэла. Зачем держаться за людей, которых он, вероятно, никогда не увидит? Воспоминания ребенка не выстраивались в ясные логические линии. Да, были картинки. Были всплески эмоций, которые, казалось, хватили его за горло и не давали дышать. Были времена, когда Дариэл просыпался от кошмаров, зная, что все кругом неправильно, не так, как надо... Со временем это прошло. Возможно, такие вещи и означают, что ты жив?..

Шпрот. Теперь это было его имя, и он не собирался возвращаться назад, к испуганному ребенку.

Шпрот открыл маленький замок ящика и вывалил на кровать сияющую россыпь золотых монет. Довиан смотрел на них, проводил по ним пальцами, подкидывал на ладони. То, что надо, прошептал он. Именно то, что им требовалось. Это покроет все...

Довиан взял один из сверкающих кругляшей и подержал в луче солнечного света. Золотая вещица, разительно отличавшаяся от монет. Ее покрывал тонкий узор из острых линий — филигранная работа, очень сложная для такого мягкого металла. И форма у вещицы была необычная. Толщиной с монету, она была не круглой, а скорее многоугольной. С одной стороны Дариэл увидел тонкие зубцы. Линии оказались странными значками, которые напоминали письма, но не имели сходства с буквами ни одного известного ему языка. В центре располагалось небольшое овальное отверстие.

— Что это такое? — недоуменно спросил Шпрот.

Довиан задумался. Шпрот почти чувствовал, как он сортирует свою память — каталог сокровищ, виденных и оцененных на протяжении долгой жизни.

— Понятия не имею, — наконец он наконец. — В любом случае красивая штучка. — Довиан прижал ее к груди юноши. — На. Повесь на шею. Если попадешь в беду и понадобится быстро выкручиваться, ты сможешь превратить ее в деньги. Она твоя. Остального более чем достаточно для реализации наших планов. Принеси-ка мне вон те карты. Давай поглядим.

Шпрот повиновался. Он передал Довиану знакомые бумаги и устроился на краешке кровати. Ему нравились моменты, когда Валь, казалось, забывал о своем печальном состоянии. Они вместе раздумывали, строили планы — словно отец и сын. Мечтали о будущем и размышляли, как претворить свои идеи в жизнь. Во многих смыслах Шпрот все еще был мальчишкой Дариэлом. Он не подозревал, как сильно все изменится в скором времени.

Глава 31

Была на свете особая талайская акация, которая никак не давала Таддеусу покоя. Она одиноко стояла на равнине, похожая на старого чернокожего человека, склонившегося набок от слабости или немощи. Акация была хрупкой и тонкой, со скрюченными ветвями и редкими листьями. И все-таки она жила. Акации выносливы; они медленно растут, выпускают шипы против врагов и стойко терпят капризы погоды. Возможно, в этом есть что-то обнадеживающее, однако Таддеус не мог его найти. Ничто его не обнадеживало. Канцлера угнетало безмолвное величие окружающего пейзажа, который он созерцал, стоя в хилой тени дерева. Казалось, будто земля тут изгибается более плавно, чем в других местах Изученного Мира. Здесь было неимоверно просторно; холмы вдалеке выглядели высокими и массивными. Свод неба в Талае был выше, чем в любом другом краю. Он уходил вверх, подпертый белыми облаками, которые стояли точно колонны какого-то массивного храма. Насколько хватал глаз — внизу и наверху, в каждой стороне света, близко и далеко — везде копошились живые твари. Таддеус не мог сосчитать их, не знал их названий, но подозревал, что каждая стремится изучить его поближе — с непонятными намерениями.

Из шести провинций бывшей империи Акаранов ни одна не имела такого большого значения, как Талай. По размерам она превосходила Кендовию, Сениваль, Майнланд и Ошению, вместе взятые. Выжженные солнцем пространства простирались далеко на юг. За двадцать два поколения акацийские правители так и не сумели картографировать Талай целиком. Многие регионы были настолько засушливы, что дождь там не выпадал вообще. Хотя вся территория носила название одного племени, талайцы были всего лишь самым заметным народом среди множества других. Некоторые поговаривали, что Эдифус сам был по происхождению талайцем, но первый король никогда не рассказывал о своих предках.

Так или иначе, талайцы первыми на континенте присоединились к Эдифусу. Взамен он обещал им власть над соседями. В провинции обитали тридцать пять других племен, принадлежащих к четырем разным народностям, и каждое говорило на собственном языке. Никакая сила не могла сделать жителей Талая единым целым. Да, все они были темнокожими, но разительно отличались друг от друга — не говоря уже о разнице в психологии, обычаях и традициях. Некоторые из племен были достаточно многочисленны, чтобы обладать собственной военной силой. Халали, бальбара, бетупи. Во времена первых Акаранов каждое из них могло вынести в поле десять тысяч человек. Сами талайцы способны были выставить почти двадцать пять тысяч бойцов и вдобавок имели право призвать войска других народов провинции. Если бы их власть сохранилась до сих пор, Хэнишу Мейну пришлось бы туго. Однако этого не произошло — по причинам, уходящим корнями в древнюю историю.

Старые раздоры очень живучи, подумал Таддеус. Они просто ждут своего часа.

Такие мысли приходили к нему незваными и только усиливали беспокойство. Может быть, он слишком долго скрывался? Слишком много времени провел, ползая по пещерам Кендовии — темным и влажным, где земля и камень окружали его со всех сторон? Сперва все шло на лад. Настал день, когда бывший канцлер выбрался из пещер и принялся за работу. Тогда он чувствовал себя вполне уверенно, у него были определенные умения и возможности, а также доступ к нужным сведениям. Он принялся собирать информацию, разыскал своих шпионов и выудил из них много полезного. Таддеус не сомневался в себе, когда разыскал старого генерала и завербовал к себе на службу. Так почему же теперь страх вцепился в него своими холодными когтями и никак не желает отпустить?..

Не в том ли дело, что он слишком далеко от дома? Каждый день уводил его все дальше. Местность, в которой Таддеус пребывал сейчас, отличалась даже от плодородных районов северного Талая. Там, насколько хватал глаз, простирались возделанные поля; росли густые сады, часто стояли деревни. Земля была обильна от природы, а человеческие руки сделали ее еще богаче. Там жило много людей, хотя население сильно проредили война и эпидемия. Мужчин среднего возраста стало заметно меньше; женщины, казалось, пережили болезнь легче. И было очень много детей. Огромное количество. Очевидно, это порадует Хэниша Мейна. Он распорядился, чтобы все женщины, способные вынашивать детей, рожали.

Изученный Мир действительно нужно заселять заново. Необходимы новые люди, чтобы заменить утраченных родственников, любимых и близких. Новые жители, чтобы мир оправился от последствий недавних бед. Таддеус знал лучше, чем кто бы то ни было, почему это важно для Хэниша.

Однако путь бывшего канцлера лежал на юг — к иссушенным равнинам и выжженным солнцем холмам в самом сердце Талая. Несколько сот миль. Нелегкое испытание для человека преклонных лет. И все же он решил идти. Одиноким бродяга, сбитый с толку безумец не редкость в сегодняшнем мире. Он мог проскользнуть неузнанным, не привлекая внимания солдат Мейна. А может, его поход был также и карой — наказанием, которое Таддеус назначил себе сам, даже не отдавая в этом отчета.

Измученный долгой дорогой, усталый и покрытый пылью, бывший канцлер империи явился ко двору Санге Улувары. Расположенное в долине между двумя склонами вулканических скал, поселение Юмэ состояло из полусотни хижин, нескольких сараев и амбаров и центрального здания, выстроенного из дерева и тростника. Похожая на балдахин крыша служила защитой и от солнца, и от тропических дождей. Народ Санге насчитывал несколько сотен душ. Эти люди были скотоводами, и мало кто жил в Юмэ постоянно. Само поселение временами перемещалось с места на место и не значилось на большинстве карт Изученного Мира. Очевидно, о нем не ведали и мейнцы. И впрямь: нужно было очень дотошно изучить историю новейшего времени, чтобы обнаружить Юмэ или узнать об узах дружбы, которые связывали короля Леодана с вождем маленького племени, затерянного на бескрайних просторах Талая. Никто, кроме Таддеуса, не знал, что сделали эти люди для рода Акаран.

Вынырнув из сумрака своего дома, Санге сощурился на солнце, а затем обратил взгляд к Таддеусу. В его глазах затаился страх, словно вождь увидел призрака. Смятение овладело им, хотя Санге старался выглядеть невозмутимым. Таддеус понимал, что даже сюда, на далекий юг, дошли слухи о его измене. Санге сейчас гадает, кто стоит перед ним — друг или предатель. Впрочем, не только это беспокоило старого вождя. Вот уже девять лет Санге был приемным отцом и теперь недоумевал, что обозначает появление Таддеуса для его сына.

Однако, когда Санге заговорил, слова его звучали с безукоризненной вежливостью:

— Старый друг, солнце жжет тебя, но вода сладка.

— Вода холодна, старый друг, чиста и прозрачна до самого дна, — отозвался Таддеус.

Это было традиционное приветствие южного Талая. Санге понравилось, что канцлер знал его и что он так гладко ответил по-талайски. Тем не менее вождь перешел на акацийский.

— Много лет прошло. Достаточно долго, чтобы я задумался, придешь ли ты. Слишком долго. Я надеялся, что ты не придешь.

На это заявление, подумал Таддеус, ответить будет потруднее, чем на предыдущее. Вождь приковал к себе взгляд канцлера, не давая тому отвести глаза. Каждая черточка лица Санге — нос и губы, округлый лоб и широкие скулы — была исполнена благородства. Как столько его умещается в одном человеке? Крупные черты странно контрастировали с худощавым телом Санге, тонкими плечами и туго обтянутой кожей грудью. Белки глаз, желтоватые и пронизанные красными сосудиками, казались тем не менее белоснежными по сравнению с черной кожей. Таддеус внезапно ощутил укол страха. Как мог королевский сын из Акации выжить один среди этих людей? Что, если он совершил ужасную ошибку?.. Канцлер отмахнулся от неприятной мысли, поскольку в его планах не было места сомнениям.

— Именем короля, друг, — сказал он, — я благодарю тебя за все, что ты сделал.

— Я не вижу ничего, — отвечал Санге еще одной традиционной фразой его народа, обозначавшей, что его поступки не стоят благодарности.

— Ты знаешь мой язык лучше, чем я — твой.

— Я тренировался несколько лет. Как прошло путешествие?

Таддеус и Санге немного поговорили о пустяках. Однако добродушная беседа не могла длиться долго, и, как ни боялся Таддеус услышать ответ, он в конце концов спросил:

— Все ли в порядке с принцем?

Санге неопределенно пошевелил головой, изобразив нечто вроде кивка. Он жестом пригласил Таддеуса в дом и сел напротив него на пеструю циновку. Девочка поставила между ними сосуд из выдолбленной тыквы, наполненный водой. Вскоре она же принесла миску фиников и тихо ушла. Стен не было. Народ Юмэ любил открытые пространства, красивые виды и ветер. Таддеус знал, что со всех сторон их окружают люди, и все же в тихом месте, которое занимали двое мужчин, они нашли уединение. Несмотря на обжигающий жар южного солнца, здесь было прохладно.

— Аливер охотится на ларикса, — наконец сказал вождь, — вот уже две недели. Если будет на то воля Биллау, он вернется со дня на день. Но нам не стоит говорить об этом. Не следует предупреждать духов зверей о его намерении. Будь моим гостем до возвращения Аливера. — Санге покатал в пальцах финик, хотя не собирался его есть. — Девять лет... Девять лет минуло с тех пор, как мальчик прибыл сюда. Я и вправду начал верить, что ты не вернешься, и Аливер истинно мой сын. У меня нет другого, ты знаешь. Такова сила проклятия.

Что ответить человеку, который неприкрыто жалеет себя? Таддеус не знал. Лучше уж вовсе не иметь ребенка, чем потерять его в результате предательства, подумал он. Ему не хотелось продолжать беседу в этом направлении, и канцлер сменил тему:

— Проблем с Мейном не было?

— Никогда, — отозвался Санге. — Хотя я знаю о них, они, похоже, даже не слышали обо мне. — Вождь усмехнулся. — Моя слава не столь велика. Бери воду, пожалуйста.

Таддеус поднял сосуд, побаюкал его в ладонях и сделал большой глоток. Затем передал сосуд вождю.

— Стало быть, мы правильно поступили, что прислали его сюда. Хэниш никогда не прекратит поиски. По крайней мере один из детей Леодана вырос так, как хотелось королю.

Санге ответил, что он ничего не знает об остальных молодых Акаранах, а что до Аливера...

Здесь все прошло в соответствии с королевским планом. Один из марахов тайно увез принца с Киднабана. Они доплыли до Бокума, высадились на берег и влились в поток беженцев, спасающихся от войны. Некоторое время Аливер и его спутник ехали верхом, потом прибились к каравану верблюдов, а в конце просто шли пешком по равнине, которая и привела их в Юмэ. Идти нужно было тайно, осторожно, и потому путешествие заняло много недель. Принц прибыл в поселение злой, растерянный, полный горечи. Санге стоило большого труда убедить его, что изгнание не означает поражения. Дело еще не проиграно. Аливер — последний в роду великих королей. Вождь напомнил принцу, что в его жилах течет кровь древних героев. Он говорил об Эдифусе и Тинадине, о трудностях, которые они превозмогли на пути к власти. Разве те преграды, что стояли перед ними, не казались непреодолимыми? И все же они преуспели. Аливер сделает то же самое, обещал Санге. Ему просто нужно время, чтобы подрасти и возмужать. Вождь обхватил руками колено.

— Вот что я сказал Аливеру. Он отдал мне на сохранение Королевский Долг, и все эти годы я его прятал. Принц жил хорошо, поверь мне. И тебе должно знать, что он больше не ребенок. Ни в каком смысле.

— Расскажи мне о нем.

За девять лет, проведенных в Талае, поведал Санге, Аливер заработал статус, равный статусу сына благородного воина. Он изучал боевые искусства народа, учился владеть копьем и приемами рукопашного боя, которые практиковали талайцы. Сперва все это давалось ему нелегко. Аливер наверняка хорошо усвоил Формы, но их одних было мало для овладения навыками боя, принятыми в Талае. Даже упражнения с копьем разительно отличались от всего, что знал акацийский принц. Боевые искусства талайцев не включали никаких лишних, бесполезных движений — только самые необходимые. С первых дней, как

Аливер взял талайское копье, его учили, что оружие предназначено для убийства. Ему показали множество приемов, каждый — эффективный и быстрый, не требующий больших затрат усилий. Ежедневно Аливеру приходилось преодолевать все новые трудности, и дело было не только в боевых искусствах. Суровые условия жизни племени разительно отличались от мягкой роскоши акацийского дворца, к которой привык Аливер. Он не знал языка и местных обычаев. В Акации Аливер был принцем, наследником престола, здесь — стал никем. Статус, уважение и положение в обществе — все это требовалось заработать собственными силами.

— И он справился? — спросил Таддеус.

Санге кивнул. Аливер никогда не выказывал недостатка дисциплины, старательности или отваги. Старый вождь не знал, что творится в голове юноши, ибо тот особо не откровенничал, зато серьезно подошел к обучению. Возможно, слишком серьезно.

Аливер уже получил свое первое кольцо тувей — то есть принял участие в стычке с соседним племенем. Теперь принц носил повязку на руке и, стало быть, мог пойти на охоту за лариксом. Если он преуспеет, то по закону талайцев будет считаться взрослым мужчиной. Получит право жениться, иметь собственность и сидеть на советах рядом со старшими.

— Ощущение принадлежности к народу очень важно, — продолжал Санге. — Аливер теперь один из нас. У юноши здесь есть товарищи и женщина, которая ложится с ним. Никто больше не обращает внимания на цвет его кожи. Такое различие не имеет значения для семьи.

Таддеус уловил второй смысл в словах вождя. Равно как и опасную нотку в голосе. Да, молчаливо признал он, тяжело терять сына, даже приемного. Канцлер вновь вспомнил о собственных потерях и задумался. Почему вещи, которые человек потерял — или может потерять, — характеризуют его лучше, чем те, которыми он до сих пор владеет?

— Я не знаю, как он примет тебя, — продолжал вождь. — Учти, никто не объяснял Аливеру, для чего его сюда отправили. Сдается мне, он только и думает о том, что готовит ему будущее.

— А эпидемия?

— Принц заразился, как и большинство моих людей, однако переборол болезнь, и теперь она прошла бесследно. — Санге отвел взгляд и долго рассматривал птицу, что порхала по полянке в отдалении. — О чем ты попросишь его?

— Я — ни о чем. Просил его отец. В любом случае мои слова предназначены для Аливера. А этот ларикс... он опасен?

Санге вновь обратил взгляд к Таддеусу.

— Немногие мужчины прошли такое великое испытание.

Если охотишься на ларикса, объяснил Санге, то очень скоро сам становишься дичью. Сперва охотник должен рассердить зверя. Он разыскивает лежбище ларикса и всячески портит его. Раскидывает траву, плюет и мочится на нее. Одним словом, приводит лежбище в негодность. После этого охотник отходит немного и ждет возвращения зверя. Ларикс улавливает запах и пускается в погоню за человеком. Вот тогда и начинается охота.

— Видишь ли, ларикс не терпит оскорблений. Унюхав охотника, ларикс будет следовать за ним, пока либо не убьет обидчика, либо не свалится от усталости. Охотник бежит от него, но не слишком быстро, чтобы зверь не потерял запах. Подходить слишком близко, впрочем, тоже не следует. Если человек подвернет ногу, или выберет неудобную тропу, или выдохнется сам... все это означает смерть. Единственный способ убить зверя — загнать его до полного изнеможения и потом напасть — уповая, что у тебя самого осталось достаточно сил. Здесь нужны не только навыки воина, но и ум, и хитрость. Это очень непростое и суровое испытание. Много часов чудовище будет преследовать Аливера, и он окажется в полушаге от смерти. Принц не обязан был идти на охоту, но он так решил. Я только надеюсь, что Аливер готов к ней. Многие мужчины умерли, Таддеус. Возможно, ты и вовсе не заберешь отсюда своего принца. Но если тебе доведется посмотреть в его живые глаза — знай: он силен. Сильнее любого Акарана из тех, что жили до него.

— Думаешь, он был готов к этой охоте?

— Увидим, — ответил Санге.

Тревога не покидала Таддеуса три дня, пока он ожидал возвращения Аливера. Как глупо и как жестоко вышло бы, если бы принц погиб именно сейчас, когда настало время выйти из тени и выполнить свое предназначение...

Беспокойство было напрасным. Аливер вернулся под сопровождение такого хора восторженных воплей, что не приходилось сомневаться в победе. Таддеус стоял посреди комнатухи, отведенной ему Санге, и наблюдал за происходящим через окно. Он видел огромную толпу черных тел. Люди сломя голову неслись по улицам, словно все разом узнали о возвращении охотника. Мужчины, женщины, дети побросали свои дела и ринулись навстречу. Казалось, их здесь гораздо больше, чем вообще жило в деревне. Откуда они взялись? Таддеус хотел выйти и присоединиться к ним, но решил не торопиться. Он продолжал наблюдать, стоя у окна.

Люди столпились вокруг телеги, которую тащили несколько мужчин. Обычно в такие телеги впрягали местных длиннорогих быков и использовали их для перевозки тяжелых грузов. Однако на сей раз люди ухватились за оглобли голыми руками. Таддеус не мог рассмотреть, чем нагружена телега, пока она не оказалась в удобном для обзора месте. Вглядевшись, Таддеус отшатнулся от окна. Там лежал зверь. Мертвое создание такого размера, что казалось — это несколько животных, наваленных друг на друга. В длинных мохнатых ногах было что-то от волка; толщиной шеи зверь напоминал собаку; морда походила на кабанье рыло. Под редкой шерстью проступала лиловая кожа, шелушащаяся и испещренная рубцами. Как мог Аливер убить такую тварь одним только копьем? Невероятно!

Какой-то мальчишка залез на телегу и дернул тварь за уши. Другие ухватили ее за шерсть на шее и дергали изо всех сил, а толпа ревела от восторга. Самый смелый пацаненок взял зверя за нижнюю челюсть, раскрыл пасть и прикинулся, что сейчас сунет туда голову. Потом передумал и отпрыгнул подальше в притворном страхе. Толпа снова разразилась воплями.

Однако все эти восторженные вопли не могли сравниться с приемом, оказанным самому охотнику. Его нетрудно было увидеть. Он шагал в толпе, словно воскресший герой из древних легенд. Или, вернее сказать, призрак героя — гораздо более бледный, чем обступившие его люди. Руки тянулись к нему со всех сторон. Талайцы хлопали охотника по плечам и спине, что-то кричали ему, улыбались, сверкая белоснежными зубами. На миг Таддеусу померещилось, что люди кидаются к охотнику словно твари, желающие укусить его. Впрочем, он понимал, что это всего лишь фантазии разпаленного воображения, не имеющие ничего общего с реальностью.

Таддеус изумился, увидев, как сильно вырос Аливер. Теперь он был на голову выше своего отца. Под южным солнцем кожа приобрела коричневатый оттенок, хотя он по-прежнему казался бледным по сравнению с черными как ночь талайцами. Мышцы рельефно проступали на обнаженной груди. Волнистые волосы выгорели и стали гораздо светлее, чем прежде. Аливер не был похож на аборигенов, и все же он действительно принадлежал этому месту. Оно стало для него домом. Великолепно сложенный, прокаленный солнцем, гибкий, мускулистый, он был воплощением ликующей, цветущей молодости. Чуть выше локтя на левой руке сверкал золотой обруч — кольцо тувей. Аливер с улыбкой отвечал что-то окружающим его людям. Он общался с ними как с равными, без малейшего намека на превосходство. Напротив. Таддеусу показалось, что в глазах принца мелькнула тень смущения. Может статься, на самом деле не он убил зверя? Многие знатные акацийцы присваивали себе славу великих охотников, хотя животных добывали их слуги. Впрочем, поразмыслив, канцлер решил, что это не так. Если Аливер и чувствовал неловкость, то она была вызвана не стыдом.

Разыскав Санге, Таддеус сказал, что не хотел бы мешать Аливеру праздновать победу. Пусть вождь пока не сообщает принцу о канцлере. Он попросил, чтобы Аливера прислали к

нему вечером, когда суматоха уляжется.

А вечером... вечером все пошло совсем не так, как ожидал Таддеус. Он часто представлял себе эту встречу. Воображал, как распахнет объятия, прижмет принца к груди... Взаимные обвинения, обиды, недоверие — все исчезнет как дым. Однако когда Аливер подошел к нему, Таддеус осознал, что напрасно тешил себя иллюзиями.

— Здравствуй, Аливер. Я пришел рассказать о твоём истинном предназначении. И вижу, что правильно выбрал время. Сегодня ты убил чудовище. Поздравляю. Отец гордился бы тобой.

Как странно, подумал Таддеус. В Аливере ещё много мальчишеского — во взгляде, изгибе губ, посадке головы... И тем не менее перед канцлером стоял взрослый мужчина со знакомым и вместе с тем чужим лицом. Глядеть на него — все равно что слушать фальшивые ноты, вплетенные в давно известную мелодию. Былая мягкость, сглаженные углы — все исчезло. Таддеус посмотрел принцу в глаза. Что в них было? Презрение? Гнев? Удивление или разочарование?

— Ты действительно сам убил чудовище?

Когда Аливер ответил, канцлер заметил, что у него появился талайский акцент — растянутые, нечеткие гласные. Впрочем, он по-прежнему отменно владел родным языком.

— Я научился делать очень многие вещи. Так, значит, ты жив?

Не то приветствие, на которое надеялся Таддеус.

— Сядь, пожалуйста.

Таддеус знал, что и как надо говорить, даже не задумываясь об этом. И он по-прежнему имел влияние на Аливера. Тот опустился на циновку, скрестив ноги и выпрямив спину.

Таддеус взял письмо, лежавшее на низком столике.

— Давай-ка начнем с самого начала, принц. Вот, прочти. Это важно.

— Ты знаешь, что там сказано?

Таддеус кивнул.

— Да, но только я один.

— Почерк не отца, — сказал Аливер, коротко глянув на письмо.

— Это мой почерк. Хотя слова его. Читай и затем суди.

Молодой человек склонился над бумагой. Пробежал письмо глазами, вернулся к началу и прочитал заново. Таддеус смотрел в сторону. Ему казалось невежливым наблюдать за Аливером. В любом случае он знал письмо наизусть — все слова любви, которые Леодан обратил к своему первенцу. Он старался не думать о них, чтобы Аливер мог остаться наедине с отцом. Однако нужно было помнить слова, чтобы апеллировать к ним, когда принц дочитает послание.

— Я не верю, что это все всерьез, — сказал Аливер. Он не поднял глаз, просто бездумно смотрел на письмо.

— Все всерьез. Какая часть вызывает у тебя сомнения? Молодой человек щелкнул по бумаге.

— История о сантот, Говорящих Словами Бога... Отец, должно быть... слишком близко подошел к смерти. Его сознание помутилось. Погляди, что тут сказано: «Сын, теперь, когда ты вырос, настало время спасти мир...» И для этого я должен найти что-то магическое... мистическое...

— Сантот так же реальны, как ты или я.

Аливер уставился на Таддеуса.

— Да? Ты встречал хоть одного? Ты использовал магию? Или, может, видел, как это делается?

— Существуют записи... — Аливер раскрыл рот, готовый возразить, но Таддеус не позволил ему вставить ни слова. — Существуют записи, о которых ты пока ничего не знаешь. Там подробно рассказывается о сантот.

— Мифы! — Аливер словно выплюнул это слово, будто оно было каким-то ругательством.

— Мифы живут, Аливер. Это правда, такая же неопровержимая, как солнце или луна. Ты видишь сейчас луну? Нет, но ты веришь, что она снова появится. Отец говорит тебе, что сантот могут вернуться в Изученный Мир. Они помогут нам отвоевать империю, как уже делали прежде. Все, что им нужно, — это ты. Принц рода Акаран, который станет королем и позволит им вернуться из изгнания. Тебя отправили в Талай в том числе и поэтому. Он ближе всего к землям сантот. Леодан желал, чтобы ты получше узнал этот край и местных людей, научился выживать здесь. Он хотел, чтобы ты разыскал сантот. Для твоих сестер и брата предназначались другие убежища... хотя с ними все пошло наперекосяк. Я расскажу об этом позже, Аливер. Ты узнаешь все, что знаю я. Все. Еще я расскажу о Хэнише Мейне. У него есть кой-какие планы насчет его предков — Тунишневр. Их ты тоже мог бы назвать мифом, и все же они дают Хэнишу реальную силу...

— Ты сказал «нам», Таддеус? Кому это — «нам»?

— Многие ждут твоего возвращения. Можно сказать: весь мир. Есть вещи, которые только ты способен...

— А почему я должен заботиться о мире? Или верить тебе? У меня теперь другая жизнь и новые друзья, которые всегда говорят правду.

Таддеус почувствовал, как бешено пульсирует жила у него на шее. Захотелось прикрыть ее ладонью.

— Было время, когда ты называл меня дядюшкой. Ты любил меня. В детстве ты часто это повторял, а я... я ведь тоже тебя любил. Посмотри на меня. Я прежний Таддеус. Тот самый человек. И я знаю, что тебе не наплевать на судьбы мира. Ты — часть его. Аливер, этого хотел твой отец. Те вещи, которые ты узнаешь... человек, которым ты становишься... — Лицо принца было непроницаемым. Таддеус ничего не мог прочитать на нем и сделал паузу. — Я вижу, ты хочешь быть для меня загадкой, но ничего не выйдет. — Он снова помолчал и прибавил с большей уверенностью: — Ничего не выйдет.

— Ты говоришь, я должен сделать выбор?

— Да.

— Тогда ты говоришь лишь половину правды, — заявил Аливер. — Поскольку знаешь, что у меня нет выбора. А еще ты предал моего отца, но не признался мне. Честный человек с этого бы начал. Да, я в курсе. А как иначе? Весь мир знает об измене Таддеуса Клегга. Хэниш Мейн сам объявил о ней и слухи дошли до меня еще в караване, по пути сюда. Люди обсуждали, что ты совершил — глупость или предательство. Я не стал вмешиваться в их спор, ибо знал правду: и то и другое. Положим, не ты воткнул кинжал в грудь короля, но... с тем же успехом мог и ты. Если бы ты остался верен моему отцу, то упал бы на колени и молил о прощении.

Принц поднялся на ноги одним плавным движением. Он закончил разговор и решительным шагом направился к выходу. Таддеус не ожидал от Аливера таких слов. И теперь не знал, что отвечать.

Не поднимаясь с места, Таддеус подался вперед и схватил Аливера за ногу. Не лучшее решение, прямо скажем, но он не дал Аливеру уйти. Таддеус держал крепко, ожидая, что кулаки принца вот-вот обрушатся ему на голову. Лишь теперь старый канцлер понял, чего он так ждал все эти годы. Чего боялся и вместе с тем желал более всего на свете. Прощения. Он хотел, чтобы его простили. Но для этого нужно перестать лгать. Сказать всю правду до самого конца, ничего не боясь. И если Аливер — тот принц, которого ждет Изученный Мир, он мужественно встретится с ней лицом к лицу.

Глава 32

Гибкое тело угря прорезало толщу прозрачно-синей воды. Девушка наблюдала за ним, лежа на животе. Она была обнажена — за исключением куска ткани на бедрах. Шершавые доски пирса слегка царапали ее живот, ноги и грудь. Солнце било в спину с такой силой, что покалывало кожу. От постоянного пребывания на свежем воздухе тело приобрело

коричневатый оттенок, а тонкие волосы выгорели до белизны. Девушка уже давно вошла в детородный возраст и потому носила ткань вокруг талии, однако до сих пор — в двадцать один год — в ее фигуре было еще много детской угловатости. Грудь выросла достаточно, чтобы жрецы опускали глаза при взгляде на нее, но, вообще говоря, они были довольно маленькие, и девушку это вполне устраивало. Она отнюдь не походила на земное воплощение богини... Девушка была жрицей Майбен — главного женского божества народа вуму, жившего на островах, которые носили название Архипелаг Вуму.

Угорь не останавливался ни на миг, он извивался в воде, отплывал на некоторое расстояние, потом возвращался обратно. Глубина здесь превосходила человеческий рост, но вода была прозрачна до самого дна. Ясно виднелся мелкий беловатый песок, все его линии, складки и текстура узоров. Угорь же плавал почти у самой поверхности, и ни одно его движение на фоне бледного дна не оставалось незамеченным. Молодая жрица могла наблюдать за ним бесконечно. Зрелище умиротворяло ее. Словно она задавала вопрос, а ответом служил путь угря, который, если бы его можно было обратить в звук, оказался бы мелодичным напевом без слов. Он бы ей понравился. Впрочем, девушка уже знала, что жизнь гораздо чаще задает вопросы, нежели отвечает на них.

Жрица поднялась на ноги и пошла по лабиринту пирсов — геометрическому хаосу, прорезавшему плавную арку залива. Судя по положению солнца, пришла пора готовиться к вечерней церемонии. Если она вскорости не вернется в храм, жрецы пойдут ее разыскивать. На миг девушка подумала: а может, пусть ищут? Жрецы нервничали, если она исчезала надолго, и когда-то это забавляло ее. Девушке нравилось их дразнить. Впрочем, так было прежде. Мало-помалу молодая жрица все более привыкала к подобной жизни, и ей уже трудно было представить себя в отрыве от Майбен.

Девушка оставила море за спиной. Ей предстояло пройти через центр городка, который носил название Руинат. Маленькое поселение — немногим больше рыбацкой деревушки, какие в великом множестве были разбросаны по Вумейру, главному острову архипелага. Однако именно в Руинате находился главный храм Майбен, а потому это место почиталось и процветало. Галат, на восточном побережье, служил основным центром торговли и товарообмена. Руинат же был скромным поселением, очень тихим сейчас, в раскаленные полуденные часы. По большей части жители прятались в своих жилищах и дремали, пережидая жару.

Девушка спускалась по главной улице, где земля была утрамбована до твердости камня. Она шла с обнаженной грудью, не утруждаясь прикрывать ее. Земная оболочка богини не тайна, ее нет нужды прятать от людей. Каждый в поселении знал жрицу. Они наблюдали, как она росла — с тех пор, как девочка появилась на острове. Она вышла из моря, держа в руках меч; она говорила на странном языке и не знала своего настоящего имени. Бывало, что люди смеялись над ней, гоняли по улицам и даже отпускали в ее адрес непристойные шутки. Но они же научили девочку языку вуму. И уж конечно, когда жрица появлялась перед ними в убранстве Майбен, никому не хватало духу подтрунивать над ней. Всему отведено должное время и должное место.

На пути к храму жрице предстояло пройти через аллею богов. Гигантские идолы были сделаны из самых высоких деревьев, какие только нашлись на острове богини. Человек едва ли мог рассмотреть их лица; впрочем, они и не предназначались для обзора с земли. То были подношения Майбен — дары для услады очей богини, парящей в поднебесье.

Назвать богиню морским орлом было бы грубой ошибкой, почти богохульством. Она и впрямь могла принимать эту форму и имела сородичей-птиц. Однако сама Майбен превосходила их всех. Острым, ясным взором она обзревала землю и небеса и умела заглянуть человеку в душу — в самую суть его естества. Ничто не могло укрыться от всевидящих глаз богини. Она заслуживала — и требовала — почитания. И Майбен имела силу, чтобы напомнить об этом людям — в любой момент, когда ей того хотелось.

За годы, проведенные на острове, молодая жрица усвоила, что в пантеоне вуму много божеств. Бог Кресс повелевал приливами и отливами. Улува плыла перед тунцами, указывая

им дорогу к месту ежегодного нереста. Баниша царила над морскими черепахами; только с благословения богини ее дочери каждое лето выбирались на южные берега и закапывали яйца в теплый песок. Бог-крокодил Бессис съедал луну — кусок за куском, каждую ночь, пока она не исчезала совсем. Насытившись, он спал, а тем временем лунный фрукт вырастал заново. Тогда Бессис восставал от дремоты, и опять начинался пир. Жрица успела понять, что в мире вуму природные циклы зависели от здоровья и воли бесчисленного множества богов. Она даже не помнила их всех по именам, но это не имело значения. Лишь два божества стояли на вершине пантеона вуму, и только одно из них влияло на ее жизнь.

Майбен не управляла природным миром. Она была богиней ярости, вспыльчивой сестрой неба, которая повсюду видела недостаток уважения к себе — среди богов, людей, тварей земных и даже стихий. Майбен Яростная часто впадала в гнев и была скоро на расправу. Она посылала на землю шторма, дожди и бури; она щелкала клювом, выбивая искры-молнии. Майбен недолго любила людей, считая их чересчур гордыми. Вдобавок она полагала, что другие боги слишком щедро одевают их своими милостями. Лишь однажды богиня обратила на человека благосклонный взор, и даже это обернулось трагедией.

Вахаринда происходил от смертных родителей, но по какой-то причине боги благословили его — еще до того, как мальчик появился на свет. Не мать напевала колыбельные, чтобы утешить малыша; он сам пел их ей. Другие женщины поглаживают живот, чтобы ребенку в утробе было спокойнее; Вахаринда сам гладил мать изнутри. О, он умел обращаться с женщинами! Мать поняла это еще до того, как ее сын родился. Появившись на свет, Вахаринда изумил всех. Он был невероятно хорош собой и рос не по дням, а по часам. С каждым годом мальчик становился все прекраснее лицом и телом. Когда Вахаринде было шесть или семь лет, девушки теряли голову при одном лишь взгляде на него. К одиннадцати годам он познал сотни женщин. В пятнадцать — тысячи женщин называли Вахаринду мужем и утверждали, будто понесли от него. А еще он был смелым, искусным охотником и великим воином. Оружие, которым сражался Вахаринда, другие мужчины не могли даже приподнять.

Однажды Майбен увидела Вахаринду, когда тот ублажал женщин одну за другой. Она наблюдала, как женщины извиваются и стонут под ним, как они кричат от удовольствия, как выкликают имена богов, призывая их в свидетели чуда. Майбен стало любопытно. Сперва она не собиралась ложиться с Вахариндой, но когда заглянула ему в глаза, уже ничего не могла с собою поделать. Какой самец! А уж как хорош инструмент наслаждения у него промеж ног! Почему бы не влезть на него и самой не изведать радостей плоти, которые человек раздаривает так щедро?

Так Майбен и сделала. Ей было хорошо. Очень хорошо. После она лежала на песке, тяжело дыша, и не сразу заметила, что мужчина уже не ласкает ее. Он отвернулся и любезничает с другой женщиной. Возмущенная, Майбен окликнула Вахаринду и потребовала, чтобы он взял ее снова. Он отказался: сказал, что она довольно хороша, но все же не настолько, чтобы покинуть других женщин. Глаза Майбен бледно-голубые, как небо, а ему больше нравятся карие. Ее волосы тонки и легки, словно высокие облака, обозначающие смену погоды, а он предпочитает черные и густые пряди, которые можно пропускать между пальцами. Ее кожа цвета белого песка; да, это необычно, но ему куда милее загорелые коричневые тела.

Услышав все это, Майбен впадала в ярость, отринула человеческую форму и превратилась в огромного морского орла. Ее крылья закрывали полнеба; ее когтистые лапы могли схватить человека поперек талии, а каждый коготь напоминал изогнутый меч. Майбен спросила: может, в таком виде она ему больше понравится? Видевшие это люди бежали в ужасе, и лишь Вахаринда остался. Никогда прежде он не испытывал страха и теперь не испугался. Юноша схватил копье и кинулся в битву. Вахаринда и Майбен метались по острову и по горам, сражались в ветвях деревьев, и прыгали в небо, и бегали по поверхности моря. В воинских искусствах Вахаринда превосходил всех людей, и все же он не сумел побороть Майбен. В конце концов, он был всего лишь смертным, а она — богиней. Майбен

схватила его когтистыми лапами, села на ветку — там, где люди могли их видеть, и пожрала плоть, отрывая кусок за куском, пока ничего не осталось. Потом Майбен улетела. История Вахаринды, впрочем, на том не заканчивается...

Жрица оставила аллею богов за спиной и побежала по тропе, ведущей к зданию храма. Она задержалась на миг, чтобы взглянуть на гавань. Теперь там кипела жизнь. Несколько лодок плыли к докам, неся на борту пилигримов, которые желали взглянуть на богиню в человеческом обличье. Она примет их через несколько часов, как делала каждый день.

Приблизившись к зданию, девушка снова помедлила. Она любила смотреть на статую Вахаринды, который сидел на пьедестале перед входом — одновременно памятник ему и напоминание о могуществе Майбен. Народ вуму решил прославить героя — самого сильного, самого красивого, самого отважного и лучше всех умеющего ублажать женщин. Образец мужского совершенства. Вуманцы послали богатые дары жителям Тея, что на побережье Талая, и получили взамен огромную каменную глыбу. Второго такого камня не было на островах; из него сделали статую Вахаринды. Герой сидел в расслабленной позе, вольготно раскинувшись, словно отдыхая от трудов. Ваятели потрудились на славу: каменный Вахаринда в точности походил на живого. Он был обнажен и — как часто случалось при жизни — его возбужденный член стоял, точно сжатый кулак, грозящий небесам. Великолепная статуя; ничего столь же прекрасного не было в мире до тех пор и не создано поныне.

Глядя на эту красоту, народ вуму вскорости стал почитать Вахаринду как бога. Они возносили ему молитвы, просили милостей, приносили дары: цветы, драгоценные камни или иные жертвы. Многие женщины, видя в облике статуи мужчину, которого они когда-то любили, садились на каменный член и так ублажали себя. Они шли к нему, пренебрегая даже собственными мужьями. Некоторые уверяли, что каменный бог одарил их своим семенем, и они понесли ребенка. Женщины приходили так часто, что контуры члена сгладились, и его длина заметно уменьшилась. Однако он по-прежнему дарил наслаждение и наслаждался сам. Майбен же пришла в ярость. Все это разозлило ее даже больше, чем пренебрежение Вахаринды. Она решила наказать людей — таким способом, который причинил бы им самую сильную боль. Сперва она кинулась на статую, схватила когтями член и оторвала его. Обломок камня Майбен отнесла к морю и бросила в воду. Ее заметила акула. Думая, что богиня кинула кусок еды, акула поднялась из глубин и вмиг проглотила пенис. Майбен возликовала: Вахаринда больше не будет ублажать женщин! Но она еще не отомстила людям сполна. Майбен забирала дары, которые Вахаринда подносил женщинам, любившим его. Она уносила их детей. Орлица вихрем спускалась с небес, хватала малышей когтями и взмывала вверх, а беспомощный ребенок кричал и извивался в ее лапах.

Проходя мимо статуи, молодая жрица невольно покосилась на поврежденную часть каменного тела. Она понимала, что испытывает недостойные чувства, и все же... все же ей хотелось бы увидеть настоящего Вахаринду. Иногда девушке даже снилось, что она садится на него, как, говорят, делали другие женщины. Однако Вахаринда оказывался отнюдь не камнем. Он был живым, из плоти и крови, и в этих снах она испытывала такое чувственное наслаждение, что просыпалась изумленная — недоумевая, как такие вещи вообще могли прийти ей в голову. В конце концов, она была девственницей и обязалась хранить невинность.

Жрецы давно нашли способ умиротворить Майбен: создать ее живой символ, который постоянно будет находиться на глазах у людей, дабы те никогда не забывали о богине. Жрецы говорили, что люди должны быть скромны, не беря от жизни слишком много удовольствий. Следует понимать, что все они живы только по воле Майбен. Глядя на родных и любимых, нужно помнить, что они не вечны. Не стоит радоваться крепкому здоровью, забывая, что болезнь всегда бродит поблизости. Наслаждаясь хорошей погодой, должно подумать о штормах, которые налетят поздним летом и принесут много бед. Надлежит ежедневно помнить о страданиях, говорили жрецы. Только так можно ублажить яростную богиню с ревнивыми глазами, которая видит все происходящее на земле, над ней и под ней.

Помимо всего прочего, жрецы не должны потакать желаниям плоти, как однажды сделала Майбен, отдавшись Вахаринде, — ибо в тот раз она совершила ошибку.

Люди честно исполняли заповеди богини. Возможно, именно поэтому они жили в достатке, и острова Вуму процветали. Здесь разводили устриц в специальной закрытой гавани. Сомы размером с крупного мужчину в великом изобилии населяли мутные реки, текущие с холмов. Их спины вспарывали водную гладь, так что рыбаки просто стояли в каноэ и кидали копья, не боясь промахнуться. Весной из моря шел тунец, до отказа наполняя сети. Поздним летом деревья в долинах стонали под тяжестью фруктов. И даже мальчики восьми-девяти лет считались достаточно взрослыми, чтобы отправиться на охоту в холмы. Они всегда приходили назад, нагруженные мясом обезьян, древесными белками и нелетающими птицами — столь жирными, что трудно было унести такую под мышкой. По правде сказать, Майбен многому могла позавидовать. А люди вуму благодарили своих богов за милости...

— Жрица! — раздался голос с вершины храмовой лестницы. — Иди же, иди. Ты сильно задержалась.

У входа стоял Ванди — жрец, отвечавший за подготовку церемонии. Он часто напускал на себя свирепый вид, но на самом деле всегда был добр с ней. Словно дядюшка, который обожает свою племянницу и знает, что на самом деле едва ли в состоянии на нее повлиять. В руках Ванди держал нижнюю сорочку жрицы, будто она была уже рядом и вот-вот собиралась надеть ее.

Девушка побежала по лестнице, перескакивая через две-три ступеньки разом. Ступени были низкими, дабы человек поднимался к храму медленным, спокойным и размеренным шагом. Но это касалось почитателей — а не той, кому им надлежало поклоняться.

— Успокойся, Ванди, — сказала жрица. — Не забывай, кто здесь кому служит.

Подобно большинству вуманцев, Ванди был невысоким человеком с иссиня-черными волосами, зеленоватыми глазами и жесткой линией рта. Жизнь жреца по большей части проходила в храме, а не на открытом воздухе, и потому он был заметно бледнее своих меднокожих соплеменников, но все же неизменно притягивал к себе взгляд.

— Мы все служим богине, — усмехнулся Ванди.

Девушка накинула сорочку и вслед за жрецом направилась во внутренние помещения храма. Здесь, в пахнущей благовониями комнате, уже ждали помощницы жреца, готовые облачить ее в наряд Майбен. Они обернули ее во множество слоев обшитой перьями ткани, раскрасили лицо и надели на жрицу маску в виде птичьего клюва — убедившись, что девушка сможет нормально дышать. Потом в дело вступили парфюмеры. Они делали глотки из драгоценных сосудов со специальной жидкостью и выдыхали ароматные брызги — сложное искусство, которому эти люди обучались многие годы. К пальцам жрицы приложили когти, закрепили их и привязали кожаными шнурами. На каждой руке было по три когтя: два соединяли попарно указательный палец со средним и безымянный с мизинцем, а третий крепился к большому пальцу. Это были настоящие когти морского орла. Судя по их размеру, птица была огромная и, должно быть, ненамного уступала самой богине.

Во время всей процедуры жрица стояла неподвижно, разведя руки в стороны, чтобы помощницам было удобнее. Она помнила, что давным-давно отец стоял в похожей позе, пока портные одевали его для приема. Может быть, подумала девушка, она не так уж далеко ушла от своей предыдущей роли? Прежде чем стать жрицей, она отзывалась на имя Мэна. Теперь ее называли Майбен. Есть что-то общее. Временами она вспоминала свою семью с ошеломляющей ясностью, хотя чаще видела просто неподвижные картинки, словно портреты, развешанные на стенах сознания. Порой она видела даже себя. Принцесса Мэна, одетая в слишком пышное платье; драгоценная брошь на шее, изящные шпильки в волосах. Она хорошо помнила братьев, хотя память сохранила их неподвижными, замершими в статичных позах. Серьезный Аливер, так озабоченный своим местом в мире, и добрый маленький Дариэл — веселый и беззаботный. Лицо Коринн ускользало от нее, и это

беспокоило Мэну. Она знала сестру лучше всех, однако не могла вычленить ее индивидуальность и уникальный характер. Впрочем, хотела она того или нет, теперь Мэна жила другой жизнью, не имеющей ничего общего с прежней.

Однажды утром, много лет назад, она очнулась от сна, зная, что плывет в крохотном рыбацьем баркасе. Мэна посмотрела вверх, в бесконечное бело-голубое небо. Если б она подняла голову, то увидела бы все те же белые пенные шапки, которые окружали ее уже много дней. С недавних пор, глядя на них, она ощущала лишь усталость, а не страх, как прежде. Мэна села. Ее спутник-талаец был молчаливым человеком. По большей части он избегал смотреть на принцессу, обратив взгляд черных глаз к далекому горизонту, или рассматривая бьющийся на ветру парус, или уставившись на темные волны.

Мэна же, со своей стороны, не чувствовала никакого смущения, глядя на солдата. Она рассматривала худое лицо и наблюдала, как ловко марах управляет баркасом, хотя на левой руке у него не хватало двух пальцев. Солдат пользовался ею свободно, но скрюченная кисть неизменно притягивала взгляд Мэны. На Акации она редко видела телесные увечья. Слуги никогда не попадались ей на глаза, а знатные люди постарались бы скрыть такой недостаток. Теперь Мэна видела, что ее охранник не такой уж огромный, каким показался в первый момент. Возможно, тут всему виной искаженная перспектива: он был единственной фигурой в поле зрения — в маленькой лодке на фоне бескрайнего океанского простора. На поясе марах носил короткий меч. Второй — длинный — лежал в багажном отсеке палубы, наружу торчала только рукоять.

Уже не в первый раз Мэне хотелось встряхнуть головой и очнуться от этого абсурдного сна. Она поверила солдату, когда тот сказал, что исполняет волю ее отца, но теперь все более сомневалась. Открыв дверь своей комнаты на Киднабане и увидев талайца, Мэна решила довериться ему. Они сели на двух пони и поехали по дороге, ведущей вдоль берега, а затем свернули в лес. Здесь солдат обрезаю ей волосы ножницами для стрижки овец, напялил на Мэну грубую одежду простолюдина и рассказал их легенду. Если кто-то спросит, она должна называться мальчиком-слугой, отданным солдату в оплату за долги. Впрочем, никто ни о чем их не спросил.

Они плыли от порта к порту, садясь на любые корабли, которые соглашались взять пассажиров. В Бокуме талаец купил маленький баркас. Он торговался добрый час, а Мэна завороченно наблюдала. Несколько раз она спрашивала своего охранника, почему они путешествуют столь странным образом, но солдат предлагал ей еще раз перечитать письмо, которое он предъявил в самом начале. Увы, письмо, написанное рукой Таддеуса, было слишком кратким и ничего толком не объясняло. Мэна должна спрятаться. Нужно перемещаться без фанфар, не привлекая к себе внимания излишней роскошью. Никому и в голову не придет, что принцесса Акаран путешествует с одним-единственным охранником. Так они могут укрыться у всех на виду и переезжать в сравнительной безопасности. Канцлер предупреждал, чтобы они не оставляли знаков, которые потом кто-нибудь сумеет правильно истолковать и пуститься в погоню. Видимо, именно поэтому, рассудила Мэна, не стоит показывать, что у них есть деньги. Однако эта маскировка начала ее утомлять.

— Куда ты меня везешь? — спросила она.

Солдат повернул голову и посмотрел на море за кормой баркаса. Мэна обратила внимание, что он делал так очень часто — почти каждую минуту. Похоже, это превратилось у него в привычку, от которой талаец уже не мог избавиться.

— Я выполняю приказ.

— Знаю. Но куда ты должен меня доставить?

— На архипелаг Вуму. Я же говорил вам вчера и позавчера, принцесса.

— Но зачем?

— Я просто выполняю приказ.

— А не мог бы ты отвезти меня домой?

Охранник коротко взглянул на принцессу, затем вновь уставился на море.

— Нет. Даже если б хотел... не могу. Я понимаю, что вы напуганы, но я делаю все, чтобы помочь вам. Все, что в моих силах.

— Долго нам еще плыть?

— Несколько дней. Зависит от ветра, от течений... — Он неопределенно помахал рукой, словно сам не очень-то хорошо разбирался в подобных вещах.

Ответ охранника совершенно не удовлетворил Мэну.

— Между прочим, я вовсе не напугана. Это ты боишься. Зачем ты все время смотришь по сторонам? В чем дело?

Талаец чуть нахмурился и отвел взгляд, словно не собираясь отвечать вовсе. Однако почтение к принцессе и ее семье, очевидно, возобладало, и марах смягчился.

— Там лодка, — проговорил он. — За нами. И она приближается.

Солдат не ошибся. Кораблик был еще крохотным. До сих пор Мэна не замечала его, принимая за одну из бесчисленных пенных шапок. Лодка исчезала из поля зрения и появлялась вновь — по мере того, как вздымались и опадали волны. Сперва Мэна не верила, что их преследуют. Как можно сказать с уверенностью при таком расстоянии? Однако часом позже она решила, что, может быть, талаец и прав. Суденышко приближалось. Каждый раз, когда оно взлетало на гребне очередной волны, казалось, что дистанция сокращается. Мэна спросила солдата, не подождать ли немного: вдруг лодка послана с Акации, чтобы разыскать их и вернуть домой? Солдат не ответил, не изменил курс и не опустил парус. Впрочем, это не имело значения: чужой корабль явно превосходил их в скорости. Он был длиннее и уже баркаса и имел более широкий парус. Корабль летел по волнам; его подгонял собирающийся шторм. Или, возможно, он тянул шторм за собой. Трудно было сказать, кто кого направлял.

От ветра вода покрылась зыбью, и волны подкидывали баркас, словно детскую игрушку. Мало-помалу они становились все выше. Ближе к вечеру неизвестное суденышко почти поравнялось; расстояние между ними все сокращалось. Лодкой управлял всего один человек. Мэна пыталась рассмотреть его как следует, все еще надеясь, что это посланник из Акации.

Мужчина поднялся на ноги и замер на миг, держа в руке нечто наподобие шеста. Талаец тоже увидел его; он прошептал проклятие и жестом велел Мэне придвинуться поближе, сказав что-то еще, что девочка не смогла понять. Она подумала: может, талаец велит ей взяться за румпель или перехватить веревку? Не важно. Тревога в его голосе и отчаянные жесты привели к тому, что Мэна застыла и вообще ничего не сделала. Баркас взобрался на гребень волны и полетел вниз, громко скрипя на яростном ветру, и Мэна боялась, что они могут просто-напросто взмыть над водой, как отвязавшийся воздушный змей.

Несколько секунд они были одни среди морского простора, но второе судно уже мчалось к баркасу; его нос с шипением резал тела волн. Преследователь кинул шест — теперь стало понятно, что это копьё — с такой силой, что едва не вылетел из лодки. Копьё вонзилось в грудь талайцу. Тот выпустил румпель, обеими руками схватившись за древко. Кровь хлынула у него изо рта; марах перевалился через планшир, рухнул в воду и исчез.

Лодка закрутилась, потеряв управление и болтаясь из стороны в сторону. Мэна плашмя упала на палубу, чтобы ее не ударило нок-реей. Парусина билась над ней, словно обезумевший зверь, но не могла поймать ветер. Девочка понятия не имела, что делать. Она лежала, словно парализованная, и смотрела вверх — на оживший парус. Потом ощутила, как баркас ударился обо что-то твердое, и поспешно вскочила на ноги.

Вторая лодка была рядом. Борта колотились друг о друга, будто два суденышка собирались кинуться в битву. Незнакомый моряк перегнулся через борт и прыгнул на палубу баркаса. Он связал лодки веревкой, оставив достаточно слабины, чтобы они могли плыть сами по себе, но не слишком отдаляясь. Затем убийца стал копать в походном мешке солдата. Кто он? Что ему нужно от нее? Что он с ней сделает? Мэна не знала наверняка; впрочем, подробности не имели значения. Так или иначе, ничего хорошего ее не ждет.

Толком не понимая, что она делает, Мэна протянула руку и схватила длинный меч

талайца, потянула за рукоять и ухитрилась вынуть клинок из багажного отсека — но и только. Меч был слишком тяжел: его даже поднять не получилось. Кончик ножен прочертил извилистую линию на досках палубы, но извлечь оружие Мэне оказалось не под силу. Никогда прежде девочка не чувствовала себя такой беспомощной.

Она изумилась, увидев, что незнакомец повернулся к ней спиной. Он ухватился за веревку и подтащил свою лодку к борту баркаса. Затем перепрыгнул через борт и развязал узел, не обращая на Мэну ни малейшего внимания.

— Что ты делаешь?! — крикнула она.

Мужчина помедлил, все еще держа веревку, обмотанную вокруг крепительной планки на палубе, и не позволяя лодкам разойтись.

— Я не хочу вам зла, принцесса, — прокричал он, чтобы Мэна услышала его за шумом воды и ветра. — Все, что тут случилось, касалось только меня и того человека. Против вас я ничего не имею.

— Ты знаешь, кто я?

Незнакомец кивнул.

— Почему ты убил его? Что ты собираешься делать со мной?

— У нас с ним были... разногласия. С вами я ничего делать не собираюсь.

Лодки взлетели на очередной волне, и на миг окружающий мир погрузился в хаос. Когда же лицо человека снова всплыло в поле ее зрения, Мэна крикнула:

— Ты оставишь меня тут погибать?

Мужчина покачал головой.

— Вы не погибнете. Течение тянет ваш баркас на восток. Оно проходит сквозь острова Вуму, будто сквозь решето. Даже если вы не поднимете парус, а просто будете дрейфовать, то через несколько дней увидите берег. Там есть люди. Как вы с ними договоритесь — уже ваше дело.

— Я не понимаю, — сказала Мэна, готовая расплакаться. Человек посмотрел на нее, и в его глазах скользнула насмешка.

— Не вы одна живете насыщенной жизнью. За мной был старый должок. — Он кивнул на море за бортом. — Теперь я его выплатил.

— Ты враг моего отца?

— Нет.

— Тогда ты его подданный! Не смей оставлять меня здесь!

— Ваш отец мертв, и я больше не повинуюсь приказам. — Незнакомец кинул свободный конец веревки в баркас. — Принцесса, я не знаю, зачем король отправил вас сюда и каковы были его намерения, но мир уже не тот, что прежде. Идите своим путем. А я пойду своим.

Он повернулся к Мэне спиной и распустил парус. Тот мгновенно набрал ветер, и лодка отвалила от баркаса, взрезав набежавшую волну. Мэна провожала суденышко взглядом, наблюдая, как оно мелькает среди темных валов. Слова человека были словно пощечина. До сих пор Мэна наивно верила, что мир вращается вокруг нее и ее семьи. Она никогда не задумывалась, что чья-то другая жизнь может изменить ее собственную. Глупо... Ведь именно так и случилось. Все, что с ней произошло, стало результатом деяний Хэниша Мейна, верно? А охранник-талаец? А его убийца? У каждого своя история, жизнь, предназначение. Мэна вдруг поняла, что в этом мире кружатся в танце тысячи судеб, и она — лишь одна из многих... По крайней мере так ей запомнилось это событие — и мысли, которые оно вызвало к жизни.

Мэна смотрела вслед убийце, пока его лодка не пропала из виду. Она осталась одна, и не было ничего вокруг, кроме бесцветного неба и движущихся водяных гор. Только через пять дней Мэна заметила землю — остров, которому предстояло стать ее домом...

— Ну вот! — сказал Ванди отступая на шаг и оглядывая принцессу с головы до ног. — Ты вновь стала богиней. Давайте же восславим Майбен и поклонимся ей.

Помощницы жреца, одевавшие Мэну, что-то неразборчиво забормотали и отступили назад в благоговейном страхе. Это всегда изумляло Мэну. Девушки только что ее переодели, наблюдая каждый этап преображения. И все же, едва помощницы заканчивали свою работу, они едва не падали в обморок от ужаса... Мэна прошла мимо них следом за Ванди, слыша в отдалении звук цимбал и колокольчиков, которые провозглашали начало церемонии. Станные эти вуманцы... но они ей нравились. Принцессе было хорошо и уютно среди них — с первого дня своего пребывания на острове.

Меж тем ее прибытие на архипелаг Вуму было далеко не таким приятным, как последующая жизнь. Мэна легко могла погибнуть. Однако именно ее появление из вод морских во многом определило дальнейшую судьбу девочки.

Одна в лодке, с небольшим количеством оставленной ей еды, Мэна два дня наблюдала, как растет перед глазами остров. Шторм давно закончился, и море было спокойным, но остров окружал барьер рифов. Вода вокруг них шипела и пенилась, яростные волны бились о камни. Они были такими высокими, что Мэна подумала: нельзя ли на гребне этакой волны перескочить через опасные камни?.. Баркас зацепился дном за риф; Мэна выпустила румпель, ее швырнуло на палубу. Плечо взорвалось дикой болью — такой, что остальные чувства померкли. Мэна перекатилась на спину и молча смотрела, как волны перехлестывают через лодку. Корпус, зажатый в рифах, стонал и потрескивал, потом море подхватило баркас, накренило, кинуло в сторону. В лодку хлынула вода, и Мэна вскочила, кашляя и задыхаясь. Сломалась мачта. Баркас снова закрутило — с такой невероятной скоростью, что мир превратился в расплывчатое пятно.

Волна вырвала Мэну из лодки. Девочка забилась в воде, пытаясь вынырнуть на поверхность, или найти точку опоры, или... хоть что-нибудь. Рука схватила какой-то предмет. Он оказался тяжел и больно выворачивал кисть, но Мэна решила, что это обломок лодки, и не собиралась его выпускать.

Должно быть, она потеряла сознание. В какой-то момент Мэна очнулась и поняла, что может дышать. Некоторое время она просто судорожно втягивала воздух, не обращая внимания на окружающее. Потом осознала, что под ногами песок. Вода была теплой и спокойной. В отдалении волны по-прежнему яростно набегали на рифы, но Мэна находилась в безопасности. Она разглядела деревья на берегу. Затем увидела дымок костра, и крытые тростником крыши домиков, и лодку, плывущую вдоль берега. Хотя плечо по-прежнему ныло, рука действовала исправно, а боль мало-помалу утихла.

Мэна побрела к берегу и только тут заметила, что тянет за собой тяжелый предмет. Кожаный шнур, привязанный к нему, крепко обмотался вокруг запястья и так глубоко впился в кожу, что кисть посинела. Подняв руку, Мэна вытащила из воды длинный меч покойного талайца. Шнур был приделан к ножнам и обычно использовался для того, чтобы носить клинок за спиной. Так вот что она ухватила! Меч, а вовсе не обломок лодки.

Так Мэна попала на остров — двенадцатилетняя, вооруженная солдатским мечом, недавно осиротевшая и отрезанная от всех мало-мальски знакомых людей. Одежда превратилась в лохмотья, волосы были спутаны и растрепаны.

Жители поселения собрались на берегу и смотрели, как девочка выходит из моря. Казалось, она пересекла океан без помощи лодки — непохожая на местных жителей и говорившая на чужом языке, который никто не мог понять. Так родился миф.

К тому времени как Мэна оказалась в Руинате, сказка ее обогнала. Ее неожиданное появление в определенное время и в определенном месте могло объясняться только при помощи странного смешения логики и верований. Жители поселения начали перешептываться. Разве не говорил Вахаринда, что в человеческом обличье у Майбен светло-голубые глаза? В точности как у этой девочки. Ее волосы легкие и тонкие, а кожа — цвета белого песка. Да, она немного темнее, однако в целом... Вуманцам как раз требовалась новая Майбен, а жрецы довольно давно не могли отыскать подходящую девочку — как правило, такие время от времени рождались на острове. Сейчас богиня явилась другим

способом — кстати, гораздо более убедительным.

В конце концов Мэна решила, что легенда устраивает ее больше, чем правдивая история. Мэне нравилась власть, которой она обладала. Образ вечно недовольной богини не позволял наслаждаться радостями жизни, которые другие люди получали по праву рождения. Однако он был необходим для поддержания ее статуса. Совершенно особого статуса.

Теперь, девять лет спустя, Мэна в очередной раз вышла на подиум в храмовой зале и встала над толпой молящихся. Как всегда, где-то в глубине душе таился червячок сомнения. Люди смотрели на нее, озаренную огнями факелов. Мэна стояла в своем наряде-оперении, раскрашенная в пятьдесят разных цветов. Массивные изогнутые когти стали продолжением пальцев. Глаза над изогнутым клювом-маской полыхали огнем. Из спутанной массы волос угрожающе торчали шипы. Она была олицетворением красоты и злобы, ожившим кошмаром, получеловеком-полухищником, воплощением богини. Мэна знала, что в любой миг может кинуться вниз — в толпу — и обрушить на людей злобную месть. Все было в ее власти.

Верховный жрец объявил о появлении богини и обратился к верующим, укоряя их за беспечность. В нужный момент Мэна вскинула руки над головой, так что обшитые перьями полы ее одеяния разлетелись в стороны. Люди склонили головы. Некоторые упали на колени. Иные и вовсе лежали ниц, распростершись на полу. Все молили богиню о милости. Песнопения сплетались со звоном колокольчиков. Люди любили ее. Люди боялись ее. А жрец бранил их, напоминал о пороках человечества, спрашивал, понимают ли они, какое мщение приходит с небес быстрее крика орла... Нестройная музыка мешалась с вопросами и ответами, со стонами и мольбами.

Мэна смотрела поверх голов жрецов — на благородных вуманцев, на простолюдинов за их спинами, на женщин и детей, скромно стоявших по краям. Все спины согнуты в низких поклонах. Каждый из людей всеми силами старается выразить уважение. Так будет до тех пор, пока богиня их не успокоит. В такие моменты Мэне казалось, что она действительно Майбен — и была ею всегда. Просто понадобилось некоторое время, чтобы найти себя. Сомнения исчезали. Она — Майбен. Майбен, крадущая детей. Месть, слетающая с небес.

Мэна велела встать и позволила еще раз взглянуть на себя. Голос девушки был чистым и ясным — как всегда, когда ее устами говорила Майбен. Он разом перекрыл все прочие звуки в зале. В такие моменты Мэна становилась истинной богиней. Она расправила крылья и с яростным воплем кинулась вниз, не сомневаясь, что все руки поднимутся, дабы подхватить ее. Если кто-то способен прыгнуть с высоты, не боясь упасть, — разве не может он сказать, что владеет тайной полета? Будто птица. Будто божество.

Глава 33

Удивительная страна, думал Хэниш. Он стоял на балконе в своем кабинете, созерцая мерцающую гладь Внутреннего Моря. Ему до сих пор было трудно понять, как земля может быть столь добра к живущим на ней. В здешней «нездоровой» атмосфере оказался неожиданно здоровый климат — мягкий и благоприятный. В этом краю не знают, что такое борьба со стихией, которую Хэниш привык считать неотъемлемой частью человеческой жизни. Здесь тепло во все времена года. Зимой лишь изредка можно увидеть влажные снежные хлопья. В самую холодную погоду на Акации мейнские дети могли бегать раздетые даже по ночам. Наверху, на плато, самый малый запас продовольствия, оставленный без присмотра, каждая ошибка, малейшее изменение ветра, единственный след — все могло стать причиной гибели. Мир старался навредить людям и ни на миг не позволял расслабиться, не допускал нерешительности. Акация совсем иная. Легкая жизнь, роскошь... что ж, в таких вещах тоже таилась опасность. Необходимо понять, что у опасности не всегда злое лицо. Иногда оно бывает милым и приветливым...

— Король Хэниш Мейн, мне странно видеть, что человек в вашем положении стоит спиной к комнате, куда может свободно войти любой.

Хэниш узнал голос; узнал бы в любом месте и в любое время. Немного гнусавый, исполненный самодовольства; промежутки между некоторыми словами заполнялись странными звуками, похожими на мурлыканье. Хэниш понимал, что появление гостя лишит его присутствия духа, и готовился к этому. Он справился с собой, прежде чем эмоции хотя бы мельком отразились на его лице. Имея дело с человеком вроде сэра Дагона, следует прятать истинные чувства как можно дальше. А еще — относиться ко всем речам с изрядной долей скептицизма.

— Я не король, — сказал Хэниш, оборачиваясь к Дагону. — Не считите за труд: я предпочитаю, чтобы меня называли вождем. Ныне я верховный вождь Изученного Мира. А что до моей безопасности... не все дворцы так же заполнены убийцами, как дворцы Лиги.

— Гм... у меня несколько иные сведения, — заметил сэр Дагон.

Его высокая фигура казалась неуклюже хрупкой, словно мускулы с трудом поддерживали костяк. Хотя яйцеобразная голова была закрыта капюшоном, лицо оставалось на виду. Глаза имели красноватый оттенок заядлого курильщика миста, но смотрели на мир внимательно и настороженно. Ничто не туманило разум главы Лиги. Хэниш не знал, зачем и каким образом они употребляют наркотик; во всяком случае, члены Лиги использовали его не так, как миллионы оболваненных бедняг по всему миру.

В Лиге не принято подавать руку для приветствия; мужчины просто подошли друг к другу и слегка поклонились.

— Я рад, — продолжал сэр Дагон, — что имею дело с вами, а не с каким-нибудь выскочкой-самозванцем. Говорят, по законам Мейна вас в любой день могут вызвать на этот танец... как он называется?

Сэр Дагон наверняка помнил название. Люди Лиги обладали энциклопедической памятью.

— Мазерет.

— Да-да. Мазерет. Простите, если я вмешиваюсь не в свое дело, но, по-моему, этот обычай пора ликвидировать. Ваша отвага и доблесть общеизвестны, зачем доказывать их снова и снова? Получается, любой мужчина вашего народа может даром получить все, чего вы добились тяжким трудом. Зачем предоставлять такую возможность? Чего доброго, какой-нибудь амбициозный болван бросит вам вызов...

Некоторые так делали, подумал Хэниш. Он пять раз танцевал мазерет с тех пор, как переехал на Акацию. Пятеро его людей умерли от его же руки. Каждый из них желал власти. Каждый надеялся получить все и сразу, совершив одно-единственное убийство. Хэниш был уверен, что сэр Дагон прекрасно знает все подробности. Он не стал развивать тему.

— Кажется, я удостоился похвалы? Коль скоро Лиге не все равно, с кем она имеет дело.

— Вы отдали своим людям мир, которым они теперь правят. Лига помнит об этом, даже если ваши собственные приближенные забывают. Лично я восхищаюсь вашим упорством. И да, Хэниш, я вам сказал комплимент. В моем возрасте человек уже мало чем интересуется. Друг мой, даже приобретение материальных благ — скорее привычка, чем амбиции.

Хэниш полагал, что и близкая смерть не усмирит амбиции члена Лиги, однако не подал виду. Равно не признал он и обвинения в адрес его приближенных. Что это было, интересно — насмешка или предупреждение? Он жестом предложил сэру Дагону уйти с солнцепека.

В комнате они уселись на кожаные стулья с высокими спинками, за стол, украшенный узорами в сенивальском стиле. Слуги принесли подносы с едой и напитками. Некоторое время продолжалась пустая, ни к чему не обязывающая беседа. Словно двое добрых знакомых встретились, чтобы поболтать о вещах не более важных, чем погода в Акации, миграция ласточек и положительное влияние морского воздуха на здоровье. Хэниш был рад передышке. Он дотошно изучал сэра Дагона, обращая внимание не столько на его слова, сколько на интонации и манеру речи, акценты, жесты, завуалированные чувства. Он

понимал, впрочем, что глава Лиги делает то же самое.

— Итак, сэр Дагон, вы недавно вернулись из далекого путешествия?

— Да, вернулся издалека.

Уже не первый раз Хэниш пытался вытянуть из главы Лига хоть какие-нибудь сведения о чужаках — Лотан-Аклун. Что это за существа, которые, по сути дела, вершили судьбы Изученного Мира? Они в каком-то смысле были союзниками Хэниша в борьбе против Леодана Акарана, однако он никогда ни одного из них не видел и ничего не знал об этом народе. Лотан-Аклун жили на островах, протянувшихся цепью вдоль длинной стороны континента и известных как Иные Земли. Они не желали иметь дела с Изученным Миром, довольствуясь богатствами, которые обеспечивала им Квота. Лига была посредником между Лотан-Аклун и остальным миром.

В первые годы своего правления он неоднократно требовал сведений о Лотан-Аклун, желая понять, с кем имеет дело. Представители Лиги обещали направить какой-то «запрос», но ответ так и не пришел. Хэниш расспрашивал о них даже Калраха, ведь нюмреки пришли именно из той части мира, где обитали Лотан-Аклун. Тем не менее и Калрах не сумел дать сколько-нибудь вразумительных ответов. Предводитель нюмреков отозвался о Лотан-Аклун с изрядной долей пренебрежения. Просто торговцы, объяснил он.

Девять лет на вершине власти — а Лотан-Аклун по-прежнему были реальны для Хэниша только потому, что требовали детей-рабов и производили наркотик, который помогал утихомирить взбудораженную империю. Члены Лиги уверяли, что все идет нормально, и Хэниш знал, что сэр Дагон не скажет ничего нового в ответ на его вопросы. Поразмыслив, он решил не настаивать.

— Кстати, — произнес сэр Дагон, — Лотан-Аклун довольны вашими успехами в обращении с антоками. Они отдали антоков, полагая, что вы найдете способ с ними управиться, и рады, что не ошиблись.

Хэниш кивнул. На самом деле никаких особых успехов он не заметил. Антоки были странными зверями, которых он видел лишь единожды. Гигантские создания, похожие на жутких тварей древности, чьи кости иногда находили в земле. Если бы Хэниша спросили, он навряд ли сумел бы описать их словами. Гадкая помесь свиньи и собаки, многократно увеличенная в размерах. Мерзкие, жестокие хищники. Хэниш полагал, что можно использовать их в бою, если до этого когда-нибудь дойдет дело. Впрочем, сам он антоками не занимался, предоставив Маэндеру разбираться с тварями в глуши Сениваля. Чем меньше он слышал о них — тем лучше.

К счастью, сэр Дагон снова перевел разговор:

— Думаю, вас обрадуют мои новости. Лотан-Аклун хотели бы увеличить товарооборот. Как вы знаете, они терпеливо ждали много лет. Скучные подачки, которые вы слали им до сих пор... вы же понимаете. Они считают, что оказывали вам любезность, принимая их без жалоб и исправно снабжая империю мистом в кредит. Лотан-Аклун отдают себе отчет, что вам требовалось привести страну в порядок, встать на ноги, пережить период реконструкции... однако ныне он закончился.

Сэр Дагон сделал паузу и приподнял бровь. Хэниш взмахнул рукой, призывая продолжать.

— Мы должны отправить полный корабль рабов, положенных по Квоте, до наступления зимы. Вдвое больше, чем давали Акараны, но ровно столько, сколько вы обещали перед войной в обмен на помощь. Пятьсот тел с каждой провинции, поровну мальчиков и девочек, примерно одинаковое количество от каждого народа. Возможно, в будущем им понадобится больший разброс возрастов, нежели раньше, но пока они ничего такого не говорили. Взамен Лотан-Аклун увеличат поставки миста на треть. И учтите, наркотик улучшен. Теперь он медленнее разрушает организм, а привыкание, наоборот, происходит быстрее. Вдобавок курильщик, не принявший вовремя свою дозу, обретает целый букет неприятных ощущений. Галлюцинации, лихорадка, сильная боль... Люди пойдут на что угодно, лишь бы добыть очередную порцию. Все это описано в документах,

прилагаемых к исправленному договору.

Хэниш отвел взгляд. Они не требуют ничего, кроме целого мира. Как благородно! Какая великая щедрость!.. Ему на глаза попала золотистая обезьяна, прыгнувшая на перила балкона; ее желтовато-оранжевая шерсть сняла в солнечном свете. Хэниш недолго любил этих тварей. Шумные, наглые, словно весь дворец на самом деле принадлежал им. В первый год своего пребывания на Акации Хэниш завел здесь другую разновидность обезьян: крепких зверюг со снежно-белой шерстью и блестящим голубоватым лицом. Они повели себя буйно и агрессивно. Белые обезьяны охотились на золотистых и раскидывали окровавленные полусъеденные тушки где попало. В конце концов Хэниш приказал уничтожить их. Золотые, меж тем, покорили сердца придворных дам. И остались.

— Я привез с собой переписанный договор, — сказал сэр Дагон. — Вы можете внимательно ознакомиться с ним на досуге. По большому счету ничего не меняется. Продолжайте наслаждаться своей с таким трудом завоеванной империей. В договоре есть только один принципиально новый пункт, на который вам стоило бы обратить внимание... — Дагон вспомнил о еде и принялся разглядывать подносы. Недоговоренная фраза повисла в воздухе. Хэниш молча ждал. — Поскольку Лига оказывает посреднические услуги в переговорах, мы хотели бы... некоторых небольших благ для себя. Нет, мы не просим изменения процентной ставки или денежного прибавления — ничего такого. Мы всего лишь предлагаем снять с ваших плеч ношу и переложить на свои.

Хэниш коснулся пальцем шрама на носу — мимолетное движение, которое легко могло остаться незамеченным.

— Сгораю от любопытства, — сухо проговорил он.

— Мы просим отдать нам Внешние Острова. В полную и безраздельную собственность.

— Острова кишат пиратами.

Сэр Дагон улыбнулся.

— Мы в курсе. Пираты — не проблема. Лига изучила их повадки во всех деталях. Мы уверены, что справимся.

— Едва ли пираты вам подчинятся.

— Эти разбойники были для вас проблемой, верно? — спросил сэр Дагон. — Так вот, мы снимем ее с ваших плеч. Могу предположить: вы не ожидали, что мирная жизнь после победы окажется более суровым испытанием, нежели война. Это урок, который можно усвоить только методом проб и ошибок. Потому-то Лига и предпочитает быть в мире всегда и со всеми, даже если наши друзья воюют друг с другом.

Хэниш не мог с ним спорить; в подобном подходе была определенная мудрость. Кто бы подумал, что война покажется легким делом в сравнении с управлением империей? Проблемы появлялись одна за другой, то и дело давали ростки новые кризисы. Иные беды были делом его собственных рук. Например, болезнь оказалась гораздо более заразной, чем он ожидал. Хэниш не представлял, что она распространится так далеко и так быстро перегонит его военные устремления. Эпидемия убила слишком многих, и населению империи понадобится еще немало времени, чтобы восстановить прежнюю численность.

Да и нюмреки изжили свою полезность. Они не вернулись за Ледовые Поля, как обещали вначале, хотя Хэниш щедро заплатил им за службу. В послевоенной суматохе, когда болезнь еще свирепствовала на юге, нюмреки окопались в Ошени и объявили эту землю своей собственностью, забрав города, деревни и поместья, поработив людей, которым удалось выжить. Хуже того: они начали основывать колонии вдоль западной оконечности талаяского побережья. Создания с ледяного севера!.. Как выяснилось, они обожали загорать под жарким солнцем и купаться в прозрачной теплой воде.

Были и другие проблемы, порожденные не самим Хэнишем. Из-за войны начались перебои с поставками миста на территорию Акацийской империи; возможно, именно поэтому в головах людей зарождались вредные идеи. Люди стали коварными, непокорными, склонными к бунтам и мятежам. Они устраивали беспорядки, самым крупным из которых

был поджог зернохранилища в Майнланде. Сгорела почти половина запаса зерна, что вызвало голод. По империи распространялись истории о священных пророчествах; говорили, что Хэниш и его чума — предвестники возвращения Дающего. Мятежников, наказанных по заслугам, люди объявляли мучениками, которые пользовались симпатией и любовью народа, а новые казни и пытки лишь увеличивали их число. Талай так и не был полностью усмирен. Внешние Острова попали под безраздельный контроль пиратов. Собственные войска Хэниша наводнили убийцы под маской верных солдат.

А самыми неприятными были восстания на рудниках. Едва Хэниш собрался привести в порядок торговлю, как рудокопы решили, что хотят жить по собственному разумению. Они отказались работать. Некоторые болваны даже утверждали, что рабочие должны получать часть доходов от рудников. Откуда-то вылез пророк по имени Бэрэк Младший — самодовольный человечиска и прекрасный оратор, породивший массу проблем.

Он даже объявил, будто провидит скорое возвращение Аливера Акарана. Очень некстати. Усилия Бэрэка не принесли ничего, кроме бед — в первую очередь для тех, кто пошел за ним. Хэниш осадил рудники и в конце концов подавил мятеж, хотя и дорогой ценой. Многие рудокопы погибли. Потеря рабочей силы была громадная.

Лига, нюмреки, Лотан-Аклун... как он мог так позорно всем задолжать? В холодном Катгергене, вдали от власти и привилегий, каждый союзник казался таким важным, таким нужным... Почему не купить армию и не заплатить ей сокровищами с земель, которые солдаты захватят сами? Почему не пообещать огромные суммы купцам, которые обеспечат поддержку этой армии? Можно ли найти лучшего партнера для грязных дел, чем тот, которого ты не видел и никогда не увидишь? Никакая сумма не казалась чрезмерной, если вела к цели. Теперь все это представлялось совсем в ином свете...

В числе прочего Хэниша беспокоило, что они сумели поймать только одного из четверых детей Акарана. Коринн не причинили ни малейшего вреда; она жила на Акации, не зная забот. Ничего не знала принцесса и о судьбе, которая была ей уготована. Предполагалось, что ее присутствие должно благотворно действовать на Хэниша: одной заботой меньше. Однако Коринн стала постоянным источником страданий. Что ему с ней делать?.. Что он хотел бы с ней сделать?..

Сэр Дагон вонзил зубы в сливу, прокусил кожицу и высосал влагу. Сам фрукт не заинтересовал его; очевидно, сока на губах было вполне достаточно.

— Даже у нас возникают кое-какие трудности с этими разбойниками, но мы раздавим их, можете не сомневаться. Процесс уже пошел и, думаю, закончится к следующему лету. Иштат возобладает там, где это не удалось вам. Затем мы тихо и без шума займем острова, а вас будут восхвалять за уничтожение пиратов.

— Почему вам так нужны эти острова? — спросил Хэниш.

Сэр Дагон какое-то время молча разглядывал его. Потом коснулся уголка губ, утирая сливовый сок.

— Прежде чем я скажу, вспомните: удвоенная Квота сделает вашу империю богаче, чем Акация была при Акаранах...

— Зачем Лотанам столько рабов? — перебил Хэниш. Недоумение скользнуло в его голосе, прежде чем он успел сдержать себя. — Что они делают с детьми? Едва ли им нужно больше, даже если они едят их на завтрак, обед и ужин.

Сэр Дагон нахмурился и отвернулся, все видом давая понять, что оба вопроса были вопиющей бестактностью.

— Не надо спрашивать о таких вещах. Они делают то, что делают; примите это как должное. Один из пунктов договора предполагает, что Лига будет единственным посредником между Акацией и Лотан-Аклун. В частности, мы обязуемся не раскрывать секреты ни одной из сторон. Не сделаю я этого и теперь. Как я уже сказал, Лотан-Аклун клянутся никогда более не вносить изменения в нынешний договор. Мы не будем увеличивать Квоту в провинциях. Так иногда бывало во времена Акаранов, но больше этого не случится. Мы нормализуем товарооборот, а потом займемся Внешними Островами.

Разгоним пиратов, превратим острова в пахотные земли и начнем производство.

— Производство чего?

— Того, что хотят от нас Лотан-Аклун.

Внезапно Хэниш понял. Обтекаемые ответы главы Лиги сбивали его с толку, но наконец-то все встало на свои места.

— Вы будете разводить там рабов.

Сэр Дагон не выказал ни удивления, ни недовольства. Он оторвал виноградину и беспечно произнес:

— Я не понимаю слова «рабы». Если вы имеете в виду, что мы начнем изготовление нашей продукции, то вы правы. Воспроизведение — самый эффективный способ. Мы уже все подсчитали. Остров Жиллет-Майор, в частности, будет отличной плантацией.

Спровадив сэра Дагона, Хэниш отвернулся к окну, глядя на улицу через тонкие занавески, развевавшиеся от вечернего бриза. Временами мир казался таким умиротворяющим... К сожалению, минуты покоя были быстротечны. Вошли дядя и брат; пришлось вновь сосредоточиться на делах.

— Я проводил этого чудака через двор, — сказал Халивен. — Не люблю таких субъектов, Хэниш. Очень не люблю.

Лицо дяди несло на себе отпечаток прошедших лет. Похоже, мирные годы дались ему особенно нелегко. Хотя дядя никогда не жаловался, здешний климат ему не подходил. Кожа то и дело краснела, словно Халивен постоянно выполнял какую-то тяжелую физическую работу. Он ощущал что-то в воздухе — нечто неприятное. У Маэндера таких проблем не было. Такой же дерзкий, нахальный и самоуверенный, как всегда, он был в прекрасной физической форме: накачал еще больше мускулов на руках и груди и отлично загорел. Кожа на носу слегка шелушилась; очевидно, Маэндер много времени проводил на свежем воздухе.

— Ну и как? — спросил он, глядя на брата. — У тебя не очень-то цветущий вид, Хэниш. «Блевать тянет» — вот подходящее определение. Ты чувствуешь себя так же тошнотворно, как выглядишь?

— Нам требуется больше сил, — сказал Хэниш.

— Я твержу об этом постоянно, — откликнулся Маэндер.

— Меня разрывают на части, всем что-то надо. И большинство норовит запустить одну руку в мой карман, а другой приставить нож к горлу.

— Истинно так, брат. Разве не говорил я всегда: «Нам нужно больше сил»? Я просыпаюсь с этой мыслью каждое утро. Выкапываюсь из груды мягких женских тел — и первая мысль, которая приходит в голову: «Сила! Мне нужно ее больше! Еще больше!»

— Будь серьезнее! — рявкнул Халивен. — Хэниш не шутит.

Маэндер округлил глаза. Он плюхнулся на стул, где до него сидел сэр Дагон, и взял апельсин. Уткнувшись носом в ароматную кожицу, с наслаждением вдохнул запах фрукта.

— Нам надо перевезти Тунишневр и закончить церемонию.

— Ты знаешь, что пока мы не можем этого сделать, — заметил Халивен.

— А они теряют терпение. У нас нет выбора, Хэниш. Тунишневр говорят и со мной тоже и выражаются недвусмысленно. Они желают отправиться в путь. Они хотят оказаться в том месте, где столько лет свершались преступления против нашего народа. Они жаждут отведать живой крови Акаранов. Тунишневр мечтают стать свободными, брат, и ты в состоянии им помочь. Зала для них почти готова. Не вижу причин откладывать начало.

— А как насчет трех остальных? — спросил Халивен.

— Верно, — подхватил Хэниш. — Без них Тунишневр не смогут восстать. По крайней мере сейчас они в безопасности, их состояние стабильно. А местный климат может разрушить их тела и лишить нас возможности помочь им.

Его слова не произвели на Маэндера особого впечатления.

— Совершенно необязательно. Возможно, одного Акарана окажется вполне достаточно. Особенно если остальные мертвы, и Коринн — последняя из королевского рода.

Тогда ее крови хватит с лихвой. Она может освободить их. Только представь, Хэниш, какое могущество мы обретем! Все эти маленькие проблемки, которые тебя тревожат, уйдут вот так. — Он поднял сжатый кулак и развел пальцы, словно выпуская в воздух что-то невидимое. — Вот что предки поведали мне. Они вложили в меня эту истину.

— Мне они не говорили, что одной Коринн будет достаточно.

— Предки опасаются, что ты можешь заколебаться. Сбиться с пути, споткнуться. Я клялся им, что ничего подобного не будет. Они приняли мое слово. Ты их любимчик, Хэниш, но они не желают больше ждать. Тунишневр почувствовали близость свободы. Ты знаешь, как они нетерпеливы. И знаешь, какую ярость они могут обрушить на того, кто не покорен их воле, — прибавил он, набив рот апельсиновой мякотью. — Во имя всех богов, этот фрукт просто чудо что такое!

Хэниш пропустил последнее заявление мимо ушей. Он думал о разговоре Маэндера с Тунишневр. Некоторое время назад брат обрел способность, недоступную обычно никому, кроме верховного вождя и нескольких старших жрецов. Хэниш, впрочем, не возражал; он слишком много задолжал своему брату. Маэндер был его оружием, его охотничьим псом, готовым укусить любого, на кого только ему укажут. Хэниш знал, что предки уважают Маэндера за силу и легкость, с которой он шел по жизни. Однако говорить с Маэндером о самом Хэнише? Выражать сомнения в верности вождя?.. Мрачноватая картинка. Послание от Тунишневр несло завуалированную угрозу. Хэниш был не готов признать обвинения. Во всяком случае, до тех пор, пока не разберется в ситуации... и в себе.

— Мы ставим телегу впереди лошади, — заметил Халивен. — Хэниш, ты так и не объяснил, зачем являлся этот тип.

Хэниш подробно пересказал разговор с сэром Дагоном. Он ничего не скрывал от брата и дяди, даже те вещи, которые утаивал от Совещательной Комиссии — нового правительства, состоящего из знатных мейнцев и по иронии судьбы заседавшего в Алесии. Хэниша порой изрядно раздражала мысль, как много акацийского переняли мейнцы за эти годы. Если бы знал, что можно сделать иначе, то немедленно сделал бы, но все способы устройства общества, что практиковали Акараны, были разумными и оптимальными.

Хэниш закончил рассказ, и Халивен сказал:

— Какая мерзость! Какое унижение, что мы должны плясать под дудку этих Лотан-Аклун. Я никогда ни одного из них не видел. Не удивлюсь, если Лига просто выдумала их для своих целей. Я говорил уже и повторю еще раз: надо отодвинуть Лигу в сторону и общаться с ними напрямую, если они существуют.

— Полностью поддерживаю, — сказал Маэндер, — но не нам спорить с предками. Они одобрили план, который мы придумали, и хотят освободиться. Сейчас. Они не желают ждать. Помни, что в их хоре говорит голос твоего брата, Халивен, и нашего отца.

Хэниш поколебался мгновение, ничем не выдав тревоги. Лицо его оставалось холодным и спокойным. Если Маэндер и заметил паузу, то не придавал ей значения.

— Я поговорю с предками сегодня ночью, — сказал Хэниш. — Если они согласятся, мы пошлем весть в Тахалиан. Скажем, что пришло время готовиться к перевозке. Халивен, ты возмешь это на себя.

— Э, постой-ка, так мы не договаривались! — воскликнул Маэндер. — Брось, Хэниш. Ты знаешь, что ехать должен я. Ты правишь империей, а я твой послушный инструмент и помощник. Неужели ты боишься, что я провалю такое важное задание? Халивен может поехать со мной, если тебе так будет спокойнее, но скажи, когда я тебя подводил?

— Никогда. Ни разу. Но эта миссия гораздо сложнее, чем может показаться. Мы должны сделать все точно и правильно.

Маэндер напустил на себя обиженный вид.

— Я имею в виду, — продолжал Хэниш, — что перемещение предков — только половина дела. Для завершения миссии еще нужно разыскать Акаранов. Если они живы, то должны быть здесь. Это ничуть не менее важно, и я хочу поручить дело тебе, брат. Надо найти их и доставить ко мне. — Хэниш сказал это твердо, давая понять, что возражения не

принимаются. Однако он избегал встречаться с Маэндером взглядом, опасаясь увидеть на его лице намеки на возможный бунт. — Никто не справится лучше тебя, понимаешь? Я, со своей стороны, прослежу, чтобы Коринн оставалась в безопасности — рядом со мной и под охраной.

Хэниш обошел письменный стол, вынул из нагрудного кармана ключ и отпер ящик.

— Дядя, прочитай это, — сказал он, швыряя на стол кожаную папку с бумагами. — Прочитай внимательно. Ты должен выполнить все в точности, как написано. В точности. Слово в слово, как завещали наши предки. Никто не прикасался к Тунишневр двадцать поколений. Если ты совершишь ошибку...

Халивен взял папку и сел за стол. Он провел пальцами по старой коже, открыл замочек и некоторое время сидел неподвижно, благоговейно глядя на содержимое и вдыхая сухой запах старых бумаг.

— Я не совершу ошибки, — сказал старик. — Спасибо тебе за доверие... и за возможность увидеть наше плато летом. Я скучал по нему.

— Увидишь, — сказал Хэниш, улыбаясь. Он искренне радовался за Халивена. — Может, у тебя даже найдется время съездить на охоту. Олени, наверное, разжирили и стали беспечными, потому что тебя давно не было. Пусть тебе сопутствует удача...

Он хотел сказать больше, но почувствовал взгляд Маэндера, устремленный на него, и обернулся.

— Я подчиняюсь твоему решению, брат, — сказал Маэндер. — Если Акараны живы, я найду их и притащу к тебе за волосы. Я лишь надеюсь, что тогда ты позволишь мне перерезать им глотки собственными руками.

Глава 34

В предрассветных сумерках молодой человек, который вызвался сопровождать принца, нашел его возле шатра. Без долгих слов Аливер собрал свои немудреные пожитки в дорожный мешок из козьей кожи и закинул его на спину. Затянул кожаный шнур, чтобы поклажа улеглась как можно более компактно. Мешок, оружие и короткая тканая юбка охотника — вот и все, что у него было. Это путешествие, пожалуй, могло считаться охотой, так что Аливер снарядился должным образом. Именно так он был одет несколько недель назад, когда уходил искать ларикса. В тот раз он думал, что предстоящее задание будет самым трудным и опасным в его жизни. Теперь оно казалось смешным.

— Ты готов? — спросил Келис.

Долгое время Аливер считал, что острое лицо молодого охотника вечно сохраняет осуждающее выражение. Позже он пришел к выводу, что мысли Келиса вообще невозможно прочитать.

— Конечно, — ответил принц.

Его спутник кивнул и двинулся прочь. Аливер последовал за ним. Он приспособился к походу Келиса и держал его темп. Затем оба перешли с ходьбы на легкий бег, которым знамениты талайцы. Молодые люди миновали последние домики на окраине поселения и поднялись на вершину холма. Если б вокруг было светлее, они увидели бы бесконечные просторы пастбищ с раскиданными тут и там рощицами и перелесками. Горячее солнце засушливого сезона выжгло листву деревьев до золотистого цвета. Аливеру и Келису предстояло покрыть более ста миль, прежде чем они войдут на территорию, предназначенную для охоты. Весь этот день и часть следующего должны были стать единым беспрестанным движением, но Аливер уже привык к подобным испытаниям. Каждый вдох вливал в него новые силы. Он ощущал прикосновение земли к босым ногам и думал, что как нельзя лучше подходит для такой жизни.

Все было совсем иначе, когда Аливер только-только прибыл в Талай. Путешествие с Киднабана до южных краев было мучительным, но, в конце концов, он достиг своей цели: охранник-марах доволот принца до дома Санге в Юмэ. Что же было потом? Аливер едва мог

вспомнить. Он был зол и напутан — это точно. Лучше всего запали в память мелкие детали, случайные события и происшествия. Однажды утром он нашел в сапоге — тогда он еще носил сапоги — маленькую змею, окрашенную в цвет песка. Как Аливер узнал впоследствии, она была смертельно ядовита. Одна из причин, почему талайцы всегда ходили босиком. После того происшествия Аливер снял сапоги и больше не надевал никакой обуви. Ни разу за все эти годы. Он с трудом мог представить, как будет носить ее снова.

Он помнил, как трудно оказалось сохранить равновесие, сидя над ямой, куда деревенские справляли нужду. Такая простая вещь — присесть на корточки, чтобы очистить кишечник, но Аливер никак не мог приноровиться. Не мог чисто подтереться листьями или камнями, как делали здесь все прочие. Он помнил, как наблюдал за игрой мальчишек, тщетно силясь понять ее смысл. Игра сводилась к тому, что ребята по очереди били друг друга крепкой палкой. Били всерьез — Аливер видел, как мальчишки вздрагивают от боли. Однако они смеялись, поддразнивали друг друга и улыбались, сверкая белоснежными зубами. Веселью, казалось, не было конца.

Аливер помнил и худощавых темнокожих юношей, которые тренировались вместе с ним. Принц видел в них угрозу. В сравнении с ними он был слабаком. Парни были жилистыми, угловатыми — сплошь острые колени, локти и подбородки, которые втыкались в тело будто ножи, когда они боролись между собой. Помнил принц и деревенских девушек. Они смотрели на него круглыми глазами, перешептываясь между собой, и временами раздражались серебристым смехом, который ранил гордость Аливера сильнее, чем любой удар, нанесенный мальчишками. Принц вспоминал, как трудно было научиться произносить талайские слова. Он снова и снова повторял их — полагая, что говорит правильно, но в ответ слышал только насмешки. Его «р» было слишком женским, твердое «ж» звучало по-детски; он постоянно путался в паузах между словами, которые придавали одним и тем же фразам совершенно разный смысл. Аливер помнил, как он ненавидел песок, что прилетал вместе с ветром по вечерам. Песок попадал в глаза, вызывая слезы, которые Аливер тщетно пытался стереть...

Впрочем, все это закончилось много лет назад. Зачем вспоминать теперь? Ныне Аливер мужчина, охотник, талаец. Он бежал следом за Келисом, которого любил как брата. Равномерно дыша, он оставлял позади милю за милей, лишь изредка утирая пот с лица, хотя жаркое солнце стояло высоко в небе. Те отвратительные мальчишки стали его друзьями. Большеглазые девочки превратились в молодых женщин, которые смотрели на него благосклонно, и танцевали для него, и делили его ложе, и состязались за право стать матерью его первенца. Аливер говорил на языке этих людей как на родном. Сейчас он не сумел бы сказать, когда произошла трансформация. Убив ларикса, Аливер стал в глазах общества взрослым мужчиной. Что ж, все верно. Никогда прежде — до этой охоты — он не чувствовал себя более живым. Никогда не был так хорошо осведомлен о смерти. Никогда не испытывал такого яростного, необоримого желания выжить. И не просто выжить, а завоевать славу. И даже это был всего лишь один эпизод среди прочих, более мелких, однако не менее значимых. Кто может в двух словах объяснить, как он стал тем человеком, которым является? Такое становление происходит не вдруг, не за один день. Развитие личности — долгий процесс, часто неявный. Сейчас Аливер просто был тем, кем он стал, а прочее не имело значения.

Впрочем, нет. Не так. Аливер понимал, почему вернулся воспоминаниями к тем первым дням в Талае. Из-за Таддеуса и слов, которые тот принес с собой. Таддеус... Аливер любил его и одновременно ненавидел. Люди в Юмэ называли старого канцлера попросту акацийцем. Аливер, когда говорил на талайском, употреблял то же слово, и никому вокруг это не казалось странным. Включая и самого принца. Он стал талайцем; здесь был его дом и его народ. Неужели когда-то он мог считать их низшей расой, людьми второго сорта? И все же... Все же каждый раз, когда Аливер садился напротив Таддеуса и говорил на языке своей родины, он понимал, что обманывает себя. Он не талаец. Не один из них. Не полностью. Не так, как ему бы хотелось. Принц оставался акацийцем и более того: если верить Таддеусу, он

оказался сейчас главной фигурой — осью, на которой вращалась судьба мира...

Аливер и Келис бежали большую часть дня, останавливаясь лишь затем, чтобы напиться, перекусить и позволить еде улечься. Потом снова пускались в путь. Один раз молодые люди сделали долгий привал в тени акаций и вздремнули, переживая самые жгучие дневные часы. Затем они еще долго взбивали пыль, двигаясь уже в сумерках и некоторое время после наступления темноты. В эти часы Аливер просто бежал, отрешившись от всего и позабыв даже о цели путешествия. Он переставлял ноги, словно в трансе, не думая ни о чем, кроме движения и окружающего его живого мира.

Однако когда настало время остановиться и разбить лагерь, Аливер вспомнил о своей миссии и почувствовал груз ответственности. Таддеус добился своего: отнял у принца безмятежный покой...

Путники развели небольшой костер, желая лишь дать понять зверям, что здесь люди, и их лучше оставить в покое. Им не требовалось никаких особых принадлежностей для сна. Юноши просто выкопали две ямки в песке возле огня. Ночь могла оказаться холодной, но земля сохраняла достаточно тепла, чтобы согреть их до утра. Ужином стала каша — мелко истолченное зерно седи, смешанное с водой. Эта масса не имела никакого вкуса, зато была питательной. Они ели кашу, используя вместо тарелок полоски сушеного мяса, а потом закусили ими. Келис отыскал клубень, который талайцы называли «кулак-корень»; разрезав клубень пополам, он поделился с Аливером, и некоторое время оба сидели у огня, посасывая свои порции. Жидкость внутри была чистой, сладкой и освежающей.

— Порой я думаю, что все это безумие, — произнес Аливер. — То, что я собираюсь сделать... найти... такого просто не может быть. Глупость. Сказка. Миф вроде тех, что мне рассказывали в детстве.

Келис вынул изо рта корень.

— Ну, значит, теперь это твоя сказка. А ты станешь мифом.

— Да, так мне и сказали. Ты считаешь нас глупцами? Нас, акацийцев? Искать изгнанных магов и все такое... Тебе, должно быть, смешно?

— Смешно? — переспросил Келис.

Его лицо было почти неразличимо в тусклом свете костра, но в голосе Аливер не заметил и тени иронии.

— Келис, меня отправили искать пятисотлетних магов. А потом я должен убедить их помочь мне — вернуть империю, которую потерял мой отец. Знаешь ли ты, что это за потеря? Здесь вокруг нет ничего, чтобы хоть как-то сравнить. Отец был королем, правителем величайшего государства мира. А теперь он говорит со мной из могилы и просит вернуть утраченное. Это ли не смешно?

Из темноты долетел хохот гиен. Очевидно, хищники оценили юмор. Келис же отшвырнул свой кулак-корень и проговорил:

— Наши сказители тоже знают предания о Говорящих Словами Бога. Они упоминаются в талайских легендах, как и в акацийских.

— И ты веришь в это?

Келис промолчал; впрочем, Аливер и так знал, что сказал бы его друг, вздумай он настаивать на ответе. Разумеется, Келис верил. Для талайцев правда жила в сказанных словах. Не имело значения, что некоторые легенды были совершенно неправдоподобны или противоречили друг другу. Если их рассказывали, если они передавались от дедов к отцам и от отцов к детям, талайцам ничего не оставалось, кроме как верить. У них не было причин сомневаться. За прошедшие годы Аливер слышал великое множество этих сказаний.

Он знал, что Говорящие Словами Бога предположительно прошли через Талай, направляясь к месту своей ссылки. Они пылали яростью и негодованием, говорилось в легенде. Они помогли Тинадину захватить мир, а он — величайший из чародеев — обратился против недавних соратников и запретил им использовать речь Бога. Они ругались себе под нос — тихо, чтобы Тинадин не услышал. Но даже сказанные шепотом проклятия имели силу. Заклятия разорвали плоть земли и перекоржили плиты под земной

поверхностью. Чародеи зажигали пожары случайными взмахами рук. Они бросали мимолетные взгляды на зверей равнин — и те оборачивались жуткими тварями вроде ларикса. Маги причинили миру очень много вреда, но, к счастью, они ушли далеко на юг, в безводный, сожженный солнцем край, где никто не жил. Согласно легенде, чародеи — сантот — по сей день обитали там. Впрочем, никто никогда не пытался в этом удостовериться. Зачем? Единственным человеком, имевшим причину искать их, был принц из рода Акаран. Он шел, чтобы отменить приговор Тинадина.

— Может, хочешь узнать еще какие-нибудь истории, кроме твоих собственных? — спросил Келис. — Послушай тогда одну. Жил на свете молодой талаец. Его отец был очень гордым человеком и искусным воином. Он не мыслил себя без войны и желал, чтобы сын пошел по его стопам. Сын же был сновидцем. Он предсказывал приход дождей, мог назвать время, когда дети родятся здоровыми. Мир снов был для него так же реален, как и сама жизнь. Мальчику снились вещи, которые только должны были случиться. Он говорил с созданиями из своих грез и просыпался, все еще помня язык зверей — по крайней мере несколько мгновений. Этот мальчик очень хотел узнать как можно больше о своем даре. Думаешь, отец гордился талантами сына? Как бы не так! Сны для него были пустой вещью. Только в бодрствовании он находил смысл, и только война имела значение. Он запретил сыну грезить. Он бранил его, злобно насмехался над ним, говорил ему слова, полные презрения и горечи. Едва мальчик ложился спать, отец вставал над его постелью. Как только глаза сына открывались, не видя мира — знак того, что сновидец вошел в мир грез, — он бил мальчика древком копья. Вскоре его сын уже просто боялся засыпать, но грезы все равно приходили к нему, даже при свете дня, когда он бодрствовал. Отец научился распознавать эти грезы в глазах сына и бил его, если подозревал, что мальчик отправился в путешествие сна. Однако ничего не помогало. Сын просто не мог изменить свою суть и избавиться от дара. И все-таки отец нашел выход...

Келис умолк, прислушиваясь к ночным звукам. Что-то шуршало в траве. Где-то поблизости раздавался негромкий скрип. Несколько секунд Аливер и Келис сидели молча и неподвижно. Чернопинный сверчок прополз возле костра, поскрипывая сочленениями ножек. Шуршала скорее всего ящерица. В ночном лесу не было угрозы для людей.

— Отец нашел выход, — подсказал Аливер.

— Он усыновил юношу-сироту и поставил его перед собственным сыном. Он назвал его перворожденным, а это значило, что все, принадлежащее отцу — имя, предки, имущество, — перейдет к приемному сыну. Сновидец хотел сохранить свое положение, и ему оставалось только одно. Он вызвал новоявленного брата в круг и убил его. Метнул копье и попал ему в грудь, а потом смотрел, как приемыш истекает кровью. Отец, однако, не рассердился. Напротив, он обрадовался. Все вышло, как было задумано. Его первенец имел сердце воина — хотел он того или нет. Отец добился своего. После этого его сын возненавидел свои грезы. Иногда сны приходили к нему, но все они были об одном и том же. Ему виделся тот поединок, копье в груди противника, кровь и лицо умирающего человека. Так сновидец был раздавлен; остался только воин.

— Я не слышал этой истории прежде, — сказал Аливер.

Келис смотрел на него, чуть склонив голову набок.

— Никто не выбирает отцов. Ни ты, ни я и ни один человек. Но поверь мне: если у тебя есть предназначение, его нельзя отвергать. Сопротивляться тому, ради чего ты был рожден — тяжелое дело и невыносимая мука.

Наутро ноги Аливера ныли и едва сгибались, однако все прошло бесследно, едва он пустился в путь. Они с Келисом снова бежали, как и накануне. Широкие долины, тянувшиеся до горизонта, сменялись лесными зарослями — и так без конца.

На третий день пути стая из четырех лариксов уловила запах людей и пустилась вдогонку. Твари перекрикивались на своем странном языке и подбирались все ближе. Оглядываясь назад, Аливер уже мог рассмотреть их. У одного не было уха. Другой

прихрамывал на переднюю ногу. Вожак был огромным зверем, больше, чем тот ларикс, которого убил Аливер. Четвертый все пытался зайти сбоку, будто понимал, что стая рано или поздно должна окружить путников. Если это и впрямь случится, они не уйдут живыми. Лариксы ненавидели людей, чуяли запах их страха. Подобно львам, разрывающим детенышей зверей или мелких кошек, они, казалось, охотились на людей из чистой злобы.

На сей раз все было совсем иначе, чем несколько недель назад. Тогда Аливер знал наверняка, что умрет, если проиграет. Умрет жуткой смертью. Странное дело: где-то глубоко внутри юноши сходное чувство затаилось уже давным-давно. Сам того не понимая, он жил с этим страхом с того дня, когда отца ударили кинжалом. Где-то рядом обитал невидимый монстр, преследующий его. Столкновение с реальным чудищем при свете дня высвободило все сокрытое. Аливер стоял прямо перед ним — достаточно близко, чтобы до него донеслось зловонное дыхание твари. Он смотрел на омерзительное чудовище, видел его во всех деталях, и... он сделал то, что должен был: воткнул копье в грудь зверя и держал его, пока ларикс бился из последних сил, пытаясь вырваться. Аливер понятия не имел, как это произошло, но чувствовал, что победа над чудищем изменила его. Изменила к лучшему.

Келис ускорил бег. Они не остановились в полдень и мчались вперед сквозь обжигающую жару. Лариксы могли преследовать жертву часами, однако они делали это, только если люди их действительно разозлили. Стая отстала, когда лариксам на глаза попалась более легкая добыча — бородавочник. Аливер и Келис немного отдохнули и потом уже не останавливались до темноты.

На пятый день они вышли в солончаковую долину, где собралось огромное количество розовых птиц. Грациозные создания с длинными шеями и черными ногами, они шагали медленно и важно. Аливер не мог понять, почему птицы не улетели при их появлении. Они просто расступились, когда двое людей прошли сквозь стаю, и лишь поглядывали искоса, спокойно продолжая свой путь.

Поздним утром шестого дня молодые люди подошли к большой реке, которая питала водой западные холмы. Мелкое русло было более чем в милю шириной. В сезон дождей река становилась серьезным препятствием, а сейчас она была просто ручьем шириною в несколько шагов и глубиной по щиколотку. Так или иначе, во все времена река отмечала южную границу обитаемого Талая. Молодые люди ступили в воду. Аливер наслаждался прикосновением гладких скользких камней к босым ступням. Если бы его не окружала бесконечная равнина с бледной сухой почвой и скудной растительностью, Аливер закрыл бы глаза и позволил камням и воде вернуть ему память о временах и землях, которые ныне были так далеко...

— Брат, — сказал Келис, — дальше я с тобой не пойду.

Аливер обернулся. Келис набрал воды в свою флягу и поднес к губам.

— Что?

— Мой народ не ходит за реку. Отсюда тебя поведет Дающий. Он поможет вернее, чем я.

Аливер молча смотрел на товарища.

— Я подожду на берегу, — сказал Келис. — Верь мне: когда ты вернешься, я буду здесь.

Аливер был слишком ошеломлен, чтобы спорить. Келис еще раз повторил все, что могло пригодиться товарищу в дороге. Как хранить воду, где искать корни, содержащие влагу, и какие животные пригодны для того, чтобы пить их кровь. Аливер и так все это знал, но делал вид, что слушает, оттягивая миг прощания.

— Санге просил передать тебе кое-что, — сказал Келис, помогая Аливеру удобнее устроить дорожный мешок на спине. — Он сказал, что ты сын ему. Но ты и сын Леодана Акарана. Ты принц этого мира. Санге знает, что ты встретишь любые трудности с отвагой и мужеством. Когда ты возложишь на голову корону Акации, он будет среди первых, кто поклонится тебе.

— Санге не нужно мне кланяться.

— Может, тебе и не нужно, чтобы он кланялся, но Санге желает этого сам. Река уважения течет в две стороны. Дарящий может получить столько же, сколько и принимающий. Теперь ступай. Ты должен пройти как можно больше до захода солнца. Для ночного убежища разыщи холм или скальный выход. Лариксы боятся таких мест.

— Как я найду сантот? Никто не сказал мне...

Келис улыбнулся.

— Никто и не мог сказать. Никто этого не знает.

Оставшись в одиночестве, первые несколько дней Аливер бежал, часто погружаясь в тот же своеобразный транс, что и раньше. Теперь он длился дольше — принц не раздумывал о своей миссии и не вспоминал о прошлом. Он видел лишь окружающий пейзаж: великолепие хаоса, пойманного в ловушку плоти мира — на земле, в воздухе, в движениях животных по песку. Однажды в странном месте, где земля была истыкана огромными воронками, Аливер увидел небо, словно вогнутое на манер гигантской чаши, в которой собрались бурлящие и пульсирующие облака. Они не плыли по небу обычным манером, а как будто застыли в одной точке, меняя цвет и форму, но не двигаясь с места.

Такие моменты изумляли Аливера. Нет, он не видел в них особого знака или пророчества. Все, что имело значение, находилось в поле его зрения. Аливер внезапно понял, как много он упустил до сих пор. Созерцание природы, взгляд на мир широко раскрытыми глазами, умение видеть вокруг себя... В юности он никогда не любовался закатами или красивыми видами, не обращал внимания на меняющийся цвет листьев... В этом отношении Аливер теперь был совсем другим человеком, нежели раньше.

В середине четвертой ночи Аливер проснулся от внезапной мысли. Когда Келис рассказывал историю о сновидце, он говорил о себе. Келис и был тем самым мальчиком, отказавшимся от своего предназначения. Никогда прежде названный брат не говорил ничего подобного. И никогда не просил сочувствия других. Келис не сделал ничего подобного и сейчас, но Аливер все понял. Жаль, что только теперь. Почему он не сообразил в тот момент? Почему не сказал что-нибудь?..

Той же ночью Аливеру приснился сон, и на следующий день он шел, так и эдак вертя в голове детали беседы, которая его вызвала. В Юмэ на протяжении недели принц ежедневно встречался с Таддеусом, и они говорили не только о предназначении Аливера. Старый канцлер наконец сказал всю правду. Он передал принцу историю, которую поведал ему Хэниш Мейн — о том, что дед Аливера убил его жену и ребенка. Да, сказал Таддеус, несмотря на источник этих сведений, он верит, что Гридулан сгубил его семью. Потому-то канцлер и желал мести. Был момент, когда он действительно предал Акаранов.

Аливер не знал, что ответить. Наказать ли Таддеуса или даровать ему прощение, которого так жаждал канцлер? Должен ли он ненавидеть Таддеуса за заговор с Хэнишем Мейном, приносить извинения за свою собственную вероломную семью или же благодарить канцлера за спасение молодых Акаранов — в том числе и его самого?

В ходе беседы Таддеус раскрыл нелицеприятные тайны Акацийской империи и рассказал о грязных методах, которыми на самом деле удерживали мир в целостности. Это причинило Аливеру боль, но он был рад, что наконец узнал правду. Он всегда боялся недосказанного, необъясненного. Принц и раньше слышал слово «квота» и шепотки о Лотан-Акун, однако не брал на себя труд понять, что все это значит. Теперь, наконец, Аливер разобрался в ситуации. Акация была рабовладельческой империей. Здесь продавали живых людей и богатели за счет рабского труда. Здесь распространяли наркотики, чтобы держать народ в повиновении. Акараны не были благородными и великодушными правителями, как говорили юному принцу. Теперь Аливер спрашивал себя, что все это означает для него. Где гарантия, что новые Акараны станут лучшими правителями, нежели Хэниш Мейн?..

Через некоторое время пейзаж изменился. Земля стала еще суше и была покрыта трещинами. Редкая трава, выбеленная почти до серебристого цвета, резко выделялась на фоне темных нагромождений валунов. Они валялись повсюду — черные камни, похожие на

застывший помет какой-то гигантской древней твари. Память сохранила смутные обрывки легенд о таких созданиях: они были изгнаны из этих мест и шли на своих огромных ногах все дальше и дальше, за горизонт, в поисках лучшей земли... Между камнями торчали одинокие акации, низкорослые и узловатые; будто предки древесного народа, покинутые в безлюдном краю, они стояли безмолвные и покорные, воздев тонкие руки к небесам в безответной мольбе.

Нигде Аливер не находил признаков человеческого присутствия. Не было поселений, распаханых полей, рукотворных предметов. Даже животные исчезли. Пустые земли. Здесь не было никого и ничего. С каждым днем это ощущение все усиливалось. Аливер недоумевал. Как ни крути, сантот оставались людьми — человеческими существами, такими же, как Эдифус, чья кровь текла в жилах Аливера. Если они живут где-то здесь, должны же быть хоть какие-то признаки их присутствия?

Однажды утром, примерно через неделю пути, Аливер вдруг осознал, что не переживет путешествия. В глубине души он никогда не верил в существование сантот, но не задумывался об этом всерьез, пока не начал сортировать свои запасы. Горсть зерна седи, несколько глотков тепловатой воды и небольшой мешочек высушенных трав для супа. Этого хватит на пару суток. За последние три дня Аливер не видел ни одного источника воды, не находил корней-кулаков и вообще никаких растений, которые могли дать хоть немного жидкости. Никогда еще Аливер не видел более засушливого места; воздух буквально вытягивал влагу из тела. Попробовать вернуться к реке по собственным следам? Но сколько до нее дней пути? Нет, река осталась слишком далеко, и ему не под силу до нее добраться.

Пустая равнина до самого горизонта. Здесь не было ничего, кроме песка, камней и неба над головой.

Аливер сделал шаг. Потом еще один. Он уже не пытался бежать. Просто чувствовал, что должен двигаться — идти, брести, плестись. Не важно... Поклажу пришлось бросить. Запасов все равно не хватит надолго, а налегке он пройдет немного больше. Аливер глянул на солнце, прикинул время дня, а потом решил, что это все не имеет значения. Сантот — как он и думал все это время — были миражом прошлого, они жили только в суеверном воображении людей. А он... он бредущий по песку мертвец. Самое удивительное, что Аливер не особо возражал против такого положения вещей. Наверное, это правильно. Так и надо. Он не предназначен для легендарного величия. Может быть, мантия ляжет на плечи Коринн, или Мэны, или даже Дариэла... а может, род Акаран вовсе не заслужил власти, на которую претендовал.

Все встало на свои места, и, осознав это, Аливер обрел покой, который никак не мог найти прежде. Он с нежностью думал о сестрах и брате. Ему хотелось бы увидеть их нынешних, взрослых. Аливер надеялся, что они преуспеют в том, к чему стремятся. Что до него самого — он всегда был слабым звеном. Отец возложил на него слишком много надежд. Зря.

В середине дня Аливер споткнулся и упал. Полежав, поднялся на колени. Вокруг расстилалось безбрежное море песка, лишь кое-где торчали продолговатые камни того же темного цвета. Некоторые валялись на песке, некоторые стояли, прислоненные друг к другу. Аливер вяло удивился шуткам природы, но горло слишком сильно пересохло, чтобы обращать внимание на мелочи. Некоторое время назад он даже перестал потеть. Сердцебиение отдавалось в висках, и глаза все чаще застилало туманной пеленой.

Аливер лег на песок, радуясь, что у него больше нет цели. Поэтому, когда возник первый признак движения, юношей овладело непонятное чувство. Что-то изменилось в мире, и он ощутил... нет, не страх, как можно было бы подумать. Не удивление.

Он не сумел бы точно назвать эту эмоцию. Возможно, нечто вроде сожаления.

Окружающие Аливера камни зашевелились и начали медленно придвигаться.

Глава 35

Охотничье поместье Калфа-Вен прилепилось к высокой гранитной скале посреди огромных пространств королевских угодий. Наполовину вырезанное в теле горы, наполовину взгроможденное на нее, поместье вот уже двести лет было прекрасным уединенным убежищем акацийской знати. Его название на сенивальском обозначало «гнездо кондора». Густые чащи изобиловали дичью. Небольшой штат слуг присматривал за поместьем, а егеря объезжали леса, оберегая их от браконьеров. Коринн не бывала здесь с детства, но Калфа-Вен очень походило на другое место, которое она хорошо помнила.

Прошло несколько лет мейнского правления, прежде чем новые хозяева империи привели ее в порядок настолько, чтобы позволить себе отпуск. Сама идея охоты-развлечения была странной для тех, кто убивал зверей только ради пищи, но с течением времени мейнцы оценили этот обычай. Когда Коринн узнала, что Хэниш требует ее присутствия в поместье, у нее не осталось иного выбора, кроме как согласиться. Не факт, что она отказалась бы, даже если бы могла... Коринн всем видом демонстрировала обиду и негодование, однако на самом деле она никогда и нигде не чувствовала себя более живой, чем рядом с Хэнишем.

Она ехала в некотором отдалении от него, вместе с несколькими знатными мейнскими дамами. Так вся кавалькада и прибыла в поместье. Это было серое гранитное строение, сложенное из массивных блоков. Простое здание без особых изысков, словно призывающее вернуться назад, к временам более скромной жизни. Слуги ожидали гостей у лестницы. Коринн узнала дворецкого — Петера. Будучи девочкой, она считала его очень красивым, и теперь была изумлена, поняв, как он стар.

Петер бурно приветствовал гостей. Он подошел к Хэнишу, согнувшись в пояснице и дрожа, словно старый охотничий пес, который пытается помахать изувеченным артритом хвостом.

— Мы необычайно рады вашему визиту, милорд. Необычайно рады... — Петер едва позволил Хэнишу ответить. Слова лились из него непрерывным потоком; он разливался соловьем, рассказывая, как долго они ждали дорогого гостя, как тщательно готовились к его приезду, какой пышный и богатый лес его ожидает и как прекрасна будет охота. — Ваши угодья кишат всяческим зверьем. Я полагаю, что не составит труда...

Слуга прервался на полуслове. Его взгляд, скользивший по толпе гостей, отыскал Коринн. Несколько мгновений Петер смотрел на принцессу широко распахнутыми глазами, затем склонил голову и приветствовал ее, слегка запинаясь. Затем вновь повернулся к Хэнишу.

Его реакция встревожила Коринн. Казалось, старый слуга испугался. Почему? Он побаивался Хэниша, это понятно, но во взгляде, брошенном на принцессу, был страх иного сорта. Коринн никак не могла выкинуть эту мысль из головы. Впрочем, когда Петер начал показывать гостям поместье, она несколько отвлеклась. Странно было слышать, как Петер, показывая мейнцам комнаты, которые Коринн помнила с детства, говорил так, словно все вокруг было создано исключительно для удовольствия Хэниша. Словно память о прежних обитателях исчезла навсегда.

Внутренние помещения были тесными и темноватыми; их освещали висевшие на стенах лампы и огонь каминов. Некоторые из старых вещей по-прежнему были на своих местах: охотничьи трофеи на стенах в длинной столовой, канделябры, украшенные серебряным орнаментом с выгравированной на них историей об Эленете, дутые стеклянные горшки, наполненные ароматными травами и специями. Коринн так любила этот запах! Она боялась вдохнуть лишний раз, опасаясь, что это вызовет поток ненужных эмоций, а потому дышала неглубоко и обращала внимание на непривычные вещи, которые привезли сюда в угоду новым хозяевам. меховые ковры и покрытия для мебели в мейнском стиле; несколько низких, коротконогих столиков; герб Мейна, нарисованный на плитах пола перед камином в обеденной зале. Множество новых штрихов, которые зачастую преобладали над прежними.

Ларкен — акацийский марах, предавший ее девять лет назад, — шел рядом с Хэнишем, раздуваясь от гордости, и говорил, говорил, говорил бесконечно. Почти как Петер. С тех пор как уехал Маэндер, Ларкен старался держаться поближе к вождю. Коринн по-прежнему

ненавидела его, однако старалась не показывать этого.

Женщины, обсуждавшие внутреннее убранство, называли те или иные вещи изящными, очаровательными. Ренна провела пальцами по крышкам стола, проверяя наличие пыли. Эти новые замашки женщины переняли от акациек, но в их исполнении они выглядели жалкой пародией и безмерно раздражали Коринн. Впрочем, она не давала выхода эмоциям. Ее главным оружием против этих людей было высокомерие и презрение. Коринн неустанно холила и подпитывала его, словно садовник, лелеющий колючую красоту розового куста.

Главной достопримечательностью поместья был вид, открывавшийся с гор. Все комнаты, выходявшие на королевские угодья, имели открытые балконы, откуда можно было взглянуть на густой балдахин широколиственного леса с вздымающимися там и тут скальными обнажениями. Ветер колыхал кроны, волны пробегали по ним, словно по глади океана. Суровая красота этого места ошеломила Коринн. В детстве не было ничего подобного. Ей помнился только страх перед морем зелени и зловещие тени под деревьями, которые казались тогда затаившимися великанами, упырями и гигантскими росмахами. Коринн до сих пор чувствовала нечто подобное, но сейчас это лишь придавало ей сил. Темные чащобы напоминали леса, о которых рассказывал Игалдан.

Вечером она ужинала за столом Хэниша в главной зале. Всего собралось около тридцати гостей и примерно столько же слуг, которые метались по залу и коридору, ведущему к кухне. Еда, на вкус Коринн, была уж слишком однообразной. Сплошная дичь — оленина и кабанье мясо, пироги с кровью и жирная печень. Она едва притронулась к пище и все больше гоняла куски по тарелке. Коринн недолюбливала такие сборища, опасаясь, что кто-нибудь заведет с ней беседу об акацийских обычаях. Она очень быстро заглатывала наживку, принимаясь рассказывать о достижениях своего народа, но это никогда не приводило к желаемому эффекту. Временами девушка чувствовала себя просто глупо — бывало, ее знания не соответствовали поддающимся проверке фактам, которые приводили мейнцы. В иных случаях она внезапно осознавала, что выставила свой народ в черном свете и лишь еще раз продемонстрировала, как плохи акацийцы. Нынче вечером Коринн вновь оказалась центром внимания. Ларкен мог бы лучше ответить на все вопросы, обращенные к ней, но, очевидно, никто уже не помнил, что он когда-то был акацийцем.

— Коринн, вот эта фреска на стене — что она изображает?

— Которая?

— Ну, вон та, которая похожа... похожа на целый мир, такая большая, с мальчиком в центре. Понимаете, о чем я говорю?

Коринн поняла. Она сказала, что на фреске представлен мир, каким он был во времена Эленета. Ей не хотелось продолжать, но любопытствующие требовали подробностей. Она прибавила, что фреска изображает момент, когда Дающий отворачивается от мира. Помимо этого, сказала Коринн, она ничего толком не знает.

— Какая все-таки странная система верований, — промолвила девушка по имени Альреи. — Предполагается, что бог покинул вас, правильно? Он отвергает ваше служение, однако многие века люди продолжают нерешительно поклоняться ему. Сперва вы говорите: «Бог существует, и он ненавидит меня», а потом пожимаете плечами и продолжаете жить, как жили, даже не пытаясь вновь завоевать его расположение. Но глупо ли?

Взглянув на Ларкена, Коринн промямлила, что не задумывалась о таких вещах.

— Да что вы ее допрашиваете? — вмешалась одна из подружек Ренны. — Она же не ученая. Верно, Коринн?

Принцесса не поняла толком, пыталась девушка подбодрить ее или уязвить. В любом случае кровь прилила к щекам.

— Если бы я утратила благорасположение Тунишневр, то сделала бы все возможное, чтобы вернуть его, — сказала Альрен, украдкой глянув на Хэниша. — К счастью, я чувствую, что они довольны мной. Их благословение пребывает с нами, благодаря нашему вождю.

Щеки Коринн запылали еще жарче. Она обернулась к Альрен, задержав взгляд на ее

невыразительных чертах и серебристых блесках на лбу.

— Благословение? Тоже мне! Вы сидите тут девять лет. Это воробыный чих по сравнению с правлением Акаранов!

Коринн могла сказать и что-нибудь более резкое, о чем наверняка пожалела бы впоследствии, но тут Хэниш вступил в разговор, и все внимание обратилось к нему.

— Принцесса абсолютно права, — сказал он без тени насмешки. Его серые глаза были серьезными и задумчивыми. — Коринн, вы слышали историю о Малютке Килише? Малюткой его прозвали для смеха, потому что на самом деле Килиш был здоровый детина. Настоящий гигант. Он сделал косу себе по росту — такую огромную, что никто другой не мог с ней управиться. Выходя в поле, Килиш срезал колосья пшеницы многими тысячами. Потом он сработал и вторую косу и ходил по своим полям с двумя сразу. Одним взмахом он скашивал столько же колосьев, сколько десять человек, вместе взятые. Килиш прославился. Самые искусные косари вызывали его на состязания, но он всегда побеждал. Вскоре никто даже не пытался с ним потягаться.

Хэниш помедлил, ожидая, когда слуга заменит его грязную тарелку на чистую. Затем продолжил рассказ. Однажды, поведал Хэниш, в страну прибыл чужеземец — маленький человек со смуглой кожей и хитрыми глазами. Он был прирожденным жнецом. Этот человек построил некую машину, которая уже покорила большую Часть мира. Она выглядела как огромная рама шириной во все поле, с приделанными к ней колесами. На раме были установлены манекены на шарнирах. Они походили на настоящих людей, но были вырезаны из дуба. Каждый держал в руках серп. Увидев машину, люди засмеялись. Что это за великанская игрушка? Какая польза от деревянных болванов? Но жнец знал какие-то слова языка богов. Он прошептал заклинания и похитил души тех людей, что смеялись над ним. Каждую душу жнец поместил в деревянную фигуру и так вдохнул в них жизнь. Манекены принялись размахивать серпами, а жнец хлестнул мула, и машина поехала по полю. Через несколько минут деревянные люди скосили больше пшеницы, чем Малютка Килиш за целый день...

Другой слуга попытался наполнить опустевший бокал вождя, но Хэниш оттолкнул руку. Казалось, его раздражало навязчивое внимание.

— Люди были поражены. Все восхваляли чужеземца. Все согласились, что он выиграл соревнование и достоин славы. Только Малютка Килиш возненавидел машину лютой ненавистью. Равно как и человека, который ее построил. Вся эта суматоха очень рассердила его. Почему люди превозносят такую злую вещь?

— Потому что они потеряли собственные души, — сказала Альтрен.

— Неужели они не заметили бездушных зомби, что стояли среди них? Не успев сообразить, что он делает, Килиш схватил свою косу и смахнул жнецу голову с плеч. Малютка Килиш огляделся вокруг, убоявшись, что его назовут душегубом и убийцей и прогонят вон. Но люди этого не сделали. Они возликовали и сказали: «Пусть Килиш косит нашу пшеницу, потому что он силен, и ему не нужно красть чужие души». Так и было.

Хэниш развел руками, показывая, что история закончена. Несколько голосов принялись наперебой хвалить ее. Альтрен сияла, гордо глядя по сторонам, будто Хэниш рассказал сказку специально для нее. Вождь меж тем не сводил глаз с Коринн.

— Этой истории много-много лет. Вы понимаете ее значение?

— Килиш был гигантом, говорите вы? Сдается мне, что по крайней мере одна часть его тела оказалась не так уж велика, — заявила Коринн. — Полагаю, именно поэтому он получил свое прозвище. Не стоит доверять человеку, которого называют малюткой. Никому не нравится иметь маленькие части тела. Такие люди, как правило, озлоблены, непорядочны и довольно-таки...

— Коринн, твой ход мысли... — начала Ренна.

— Малыш Килиш, — сказал Хэниш, перебив обеих женщин, — был из народа мейн. Пришелец — акацийцем. Вот вам и значение. Может быть, мы еще только учимся править, Коринн, но мы не продаем свои души, чтобы заполучить власть. Да, пройдет много времени,

однако мы возьмем честным способом то, что ваш народ получил при помощи вероломства и предательства.

— Вы только что сочинили эту сказку, — обвинила Коринн. — А уж ваши «честные способы»!.. Не вы ли...

Хэниш откинул голову назад и расхохотался.

— Я рассердил принцессу. Думаю, ей не хочется признавать, как хорошо древняя притча подходит к нынешней истории двух народов. Почти пророчество, верно? Я рад, что приложил руку к его исполнению.

По залу поползли одобрительные шепотки, но Коринн сказала:

— Вам, может, и радость, а мне печаль.

— Не верю, — откликнулся Хэниш. Он смотрел на нее, не отводя глаз. — Я думаю, вы просто чувствуете себя обязанной так говорить. Не буду отрицать, принцесса, мы причинили вам боль. Ваш отец... Я не прошу простить меня за это, прошу лишь помнить: в тот же миг, когда вы потеряли отца, я лишился любимого брата. Оба они были орудиями в делах конфликтующих сторон. Таков путь людей, и здесь нет преступления. — Хэниш облокотился на спинку стула и отхлебнул из своего бокала. — Помимо этого, Коринн, вам не сделали ничего дурного.

— Ничего... — начала Коринн.

Хэниш не дал ей договорить.

— Именно. Мы пальцем не тронули ваших близких. И никогда не тронем, не причиним вреда по крайней мере. Мы всего лишь хотели доставить их домой, вернуть на родину. Они могли бы жить рядом с нами, как и вы, Коринн. Посмотрите на себя. Вы окружены людьми, которые восхищаются вами, несмотря на все колючки, которые вы в нас всаживаете. Вы живете в роскоши, вы никому ничего не должны. Я всего лишь хочу, чтобы вы не тяготились своим положением. На самом деле я хотел бы видеть вас... счастливой.

Коринн вздернула голову и посмотрела Хэнишу в лицо. Ей казалось, будто он готов сунуть язык ей в ухо. Его последние слова коснулись ее, как влажная ласка, будто Хэниш мог перегнуться через стол и тронуть ее на глазах у всех. Меж тем он просто сидел, развалившись на стуле, с бокалом у губ. Никто, кроме, пожалуй, Маэндера, не доставлял Коринн столько беспокойства. Рядом с Хэнишем она испытывала странные чувства, которые сама не могла понять.

— Тогда, — сказала Коринн, — умрите. Вы и весь ваш народ. И верните мне семью.

Ошарашенная Альрен открыла рот, чтобы ответить, но Хэниш лишь широко улыbnулся.

— Милая экспрессивная девочка, — сказал он, — вы воистину прелестны. Не правда ли, Ларкен?

— Дерзкая нахалка, — отозвался марах, — хотя действительно есть на что посмотреть.

Коринн поднялась и вышла вон, ощущая спиной взгляды всех, кто оставался в зале.

Глава 36

Лике Алайну стоило большого труда отказаться от миста. Дни, наполненные галлюцинациями, сменялись ночами кошмаров. Боль пронизывала тело словно разряды молний, и он переживал ее, скорчившись и трясаясь на койке. Иногда взгляд прояснялся, точно как во время лихорадки, которая терзала Алайна в Мейне. Однако это длилось недолго. Он был истощен до предела. Ему чудилось, будто плоть грызут тысячи червей с острыми зубами. Хуже всего было понимание, что эти черви — часть его самого. Лика Алайн пожирал себя изнутри.

Все это время старый канцлер находился рядом. С первой ночи, когда Таддеус пришел к Лике под покровом ночной темноты, он оставался в его доме. Строгий лекарь, сиделка, тюремщик и друг — все в одном лице. Таддеус запер Алайна в хижине, привязал запястья и лодыжки к кровати и обернул широкий лоскут ткани вокруг его торса. Таддеус сидел рядом

с ним, объясняя, как нужна ему помощь старого генерала. Но он не хотел обсуждать детали, пока тело и разум Алайна полностью не очистятся от миста. Лика на чем свет ругал канцлера — испуганный, смущенный и недоумевающий, а в его теле бушевала буря.

Однажды, когда взор Лики прояснился, и он увидел глаза своей «няньки», глядящие на него сверху вниз, генерал с полной уверенностью заявил, что умирает. Это испытание ему не пережить.

— Посмотри-ка сюда. — Таддеус протянул руку и показал генералу иголку, привязанную к кончику его мизинца. — На острие нанесен яд — такой сильный, что он убивает жертву прежде, чем та успевает ощутить укол. Подобное вещество, только без смертельного эффекта, я использовал во время нашей маленькой схватки у хижины. Смотри: я кладу иглу здесь, возле тебя. Если ты и впрямь не можешь жить без миста и вина, тогда возьми ее и покончи с собой. Или же — если ты слишком любишь жизнь — дождись, когда я усну, и убей меня. В моей сумке есть деньги; возьми их и беги отсюда. Пусть Хэниш Мейн и дальше вершит судьбу мира. Все в твоей власти, выбирай. Если ты меня убьешь, то даже не совершишь преступления. Возможно, я был бы рад такому исходу. Мы могли бы спраздновать труса на пару.

Таддеус отвязал иголку от пальца и положил на табурет. Потом освободил своего пациента и отвернулся. Сколь бы ни был Таддеус мудр, он даже не догадывался, как близко подступил к смерти. Более всего на свете Лика хотел взять иглу и воткнуть ему в шею. Перед мысленным взором прошло каждое действие, каждый шаг. Вот он выгребает из сумки монеты; вот он идет по городу... Лишь бы еще раз приложить трубку к губам и вдохнуть. Во имя всех богов, Лика не знал, что могло бы остановить его.

На следующее утро он проснулся в слезах. Он знал с отчетливой ясностью, что остался один в этом мире, и некого было обвинять, кроме самого себя. Война сломала ему жизнь, но он сам виноват в том, что никогда по-настоящему не любил женщину, не имел детей, не смотрел в будущее со страхом и надеждой, опасаясь за судьбу внуков. Если бы он завел семью, то сейчас, возможно, все было бы иначе. Возможно, он нашел бы смысл жизни. Лика не мог понять, как прожил столько лет, не оставив миру ничего полезного. Не исключено, что в конце концов он использовал бы отравленную иглу — для себя.

— Я вижу, ты не полностью изжил чувство жалости к себе, — сказал Таддеус, вторгаясь в печальные мысли Алайна.

Лика обернулся. Старый канцлер сидел на табурете и рассматривал своего пациента. Он протянул Лике какую-то тряпку, и генерал вытер лицо. Он сознавал, что должен ощущать стыд, но стыда не было. Таддеус спросил, не хочет ли он поесть. К своему удивлению, Лика сказал «да».

— Прекрасно, — откликнулся Таддеус. — Правильный ответ. Я приготовил похлебку. Только травы из холмов, овощи и немного грибов. Надеюсь, тебе понравится. Давай перекусим и поговорим, наконец, начистоту. О наших делах.

Позже генерал будет удивляться странностям людской природы. Вот человек искреннее желает себе смерти. А в следующий миг его возвращают к жизни несколько добрых слов, миска супа и вовремя протянутый платок. Эти простые вещи — наравне с некоторыми прочими — помогли Лике прийти в себя. После того утра становилось все легче и легче отвыкать от миста. Он, разумеется, чувствовал прежнюю жажду. Она терзала его каждый день, если не каждый час. Приходилось снова и снова бороться с собой, чтобы выстоять... Но он справился. Таддеус рассказал ему о своих планах. Теперь у Лики появилась важная миссия, и это тоже придавало сил.

Генерал оставил убежище в холмах и отправился в путь. Он обрел надежду и смысл жизни — самым неожиданным способом. Голова пухла от инструкций и указаний, выданных Таддеусом. Лика снова носил у бедра акацийский меч — прощальный подарок канцлера. Раньше бывший солдат Акации привлекал бы внимание, расхаживая с оружием, но за годы правления Хэниша мир изменился. Сопротивление было подавлено. Раскиданные по всей

империи мейнские солдаты не гонялись за отдельными людьми, сберегая силы для охраны и защиты империи.

Лика шел, наслаждаясь свежим воздухом в легких и болью в ногах. К концу первой недели пути он вернул себе былую выправку. Генерал нарочно выбирал дороги, ведущие вверх, и сложные тропки, преодолевал каменные осыпи и крутые склоны, где скользили подошвы, и земля осыпалась под ногами. Однажды, когда он отдыхал в седловине между двумя горами, ноги свело судорогой. Боль была невероятной. Лика откинул голову назад, обратив лицо к небу, и плакал от радости. Он почувствовал свое тело.

Лике никогда не забыть ликование, охватившее его на вершине скалы, возле западной оконечности Сенивальских гор. Вокруг не было ничего, кроме облаков над головой и высоких пиков, вздымавшихся со всех сторон. Каждый был острым, словно зуб гигантской росوماхи; каждый стремился ввысь, как обвиняющий перст, воздетый к небесам. Лика исполнил Десятую Форму — ту, что использовал Теламатон, сражаясь против пятерых жрецов бога Рилоса. Никогда в жизни генерал не ощущал себя таким чистым и просветленным. Это была своего рода дань, акт воссоединения со всем, чем он когда-либо был и надеялся стать вновь. Возможно, Алайн ошибался. Возможно, тешил себя тщеславными иллюзиями, опьянев от высоты и легкости. Но когда он рубил и парировал, кружил и пригибался, ему казалось, что все эти горные утесы замерли в восхищении, наблюдая за ним.

Вскоре горы остались позади, и Лика Алайн вышел на берег Серых Валов. Его путь лежал через прибрежные города, где процветали торговля, преступность и человеческие пороки. Мало кто здесь смотрел на прохожего по-доброму. Каждый оценивал риск и собственные возможности — и только. В воздухе висела угроза; ничего подобного никогда не было во время правления Леодана. То и дело приставали торговцы мистом, уверяя в качестве своего продукта: отличный товар, чистый, без примесей, прямо из-за моря. Лика не знал, видят ли торговцы в нем что-то особенное, или такое положение дел теперь нормально для империи. Не раз он бил кулаком по руке, лезущей в его карман. Дважды его вызывали в суд за проступки, которых Лика не совершал. Один раз генерал вытащил меч — когда трое юнцов окружили его в темной аллее. Он взрезал воздух несколькими быстрыми взмахами клинка, и парням хватило ума дать деру.

Таддеус назвал имя человека, которого надо было найти в одном из прибрежных городов. Генерал разыскал его и убедил, что является посланником канцлера. Тогда человек отправил его к следующему. Этот накормил генерала, рассказал, что мог, и отправил дальше, с посланием к еще одному человеку. Мало-помалу Алайн сообразил, что имеет дело с подпольем, скрытым сопротивлением, которое по сей день существует в мире. Старый канцлер был частью какой-то большой организации.

Генерал общался с людьми, расспрашивал, стараясь, чтобы вопросы смахивали на пустое любопытство. Он искал еще одного человека, зная только его имя. Лика изредка упоминал его и формулировал вопросы по-разному — в зависимости от того, с кем разговаривал. Так прошло почти два месяца, но генерал ни на шаг не приблизился к цели. Он слышал мало полезного и много мерзостей. И когда проклюнулся первый росток, Лика Алайн поначалу не опознал его.

Женщина подошла к Лике в таверне, в рыбацком порту, название которого он даже не спросил. В руке она держала кружку с вином, была молода и недурна собой. Женщина сладко и зазывно улыбнулась, и потому он принял ее за шлюху. Однако когда она заговорила, то сразу попала в самую точку.

— Зачем ты расспрашиваешь всех о пирате?

Лика выдал один из приготовленных ответов — обтекаемый и невнятный. Он намекнул на деловое предложение и некие сведения, которые могли принести им с пиратом обоюдную выгоду. Впрочем, сказал Лика, эти сведения весьма деликатного характера, и он предпочел бы обсудить их с пиратом лично.

— Гм... — кивнула женщина, словно ответ полностью удовлетворил ее.

Она отпила из своей кружки, а потом неожиданно сжала губы и плюнула в него, забрызгав Лике лицо и глаза обжигающей жидкостью. Ничего не видя вокруг, генерал почувствовал, как чьи-то руки опустились ему на плечи. Крепкие, отнюдь не женские. Казалось, все посетители таверны были заодно. Лику схватили и били головой о стену, пока он не потерял сознание.

Очнувшись, генерал понял, что его окружает море. Он чувствовал брызги на лице и промок до нитки. В самом деле — до нитки. Время от времени он и вовсе уходил под воду. Море было еще ближе, чем ему показалось вначале. Генерала крепко привязали к доске, прибитой к носу корабля. Его тело прорезало собой зеленые пенистые волны. Лику превратили в живую носовую фигуру.

Таким образом он и прибыл в Белую Пристань. В жалком состоянии, гораздо менее тайно, чем желал бы, и растеряв последние остатки достоинства перед пестрой толпой пиратов, которые собрались поглазеть на него. Команда корабля, доставившая Лику на остров, обращалась с ним не слишком бережно. Некоторое время он висел лицом вниз, глядя на выбеленный солнцем пирс. Когда же пришло время доставить пленника на берег, пираты просто взяли доску и понесли. Лика болтался туда-суда, и земля прыгала перед глазами, раскачиваясь при каждом шаге «носильщиков». Потом пираты швырнули его на горячий песок. Секунду спустя генерал ощутил, что доска приподнимается; ее поставили стоймя, прислонив к стене какого-то строения. Связанный, покрытый синяками и вываленный в песок, генерал покорно ждал решения своей судьбы.

Девушка, которую он принял за шлюху, тоже была здесь — вместе с пиратами из таверны, избившими и скрутившими его. Они ошивались вокруг без особой цели, пока из дома не вышли двое — юноша и здоровенный детина. Выражение лица молодого человека не сулило Лике ничего приятного. Он поговорил с пиратами, привезшими генерала, а потом обзрел его самого, словно прикидывая, заговорить или уйти прочь. Здоровяк тяжело опирался на палку. Его кожа была бледной, а огромное тело казалось обвисшим, как полупустой мешок. Он тоже разглядывал Лику, но ничего не сказал — просто смотрел на него в упор.

Наконец юноша приблизился. Вынул кинжал из ножен на бедре и повертел его в пальцах. Не то чтобы угроза, но недвусмысленное предупреждение.

— Кто ты такой? Почему расспрашивал обо мне?

Глядя на красивое молодое лицо, застывшее в ожидании ответа, Лика спросил:

— Тебя здесь называют Шпротом?

— Меня. Дальше что?

Лика пожалел, что его губы такие разбухшие и жесткие, слепленные засохшей кровью и солью. Пожалел и о том, что глаза заплыли и мир застлан туманной дымкой. Он хотел бы сделать хоть глоток воды, чтобы промочить пересохшее горло...

— Принц Дариэл Акаран, — начал генерал, — я счастлив, что могу лицезреть...

— Почему ты меня так называешь? — перебил юноша, уставившись на Алайна сердитым и растерянным взглядом.

К облегчению Лики, гигант ответил вместо него. Он тяжело шагнул вперед и проговорил:

— Успокойся, парень. Это я устроил. Я все устроил.

Глава 37

Мэна взялась руками за ржавые петли и опустилась на песок. Придерживаясь за якорь, откинула голову назад и посмотрела вверх, сквозь колонны, составленные живыми моллюсками. Она сидела на песчаном ложе гавани, примерно в тридцати футах от поверхности, изо всех сил удерживая дыхание. Волосы парили вокруг нее словно извилистые щупальца. Бесчисленные цепи тянулись со дна, устремляясь к поверхности и бросая темные тени на белый песок. Устрицы свисали с них тысячами. Вырастая, эти создания становились

размером с голову ребенка. Хотя большую часть объема занимала раковина, одной устрицей можно было накормить трех-четырех едоков. Их варили в соусе из кокосового молока и подавали с прозрачной лапшой. Устрицы были деликатесом, монополия на их разведение принадлежала храму. Деньги от их продажи наполняли храмовые сундуки каждый раз, как архипелаг посещали купцы.

Легкие горели от недостатка воздуха, каждая клеточка тела разрывалась от боли. Над устрицами блестела сияющая бирюза поверхности моря. Мир наверху казался благословенным местом света, который можно вновь обрести, только пройдя через опасное испытание. Разжав руки, Мэна поплыла к свету, по пути выпустив изо рта струйку пузырьков, которые цепочкой устремились вверх. Пузырьки ли были тому причиной, или устрицы чувствовали приближение человека, но они одна за другой закрывали свои раковины, чтобы освободить дорогу к поверхности. Последние несколько секунд были самыми безумными. Мэна безмолвно кричала, готовая выскочить из собственной кожи; она слишком долго просидела внизу, ей не хватит нескольких драгоценных мгновений...

Мэна выскочила из-под воды, широко раскрыв рот и судорожно дыша. Воздух поглотил ее целиком — как звук, как свет, как движение, как жизнь. Она сама толком не понимала, зачем придумала для себя испытание. И все же подобные погружения приносили чувство успокоения. Порой душу требовалось чистить, тем более в такие дни, как нынешний. Мэне предстояло посмотреть в глаза убитых горем родителей и поклясться, что смерть ребенка — благо для всех. Необходимая жертва. Дар, который рад принести любой вуманец.

Мэна покинула устричный затон и зашагала через лабиринт пирсов, заполонявших мелкую полукруглую гавань. Та ее часть, где располагались храмовые подводные плантации, была тихой и безлюдной, а вот в торговом порту кипела жизнь. Девушка проталкивалась через плотную толпу купцов и моряков, рыбаков и плетельщиков сетей. Проходила мимо прилавков, где торговали всевозможной едой — рыбой и раками, фруктами с прибрежных плантаций и мясом обитателей джунглей. Торговцы расхваливали свои товары на мелодичном языке вуму. Мэна целенаправленно шла вперед. Отовсюду слышались обращенные к ней приветствия и мольбы. Везде она видела почтительно клоненные головы. Майбен Земная шла среди людей. Обычно воплощение богини встречали с радостью, но сегодня некоторые вуманцы бросали на нее многозначительные взгляды.

Проходя мимо последнего причала, Мэна заметила, что один из моряков замолчал и, прекратив работать, уставился на нее. Он стоял на поручнях борта торговой баржи, придерживаясь за одну из веревок такелажа, чтобы не свалиться. Удивленная столь пристальным вниманием, Мэна тоже осмотрела моряка — обнаженный торс, чисто выбритые щеки, заостренный подбородок и спокойные, внимательные глаза. Он явно не из вуму; корабли приплывали сюда из самых разных уголков мира. На лице незнакомца не было ни особой доброты, ни сального выражения. Тем не менее его напряженный взгляд обеспокоил Мэну. Она ускорила шаги.

В храме она облачилась в наряд Майбен — обшитые перьями ткани, когти на пальцах, шипы в волосах, маска-клюв. Пока вокруг суеились прислужницы, Мэна пыталась почувствовать божественное присутствие, богиню, которая подсказывала нужные слова и придавала форму мыслям. Увы, Майбен не желала войти в нее — именно сейчас, когда была более всего нужна. Она хранила молчание, оставив Мэну говорить с людьми самостоятельно, в меру своего разумения.

Сперва Мэна считала, что не отвечает требованиям и не годится на роль Майбен Земной. Верховный жрец уверил, что суровая и требовательная богиня просто испытывает ее. Это только вопрос времени, сказал он. Однажды Майбен действительно придет, чтобы поселиться в своей земной оболочке навсегда. Ничего подобного так и не произошло, но Мэна все более сживалась со своей ролью. Казалось, все вокруг и без того полны верой, и этого было вполне достаточно, чтобы поддерживать статус богини. Однако же сегодня все переменилось, и Мэна не могла избавиться от страха.

Облачившись в наряд Майбен, Мэна уселась на трон в храмовой зале. Главный жрец

культа Майбен — Вамини — стоял подле нее. Его кожа была довольно темной и очень гладкой, никак не выдавая возраст жреца. Впрочем, Мэна знала, что он занимает свой пост уже более сорока лет. Тонкая хламида ниспадала с плеч Вамини струящимися складками. Он стоял так неподвижно, что казался статуей. В третий раз за последние несколько лет они ожидали подобной встречи.

В зал вошла молодая пара, сопровождаемая одним из младших жрецов. Мужчина и женщина медленно приближались, опустив головы и держа на весу руки с обращенными кверху ладонями. Мэну изумило, какие они маленькие. Сами точно дети. А ведь они уже родили ребенка... и потеряли его. Супруги опустились на колени у подножия помоста.

Без долгих церемоний Вамини спросил:

— Кто вы? Откуда? Что случилось?

Отец ответил высоким голосом, прерывающимся от переполнявших его эмоций. Они живут в деревне, в горах, объяснил мужчина. Он охотится на птиц — ради перьев, которые используются в храмовых церемониях. Жена прядет пальмовое волокно для корзин и разных других изделий, и они продают их на рынке в Галате. Их дочь Рия была хорошей девочкой, с круглым лицом, как у матери, робкая по сравнению с другими детьми. Они любили ее больше жизни. Отец без колебаний отдал бы собственную душу вместо души девочки. Он не мог понять, почему...

— У вас есть второй ребенок, — сказал Вамини. — Мальчик. Близнец вашей дочери. Будьте благодарны за это.

— И у нас был и еще один, до того, — сказал отец, изо всех сил стараясь, чтобы его услышали и поняли правильно. — Наши дети родились тройней. Мы отдали первого чужеземным торговцам. Они забрали у нас Тана. За что Майбен наказывает нас вновь?

О боги, подумала Мэна, одного ребенка они отдали по Квоте. А теперь потеряли второго. Вамини не шелохнулся.

— Три жизни в одном лоне — слишком щедрый дар, чтобы пройти незамеченным. Однако скажите нам, что же случилось с девочкой?

Отвечала мать. В отличие от мужа она почти не выказывала эмоций. Глаза женщины были усталыми, а голос бесцветный, словно она уже перешагнула границу горя. Они с дочерью шли по гребню холма, сказала женщина. Рия немного отстала. Мать слышала ее пение; девочка повторяла несколько рифмованных строчек — снова и снова. Вдруг Рия умолкла. Песенка оборвалась на полуслове. Женщина оглянулась и увидела, что девочка исчезла. Она подняла глаза и увидела ноги дочери, словно свисающие с неба. А потом мать заметила распахнутые крылья птицы, уносившей ее дочь.

Женщина коротко взглянула на Мэну и снова распростерлась на полу перед тронem.

— Тогда я поняла, что Майбен украла ее, — закончила она.

— Майбен ничего не крадет, — назидательно произнес Вамини. — То, к чему она прикасается, принадлежит ей.

— Я думала, — ответила мать, снова подняв взгляд, — что Рия моя. Она появилась...

Вамини возвысил голос, резко перебив женщину:

— Глаза долу! Забыла, где находишься?! Ты думала, что девочка только твоя... Это не так! Горе — удел Майбен. То, что ты чувствуешь, — лишь малая толика страданий, которые выносит она. Столь малая, что похожа на единственную крупинку песка в сравнении с песчаными берегами Вуму. Майбен забрала дитя в свой дом на Увумале, дабы девочка развлекала ее. Однажды ты поймешь, что богиня оказала великую милость — и твоей дочери, и тебе самой. Разве не так, Владычица Ярости?

Это был сигнал, которою боялась Мэна. Знак того, что пришло время сказать свое слово. Она поднялась и направилась к несчастным родителям, воздев руки — так, что оперенные полы ее одеяний взметнулись, будто крылья птицы перед полетом.

Лицо Мэны было неподвижно и спокойно, но это далось ей лишь ценой огромных усилий. Она судорожно искала правильные слова, которые могли оправдать деяние злобной богини. Искала — и не находила. Мэна знала, как ужасна ее маска с клювом, нависшая над

двумя маленькими людьми. Она ощутила укол стыда.

Молодые супруги прижались к полу, когда Мэна остановилась перед ними. Она видела татуировку на руке мужчины, цепочку позвонков на спине женщины. Как же она любила этих людей — всех людей вуму! Мэне нравилось смотреть на них, вдыхать запах их кожи, слушать их смех. Она восхищалась плавной грацией их движений. Мужчина и женщина перед ней сейчас олицетворяли весь народ вуму. Всех людей, живших под властью злобной богини. Мэна надеялась, что они не глянут на нее. Им нельзя этого делать. Уткнувшись лицами в пол, они готовы были внимать Мэне, слушать, как она оправдывает деяния Майбен. Мэна же могла сказать лишь несколько фраз. Напомнить им, что Майбен не отвечает ни перед кем, что она все еще зла и обижена на людей, оскорбивших ее. Богине не за что извиняться. Родители девочки еще поблагодарят ее за науку. За то, что она предоставила им возможность испытать горе и пережить его.

Однако слова, которые в конечном итоге сорвались с губ Мэны, изумили ее саму. Она произнесла их не по-вумански. Мэна говорила на языке, который иногда снился ей по ночам — полузабытом языке ее детства. Она сказала молодым супругам, что ей очень жаль их. Ей не под силу в полной мере понять их печаль, но она старалась, действительно старалась. Если бы она только могла, она вернула бы им круглолицую девочку. В самом деле вернула бы.

— Но я не могу, — сказала Мэна. — Теперь Майбен позаботится о Рие. А вы вдвойне любите своего сына. Отдав богине самое ценное, вы получили ее благословение; ваша жизнь станет счастливой, и сын будет радостью для вас. Всегда...

Покинув залу, Мэна раздумывала, что сделал бы с ней жрец, если б понял ее речи. Плохо уже то, что он вообще слышал их. Возможно, он выпорол бы ее; впрочем, это пугало Мэну далеко не так сильно, как казалось жрецу. Временами, когда он начинал разглагольствовать, Мэне хотелось достать свой старый меч и снести ему голову. Кровавая картина стояла перед ее мысленным взором с такой ясностью, что Мэна сама поражалась, откуда берутся такие жестокие мысли. Впрочем, возможно, она слишком долго пребывала воплощением ярости Майбен...

Хотелось бы знать, помогла ли она хоть немного этим горюющим людям. Разумеется, ее слова были для них абракадаброй. Мэна понимала, что она просто струсила, не сумела перебороть себя. Почему она всегда хватается за старый язык в самые трудные моменты жизни?

В таких размышлениях Мэна провела весь день до самого вечера. В темноте она вышла из храма и отправилась домой, на сей раз надев полотняную сорочку, потому что с моря тянуло прохладным ветром. Босые ноги ступали по слежавшемуся песку, в бледном сиянии звезд тропа казалась серебристой. По одну сторону от нее вздымалась темная изгородь невысоких кустов.

Мэна замерла на полушаге, услышав какой-то невнятный звук. Шорох или шепот... Вслушалась. Нет, все было спокойно, лишь насекомые поскрипывали в траве, да какой-то грызун кинулся в сторону, встревоженный ее внезапной неподвижностью. Где-то в городе лаяла собака, из храма доносились приглушенные голоса... Чем дольше Мэна прислушивалась, тем больше сомневалась, что звук вообще был. Она уже почти успокоилась, когда сзади зашуршали кусты.

Мэна резко обернулась и увидела темный силуэт. Незнакомец, очевидно, прятался в кустах, ожидая, пока жрица пройдет мимо. Он был выше любого вуманца. Значит, это не островитянин — чужак, который хочет причинить ей вред. Иначе зачем поджидать ее в темноте? Мэна прикинула шансы промчаться мимо и юркнуть в дом. А еще можно закричать. Сколько пройдет времени, прежде чем кто-нибудь сюда прибежит?

Мэна стиснула кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. На нее снизошло спокойствие, а затем она ощутила вздымающийся гнев. Сейчас в ней было больше от богини, чем в те минуты, когда она носила свое оперенное одеяние.

— Мэна? Это же вы, да?

Сперва она подумала, что у него странный акцент. А в следующий миг осознала, что он говорит вообще не на вуманском.

Он говорил... на другом языке. Мэна узнавала слова и понимала их значение, хотя они казались ей странными и непривычными. Человек назвал ее по имени, неизвестном на острове. На миг она испугалась, что навлекла на себя демона. Может быть, богиня рассердилась за то, что жрица говорила на чужом языке? Может, пришелец явился покарать ее?

— Что тебе нужно? — спросила Мэна по-вумански. — У меня нет ничего ценного, так что оставь меня. Я служу богине. Ее гнев страшен.

— Я слышал об этом, — ответил незнакомец, — но вы не похожи на гигантского морского орла, который крадет младенцев. Совсем не похожи. — Он сделал шаг вперед. Мэна попятилась, и человек поднял руки в успокаивающем жесте. Из дома донесся шум. Там вспыхнул свет, и когда незнакомец повернул голову, Мэна узнала моряка, что так пристально смотрел на нее утром. Отчего-то это скорее озадачило ее, чем испугало. — Вы говорите на вуманском, словно родились здесь, но ведь вы приехали издалека? Скажите, что я не ошибся. Вы Мэна Акаран от древа Акации.

Мэна покачала головой и несколько раз повторила: «Я — Майбен Земная», но она говорила слишком тихо, чтобы заглушить речи моряка.

— У вас есть брат Аливер. Сестра Коринн. И Даризэл — еще один брат, младший. Вашим отцом был Леодан...

— Что тебе нужно?! — рявкнула Мэна.

Едва ли это был вопрос. Просто неожиданный крик, который вырвался из груди. Она хотела заставить моряка замолчать, потому что имена, которые он называл, и язык, на котором говорил так спокойно, вовсе не добавляли ей спокойствия.

— Мы ведь знакомы, Мэна. Я был приятелем вашего брата. Мы вместе тренировались в зале марахов. Мой отец, Алтенос, работал в дворцовой библиотеке, приводил в порядок записи короля. Я танцевал с вами, когда вам было десять. Помните? Вы стояли у меня на ноге, и боль была просто невыносимая. Скажите, что помните меня, прошу вас, Мэна.

Мало-помалу молодой человек придвигался к ней, и в тусклом свете Мэна рассмотрела черты его лица. Она смутно помнила те вещи, о которых он говорил; просто не верилось, что сейчас перед ней стоит этот человек. Да, Мэна знала это лицо. Мальчик вырос, а глаза остались прежними; огромные, широко расставленные, они странным образом успокаивали. Она знала эти губы, помнила, как улыбка преображала его черты.

— Принцесса, — проговорил молодой человек, опускаясь на колени, — я уже утратил надежду... Скажите же мне, что я не ошибся.

— Как тебя зовут? — спросила Мэна, глядя на него сверху вниз.

В его глазах отражались звезды. Мэна увидела, как что-то неувовимо изменилось в них, и поняла, что глаза наполнились слезами.

— Меня зовут Мелио.

Глава 38

Некогда Риалус Нептос полагал, что управление сатрапией Мейн было главным проклятием его жизни. Он ненавидел это холодное место, населенное грубыми, жестокими людьми, изгнанными когда-то из империи. Нептос исходил бессильной злобой, думая, что Акараны позабыли о нем, и многое бы отдал, чтобы улучшить свое положение. Ради этого он поднял старые связи с преступным миром в Алесии, привлек к делу родственников и бунтарей всех мастей, до которых только смог дотянуться. Нептос собирался поднять мятеж в Алесии — одновременно с атакой Хэниша Мейна. Он с радостью наблюдал, как город погружается в пучину хаоса, и несколько дней пребывал в полнейшей эйфории, ожидая прихода новой власти. Наверняка его действия обеспечат расположение Хэниша Мейна и теплое местечко в будущей империи.

Увы, Хэниш решил пошутить: он назначил Нептоса послом у нюмреков и личным помощником Калраха — предводителя их огромной орды. Хэниш отметил, что Риалус был одним из первых акацийцев, наладивших контакт с нюмреками, и они до сих пор с теплотой вспоминают о приеме, который наместник оказал им в Катгергене. Нептос продемонстрировал силу духа и навыки общения с этим грубым народом.

— Ты идеальная кандидатура, Риалус, — заявил Хэниш. — Полагаю, этот пост просто-таки создан для тебя.

Нептос занервничал и попытался возразить. Он ничего не знал о нюмреках! Холодные регионы, где они обитают, противопоказаны для его здоровья! Ему хотелось бы получить какой-нибудь пост поближе к центру цивилизации, скажем, в Алесии или на побережье, возле Мэнила. Возможно, он подошел бы в качестве главы магистрата в Бокуме?.. Посол у нюмреков? Ему не хотелось бы показаться неблагодарным, но, может быть, Хэниш передумает? В конце концов, эти твари едят людей! Едва ли народ варваров стоит рассматривать как ценного союзника.

Нептос горько пожалел о своих протестах. Маэндер был в комнате и все слышал. Казалось, он получает удовольствие, наблюдая за страданиями Риалуса. Хэниш не отменил назначения, и так в жизни Нептоса начался новый период мук и унижений.

Единственным позитивным моментом было то, что нюмреки не вняли просьбам Хэниша. Они не остались в Мейне и даже в Ошени, как пообещали сперва, а отправились на юг. Сам Калрах устроил себе резиденцию в большой вилле на талайском побережье. Здесь по крайней мере Риалус обрел вожаемое тепло. Однако солнечные лучи оказались скудной компенсацией за другие беды его каждодневного существования.

Каким образом нюмреки проводили досуг? Что у них за культура? Как они намерены использовать привилегии, дарованные им Хэнишем за помощь в войне? Что ж, они любили загорать на солнце и проводили за этим занятием немало времени. Все ясные дни нюмреки валялись на песке у моря, шевелясь лишь в тех случаях, когда хотели перекатиться с одного бока на другой. Они потягивали напитки, подносимые слугами-акацийцами. Дети толклись среди взрослых; бывало, что их ласкали и баловали, но могли угостить и хорошей затрещиной. Нюмреки никогда не упускали случая почесать кулаки.

Когда им надоедало лежать на солнце, нюмреки любили подраться. Они колошматили друг друга дубинками, которые зачастую ломали кости, или устраивали поединки на ножах, считавшихся достаточно короткими, чтобы не нанести смертельного ранения. Нюмреки гордились своими шрамами. Риалус неосторожно дал понять, что кровь вызывает у него брезгливость и отвращение. С тех пор не проходило и дня, чтобы нюмреки не демонстрировали ему свои раны и порезы, дабы позабавиться, созерцая выражение лица Нептоса.

Он совершил еще одну ошибку, когда упомянул метание копья — игру, которую очень любили нюмреки. Суть ее состояла в том, что раб бежал по пересеченной местности, а нюмреки кидали в него длинные дротики. Риалус однажды обронил, что находит это зрелище забавным. В ответ Калрах заставил его самого совершить пробежку: вздернул Риалуса на ноги, поднял копье и улыбнулся.

— Надеюсь, тебе повезет.

Никогда в жизни Риалус не бегал с такой скоростью. Сердце колотилось так, что едва не разорвало грудь. Смерть в буквально смысле наступала ему на пятки. Копья то и дело падали прямо за спиной. Он был уверен, что сейчас погибнет — или проведет остаток жизни калеккой. Однако ни одно копье его не задело. Прошло немало времени, прежде чем сердце утихомирилось, и тогда Риалус услышал позади странные звуки: предводитель нюмреков и его приятели всхлипывали от смеха. Разумеется, Калрах и не пытался попасть в Риалуса. Они просто играли.

— Да, Нептос, да! — сказал один из лейтенантов Калраха. — Очень забавно. Ты прав.

У нюмреков не было культуры, не было искусства. Никакой живописи, скульптуры, поэзии. Никаких исторических записей. Да они и письменности-то не имели. Нюмреки не

видели в ней необходимости. Самые примитивные из разумных существ, каких только Риалусу доводилось наблюдать в своей жизни. Физиологические функции не считались у нюмреков неприличными. Они ели, отрывали, пускали ветры, справляли нужду, занимались сексом и даже онанизмом у всех на глазах — невзирая на пол, возраст или статус. Нюмреки забавлялись, наблюдая как Риалус ищет уединенное место для отправления своих телесных потребностей. Он в очередной раз стал мишенью для шуток. Где бы Риалус ни спускал штаны, это вызывало немалый интерес и привлекало толпу любопытных. Иногда он раздумывал, можно ли вообще считать нюмреков людьми. Нептос провел среди них девять лет, но так и не решил для себя этот вопрос.

Риалус, впрочем, выучил язык нюмреков — самый странный из известных ему языков. В нем даже простейшие слова были нагромождениями множества слогов. Чтобы произносить их, требовалось дышать определенным образом, напрягать гортань и издавать kloкочущие звуки из глубины горла.

Ужин, во время которого Калрах решил поручить Риалусу первую официальную миссию, начинался как любая другая вечерняя пирушка. Очевидно, шутки ради его посадили между двумя молодыми женщинами, которые не имели постоянных любовников, и потому ими пользовались все подряд. Откровенно сказать, по виду местные дамы не слишком-то отличались от мужчин. Однако девушки заигрывали с Риалусом, перегибались через него, когда тянулись за очередным куском еды, игриво прикасались к нему.

К своему ужасу Риалус понял, что женщины и впрямь возбуждают его. Они были отвратительны, гадки... меж тем Риалус чувствовал жар в паху и чувствовал, как напрягается член. От женщин пахло чем-то сладковатым, точно от перезрелого фрукта, который вот-вот начнет гнить. Не очень приятный запах, но отчего-то он притягивал его и будоражил плоть. Настоящая пытка — а ведь Риалусу предстояло просидеть рядом с женщинами целый вечер. Калрах, казалось, понимал его муки и наслаждался ими.

— Риалус, да ты не прикоснулся к еде? — спросил вождь нюмреков. — Как же так? Отличное блюдо, попробуй.

Слуга поставил перед Нептосом миску варева. Калрах разъяснил, что эта похлебка сделана из кишок мохнатого носорога, сваренных в молоке самок и на несколько месяцев сложенных в бочки. Теперь их слегка приправили вином и подали к столу.

Калрах наблюдал, как Риалус подносит ложку варева ко рту.

— Видно, твой желудок так же слаб, как и все остальные органы.

Женщина, сидевшая слева, сказала:

— У него есть один орган, который малость подтверже остальных.

— У меня к тебе дело, — заявил Калрах. — Оно касается моего народа. На следующий год ты, может, сам станешь нюмреком. Гордись этим. — Калрах захохотал над собственной шуткой, а потом резко сменил тон. — Риалус, скажи: как ты думаешь, Хэниш Мейн уважает нас? Нюмреков, я имею в виду. Мы избранные. А он не оскорбляет нас?

— Не понимаю, о чем ты, — сказал Риалус.

— Он не оскорбляет нас?

Калрах имел дурацкую привычку повторять последнюю сказанную фразу, словно желая показать, что все возможные значения, смыслы и интерпретации содержатся в самих словах, и надо лишь вслушаться получше.

— А как на твой взгляд? — осторожно спросил Риалус.

Калрах пожал плечами и так яростно почесал щеку, что разодрал несколько старых царапин.

— Не столько на взгляд. Скорее, пожалуй, на запах. И этот запах мне не нравится. Мой дед говорил о таком запахе. Он исходил от Лотанов перед тем, как они обратились против нас и выкинули из своего мира. Мы были их армией. Ты это знаешь, да? Мы были их союзниками много поколений, но в конце они подло использовали нас. У меня есть одно желание, Риалус. Я хочу однажды вернуться в Иные Земли и принести Лотанам новый запах. Понимаешь?

Нептос терпеть не мог подобные речи. Калрах повторял все это довольно часто, особенно если Риалус делал вид, будто позабыл о его словах. Впрочем, он уже понял, что игнорировать их бесполезно. Калрах мог бесконечно долго ходить по кругу, однако неизбежно возвращался к теме, которая имела для него значение.

Загремели барабаны, провозглашая прибытие главного блюда. Нынче вечером ожидалось угощение, которого Риалус еще не пробовал. И это сильно его беспокоило. Слуги подняли стол над головами гостей и понесли прочь. В суматохе женщина, сидевшая справа, ухватила Риалуса повыше локтя и что-то промурлыкала ему на ухо — зазывно и многообещающе. По счастью, к этому времени слуги принесли новый стол и водрузили его на место прежнего.

Перед гостями появился деликатес, который нюмрек называли тилвхеки. Он был размером со взрослую свинью и выглядел как раздутый кожаный мешок — полупрозрачный, так что сквозь стенки виднелось содержимое, напоминающее разбухшую пеструю требуху. В предвкушении удовольствия Калрах объяснил непосвященному, что это за блюдо, и Риалус понял, что не так уж сильно ошибся в своих предположениях. «Тилвхеки» нюмреки называли ягненка. После того как их изгнали за Ледовые Поля, нюмреки оказались лишены своего любимого блюда, поскольку у них не было овец. Теперь они наверстывали упущенное. Как и большинство блюд нюмреков, тилвхеки был приготовлен посредством брожения и ферментации. Много недель назад мясо и внутренние органы молодого ягненка оставили на открытом воздухе на несколько дней, предварительно вымочив его в вине со специями. Когда в мясе завелись личинки, его положили в мешок из кожи, плотно зашили и оставили бродить. Теперь оно наконец было готово и стояло на столе — горячее и исходящее паром.

Калрах самолично разрезал кожаную оболочку. Едва он коснулся ее кончиком ножа, как содержимое вырвалось на свободу. При виде мягкой пятнистой плоти, вывалившейся наружу, Риалус ощутил рвотные позывы. А уж когда донесся запах... Риалусу показалось, что его ткнули носом в выгребную яму. Еще чуть-чуть, и посла вырвало бы прямо на стол. К счастью, Риалус вовремя сообразил, что нужно дышать ртом, игнорируя обонятельные ощущения.

Губы Калраха дрогнули и изогнулись, обнажив ряд неровных зубов.

— Признайся, Нептос, ты считаешь нас отвратительными?

Риалус ответил так, как должен был, сказав, что, конечно же, не считает их отвратительными. Одна из женщин, явно обрадовавшись этому заявлению, плюхнула ему на тарелку полную ложку тилвхеки. Гости разом обернулись к Риалусу и затаили дыхание, ожидая, когда он отведаст блюдо. Риалус заныл, что он уже наелся до отвала. Сыт по горло. Не может проглотить больше ни кусочка. Он провел ребром ладони по шее, дабы наглядно продемонстрировать, как именно он сыт, но никто не обращал ни малейшего внимания на его протесты.

— Ешь! Ешь! Ешь! — заорал один из нюмреков.

Крик подхватили. Вскоре вопили уже все. Многие придвинулись ближе; их дыхание било в лицо Риалусу как порывы зловонного ветра.

— Ешь! Ешь! Ешь!

Наконец Риалус поднял ложку ко рту и положил немного мясной массы себе на язык. Его действие было встречено взрывами хохота. Посол сидел ни жив ни мертв, крепко стиснув челюсти. Мясо мертвым грузом лежало во рту. Еще один нюмрек — брат предводителя — подошел к нему сзади. Одной рукой он ухватил Нептоса за макушку, а другой стиснул подбородок и принялся двигать его челюстями, имитируя жевание. Это вызвало очередной приступ веселья. Зрелище казалось нюмрекам таким потешным, что они едва не умерли от смеха. Многие попадали на пол, катаясь среди подушек и хохоча, как безумные.

После того как веселье утихло, Калрах решил вернуться к делу. Он слегка понизил голос, и, хотя его все равно было отлично слышно, остальные нюмреки поспешно

отвернулись и углубились в беседу друг с другом.

— Итак, Риалус Нептос, теперь я скажу, что ты должен передать Хэнишу Мейну. И приготовься: послание ему не понравится. Мы тоже хотим немного Квоты. Понял?

Риалус отнюдь не был уверен, что понял. Он возил языком по нёбу, стараясь соскрести с него вкус тилвхеки. Калрах повторил:

— Лотан-Аклун получают Квоту. Нюмреки должны получать Квоту.

Риалус не усмотрел здесь логики; впрочем, он и не пытался ее искать. Он не спросил, зачем Калраху больше рабов. У нюмреков и так было их достаточно, чтобы выполнить любую прихоть. Риалус не спросил, потому что боялся услышать ответ.

— Уважаемый Калрах, — начал он, — боюсь, ничего не выйдет. Ты получил более чем достойную оплату за службу. Хэнишу не понравится такая просьба.

Калрах принял вид оскорбленного достоинства, который, по всей вероятности, перенял от самого Нептоса.

— Я ведь больше ничего не прошу, — сказал он, глядя на Риалуса. — Только одну вещь. Кто может отказать в одной вещи?

Затем, глянув на загроможденный обедками стол, Калрах прибавил — несколько иным тоном:

— Всего одна вещь. Во всяком случае, пока я не придумаю другую.

Очевидно, последнее заявление предназначалось для публики и было шуткой. Во всяком случае, нюмреки снова зашлись хохотом. Кто-то хлопнул Риалуса по спине, и он сидел, пережидая боль от удара, пока эти животные веселились от души. Да, Риалус Нептос, ты снова ничтожество, мишень для остроумия. Сколько это еще будет продолжаться? Должен же быть способ изменить свою жизнь. Должен, должен, должен быть какой-то способ. Риалус найдет его — или умрет в этих попытках. Как же он ненавидел Хэниша Мейна, самодовольного неблагодарного щенка. И Маэндера... Не было слов — даже в этом новом языке, — чтобы выразить его ненависть. Однажды оба брата пожалеют, что вызвали гнев Риалуса Нептоса.

Глава 39

Аливер смотрел на ожившие камни с молчаливой покорностью, словно один тот факт, что он наблюдал это, делал подобные вещи возможными. Он не чувствовал страха, не чувствовал растерянности. Он будто отделился от собственного тела и теперь безучастно наблюдал, как гранитные валуны преобразуются в антропоморфные фигуры с размытыми контурами. Каждая стояла на ногах-колоннах, шевеля конечностями, растущими из плеч, и повернув к Аливеру головы с черными дырами на месте глаз. Они двигались медленно, на негнущихся ногах, но вместе с тем плавно, и приближались, как гротескные могильщики из земли и камня, которые пришли забрать его труп. Что ж, все правильно, не так ли? Аливер умирал. Победенный. Сожженный горячим солнцем дальнего юга, которое выпило его жизнь. Он был так же сух, как песок под ним, и теперь за ним пришли каменные создания. Почему никто не рассказывал об этом раньше? Подобные создания не упоминались ни в одной легенде, ни в одном известном предании.

Фигуры из ожившего камня обступили принца, сгрудившись вокруг него. Несколько существ подняли тело в воздух и понесли. Голова Аливера откинулась назад, и некоторое время он наблюдал, как проплывает мимо перевернутый мир. Ему показалось, что существа разговаривают между собой, хотя звуки более походили на легкое дуновение ветра, чем на любой известный принцу язык.

Аливер не знал, сколько минуло времени и как далеко существа унесли его. Знал лишь, что Земля совершила оборот вокруг своей оси: солнце прошло по небу, звезды зажглись и погасли, но все это не ощущалось как ход времени или перемещение в пространстве. Движение нельзя было измерить милями или часами — одно мгновение, растянутое в бесконечности и безвременье. Не было будущего, настоящего и прошлого, все слилось

воедино. Аливер забыл, кто он. Тягостное чувство исчезло; все бывшие заботы и обязательства потеряли смысл.

Однако настал момент, когда Аливер пришел в себя. Кто-то назвал принца по имени, прибавив также и имя его рода. Голос спросил, не изволит ли Аливер Акаран объясниться — зачем он пришел сюда?

Аливер почувствовал, как что-то давит ему на грудь; он застонал и открыл глаза.

Над ним висело ночное небо, черный балдахин за размытой дымкой облаков, ограниченный по краям ободом исполинской чаши из розоватого камня. Аливер попытался собраться с мыслями и понять, где находится. Возможно, он уже перешагнул грань смерти.

Он медленно приподнялся. Кто-то сидел рядом с ним, скрестив ноги, неподвижно. На первый взгляд человеческая фигура, сделанная из камня, старая и выветренная. Казалось, она сидит здесь много веков, так что гонимый ветром песок сгладил ее черты и покрыл пятнышками небольших углублений. Кое-где не хватало кусочков; полустертые глаза имели только легчайший намек на цвет — словно когда-то они были ярко раскрашены. Статуя сидела совсем близко, и Аливер расслабил пальцы, борясь с желанием притронуться к ней.

Статуя моргнула. Сморщила губы, точно карп, втягивающий воду, а потом снова застыла. У Аливера зародились смутные подозрения, но ему стоило некоторых трудов сформулировать их. Теперь он был уверен — хотя не мог бы сказать, откуда берется эта уверенность, — что вопрос задала каменная фигура, сидящая перед ним.

Отрадно видеть, что Аливер Акаран очнулся. Скоро придут другие; они все хотят знать. Статуя молчала, но Аливер каким-то образом понимал ее речь.

И открыл рот, собираясь заговорить, однако фигура быстрым движением вскинула руку, повернув к принцу раскрытую ладонь.

— Подожди.

Смысл, а потом слово, которое его передавало, возникли у Аливера в голове.

— Пусть сначала придут другие.

Холодок пробежал по спине Аливера. Он огляделся вокруг, не в силах поверить в происходящее. Каменная зала наполнялась фигурами. Принц не мог понять, как они подошли к нему. Казалось, фигуры вовсе не шевелятся, но воздух вокруг был наполнен движением. Словно множество призраков протискивали свои нематериальные тела сквозь ткань мира и воплощались лишь после того, как замирали в неподвижности. Но даже когда существа стояли на месте, Аливер мог разглядеть индивидуальные черты, только если направленно смотрел на одного из них. Если же взгляд рассеивался, перебежал от одного к другому, Аливер видел лишь выветренные округлые камни. Он сидел, окруженный призрачными каменными созданиями со странными, ускользающими от взгляда лицами-масками, за которыми едва теплилась жизнь.

— Прости, мы должны знать... у тебя есть книга, что написана на языке Дающего?

И снова — сперва вопрос появился как смысл, как значение, которое требовалось преобразовать в слова. Аливер уже начал понимать эту странную речь и попробовал ответить:

— Книга, что написана...

Звук его голоса был ужасен и напоминал грохотание камней. Фигуры неприязненно отплыли, как подводные растения, отброшенные проходящей волной.

Создание, которое сидело подле Аливера с самого начала, внезапно положило руку ему на плечо.

— Государь, не говори таким образом. Говори мысленно. Подумай о том, что ты хочешь сказать, а потом отпусти эту мысль, отдай ее нам.

Аливер еще не постиг в полной мере такой способ вести разговор, но кое-что понял, поскольку сам слышал мысли собеседников. Самое плохое, что могут выйти наружу все потайные думы, страхи и сомнения. Жутко представить, какой сумбур творится в его голове!

Существа ждали — спокойные, невозмутимые, с бесстрастными лицами. Они готовились внимать, и Аливер понял, что ни одна мысль не окажется их достоянием, пока он

не захочет этого сам.

В конце концов он сформулировал в голове фразу, мысленно проговорил ее и передал остальным.

— Что за книга?

Лица статуй вновь закаменели, однако фигуры подплыли ближе. Ответ пришел сразу из нескольких существ. Книга, объяснили они. «Песнь Эленета». Текст, который первый чародей написал собственной рукой и где разъяснил каждое слово языка Дающего.

— Пожалуйста, — сказали существа, — отдай ее нам.

Аливер молчал. Что здесь происходит? Ему хотелось бить себя по щекам, чтобы очнуться от странного сна. Может, он все же повстречался с обитателями загробного мира, и таким образом они приветствуют новоприбывшего? Вместе с тем они просят тайного знания, которого у него нет... Потом ему в голову пришла еще одна мысль.

— Вы — сантот?

Существа — а их собралось вокруг уже немало — одновременно кивнули. Каменные лица растрескались улыбками.

— Да. Это слово, которое обозначает нас.

Прекрасно, подумал Аливер. Это слово, которое обозначает вас. По, во имя Дающего, что с вами стряслось?

Он не позволил мысли выскользнуть из своего разума, и улыбающиеся застывшие лица не выказывали никаких признаков понимания. Они просто ждали следующей фразы. Аливер прислушался к себе, пытаясь понять, что с ним происходит. Он более не испытывал голода и жажды, хотя не мог припомнить, когда ел или пил в последний раз. Оглядевшись по сторонам, принц снова сосредоточился на собственных мыслях, стараясь формулировать их как можно четче.

— «Песнь Эленета». Расскажите мне о ней.

Сантот с готовностью повиновались. Позже Аливер не мог сказать, как долго продолжалась беседа. Разговор был не чередованием вопросов и ответов, а двигался словно по спирали. Однако, собрав вместе кусочки повествования, Аливер узнал историю из легенды. До сих пор он полагал, что это просто сказка, выдуманная на потеху, дабы развлечь слушателей и объяснить, откуда происходит все зло в мире. Так ему говорили в детстве. Но в тот момент, когда Аливер увидел ходячие камни, детство закончилось навсегда.

«Песнь Эленета», сказали сантот, своего рода словарь языка Дающего. А еще в этой книге написана правда обо всем мире. Эленет похитил слова бога и стал первым чародеем. Он сделал много ошибок и совершил много зла. Но он был жаден до знания и тщательно записывал все, что узнавал. Согласно легенде, Эленет жил во времена, когда Дающий ходил по земле. Он увязался за богом, слушал и запоминал песни, которые тот пел на языке творения. Каждое слово, которое Эленет похитил у Дающего, он записывал, используя буквы собственного изобретения. Те немногие, кто умел читать, познавали, как работает магия. «Песнь Эленета» являлась в каком-то смысле и учебником; в книге рассказывалось о творении и изменении мира. А раз так, не было более опасного текста, записанного на бумаге, — ни до того, ни после.

Настало время, когда Эленет ушел из этого мира, чтобы изучать другие. Книгу же оставил на хранение своим последователям — сантот. Он не сказал, куда и зачем идет, а просто исчез, точно так же, как сделал в свое время Дающий. Книга передавалась из поколения в поколение, от одного Говорящего Словами Бога к другому. В древние времена сантот были хранителями великого знания. Короли и князья правили миром; сантот плели заклинания, чтобы поддерживать в целостности ткань мира, которую то и дело рвал на части хаос, созданный людьми. Такова была священная обязанность чародеев, и долгое время они практиковали магию только во благо Изученного Мира. Все изменилось, когда хранителем книги стал молодой чародей по имени Тинадин.

— Он держал ее при себе, — сказали сантот Аливеру, — и не желал делиться с нами.

Тинадину нравилась власть, которую давала книга. Он скрупулезно изучал ее,

отодвигая в сторону остальных магов, и в скором времени сделался предводителем сантот, поскольку был гораздо могущественнее любого из них. В конце концов он стал сильнее, чем все они, вместе взятые. Поскольку Тинадин никому не давал книгу, только он знал верные переводы, точное звучание слов и их значение на языке Дающего. Меж тем малейшая ошибка в произношении могла ослабить магию или даже исказить ее — так, что эффект становился непредсказуемым.

Тем не менее сантот любили Тинадина. Ведь он был одним из них. Он делился с чародеями своими знаниями, но слова Дающего теперь передавались другим только через него. Тинадин взялся придать миру новую форму, и сантот работали рядом с ним. Он говорил, что хочет принести миру гармонию. В нем слишком много хаоса, слишком много страданий; люди неустанно пытаются разрушить самих себя и вернуться к состоянию животных. Тинадин хотел обрести власть над миром, чтобы устроить его по своему разумению, и чародеи помогали ему.

Тинадин всех обманул. Прежде чем сантот сообразили, что происходит, Тинадин возложил себе на голову корону и покинул их.

— Но власть — это не удовольствие, а тяжелое бремя, — сказали сантот. — Неподъемное бремя.

Как любой нормальный человек, Тинадин боялся потерять то, что приобрел. И более того: он начал уставать от своего могущества. Он был величайшим из магов и мог изменить мир одним-единственным словом. Однако, объяснили сантот, Тинадин понял, что ему все труднее контролировать эту силу. Представь, сказали сантот, каково жить, зная, что любое слово, сорвавшееся с твоих губ, преобразует ткань мироздания.

Магия занимала всего его мысли. Временами он изменял реальность, просто думая на языке Дающего. Иногда он говорил на нем во сне и, просыпаясь, обнаруживал вокруг свои творения. Вот почему он обратился против других сантот. Тинадин возненавидел магию. Он хотел бы жить без нее, но это невозможно, пока другие чародеи по-прежнему ткут заклинания. И ему пришлось изгнать сантот из империи. Не все ушли добровольно. Многие восстали против Тинадина, и он уничтожил их, а остальных отправил в ссылку. Затем он наложил на сантот свое последнее заклинание, которое держало их вечно живыми, запертыми в ловушке южных земель. Так должно было продолжаться до тех пор, пока потомок Тинадина не позовет их назад. Они до сих пор были живы — если это можно назвать жизнью — и ждали.

Аливер спросил, подвластна ли им магия. Сантот ответили: да. Однако после стольких лет заточения их знания были сильно искажены. Чародеи понятия не имели, что выйдет, если они заговорят на языке Дающего. Сила стала проклятием, от которого они прятались всю свою вечную жизнь. Без правильных слов, каковые записаны только в книге Эленета, они рисковали разорвать ткань мира. Чародеи научились говорить как боги, однако в конечном итоге превратились в демонов.

— Теперь ты знаешь все, — раздался хор голосов сантот. — Скажи же нам, где книга. Мы страдаем без слов бога. Если мы восстановим язык Дающего, то вновь сможем творить заклинания, не опасаясь причинить миру зло.

Аливер покачал головой. Ему не хотелось открывать правду. Принц проникся симпатией к магам и понимал их страдания. Ссылка стала для сантот жутким, бесконечным проклятием. И — увы! — более не приходилось сомневаться в истинности легенд. Меж тем правда была проста.

— Простите, — сказал Аливер, — но у меня нет этой книги.

Сантот долго молчали, прежде чем ответить.

— Твой отец... он не сказал тебе, где она!

— Нет. Он не сказал ничего...

Глава 40

Коринн старалась носить свою ненависть к Хэнишу Мейну на самом видном месте. Он был главным врагом семьи принцессы. Коринн никогда не забудет его деяний и никогда не простит. Хэниш вызывал у нее омерзение, и что бы он ни делал, это не могло ничего изменить. Он был злодеем вселенского масштаба, величайшим преступником; будущие хроники, несомненно, заклеят его как мерзавца и подлеца.

Коринн приходилось довольно часто напоминать себе обо всем этом, поскольку, общаясь с Хэнишем в мирной обстановке Калфа-Вен, она испытывала обиду... несколько более личного характера. Попросту говоря, Хэниш играл с ней, как в первый вечер их пребывания в поместье. Временами девушке казалось, что он изо всех сил пытается сделать ей приятное и желает, чтобы она об этом знала. А в иные моменты Хэниш вовсе не замечал ее.

Однажды он предложил Коринн прокатиться с ним верхом. Приглашение было сделано при большом скоплении народа. На завтра в назначенный час она ожидала, одетая в изящный бежевый костюм для верховой езды и шелковую шляпку. Хотя было отнюдь не жарко, Коринн вышла во двор, полагая, что прохладный весенний воздух придаст ее щекам приятный цвет. И выяснила, что Хэниш, просто-напросто забыв о приглашении, с раннего утра уехал на охоту. Даже Ренна, ее старая подруга, не смогла сдержать улыбку, узнав, как кузен унизил принцессу.

Впрочем, какое ей дело? Мейнцы, похоже, находили немалое удовольствие в унижении народа, который веками считался высшим. Пусть Хэниш развлекается властью; Коринн будет лелеять ненависть. Ненависть и презрение. К счастью, их отдых в горах подходил концу. Коринн считала дни до возвращения на Акацию. Там она наконец-то сможет спрятаться подальше от варвара, который называл себя правителем Изученного Мира.

Очень странно, меж тем, что, получив очередное послание от Хэниша, Коринн ощутила, как сердце замерло в груди, а потом забилось в бешеном ритме. Слуга сообщил, что Хэниш собирался пострелять из лука после обеда и был бы рад, если бы принцесса составила ему компанию. Он умолял не оставлять его одного.

Заманчиво, подумала Коринн. Не бросить ли его там вместе с его луком? Одинокого, огорченного, отвергнутого... Впрочем, она знала, что ничего не выйдет. Хэниш не проглотит оскорбление, найдет способ наказать ее. Например, за ужином, тем же вечером. Если она не придет, решила Коринн, у Хэниша найдется больше поводов для насмешек. Лучше принять приглашение.

Хэниш был на лучном поле — на сей раз без свиты, в компании только оруженосца и мальчика, поставленного здесь, чтобы собирать стрелы.

— А, принцесса! — Его лицо осветилось улыбкой. — Я уж подумал... Подойдите-ка сюда, покажите свои умения. Я слышал от слуг, что в детстве вы показали себя неплохой лучницей.

— Может быть. Но я больше не ребенок и не лучница.

Хэниш протянул Коринн лук, переданный ему оруженосцем.

— По крайней мере наполовину вы правы. Об остальном судить мне.

Коринн взяла оружие. Отполированное дерево ясеня удобно легло в руку. Девушка погладила изогнутые плечи, провела пальцами по туго натянутой тетиве. Лук показался ей очень легким, словно был сделан из птичьих костей. Некоторое время Коринн изучала оружие и лишь затем потянулась за стрелой.

Приняв ее из рук оруженосца, она наложила стрелу, обернулась к мишени и натянула тетиву. Коринн держала лук легко и уверенно, стояла, выпрямив спину и чуть откинувшись назад — как учили ее давным-давно. Хэниш замер, глядя на нее. Она впиалась взглядом в треугольную мишень и оттянула тетиву к щеке. Древко стрелы свободно лежало между пальцами, а наконечник смотрел вперед, в бесконечный мир... Коринн отпустила тетиву. Стрела свистнула и словно исчезла. Она появилась лишь мгновением позже, дрожа почти в самом центре мишени.

Хэниш издал удивленный возглас, тронул девушку за плечо и что-то сказал

оруженосцу, который в ответ согласно кивнул. Давно уже Коринн не чувствовала такого глубокого морального удовлетворения. Смертельная точность выстрела, сила, выпущенная наружу, в мир, резкий щелчок и затем тишина. Бесспорное доказательство ее мастерства. Рука сама потянулась за следующей стрелой.

День пролетел быстро. Хэниш, возможно, думал, что он развлекает принцессу своими разговорами, вопросами и комплиментами, но она почти забыла про него. Коринн испытывала удовольствие — или досаду — с каждым новым полетом стрелы. Мальчик совсем запыхался, бегая туда и обратно. У него была кривоватая улыбка, и один глаз немного косил, но все же он был довольно хорош собой и, очевидно, знал это. Коринн решила, что непременно спросит его имя, прежде чем они расстанутся.

— Есть кендовианская история о лучнике, — сказал Хэниш. Они с Коринн стояли, опустив луки, и ждали, пока мишени очистят от стрел. — Я позабыл его имя, но он был знаменит тем, что стрелял лучше всех в стране. Попадал в любую цель, в любых условиях. В те дни кендовианцы и сенивальцы спорили из-за границы территорий. Между ними произошел конфликт. На встрече представителей племен, где должны были решиться спорные вопросы, один сенивалец подзуживал лучника показать свое мастерство. Правда ли, насмешливо спрашивал он, что лучник может сбить маслину с пятидесяти шагов? Конечно, ответил кендовианец. Сенивалец предложил ему сделать это, но лучник отказался: мол, ни одна маслина не причинила ему вреда. Впрочем, он готов выстрелить в глаз любому сенивальцу со ста шагов. И если хоть на волос промахнется мимо глазницы, то покорно признает, что он никуда не годный стрелок. Никто не принял его вызов.

Пара хохлатых птиц пролетела над деревьями и закружилась над краем поля. Коринн наблюдала, как одна из них взмыла в небо, а вторая продолжала свой танец.

— И какую мораль отсюда надо извлечь?

— Почему непременно должна быть мораль? Некоторые истории рассказывают просто для развлечения. Знаете, Коринн, я отдал бы палец правой руки, лишь бы увидеть, как вы улыбаетесь.

— Я не продаю свои улыбки так дешево.

Хэниш ухмыльнулся, признавая, что раунд за ней, и наложил на тетиву очередную стрелу.

— На самом деле, думаю, Маэндер мог бы сшибить оливку с любого расстояния. Он отличный воин и неустанно оттачивает свои навыки. Я преклоняюсь перед ним и не стыжусь в этом признаться.

Коринн откровенно сомневалась, что Хэниш способен преклоняться перед кем-нибудь, кроме самого себя, однако ничего подобного, разумеется, не сказала.

— А кстати, где же ваш брат? Уехал на очередную резню?

— Забавно, что вы спросили. Его миссия связана с вами. Маэндер ищет ваших родных. Знаю-знаю: вы не желаете верить, что они еще живы. Однако если он найдет их, то передаст вам. Тогда, может быть, я наконец увижу вашу благодарность.

Коринн не знала, что ответить Хэнишу. Каким образом он передаст их ей? Насаженными на копьё? В цепях? Или Коринн получит шанс снова увидеть их, поговорить и жить рядом с ними? Возможно ли, что они просто разделят с ней почетный плен, как обещал Хэниш? Если да, то золотая клетка будет казаться не такой тесной... Впрочем, Коринн запрещала себе даже думать об этом. Хэниш смеется над ней. Если она поверит ему, то станет мишенью очередной жестокой шутки. Со времен болезни и смерти матери Коринн знала: миру нельзя доверять. Любимые люди всегда уходят. Мечты всегда разбиваются. Такова была жизнь, как она ее понимала.

Мальчик остался на краю поля, а оруженосец подошел к ним, держа в руке колчан с собранными стрелами. Коринн решила сменить тему и задала вопрос, который действительно интересовал ее.

— Я видела в Калфа-Вен человека из Лиги. Наверное, важного чиновника. Он носил на груди брошь в форме бирюзовой рыбы.

Хэниш сделал выстрел — не самый удачный, — опустил лук и чуть нахмурился.

— В форме дельфина, а не рыбы. Хотя вы правы. Сэр Дагон занимает в Лиге высокий пост и подотчетен только председателю, сэру Ривеку.

Сэр Дагон... Коринн припомнила, что встречалась с ним, когда была еще девочкой. Этот человек никогда ей не нравился. Его внешность, голос, самодовольный вид и неискренность — все вызывало отторжение. Один раз они столкнулись в поместье, и теперь Коринн постоянно думала о нем, даже не отдавая себе в этом отчета.

— И о чем же вы с ним говорили?

— О коммерции, о поставках товаров.

— Не они ли предали моего отца? Не они ли предложили вам напасть на Акацию? Скажите честно. Я буду знать, плюнуть ли мне вслед этому Дагону, когда снова его увижу.

Хэниш взял очередную стрелу, прицелился и спустил тетиву. Выстрел получился удачным: стрела вонзилась в центр мишени. Мальчик весело вскрикнул, вскинув кулак, словно сам попал в цель. Хэниш не обратил на него внимания и ответил Коринн неожиданно любезно:

— Лига не имеет союзнических обязательств ни перед кем. У них нет иной идеологии, кроме той, что относится к умножению богатства. Однако коль скоро вы спросили... Лига предъявляла серьезные претензии к вашему отцу. Несколько лет назад они связались с моим отцом и заключили с нами договор. Если Мейн начнет войну против Акации, и наши дела пойдут успешно, Лига отзовет свои корабли и не окажет Леодану поддержку с моря. Мы были предупреждены, Акация — нет. Поскольку сердце вашего государства находилось на острове, удар вышел чувствительный. Видите ли, отказаться от военного флота в пользу торгового было серьезной ошибкой. Разумеется, я сейчас сам не лучше, но скоро исправлю ситуацию.

Коринн выстрелила. Стрела прошла впритык со стрелой Хэниша, вонзившись так близко, что отколола кусок древка вместе с оперением.

— А вы что пообещали им?

— Я согласился удвоить Квоту, удваивая, таким образом, их выгоду. Вдобавок я разрешил устроить базу на Внешних Островах, если они сумеют покончить с пиратами. Вот это мы и обсуждали с сэром Дагоном.

— Ну надо же, — протянула Коринн, подпустив в голос изрядную долю сарказма. — Вы и кто-то вроде сэра Дагона сидят, разговаривают и между делом решают судьбы тысяч людей... Когда вы дергаете за веревочки своих марионеток, это вас возбуждает?

Хэниш слегка наклонился вперед, не подходя ближе, но подразумевая, что ответ предназначен только для ушей Коринн.

— Очень, — сказал он. — Что еще вы желаете знать? Хотите услышать о рабах, которых мы продаем за океан? Или о том, как распределяем мист? О том, как умирняем народ, чтобы люди работали на нас и не роптали? Я расскажу. Поведаю без утайки, если вам будет приятно, принцесса. Я даже сделаю вид, что все это исключительно мои деяния и что ваш батюшка, дражайший король Леодан, не был величайшим работоторговцем мира еще до моего рождения.

Голос Хэниша, немного кокетливый вначале, к концу реплики стал холоден как лед. Коринн ответила ему в тон:

— Я не желаю ничего знать. Может, вам пойти и убить кого-нибудь? — Она протянула лук оруженосцу и двинулась прочь.

— Желаете поохотиться? — спросил Хэниш, поймав Коринн за локоть. — Можно устроить. Прямо здесь.

Он наложил стрелу на тетиву и поднял лук. Однако целился Хэниш не в мишень. Мальчик нервно поерзал, заметив, что наконечник стрелы направлен прямо на него. Он даже огляделся по сторонам, ища поблизости какую-нибудь достойную цель, незамеченную прежде.

— Крикнете ему, чтобы бежал? Или мне самому это сделать?

— Не надо, — сказала Коринн.

— Почему? Это всего лишь раб. Если он умрет, я просто потеряю часть своего имущества.

Коринн видела, как напряглись мускулы на предплечье Хэниша, как побелели суставы пальцев, сжимающих лук. Такая жестокая рука... Беспощадная в каждом своем нерве и каждой мышце...

— Не надо, Хэниш, — сказала Коринн, зная, что он все равно сделает по-своему. Он готовился спустить тетиву. Это была шутка и не шутка, то и другое одновременно.

— На самом деле вам хочется, чтобы я выстрелил. Вы хотите увидеть, как стрела пронзит мальчишку, хотите услышать его крик. Разве нет?

Коринн поколебалась несколько секунд. Она сама не знала, почему медлит. Был только один вариант ответа, но отчего-то Коринн не торопилась озвучить его.

— Нет, — наконец сказала она. — Не хочу.

— Мальчик, — крикнул Хэниш, — подними руку!

Паренек не понял его. Хэниш опустил лук и показал, что он имеет в виду. Мальчик повторил его жест. Хэниш велел ему как можно сильнее растопырить пальцы и так держать руку.

— Хорошо. Теперь замри.

Хэниш снова поднял лук и снова прицелился.

— Прекратите! — Коринн хотела крикнуть, но вышел лишь шепот.

Хэниш выстрелил. Мальчик не шелохнулся, и это пошло ему на пользу, потому что стрела пролетела между средним и указательным пальцами. Она свистнула в воздухе и нырнула в траву за спиной раба. Вот и все. Дело было сделано.

— Охота состоялась? — спросил Хэниш, опуская лук. — Вам решать. — Он повернулся и пошел прочь, бросив оружие на траву в нескольких шагах от Коринн.

Принцесса смотрела ему вслед. Хэниш вошел в лес, скрывшись за стволами, деревьев со светлой корой. Листва густых крон аплодировала ему, колышась под ветром.

А ведь он прав, подумала Коринн. Понимание поднималось из глубин ее души, вынуждая взглянуть в лицо истине. В глубине души она действительно хотела, чтобы Хэниш выстрелил в мальчика. Почему? Чтобы убедиться, что это возможно? Чтобы доказать, что предполагаемые добродетели мальчика не в силах защитить его от смерти? Или чтобы посмотреть, как легко отнять жизнь человека, всего лишь разжав пальцы? Найти подтверждение жестокости Хэниша? Да, вероятно. Она желала лично убедиться в этом, увидеть собственными глазами... Коринн почувствовала, что к горлу поднимается тугой ком. Как может человек быть таким отвратительным и привлекательным одновременно?.. Что Хэниш делает с ней?..

С некоторым усилием девушка отвела взгляд от деревьев и посмотрела на мальчика. Тот стоял на прежнем месте, опустив руку, но не отходя далеко, словно не знал наверняка, потребуются ли еще какие-нибудь услуги. Хорошо, что Коринн не спросила его имени...

Она вернулась в имение, погруженная в свои мысли, и была несколько удивлена, когда на лестничной площадке увидела Петера. Он быстрыми шагами подошел к Коринн и объявил, что ждал ее.

— Принцесса, вы уже не та девочка, которую я когда-то знал.

Никогда прежде Петер не приближался к ней, и никогда они не оставались наедине. На его лице появилось непонятное выражение.

— Ваш отец, — сказал дворецкий, — гордился бы, узнав, как высоко вы взлетели. Я слышал о вашей судьбе, но не верил, пока не увидел вас здесь. — Петер печально посмотрел на Коринн. — Когда он придет, принцесса? Скажите мне, и мы будем готовы присоединиться в любой момент. Все здесь по-прежнему верны ему.

Коринн хмыкнула.

— Кто придет?

— Ваш брат, разумеется! Мы все молимся Дающему, чтобы Аливер вернулся как

можно скорее и стер Хэниша Мейна с лица земли.

Глава 41

Конь преодолел несколько последних футов подъема на Мефалийском Пределе, и Халивен Мейн наконец-то почувствовал близость дома. Ветерок обдувал его и, казалось, расправлял складки на рябоватом лице. Весенний запах влажной земли отдавал болотом. Спешившись и став на колени, Халивен взял в пальцы щепоть торфа и мысленно поблагодарил своего племянника. Хэниш сделал ему великолепный подарок, позволив еще раз увидеть дом — впервые за много лет. И самое главное: Халивен вернулся не просто так. Он перевезет предков туда, где они, наконец, смогут освободиться. В его миссии были аспекты, которые вызывали у Халивена дурные предчувствия, но он старался не думать об этих вещах. Халивен поклялся, что исполнит волю предков, и собирался сдержать слово.

Мир вокруг был влажен от весны. Под косыми лучами солнца снега таяли на глазах. В этом районе плато земля представляла собой толстый слой торфа. Влажный, словно пропитанная водой губка, он прогибался под ногами. Халивену с его отрядом конников и караваном тяжелых возов пришлось идти по изведанным тропам, где земля более или менее твердая. В воздухе звенели тысячи и тысячи мошек. Крошечные создания недавно очнулись от зимнего оцепенения и теперь только и ждали случая, чтобы впиться в белки человеческих глаз. Стоило вдохнуть, как они влетали в ноздри и раскрытые рты.

Лица людей были покрыты кровавыми пятнами. Некоторые прикрывали рты и носы полосами ткани. Другие били себя по щекам, выдавливая собственную кровь из расплюснутых насекомых. Халивен старательно игнорировал эти мелкие неудобства. Он не обращал внимания на следы укусов, возникающие на его обнаженной коже, всем видом демонстрируя презрение к слабакам, которые не могли перетерпеть боль. Он даже не взял на себя труд оглянуться на иноземных рабочих, плетущихся за отрядом. Халивен знал, что многие из них падут жертвой болезни, которую переносили насекомые, и их число сильно уменьшится.

Несколько дней путешествия на север — и он увидит хребты Черных Гор, протянувшихся до горизонта. От гор тянуло холодом. Порывистый ветер обдувал людей и коней, унося прочь орды мошкар. Впереди людей ждали более твердые равнины центрального плато — безлесные горные долины, земли травы, дом северных оленей, волков, лисиц и белых медведей, а также северных быков, которых мейнцы одомашнили еще в незапамятные времена. Сейчас в поле зрения не было никаких зверей, но Халивен знал, что они где-то поблизости. Будь у него время и возможность, он бы пришпорил коня и затерялся среди этих равнин, где произошло становление его народа.

Тахалиан... Халивен удивился, поняв, что смотрит на это место несколько отстраненно, словно глазами чужака. Цитадель напоминала мертвую тушу огромного косматого зверя, давным-давно запертого в клетку массивных сосен. Серо-коричневое строение наполовину ушло в твердую неподатливую землю.

Халивен вошел в ворота. Здесь его ждал скромный, но радушный прием. Теперь в цитадели распоряжался Гайвар — троюродный брат Хэниша. Это был красивый молодой человек хрупкого телосложения, с необычными для его народа застенчивыми глазами, которые в любой ситуации смотрели на мир с невозмутимым спокойствием. Он наскоро обнял Халивена и тут же засыпал его вопросами. Как поживает Хэниш? Он действительно приготовил в Акации залу для предков? Как выглядит остров? Так ли он хорош, как о нем рассказывают? И правда ли, что у всех тамошних женщин оливковая кожа, овальные лица и большие глаза?

— Я счастлив, что увижу все это собственными глазами, — сказал Гайвар. — Я еду с тобой, Хэниш согласен. Я получил от него письмо. Он желает, чтобы все мы посмотрели, как будет снято проклятие.

Юноша, кажется, очень волнуется; подумал Халивен. Перспектива оставить дом

беспокоит его, даже если причина стоит того. Впрочем, он молод и чувствует себя обделенным. Разве солдаты, которые шли с Хэнишем или Маэндером, не мечтали увидеть южные земли? Гайвар ничем не отличался от них. Однако в те годы он был еще мальчишкой, и ему не досталось войны.

Халивен ответил на вопросы Гайвара, хотя старался описывать красоты большого мира нейтральным и даже неодобрительным тоном, не поднимая взгляда от земли. Ему казалось, что он совершит какое-то предательство, если во время рассказа станет смотреть в глаза юноше.

Он последовал за Гайваром наверх, на зубчатую стену с бойницами, окружавшую крепость. Отсюда они смотрели на вереницу рабочих, неохотно плетущихся по плато. Халивен ощущал грубую шероховатость соснового дерева под своими ладонями, вдыхал смолистый запах с легкой примесью гниения, глядел на лоскутный ландшафт и участки медной травы, выступающей из-под черного снега, на пятнистое небо, нависшее над головой... Да. Он вернулся домой...

Неожиданно его охватила ностальгия. Как объяснить, почему этот вид ничуть не хуже мерцающих синих вод Акации? Халивен недолюбливал юг за его мягкость, расслабленность, роскошь, достающуюся без усилий. С другой стороны, он больше не верил в то, что его народ — лучший на земле. Халивен видел достаточно отваги и мужества, проявленных иноземцами, встречал в южных краях слишком много красивых вещей. Он больше не мог придерживаться категорических убеждений своих соплеменников. Халивен любил Мейн просто потому... ну, потому что его нужно любить. Может быть, глупая мысль, зато самое доходчивое объяснение чувствам. Впрочем, он сомневался, что сумеет найти слова, которые его молодой собеседник сумел бы принять сердцем. Даже предки не ограничивали свои интересы одним только Мейном...

— Брат Хеберена, — послышался голос, — предки предсказали твой приезд.

Халивену не нужно было оборачиваться, чтобы узнать этого человека. Он подошел неслышно в своих подбитых мехом башмаках. Только жрец Тунишневр осмелился бы обратиться к нему, не называя нареченным именем, и только он мог заявить, что получил сведения от предков, в то время как все остальные узнавали новости более простыми способами — из писем и от гонцов. Мечтательная задумчивость Халивена растаяла как дым.

— Первый жрец, — он выдавил улыбку, — предки не просто предсказали мой приезд. Они стали его причиной.

Тонкие бледные губы жреца изогнулись. Как и у многих служителей Тунишневр, его белая кожа казалась почти прозрачной. Волосы цвета светлой соломы были частично выдерганы, обнажая скальп. Худое, осунувшееся лицо придавало жрецу сходство с высушенными останками предков, которым он поклонялся. Жрец проговорил:

— Хэниш не торопился. Девять лет! Непростительное промедление.

— Нам многое нужно было сделать.

— Непростительное промедление, — повторил жрец отдельно и четко, дабы каждое его слово отпечаталось у Халивена в мозгу. — Ему не может быть оправдания. Хэниш узнает о моем неудовольствии. Поверь. — Он отвернулся и посмотрел на приближающийся караван. — Это и есть наши работники?

— Пятьдесят тысяч человек, — откликнулся Халивен, — плюс-минус несколько сотен.

— Ты привел иноземцев? Южан? — прищурился жрец.

Халивен ожидал вопроса.

— Мы будем их использовать только как чернорабочих. Таскать тяжести, гатить дорогу, ну и все такое. Они не прикоснутся к предкам и священным предметам.

Первый жрец посмотрел на Халивена долгим взглядом, в котором сквозили недоверие и скептицизм. Халивен прибавил:

— Ты будешь лично следить за всеми приготовлениями, дабы убедиться, что профаны-чужеземцы ничем не оскорбят наших предков. Лично я с удовольствием полюбуюсь, как акацийцы гнут спину на благо Тунишневр. А ты?

Жрец не ответил.

Поздним вечером Халивен приблизился к подземной усыпальнице, где покоились предки. Он уже успел переговорить с остальными жрецами, передать подарки немногочисленным представителям знатных родов, оставшимся в Тахалиане, и навестить Калатрок. Там Халивен понаблюдав за тренировками молодых солдат, которые, право слово, не произвели на него впечатления. Огромная зала под деревянным куполом могла вместить гораздо больше людей — и речь шла о крепких мужчинах-воинах, а не худосочных юнцах, которые только грезили о сражениях. Халивен видел, что все эти ребята рады ему и, как могли, старались произвести впечатление своей стойкостью и верностью старым путям. Впрочем, их пыл скорее опечалил Халивена, нежели обрадовал. Он с грустью бродил по полупустым залам, вспоминая о людях, которые умерли или были теперь вдали от Тахалиана. Халивен нечасто осуждал Хэниша, однако на сей раз полагал, что молодой вождь мог бы уделять больше внимания своему собственному дому.

Дойдя до двери в подземную усыпальницу, Халивен немного помедлил, стараясь успокоиться. Сердце стучало с переборами, ноги болели и едва сгибались. Он и не замечал этого, пока не пришел сюда. Халивен был уже немолод и порядком устал, но вместе с тем все тело словно зудело от нервного напряжения. Он проехал сотни миль, чтобы добраться сюда, и неоднократно представлял себе этот момент. Халивен привалился к двери и ощутил внутри движение. Он вошел, опустился на колени у порога, прижался лбом к холодным камням и не двигался до тех пор, пока ледяное прикосновение не стало казаться огненным. Лишь тогда Халивен выпрямился и поднял взгляд.

В тусклом голубоватом свечении, исходящем незнамо откуда, глазам Халивена предстало зрелище, от которого его кожа покрылась мурашками. Земляные стены цилиндрической залы, поднимавшиеся на невообразимую высоту, были сплошь утыканы нишами — одна над другой, ряд за рядом. Исполинский улей с бесчисленными сотами. Они уходили вверх и терялись во мраке. Должно быть, сотня ярусов, а может, и больше. В каждой из ниш покоилось тело — иссохшая оболочка, некогда бывшая мейнцем. Бережно завернутые в слои марли, тела сохранялись нетленными — стараниями жрецов и силой проклятия, которое удерживало души внутри мертвых скорлупок, не позволяя им ни уйти за грань бытия, ни вырваться на свободу. Эти создания не так уж и сильно отличались от самого Халивена. Предки некогда были людьми, как и он. Жили ли они пятьдесят или пятьсот лет назад — они говорили на его языке и ходили по тому же высокогорному плато. И каждый из них знал, что после смерти его ожидают вечные муки проклятия. То же уготовано и Халивену.

Он шагнул вперед и произнес слова, которые Хэниш велел передать предкам. Тунишневр наверняка уже знали, зачем он здесь, но Халивен придерживался ритуала. Он просил прощения за то, что тревожит их, и подтверждал свою клятву служения. Халивен обещал, что уже завтра он встретится с инженерами, строителями и рабочими. Предков ожидает непростое путешествие. Халивен сказал, что не будет терять ни секунды, дабы они как можно быстрее отправились в дорогу. В самом скором времени предки будут освобождены и понесут в мир свое возмездие.

Тунишневр не ответили напрямую, но в воздухе возникло странное шевеление, которое трудно было не заметить. Казалось, предки что-то шептали; доносились необычные звуки — словно стоны из глубин земли. Халивен не мог сказать наверняка, действительно ли он слышит их. Ему казалось, что да, но каждый раз, когда он замирал и вслушивался, его обступала мертвая тишина. Если же Халивен начинал говорить, зал словно наполнялся шелестом ответов, хотя он не мог разобрать слов. Он чувствовал злобу. Угрозу. Жажду разрушения. Однако не мог вычленить ни одного настоящего звука, ни одного движения, ни единого — даже самого маленького — вздоха или дрожания воздуха.

Как все же странно могущество Тунишневр... Халивен стоял в громадном склепе, в окружении безжизненных тел — холодных, как земля вокруг, неподвижных, неспособных изменять мир. По правде сказать, они были для Халивена загадкой. В иных обстоятельствах

он мог бы общаться с Тунишневр сам. В юности лишь один шаг отделял его от трона вождя, лишь один танец. То был огромный шаг, и Халивен не сделал его. Не решился. Никто не посмел бы сказать, что Халивен — трус; просто он не мог отнять жизнь человека, которого любил. Потому-то и не стал предводителем своего сурового народа.

Созерцая тени над головой, Халивен думал, что выбор пути был предопределен. Он преданно служил брату, а ныне — племяннику, следуя за ним и повинаясь его приказам. Халивен считал себя главным доверенным лицом молодого вождя. Официально это звание принадлежало Маэндеру, однако на самом деле между братьями уже прошла невидимая трещина. Скорее всего Хэниш даже не замечал ее. Это было странно, необычно для него — внимательного, осторожного и умного, но мы часто становимся слепы, не умея увидеть врагов в тех, кого любим. Халивена грызло беспокойство: ему стоило предупредить Хэниша до отъезда на север. Впрочем, время не упущено. Маэндер не посмеет тронуть брата, пока Тунишневр не обретут свободу. Если только принцесса Акаран... Ладно, что бы там Хэниш ни чувствовал к ней, это не удержит его руку, когда потребуется перерезать женщине горло. Вождь посвятил делу освобождения Тунишневр всю свою жизнь, не дрогнет он и теперь.

Однако не стоило думать о таких вещах сейчас, в этом месте. Халивен шепотом попрощался с предками, а потом встал, медленно повернулся на каблуках и вышел за дверь. Никто не помешал Халивену. Каким бы могуществом ни обладали Тунишневр, без него они беспомощны.

Глава 42

Все разделись догола. Это оказалось непросто, поскольку приходилось балансировать то на одной, то на другой ноге, а лодка раскачивалась на морской зыби. Они скинули одежду и несколько секунд стояли под звездным светом, глядя друг на друга, привыкая к виду обнаженных тел. Так гораздо удобнее плыть, да и кожа сохнет быстрее, чем одежда — а это скажется, когда они достигнут цели. Затем все принялись прилаживать к голым торсам необходимую экипировку — оружие, водонепроницаемые мешочки, фляги с водой. Каждый повязал на запястья и лодыжки кожаные ленты с вшитыми в них рыболовными крючками. Острые части выступали наружу более чем на дюйм.

Шпрот повесил через плечо лук, надел на талию пояс с коротким мечом, а ниже колена привязал ножны с кинжалом.

— Ладно, ребята, повеселимся на славу. Полегче с пилюлей, Пичуга. Она нам еще понадобится, чтобы подлечить гиганта.

Через несколько секунд Шпрот нырнул в теплые волны. Десять человек последовали за ним — восемь мужчин и две женщины, все опытные, закаленные в боях пираты. Одна из женщин, по прозвищу Пичуга, тащила привязанную к спине «пилюлю» — круглый предмет размером со страусиное яйцо. Пичуга была подругой Шпрота, они спали вместе уже несколько месяцев, с самой зимы, но сейчас юный капитан старался не вспоминать о подобных вещах. Если кто-то из пиратов погибнет во время опасной вылазки, они оплачат его после. А теперь следовало думать о задании — и только о нем. Шпрот был даже рад этому; дело требовало полной сосредоточенности и отвлекало от неудобных мыслей, которые неотступно преследовали его. И, надо признаться, изрядно мешали жить — настолько, что Шпрот с готовностью ввязался в рискованное предприятие. В спокойные моменты жизни Шпрот помимо своей воли размышлял над словами Лики Алайна. Генерал говорил о его семье, о долге, о предназначении и о будущем, уготованном принцу. Оно совершенно не походило на ту жизнь, к которой привык Шпрот, однако чем дальше — тем больше он уверялся в мысли, что не сумеет избежать судьбы.

Как и всегда в это время года, вода, согретая теплым южным течением, казалась много теплее воздуха прохладной ранней весны. Пираты уплывали все дальше от шлюпа, который доставил их в открытое море. Несколько минут — и он превратился в смутную тень, лоскут тьмы за спиной, а вскоре исчез совсем. На судне царила тьма; только когда пловцы пустятся

в обратный путь, люди на шлюпе зажгут маячок, чтобы указать товарищам дорогу назад. Сейчас, впрочем, Шпрот и команда не могли заблудиться при всем желании — их цель сияла впереди бессчетным количеством ярких огней.

Днем ли, ночью ли — боевой корабль Лиги являл собой внушительное зрелище. Он маячил вдалеке, неподвижный и монументальный, как остров посреди морского простора. Многопалубный исполин, в два раза длиннее торговой баржи, он вздымался над волнами на невообразимую высоту, напоминая многоэтажное здание вроде тех, что встречались в Бокуме. Каждый ярус был снабжен сотнями корзин для арбалетчиков и площадками для лучников. Размеры корабля и его боевые качества призваны были ошеломить любого наблюдателя. Определенно, судостроители Лиги достигли своей цели.

Четыре таких гиганта были брошены на борьбу с пиратами и благополучно расправились с ними. На носу каждого судна размещался боевой таран из твердого дерева, обитого металлом, способный разбить любой обычный корабль. Палубы были так высоки, что возможность abordaja начисто исключалась. «Коготь» Шпрота — жалкое подобие тарана — был бы против них не более чем иголкой, пытающейся уколоть кита. Настоящие плавучие крепости, неодолимые бастионы — неразрушимые и смертоносные. Лига напала на пиратов, чего никогда не случалось прежде. Совершенно неожиданно боевые корабли подошли к побережью и извергли из своих недр целую армию солдат, которые застали пиратов врасплох. Пришлось в срочном порядке покинуть Белую Пристань — лишь с теми пожитками, которые удалось унести на себе. С тех пор пираты вынуждены были скрываться то там, то здесь, без постоянного обиталища. К счастью, они не держали все сокровища в одном месте и никогда не хранили их в главном убежище. Довиан научил этому Шпрота, когда тот был еще мальчишкой. Молодой капитан навещал остров за островом, потихоньку собирая свои монеты и драгоценности. На них он купил все необходимое для операции, которая происходила нынче ночью. Война между пиратами и Лигой началась всерьез. Шпрот считал ее своим личным делом, поскольку Довиан не проявлял желания командовать. Он проводил большую часть времени с акацийским генералом, обсуждая вопросы, которые Шпрот предпочитал пропускать мимо ушей.

Направляясь к боевому кораблю, Шпрот снова и снова напоминал себе, что его атака имеет смысл. Он не мечтал разрушать плавучую гору, торчавшую перед ним из воды, но существовали разные способы нанести удар. Капитан выбрал единственный вариант, который был ему доступен: ошеломить превосходящие силы врага и сделать ставку на неожиданность.

Боевой корабль удерживали на месте четыре якоря. Четыре каната, толстые, как стволы сосен, уходили под воду. Пираты подплыли к одному из них, у кормы корабля. Волны раскачивали пловцов, перехлестывали через головы, едва позволяя сделать глоток воздуха. Они отбрасывали пиратов от корабля, и ухватиться за канат было возможно, лишь идеально выверив время каждого движения.

Шпроту далеко не сразу удалось оказаться в нужной позиции. Он был третьим из пиратов, кто сумел добраться до ствола каната. Поднявшись на гребне волны, юноша ударил ногами по веревкам и ощутил, что крючки зацепились. Теперь предстояло вынуть их, что тоже было нелегко; в конце концов, вынимая из тела каната одни крючки и всаживая другие, он выбрался из воды и начал мало-помалу подниматься. В скором времени Шпрот приноровился, поймал нужный темп, и дело пошло повеселее. Однако двигался он все же медленно, и подъем обещал затянуться. Пираты, точно муравьи, ползли по канату — к лакомому кусочку, ожидающему наверху.

Прошло не менее часа, прежде чем Шпрот выбрался на палубу. Юноша задыхался, все тело ныло, руки и ноги были покрыты красноватыми ссадинами. Задержавшись у борта, он помог товарищам перебраться через перила. Когда все были на палубе, Шпрот шепотом напомнил, что следует соблюдать тишину и максимальную осторожность. Пираты сняли с запястий и лодыжек крючки и выкинули их в море. Несколько минут они растирали кожу, чтобы избавиться от лишней влаги; им помогал теплый ветерок, продувающий корабль от

носа до кормы. Лучники достали из непромокаемых мешочков сухие тетивы. Все эти манипуляции отняли некоторое время, но Шпрот настаивал, что торопиться не стоит. Всему свое время; каждый шаг следует делать в нужном темпе.

Наконец все было готово. Не говоря ни слова, Шпрот двинулся вперед, зная, что остальные идут за ним. Босые ноги бесшумно ступали по гладкой палубе. Впрочем, пираты не ушли далеко: почти сразу им пришлось остановиться, сгрудившись в тени корабельной рубки. Часовые сидели в корзинах, подвешенных к мачтам — три поста по двое охранников. Пираты не могли подобраться ближе, понимая, что их неизбежно заметят. Шпрот повернулся к товарищам. Все молча смотрели на него. Серьезные, сосредоточенные, они ожидали указаний командира. Шпрот улыбнулся и чуть повел плечами, всем своим видом давая понять, что диверсанты уже многого достигли, сумев продвинуться так далеко. Они пробрались на боевой корабль Лиги, никем не замеченные, и теперь свободно и неслышно бродят по палубе под покровом ночи. Шпрот сумел передать все это без слов — только мимикой и скупыми жестами. Такой у него был дар. Мрачные лица осветились улыбками, и Шпрот понял, что товарищи готовы к бою.

Пираты двинулись вперед с луками наготове. Один из охранников сразу же увидел их, но прежде чем он успел крикнуть, треугольный наконечник и деревянное древко следом за ним прошли сквозь его глазницу. Голова солдата резко откинулась назад — зрелище, которое Шпрот еще долго будет помнить впоследствии. Первый труп. В следующий миг стрелы засвистели со всех сторон; все они, кроме одной, нашли себе жертву. Чей-то выстрел заставил солдата замолчать в тот момент, когда он уже раскрыл рот, готовясь поднять тревогу. Единственная стрела, не попавшая в цель, улетела к звездам, и никто не знал, где она упала.

Отряд разделился. Несколько человек кинулись снимать часовых, которые еще оставались на палубе. Вторая часть отряда во главе со Шпротом окружила рубку и ворвалась внутрь, в кабину штурмана. Сам штурман и его помощники стояли, склонившись над картами и навигационными таблицами. В первый момент они даже не поняли, что происходит, с недоумением созерцая голых, вооруженных кинжалами незнакомцев. Впрочем, настрой мгновенно переменялся, когда пираты накинулись на них. Резня продолжалась недолго: морские разбойники знали толк в таких делах. Клайтус — один из товарищей Шпрота — схватил штурмана и швырнул его на палубу лицом вниз. От удара у штурмана вылетели два зуба и покатались по гладким доскам.

Не прошло и нескольких секунд, как все люди в рубке были мертвы или при смерти. Шпрот еще не омочил в крови своего меча, но его цель находилась не в этой комнате. В задней стене виднелась закрытая дверь, ее рама была обита золотом и украшена стилизованными изображениями дельфина. Шпрот ударил по двери ногой и распахнул ее настежь. Внутри он увидел человека, которого искал.

Представитель Лиги был высокий и тощий, тонкорукий — словно регулярно недоедал. Он едва успел подняться с низкой койки и теперь нащупывал одежду. Прежде чем человек накинул рубашку, Шпрот успел заметить, что его ребра рельефом проступают сквозь тонкую кожу. Капитан не притронулся к нему, предоставив это мужчине и женщине, которые вошли следом. Они выволокли представителя Лиги в главную каюту. Два ножа мгновенно уперлись ему в шею чуть ниже маленьких ушей. Продолговатая голова, покрытая редкими волосами, смущала взгляд своей наготой гораздо более, нежели голые тела пиратов. Невзирая на свое незавидное положение, представитель Лиги не выказывал страха. На его лице застыло выражение высокомерного презрения. Словно вся эта резня и кровь вокруг не вызывали у него ничего, кроме раздражения.

Шпрот подошел и встал перед ним. Теперь следовало действовать быстро и вместе с тем не показывая, что пираты торопятся.

— Как тебя зовут?

— А ты не знаешь? — спросил человек. — Мне вот твое имя известно. Шпрот, если не ошибаюсь. Действительно, подходит. Мелкая рыбешка, не более того. Зря ты выставил

своего маленького червячка на всеобщее обозрение. Лучше бы спрятать его подальше, не находишь?

— Как тебя зовут? — повторил Шпрот.

Мужчина поджал губы, будто раздумывая над сутью вопроса, и, наконец, сказал:

— Я сэр Фэн, вице-адмирал Инспектората Иштат. — Он усмехнулся. — Я-то, что называется, «крупная рыба».

Краем глаза Шпрот видел Клайтуса и Пичугу. Пока он общался с представителем Лиги, они вполголоса допрашивали надежно связанного штурмана. Клайтус несколько раз хлестнул его по лицу и что-то проговорил — угрожающе, но тихо, дабы не мешать Шпроту. Поскольку они говорили почти шепотом, капитан не мог понять, наметился ли там прогресс или нет.

Один из стоявших на стреме пиратов огляделся и жестами дал понять, что весь отряд снова в сборе, однако им следует торопиться. Время стремительно уходило.

— У вас нет ни шанса завладеть кораблем, — сказал сэр Фэн. — На самом деле тебе осталось жить несколько минут, юный разбойник. Это ваша общая проблема: вы сперва делаете, а потом думаете. — Он чуть наклонил голову и помолчал несколько секунд, а потом спросил с неподдельным любопытством — Чего ты желал добиться? С десятью разбойниками захватить боевой корабль?

— Корабль нам не нужен, — отозвался Шпрот.

Он отвлекся от сэра Фэна и указал подбородком в сторону двери. Более внятного приказа его людям не требовалось. Двое пиратов подошли к выходу с луками наготове и выпустили стрелы в дверной проем.

— Не нужен? — переспросил сэр Фэн. — Тогда чего же ты хочешь?

Шпрот бросил взгляд на Клайтуса. Тот стоял над откинутой крышкой какого-то ящика. Увидев его удовлетворенный кивок, капитан понял: пираты нашли то, что искали. Пичуга распустила узел бечевы на груди и подхватила соскользнувшую со спины «пиллюлю». Свободной рукой она сняла защитное стекло с масляной лампы.

— Есть много способов нанести врагу удар, — сказал Шпрот. — Не все они очевидны.

— О! — отозвался сэр Фэн, понимая кивнув. — Вам нужен был пленник? Заложник? Собираешься требовать за меня выкуп, да? Богатая идея, право слово. Но, видишь ли...

Вновь переведя взгляд на сэра Фэна, Шпрот перебил его:

— Вы хотите уничтожить нас, так?

Вице-адмирал поморщился, будто словно унюхав что-то неприятное.

— До последнего человека.

— Почему? Мы представляем для вас угрозу?

— Вовсе нет. Вы словно крысы в городе: шмыгаете повсюду, тащите, что плохо лежит, распространяете заразу... Да, Лига желает избавиться от вас.

Шпрот покачал головой.

— Вот почему ты не понял моего намерения. Вы собираетесь убить многих. Я нынче ночью хочу убить только одного.

Сэр Фэн посмотрел на него с удивлением, мало-помалу начиная понимать, что имел в виду пират. Он опустил взгляд; кровь прилила к его щекам, словно от смущения. Шпрот воткнул нож ему в грудь по самую рукоять. Потом рывком выдернул его и перерезал горло — так, что дыхание вырвалось из полукруглой раны вместе с кровью. Два пирата, державшие вице-адмирала, разжали руки и отступили назад. Тело повалилось на пол и осталось лежать бесформенной грудой.

— Убейте штурмана, — велел Шпрот, — и давайте убираться отсюда.

Штурман вскрикнул.

— Нет-нет! — Скрюченным пальцем он указал на грудь Шпрота. — Я могу сказать, что висит у тебя на шее! Пожалуйста, прошу! Я могу объяснить, что это такое.

Капитан жестом остановил своих людей.

— И что же?

Перепуганный штурман со всхлипом перевел дыхание и вновь указал на золотой многоугольник, который Шпрот забрал с брига Лиги несколько месяцев назад.

— У тебя на шее... медальон...

Вопреки ожиданиям штурмана, Шпрот не опустил глаз.

— Рассказывай, живо!

— Вы меня пощадите?

— Нет, если не заговоришь быстро.

К чести штурмана, он сумел ответить внятно и по делу. Его слова заинтересовали Шпрота — настолько, что он, удивляя сам себя, приказал взять пленника на берег.

— Поговорим в более спокойной обстановке.

Не обращая внимания на протестующие вопли пиратов, капитан сказал:

— Пичуга, поджигай и кидай.

С этими словами он двинулся к двери. Мгновением позже «пилюля» упала в люк и полетела вниз по трубам, через которые штурман передавал послания на нижние палубы корабля. Было слышно, как шипит и потрескивает подожженный фитиль.

На палубе меж тем кипела бурная деятельность. Ее заполнили солдаты — вооруженные до зубов, защищенные доспехами, они были готовы к бою. Лучники пиратов выпустили последние стрелы и со всех ног кинулись к борту. У перил Шпрот быстро проговорил:

— Не забудьте напрячь мышцы в заднице, иначе вода разорвет вам кишки.

Его голос звучал беспечно, но во взгляде, устремленном на Пичугу, скользнула тревога. Женщина проскользнула мимо него и вспрыгнула на перила.

— Позаботься о себе.

Она прыгнула и исчезла за бортом. Длинные волосы взметнулись вверх; каждый волосок был направлен в небо, пока Пичуга неслась к воде. Шпрот изо всех сил надеялся, что она выживет. Он вдруг ощутил, как его тело наполняется плотским желанием.

Шпрот убедился, что штурмана сбросили за борт, а потом перекинул ноги через перила и ухнул вниз. Падая, он почувствовал, как вздрогнул корабль; «пилюля» сделала свое дело. Внутри была смесь, стоившая пиратам немалых денег — взрывчатое вещество в жидкой форме. Взрыв в кишках корабля не разрушит его. И даже если загорится смола, все равно мало надежды потопить это чудовище. Однако у него сильно заболит живот. Очень сильно.

Думая об этом, Шпрот улыбнулся. А потом напрягся в ожидании удара.

Глава 43

В первую ночь Мэна только слушала. Она позволила человеку, который называл себя Мелио и утверждал, что знает Мэну и ее семью, войти во внутренний двор своего дома. Прежде она не впускала сюда мужчин: это не дозволялось жрице Майбен. Но то, что еще вчера казалось невозможным, произошло сегодня — благодаря пришельцу. Они сидели рядом на твердом земляном полу. Обеспокоенные присутствием мужчины, служанки Мэны попрятались, но были готовы кинуться на помощь при первом ее зове. Мэна же просто смотрела на молодого человека, а он, словно ободренный ее молчанием, говорил, говорил и говорил.

Мелио использовал акацийскую речь, так что служанки не могли разобрать ни слова. Мэна изумлялась, как ей самой удастся понимать рассказчика. Она заново открывала родной язык, и это было непросто. Приходилось долго раздумывать над тем или иным словом, которое произносил Мелио. Мэна должна была покатать его в голове, ощутить его форму. Время от времени она приоткрывала рот, ее губы двигались, словно вдыхая эти слова вместо воздуха.

Некоторые вещи, которые Мелио видел на войне, были слишком страшны, чтобы говорить о них, и он отделялся самыми общими словами. Он потерял все, что только может потерять человек — кроме своей жизни. Большинство его друзей и близких были

убиты или обращены в рабство, или же предали свой народ ради нового господина. Мелио верил в превосходство Акации, воспринимал его как данность и до сих пор изумлялся тому, с какой легкостью Хэниш Мейн разметал армию империи.

Мелио был ранен в стычке, уже после битвы на Алесийских полях. Во время панического бегства акацийцев он подхватил болезнь, а очнувшись — понял, что окружающий мир полностью изменился. Мелио был сломлен, раздавлен, и если бы одного желания смерти хватило, чтобы умереть, они с Мэной сейчас не разговаривали бы. Он хотел покончить с собой, но такое деяние недопустимо для мараха. Мелио присоединился к движению сопротивления в Ошени; он не верил в победу, но полагал, что сумеет найти достойную смерть на поле боя. Увы, ничего не вышло.

Однако настал день, когда Мелио перестал мечтать о смерти. Его спасли... слухи. Однажды ночью, в угаре пьяной гулянки какой-то наемник из Тея сказал ему, будто дети Леодана живы и на свободе. Не в силах назвать источник сведений, тот человек полагался на элементарную логику. Только Коринн оказалась в плену, так? Тот факт, что Хэниш поместил ее на всеобщее обозрение, лишь подтверждал отсутствие других детей. Он сделал бы то же самое с остальными, если б поймал их, верно? С другой стороны, могли кто-нибудь доказать, что Акараны мертвы? Разве их тела или головы были доставлены Хэнишу? Разве нашелся хоть один человек, осведомленный об их судьбе? Ответ был очевиден, и это открывало новые возможности. Самая простая из них — та, которую Мелио выбрал для себя, гласила: если род Акаран не уничтожен, он еще может вернуться к власти.

Мелио решил жить дальше, устроиться как можно лучше и переждать смутное время — в надежде, что в рассказах об Акаранах есть хоть крупица правды. Последние три года он служил на торговом корабле. Купцы возили товары между странами, лежащими на побережье Внутреннего моря. Торговали они и с архипелагом Вуму. Мелио бывал здесь трижды, но никогда не задерживался надолго и не видел жрицу Майбен. Какая же удача, что он нашел ее! Мэна была жива! Так почему не поверить, что остались в живых и Дариэл, и Аливер? Вполне вероятно, что старший брат сейчас пытается вернуть себе трон. Слухи оказались правдой, и Мелио благодарил Дающего, что не успел умереть.

Мэна выставила его из дома на рассвете, ничего не пообещав, ничего не признав, никак не дав понять, что слова Мелио произвели на нее хоть какое-то впечатление. Она лежала на кровати когда пришел день — горячий и яркий, как всегда. В голове не было ни одной мысли. Мэна знала, что должна терзаться страхами и сомнениями, задаваться вопросами, предаваться воспоминаниям... но не могла толком сосредоточиться, дабы обдумать все как следует. В конце концов она провалилась в сон и проснулась только во второй половине дня, когда ее разбудила служанка: пора было отправляться в храм и выполнять свои жреческие обязанности.

Ранним вечером она вернулась и опять встретила акацийца, который ждал ее на тропе. И снова впустила Мелио в дом, чтобы послушать его рассказы. И снова отослала его прочь через несколько часов, по-прежнему ничего не обещая и не признавая. Мэна так и не сказала Мелио, что думает о его историях. Она проспала всю утро, проснулась в самый жаркий час дня долго смотрела на высокое небо, слушая шуршание ящериц, которые охотились на насекомых в зарослях тростника. У Мелио было самое обычное лицо. Обыкновенное. И все же отчего-то Мэне очень хотелось увидеть его вновь.

На следующий вечер молодой марах ждал Мэну перед воротами ее дома. Заслышав шаги девушки, он поднялся с корточек, назвал «принцессой» и последовал за ней в дом, когда Мэна кивком пригласила его войти. Они сели друг напротив друга, как в предыдущие вечера, и Мелио продолжил рассказ. Как ни удивительно, даже в третью ночь ему еще было о чем говорить. О слышал, что по всему Изученному Миру тайно действуют агенты принца — работают в подполье, чтобы собрать разрозненные группы сторонников Акаранов в единое движение сопротивления. На рудниках Киднабана произошло восстание по предводительством некоего прорицателя, который клялся, что видел Аливера. Вскоре старший Акаран призовет родичей, дабы они присоединились к его армии. Очень многие

верят в это, надеются и ждут.

Мэна слушала и запоминала то, что говорил Мелио. Одновременно она разглядывала его лицо, желая увериться, что в нем действительно нет ничего особенного. Длинные, взъерошенные волосы все время падали на лицо, и Мелио то и дело приходилось отбрасывать их назад. У него были карие глаза и красивые ровные зубы. Щеки казались немного пухлыми, но только если смотреть под определенным углом. В целом симпатичный молодой человек, хотя черты лица не отмечены каким-то особым благородством, или силой, или мудростью. Да, именно так. Тогда почему же Мэна все время раздумывает о его внешности?

Все еще задаваясь этим вопросом, она перебила Мелио:

— Ты говоришь, что пророк на рудниках видел моего брата... А описывал ли он Аливера? Рассказывал ли, как он выглядит, как разговаривает, как себя ведет? Брат никогда и близко не подходил к рудникам. Так откуда же рабочие столько о нем знают?

Мелио ошеломленно уставился на Мэну. Непонятно, удивился ли он ее словам или просто тому факту, что ей удалось связать столько фраз. Его взгляд стал более пристальным и внимательным; он больше не скользил по комнате. Теперь Мелио смотрел на девушку, не отводя глаз.

— Я понятия не имею, откуда берутся сведения прорицателя, — сказал он, — но думаю, в этом что-то есть. И еще я верю, что ваш брат действительно обладает силой, которую он явит миру. Мне всегда так казалось — даже в те времена, когда мы оба были мальчишками. Для народа он стал символом. Не так уж много людей в Изученном Мире знают вашего брата в лицо, зато всем известно его имя. Каждый представляет его таким, каким хочет видеть. Он — воплощение надежды во времена, когда люди отчаянно в ней нуждаются. Возможно, на этой надежде зиждется все наше сопротивление. Мы встречаемся тайно, передаем сведения из уст в уста, ищем новых сторонников. Однажды мы собрались в доме неподалеку от Аоса. Нас было человек пятнадцать. Едва закрылись двери, как мы разоткровенничались друг с другом, словно знакомы сто лет. Мы говорили о тяготах жизни, о потерянных близких, о мечтах и планах на будущее. Это был чудесный вечер, и всех нас объединяла надежда на возвращение молодых Акаранов. На Вуму люди ничего толком не знают — и неудивительно. Тут нет подполья. Впрочем, по счастью, здесь есть я. И вы.

Мэна безотчетно провела рукой по волосам и перекинула их со спины вперед, прикрывая оголенные груди. Отчего-то собственная нагота вдруг начала смущать ее.

— Стало быть, предполагается, что Акараны выйдут из укрытия и поведут за собой армию, которая сметет империю Хэниша Мейна? О чем ты говоришь? Глянь на меня. Я — Акаран, мы оба это знаем. Но где же моя армия? Посмотри вокруг. По-твоему, я способна вести войну?

— Я думал об этом, — отозвался Мелио, встретив взгляд Мэны, — но пока не нашел объяснения. Возможно, в вашем случае что-то пошло не так.

Разумеется. Смерть охранника-таланца спутала все планы. Однако Мэна снова ничего не признала, а лишь велела Мелио уходить. Впрочем, он может вернуться утром, и тогда они наконец-то встретятся при свете дня... Мэна не собиралась говорить ничего подобного, слова сорвались с губ словно по собственному хотению. Она сама не понимала, как это вышло. Зачастую Мэна действовала будто по наитию и лишь потом осознавала, что подтолкнуло ее. Очень, очень странно...

На следующее утро Мелио стоял у ворот. Мэна жестом предложила ему войти. Молодой человек шагнул во двор, щурясь от яркого солнца; дождавшись, когда он нырнет в спасительную тень дома, Мэна сказала:

— Я так и не заболела.

— Все болели, — отозвался Мелио. — Эпидемия охватила весь мир.

— Да, она прошла и через архипелаг, но меня не задела, — проговорила Мэна без особой радости или гордости, просто констатируя факт. Потом она сменила тему: — На Вуму женщинам не позволено носить оружие. В Акации было не так, да?

Мелио, не поспевавший за стремительными скачками мысли, помолчал несколько секунд, прежде чем ответить:

— В нашей стране любая девушка могла обучаться фехтованию и служить в армии, если имела к тому желание и склонность. Пока она соответствовала установленным стандартам, никто не имел права выгнать ее со службы.

— И многие соответствовали стандартам?

— Очевидно, большинство из тех, кто пытался. Седьмая Форма принадлежала Герте. Она сражалась с близнецами Талаком и Талласом и тремя их волкодавами. Ей потребовалось двести шестнадцать движений, чтобы выиграть схватку, но она сумела. Отрубила головы обоим братьям, а собакам — лапы. Кому одну, кому две. Так что временами женщины не просто соответствуют стандартам; они их устанавливают.

Мэна некоторое время смотрела в пространство, глубоко задумавшись. Она наконец поняла, зачем устроила так, чтобы Мелио пришел днем и о чем хочет его попросить. Мэна собралась с мыслями и сформулировала свои желания — не имевшие ничего общего с той ролью, которую она играла всю свою сознательную жизнь.

— Ты знаешь все Формы?

— Я хорошо освоил только пять.

— А остальные?

— Ну, так себе, — признал Мелио. — Я изучал их в спешке, больше по текстам, чем на практике. В то время мир уже разваливался на части...

— Мелио, я хочу, чтобы ты научил меня пользоваться мечом.

Вот. Она это сказала. Мэна понимала, что совершает предательство, отвергает все, что приобрела, но в сердце своем она знала, что поступает правильно. Мэна действительно хотела научиться. Это желание подспудно сидело в ней уже очень давно. Часто, пока Вамини читал ей очередную нотацию, Мэна представляла, как танцует с мечом мараха. Бывало, она просыпалась по ночам, задаваясь вопросом, что же с ней не так...

— Вы серьезно?

Вопрос только придал Мэне уверенности.

— Ну конечно.

— Принцесса, я не наставник. И у меня нет оружия. Я не могу учить без...

Мэна порывисто поднялась на ноги.

— То, чего у тебя нет, может дать богиня. Идем.

Несколько минут спустя они стояли в кладовке, в дальнем конце дома. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в стенах и тростниковой крыше, мириады пылинок танцевали в воздухе. На вытянутых руках Мэна держала ножны с мечом, который принесла с собою на Вуму девять лет назад. Меч был испятнан ржавчиной и давно утратил блеск, и все же мастерская работа оружейника по-прежнему радовала глаз.

— Это единственная вещь, которую я принесла с собой из Акации. Жрецы не посмели отобрать у меня меч. Должно быть, они считают его волшебным. Они позволили мне оставить меч у себя, если я уберу его с глаз долой, и никогда больше о нем не заговаривали. Ты видел это оружие? Такое же, я имею в виду.

Мэна прочитала ответ Мелио в его глазах еще прежде, чем он кивнул.

— Меч воина мараха. У меня когда-то был похожий.

Взяв клинок за рукоять, Мэна вытащила его на свет. Раздался скрежет, показавшийся невероятно громким в тишине кладовки. Обнаженное лезвие со свистом порезало воздух. Мелио чуть подался назад и сказал:

— Я думал, вы хотели быть Майбен...

— Почему ты идешь на попятный? Ты сам явился сюда и отыскал меня, помнишь?

— Разумеется, но...

— Я оказалась не такой, как ты ожидал. Теперь я обращаюсь с необычной просьбой, Тебя все это удивляет? Ну и что с того? Ты удивлялся всю свою жизнь.

Мелио было нечем крыть.

— Жрецы могут...

— Жрецы не могут ничего.

На лице молодого человека мелькнула тень сомнения. Однако прежде чем он успел облечь свою мысль в слова, Мэна прибавила:

— Я разберусь со жрецами. Они не имеют к тебе никакого касательства. Есть еще отговорки?

Судя по всему, отговорок у Мелио больше не было, но он по-прежнему смотрел на Мэну несколько неуверенно, не зная, что делать дальше. Он оглянулся на дверь в кладовку, будто изыскивая возможность отступить назад и вернуть все на круги своя. Мэна же горела жаждой деятельности и с ходу спросила, что такое Первая Форма.

— Эдифус при Карни, — был ответ.

— Там используется оружие?

— Конечно. Как и в большинстве Форм.

— Покажи мне, — сказала Мэна, неожиданно кинув Мелио ножны. Он довольно ловко поймал их.

Мэна тут же отступила в центр комнаты, сжимая в руке меч, и расшвыряла ногами несколько ящиков, чтобы освободить побольше места. Она и раньше приходила сюда, вынимала клинок из ножен и размахивала им — не раз за прошедшие годы. Мэна уже знала, как удобнее держать меч, как он лежит в руке. На сей раз, однако, она взялась за клинок неуклюжим хватом, опирая гарду на пальцы и слегка вывернув запястье — словно меч был слишком тяжел для нее. Кончик клинка опустился вниз, оставив короткий иззубренный шрам на земляном полу.

Не слишком приятное зрелище для воина, само собой. Мелио ничего не оставалось, как подойти и поправить ее хватку. Мэна знала, что он так и сделает. Разумеется, это было только начало. Мелио показал ей правильное положение тела и постановку ног, назвал все части меча и объяснил, для чего они предназначены. Мало-помалу молодой марах распростился со своими сомнениями. Он рассказал Мэне, как Эдифус сражался в поединке с чемпионом гаквы — племени, которое контролировало ущелье Градтика, горную дорогу между Ошенией и плато Мейн. История не сохранила сведений о том, как начался поединок, но сама битва была известна во всех подробностях до последнего движения. Мелио никогда прежде не учил Формам человека, совершенно незнакомого с ними, однако после нескольких попыток он сумел воспроизвести движения воина гаквы. Мелио держал ножны, будто они были мечом, и парировал, и наносил удары — вчетверо медленнее, чем было положено по канону. Мэна быстро ухватила суть и продемонстрировала это партнеру.

Мелио работал все более и более охотно. Он уже позабыл о своих страхах, его более не смущало хрупкое телосложение ученицы и странное полутемное место, где проходил урок. Он старался доходчивее объяснить теорию и быстро восстанавливал полузабытые навыки. Когда Мелио вдруг замолкал или начинал запинаться, Мэна смотрела на него в упор, пока он не возвращался к теме. Если молодого человека и смущала обнаженная грудь ученицы, он ничем не выдал своих чувств. К полудню Мэна отработала всю последовательность движений и затвердила их назубок.

Наконец они остановились — словно по молчаливому согласию. Оба тяжело дышали, их тела были скользкими от пота. Мелио вытер лоб ладонью, но не прошло и секунды, как влага выступила снова. Теперь, когда урок закончился, на лице молодого мараха появилось сконфуженное выражение. Он смотрел куда угодно, только не на Мэну. В конце концов его взгляд задержался на ножнах. Мелио подкидывал их в воздух и ловил, будто недоумевая, как они оказались у него в руках.

— Когда мой брат позовет нас? — спросила Мэна.

— Я думал, вы в это не верите.

— Не верю. Но когда, по твоему мнению, он позовет нас? Ты-то ведь веришь.

— Мне говорили, что он начнет искать вас нынешней весной. А к лету созовет свои армии. Ходит много разнообразных слухов; когда он и впрямь кинет клич, я узнаю об этом

от своих товарищей — странствующих торговцев.

— Итак, — подытожила Мэна, — несколько месяцев. Довольно скоро. Насколько хорошо я научусь владеть оружием за несколько месяцев?

Мелио явно пребывал в затруднении и в конце концов уклонился от ответа:

— Надо очистить клинок от ржавчины. Хранить его в таком состоянии — преступно. Впрочем, мы сделаем тренировочные мечи. У вас в холмах есть подходящее дерево.

Глава 44

С самого детства Маэндер знал, что его таланты отличаются от талантов брата. Хэниш имел острый ум и великолепную память; он умел строить глобальные планы, не забывая вместе с тем и о мелких деталях. Харизматичный лидер, он знал, как вызывать восхищение масс и как манипулировать мифами, приспособливая их под свои нужды. Спору нет, полезные навыки. Зато Маэндер был типичным представителем своего народа — воплощением его боевой ярости, которую он носил в сердце. Вальяжные манеры, насмешливая улыбка, ленивый взгляд — все было лишь маской, за которой скрывалась пылающая сердцевина бурлящего, неугасимого гнева.

Глядя на человека, Маэндер всегда раздумывал, как именно можно было бы его убить — с оружием или без. Пока другие улыбались, разговаривали, обсуждали внешность или погоду, Маэндер размышлял, какую силу понадобится приложить, чтобы ухватить собеседника за шею и разорвать ему артерию. Он всегда воображал подобные вещи, хотя порой замечал, что люди тушуются под его пристальным взглядом — и это несколько утомляло мейнца.

Маэндер знал, что именно он, а не старший брат, есть истинное воплощение ярости Тунишневр. Предки сами сказали ему об этом. Они обещали, что его час рано или поздно настанет — надо только быть терпеливым, не изменять себе и готовиться. Вот почему Маэндер благоволил к Ларкену. Этот акациец столь же хороший убийца, как любой мейнский воин; он станет отличным союзником, когда придет время.

Отправив Маэндера на поиски Акаранов, Хэниш поручил ему менее почетную миссию, чем Халивену. Однако, рассуждал Маэндер, в конце концов именно его деяния окажутся самыми значимыми. Тунишневр жаждали крови Акаранов. Только она могла снять проклятие — жидкость, текущая в жилах детей Леодана, прямых потомков Тинадина. За неимением лучшего сойдет и Коринн, но Тунишневр желали получить всех. Представить только, как будет вознаграждена рука, принесящая благословенную амброзию! Освободившись от проклятия, предки не позабудут тех, кто сослужил им верную службу. А Маэндер будет первым среди таковых. Что, если их ярость поселится в нем в его земном, физическом теле? Тогда, возможно, в мире произойдут перемены, о которых Хэниш не осмеливался и мечтать.

Маэндер отправился на охоту с таким же энтузиазмом, какой проявил во время военной кампании. Он собрал вокруг себя отряд из самых доверенных людей — бойцов-ветеранов и молодых головорезов, которых тренировал лично. Они поднялись по реке Аск, высадились, немного не доплыв до Низин, и свернули на восток, в леса, примыкающие к Мефалийскому Пределу. Большая часть населения этой области осталась верна Акаранам. Маэндер объезжал поселения, задавал вопросы и карал непокорных. За его спиной оставались сожженные деревни и не в меру самонадеянные люди, прибитые к деревьям за руки и за ноги и утыканные стрелами точно подушечка для булавок. Иные селяне и рады были бы сказать что-нибудь, но их языки заплетались от страха. Маэндер не церемонился. Он брал за потерянное время такую плату, которую не скоро еще забудут в этих краях.

Обогнув горный хребет, отделявший Ошению от плато Мейн, Маэндер продолжал в том же духе. Он вошел во вкус, ведь страх и боль жертвы прямо пропорциональны удовольствию палача. Хэниш скорее всего не одобрил бы подобных развлечений; с другой стороны, брат дал ему задание, не оговаривая методов, и Маэндер действовал так, как считал

нужным.

Ошения встретила его бесконечными просторами полей и густыми лесами, городами и селениями. Формально провинция принадлежала нюмрекам, но большинство из них давно покинуло эти края, перебравшись на теплое побережье Талая, и Ошения, по сути дела, была предоставлена сама себе. Нюмреки создали больше проблем, чем принесли пользы, думал Маэндер. С такими «друзьями» и враги не нужны... Удивляло и то, что земли, покоренные почти десять лет назад, отказывались принять новый порядок вещей. Ошенийская непокорность сорной травой прорастала из каждой трещины и щели. Мало того, ходили слухи, что в северных лесах прячутся акацийцы, бежавшие с родины и не смилившиеся с властью Мейна. Люди Маэндера рыскали по Ошениии словно волки среди ягнят, пытаясь углядеть блеск акацийского золота под овечьими шкурами.

Впрочем, не всегда Маэндер полагался только на жестокость. Он сулил людям щедрые награды, чтобы искушить их, привязать к себе верностью и доказать — им и себе, — что все в мире имеет свою цену. И ничто не стоит дешевле чести... Маэндер разослал весть во все концы: он хорошо заплатит за полезную информацию. «Человек, который отдаст мне Акаранов, получит такое богатство, какое он и вообразить не может. А также заслужит вечную благодарность Мейна. Взвесьте все и поступайте мудро».

Маэндер позаботился о том, чтобы его слова распространили повсеместно, и две недели выискивал наиболее надежные источники информации. Его люди раскатились по земле как капли ртути — во множестве направлений. Они хватали подозрительных, угрожали, допрашивали, втирались в доверие. Маэндер устроил засаду на главной дороге, связывающей север с плоскогорьем Ошенгьюк: ему сообщили, что отряд мятежных акацийцев будет перевозить по ней тайный груз — оружие и деньги, предназначенные для будущего восстания. Однако они так и не дождались никаких людей и грузов. Краткое время спустя Маэндер вихрем налетел на одно из поселений, поджигая дом за домом: доносчик клятвенно уверял, будто здесь прячется акациец королевской крови. Никого там не было. Однажды ночью Маэндер с подручными ворвались в подземное убежище, где якобы скрывался сам Аливер Акаран. Увы. Внутри они нашли только остатки пира нюмреков — омерзительное зрелище, которое потом не раз виделось Маэндеру во сне.

К концу месяца, проведенного в Ошениии, Маэндер убедился, что его стратегия не дает результатов. Глупо полагаться на лукавых крестьян. Некоторые из тех, что приходили к нему, имели неверные сведения; иные, ведомые алчностью, выдвигали самые невероятные предположения. Многие ссылались на сплетни и слухи — само собой, абсолютно недостоверные. Кое-кто попросту лгал. Иногда Маэндеру казалось, что в глазах людей он видит затаенную насмешку. Это раздражало больше, чем все остальное, вместе взятое. Проклятые болотные жители полагают, что могут сделать из него дурака!

Подлинная информация, когда она наконец появилась, была совсем не такой, как ожидал Маэндер. К нему пришла служанка бывшего солдата-мараха и сообщила, будто хозяин что-то знает о пропавшей дочери Леодана, Мэне. Маэндер пообещал девушке раскалить наконечник копья и воткнуть ей в пупок, если выяснится, что она лжет. Служанка побледнела и, дрожа всем телом, поведала свою историю.

Этот бывший солдат ныне оставил службу и завел небольшую ферму в горной долине. Маэндер прибыл туда во главе отряда; всадники вихрем ворвались на ферму, шумя и бряцая оружием. Они нашли хозяина на поле, подле одинокой лошади; он смотрел на приближающийся отряд как на вестников смерти. Узнав причину их появления, бывший солдат не изменился в лице и ничего не сказал. Лишь смерил служанку задумчивым взглядом и кивком указал на хижину.

Внутри было тесно и сыро. Хозяин сел. Маэндер остался на ногах, меряя шагами крошечную комнату и поглядывая на мараха. Крепкое тело воина ныне было сгорблено годами тяжелого крестьянского труда; руки с тонкими пальцами лежали на коленях; покрасневшие белки глаз выдавали завязанного курильщика миста. Хозяин спросил, можно ли зажечь трубку. Маэндер кивнул.

Марах не был скор на язык, однако ничего не скрывал. Казалось, он слишком долго держал эту историю при себе и был не прочь от нее избавиться. Он отвечал на вопросы неторопливо, с расстановкой, но был честен. Да, он в числе прочих солдат охранял Акаранов на Киднабане после смерти Леодана. Он не был приближен к королевским детям и наблюдал за их злоключениями со стороны. На самом деле его интересовал другой человек — офицер. Он ненавидел этого офицера и жаждал мести. Солдат узнал, что детей увозят с Киднабана в разные укрытия. Тот человек, его враг, стал сопровождающим Мэны Акаран. Бросив свой пост, солдат тайно отправился за ними. Он видел, как Мэна и ее охранник уплыли с острова, и преследовал их до портового города на побережье Талая. Здесь беглецы пересели на баркас, упаковали припасы и вышли в море. Солдат не отставал. Он нагнал их только в океане, за пределами Внутреннего Моря. Там, наконец, марах разделался со своим врагом.

— Почему ты убил его? — спросил Маэндер.

Хозяин выпустил изо рта клуб дыма и медленно проговорил:

— Он насмеялся над моим отцом.

— Насмеялся над отцом?

Мужчина кивнул.

— Чудесно. Насмеялся над отцом. И как же? — не отставал Маэндер.

— Мой отец был родом из горной деревни на севере Сениваля. Он говорил с акцентом, который казался этому мараху-талайцу идиотским. Он так и сказал отцу.

Маэндер приподнял брови. Губы его изогнулись в подобии улыбки.

— И все? Марах посмеялся над твоим отцом из-за гортанного произношения? А ты его за это убил?

— Он сделал еще кое-что. У меня была сестра...

— А! Сестра... Вот мы и добрались до сути.

Солдат искоса посмотрел на Маэндера.

— Это не то, о чем ты думаешь, господин. Она тогда была просто девочкой, моя сестра. И очень много весила. Ну, была толстой. Всегда. Даже в младенчестве. Однажды мы шли по улице, и марах окликнул мою сестру. Он дразнил ее, издавал звуки вроде хрюканья свиньи и делал похотливые жесты. Я не хотел, чтобы сестра слышала такие звуки и видела такие жесты, но в то время я сам был еще мальчишкой. Я думал: куда мне управиться с марахом?.. Прошло много лет. Я не трогал его, однако все помнил. Ненависть к нему заставила меня стать солдатом. Потом началась война, которую затеяли ваши люди. Она все изменила, сделала невозможное возможным. Я хотел, чтобы тот человек умер. Поэтому убил его.

Маэндер обвел взглядом своих людей. Их глаза лучились смехом, готовым вырваться наружу, если только позволит командир. Он не позволил. Маэндер старался представить этого избитого жизнью человека в виде мальчишки с тонкими плечами, дрожащего от бессильной злобы. Картинка не складывалась. Впрочем, Маэндер понимал, что другие люди далеко не всегда ведут себя так, как ему самому показалось бы логичным. Что ж, и войны порой начинаются по самым ерундовым причинам.

— Ладно, ты убил того человека. А принцесса?

— Я не причинил ей вреда и не помог.

— Но сохранил ей жизнь?

Хозяин кивнул. Под воздействием миста его поведение стало более свободным и раскованным. Маэндер жестом приказал одному из своих людей забрать у солдата трубку.

— Ты хочешь меня убедить, что судьбу принцессы Акаран определило давнее оскорбление, которое один юнец нанес толстой девчонке? Обида, давно позабытая всеми, кроме тебя. Я ничего не упустил?

— Верь во что хочешь, господин. Правда останется такой, какова она есть.

Маэндер взял табурет, подсел к бывшему мараху и улыбнулся, словно старый приятель, зашедший пропустить рюмочку.

— Тогда расскажи мне об этом поподробнее, — попросил он. — Когда ты видел принцессу в последний раз?

Глава 45

Чем дольше Аливер оставался среди сантот, тем сильнее ощущал единение с ними. Чародеи по-прежнему удивляли его своим видом и манерами. Они скользили, будто призраки, оставляя за собой в воздухе странные следы. Аливер не мог постичь, как им удается двигаться с такой скоростью; он не мог отследить момента, когда они исчезали в одной точке пространства и появлялись в другой. Не мог он привыкнуть и к выражениям мгновенно меняющихся лиц. Однако маги оказали принцу радушный прием. Сантот были словно родичи, которых Аливер встретил впервые в жизни, но уже чувствовал связь — не осознанную разумом, а понятую на каких-то более глубоких уровнях мышления.

Аливер отметил, что черты сантот ему знакомы. Иногда, вглядываясь в размытые контуры их лиц, принц видел себя, словно существо перед ним было живым зеркалом, отражавшим и его тело, и нематериальную сущность. Картина, привычная для взгляда и одновременно не понятая до конца, еще требующая осмысления. Аливер не раскрывал рта и не говорил вслух с тех пор, как впервые услышал жуткие звуки собственного голоса. И слушал он теперь не ушами. Сантот говорили безмолвно, тем не менее принц понимал их все лучше и лучше. Они выбирали темп мыслей, который был удобен для разума Аливера, и с каждым разом ему становилось легче передавать и принимать молчаливые послания. В этом общении было взаимопонимание, какого он никогда прежде не знал.

Аливер чувствовал, что по время бесед сантот используют часть его сознания. Они выискивали осколки воспоминаний и знаний, сведения, спрятанные в дальних уголках его разума и давно позабытые. Позволяя магам прикасаться к этим вещам, Аливер выпускал их на волю. Он возвращался в детство, видел картины, что снились ему когда-то, слышал истории, рассказанные голосом отца, и колыбельные, которые мать напевала ему перед сном. Аливер ощущал, как прижимается к материнской груди; мягкие руки обнимали его, теплое дыхание оведало лицо... Впрочем, бывало, что он вспоминал и не столь приятные вещи.

Сантот были любопытны. Скрупулезно и методично они узнавали у Аливера обо всем, что он видел и переживал, расспрашивали об истории — как он ее понимал — и о событиях недавнего прошлого. Чародеи удивились, узнав, что Тинадин позволил себе умереть по прошествии обычного человеческого срока жизни. Им непросто было понять, что величайшего мага больше нет. Ушли в небытие его амбиции, надежды, стремления к мировому господству. Еще труднее оказалось принять тот факт, что прямые потомки чародея понятия не имели о языке бога. Как могли преемники Тинадина позабыть о «Песне Эленета»? Неужели такое грандиозное знание утрачено? За вопросами сантот Аливер чувствовал страх и понимал, что они не до конца верят его словам. Пусть древние и мудрые, маги-сантот по-прежнему были людьми. И, подобно всем живым, цеплялись за жизнь. Чародеи не знали, что готовит им будущее. Они побаивались его — как и любой человек, столкнувшийся с неизвестностью.

Меж тем сантот дали Аливеру больше, чем взяли у него. Они ничего не знали о мире нескольких последних столетий, зато хранили огромный запас сведений о давних событиях, о временах, когда они появились, и обо всем, что произошло до того. Сантот напители Аливера историей и преданиями. Они поведали подробности о Воздаянии — и их рассказ полностью изменил отношение Аливера к событиям основания его династии. Чародеи говорили об Эдифусе, Тинадине и Хаучмейнише, как будто расстались с ними только вчера. Они рассказывали о битвах и поединках, не запечатленных в Формах. Сантот кормили Аливера знаниями, словно изысканными кушаньями.

Очень немногие из человеческих деяний были продиктованы одними лишь благородными побуждениями или чистой злобой. Аливера всегда учили, что великие сражения происходили между силами добра и зла. Увы, природа мира и человеческие характеры были намного сложнее. Если постараться, можно понять все противоборствующие стороны. Конечно, человек воспринимает жизнь со своей позиции и

сам выносит суждения — если только кто-нибудь другой не пытается объяснить все за него и интерпретировать вещи определенным образом. Сантот не делали ничего подобного. Они просто сообщали факты и, казалось, не имели собственного мнения о подвигах и преступлениях, которые хранили в памяти.

Во время таких бесед сантот чаще всего выступали как коллективный разум, от которого порой отделялись индивидуальные голоса, влияющие в сознание Аливера. Иногда принц видел рядом чародея, который заговорил с ним первым. Его звали Нуало — хотя сантот не испытывали необходимости определять друг друга по именам. Если мысль предназначалась конкретному чародею, он просто знал это. Равно, получая послание, Аливер, по модуляциям форм и ощущений, понимал, от кого оно исходит.

Неизвестно, сколько минуло времени с момента прибытия Аливера на дальний юг. Час? Неделя? Год? В один прекрасный день — хотя, возможно, это была ночь — Нуало сказал Аливеру, что он нашел изъян в его концепции мира. Дело касалось истории о Башаре и Кашене.

Эту сказку знал любой акацийский ребенок. В ней говорилось о том, как два любящих брата не сумели поделить власть и стали злейшими врагами. Они до сих пор сражались в горах, и иногда, во время сильных бурь, можно было услышать гром их вечной битвы. В этой легенде, поведал Нуало, сокрыта истина, которую Аливеру стоило бы знать.

— Не было Башара, — сказал он, — и не было Кашена.

Однако в древности существовали два народа. Один назывался башару, а другой куларашен. Оба обитали в Талае, но дело было так давно, что теперь уже невозможно точно сказать, когда именно. Хотя народы произошли от одного корня, каждый шел своим путем, и они позабыли о родстве. Оба народа процветали и множились в числе, и оба были горды. Башару полагали, что они возлюбленный народ Дающего. Куларашен называли это ересью. Именно мы, говорили они, избраны богом. И те и другие отыскивали множество свидетельств своей правоты. Они видели их в благословениях Дающего — в богатых урожаях, которыми бог одаривал один народ, и в болезнях, которые он посылал на другой; в солнечных, погожих днях в своем краю и наводнениях в землях соперника. Каждый год, каждый месяц, день и час находились какие-нибудь новые доказательства, и оба народа неустанно продолжали спорить.

Наконец было решено обратиться к Дающему. Башару и куларашен обращались к богу с молитвами, проводили сложные ритуалы и приносили богатые жертвы. Они просили Дающего подать какой-нибудь явный знак — указать народ, который он предпочитает. Куларашен и башару хотели, чтобы бог выбрал между ними и открыто показал всем, кого он любит больше. Однако Дающий не ответил им. По крайней мере никакого знака, признанного обеими сторонами, ниспослано не было. Тогда два народа начали войну, чтобы решить проблему самостоятельно.

То была первая война между человеческими народами, и во время нее люди познали многие пороки, которые затем остались в мире. В конце концов башару взяли верх. Куларашен бежали из Талая и уплыли на остров посреди «большой воды» — так называлось море. Они взяли с собой много разных вещей, в том числе и семена акации. Люди сажали их по всему острову, чтобы тот хоть немного напоминал родину. Остров с этих пор и стал их новым домом.

— Название куларашен было забыто, — сказал Нуало. — Как и башару. А потомки куларашен ныне называются акацийцами. Ты — один из них.

— Как такое возможно! — спросил Аливер. — Ведь мы сильно отличаемся от талайцев. По многим признакам...

Аливер имел в виду прежде всего внешнее несходство — цвет кожи, черты лица и особенности телосложения. Однако он не стал развивать эту мысль. Какое-то сомнение сидело внутри, мешая возразить Нуало. Чародей тем не менее понял принца. Он объяснил, что Дающий озлился на людей за их глупость. Бог ненавидел войны — и те пороки, которые распространились среди его возлюбленных созданий. Люди думают, что они отличаются

друг от друга? Ну что ж... Он сделает эти различия еще заметнее. Дающий искажил человеческую речь, так что все стали говорить на разных языках. Слова одного народа звучали для другого непонятной белибердой. Некоторых людей бог поджарил на солнце, а иных оставил в холоде, где они стали снежно-белыми. Одних сделал высокими, а других низкорослыми; удлинил или приплюснул носы; чьи-то глаза посадил глубоко в череп, а чьи-то сделал миндалевидными или раскосыми; кому-то закрутил волосы в кудри, а кому-то оставил прямые пряди. Так Дающий проверял людей. Сумеют ли они заглянуть за видимость, зреть в корень?.. Они не сумели. Люди давно уже приняли как данность, что они все различны, и такая несхожесть стала обычным явлением. По этой причине — вдобавок к предательству Эленета — Дающий с омерзением отвернулся от мира и не пожелал более иметь с ним никаких дел.

— Все народы — единое целое? — спросил Аливер.

— Все народы Изученного Мира — единое целое, — подтвердил Нуало. — Забыв об этом, люди совершили еще одно преступление. Мы расплачиваемся за него до сих пор.

Далеко не сразу Аливер принял новую картину мира. Прошло немало времени, прежде чем он осознал реальное положение дел. Гордыня Акаранов мешала ему поверить, что акацийцы были каким-то жалким племенем — побежденным и изгнанным из Талая. Ведь казалось, гегемония Акации существовала всегда... Разумеется, прошедшие девять лет полностью излечили принца от презрения к другим народам и талайцам в особенности, но вместе с тем Аливер понимал, что обманывает себя. Он не принадлежал Талаю. Именно поэтому в свое время он долго и тщательно работал над собой, желая сравняться с местными мужчинами. Что ж, он стал воином, научился сражаться и убил ларикса.

Аливер слишком долго жил с уверенностью, что он никчемный человек и неудачи подстерегают его на каждом шагу. Изю дня в день он вынужден был скрывать свои провалы и недостатки. Принц полагал, что различия в человеческой внешности обозначают также и внутреннюю несхожесть. Нуало и другие сантот лишили Аливера этой веры, выбили почву из-под ног, оставив его беспомощно барахтаться в море невероятных допущений. Последнее открытие беспокоило Аливера более всех прочих откровений, полученных от сантот, хотя он сам не мог понять почему.

Казалось, он прожил вечность рядом с этими странными магами. Однако настал день, когда сантот напомнили принцу о его цели. Чародеи собрались вокруг; каменные лица окружали Аливера, как это уже было однажды, в день его прибытия на дальний юг. Теперь, впрочем, все переменялось. Сантот познакомились с принцем, узнали его и разделили с ним свои мысли. Теперь они пришли просить.

— Верни нас обратно, в мир, — произнесли маги слаженным хором, звучащим как один голос, исходящий от многих. От всех сантот разом. — Освободи нас.

Только Аливер может это сделать, уверяли они. Лишь старший сын короля из рода Тинадина способен снять проклятие, которое не позволяло сантот вернуться назад — так Тинадин сплел свои чары. Они были очень сильны, но все-таки обратимы. Сам Эленет установил закон: любое наложенное заклинание может быть аннулировано. Эленет знал, что людям часто случается ошибаться, когда они говорят на языке Дающего. Иногда промашку замечают не сразу, ее последствия могут проявиться только столетия спустя, но рано или поздно изъяны вылезают наружу. Тинадин не мог нарушить законы магии, даже измысливая наказание для своих бывших союзников.

— Не существует заклинания, — сказали сантот, — которое нельзя было бы отменить. Всегда есть путь назад, и дверь не закрыта до конца. Ты и есть эта дверь. Только ты способен произнести слова.

— Какие слова! — спросил Аливер.

Сантот не дали ответа. Аливер должен был понять это сам. Чародеи даже не могли научить его речи бога, поскольку их собственные знания исказились, и заклинания производили совсем не такой эффект, которого добивались маги.

— Я ничего не знаю о речи Дающего, — сказал Аливер уже не в первый раз, — и

никогда не слышал о «Песне Эленета», пока вы не рассказали мне о ней. Я не могу произнести ни слова на языке творения. Мне жаль, но я не в силах вам помочь.

Сантот не скрывали разочарования.

— Тогда почему ты искал нас и зачем разбудил!

И впрямь, зачем? Аливер почти позабыл о своей жизни в большом мире и о цели путешествия. Лишь ценой немалых усилий принц вспомнил, что привело его на дальний юг. Он искал сантот, поскольку выполнял особую миссию, важное задание, которое тяжким грузом легло ему на плечи. Мир людей, где обитали друзья, родные, близкие, переживал тяжелые времена. Аливер пришел сюда в поисках помощи — не дома, не убежища, не забвения. Принц собирался попросить сантот спасти его семью... и мир, который прогнал их прочь.

Аливер передал все это магам. Водоворот безмолвных слов кружился в воздухе, они перетекали от одного сознания к другому, и такой обмен мыслями теперь казался Аливеру самым что ни на есть понятным и привычным способом общения.

— Ты просишь невозможного, — сказали сантот. — Впрочем, мы попытаемся помочь тебе отсюда, однако наши силы будут ограничены.

— Вы обладаете невероятным могуществом и способны сделать очень многое, я уверен. И я... я разрешаю вам оставить это место и вернуться в большой мир.

Сантот некоторое время размышляли над его словами. Да, им хотелось бы вернуться на север, признали чародеи, но не освободившись полностью от проклятия Тинадина, они не станут нормальными людьми. Занимая место, которому не принадлежат, сантот превратятся в призраков. А главное, они не сумеют оказать Аливеру ту помощь, которая ему нужна.

— Ведь ты хочешь начать войну...

Теперь настал черед Аливера размышлять. Сантот, не церемонясь, называли вещи своими именами. Да, в общем и целом, они сказали правду. Не то чтобы Аливер хотел начинать войну, но битва действительно была не за горами. Наконец-то он вспомнил... и с отчетливой ясностью осознал, что вся его жизнь была прелюдией к войне. К пожару, который освободит его — или уничтожит. У принца не было иного выбора: он должен сыграть свою роль. В скором времени ему придется вернуться в мир и...

— Да, я начну войну с моими врагами.

Он чуть было не добавил: «справедливую». Или «праведную». Или «священную». Именно такую войну принц хотел бы вести, но... он покатал эти слова в голове и оставил при себе. Аливер отлично знал, что думают сантот о подобных заявлениях.

— Ты можешь вернуть нас в мир, однако там мы будем бесформенными сущностями, лишенными тел, — сказали сантот.

— А если вы сумеете освободиться! — спросил Аливер. — Если я разыщу «Песнь Эленета», если узнаю, как снять проклятие... Тогда вы будете сражаться за меня!

Он задал вопрос и умолк, глядя на размытые лица чародеев и чувствуя, как бешено колотится сердце. Ему передались мрачные мысли сантот, которые обдумывали ответ. Впервые с момента своего прихода сюда Аливер ощутил ход времени. Что-то сдвинулось. Мир ждал его, мир желал, чтобы принц вернулся назад, мир приказывал ему поспешить.

— Вы будете сражаться за меня! — нетерпеливо повторил он.

— Если ты освободишь нас, мы будем сражаться, — наконец сказали сантот. В первый раз за все время знакомства Аливер уловил эмоции чародеев, которые они так тщательно контролировали до сих пор. — Сделай нас снова настоящими магами, и мы очистим мир от твоих врагов, чтобы ты перекроил его по своему разумению.

Глава 46

Шпрот открыл глаза. Сон ушел. Просто сон... всего этого не было. Он постарался унять страх, заставивший его проснуться, однако тусклый свет лампы, привешенной к двери каюты, не мог разогнать теней, в которых таилась угроза. Она исходила отовсюду — от стен,

от табурета с лежащей на нем курткой, от полупустой бутылки вина на полке. Снаружи долетал тихий шорох волн — дыхание океана. Шпрот знал, что ему нечего бояться здесь, среди обыденных вещей и звуков. Говоря откровенно, и во сне-то не было ничего страшного. Ничего похожего на опасности, с которыми он сталкивался каждый день по доброй воле. Тем не менее глас рассудка не помогал ему сейчас, когда юноша балансировал на грани между сном и явью.

Кошмар, из которого Шпрот сбежал в реальный мир, приходил уже не в первый раз с тех пор, как Лика Алайн прибыл на Внешние Острова и назвал юношу его полузабытым именем. Детали сна менялись, но суть оставалась неизменной. Шпрот был ребенком, крохотным малышом с тоненькими ручками и ножками. Мальчик знал, что его кто-то преследует. Бесформенное, безымянное существо. Если оно найдет его, произойдет что-то ужасное. Шпрот не знал, что именно, но не собирался стоять на месте, дабы выяснить. Он бродил по подземным коридорам — темному, головоломно сложному лабиринту. Мир существовал только перед ним, и мальчик существовал, лишь двигаясь вперед. Все, что оставалось за спиной, — исчезало. Он опрометью пробегал мимо перекрещений туннелей. Странные создания тянули свои лапы из каменной кладки стен; у них были клювы и рогатые головы, и они без труда разорвали бы малыша на куски. Так страшно! Твари не двигались, притворяясь камнем, но он-то знал, что это не так! Если мальчик вслушивался, до него доносилось их хриплое шипящее дыхание.

Во снах коридоры различались, и путь никогда не повторялся, однако Шпрот неизменно попадал в одно и то же место. Он входил в ярко освещенную комнату, полную людей. Тут громко смеялись, слышалась музыка, звенели хрустальные бокалы. Сотня улыбчивых лиц оборачивалась к нему. Люди собрались, чтобы поздравить мальчика. Сегодня был его десятый день рождения. Люди окружали мальчика, называя тем же именем, что и Лика Алайн. На самом деле это имя было единственным словом, которое они произносили. Его произносили с множеством разных интонаций. Жестко, как утверждение. Неуверенно, как вопрос. Резко, как обвинение. Люди говорили на языке, состоящем только из одного слова — его имени.

Девочка вытянула руку ладонью вверх и согнула пальцы, словно маня мальчика к себе. Жест заставил его сжаться от страха. Девочка двинулась вперед, шепча, что бояться нечего. Чем дольше она повторяла свои слова, тем более крепла в нем Уверенность, что девочка лжет. У нее были огромные карие глаза — слишком большие для лица. Внезапно мальчик понял, что девочка — не та, за кого он ее принимал, хотя и понятия не имел, кто она. Именно этот парадоксальный вывод выкидывал Шпрота из сна.

Как всегда, Шпрот проснулся в холодном поту. Его трясло. Кем он считал эту девочку и кем она была на самом деле? Иногда после подобных снов его целый день преследовали воспоминания об огромных карих глазах. Шпрот знал, что ответ прячется где-то в глубине сознания. Он словно держал в руках кубик с сотней граней, и ответ был написан только на одной из них. Сколько бы Шпрот ни кидал его, он не мог выяснить правду.

Пичуга пошевелилась на тюфяке. Перекатилась со спины на бок, отвернувшись от Шпрота. Казалось, он мог услышать как открываются ее глаза — совсем не похожие на глаза девочки из сна. Пичуга родилась на севере Кендовии. Легкие серебристые волосы придавали ей сходство с мейнками, хотя глаза были узкими, не утопали в глазницах, а находились на одном уровне с лицом. Они казались ленивыми и сонными, но это была лишь видимость: Пичуга обладала острым, цепким и хищным умом. «Сны теряют силу за пределами своего царства, — не раз говорила она Шпроту. — Только действия имеют значение». Шпрот полагал, что она права, но не мог понять, пытается Пичуга таким образом ободрить его или пристыдить.

Пираты завтракали на берегу. Шпрот прошелся среди них, улыбаясь, отпуская шутки и поддразнивая. Люди расположились на скамьях вокруг печи, которая переехала сюда из Белой Пристани. Это была массивная чугунная бандура. Шпрот самолично возглавил отряд, чтобы выручить ее. Он отыскал печь на пепелище, в которое превратил поселение боевой

корабль Лиги. Теперь она гордо стояла берегу маленького южного острова — их третьего по счету убежища за несколько последних месяцев, и ее вид поднимал боевой дух пиратов.

Шпрот наклонился над печкой, вдыхая запах ветчины, и уже протянул руку, собираясь стащить кусочек. Он не заметил Лику Алайна, стоявшего чуть поодаль, пока тот не заговорил.

— Почему ты не рассказал всем о ключе? — спросил генерал. — Почему утаил то, что сказал пленник?

Аппетит Шпрота, его хорошее настроение, его наконец-то обретенное спокойствие — все исчезло в единый миг. Он знал, разумеется, что рано или поздно придется это сделать. Прошло уже восемь дней с тех пор, как пираты напали на боевой корабль Лиги. Всем, кто слышал о ключе, Шпрот приказал помалкивать, но среди пиратов сложно сохранить тайну. Особенно учитывая, что все знали о пленнике — штурмане с корабля Лиги. Шпрот проклинал себя за то, что притащил его сюда. Надо было убить штурмана прямо на корабле, но Шпрот не сумел воспротивиться искушению взять такого ценного языка. Вдобавок он очень хотел услышать то, что мог рассказать этот человек. Еду и воду пленнику носили только те, кто был на корабле. Шпрот допрашивал штурмана лично, в присутствии одного лишь Довиана. И все равно слухи о пленнике быстро разнеслись среди пиратов.

— Здесь я принимаю решения, а не вы. Если я что-то делаю, значит, на то есть причина.

— А мне казалось, вами командует Довиан, — отозвался генерал. — Ты всего лишь рядовой пират, верно? Ты сам так сказал: Шпрот, простой пират. Один из многих...

Юноша поглядел на Алайна сквозь волну дрожащего от жара воздуха, поднимающегося от плиты.

— Кто бы у нас ни командовал, это уж точно не вы.

Голос Шпрота стал жестким, в нем прорезались опасные нотки. Он не собирался отвечать так резко, но не мог управиться с гневом. Злость вспыхивала каждый раз, когда Алайн пытался подгонять его. Проклятие! Шпрот молчал о ключе не из робости. Ему просто требовалось время, чтобы все взвесить и обдумать. Лика не имеет права ему указывать!

— Довиан согласен со мной, — сказал генерал.

Словно по сигналу, старый пират поднялся со скамьи и вышел вперед, похожий на огромного раненого медведя. Каждое движение причиняло боль, и Довиан крепко стиснул зубы, стараясь не показывать ее. В последние недели он, похоже, чувствовал себя несколько лучше; по крайней мере чаще стоял на ногах. Шпрот не знал наверняка, действительно ли болезнь отступила, или приемный отец тщательно скрывает ее.

Лика меж тем продолжал:

— У тебя в руках есть оружие, которое может нанести Лип чувствительный удар. Тебе следует рассказать об этом, чтобы мы все вместе придумали, как использовать его наилучшим образом.

Шпрот перевел взгляд с акацийца на кендовиаица, едва сдерживая раздражение. Довиан посмотрел на юношу немного виновато. В глубине грустных глаз скрывалось разочарование.

— Поговорим об этом позже...

— Нет, — сказал Лика, — поговорим сейчас. Полагаю, многим будет интересно. Ваш юный капитан носит на шее ключ, о котором вам всем следует знать. Люди, хотите услышать подробности?

Никто из пиратов не ответил, однако их молчание было достаточно красноречиво. Разумеется, все хотели знать, причем Шпрот понимал, что товарищи заслужили это знание. Он кинул свою еду обратно на плиту; аппетит пропал окончательно.

Тем же днем пираты собрались на большую сходку, как и хотел Лика. Все расселись на песке возле кромки воды, в тени кокосовых пальм. Небо над головой было безоблачным — высокий купол насыщенного голубого цвета, не разбавленного ничем, кроме сияющей белизны солнца. Пичуга, Клайтус, Джина и остальные, кто принимал участие в нападении, с

облегчением сняли печать молчания и заговорили разом.

— Все началось несколько месяцев тому назад, — сказала Джина, — когда мы взяли бриг Лиги с помощью «когтя» Шпрота. Мы вернулись с неплохой добычей, помните? Среди прочего добра была одна штуковина, особо ценная.

— Видите медальон на шее у Шпрота? — спросила Пичуга. — Вот о нем и речь. Мы и не догадывались, что это такое покуда штурман из Лиги не рассказал нам. Медальон — один из ключей, которые открывают платформы.

— Их существует всего двадцать, — вставил Нинеас. — Только двадцать. Один у нас.

— Мы прихватили с собой штурмана, — прибавил Клайтус. — Готов поспорить, Шпрот узнал от него много интересного. Теперь вопрос: какую пользу можно извлечь из ключа и из нашего нового источника сведений?

Несколько следующих часов пираты с жаром обсуждали этот вопрос. Они строили планы и предлагали идеи — в основном связанные с мстью и жадной невиданной наживы. Всякий знал, что Лига сказочно богата, а вкусы ее членов весьма экстравагантны. Что могло быть внутри этих платформ? Тысячи рабов? Склады, набитые мистом? Куртизанки неземной красоты? Тонны золота и серебра? Плавающие дворцы, отделанные мрамором, увитые цветам и виноградными лозами? Пираты воображали, как они оденутся в шелка и бархат, наполнят вином чаши, вырезанные из бирюзы, наедятся до отвала изысканными яствами. Их ждет море удовольствий. Они будут купаться в роскоши до конца жизни. Несбыточная мечта любого морского разбойника... Да что там! Пираты, может быть, сами наладят торговлю мистом! Вот тогда они возьмут Хэниша Мейна за яйца и получают столько денег, что и вообразить невозможно.

С позволения Довиана пираты привели пленника. Его руки были связаны, одежда превратилась в лохмотья, лицо покрывали пятна засохшей крови; испуганный и жалкий, он робко стоял в центре бурлящей толпы. На вопросы он отвечал без особой охоты — иногда приходилось дать ему пинка или двинуть в зубы, но в конце концов штурман рассказал все, что требовалось пиратам. И эти сведения распалили их еще больше.

Шпрот не мешал разговорам и лишь молча удивлялся тому, как быстро его друзья утратили здравый смысл. На пути пиратов стояло несколько серьезных препятствий, но о них все позабыли. Лика Алайн не возражал, и даже Довиан, казалось, верил, что предложенные планы имеют право на существование. Лишь после того как пираты выдохлись и гомон улегся, Довиан откашлялся и заговорил:

— Очень заманчиво, не так ли? — Он рывком встал и медленного пошел по кругу, обходя толпу. Несмотря на возраст и болезнь, Довиан все еще пользовался авторитетом и неизбежно притягивал к себе взгляды. — Я понимаю, как приятно воображать подобные вещи. Все вы знаете, что я видел однажды платформы, в юности. Мы просто проплыли мимо, хотели подразнить Лигу. Весь флот кинулся преследовать нас и загнал так далеко на север, что в море стали встречаться глыбы льда. Та маленькая выходка едва не стоила нам жизни. Но я видел платформы. Они именно таковы, как вы себе представляете.

Довиан помолчал. Несколько секунд он озибался по сторонам, машинально ища палку, которую только что отбросил. Поймав себя на этом, гигант выпрямился и посмотрел вокруг, переводя взгляд с одного лица на другое.

— И все же нам не светит забрать их сокровища. И собрались мы здесь не за этим. Целой армии было бы мало, чтобы осадить платформы, а у нас армии нет. Что до богатств... сказать по правде, они мне не нужны. Рабы, говорите вы? Шлюхи? Бросьте! Я никогда не возражал против небольшого грабежа. Никогда не отказывал себе, брал что хотел. Пиратство — честная работа. Мы выполняем ее своими руками, рискуем собственными кишками. Но то, что вытворяет Лига... Они разбойники похуже нас. Неужели вы хотите стать такими же? Не верю. С другой стороны, я понимаю, что вы мечтаете стереть Лигу с лица земли. Желаете наград? Как насчет любви детей, которых не будут продавать за океан? Как насчет благодарности их родителей? Или хотя бы просто понимания, что вы сделали мир немного лучше?

Довиан помедлил мгновение, изучая лица пиратов, ища ответ в их глазах. Его взгляд скользнул по Шпроту, но не задержался на юноше дольше, чем на прочих.

— Вот что я хочу сказать: есть только одна вещь, которую мы можем — и должны — сделать с ключом...

Никто из пиратов — даже те, кто особенно ратовал за грабеж, — не возразил. Таков был авторитет Довиана. На составление плана потребовалось не так уж много времени, поскольку в его основе лежали мужество и отвага пиратов — и ничего более. Все предельно просто, объяснил Довиан. Нужно решить три проблемы: незаметно подобраться к платформам, при помощи штурмана разыскать нужные ворота и вставить ключ, надеясь, что замок не сменили, а потом найти конкретный склад. Довиан полагал, что каждая из этих задач выполнима.

Приближаясь к платформам, достаточно не привлекать к себе излишнего внимания. База Лиги надежно защищена, и там вряд ли ожидают нападения. За семьсот лет никто ни разу не осмелился атаковать платформы, и уж конечно, Лига не испугается одного маленького корабля.

— Возможно, они заметят его, а возможно, и нет. И уж точно Лига не будет целенаправленно нас искать. Нет в мире флота, который представлял бы для них угрозу, и никому даже в голову не придет, что мы попытаемся провернуть такую операцию...

Тем не менее следовало проявлять осторожность. Примерно в дне пути от платформы находился атолл. Если они отплывут от него, правильно рассчитав время и учтя направление ветра, то смогут достичь цели под покровом ночи.

Вопрос о ключе вызвал у пиратов некоторое беспокойство.

— А вдруг они сменили замки? — спросили сразу несколько голосов. — Или поставили охрану у входа?

Довиан полагал, что за несколько месяцев люди Лиги не успели бы сменить замки, даже если бы хотели. Ключи сделаны очень хитроумно; такая тонкая и сложная работа требует ювелирной точности. Заменить или скопировать их — не так-то просто. Вдобавок члены Лиги, которым были доверены ключи, поклялись охранять их ценой жизни.

— Не знаю, кому принадлежал наш ключ, но этот человек здорово оплошал, — сказал Лика Алайн. — Он выпустил сокровище из рук и отправил его на незащищенном корабле. Готов спорить, что хозяин ключа не доложил о пропаже, ведь такая беспечность грозит ему смертью. Даже члены Лиги ценят свою жизнь, не так ли? — Вопрос генерал адресовал пленнику.

— Да, если не считать меня, — мрачно отозвался штурман.

— Скорее всего хозяин думает, что мы не узнаем правду об этой вещи, — сказал Довиан. — Мы и не знали, верно? Шпрот носил медальон как украшение. Он мог расплавить его или попросту выкинуть — и не вспомнить потом. На месте человека из Лиги как бы вы поступили? Признались во всем и распрощались с жизнью? Или понадеялись бы, что все обойдется, поскольку пираты не разберутся, что к чему?..

Далее начали обсуждать вопрос о конкретных действиях у платформ. Здесь Довиан чувствовал себя более уверенно. Среди множества платформ была одна, стоящая на некотором расстоянии от других и соединенная с ними длинным понтонным мостом.

— Там они делают и хранят смолу. Нет на земле более горючей субстанции. Все мы видели ее в действии. Она загорается от искры и полыхает как пламя преисподней даже под водой. Нам надо лишь подобраться поближе и поджечь ее. Она все разнесет на куски. Шары со смолой взлетят достаточно высоко, чтобы приземлиться на другие платформы. Мы устроим там добрый пожар, уж поверьте.

Слушая Довиана, Шпрот чувствовал, что его трясет от открывающихся возможностей. Великолепная идея. Отважный и благородный план, который непременно следовало выполнить. Однако юноша заметил в нем изъян.

— Кто-то должен поджечь смолу. И этот «кто-то» не выберется с платформы живым.

Довиан сердито посмотрел на Шпрота, недовольный тем, что он заострил на этом

внимание. Впрочем, пираты не особенно смутились. Джина предложила сделать запал, чтобы взрыв прогремел, когда корабль отойдет на приличное расстояние. Можно пустить горящую стрелу, сказал один из пиратов. Другой посоветовал кинуть через стену «пилюлю». Однако все эти идеи были далеки от совершенства. Длинные фитили ненадежны: они могут потухнуть. Вдобавок чем длиннее запал, тем больше шанс, что охранник заметит его и раздавит все планы пиратов носком сапога. Стрела или «пилюля» повлекут за собой немедленный взрыв, который скорее всего зацепит корабль. Нет, чтобы выжить, нужно отплыть гораздо дальше. Одному из пиратов придется поджечь смолу с близкого расстояния и удостовериться, что она готова взорваться. В ином случае велик шанс, что их план провалится.

— Ну ладно, — сказал Довиан, — когда доберемся до платформ, кинем жребий. Тянуть будут все члены команды «Баллана». Если кто не желает рисковать, пусть не плывет с нами. Выходите прямо сейчас. Остальные — не обессудьте. Кто вытянет жребий, тот и пойдет. Может, оно и странно — полагаться на случайность, но мы в любом случае потеряем только одного. И этот один заберет с собой кучу народу из проклятой Лиги.

Неделей позже «Баллан» отплыл на север с небольшой командой на борту. Пираты обогнули большой остров Трайн и проделали извилистый путь между вулканическими рифами, известными как Россыпь. Двое суток они провели в тайной бухте на западной оконечности островов и вышли в открытый океан на рассвете третьего дня. Ветер был не идеален, но течения им благоприятствовали. «Баллан» некоторое время двигался на север, а затем свернул к западу. Однажды утром корабль окружила огромная стая дельфинов. Сотни блестящих тел — они были повсюду, насколько хватал глаз. Дельфины то и дело выпрыгивали из воды и снова падали в волны. Вверх-вниз, вверх-вниз, бесконечно. Нинеас сказал, что это хороший знак; дельфины, хитрые мошенники, сулили пиратам удачу.

Некоторые сложности возникли с поисками атолла, который помнил Довиан. Пираты рыскали по морю два дня и уже готовы были махнуть рукой, когда на горизонте показались крошечные пальмы. «Баллан» понесся к атоллу. Здесь пираты провели день, отдыхая в тени пальм и потягивая кокосовое молоко, немного подслащенное, разбавленное водой и небольшим количеством алкоголя. Совсем чуть-чуть. Ровно столько, чтобы боевой дух оставался на высоте. Алкоголь выветрился к вечеру, когда настала пора браться за работу.

Пираты сняли обычные паруса и заменили их черно-синими. Борта «Баллана» выкрасили в темный цвет, закрыли тканью все блестящие приборы и стекла. Дождавшись, когда солнце опустится за горизонт, они отплыли в черную ночь. Довиан заговорил в тишине, ободряя товарищей и раздавая последние указания. Никакого пафоса, никаких сложных инструкций. Он рассуждал о простых, повседневных делах, вспоминал былые приключения, высказывал свое мнение о некоторых членах команды — то, что считал нужным озвучить прилюдно. Так проходили часы.

— Огни впереди! — крикнул моряк на марсовой площадке. Через несколько секунд Шпрот уже влезал на край маленькой платформы, совершив подъем на максимальной скорости.

— Кабы я не знал, решил бы, что это город, — сказал пират. — Большой город, как Бокум. — Он помолчал мгновение. — Нет, еще больше. Как Алесия.

И даже это было преуменьшением. Дело не просто в количестве огней, подумал Шпрот. Суть в том, что они видны на горизонте, хотя до них, похоже, еще много миль. Трудно вообразить подобные масштабы. Шпрот не мог отделаться от ощущения, что впереди берег, большая земля. Он стоял на марсе, пока Довиан не приказал свернуть один парус, а потом и второй. Теперь предстояло двигаться на веслах. Шпрот сам присоединился к гребцам и размеренно работал веслом, приспосабливаясь к медленному ритму, что задавал Нинеас. Он был спокойным и ровным, словно биение сердца корабля, которое нельзя услышать, а можно лишь почувствовать...

Некоторое время спустя юноша вернулся к Довиану и остановился у борта, созерцая

чудовище, что росло в размерах с каждой минутой. Шпрот пытался охватить взглядом огромный комплекс строений и хотя бы примерно оценить его размеры. Трудно поверить, что все это плавало на волнах. Платформы казались каменной твердыней, чье основание пронзало океанские глубины и крепилось к дну. Ровные однообразные стены поднимались над волнами на сотню футов. И только здесь их строгая геометрия нарушалась, сменяясь балконами, террасами, башенками и светящимися окнами. Сколько же людей мог вместить плавучий город? Полмиллиона душ? Миллион? Или больше?.. Пираты подплывали все ближе, в полнейшем молчании — и не только потому, что осторожность требовала тишины. Они лишились дара речи и просто смотрели на исполинские платформы — изумленно и недоверчиво.

Вскоре за южным краем платформы открылась цель — огромное прямоугольное строение размещалось в некотором отдалении от главного комплекса. Темная громада, лишь немногим чернее ночи, освещенная тусклыми сигнальными маяками на каждом из углов. Плавучий мост в четверть мили длиной соединял его с остальными платформами. Он был широк, как лучшие дороги в империи и чуть заметно покачивался на волнах — огромный левиафан, поднявшийся к поверхности вод.

— Скажи команде, пусть приготовят шлюпку, — велел Довиан. — Подойдем немного ближе и спустим ее на воду. Клайтус и Пичуга проверят замок. Отдай им ключ.

— Клайтус и Пичуга?

— И шестеро вооруженных гребцов. Они справятся. Отправь их и возвращайся. Я хочу, чтобы ты был здесь, со мной. И внимательно меня выслушал.

— Нам нужны фишки для жребия! — вспомнил Шпрот.

— Делай, как я говорю. Отправь их и возвращайся ко мне.

Шпрот повиновался. Некоторое время спустя он подошел к Довиану с небольшим мешочком в руке. Внутри лежали деревянные обломки, один из них был помечен. Шпрот посмотрел на склады и отыскал взглядом маленькую лодку, что шла на веслах в сторону моста и вскоре исчезла в тенях. Через несколько секунд юноше показалось, что он видит на мосту темные человеческие силуэты, но они тут же исчезли. Потянулись мучительные минуты ожидания. Пичуга и Клайтус ушли в неизвестность, опираясь лишь на те сведения, которые предоставил штурман.

«У ворот дежурят несколько охранников, — говорил он, — но если будете вести себя тихо, вас скорее всего не заметят».

Штурман объяснил, что за все время существования платформ их никогда не атаковали всерьез. Лига полагала, что удаленность от земли служит ей хорошей защитой. Добавьте к этой природной преграде огромные стены и репутацию Инспектората Иштат. Плюс необычные ключи, которые хранились у самых доверенных сэров, безоговорочно лояльных Лиге. Все это было достаточной гарантией безопасности. Охранники стояли у ворот больше для проформы и не ждали беды.

«Если вам повезет, — сказал штурман, — они и вовсе будут спать».

Шпрот не знал, стоит ли доверять этому человеку. Он мог завести их в ловушку. Впрочем, единожды начав, выдавать тайны Лиги, штурман в конце концов разоткровенничался. Он с такой готовностью отвечал на вопросы, что Нинеас пробормотал: «Сдается мне, этот парень уже метит в пираты».

В самом деле: штурман, казалось, предвидел вопросы и отвечал еще прежде, чем они были заданы.

Не надо соваться к главным воротам, сказал он. Ворота эти находятся на фасаде, напротив моста, но пиратам следует проплыть вдоль стены на юг, к боковому входу. Он используется, если нужно попасть на склад с воды. Это высокая узкая дверь с единственной замочной скважиной в центре. В нее надлежит вставить ключ — полностью, как в детских деревянных головоломках, которые собирают из кусочков. Поворачивать ничего не надо; как только ключ встанет на место, дверь будет отперта. Внутри хранится масса разных вещей, а также сырье, заготовки и какие-то машины. Штурман не мог описать их в подробностях, но

этого и не требовалось. Пиратам нужен был только склад горючего вещества — самый большой в Изученном Море. Штурман не стал выяснять, что они собираются там делать...

Тянулись бесконечные минуты. Шпрот горько сожалел, что не отправился к платформам вместе с Пичугой и Клайтусом. Он должен был взять этот риск на себя. В конце концов, именно Шпрот привел сюда пиратов. Так почему же не он пошел на опасное задание? Да, Довиан отдавал приказы, и Шпрот повиновался, но он мог хотя бы спросить...

Внезапно, прежде чем юноша понял, что происходит, Довиан протянул руку, выхватил у него мешочек со жребием и швырнул за борт.

— Я пойду, — сказал он. — Не спорь со мной. Пока еще я здесь командую, и таков мой приказ. Мне просто хотелось, чтобы ты узнал первым. Остальным скажем вместе. Пойдем.

— Нет! — Шпрот упер ладонь в грудь Довиана. — Нет, мы будем тянуть жребий. Мы ведь договорились! Нельзя...

Горячая ладонь Довиана накрыла руку юноши.

— Успокойся. Я болен. Собственно, я умираю. Я понял это уже довольно давно и только думал, как лучше попрощаться с миром.

— Ты не можешь умереть! — Шпрот понимал, что это звучит глупо, по-детски, но не мог совладать с собой. — Ты не можешь бросить меня...

— Здесь ты неправ. Я отдал тебе все, что имел. Лучшие годы моей жизни — те, что я провел с тобой, малыш. Я вложил в тебя всю свою мудрость. Не так уж много ее было, что правда — то правда, но я выучил тебя всему, чему должен научить отец, разве нет? Отцы живут для того, чтобы увидеть, как их сыновья становятся мужчинами. Только тогда они могут покинуть их. Вот теперь пришел и мой срок.

Шпрот снова заметил движение на мосту. Затаив дыхание, он вглядывался в темноту, пока не увидел, как лодка вынырнула из теней, направляясь к «Баллану». Теперь юноше хотелось, чтобы она остановилась. Ему нужно было время...

— Мы ведь договорились, — сказал он Довиану. — Ты не должен...

Старик вздохнул.

— В один прекрасный день ты сядешь на трон Акации. Сядешь — пусть даже сейчас в это не веришь. Если б мог, я бы остался рядом с тобой, я гордился бы таким сыном... но мое время истекло. Я не сумею помочь тебе так, как хотел бы. Однако я могу сделать кое-что другое. — Довиан положил руку на плечо юноши. — Позволь напоследок показать тебе еще одну вещь: как умирать со славой.

За разговором они упустили момент, когда пираты вернулись на «Баллан», но шепотки тут же разнеслись по всему кораблю. Ключ подошел! Склад открыт. Лазутчики убили двух охранников у главных ворот, а более никого живого в поле зрения не оказалось.

— Я превращу платформы в преисподнюю, даю слово. Перестань, Даризэл, не печалься. Я прошу тебя только об одном... Нет, о двух вещах. Ты ведь не откажешь мне? Знаю, что не откажешь. Так уж я тебя выучил.

Чуть менее часа спустя Шпрот приказал команде убрать весла и поднять черный парус. Ветер переменился. Он дул ровно и гнал корабль в океан. На восточном горизонте небо окрасилось красно-оранжевым цветом, знаменуя близкий рассвет. За кормой же по-прежнему были лишь чернота и тишина. Ничто. Безымянный страх, от которого Шпрот бежал всю свою жизнь.

Так прошло два часа. Люди начали перешептываться, опасаясь, что Довиана схватили. Никто не знал, с чем он встретится, проникая в отпертую твердыню. Возможно, их план провалился. Шпрот отошел от товарищей и встал на носу корабля. Что бы там ни случилось, Довиана больше нет. Это невозможно. Немыслимо. Хотелось остановить корабль, остановить движение времени...

Шпрот не успел додумать мысль. В этот миг душа Довиана отправилась к Дающему. Вспышка света, что провожала ее в дорогу, превратила ночь в день, а море — в черное зеркало. В его поверхности отражалось танцующее, вздыбленное небо. Шпрот не оглянулся.

Ему было страшно. В этот момент он был уверен, что бушующий пожар поднялся до самых высоких небес, вознося на языках пламени дух Довиана. Если обернуться и посмотреть на огонь, тот поглотит весь мир.

Странные, глупые мысли. Такие же несуразные, как перекрученная логика сна, которая и не логика вовсе. Шпрот понимал это и все-таки не обернулся. Он посмотрел на восточный горизонт и увидел, что здесь тоже разгорается пожар. Два пламени устремились друг к другу, окрашивая небеса в огненные цвета наступающего дня.

Глава 47

Мэна не пренебрегала жреческими обязанностями, но теперь львиная доля ее свободного времени была посвящена урокам Мелио. Они встречались каждый день, когда Мэна заканчивала свои дела в храме. Теперь молодые люди уже не беседовали, как в первые дни. Все их внимание было посвящено игре мечей. Мелио заявил, что давно не практиковался и никогда не пробовал себя как учитель, однако быстро приноровился к этой роли, словно был рожден для нее.

Через несколько дней после начала обучения Мелио отправился в горы в поисках подходящего дерева для тренировочного оружия. Здесь не рос ясень, который использовали на Акации, зато нашлась вполне подходящая крепкая древесина красноватого цвета. К концу первой недели оба фехтовали деревянными мечами. Они оказались легче, чем хотелось бы Мелио, но все же он был доволен. Каждый день молодой марох добавлял маленькие усовершенствования — шлифовал деревянный клинок, полировал его песком, делая оружие все более удобным и эстетичным.

Новое знание давалось Мэне легко. Положение тела, хват на рукояти, правильная стойка — все она запомнила моментально. Стоило Мелио один раз исправить ошибку, и Мэна больше никогда не повторяла ее. Сперва она изумляла наставника, но с каждым днем он относился к способностям Мэны все спокойнее, принимая их как должное. Мелио показывал разные типы ударов, учил передавать силу от ног к торсу и клинку. Мэна была в отличной физической форме. Она часто плавала в гавани и ныряла за устрицами; подобные упражнения шли на пользу телу. Мелио, однако, научил ее использовать группы мышц, о которых она раньше даже не подозревала.

Первую Форму — Эдифуса при Карни — Мэна выучила за три дня. Бой между Элисс и Безумцем из Каривена занял всего два. Мелио предложил пропустить Третью Форму, где рыцарь Бетерни использовал в бою «вилки демона», но Мэна не желала и слышать об этом. Она помогла Мелио изготовить деревянную версию небольшого, похожего на кинжалы, оружия. Целый день они резали и кололи, увертывались и кружились, приседали, уклонялись и атаковали друг друга короткими стремительными движениями, поднимали тучи пыли и перепугали слуганок. Девушки стояли на почтительном расстоянии, в ужасе созерцая, как их госпожа постигает искусство войны. Мэна оттачивала свои навыки, сохраняя невозмутимое, бесстрастное лицо богини. Она не выказывала усталости и никогда не уклонялась от вызова. Лишь утирала пот с лица и гордо выпрямлялась, готовая к новой схватке, даже если сердце колотилось как бешеное и в легких не хватало воздуха.

По ночам, одна в своей спальне, Мэна сворачивалась калачиком, прижимала колени к груди и плакала от боли во всем теле. Она не узнавала собственных рук. Они стали тоньше в некоторых местах и толще в других, их форма изменилась, рельефнее выступили мышцы. К счастью, Мэна знала, что такое — менять обличье. Изменившиеся контуры предплечий, сетка вен на тыльной стороне ладони, натянутые шнуры мускулов у основания шеи — все это принадлежало ей, Мэне. Не так уж сильно она изменилась. Иногда Мэне и вовсе казалось, что она возвращается к своему истинному облику, сдирая налипшую маску. Иной раз, в одиночестве, она раздевалась донага, любуясь своим новым телом. На людях, разумеется, Мэна делала все возможное, чтобы скрыть изменения.

Если жрецы и знали о ее новом увлечении — а они наверняка знали, — то никак не

демонстрировали это. Мэна, со своей стороны, не давала им повода укорить ее в недостатке рвения.

Она выполняла свои жреческие обязанности еще лучше прежнего, была расторопна и аккуратна, всегда приходила вовремя на вечерние ритуалы и специальные, церемонии, которые устраивались для приезжих паломников. Теперь Мэна бывала дома гораздо чаще, чем прежде, когда она проводила долгие часы в уединенной гавани. Она встречала молящихся в одеждах Майбен, ничем не выдавая нерешительности. За две недели Мэне пришлось дважды встретиться с несчастными родителями ребенка, унесенного орлом. Она говорила от имени богини и нашла нужные слова, которые понравились жрецам. Мэна никогда не делала этого прежде и не любила вспоминать то, что сказала плачущим и кающимися родителями.

— Не смотрите на небо, — заявила она в числе прочего, — если желаете, чтобы Майбен увидела вашу почтительность.

Как нечестно, думала Мэна, запрещать людям смотреть вверх. Не позволять им увидеть нечто, постоянно присутствующее рядом — так же, как земля и небеса. Она сама частенько искала взглядом крылатого хищника. Так зачем мешать людям делать то же самое? Мэна быстро поняла, что ее слова передавались из уст в уста. Очень скоро все поселение, а потом и весь архипелаг узнает о новом повелении Майбен Земной. Люди будут ходить с опущенными головами, не осмеливаясь поднять глаз... Верховный жрец Вамини был доволен Мэной, хотя никак не показал этого.

Мелио, напротив, не постеснялся высказать все, что он думал о ее служении богине. Они с Мэной иногда встречались по ночам и беседовали о дневных делах и планах на будущее. Они оба акацийцы, напомнил Мелио. Островные боги ничего для них не значат. Такие божки обладают невеликим могуществом, если вообще обладают. Служение им никоим образом не помогает людям наладить отношения с Дающим. А меж тем это самое важное. Только так можно восстановить правильный порядок в мире. Если Мэна желает молиться, ей стоило бы говорить на акацийском и обращаться к Дающему. Аливер может призвать ее в любой день; она должна быть готова — во всех смыслах этого слова.

— А ты тратишь время, вознося молитвы морскому орлу. Мэна сидела напротив Мелио. В доме горели тусклые свечи.

Ночной воздух был тих и неподвижен, и пламя свечей горело ровно, не колеблясь от ветра.

— Твоя Майбен ворует несчастных малюток...

— Перестань! — Мэна не могла слушать беспечные рассуждения о похищенных детях. — У меня нет выбора. Я — Майбен. Так уж получилось. Она вошла в меня, и я стала ею. Я была никем, когда...

— Ты была принцессой Акации.

— ...прибыла сюда. Я ничего не знала, ничего не имела. Просто маленькая девочка-сиротка. Я не говорила на их языке, все здесь было чужим. Я осталась совсем одна! Можешь ты понять, каково это?

— Выходит, богиня и тебя украла... А ты возносишь ей хвалы? — Мелио покачал головой, отвернулся и посмотрел в ночное небо. — Нет, мне не понять! Ты взрослая девушка, Мэна. Ребенка, о котором ты говоришь, больше не существует. Ты не богиня и знаешь об этом. И несчастные глупцы, которые поклоняются тебе, тоже знают. Вы все словно играете какой-то спектакль. Сами создаете иллюзии и сами в них верите. Майбен забирает детей, чтобы те прислуживали ей в ее дворце? Чушь! Твоя богиня — просто здоровенная прожорливая птица. Она живет на острове, на севере архипелага, и уж точно не во дворце. Этого орла надо не прославлять в молитвах, а выследить и подстрелить. Я видел его однажды. Будь у меня лук, я бы незамедлительно им воспользовался.

Мэна немного помолчала.

— Ты прав в одном: тебе действительно этого не понять, — сказала она.

Какие бы разногласия ни возникли у Мэны и Мелио в ту ночь, они были забыты наутро, когда молодые люди продолжили боевые упражнения. Мэна с легкостью освоила Четвертую Форму — Гетак Злонравный. С Пятой Формой, однако, возникли проблемы. Не то чтобы способности Мэны дали сбой. Напротив. Просто девушке казалось, что Форма мешает развитию ее навыков. Неужели так важно, как именно жрец Адавала победил двадцать волкоглавых стражей мятежного храма Андара? Изучая Шестую Форму, Мэна поняла, что ее сомнения усиливаются. Она чувствовала разницу между атаками в фехтовальных упражнениях и ударами, которые она наносила бы, если бы действительно хотела убить противника. Вычленив эти отличия, Мэна задумалась, зачем терять время, атакуя в манере, которая отлично известна партнеру. Да, повторяющиеся движения Формы укрепляют тело и обостряют рефлексy, но они не приспособлены для практических целей.

Однажды Мэна остановилась на середине Шестой Формы, порядком рассерженная.

— Это все сплошные танцы. Неудивительно, что наша армия пала, едва успев вступить в бой. — Мелио запротестовал, но Мэна жестом дала понять, что никого не хотела обидеть. Она утерла пот со лба и некоторое время размышляла, как бы яснее выразить свою мысль. — Зачем изучать мифические поединки? Предтеча одолевает богов Ифема!.. Что нам с этого проку? Мы то ведь не собираемся драться с богами Ифема. Зачем учить такие приемы?

Мелио собирался ответить, но Мэна не дала ему вставить слово.

— Все эти вещи, которым ты меня учишь, очень неплохи, — продолжала она, — но, по-моему, они связывают меч, а не освобождают его. Ты говорил, что Формы — основа боевой системы?

Мелио кивнул.

— Тогда ты сам видишь проблему. Мелио отнюдь не был уверен, что видит ее.

— Смотри. Я держу в руке деревянный меч. Но ведь предполагается, что это настоящее оружие — сделанное из стали, откованное и заточенное с одной-единственной целью. Какой?

Учитель ответил гладкой фразой, от которой пахло заученной аксиомой:

— Меч связывает бойца с его противником. Правильное использование клинка раскрепощает тело и разум. Острое лезвие — инструмент острого ума...

— Нет! — Мэна нетерпеливо покачала головой. — Чтобы рубить! Вот цель. Я ничего не знаю о «раскрепощении разума». Если я вынимаю меч из ножен, значит, я собираюсь им рубить. Не парировать, не танцевать, не выделять финт, который отлично известен противнику. Меч — оружие. Я хочу научиться использовать его именно так.

— Настоящая схватка не похожа на наше фехтование, — ответил Мелио. — Особенно если речь идет о врагах, не знакомых с Формами. Тем не менее, зная много разных комбинаций, можно использовать их в зависимости от ситуации, инстинктивно, не думая. Это важно, если дело решает скорость.

Мэна слегка наклонила голову и смирila Мелио взглядом. Он говорил медленно и серьезно — истинный наставник, обучающий новичка основам. Мэна опустила глаза и поджала губы, удерживая слова, которые готовы были вырваться наружу.

Наконец она не выдержала:

— Подними меч. Попробуй ударить меня — если сумеешь сделать это раньше, чем я тебя достану.

— Кто первый коснется противника, да?

— Да, — откликнулась Мэна, — можно и так сказать.

Оба стали в боевую стойку. Мэна чуть поклонилась партнеру, и Мелио повторил ее движение. Секунду спустя поединок начался. Мэна была готова к нему лучше, чем Мелио. Она нанесла простой и стремительный удар. Низко присев, Мэна резко и быстро полоснула Мелио по левой ноге, как раз под коленом. У него не было ни шанса парировать удар. Нога подвернулась; Мелио скривился от боли и упал на колено. Мэна подошла и встала над ним; кончик ее клинка слегка упирался Мелио в живот.

— Прости, но я была права. Зачем выпячивать пятьдесят движений, если хватает

одного?

Мелио посмотрел на нее снизу вверх, в его глазах скользнула тревога. Мэна протянула руку и помогла ему подняться.

С этих пор их уроки заметно изменились. Мэна изучила оставшиеся Формы, быстро запомнив их и отточив движения до совершенства. Она делала это небрежно, просто для того, чтобы не огорчать Мелио. Однако вся полнота ее внимания была теперь сосредоточена на настоящих схватках «до первого касания». Она убеждала Мелио сражаться с ней снова и снова. В первые дни Мэна наносила больше ударов; казалось, Мелио принимал новые правила не слишком охотно. Теперь суть была в том, чтобы любым способом достать мечом до тела противника. Получая все новые и новые удары, Мелио постепенно входил в раж и старался отвечать Мэне тем же. В скором времени их быстрые схватки в три-четыре взмаха клинком растянулись до семи-восьми, а потом счет пошел на десятки движений.

По ночам Мэна по-прежнему лежала без сна, скорчившись на постели. Все мышцы ныли, ломило кости, тело сплошь покрывали синяки и ссадины. Тем не менее Мэна чувствовала, что прогресс налицо. Она начала раздумывать о технике, которой Мелио ее не учил. Один раз во время схватки Мэна прижалась к Мелио, прилипла к нему как клей, так что ни один противник не мог нанести эффективный удар. В другой раз она грубо толкнула Мелио плечом и быстро отпрыгнула назад, и этот прием застал партнера врасплох. Мэна научилась бить по клинку так, что он вылетал из рук Мелио, и прижимать свой меч к мечу противника, стремясь, чтобы клинки не отскакивали друг от друга, а будто слипались между собой. Временами она неожиданно замедляла ритм движений или полностью меняла его, заставляя Мелио спотыкаться и промахиваться.

Мэна точно не знала, насколько искусен ее наставник, но как-то утром одного дня, ближе к концу первого месяца весны, они с Мелио фехтовали до полного изнеможения. Оба были равно хороши. Потом Мэна огорошила Мелио серией стремительных наскоков, быстро меняя положение тела и атакуя с разных сторон. Хотя Мелио парировал удары, на его лице застыло изумление. Он понял, что партнерша могла без труда поразить его единственным скользящим ударом, зацепив шею, бок и колено и не потеряв при этом инерции.

Некоторое время Мелио стоял неподвижно, тяжело дыша и глядя на Мэну из-под темных прядей влажных от пота волос, облепивших щеки и лоб.

— Кто бы мог подумать, что принцесса Мэна Акаран окажется для меня первым достойным противником?

— Не смотри на меня с таким удивлением, — откликнулась девушка. — Я всего лишь доказала, что мы равны.

— Легко сказать. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Если я хочу учиться дальше, мне придется найти другого партнера. Ты слышал о бойцах на палках?

Мелио высказался категорически против этой идеи. Он вновь объяснил Мэне вещи, которые она уже знала. И все равно счел нужным повторить; ему казалось, что Мэна их игнорирует.

Дело в том, что приемы и техника боя на палках принципиально отличаются от фехтования мечом. Палка не рубит и не режет, но это не значит, что она безопасна. Ею можно нанести серьезные увечья и даже убить. Бойцы собирались из всех окрестных деревень. Как правило, это очень бедные люди, которые провозглашали, что в них течет кровь воинов, но не могли себе позволить никакого оружия, кроме вырезанной в холмах палки. Они сражались друг с другом, стараясь заработать хоть несколько монет из поставленных на них денег. Пока зрители делали ставки, бойцы вели шуточные поединки, кривлялись и веселили толпу. Однако, когда дело доходило до схватки, шутки заканчивались. Случалось, палкой выбивали суставы, ломали руки, били в живот — так, что начиналось внутреннее кровотечение. Мелио видел, как одному человеку раскроили череп, видел бойца, ослепшего на один глаз и другого — с раздробленной ключицей, которая никогда уже не заживет. А еще один боец, истинный мастер своего дела, умудрился с такой

силой огреть противника по спине, что у того отнялись ноги. От удара человек рухнул на землю и с тех пор уже не мог ходить.

— И с такими вот людьми ты хочешь сражаться?

В бою на палках Мэна рискует получить серьезные увечья. Зачем ей это? Где смысл? Она слишком много о себе возомнила, если думает, что месяц тренировок с мечом подготовил ее к подобному испытанию. Вдобавок, когда дело вскроется, ярости жрецов не будет предела; они могут нарушить все планы.

Мелио приводил все новые и новые аргументы, однако толку от них было мало. А вернее сказать, не было никакого. Настал день, когда Мэна отправилась в круг. Она подкрасила кожу соком ежевики, придав ей странный, но не то чтобы совсем уж необычный оттенок. Плотнo обмотав торс тряпкой, Мэна спрятала свои небольшие грудки, оделась в простую рубаху и штаны, какие носил на Вуму рабочий люд, и подвязала волосы на мужской манер. В заключение Мэна подержала лицо над дымом, открыв глаза, так что они покраснели словно у завязного курильщика миста. Пожалуй, она выглядела немного странновато, зато никто не признал бы в ней жрицу Майбен.

В сопровождении Мелио она отправилась в город и разыскала палочных бойцов, собиравшихся на дальней окраине Риуната. Найти их оказалось нетрудно. Попасть в круг, подумала Мэна, будет посложнее. Она протолкалась сквозь толпу мужчин. Здесь были старики и молодежь, рабочие и докеры, фермеры с холмов и городские мальчишки. В толпе стоял тяжелый, удушливый запах пота и миста. Мэна узнавала лица, которые видела на церемониях. Но сейчас она не была Майбен и не носила облик богини. Дистанция, отделявшая Мэну от простого народа, исчезла.

Распорядитель круга приблизился к ней, смерил девушку взглядом с головы до ног, ухмыльнулся. Мэна думала, что он потребует назвать себя, доказать свое право здесь находиться, но ему было наплевать, кто она и откуда. Только дело имело значение. Человек лишь сообщил, что все новички сперва должны заслужить право состязаться — провести первый бой с нынешним чемпионом и внести вступительный взнос. Деньги, разумеется, никто не вернет, зато новичок получит возможность участвовать в боях с равными себе противниками и пробиваться наверх.

— А если я выиграю? — спросила Мэна, стараясь говорить хриплым и низким голосом. — Тогда я стану чемпионом круга?

Мужчина рассмеялся.

— Если ты выиграешь, то заслужишь место на дне, вот и все. Хочешь драться?

— Конечно.

— Тогда будешь биться с Тето, — сказал распорядитель.

Тето, нынешний чемпион круга, не возражал оказать новичку маленькую услугу. Он протолкался через толпу потных тел и вступил в круг, посыпанный чистым песком, где ждала его Мэна. Свое оружие Тето небрежно держал под мышкой, но едва он оказался в кругу, как палка словно сама собой скользнула в ладонь. Пальцы сжали обмотанную кожей рукоять. По манере движений Тето совсем не походил на Мелио. Он шел босиком, ступая осторожно, легко и плавно, часто приподнимаясь на носки. Ноги, перевитые веревками мышц, поддерживали крепкий жилистый торс. Голова казалась самой массивной частью тела; глаза, глубоко посаженные глаза смотрели на Мэну мрачновато и недобро.

Мэне некогда было рассуждать. Тето, недолго думая, начал поединок. Мэна ответила. Некоторое время она принаравливалась к противнику и решила, что лучше всего будет использовать силу Тето против него самого. Она никогда не делала этого раньше и не имела опыта, однако с первых же секунд поняла, что именно на силу Тето делает ставку в бою. Он всецело полагался на нее — и напрасно. Мэна парировала удары; когда палки сталкивались, она не пыталась передавить противника, а просто блокировала его оружие, заставляя палку отпружинить и соскользнуть вниз. Тето не был готов к такой манере боя. Он бил снова и снова, сильнее и сильнее, и мало-помалу начинал злиться. Тето наращивал скорость, но каждый раз, когда он касался палки Мэны, та ускользала, словно он колотил по тяжелой

веревке. И сила, вложенная в удар, уходила в никуда.

Поединок закончился так быстро, что зрители не сразу это осознали. Тето кинулся к Мэне, держа палку перед собой, словно желал пронзить противника насквозь или сбить с ног одним сильным толчком. Мэна слегка коснулась его палки и ушла с линии атаки, позволяя оружию Тето в очередной раз соскользнуть вниз. В следующий миг она вскинула собственную палку и, вложив в движение всю силу, ударила противника в кадык. Тем все и кончилось. Тето упал на песок, держась за горло и извиваясь от боли. Его хриплый вопль был единственным звуком на арене. Минуту несколько секунд, прежде чем зрители поняли, что произошло. Они молча переводили взгляд с одного бойца на другого, не веря глазам. Некоторые изумленно моргали, словно это могло вернуть миру привычный порядок вещей и изменить исход поединка. Мэна оставила их недоумевать, повернулась на каблуках и выбралась из толпы.

— Неужто тебе совсем не было страшно? — осторожно спросил Мелио, когда они шли по узкой улочке в сторону храма.

— Не знаю... — Она не лукавила. Мэна позабыла, что существует такая вещь, как страх. Стоя перед Тето, она чувствовала лишь возбуждение боя и видела цель. Теперь Мэна вспоминала об этом с восторгом и упоением. — Я просто знала, что могу побить его. Понимала, что нужно соблюдать осторожность, но страха... страха не было.

— Он так махал палкой, будто всерьез намеревался тебя изувечить.

— Думаю, да.

Некоторое время оба молчали. Когда они подошли к зарослям кустарника возле ее дома, Мелио проговорил:

— Могу я попросить тебя не делать так больше?

Мэна обернулась к нему и встретила взгляд темных глаз Мелио. Помолчала, рассматривая его лицо, растрепанные волосы и изогнутые губы. И внезапно поняла, что теперь в присутствии молодого мараха чувствует себя совершенно иначе, нежели в тот день, когда они встретились впервые. Она была в ладах с самой собой, ощущала необычное умиротворение — особенно в компании Мелио. Неужели все эти прыжки с мечами могли так сблизить их? Случалось, во время боя их тела, влажные от пота, прижимались друг другу в яростном противостоянии; каждый стремился возобладавать; любая ошибка обозначала боль и унижение. В глубине души Мэна понимала, что они с Мелио стали друг для друга чем-то особенным, только не знала, как выразить это словами. В конце концов она просто сказала:

— Спасибо за все, чему ты научил меня.

Мелио пожал плечами.

— Да научил ли я тебя хоть чему-нибудь? Иногда мне кажется, что я просто напомнил о вещах, которые ты и так знала. Может быть, ты родилась с этим даром, Мэна. Не смейся. Я не шучу...

Он помолчал немного. На лбу обозначились складки, словно молодой человек раздумывал, не сказать ли что-нибудь еще. Да! Ему было что сказать. Мелио обуревали те же самые мысли, что и ее. Мэна прочитала это в его глазах. Хотя все ее тело пело от восторга и нарастающего возбуждения, Мэна похлопала Мелио по руке, повернулась и быстрым шагом направилась к дому.

Ванди ожидал ее у ворот. То, что он сказал, испугало Мэну. Ей нужно быть в храме сегодня, через два часа. Это могло означать только одно: Майбен забрала еще одного ребенка. Четвертый малыш за два последних месяца... Без единого слова прощания Мэна оставила Мелио снаружи и в сопровождении жреца вошла в дом. Ванди подождал, пока Мэна разделется и отправится в ванную. Она яростно оттирала от кожи сок ежевики, а Ванди глядел на нее зеленоватыми глазами, и его губы были плотно сжаты. Он ничего не сказал и ни о чем не спросил, хотя, разумеется, отлично разглядел маскарадный наряд молодой жрицы. Он даже видел, как она передавала Мелио свою палку.

Мэна долго и тщательно умывалась, но так и не сумела окончательно избавиться от пятен. Они с Ванди отправились в храм, где жрец помог девушке облачиться в наряд богини.

Служанки втерли в кожу ароматные мази и нанесли грим на лицо. К тому времени как они привели в порядок прическу и вставили в волосы шипы, Мэна окончательно опомнилась и вошла в роль богини. Тело остыло, дыхание выровнялось; девушка стерла со лба капли пота, угрожавшие повредить ее грим. Мэна опять вспомнила о поединке. Сражаясь с Тето, она не чувствовала страха — как и сказала Мелио. Это была правда, Мэна не кривила душой. Она попыталась снова вызвать к жизни то же чувство, такую же отвагу. Но глядеть в лица убитых горем родителей — не то же самое, что стоять на арене. Как ни старалась Мэна, ничего не вышло. Ей было неудобно и тоскливо.

Настал момент, когда пришлось выйти в храмовую залу и сесть на трон богини. Вамини стоял на своем обычном месте подле девушки. Он расправил одежды и замер, повернувшись к Мэне боком и глядя вперед. Все как всегда. Однако Танин — второй жрец — встал по другую сторону от трона, и это было уже не совсем обычно. Танин смотрел на Мэну в упор пристальным, задумчивым взглядом, так, что ей стало не по себе.

— Жрица, возможно, тебе будет интересно узнать, — проговорил Танин, — что вчера в Галат прибыл отряд иноземных воинов.

Мэна сделала все возможное, дабы унять бурлящие чувства. Стараясь, чтобы голос звучал как можно более оавнодушно и нейтрально, Мэна спросила:

— Что им надо?

— Мы думали, у тебя есть мнение на их счет, — сказал Вамини.

— Откуда бы? Если я узнала только сейчас. Никто из жрецов не ответил.

— Я... до меня доходили слухи, что на большой земле может начаться война. Если это и впрямь так, не исключено, что воины желают попросить нашей помощи.

— Может быть, так, — откликнулся Вамини, — а может, и нет. Они якобы ищут пропавшего ребенка и полагают, что он живет на Вуму. В любом случае это не наше дело. У нас хватает других проблем и помимо иноземцев. Богиня недовольна жителями острова — вот что имеет первоочередное значение. Сперва нужно задобрить Майбен. Потом решим, что делать с этой делегацией.

Вамини явно дал понять, что тема закрыта, но Мэну интересовали еще некоторые подробности.

— Иноземцы... к какому народу они принадлежат?

— Откуда мне знать? — буркнул Вамини.

— Они бледные, — сказал Танин. — Такого же цвета, как кожа свиньи.

Не самое красивое описание. Впрочем, по словам Танина трудно было сказать, насколько оно точное.

— Думаю, мне следует встретиться с ними, — сказала Мэна. — В облике Майбен, я имею в виду... Может быть, Майбен хочет, чтобы народ вуму сыграл свою роль в мировых событиях. Если я увижу их как воплощенная богиня, то смогу понять, что ей угодно.

— До сих пор у тебя это получалось плохо! Четверо детей исчезли с тех пор...

— И в чем моя вина?! Я терпеть не могу, когда богиня забирает детей. Я готова на все, чтобы остановить ее.

Вамини прикрыл глаза, слегка опустив голову. Он кипел от гнева.

— Ты забываешься, девочка. Мне не хотелось верить, но поговаривают, будто ты сражаешься на деревянных мечях. Это правда?

— В стенах своего дома я вольна...

— Значит, правда! — Вамини и Танин переглянулись. — Ты должна прекратить свои игры. Люди болтают, жрица. В стенах своего дома ты вольна делать многое, но не все. Ты не имеешь права позорить Майбен.

Занавес в дальней части залы пошевелился, указывая, что несчастные родители готовы войти. Вамини заметил это, однако продолжал:

— Ты немедленно прекратишь свои занятия. А твой друг — да, я знаю о нем — уедет отсюда на следующей неделе, на корабле купцов. Если он останется, ему несдобровать. И тебе тоже.

Процессия вступила в зал. Мужчина и женщина, сопровождаемые младшим жрецом, двигались вперед медленно и почтительно, опустив головы, придавленные горем. Увидев их, Мэна почувствовала, как бешено заколотилось сердце, и мгновение спустя поняла почему. Хотя лица супругов были опущены, Мэна узнала их. Они уже приходили сюда прежде. Та самая пара, которую она видела лишь неделю назад. Те самые люди, потерявшие свою девочку. Если только глаза не лгали... если это и впрямь были те же маленькие жители холмов...

— Нет, — прошептала Мэна. — Только не они... Я обещала, что богиня не заберет их последнего ребенка.

Вамини резко обернулся к ней.

— Глупая девчонка! Ты не имела права давать такие обещания. Смотри на этих людей, смотри внимательнее. И пожинай плоды своей гордыни!

Глава 48

Утесы неподалеку от Мэнила притягивали взгляд своей изумительной красотой. Черные, как ночное небо, вертикальные базальтовые стены вырастали из морских волн и вздымались на две тысячи футов над водой. Наверху и внизу, повсюду в расщелинах камня были втиснуты виллы. Некоторые в буквальном смысле висели на уступах, благодаря хитрым архитектурным конструкциям, которые изумляли Коринн до глубины души. Дома были выкрашены в бледные цвета — голубые и сиреневые. Тут и там виднелись флаги и штандарты, трепетавшие под сумасшедшим ветром.

Некоторые из вилл принадлежали акацийской знати, а некоторые — богатым купцам, поэтому Акараны никогда не снисходили до того, чтобы покупать здесь недвижимость. Однако другие, не столь привередливые члены королевского рода не гнушались соседством с простолюдинами. Подруга детства Коринн, чья семья имела загородный дом на скалах Мэнила, рассказывала, что нижние этажи сделаны из толстого стекла, и можно увидеть море, бушующее в сотне футов внизу. Она хвасталась, что, встав с постели в спальне, может пройти по комнате, любуясь волнами и чайками под ногами. В то время Коринн не поверила девочке, но вспомнила ее рассказы, едва увидела Мэнил.

Чтобы добраться до особняков с моря, нужно было высадиться в закрытом порту, ограниченном с моря высокими блоками волноломов. Утром погожего дня акацийской весны Коринн сошла с корабля на каменный причал в сопровождении Хэниша Мейна. Они сели в коляску с открытым верхом и начали головокружительный подъем по бесконечным пандусам, взбираясь на утесы. Общаясь с Хэнишем, Коринн все еще пыталась сохранить отчужденность и холодное равнодушие, но ей становилось все сложнее и сложнее носить эту маску. Хэниш был с ней невероятно мил и заботлив; в последнее время он уделял Коринн гораздо больше внимания, чем раньше. После их совместного отдыха в Калфа-Вен Хэниш все чаще приглашал Коринн в путешествия. А их было несколько. Каким-то образом Хэниш сумел убедить ее отправиться с ним в Бокум и показал городские достопримечательности. Он приходил к принцессе и заговаривал с ней, нарушая ее одиночество, однако Коринн не гнала Хэниша прочь, а отвечала ему — на удивление учтиво и охотно. Она по сей день втыкала в него свои колючки, но Хэниш становился все обходительнее, все любезнее... И Коринн сознавала, что не в силах дать ему достойный отпор.

Вилла, где они собирались остановиться, роскошная и комфортабельная, предназначалась для отдыха и была выстроена и обставлена так, чтобы подчеркнуть достаток владельца и предоставить гостям все возможные удобства. Некогда этот дом принадлежал акацийской семье. Возможно, Коринн даже знала прежних хозяев... Впрочем, она не спрашивала. Такие вещи уже не волновали ее, как прежде. Акацийцам когда-то принадлежало все и вся. Теперь их богатствами владели мейнцы. В свое время Коринн воспринимала этот факт как личное оскорбление, но с годами становилось все сложнее помнить о нем. Она поднатрела в языке мейнцев. Их культура, казавшаяся сперва чуждой и

непонятной, смешивалась с акацийской — по крайней мере в придворных кругах — и переплеталась так тесно, что порой трудно было понять, где заканчивается одна и начинается другая.

Вилла стояла на площадке между утесами, цепляясь за скалы. Одна комната словно перетекала в другую; возникало чувство, что они двигаются, дабы приладиться к вашему перемещению. Такая планировка несколько сбивала с толку, хотя в целом производила приятное впечатление. Мозаичные узоры на полу изображали океанские волны, увенчанные белыми шапками пены. Дельфины выпрыгивали из воды, рыбаки плыли в крошечных лодках, наклоненных под странными углами: будь суденышки настоящими, они неизбежно перевернулись бы. Оставшись одна в своей комнате, Коринн провела немало времени, ползая по полу на коленях и рассматривая детали. Как же искусно сделана мозаика! Особенно ей нравились рыбаки, которые находились вроде бы на грани крушения, но их улыбочивые лица заставляли поверить, что все это не всерьез.

В первый вечер их ожидал банкет, подготовленный радушными хозяевами — мейнскими нуворишами. Хэниш был вполне любезен с ними, хотя на самом деле они не слишком его интересовали — несмотря на их неустанные усилия превознести вождя до небес. Его не особенно вдохновляли ни компания, ни музыка, ни еда с выпивкой. Хозяева и гости делали все возможное, чтобы обратить на себя внимание Хэниша — героя, единственного мейнца, которому удалось сесть на трон и подмять под себя империю, великого вождя, кто был способен снять древнее проклятие. Люди наперебой восхваляли его, но Хэнишу было на это плевать. Его интересовала только Коринн, и только ей был посвящен вечер. Принцесса больше не могла лгать себе: ей нравилось общество Хэниша. Нравилось слушать его рассказы и отвечать на вопросы. Нравилось, что эти серые глаза смотрят только на нее, пока остальные гости лезут из кожи вон, чтобы добиться расположения вождя. Прежде Коринн сочла бы это обычной надменностью; теперь она понимала, что Хэниш и впрямь ценит ее общество превыше любого другого — и наслаждалась этим.

Хэниш расслаблялся в компании Коринн — даже когда его мысли были заняты сложными государственными делами. Он рассказывал ей, как продвигается кампания Лиги против Внешних Островов. Все оказалось далеко не так просто, как полагал сэр Дагон. Лиге сильно подгадил пиратский капитан по прозвищу Шпрот. Забавное имя; несомненно, пират хотел выставить себя мелким, безобидным человечком — вроде неприметной рыбешки. Однако он натворил таких дел, что назвать его безобидным не поворачивался язык. Начать с того, что он искалечил боевой корабль Лиги и убил вице-адмирала. А некоторое время спустя тот же пират совершил налет на сами платформы. Он устроил на складе смолы взрыв, который разворотил одну из платформ, а горящие брызги вызвали сильнейший пожар. Полыхало даже то, что упало в воду. Огонь перекинулся на другие платформы; пожары пылали почти неделю, прежде чем удалось локализовать и потушить их. Ущерб был таков, что Лига задержала весеннюю поставку миста, задолжав всем провинциям. Потребуется немало времени, чтобы оправиться после нападения.

— Вот таких дел натворил маленький шпрот, — подытожил Хэниш и тут же махнул рукой, словно говоря, что все это, в сущности, ерунда. — Ладно. Лига очухается и будет сильнее прежнего. Ресурсов у нее вполне достаточно. Так, во всяком случае, они говорят, а я предпочитаю им верить. Удар по Лиге — удар и по нам.

— А вы не думали о том, чтобы порвать с ними?

— С Лигой? — переспросил Хэниш.

Коринн поколебалась секунду.

— Я знаю, что Лига была рядом много веков, но если они не могут защититься даже от шайки пиратов... почему бы не вести торговлю без посредников?

— Вы и представить не можете, как они сильны. Лига контролирует все мировые дела, у нее повсюду рычаги влияния. А самое, пожалуй, важное — то, что очень многие нынешние толстосумы и власть имущие приобрели свои богатства и положение благодаря Лиге. Они будут держаться за нее до конца. Так было во времена вашего отца, и теперь не изменилось.

— Вы никогда не упустите случая напомнить, что мой народ повинен во всех бедах мира, — сказала Коринн, чувствуя, как в душе вздымается гнев. — Мы, злодеи, установили Квоту, мы распространили мист, мы учредили рабский труд на рудниках. Вы все время тычете меня носом в мерзости, словно виновата я. Вы кричали, что уничтожите все несправедливости, сделаете мир лучше — и что же? Сделали? Вы убили рабовладельцев, да только вот не освободили рабов, а просто заняли место прежних хозяев!..

Хэниш перебил ее и беспечно, словно не было этой длинной возмущенной тирады, спросил:

— Не потанцуете со мной?

Коринн смерила его холодным взглядом.

— Мейнская музыка не годится для танцев.

Она не пыталась оскорбить Хэниша. В сравнении с полноразмерной, плавной музыкой акацийских инструментов, отрывистые ритмы Мейна казались Коринн лишенными гармонии, а мелодии — скучными и непредсказуемыми.

— А если бы была подходящая музыка, вы бы пошли танцевать?

Не дождавшись ответа, Хэниш взял принцессу за руку, сжал ее тонкое запястье между большим и указательным пальцем и повел к центру залы.

— Многие века мейнские музыканты играли подобные мелодии, и люди танцевали под них, отыскивали ритм, подходящий для движений двух тел. Может, такой ритм трудно ухватить, но это не значит, что его вообще нет.

Хэниш обнял Коринн за талию и притянул к себе. Она дернулась, пытаясь высвободиться, и шагнула назад. Хэниш, однако, не выпустил ее, а подался вперед, вслед за ней. Движение оказалось неожиданно гармоничным. Его шаг вперед был так хорошо подогнан к ее шагу назад, что принцесса и впрямь углядела в этом какой-то хореографический элемент. Как ни старалась Коринн, она не могла нарушить заданный Хэнишем ритм и в конце концов бросила попытки. Просто изумительно, как легко, как изящно он двигался, плетя все новые и новые узоры танца. И с каждой секундой танец этот нравился принцессе все больше...

— Коринн, — сказал Хэниш, — я не стану притворяться, будто у меня есть достойный ответ на ваш вопрос. Я не сделал мир лучше и признаю это. Но я сделал его лучше для своих людей. Поверьте, они заслужили награду. Ни один народ не страдал так, как мы.

— Надо полагать, это тоже моя вина.

Хэниш продолжал танцевать, опустив взгляд. В его глазах Коринн увидела странное выражение, которое не сумела понять.

— Не ваша лично, но вашего народа, да. Ваши люди породили Тунишневр. Создали их. Тинадин заполучил трон обманом. Вы, должно быть, считаете меня коварным и вероломным, Коринн? Тогда вам следует побольше узнать о собственных родичах. Надев корону, Тинадин обратил свою силу против моих предков и наложил на них проклятие. Он был чародеем. Ему достаточно было произнести слова, чтобы они воплотились в жизнь.

— Сантот, — пробормотала Коринн. — Вы говорите о сантот.

Хэниш кивнул.

— Тинадин имел дар, какой, может, был бы и у вас, если бы вы знали, как им пользоваться. Он проклял род Мейн, наказал нас вечными муками. С тех пор никто из моих сородичей не обрел упокоения в смерти. Никто — за двадцать поколений. Наши тела не подвержены тлению. Наша мертвая плоть не горит. Мы не живем и не умираем до конца. Мы просто существуем.

К ним присоединились другие пары, старательно имитируя танец Хэниша и ожидая хотя бы мимолетного взгляда вождя. Коринн подумала, что Хэниш сменит тему, боясь быть услышанным, но он продолжал, даже не понизив голос:

— Нет более страшного проклятия, чем навечно оказаться запертым в ловушке между жизнью и смертью. Представляете, каково это, когда душа застревает в труп, существует там годами, столетиями, и конца этому не видно? Смерть приходит ко всем — людям,

зверям, деревьям и рыбам. Она приносит освобождение. Лишь мои предки лишены его. И я тоже. Вот что такое Тунишневр. Их становится больше с каждым проходящим годом. У акацийцев принято сжигать тела умерших и развеивать прах по ветру. В ваших обычаях сокрыто знание о проклятии и страх перед ним, даже если вы сами об этом забыли. Так часто бывает. Коллективная память хранит мудрость, которой нет у отдельных людей. Я хочу освободить своих предков, чтобы они, наконец, обрели покой. Вы могли бы помочь мне...

— Я?

Хэниш кивнул.

— Вы даже не подозреваете, как важны для нас.

— А правда ли, что вы способны общаться со своими предками?

— В некотором роде да.

— И что предки вам говорят?

Они врезались в пару, которая оказалась слишком близко. Хэниш остановился, опустил руки и ответил тихо, почти вкрадчиво:

— Много всего разного, Коринн. Прямо сейчас они говорят, что здесь становится слишком тесно. И полагают, что нам лучше сбежать.

Следующий день Хэниш и Коринн провели вдвоем. Можно было подумать, что Хэнишу нечего делать, кроме как развлекать принцессу. Они катались верхом по прибрежной дороге, ведущей на север, к плато. С одной стороны расстилалась морская гладь, с другой — тянулись ухоженные поля. Эскорт телохранителей-пунисари держался на почтительном расстоянии, вне пределов слышимости. Впервые Хэниш и Коринн могли пообщаться наедине, не опасаясь чужих ушей, однако не пользовались этой возможностью и не говорили ни о чем важном.

Они посетили местную достопримечательность — полюбовались расщелиной в теле скалы, откуда с шумом изливался пенистый поток, взрывавшийся фейерверками брызг. После обеда стреляли перепелок, которых слуги одну за другой выпускали в небо. Птицы взлетали, громко хлопая крыльями, их было слышно издали — простая цель для хорошего лучника. Хэниш, впрочем, задел лишь одну птицу, да и ту вскользь; Коринн подстрелила пять. Каждое попадание доставляло ей неизмеримое удовольствие. Коринн нравилось наблюдать, как мгновенно замирали в воздухе птичьи крылья, траектория полета менялась, птица падала с небес, неуклюже кувыркаясь, и мелькало засевшее в теле древко. Один раз стрела Коринн прошла перепелку насквозь, полетела дальше и уткнулась в землю лишь после того, как птица рухнула вниз. Хэниш заплодировал, и Коринн отпустила ехидный комментарий, а он лишь улыбнулся в ответ.

Вечером Хэниш предложил отказаться от званого ужина. Коринн не возражала. Они поели вдвоем, сидя на дальних концах очень длинного стола. Коронным блюдом были эскалопы с соусом из красного перца, посыпанные ароматными травами. Чудная игра сладкого и острого на языке и приятное тепло, разлившееся по всему телу. Пили сухое белое вино; Коринн нечаянно всосала щеки, а Хэниш не преминул передразнить ее. Коринн возмутилась: он нарочно заставил ее выглядеть глупо!..

Позже, на балконе виллы, они смаковали ликер. Море внизу темнело по мере того, как солнце опускалось за горизонт. Вскоре вышла луна, просвечивавшая сквозь тонкую занавесь облаков. Ветер принес с собой прохладу, и Коринн ощутила, как кожа покрывается мурашками. Она стояла рядом с Хэнишем — достаточно близко, чтобы уловить запах ароматических масел, которые он втирал в кожу, и случайно задела плечом его плечо. Потом нечаянно коснулась грудью его руки — и почувствовала, как разом напряглось тело. Неужели она делает все это намеренно? Обмывает себя, полагая, что прикосновения случайны, или всему виной вино и ликер, сделавшие ее такой неловкой?

Хэниш взял бутылку, намереваясь вновь наполнить ее маленький бокал, но Коринн отодвинула его в сторонку.

— А что дальше? Предложите мне трубку с мистом?

В ее голосе была ирония, но Хэниш отчего-то занервничал. Он уставился на выветренные перила балкона и потер их пальцами, словно стараясь скрыть непонятное смущение.

— Никогда.

— Зачем вы привели меня сюда? Чтобы соблазнить? Мне кажется — или все к тому идет?

Кровь кинулась Хэнишу в лицо. Даже лоб покраснел. Никогда прежде Коринн не видела на его лице такую недовольного выражения.

— Я привел вас сюда, чтобы сделать подарок. Только боюсь, вы швырнете его мне в лицо.

— Получается, я пугаю вас?

— Вы приводите меня в трепет. Никто и никогда еще не внушал мне подобных чувств. Никто и никогда до вас...

Коринн ждала. Хэниш взял ее за руку и потянул за собой, усадив на скамью возле перил. Они сидели бок о бок, глядя на темное море внизу. Их колени слегка соприкоснулись.

— А если я скажу, что все это ваше? — спросил Хэниш. — Я имею в виду виллу. Вы были принцессой и до сих пор остаетесь. Жаль, что вы не верите в мои добрые намерения. Я был бы рад увидеть, как вы с вашими родными соберетесь здесь, чтобы наслаждаться...

— Нет нужды меня покупать. Я и так ваша рабыня.

— Прошу вас, Коринн... — Хэниш чуть заметно поморщился. — Этот дом принадлежал семейству по фамилии Анталар. Вы знали их, да?

Принцесса кивнула.

Хэниш сказал, что встречал одного из Анталаров — во время войны, перед сражением. Он убил того юношу, но всегда сожалел о его смерти. В нем была сила, сказал Хэниш. Гордость. Молодой человек напомнил ему собственного брата, Тасрена. Такой же сердитый, такой же целеустремленный. Он так же мечтал послужить на благо своему народу. Но Хэниш не мог поступить иначе. Оказавшись в тот день на том поле, юный Анталар должен был умереть. Он жил достойно и правильно, он вызывал уважение, и очень жаль, что пришлось покончить с ним. Тем не менее выбора не было.

— Я сожалею и о том, что произошло с вами по нашей вине, Коринн. — Хэниш помолчал. — Я знаю, что вас нельзя купить, и просто хочу преподнести подарок. Это самое малое из того, что я могу — и обязан — сделать. Я слишком долго держал вас взаперти. Простите меня. Я боялся выпускать вас из поля зрения.

— Почему?

Он покачал головой, словно говоря, что не собирается отвечать на этот вопрос. Во всяком случае, прямо сейчас.

— Как бы там ни было, вы не рабыня. И сами это знаете, верно?

— Да. Я знаю. — Коринн отодвинула колено, разорвав контакт. Приятное головокружение и воодушевление, порожденное вином и ликером, куда-то исчезли. — Однажды я видела настоящих рабов. Как-то во время путешествия мы остановились в доме одной знатной семьи возле Бокума. Поздно ночью я и моя подруга выбрались на улицу и залезли на крышу. Очень зря. Мы иногда делали так раньше — смотрели на звезды и рассказывали истории... но в этот раз все было по-другому. Мы нашли место, откуда было видно улицу внизу, а там... там происходило нечто странное. Я сперва подумала, что это какой-то парад, но кто будет устраивать парад посреди ночи? В полной тишине? Кроме того, на параде люди не ходят закованными в цепи. Там были дети, мои ровесники — десяти, одиннадцати лет на вид. На каждом был ошейник, от него тянулись цепи, сковывая детей вместе. Несколько сотен детей охраняли люди с обнаженными мечами. Они шли тихо. Не доносилось никаких звуков, кроме шороха ног и звяканья цепей, и... я никогда не забуду эту тишину. Она была ужасающе громкой.

— С трудом могу такое представить. Похоже на сон, — откликнулся Хэниш.

Коринн покачала головой.

— Заманчиво было бы так думать... Увы, это был не сон. Я запомнила все до мельчайших деталей. Тогда я не поняла, что за процессию увидела, и мне хватило ума не спрашивать взрослых. Это была Квота, разумеется. Квота, от которой все зависит. — Долгую минуту Коринн смотрела на Хэниша. Маленький белый шрам на носу проступил ярче, чем обычно — возможно, потому, что лицо покраснело от выпитого. — Зачем Лотан-Аклун наши дети? Что они с ними делают?

— Некоторые вопросы лучше оставлять без ответов. Послушайте, вы откровенны со мной. Позвольте мне сделать то же самое. Я хочу, чтобы вы поняли меня и моих людей. Мы очень сильно пострадали во времена Воздаяния. Понимаете? Двадцать два поколения в моем роду. Столько же, сколько и в вашем. Вы правили миром; мы боролись за выживание. Неудивительно, что мы мечтали исправить несправедливость. Все дурацкие диверсии, которые мы устраивали за прошедшие годы — мелкие стычки и рейды, нападения на Ошению, — вовсе не в духе мейнцев, как вы полагали. За этой шумихой с барабанами, топотом и свистом мы прятали свои истинные намерения. Мы хотели, чтобы акацийцы поверили, будто они знают нашу натуру, видят нас насквозь... Я просто пытаюсь объяснить, что к чему. Ваше право — судить нас. Но мое право — требовать, чтобы суд был справедливым.

— Вы убили моего отца, — сказала Коринн.

Предполагалось, что в ее голосе должен прозвучать холодный гнев, а вместо этого прорезались какие-то жалобные нотки. Словно Коринн хотела, чтобы ей посочувствовали.

— Теперь я искренне сожалею об этом, хотя сознаю, что у нас не было выбора. Вы не представляете, как я был бы счастлив, если бы мы с вами познакомились при других обстоятельствах. Поймите: я сражался со зверем — Акацийской империей, но никак не с вами. Я не чудовище. Иногда мне очень хочется убедить мир в том, что я не кровожадный монстр. Мне жаль людей. В первую очередь я должен думать о них, понимаете? Я не желаю посылать тысячи детей в рабство, меня с души воротит от этого. Однако мой народ всегда будет стоять на первом месте. Попробуйте понять, если сможете.

Нельзя сказать, что слова Хэниша оставили Коринн равнодушной. Она поверила сразу. Несмотря ни на что, у него доброе сердце. На душе у Коринн потеплело от этой мысли. И все-таки она ничего не могла с собою поделать: многолетняя привычка выставить против него все свои колючки сработала даже сейчас. Она не показала своих истинных чувств, спрятавшись за щитом ехидства.

— Интересный способ обольщать девушку...

Хэниш поднял голову, в его глазах блеснула влага. Он чуть пошевелился, и слезы, не удержавшись, потекли по щекам. Это была такая неожиданная, болезненная метаморфоза, что Коринн невольно протянула к нему руку. Она положила ладонь на спину Хэнишу, провела пальцами вдоль выступающей кости лопатки, вверх по тонкой ткани рубахи, по обнаженной шее. Ей хотелось прикоснуться к нему снова и снова. Его кожа была теплой и мягкой; Коринн казалось, что она чувствует биение его пульса... или, может быть, это стук ее собственного сердца отдавался в кончиках пальцев.

Так утомительно все время хранить верность отцу, подумала она. Жить с изнуряющей надеждой, что родные вернутся и как-то повлияют на ее судьбу. Почему бы просто-напросто не отдаться Хэнишу? Найдется ли человек лучше, чем он? В глубине души Коринн желала, чтобы Хэниш возобладали над ней, заставил делать то, что ему хотелось. Она понимала, что подчинится, примет любую роль, которую Хэниш придумает для нее. Он умел быть жестоким. Это никуда не денется, пусть даже он и показал Коринн свою уязвимость. Наутро он снова станет прежним Хэнишем Мейном, и мир никогда не узнает о трещине в стене его полного и безраздельного самоконтроля. И все же, несмотря ни на что, Коринн хотела лучше увидеть именно эти черты. Узнать Хэниша во всех его ипостасях, и принять их, и разделить с ним все, что он имел.

Хэниш посмотрел ей в лицо. Коринн не опустила глаз. Она взглянула на него словно бы с вызовом.

- Откуда вы узнали, что нужно выбрать именно эту виллу?
— Такая уж у меня работа — все знать. Надеюсь, я угодил вам.
— А здесь есть комнаты со стеклянным полом? — спросила она.
Хэниш кивнул.
— В детской спальне. Как раз под нами.
— Покажите мне их, — прошептала Коринн.

Глава 49

Аливер вернулся в мир живых. Он покинул сантот, дав обещания и получив обещания от них. Мало-помалу он снова начинал ощущать свое материальное тело, которое сперва казалось неуклюжим и громоздким. Аливер двигался неловко, с трудом переставляя ноги, конечности словно были наполнены расплавленным металлом. Каждый раз, опуская ступню на песок, Аливер чувствовал укол вины за то, что заставляет землю выносить его тяжесть. И почему он никогда не думал об этом раньше? Течение времени, движение солнца, яростная жара дня и острый холод ночи — так много вещей, о которых необходимо помнить. Аливер замечал все, даже самые крошечные детали окружающего мира. Малейшие звуки — шуршание песчинок, далекое ворчание грома, звук собственного кашля отдавались в сердце, словно взрывы. Снова и снова Аливеру приходилось останавливаться и отдыхать, держась за голову и делая мелкие осторожные вдохи. Ему хотелось вернуться назад, хотя Аливер понимал, что не сделает этого. Такое чувство сродни голоду курильщика, лишённого миста — мечта о недостижимом зеленом облаке. Аливер сражался с ним как мог. На самом деле он никогда еще не испытывал такой яростной решимости и готов был встретить лицом к лицу любую судьбу, которая ждала его в Изученном Море.

Аливер нашел Келиса в условленном месте. Присутствие человека сломало последние барьеры между Аливером и реальным миром. Впервые за долгое-долгое время он услышал живой голос, попытался ответить и с облегчением обнаружил, что его собственная речь более не кажется жуткой какофонией звуков. Они с Келисом отправились обратно к Умэ и вскоре снова перешли на легкий бег, столь распространенный среди талайцев. Все возвращалось к прежнему порядку вещей.

Поселение, однако, выглядело не таким, как прежде. Умэ удвоилось в размерах, раздавшись во все стороны за счет шатров и тентов, окруживших основное становище со всех сторон. Едва Аливер с Келисом приблизились к деревне, послышались голоса, оповещающие об их прибытии. Люди толпились на лужайках между полями, залезали на деревья, собирались на всех свободных клочках земли. Проходя сквозь толпу, Аливер слышал разговоры на диалектах соседних племен. Увидел бальбарский головной убор, сделанный из перьев страуса, и ожерелье из раковин с восточного побережья, и плотные кожаные штаны, какие носили жители Тейских холмов. Группа воинов с высокими скулами приветствовала Аливера и Келиса слаженным криком. Аливер понятия не имел, что это за племя, и ответил им нервным кивком. Судя по широким улыбкам молодых воинов, ответ вполне подошел.

Таддеус и Санге ждали в центре деревни. На лицах обоих мужчин застыло одинаковое выражение облегчения, радости и отцовской гордости. Уединившись в доме вождя, Аливер постарался как можно доходчивее ответить на многочисленные вопросы, однако не слишком преуспел. Многие детали было непросто передать словами. Он терялся на половине фразы, делал паузы, раздумывая, как лучше описать то, что происходило с ним в землях сантот. Ничего не получалось. Теперь, когда он был в мире людей, многое казалось смутным и расплывчатым, как полузабытый сон.

Таддеуса и Санге потрясло то, что Аливеру удалось разыскать сантот, и восхитило, что маги признали принца. Более же всего они были рады, что Аливер вернулся целым и невредимым. С того дня, как он ушел, слухи о его миссии летели от поселения к поселению, от племени к племени. Аливер Акаран среди них! Он убил ларикса! Он отправился на поиски

изгнанных чародеев! Ни Таддеус, ни Санге не думали, что новости распространятся так далеко и с такой скоростью. Это случилось само собой. Люди, хранившие секрет девять лет, более не могли молчать. Весь мир, затаив дыхание, ловил каждое слово о принце Акаране. В Умэ начали стекаться пилигримы.

— Они собрались здесь, чтобы примкнуть к тебе, — сказал Таддеус. — Можно отправляться на север в любой день, мы соберем армию по пути. К нам стянется орда, какой еще не видывал свет, огромное войско из всех народов и племен. Хэниш Мейн не отвертится от боя... — Канцлер помедлил, пытаясь представить нарисованную им самим картину. — Принц, тебе нравится этот план?

— Мы не можем просто давить числом, — услышал Аливер собственные слова. — Нужно как следует натренировать солдат. Без дисциплины и воинской выучки наша армия будет просто толпой; мейнцы на пару с нюмреками перережут их как котят.

Таддеус посмотрел на Санге. Он сказал ему что-то взглядом и движением бровей, а потом снова обернулся к Аливеру, с удовлетворением отметив, что принц рассуждает разумно и профессионально. Таддеус много лет поддерживал контакт с некоторыми бывшими акацийскими генералами. Все они были связаны с движением сопротивления и ждали, когда Акараны призовут их к оружию. Один из них — Лика Алайн, бывший командир Северной Стражи, разыскал младшего принца.

— Он нашел Дариэла?! — перебил Аливер.

Таддеус кивнул.

— Пока тебя не было, пришло письмо. В самом скором времени Дариэл и генерал Алайн отправятся в путь, чтобы присоединиться к нам. И не только они. В каждом уголке империи есть люди, сохранившие верность Акаранам.

Брат жив! Услышав эту новость, Аливер ощутил громадное облегчение, которое, впрочем, мгновенно сменилась тревогой. Малыш Дариэл! Как он сумеет выжить в сердце приближающейся бури? Аливер чуть было не сказал, что Дариэлу лучше остаться в тайном, безопасном месте, но одернул себя. Он до сих пор воображал маленького мальчика, однако годы наверняка изменили Дариэла, как и Аливера — и даже больше: ведь он был так юн, когда началось изгнание. Ему хотелось вцепиться в старого канцлера и засыпать его вопросами. Где брат? Что за жизнь он вел? Каким стал теперь?..

Поразмыслив, Аливер решил, что расспросит Таддеуса позже. Сейчас его волновала другая, не менее важная тема.

— Ты говоришь, что повсюду есть люди, верные моей семье. Ты уверен? Сидя на троне, Акараны не много сделали для блага своих подданных.

— Они помнят благородство и великодушие вашей семьи, — сказал Санге.

Слова прозвучали торжественно и высокопарно. Несомненно, он искренне верил в то, что говорил, и, очевидно, чувствовал себя отчасти приобщенным к этому благородству.

Принц обернулся к Келису.

— А ты как полагаешь?

Талаец кашлянул.

— Весь мир пострадал от войны, затеянной Хэнишем. Под пятой Мейна жизнь стала еще хуже, чем прежде, а ты... ты символ меньшего зла. Люди по крайней мере надеются. Надеются, что с тобой будет хоть немного, да лучше.

— Этого мало, — сказал Аливер с уверенностью, которая удивила его самого. Недостаточно быть меньшим злом. Если он действительно желает вернуть трон, то должен метить выше. — Я не хочу воевать лишь затем, чтобы восстановить старый порядок вещей. Если мы победим, Таддеус, я изменю мир к лучшему. Нужно сказать людям, что, сражаясь за меня, они будут сражаться за себя самих. Их дети станут свободными. Я даю слово.

Долгие несколько секунд Таддеус смотрел на Аливера. Его лицо превратилось в бесстрастную маску. Должно быть, старый канцлер долго работал над собой, прежде чем научился с таким совершенством управлять эмоциями.

— Ты описываешь прекрасный идеал, но не так-то просто воплотить его в жизнь. Мир

искажен сверху донизу. Возможно, больше, чем ты думаешь.

Принц ответил Таддеусу твердым взглядом.

— Наша война должна стать сражением за лучший мир. Иначе мы проиграем.

— Хорошо. Я прослежу, чтобы твои слова стали известны всем. Отец гордился бы тобой, Аливер.

Принц подошел к окну и, прищурившись от яркого солнца, посмотрел наружу.

— Все эти люди пришли сюда по собственному желанию? Им сказали правду? И ничего больше?

— Да, — откликнулся Санге. — Мы получили слово от южных племен. Они знают о твоей миссии, и почти все прислали сюда своих представителей, дабы подтвердить, что готовы оказать тебе помощь. Некоторые уже рассказывают собственные легенды о твоих подвигах и о том, как ты нашел сантот. Возможно, в скором времени до тебя дойдут истории о великих деяниях, которые ты совершил еще в детстве. Невероятных деяниях. Сам удивишься. Впрочем, мы с Таддеусом просто сообщим всем, что ты жив и намерен отвоевать трон Акации. Этого будет вполне достаточно.

— Ты сказал: «почти все». Значит, не все?

Санге с сожалением покачал головой. Халали, объяснил он, оказались единственным из сильных племен, кто не ответил на призыв. Они не прислали своих воинов, а лишь отправили посланника, который сообщил, что народ халали услышал слово Акарана. Они будут держать совет. Впрочем, халали всегда отличались гордостью и высокомерием. Навряд ли они согласятся помочь без веской на то причины. Это было могущественное племя, второе по численности после талайцев.

— Обязательно нужно перетянуть их на свою сторону, — сказал Келис. — Халали — хорошие бойцы. Не настолько, как они сами о себе думают, но все же...

— Ладно, — кивнул Аливер, в душе удивляясь тому, как быстро пришло к нему решение. — Я уговорю их.

Земли халали с трех сторон окаймлены грядами холмов. Само племя жило по берегам озера, откуда брала начало река. Неглубокое, но довольно большое озеро кишело рыбой и водоплавающими птицами, так что халали никогда не голодали — даже в периоды сильной засухи. Такое преимущество сделало их сильным и многочисленным племенем. Главной их пищей служила небольшая серебристая рыба, которая водилась в озере в великом изобилии. Ее жарили, варили, вялили, солили или мариновали в глиняных сосудах. Своим тотемом, однако, халали выбрали другое животное — более соответствующее, по их мнению, характеру и облику народа. Нельзя сказать, что это был оригинальный выбор.

— И что же, все люди в этих землях верят, будто их породил лев? — спросил Аливер, когда они с Келисом приближались к земляным стенам поселения халали.

Высотой в три человеческих роста, стены были утыканы изогнутыми железными шипами. Укрепление имело устрашающий вид, но служило в основном для того, чтобы произвести впечатление на гостей и защитить людей от ночных хищников. Там и тут к стенам были пришпилены львиные шкуры.

— Не все, — сказал Келис, задумчиво рассматривая шкуры. — Некоторые отдают предпочтение леопарду.

Они покинули Умэ втайне, только вдвоем, желая застать Обадала врасплох и послушать, что он скажет. Аливера предупредили, что вождь халали потребует какого-нибудь вознаграждения в обмен на помощь, но принц не мог даже предположить, что именно может понадобиться Обадалу.

Вождь халали не слишком удивился приходу Аливера. Он ожидал принца под тентом с конусовидной крышей, подпертой со всех сторон гибкими деревянными шестами и крытой тростником. Обадал сидел в центре, окруженный несколькими советниками. С краю, почти у самой границы света и тени от крыши, расположилась группа пожилых мужчин. Они провожали Аливера взглядами желтоватых глаз — злобными и воинственными, странными в

сочетании с их сгорбленными старческими телами. Казалось, каждый из них готов накинуться на принца, если только заметит в его действиях хоть малейшую угрозу безопасности вождя.

Обадал носил свой царственный статус с хладнокровием и самообладанием, подражая тотему племени. У него была широкая грудь, толстая, мускулистая шея и круглое одутловатое лицо с крупными чертами. Глаза вождя казались сонными и апатичными, жесты — медленными и ленивыми. Воткнутое в крыло носа золотое кольцо ярко блестело на фоне угольно-черной кожи. Обадал рассматривал Аливера с нескрываемым интересом, явно заинтригованный его необычной внешностью — тонким акацийским носом, небольшими губами и светлым цветом кожи.

— Я был удивлен, узнав, что ты пришел ко мне, — наконец проговорил Обадал. — Слышал о твоей победе над лариксом. Поздравляю. Ты можешь гордиться. Я гордился в свое время. Теперь я слишком богат, чтобы охотиться на животных. За меня это делают другие. Я никогда не встречался с прославленными сантот. Ты одаренный человек, принц Аливер.

Вождь продемонстрировал Аливеру свои белоснежные зубы — не то чтобы улыбку, но, очевидно, некий знак благорасположения.

— Я вижу, мало на свете такого, чего не знал бы Обадал, — произнес в ответ Аливер. — Тогда, должно быть, тебе известно, зачем я пришел и о чем хочу говорить?

Вождь молча побарабанил толстыми пальцами по бедру, дав Аливеру понять, что он слишком торопится, и вернулся к размеренной беседе. Он расспросил, все ли благополучно у народа талайцев, и осведомился о знатных семьях — проверяя, насколько хорошо Аливер в них разбирается. Принц старался отвечать со всей возможной учтивостью, в душе коря себя за то, что так быстро перескочил к истинной цели визита. Хотя Аливер давно узнал обычаи этих земель, он все еще слишком часто забывал в спешке традиционные формальности.

Получасом позже Обадал наконец замолк, и некоторое время двое молодых людей слышали лишь жужжание мух и детские крики в отдалении. Каждый отпил из сосуда с пальмовым соком — холодным и освежающим, спасающим от изнуряющей жары. Затем Келис чуть заметно кивнул Аливеру, подтверждая, что можно перейти к главному.

— Благородный Обадал, — начал Аливер, — наверняка ты уже знаешь, о чем я хочу поговорить с тобой. Скоро начнется большая война, цель коей — изничтожить зло, причиненное миру Хэнишем Мейном. Он привел с севера своих воинов и армию чужаков и захватил Акацию. Может показаться, что мейнцы победили, но на самом деле они просто застали мой народ врасплох, и мы вынуждены были отступить. Временно. Еще мой отец начал дело объединения великих сил мира для противостояния Мейну. Я пришел сюда просить помощи в этой борьбе. Акация щедро вознаградит тебя за мудрые советы и сильную армию.

Обадал держал в левой руке жезл в форме креста, выкрашенный в золотой цвет, увитый кожаными лентами и украшенный неперенными птичьими перьями. Толстым концом жезла он неторопливо почесал шею, а затем обратился к Аливеру.

— Почему мои люди должны проливать кровь за тебя? Ты принц без государства, а Хэниш Мейн держит в каждой руке по мечу, и оба могут убивать.

— У меня есть армия, — сказал Аливер. — Ведомо ли тебе, что воины стекаются в нее из всех земель? Я хочу биться не только лишь для собственного блага. Разве Хэниш Мейн не дотянулся и сюда, разве он не положил руку на ваши богатства, хватая то и это, что ему понравится? Он забирает детей из ваших земель и продает их неведомым хозяевам на другой стороне мира. Я сказал бы, что это деяния врага. Ты ведь не зовешь мейнцев друзьями, верно?

— Нет. Конечно, нет. — Вождь поглядел по сторонам, словно собираясь сплюнуть. — Да только какая мне разница, кто из бледных людей грабит нас? Мейнцы не лучше и не хуже акацийцев, которые были до них. И не делай оскорбленный вид, принц. Правдой нельзя оскорбить. Мейнцы вдвое увеличили квоту рабов, это правда, но они не спрашивают, откуда берутся рабы, понимаешь? Такая квота ослабляет наших врагов больше, чем нас. Ты

понимаешь меня?

Аливер ощутил острый укол обиды, когда его обозвали «бледным», однако почел за лучшее не заострять на этом внимание.

— Мой отец не хотел никого грабить, и я не хочу.

— Многие его именем приходили в наши земли и крали у нас. Ты или искусный лжец, или совсем не знаешь истинной сути мира. Ты жил в красивом дворце, разве не так? Целый остров ты называл своим собственным. Лошади и украшения, вкусная еда, слуги — у тебя было все. Как ты думаешь, чем за это платили?.. Я тебе скажу кое-что. Подойди ближе.

Обадал поманил его жезлом. Аливер подался вперед, оказавшись в неудобной позе. Он едва не упал и в конце концов кое-как удержал равновесие, почти встав на четвереньки. Вождь наклонился поближе. От него пахло сандалом и едким потом.

— Люди вроде тебя или меня правят не потому, что благословлены Дающим. Это ложь, придуманная для простого народа. На самом деле мы держим власть, поскольку лучше всех знаем, что Дающий покинул нас. Нет другого мира, кроме того, что мы сделали сами. И в мире, где когда-то правил твой отец, было мало богатых и много бедных. Так уж его устроили.

Несколько стариков пробормотали слова одобрения. Один облизал языком губы, сочно причмокнув.

— Ваши люди брали у нас не только золото, не только рабов, — продолжал вождь. — Твой отец держал в плену моего младшего брата, мою сестру и вторую жену моего отца. Моих родичей, понимаешь? Мою кровь. Леодан спрятал их, запер где-то далеко отсюда. Так он получил сердце моего отца и сказал ему, что если халали обратят оружие против Акации, его родные будут страдать. Я до сих пор не знаю, живы ли они. Можешь ты отпустить моих родичей? Можешь пообещать, что они вернутся домой?

Аливер заморгал. Прикрыл глаза и несколько секунд сидел молча и неподвижно. А потом вновь открыл их.

— Я не знаю. Такими вещами скорее всего занимались в Алесии. Мой отец, наверное, и не подозревал...

— Какой король признается в своем невежестве?

— Более мудрый, чем тот, который сообщит всему миру о своем знании, — парировал Аливер. — Акция была огромным государством. Много дел проходило через руки наместников. Если б ты знал моего отца, то понял бы, что для него не было ничего дороже семьи. Он не стал бы использовать такие методы.

Обадал покачал головой.

— Безраздельная власть означает безраздельную ответственность. Люди моего племени подносят вождям богатые дары. Мы же платим тем, что наши души принимают на себя их грехи. Если ты не готов к этому, то не заслужил свой трон. Ползи назад и оставайся ребенком. И не корону ищи, а грудь матери.

Маленькая птичка влетела под тент и закружилась в воздухе, присела на одну из перекладин, потом на другую. Аливер поднял взгляд и некоторое время бездумно наблюдал за ней. Все шло совсем не так, как он планировал. Он чувствовал себя глупцом, тем самым ребенком, которым обозвал его вождь.

— Ну, довольно об этом, — сказал Обадал, неожиданно сменив тон и перейдя от пафосных речей к простым словам. — Ни один мужчина не может вернуться к материнской груди, так что давай-ка двинемся дальше. Я могу дать то, что тебе надо. Знаешь наших врагов, племя бальбара? Они несли зло моим людям с первых дней существования мира. Когда-то халали повелевали ими, но в последнее время бальбара стали слишком наглыми. Они смеются над нами, вторгаются в наши земли и разоряют наши деревни. Мне это надоело. Я хочу уничтожить их.

— Уничтожить?

— Да. Убить их воинов, оскотить их мальчиков и продать их женщин в наложницы, чтобы носили детей халали. Если поможешь мне стереть их с лица земли, признаешь мой

народ равным талайцам и позволишь нам собрать дань твоим именем...

— Мне не нужна дань...

— Ха! Когда твой народ держал власть, Акация пила дань, как пьяница глотает вино. Все повторится снова, я уверен. Затем ты признаешь нас равными с талайцами и согласишься, чтобы все эти земли были переименованы в Халали. Не только на наших картах, но и на твоих. Почему земля от горизонта до горизонта называется Талаем? Еще ты вернешь домой моих родичей и не станешь более забирать наших людей. Дай мне то, о чем я прошу, и халали помогут тебе в войне. Ты не найдешь более сильных воинов. Я могу привести десять тысяч человек через несколько недель. Ты еще не видел таких бойцов, принц. Я немного знаю о людях, что дерутся за Мейн... этих нум-риках... но мы погоним их перед собой как гиен, поджавших хвосты. — Обадал снова расплылся в улыбке. — Я могу обещать, что и бетуни присягнут тебе на верность. Если хочешь, мы выпьем кровавую чашу — питье, которое свяжет нас, и соглашение не будет нарушено, даже если мы оба погибнем.

Долгую минуту Аливер смотрел на Обадала. Тяжелый взгляд и довлеющий авторитет вождя более не пугали его, и собственное невежество не вызывало смущения. Он понял, что этот человек просто зол и жесток. Нужно было найти другой путь.

— Ты хочешь уничтожить целый народ? Нет, я не стану помогать в таком деле. Раз ты так силен, почему не сделаешь все сам? Почему не попросишь бетуни, если они покорны тебе?

— Бетуни держат старые клятвы верности, — сказал Обадал. — Узы крови связывают их с бальбара, и они не могут драться с ними, хотя и не любят их. Не буду лукавить, принц: без твоей помощи война между нами и бальбара не предрешена. У них есть мужество.

— Возможно, мне стоит обратиться к бальбара? — сказал Аливер. — Возможно, я пришел говорить не с тем народом?

Его слова, казалось, позабавили Обадала.

— Если бы ты был другом нашего врага, принц, и пошел против нас, ты познал бы нашу силу. Каких воинов ты привел бы с собой? Бальбара и талайцев? Мы побьем их. А тем временем бетуни нападут на Талай. Прибрежные племена не станут сражаться с нами, потому что связаны узами крови. Если бальбара не нападут на нас, а уйдут с тобой, мы накинемся на их женщин, детей и стариков. И поскольку они знают это, они никогда так не сделают. Ты потерпишь поражение еще до того, как начнешь войну.

— Когда я стану королем Акации, ты не посмеешь так говорить со мной! — вспыхнул Аливер. — Ты научишься уважать мою силу.

— Если ты станешь королем Акации, принц, я склонюсь перед тобой и буду лизать тебе ноги. — Обадал покосился на соплеменников, которые при этих словах разразились смехом. — Однако сейчас ты король пустого места. Разве не так?

Едва сдерживаясь, Аливер кое-как выдал из себя слова формального прощания. Более всего на свете ему хотелось уйти подальше отсюда — прочь от запаха сандала и ленивых, насмешливых глаз вождя...

Келис догнал его у ворот селения. Он схватил Аливер за локоть и вынудил остановиться.

— Обадал может привести нам десять тысяч человек. Нельзя уходить просто так.

— Я не буду убивать невинных! — рявкнул Аливер. — Мой отец не хотел такого и никогда не сделал бы.

— Так было всегда с начала времен, у всех народов, — откликнулся Келис. — Я знаю, во что ты веришь, и вижу, что твои намерения чисты и благородны, но благородные люди очень редко меняют мир. Они только разглагольствуют об этом, пока другие, вроде Обадала, действуют. Не уходи отсюда, Аливер, пока не передавишь Обадала. Ты еще не возобладал над ним, так что не уходи.

Аливер сел на сухую землю и закрыл лицо ладонями. Таддеус сказал, что мир искажен сверху донизу. Здесь, у халали, он увидел первое тому доказательство. Принц попытался успокоиться и найти во всем этом хоть что-нибудь хорошее, однако не преуспел. Если он

хочет, чтобы люди по-прежнему шли за ним, нельзя начинать войну столь омерзительным образом. Аливер попытался придумать какие-нибудь другие условия, которые мог бы принять вождь, но хитросплетения племенных союзов были так сложны и запутаны, что он махнул рукой и со злости пнул землю. Как глупо! Как мелко! Из-за ерундовых дразг между племенами все летит кувырком. Одна из вещей, от которых Аливер намеревался очистить мир. Пока принц раздумывал об этом, у него появилась идея.

— А если я скажу Обадалу, что не прошу помощи, а требую ее? И хотя сейчас я всего лишь принц Аливер Акаран, однажды я стану королем Аливером Акараном? Пусть не забывает, что я лев, и меня не волнует грызня мелких шавок под ногами. Скажу, что чародеи сантот уже ответили мне, и с их помощью я смету врагов с лица земли. Обадал может присоединиться ко мне и помочь — на моих условиях! — или же на него обрушатся такие кары, каких он и представить не в состоянии.

— Что ж, попробуй, — отозвался Келис. — Только не забывай смотреть ему в лицо, когда будешь говорить. Дабы убедиться, что он не укусит тебя. Если ты назовешь Обадала шавкой, то нанесешь ему оскорбление... разве что ты действительно лев. Правдой нельзя оскорбить.

Аливер поднялся на ноги и твердо посмотрел другу в глаза.

— Я все еще сомневаюсь, да? Ты думаешь, что мне не стоит...

— Я думаю, что пока слова исходят из сердца, они всегда будут правильными.

Аливер оглянулся и посмотрел на земляную стену. С этого расстояния львиные шкуры, прибитые к ней, казались крохотными, словно шкурки кошек. Аливер пошел обратно к укреплению, а друг пристроился рядом.

— Скажи-ка мне Келис: все эти люди, которые утверждают, будто произошли от льва — какие доказательства они приводят?

Келис улыбнулся.

— Никаких. Просто говорят, и это звучит убедительно.

Глава 50

Мэна никому не рассказала о своих намерениях — даже Мелио, который, сам того не зная, помог ей придумать план. Она взяла только меч и немного вещей, которые могла унести в заплечном мешке, выбралась из дома и проскользнула по тихим улицам в сероватом свете наступающего дня. Мэна умела ходить тихо, если хотела. Много лет назад, еще девочкой, она пробралась мимо охранника-мараха, чтобы увидеть ужасы киднабанских рудников. Если ей удалось справиться с такой задачей, то никакой обыватель Руината или дремлющий жрец и подавно не проснется от ее шагов, чтобы задать ненужные вопросы.

Весть об иноземцах подтолкнула Мэну к действию. Это мейнцы, сказал Мелио с разочарованием в голосе. Не пройдет и нескольких дней, как они покинут Галат и придут за Мэной. Нужно что-то делать, говорил молодой марах. Вот Мэна и делала. Не совсем то, что предполагал Мелио, тем не менее...

Она выбрала одну из отдыхающих на берегу лодок, кинула в нее свою сумку и столкнула суденышко на воду. Часом позже Мэна обогнула северную оконечность Вумейра и увидела Увумаль. Зеленый остров щетинился горными пиками, возвышавшимися над балдахином крон — словно острые осколки стекла торчали вверх, чуть прикрытые растительностью. Путь до Увумалья недолог, но Мэна никогда не посещала его прежде. Ни она и никто другой. Остров считался священным, здесь обитала богиня. С момента возникновения культа Майбен Увумаль был отдан в полное ее распоряжение. Здесь не жили, не распахивали полей; сюда не заплывали охотники, и остров кишел зверьем и птицей. Подлесок превратился в непроходимый спутанный клубок растений. Там и тут поднимались к небу массивные деревья — кривобокие гиганты с высокими стволами и узловатыми ветками.

Мэна вытащила лодку на чистый песок пляжа цвета слоновой кости, куда давно уже не

ступала нога человека. Пальмы, росшие над линией песка, клонились к воде. Природный мусор заполнял берег — плавник, кокосовые орехи и их скорлупа. Крабы бочком пробирались через упавшие ветки... Что-то привлекло внимание Мэны — странный предмет, совершенно неуместный на этом безлюдном пляже. Из песка торчала голова и верхняя часть тела тряпичной куклы. Жутковатая фигурка с безглазым лицом воздевала вверх руки, словно бы в жесте радостного приветствия.

Впрочем, это был не единственный рукотворный предмет. Чуть поодаль Мэна заметила кусок веревки и рыболовный бакен. Лоскут ткани повис на камне, будто сушился здесь после стирки. Несколько секунд девушка осматривала окрестности, пока не убедилась, что она здесь одна. Как странно. Люди сюда не приплывали, зато приплывали отходы их жизнедеятельности. Мэна пошла по пляжу, страшась, что богиня заметит оскорбление, прежде чем она успеет убрать неподобающие предметы. Если бы жрецы знали об этом, они бы запретили выкидывать мусор в воду в южной гавани. Интересно, как лучше сообщить об этом Вамини. «Есть тысяча способов оскорбить богиню, — так она начнет. — Надобно помнить, что вещь, выкинутая в одном месте, не просто исчезает...»

Мэна одернула себя и выругалась вполголоса. Глубоко же засела в ней привычная роль! Она явилась сюда не для того, чтобы прислуживать богине! И не для того, чтобы стать ее глазами и устами.

Все утро Мэна продиралась через лес. Увумаль виделся ей тихим таинственным местом, где каждый треск ветки, сломавшейся под ногой, прозвучит зловещим громом. Однако под балдахином листвы звенел птичий гомон. В глубине леса слышались крики обезьян. Воздух был полон жужжанием, треском и звоном насекомых. Мэна долго карабкалась по переплетенным корням мангового дерева, потом хлюпала по тяжелой вонючей грязи. Меч за спиной постоянно за что-то цеплялся.

Она слегка перекусила, сидя на камешках возле узкого ручья и думая о кукле на берегу. Как попала сюда эта вещь? Выбросил, наигравшись, ребенок? А может, это утраченное сокровище, смытое волной — потеря, орошенная горькими слезами малыша? Или ее швырнули в волны несчастные родители, потерявшие ребенка... Или она упала с неба... Мэна жалела, что не подобрала игрушку. Пожалуй, нужно было выкопать куклу из песка, положить в лодку и пообещать, что она непременно вернется и увезет ее отсюда.

К полудню Мэна добралась до подножия холмов. Здесь подлесок был еще гуще, и большую часть пути приходилось проделывать на четвереньках. Невзирая на все сложности, жрице не стоило большого труда найти то, что она искала. Стоя на стволе поваленного дерева и глядя сквозь просвет в балдахине листвы, Мэна заметила гнездо. Почти у самой вершины одного из далеких холмов вздымалось исполинское дерево. Огромный, обросший косматым мхом гигант. Казалось, оно уже наполовину мертво: кора длинными лоскутами отслаивалась от белесого ствола; многие ветви были сломаны или покрыты шишковатыми наростами. Гнездо помещалось возле самой верхушки. Отсюда оно выглядело как здоровенная куча мусора — ветки и разнообразные обломки, по странному капризу природы попавшие наверх. Мэна пригляделась, однако не заметила в гнезде никакого движения.

Она двинулась вперед и быстро потеряла цель из виду — так густ был лес. Вниз по краю холма, а потом вверх; вниз и вверх; вниз и вверх... Так она шла около двух часов, плутая среди зарослей. Мэна боялась, что может подойти к гнезду на расстояние броска камня — и не заметить его.

В конце концов, она отыскала гнездо по запаху, почувствовав жуткую вонь гниения и разложения. Несколько минут спустя Мэна стояла у подножия гигантского ствола. Это дерево было больше любого другого из тех, что она видела здесь. Настолько толстое, что потребовалось бы четверо, а то и пятеро людей, чтобы обхватить его. Запах поднимался от гнилой кучи птичьего помета. Остатки мяса и костей усеивали землю под деревом — грудные клетки и раздробленные бедренные кости животных, куски внутренних органов, череп грызуна, кожаная сандалия и... усохшая маленькая рука. Предплечье и кисть ребенка.

Мэну вырвало. Все, что она съела сегодня, мгновенно выскочило наружу. Она утерла

рот и уставилась на руку, пригвожденная к месту, ошеломленная. В голове не осталось ни единой мысли. Вот почему она пришла сюда. Все это время, где-то глубоко внутри себя, она знала... И все же до сих пор в душе ее теплилась надежда. Какая-то часть сознания желала удостовериться, что Майбен действительно живет во дворце высоко в вершинах деревьев. Может быть, она и в самом деле уносит детей, чтобы те прислуживали ей... Мэна хотела найти доказательства всему, что говорили ей жрецы на Вуму, а она — передавала людям...

Увы. На что бы она ни надеялась, рука опровергала все. Мэна посвятила свою жизнь лжи. Она судила невинных людей. Она попрекала их... за что? За то, что они всем сердцем любили своих детей? За то, что хотели жить в радости? А их «богиня» просто-напросто хищное животное. Людоед.

Между крошечными сморщенными пальчиками что-то блеснуло. Какой-то предмет, зажатый в кулаке, маленькая металлическая вещица. Мэна протянула руку и вытащила его наружу.

Это был кулон в виде серебряного угря. Она видела такого раньше... в воде возле причала несколько месяцев назад. Ей так нравилось гибкое тело, извивающееся в прозрачном чистом море. Серебряный угорь был похож на своего живого собрата. В округлой голове виднелась маленькая дырочка для шнура. Мэна попыталась представить владелицу украшения, носившую его. Именно этого угря она схватила, когда смерть обрушилась сверху и вонзила когти в ее тело. Мэна снова ощутила тошноту, вспомнив, что запретила жителям поселения смотреть в небо...

Она выпрямилась, привязала кулон к своему ожерелью и подняла взгляд, рассматривая дерево. Забраться туда будет непросто. Кора казалась достаточно грубой и растрескавшейся, чтобы отыскать выступы для рук и ног, но кое-где она раскрошилась в труху, сгнила, в ней кишели термиты. Мэна оторвала несколько длинных кусков. Удивительно, что дерево до сих пор стояло. Она ухватила за обломок ветки, уперлась ногой в ствол и начала медленно подниматься наверх.

Часом позже Мэна вырвалась из-под балдахина листвы, оставив внизу зверей и насекомых. Свет ударил в глаза; Мэна ощутила прикосновение ветра к влажной от пота коже и заметила, как раскачивается дерево. Несмотря на ветер, зловоние усилилось. Ветки были сплошь покрыты пометом. Он пачкал руки, пальцы скользили, рискуя сорваться, и приходилось изо всех сил вонзять ногти в склизкую массу. Добравшись до участка чистой коры, как раз под гнездом, Мэна ухватила за ветку, чуть отклонилась назад и перевела дыхание.

Стайка желтых попугаев пронеслась над деревьями — быстрые взмахи крыльев чередовались с плавным парением. Взмах — скольжение, взмах — скольжение. Длиннохвостые попугаи летали ниже, держась поближе к ветвям. Ничто не указывало на приближение хищника. Никаких орлов поблизости. И ничего божественного. На востоке сгущались облака, предвещая бурю. Возможно, первый из летних дождей.

Гнездо над головой казалось пустым. Там было тихо, разве что мелкие ветки иногда шелестели под ветром. Мэна решила забраться в него и оглядеться. А уж потом она придумает, что делать дальше. Во всяком случае, девушка на это надеялась, поскольку пока у нее не было здравых идей.

Открыв клапан сумки, Мэна достала моток веревки. Тонкая бечева, сплетенная из растительных волокон, казалась маслянистой под пальцами. Мэна потрясла веревку, чтобы распутать спутавшиеся витки. Один конец улетел вниз, и Мэна не стала провожать его взглядом, дабы лишний раз не обращать внимания на головокружительную высоту. Она вдруг заметила, что возносит молитву Майбен. Резко оборвав себя, Мэна проглотила недосказанные слова. Дождавшись, когда дерево перестанет раскачиваться, она полезла наверх, цепляясь, за что придется. Неожиданно для себя Мэна подумала о Мелио — возможно, потому, что своей физической подготовкой во многом была обязана его тренировкам. Наконец девушка добралась до спутанного клубка ветвей, который являл собой гнездо, и все мысли сосредоточились на том, как ухватиться за край и забраться

внутри.

Мэна карабкалась, с трудом переводя дыхание и стараясь найти опору для рук, когда над краем гнезда неожиданно поднялась птичья голова. Она была почти на расстоянии вытянутой руки — гротескное лицо с крючковатым носом. Птица разинула клюв и громко заорала. В этом было что-то странное, что-то неправильное, но Мэна не могла сообразить, в чем дело. Она ожидала, что птица взлетит, и испугалась — заспешила, стараясь поскорее подняться как можно выше. Гнездо раскачивалось под ее весом. Ветки и сучья летели во все стороны. Наконец Мэна нашла более или менее устойчивую позицию, чтобы освободить правую руку и вынуть меч. Едва клинок лег в руку, понимание пришло само собой; теперь Мэна знала, что нужно делать. Она изо всех сил ударила птицу, но лезвие было расположено под неудобным углом и лишь слегка чиркнуло по шее. Мэна отдернула руку, немного наклонилась и рубанула снова. На сей раз она повернула меч как надо: голова птицы подлетела вверх и упала на дно гнезда.

Через несколько секунд Мэна уже была рядом с ней и разглядывала быющее в конвульсиях обезглавленное тело. Она наконец поняла, что казалось ей странным. У птицы почти не было перьев, и пропорции тела оказались необычными, да и по размеру она не превосходила простого грифа. Взрослые орлы, как правило, в два-три раза больше. Это была никакая не Майбен, а всего лишь птенец. Мэна чуть не отпустила ехидный комментарий об уродце, которого только мать и может любить, однако промолчала.

Она уселась подле тушки, раздумывая, как все это странно, и до сих пор не веря, что она сидит в гнезде орла на высоком дереве в центре Увумали рядом с мертвым птенцом. Мэна по-прежнему держала в руке обнаженный меч. Старое дерево скрипело, раскачиваясь из стороны в сторону под ветром. Кто же она теперь? Когда успела стать такой? Возможно, все это сплошное безумие, подумала Мэна. Кризис ее собственного сознания. Сейчас она видела два пути вперед. Один из них заканчивался в этом самом гнезде. Второй был огромным прыжком в неизвестность, и Мэна едва могла поверить, что вообще думает о нем. А с другой стороны, для нее теперь все дороги одинаково хороши.

Мэна понимала, что сейчас не может просто спуститься вниз. Она забрала ребенка у богини. Пусть Майбен на себе испытает, каково это. Мэне не составило бы труда ухватиться за веревку и слезть на землю до начала бури, а потом отправиться домой. Кровавое возмездие свершилось.

Однако Мэна никуда не ушла. Она еще не закончила.

Мэна не знала, сколько прошло времени, прежде чем она различила в реве ветра хлопанье крыльев. Она лежала на спине, усадив мертвого птенца на колени. Он был без головы, само собой, но Мэна приставила ее на место и придерживала одной рукой. Расположившись таким образом, она ожидала возвращения матери, надеясь, что маскировка поможет подманить орлицу на расстояние удара.

Хищник показался в небе над головой — темный силуэт на фоне облаков. Она приземлилась, распахнув огромные крылья, закрывшие полнеба. Гнездо закачалось, птица опустила на него; когтистые лапы сжали хрупкие ветви. Она была огромна, ростом почти с саму Мэну. Несомненно, перед ней восседала сама Майбен. Клюв птицы оказался возле самого лица Мэны, каждый коготь казался кинжалом, способным располосовать ее одним движением. Мэна понимала это и все же радовалась, что наконец-то встретилась с Майбен лицом к лицу. Эмоции переполняли ее, однако среди них не было страха. Никогда еще Мэна не испытывала такой яростной, всепоглощающей ненависти. Это чудовище утаскивало и жрало детей. Маленьких детей...

Подожди, сказала себе Мэна. Подожди, когда она приблизится.

Краткий миг тишины... а потом орлица закричала. То был резкий, закладывающий уши вопль — куда там птенцу. Майбен толкнула своего отпрыска и отшатнулась, поняв, что произошло — а потом стремительно кинулась в бой. Мэна отшвырнула птенца и взмахнула мечом, метя птице в голову. Она могла бы закончить дело одним ударом, но клинок зацепился за ветку, потерял инерцию и лишь слегка царапнул клюв хищницы.

Майбен снова заорала и взмыла в воздух. Ее крик был исполнен такой ярости, что Мэна зажурилась. На миг показалось, что крик этот, словно когти, содрал кожу с ее лица. Однако девушка быстро опомнилась и открыла глаза — как раз вовремя, чтобы увидеть, как орлица несется на нее, выставив вперед когтистые лапы. Мэна отпрянула. Нога застряла в мешанине веток, и Мэна упала на край гнезда. Стараясь ухватиться хоть за что-нибудь, она выпустила меч из рук. Пальцы нащупали веревку. Волокна — скользкие и колкие одновременно — раздирали ладонь. Совершив невероятный кульбит, Мэна ухватилась за веревку и второй рукой. Это остановило падение, но ненадолго. Крюк отцепился, и Мэна полетела вниз. Несколько безумных секунд она валилась сквозь листву, а после врезалась в ветку. Та почти мгновенно сломалась, но немного замедлила падение, так что Мэна успела глянуть по сторонам и схватиться за сук, торчавший немного ниже. Девушка ударилась о него грудью, повисела мгновение — и рухнула в густое переплетение ветвей как раз под ней. Падение, наконец, прекратилось. Веревка опутала Мэну, сверху посыпались крючки, один из них больно впился в ногу. Она закричала бы, но события развивались так стремительно, что у нее не было на это времени. Под яростными порывами ветра и ударами ледяных капель дождя дерево кренилось все сильнее и сильнее. Волна дрожи пробежала по сгнившему стволу. Мэна поняла, что ствол треснул где-то внизу, и старый исполин вот-вот упадет.

Майбен налетела сверху. Она била крыльями, пыталась достать Мэну клювом и когтями. Мэна выдернула крюк из ноги и швырнула птице в голову, но промахнулась. Он пролетел над плечом хищницы вместе с привязанной к нему бечевой и зацепился где-то в ветвях. Орлица хлопала крыльями и тянулась к своей добыче. Выбирая удобный момент для атаки, она не обращала внимания на падающее дерево. Казалось, это продолжалось вечность.

Гигантский ствол еще сопротивлялся земному притяжению, но вот, наконец, уступил ему и начал быстро заваливаться вбок. Мэна почувствовала, что ее относит от птицы. Она падала вместе с деревом, не сводя глаз с орла. Девушка видела, как натянулась веревка, когда падающий ствол уносил с собой впившийся в него крюк. Бечева звонко щелкнула и врезалась в крыло, разрезая перья, плоть и сухожилия, ломая кость. Крюк крепко держался за дерево позади Майбен, и упругая веревка кинула орлицу вниз. Она не ожидала такого. Клюв недоверчиво распахнулся; крылья судорожно колотили воздух; глаза Майбен мгновенно наполнились ужасом...

Мэна увидела все, что хотела. Она оттолкнулась от падающего ствола, повернулась в воздухе и, раскинув руки, словно она тоже умела летать, кинулась в зеленое море крон.

Книга третья Оживший миф

Глава 51

Хэниш долго лежал неподвижно, боясь потревожить спящую женщину рядом с ним. Ему не хотелось будить ее, чтобы улыбнуться, поболтать ни о чем и начать день с банального утреннего разговора любовников. По крайней мере так он объяснял это себе. Хэниш даже мысленно не желал признать, что ему просто нравилось лежать вот так, ощущая все контуры и изгибы ее обнаженного тела, чувствуя пряди волос, запутавшиеся между его пальцев. Он знал, что слишком многое связывает их, и это было приятно. И все же Хэниш старался не задумываться о том, насколько глубокими и прочными стали связи. Его кожа помнила ее прикосновения, он ощущал ее вкус на языке и в уголках губ и знал, что если повернет голову, то сможет уловить запах собственного тела, исходящий от нее. Хэниш хотел отрешиться от всех этих вещей, но не мог думать ни о чем другом.

Ни одна женщина до Коринн Акаран не вызывала у него таких эмоций. Со времени их поездки в Калфа-Вен она никогда по-настоящему не покидала его мыслей. Хэниш не сумел бы сказать напрямую, что он испытывал к Коринн, но это не значило, что он не чувствовал

нужного слова — смутного и сентиментального, висевшего в воздухе между ними. Во время их первой ночи она была робкой, неуверенной в себе, словно стесняясь своего тела, и оттого казалась Хэнишу еще более привлекательной. Сдержанность Коринн, однако, сохранилась ненадолго. Она отдавала себя целиком, полностью и безраздельно. Ее губы были жадны до поцелуев. Страсть поглощала ее без остатка, а Хэниш чувствовал, что не может противиться ошеломляющему напору. И речь шла отнюдь не только о плотской любви. Хэниш понимал, что дело заходит дальше, много дальше, и это беспокоило его.

Рядом с Коринн Хэниш ощущал удивительное воодушевление. Если принцессы не было поблизости, он все время думал о ней или искал ее, ощущая странное беспокойство. Теперь Хэниш гораздо реже общался с товарищами и соратниками, понимая, что они замечают это охлаждение. Он знал, что поступает неправильно; нельзя отдаляться от друзей, нельзя пренебрегать ими. Хэниш понимал, что ему следовало бы проводить больше времени в их обществе, давая понять, что они ценны и важны для него — но одна мысль об этом утомляла его. Никто другой не давал ему такого ощущения комфорта и покоя, как Коринн. Никто не умел слушать так, как она. В ее обществе самые простые и незамысловатые занятия, вроде стрельбы из лука, становились на удивление приятными. Коринн стреляла гораздо лучше него, но отчего-то Хэниш не чувствовал себя уязвленным. Напротив: такое положение дел забавляло его.

О чем он думал, когда затеял все это? Хэниш говорил, что должен держать принцессу ближе к себе, приглядывать за ней, дабы увериться, что она окажется под рукой, когда понадобится Тунишневр. Так когда же этот «пригляд» превратился в водоворот эмоций?.. Хэниш понимал, что играет с огнем. Он чувствовал, что стал рассеян, что теряет контроль над собой. Не далее как вчера кто-то задал ему вопрос, а он и не услышал, думая о своем. Потом опомнился, увидел множество глаз, глядящих на него с удивлением и беспокойством. Хэниш изменился; медленно, но верно терял хватку. Он сам понимал, что не может и не хочет раз и навсегда разделиться с тем, что ослабляло его. Нужно было поставить Коринн на место. Порвать с ней, отказаться от близости, сказать, что все это была просто шутка. Игра. Оттолкнуть ее резкими, жесткими насмешками. В конце концов, принцессу так легко оскорбить. Она скоро на обиду и возмущение. Пара ехидных фразочек ввергнут ее в пучину ярости. Такая ситуация была бы гораздо более уместна, нежели нынешняя.

Хэниш отлично понимал все это... но не мог ничего с собою поделать. Да и с какой стати? Он силен, он многого достиг в жизни. Все, чего добился вождь, он сделал ради своего народа. Разве он не захватил Изученный Мир? Очень скоро Тунишневр спустятся с Мефалийского Предела; это вопрос нескольких недель. Хэниш отправил Маэндера на поиски детей Акаран, и брат преуспел: он обнаружил младшую принцессу на островах Вуму. Раз Маэндер нашел ее, в скором времени у них будет кровь Тунишневр. Коринн останется жива, ей не придется ложиться на жертвенный алтарь. Так почему же Хэниш должен отказывать себе в любви?..

Вот оно — это слово... Хэниш уже не отвергал его. Таково истинное положение дел. Он осторожно отодвинулся от Коринн, не опасаясь разбудить ее. Не желая, чтобы ему пришлось говорить. Он потратил вечность на то, чтобы аккуратно вытащить руку из-под ее шеи, чуть влажной от пота.

Некоторое время спустя, уже одевшись и приведя себя в порядок, Хэниш снова нацепил маску ледяного спокойствия. Он просматривал письма, которые секретари принесли в его кабинет. Первым делом Хэниш взялся читать послание Халивена. Дядя честно и подробно описывал все события, до мелочей. Поскольку Хэниш получал такие отчеты по меньшей мере дважды в неделю, он знал о каждом этапе перемещения Тунишневр. Ни один из них не был простым. Даже вынуть их из склепа в Тахалиане оказалось нелегкой задачей. Усыпальница могла вместить бесконечное число тел. Архитекторы, строившие эти залы, не предполагали, что предков когда-нибудь извлекут из гробницы. Они были плотно втиснуты в ниши, похожие на соты огромного улья.

Халивену пришлось установить множество пандусов и лебедок — нетривиальная

задача в узком пространстве усыпальницы. Плюс к тому даже при самом лучшем раскладе было непросто добиться, чтобы рабочие соблюдали надлежащую аккуратность и бережно обращались с телами. Невежд-иноземцев было слишком много, чтобы уследить за всеми. Вдобавок ощущение чуждой, недоброй энергии Тунишневр, заставляло их нервничать. Однажды ночью почти пятьдесят рабочих сбежали из лагеря, наскоро сооруженного за воротами Тахалиана. Всех их следовало переловить и жестоко наказать — в назидание прочим.

Удерживать рабочих в подчинении; вынимать и упаковывать тела предков; утихомиривать взбудораженных жрецов; поддерживать в надлежащем состоянии дороги, изувеченные весенней распутицей; продвигаться вперед сквозь стаи кровожадных насекомых; осторожно спускаться с гор к Эйлаванским лесам. Каждая из этих задач решалась ценой титанических усилий и была серьезной проблемой для Халивена. Однако дядя преодолел все трудности, и теперь караван двигался по лесам и равнинам, направляясь к побережью. Самая сложная часть работы осталась позади, но в своем донесении Халивен предупреждал, что продвигаться они будут медленно. Дороги неплохи, тем не менее лучше избегать тряски. Тела предков слишком хрупки, непрочны и требуют осторожного обращения.

Были и другие письма. Одно пришло от управляющего, в чьи обязанности входил надзор за землями острова и нижним городом. Он сообщал, что акации, которые Хэниш в свое время приказал спилить под корень, умудрились дать свежие побеги. Эти деревья оказались необычайно живучими. Очевидно, придется сражаться с ними постоянно, чтобы не позволить акациям вырасти наново.

Еще одно послание было отмечено печатью сэра Дагона. Он просил аудиенции. Хотя, пожалуй, слово «просил» не вполне верно отражало ситуацию, поскольку Дагон сообщал точное время своего прибытия — немного позже этим же днем. Так что просьба более походила на требование. Прелестно, подумал Хэниш. Время, названное в письме, уже приближалось. Каковы бы ни были намерения сэра Дагона относительно встречи, Хэниш решил, что вытянет из него как можно больше сведений.

Хэниша всегда удивляла внешность членов Лиги. Странное несоответствие между тщедушными, хрупкими телами и спокойной самоуверенностью, которую они демонстрировали всем и каждому. Сэр Дагон носил шляпу, обшитую золотыми лентами. Его лицо было все таким же худым и бледным, а вот шея показалась Хэнишу несколько длиннее, чем в прошлый раз. Впрочем, он решил, что это не более чем игра воображения.

Мужчины слегка поклонились друг другу. Сэр Дагон тяжело опустился на стул и утомленно вздохнул. Сунув руку в складки своих одежд, он вытащил небольшую трубку для миста, сделанную из синего стекла, с небольшой чашкой и тончайшим стебельком мундштука. Сэр Дагон снял крышку с чашечки, подцепив ее длинным ногтем, и из трубки заструился дымок — словно она была зажжена постоянно или странным образом загоралась, стоило лишь отколупнуть крышку.

— Я бы предложил вам закурить, — сказал Дагон, — но боюсь, вы не совладаете с неразбавленным мистом.

Хэниш чуть склонил голову набок и искривил губы в усмешке, давая понять, что прекрасно проживет без наркотика.

— Как Лига справляется с последствиями нападения на платформы? — поинтересовался он. — Я почти ничего не знаю. Расскажите-ка поподробнее.

Сэр Дагон довольно долго молчал, прежде чем раскрыть рот, точно демонстрируя, что делает это по собственной воле, а не по распоряжению Хэниша. Он начал с пространного описания поломок на платформах и финансовых потерь Лиги. Эти проблемы, сказал он, хотя и преодолимые, отразятся не только на ближайших поставках, но и на будущих. В настоящее время есть ряд затруднений, связанный с передачей Лотан-Аклун положенной им Квоты. Взрывы и последующий пожар повредили склад, где Квота хранилась. Этот склад находился среди довольно большого комплекса зданий — более похожего на миниатюрный город. В

суматохе товар — как Дагон обозначил детей-рабов — разбежался и устроил бунт. Они нашли факелы, вымазали их в смоле и устроили собственный пожар. Инспекторат Иштат подавил восстание, но к тому времени вся платформа была объята пламенем. Чтобы локализовать огонь, пришлось заблокировать складскую территорию, где оказалась большая часть товара, и оставить ее догорать. Так что товар погиб. Вся партия.

— Вам следовало рассказать мне об этом раньше, — заметил Хэниш.

Сэр Дагон затянулся трубкой. Он выдохнул клуб голубоватого дыма и произнес, чеканя слова:

— Мы полагаем, что дела Лиги вас не касаются.

— Меня все касается. Я думал, мы действуем сообща. Нет?

Дагон устремил на Хэниша взгляд, который можно было трактовать как сердитый, хотя эмоции почти не отражались на его бледном бесстрастном лице.

— Лига — коммерческая структура. Для нас любой человек — конкурент. И в наибольшей степени это относится к нашим же богатым клиентам. Удивительно, что вы до сих пор не поняли...

Хэниш все понял очень давно. Лига пересидела войну в безопасном месте и к концу ее стала еще богаче, чем прежде. Очевидно, ее мало волновала судьба Акаранов, которые являлись ее партнерами на протяжении жизни двадцати двух поколений. Некогда такая ситуация полностью устраивала Хэниша, ибо отвечала его собственным интересам. Теперь, однако, непостоянство Лиги стало поводом для беспокойства. Впрочем, Хэниш отлично понимал, что Дагон не должен догадаться о его чувствах. Он сказал, как мог, беспечно:

— Кто бы мог подумать, что пираты выкинут такой фортель? Обычно они сражаются с рабовладельцами. Стремятся освободить рабов, но уж никак не сжечь их.

— Они стремятся. Благородные цели... только вот методы подкачали. Ну, лес рубят — щепки летят, знаете ли. На войне невинные страдают больше всех. Так всегда было, всегда будет. — Дагон чуть нахмурился, на его лице мелькнула досада. — Ничего, скоро мы разберемся с этими разбойниками. Ни одна армия не подходит для такого дела лучше, чем Инспекторат Иштат. Мы найдем пиратов и раздавим их — к всеобщему удовольствию.

Хэниш сделал рукой неопределенный жест.

— И когда же вы их найдете? Я думал, у вас шпионы на каждой скале в Серых Валах.

— Найдем. Правда, после нападения на платформы Шпрот и его команда исчезли.

— В самом деле?

Сэр Дагон смерил Хэниша взглядом, словно проверяя, не насмехается ли он. Потом взял тонкими губами мундштук, глубоко вдохнул и молчал несколько секунд, удерживая дым в легких.

— Первоочередная задача Лиги, — сказал он наконец, — восполнить потери. Товар мы берем в Луане. Это прибрежный город на севере Кендовии. Так можно возместить всю партию сразу.

— Не понимаю вас.

— Повторяю еще раз: мы восполним потери в Луане. Придем под покровом ночи, проникнем туда и возьмем товар, который нам требуется.

— Иначе говоря: детей, — бросил Хэниш. — И сколько же вам требуется?

— Две тысячи, — бесстрастно сообщил сэр Дагон.

Прежде чем Хэниш успел ответить, он продолжал, объясняя, что в эти дни в городе отмечается большой праздник — возвращение весны. Туда стекается население со всего региона, из множества городов и деревень. И дети в том числе. Задача сама по себе не так уж проста, поскольку придется искать товар определенных стандартов. Возможно, придется взять некоторое количество детей старше или младше оптимального возраста. Тем не менее это наиболее удачное решение проблемы...

К тому времени, как сэр Дагон закончил, Хэниш смотрел на него в упор, не отрывая взгляда. Две тысячи? На севере Кендовии едва ли наберется такое количество. Выходит, Лига намерена забрать почти всех детей, какие вообще есть в этом краю. Хэниша

преследовало искушение махнуть рукой на дипломатию и как следует врезать сэру Дагону по зубам. Две тысячи?! Это противоречило всем правилам и установлениям, которые предполагала система Квоты. Лига наконец-то показала свое истинное лицо — да так, что провинция Кендовия не скоро оправится от удара. Если оправится вообще.

Некоторое время Хэниш сидел молча, потирая пальцами виски. Он думал о Коринн. Надо сообщить ей. Он посмотрит ей в лицо и выслушает то, что она скажет. Так ему будет проще понять свои собственные чувства. Да. Непременно нужно посоветоваться с ней. Хэнишу становилось все труднее оценить последствия, которые оказывали на мир его решения. Коринн поможет ему.

— Знаете, сэр Дагон, — сказал он с придыханием, — некоторые утверждают, что Лига изжила свою полезность. Некоторые говорят, что она берет слишком много и дает слишком мало.

Дагон неприятно усмехнулся.

— И какой же мудрый советчик нашептывает вам такие слова?

Хэниш пропустил вопрос мимо ушей.

— Вы и впрямь полагаете, что я позволю забрать у людей целое поколение? Я не могу. И не позволю. Кендовия и так не самая благополучная из провинций. Во всем Изученном Мире люди увидят угрозу для себя. Они будут возмущены. Из этой искры может разгореться пламя волнений и бесчинств. Нет, вы должны найти другой способ. Нам нужно увеличивать население, а не выкашивать его под корень.

Сэр Дагон закрыл трубку крышечкой и убрал ее. Несколько секунд он пристально разглядывал вождя, а потом сказал:

— Я здесь ничего не решаю, Хэниш. Приказ уже отдан. Рейд, по всей вероятности, произошел вчера. Я пришел, чтобы сообщить вам об этом, отдавая дань вежливости. Дабы вы были в курсе событий. Можете смотреть на меня волком. Угрожать мне. Ругаться. Свернуть мне шею, если угодно, или ткнуть кинжалом. Я полностью в вашей власти. Только знаете что, поступив так, вы уподобитесь муравью, который кусает человека за палец. Укусите сейчас, а в следующий миг вас раздавят. Вы правите Изученным Миром по позволению Лиги Корабелщиков. Неужели еще не поняли? А смута, которой вы так опасаетесь, уже началась. И для того чтобы это случилось, не потребовалось никаких действий с нашей стороны. Взгляните на провинции, Хэниш. Посмотрите на Талай. Приложите ухо к земле — и вы услышите имя, которое люди шепчут все чаще и громче. Очень скоро у вас появится множество своих проблем, так что не лезьте в наши. Только знайте: какой бы там ни поднялся мятеж — он ничто в сравнении с риском рассердить Иные Земли.

— Так стало быть, и вы боитесь кого-то, — бросил Хэниш. — Вы оскорбляете меня, пытаетесь поставить на место... но Лотан-Алкун вы боитесь.

Сэр Дагон поднялся на ноги, уже готовясь уйти, но что-то в словах Хэниша остановило его. Взгляд, который он устремил на вождя, был почти добродушным.

— Вы очень плохо разбираетесь в таких вещах. Не Лотан-Алкун мы боимся. Они не так уж и сильно отличаются от нас, от Лиги. Разве что их богатство превосходит наше. Те, кого мы опасаемся, стоят за Лотан-Аклун. С ними лотаны торгуют, как вы торгуете с нами.

В эти последние несколько секунд на Хэниша обрушился поток сведений, которые трудно было осознать в единый миг. В голове роились вопросы, и Хэниш не знал, какой из них задать первым. Стараясь не выказывать удивления, он спросил — равнодушным голосом, словно бы между прочим:

— И как же называется этот народ?

Сэр Дагон заговорил не сразу, явно раздумывая, стоит ли вообще отвечать.

— Ольдек, — наконец отозвался он. — Вы никогда не видели ни одного из них — и не надо. Лучше вам ничего о них не знать. Спокойнее будете спать по ночам. Да-да, даже вы. И поверьте мне, Хэниш: в тот день, когда они решат обратить на вас внимание — чтобы наказать, или взять товар без посредников, или из пустого любопытства, — мир, который вы

знаете и любите, исчезнет навсегда. Только благодаря Лиге Корабельщиков он худо-бедно пребывает в равновесии...

Дагон снова вознамерился уйти, но Хэниш удержал его.

— Погодите, — сказал он, смирив гордость. — Я... благодарю, что вы рассказали мне о Луане. Я понимаю, что в эти тяжелые времена Лига вынуждена действовать решительно, и не виню вас. Однако будет лучше, если вы останетесь и просветите меня. Я многого не знаю, а меж тем некоторые проблемы проще решать сообща. Не находите?

Сэр Дагон подумал немного. Он ничего не сказал, опустил обратно на стул и снова вытащил трубку.

Глава 52

Море у южного побережья Талая было черным и злым. Ни один пират с Внешних островов никогда еще не видел ничего подобного. Течения, огибающие континент с двух сторон, неслись навстречу друг другу и встречались в этих водах — холодных из-за вечного пребывания в тени изгиба материка. Пять дней огромные как горы волны подкидывали «Баллан» к небесам и швыряли его вниз. Корабль кренился при каждом подъеме, словно взлетающая птица, а потом падал на воду с огромной высоты. Пираты, до сих пор не ведавшие, что такое морская болезнь, ходили на ватных ногах, с пожелтевшими лицами, растеряв всю удаль и задор. Все, что они съедали, немедленно отправлялось в море, и даже когда желудок был пуст, их тошнило желчью и слизью, выворачивало наизнанку, словно они пытались выблевать собственные внутренности.

От самого побережья вглубь талайских земель простиралась бесцветная пустошь, отмеченная тут и там невысокими песчаными дюнами. Ничего более не было в поле зрения — никаких гор, ни клочка растительности, ни человеческого жилья, чтобы хоть немного нарушить монотонность пейзажа. Шпрот чувствовал себя несчастным. Ему хотелось хоть ненадолго вылезти на берег, посидеть на твердой земле, поплакать втихаря и помахать «Баллану» рукой. Если не было иных дел, такие фантазии помогали ему скрасить долгие пустые часы.

Пираты наблюдали разные странности, о которых раньше слыхали только в сказках. Они видели разноцветные огни на небе — мерцающее сияние, похожее на длинную пеструю ленту. Шпрот вслушивался, стараясь уловить звук: ему казалось, что такие невероятные искажения цвета должны разорвать воздух раскатами грома. Тишина вызывала странное ощущение неестественности происходящего. В ней было что-то неправильное.

Однажды за правым бортом показалось семейство китов. Они устроили настоящий балет, один за другим выпрыгивая из воды, клонясь набок и с шумом падая в пенистые брызги. В другой раз «Баллан» проплыл мимо огромной глыбы дрейфующего льда. Мальчишка-впередсмотрящий, заметивший его, понял тревогу. Позже он признался, что испугался до смерти, решив, будто «Баллан» заплыл во владения призраков. По поверью люди Изученного Мира не должны видеть духов; того, кто посмотрит на призрака, ждет суровая кара. Шпрот оттащил мальчишку за волосы, однако и у него по спине прошел холодок — юношу преследовали похожие мысли. Ну и путешествие они совершали! Шпрот едва мог поверить, что все происходит на самом деле. Молодой капитан до сих пор удивлялся, вспоминая, с какой легкостью команда согласилась на его безумное предложение.

Все произошло несколько дней спустя после нападения на платформы. На закате, когда команда собралась на палубе «Баллана», Шпрот сказал:

— Я должен вам кое-что сообщить. Возможно, вы решите, что я рехнулся, но это не меняет дела.

Он начал издалека. Шпрот сказал, как он любит свою команду и радуется каждой минуте, проведенной в их обществе. Вместе они вели чудесную и опасную жизнь, полную азарта и риска. Ему нравилась эта пиратская вольница, где не было иных законов, кроме тех,

неписанных, что они устанавливали сами. Каждый член команды был для него как брат — или сестра. Шпрот называл всех по именам, вспоминал их былые приключения. Пираты давно уже стали словно бы отдельным народом, разве не так? У них был настоящий враг в лице Лиги Корабельщиков, и пираты нанесли этому врагу сокрушительный удар. Капитан гордился своей командой и их многочисленными подвигами.

Беда в том, сказал Шпрот, что так не может продолжаться вечно. Он родился в регионе Внутреннего Моря, в самом сердце обитаемых земель, но сбежал оттуда, когда стало горячо. Шпрот старался забыть свою прежнюю жизнь, оставить ее за спиной и прикинуться, что не имеет ко всему этому отношения. Он почти преуспел, однако не до конца. На самом деле Шпрот ничего не забывал и более не мог притворяться, будто не имеет обязательств перед своей родиной и своей семьей. Пришло время исполнить предназначение и принять судьбу, которую он отверг много лет назад. Именно это Шпрот и собирается сделать.

Немного сконфуженно, словно извиняясь, юноша сообщил, что после смерти Довиана «Баллан» перешел в его собственность. Он не собирается никого принуждать насильно, и если пираты не желают присоединиться к нему, они вольны в выборе. Однако корабль Шпрот заберет и отправится к побережью Талая, а оттуда — во Внутреннее Море. Если Лика Алайн прав, война уже разгорается. Шпрот имел веские причины ненавидеть Хэниша Мейна и собирался сделать все, что в его силах, дабы избавить мир от власти северян. Юный капитан надеялся, что хотя бы несколько человек из тех, кто слушает его сейчас, последуют за ним. Впрочем, каждый может решать по своему разумению. Дело их ждет опасное, а шансы на победу непонятны, и награда не обещана...

— Ну, в общем, вот и все, что я хотел сказать.

Несколько секунд все сидели в тишине. На самом деле Шпрот хотел сказать кое-что еще. Пока он открыл только половину правды, но вторая ее часть была много сложнее первой. Во всяком случае, Шпрот чувствовал, что ему трудно открыть ее товарищам. Перед уходом Довиан заставил его пообещать, что он это сделает, так что юноша вынужден был сказать. Вынужден был растолковать пиратам, кто он таков на самом деле.

— Хотя нет, не все. Прежде чем вы примете решение, я должен еще кое-что объяснить...

Шпрот опять умолк. Мужчина не может снова стать мальчишкой, и все же он чувствовал себя так, словно отступал назад, к временам своего детства, к ребенку, верящему в мир, который не заслужил доверия. Если он заговорит, то снова станет одиноким, заплаканным малышом, оставленным в полуразвалившейся хибарке в горах. Беспомощным, всеми позабытым мальчишкой, глядевшим сквозь проломы в стенах на огромный мир, которому было на него наплевать. И кто спасет его на этот раз?..

— Эй, Шпрот, мы не можем залезть тебе в голову, парень, — сказал Нинеас с обычной беспардонностью. — Что ты там думаешь — выдай наружу, тогда мы услышим.

— Для начала я хочу попросить вас больше не называть меня Шпротом. — На лицах пиратов он не заметил ни удивления, ни осуждения. Глаза были серьезными, без тени презрения или насмешки. — Я долго прятался за это прозвище. Оно славно послужило мне, но теперь все будет иначе, потому что я больше не намерен скрываться. Зовите меня Даризэл. Даризэл Акаран. Таково мое настоящее имя.

Вслед за этим наступила глубокая омерзительная тишина. Молодой капитан содрогнулся. Куда подевалась его уверенность? В бою, перед лицом опасности он чувствовал себя как рыба в воде, но когда понадобилось сделать простую вещь — назвать собственное имя, — Даризэл так растерялся, что ему хотелось затолкать слова обратно в глотку. Впрочем, дело было сделано, и он вскоре перестал сожалеть. Его главенство над этими людьми не значит ничего, если они не примут его настоящего. Такого, каков он есть. Сражение с Хэнишем Мейном не будет их войной, если они не захотят этого сами. А он должен быть честен с теми, кого поведет в бой. Один из пиратов сказал:

— Ежели ты принц, стало быть, мы — твои придворные?

— Я всегда знала, что во мне течет благородная кровь, — пискнула Джина и

захихикала.

Клайтус поднялся на ноги и, улыбаясь, шагнул к Дариэлу.

— Ба! Какой у тебя удивленный вид, принц Дариэл Акаран. И с чего? Думаешь, мы против? Большинство из нас давно догадывались, кто ты есть. А Довиан только подтвердил наши подозрения.

При упоминании о Довиане — или Вале, как называл его Дариэл — слезы навернулись на глаза юного капитана. Он поспешно стер их, пока никто не заметил, и принял свой обычный бесшабашный вид.

— Ладно. Тогда выходи, кто не сдрейфит воевать с Хэнишем Мейном.

Пичуга первой шагнула вперед. Многие другие последовали за ней.

Вот так и началось путешествие. Команда обожала своего капитана и пылала энтузиазмом. Вспоминая об этом, Дариэл благодарил судьбу. Он вовсе не ожидал от людей особых почестей, не чванился и не зазнавался. Пираты подчинялись Дариэлу как своему капитану, статус принца ничего не изменил в их отношениях. Они по-прежнему были командой — друзьями и боевыми товарищами.

Обогнув материк, «Баллан» снова повернул на север. Здесь они повстречали торговый корабль Лиги, направлявшийся к югу. Судно ошметинилось солдатами, готовясь к стычке, но пираты развернули все паруса и пролетели мимо, не обратив на корабль Лиги ни малейшего внимания. Дариэл велел поднять флаг. Пусть все знают, кто мы и что делаем, подумал он.

Неделю «Баллан» плыл на север, и вода в море становилась все теплее. Еще несколько дней они двигались вдоль побережья Тея, раздумывая, где бы пристать. По совету Лики Алайна, Дариэл не стал огибать мыс. Сам Тей ныне обжили солнцелюбивые нюмреки, а во Внутреннем Море слишком много недружелюбных кораблей. В конце концов «Баллан» бросил якорь в порту бальбарского города Фалик, откуда начинался торговый путь во внутренние районы восточного Талая.

С того самого момента, как Дариэл ступил на пристань и взялся договариваться о стоянке, он понял, что попал в земли совершенно иной культуры. Дариэл чувствовал себя здесь чужаком; все вокруг было странным, непривычным и непонятным. Его знание мира отнюдь не ограничивалось культурой Акации. В разношерстной команде «Баллана» были люди из разных народов и уголков Изученного Мира, каждый со своими обычаями и традициями, которым они следовали, дабы не потерять связь с корнями. Однако эти различия были невелики, если судить по горстке людей, объединенных общими взглядами и склонностями. В Фалике Дариэл повсюду видел темнокожие лица. Неизвестные запахи словно состязались друг с другом, стараясь сбить его с толку. Слышался непонятный говор, и Дариэл даже не мог сообразить, были это слова одного языка или многих разных.

Он ходил с широко раскрытыми глазами, озираясь по сторонам, а Фалик вовсе не интересовался пришельцем. Люди шли по своим делам, глядя сквозь чужака, словно Дариэл был пустым местом — разве что прохожему требовалось его обойти. Он стеснялся своей белой кожи в толпе темнолицых аборигенов — стакан слабого чая, плавающий в море черного кофе. Отнюдь не все местные жители принадлежали к народу бальбара. Пожалуй, даже не все были уроженцами Талая. Дариэл видел в толпе представителей самых разных народов. Тем не менее бальбара преобладали. Эти люди с очень темной кожей, широкими лицами и мускулистыми телами неизменно притягивали к себе взгляд в толпе — и казалось, что их много больше, чем было на самом деле.

Дариэл оставил большую часть команды на «Баллане». С небольшой компанией, в составе Лики, Пичуги и Клайтуса, он отправился в поселение, которое на многие годы стало домом его брата. Прибыв в Белую Пристань, Лика Алайн поведал, что Аливер скрывается в талайской деревне Юмэ. Таддеус, сообщил старый генерал, все эти годы знал о местонахождении Аливера. Он велел Лике привезти к нему младшего брата, когда тот будет готов. Теперь, надобно так понимать, Дариэл был готов — хотя, надо сказать, сам он отнюдь не испытывал подобной уверенности.

Покинув Фалик, они влились в поток путников, направляющихся вглубь страны. Здесь были целые караваны и одинокие запыленные пешеходы, и всадники, ехавшие на лошадях, на верблюдах, на мулах или ведущие навьюченных животных в поводу. Дариэл и его маленький отряд хотели сохранить анонимность, а потому такое скопление народу подходило им как нельзя лучше. Никто не обращал на путников внимания; они были просто одними из многих и, так же, как все, брели по утопанной дороге, что вилась среди бронзовых равнин, поросших кустарником и акациями.

Дариэл полагал, что по мере удаления от порта толпа мало-помалу рассеется, когда отдельные люди свернут к своим домам и селениям. Минуло три, потом четыре дня, но ничего подобного не происходило. Дариэл не знал, каково обычное количество пилигримов и купцов на дороге, и все же вскоре понял, что такой поток являет собой нечто непривычное. Число людей только возрастало. Просыпаясь по утрам, Дариэл видел все больше палаток, тентов и шатров. Он начинал понимать, что путники говорят о восстании, о переменах, о войне. Они направлялись туда же, куда и Дариэл.

Лика шел рядом с принцем упругим легким шагом. Вернувшись в Талай, он, казалось, расслабился. Генерал потратил много времени и сил, убеждая Дариэла признать свое происхождение и отправиться с ним, но все это было в прошлом. Лика выполнил свою задачу и теперь, похоже, наслаждался приятной прогулкой. Складки на жестком лице разгладились, генерал будто помолодел. Иногда Дариэл раздумывал, каков Алайн на самом деле. Есть ли у него жена? Дети? Может быть, уже и внуки... Если вдуматься, генерал был вполне приятным человеком.

Однажды Дариэл сказал:

— По-моему, ты очень доволен собой.

— Я доволен жизнью, — откликнулся Лика.

Ближе к вечеру, на пятый день путешествия Дариэлу показалось, что они приближаются к какому-то большому городу. Странное дело. Он-то думал, что на всем протяжении пути до Юмэ стоят лишь деревни и мелкие поселения. Дариэл спросил генерала, и тот подтвердил, что дорога петляет между деревнями. Нет, сказал он, здесь нет больших городов.

Дариэл с сомнением посмотрел вперед. Его смущали строения, поднимающиеся над кронами акаций.

— Может, нам лучше сойти с главной дороги и путешествовать в одиночку?

Принц не знал, почему толпа его беспокоит. К тому не было никаких оснований, среди людей им ничто не угрожало, но, видно, сказывалась давняя привычка. Пираты на островах жили маленькими группами, а Дариэл провел среди них всю сознательную жизнь. Большие толпы народа нервировали его — особенно здесь, в незнакомой, чужой земле.

— Ничего не выйдет. Людям с нами по пути, — откликнулся генерал. Глаза его смеялись. — Да и смысла нет. Пока мы идем в этом направлении, толпы будут повсюду. Кто-нибудь да окажется рядом.

Тем же вечером маленький отряд остановился на привал. Мужчины развели костер, а Пичуга отправилась купить мяса и вернулась в сопровождении нескольких подростков-бальбара. Очевидно, мальчишки были очарованы ею и наперебой старались угодить. Дариэл встретил их не слишком любезно, но юнцы расселись вокруг костра, и остальные были рады их обществу. Мальчишки неплохо говорили по-акацийски и лишь изредка переходили на свой язык — должно быть, обсуждая иноземцев. Вскоре к ним присоединился флейтист, предложив музыку в обмен на еду. К сумеркам возле костра собралась целая толпа. Люди приходили, подсаживались к огню и уходили, когда им хотелось.

Дариэл сидел с краю с мрачной миной. Настроение резко ухудшилось, и он не мог понять почему. Все остальные веселились до упаду. Клайтус, подвыпив, научил мальчиков скабрезной песенке о старом крестьянине, который любил одну из своих кур неподобающим способом и огреб через это много проблем. Лика негромко беседовал с незнакомцем, чья кожа была цвета золотистого меда. Даже Пичуга в окружении этих людей чувствовала себя

как дома, шутила и смеялась вместе с ними. Она посматривала на Дариэла, не замечая его настроения. Это тоже было частью проблемы: его никто не замечал. Никто ни о чем не догадывался. Принц хотел соблюдать инкогнито, пока не отыщет брата, и теперь стало ясно, что он целиком и полностью преуспел. Дариэл был никому неизвестным чужаком — и теперь сомневался, правильно ли он поступил. Как вести за собой армии и поднимать людей на борьбу, если люди даже не знают, кто он?

И все же, прислушиваясь к разговорам, Дариэл выяснил кое-что интересное. Несколько человек поведали, что недавно отказались от миста. Они не понимали, как такое случилось. Все были наркоманами с многолетним стажем и не мыслили себе жизнь без миста. Днями они работали, мечтая лишь о том, чтобы поскорее настал вечер. И вдруг что-то изменилось. У каждого из этих людей была своя история, но все сходились в одном: мист, вместо того чтобы доставлять им радость, стал истинным кошмаром. Он больше не погружал их в прекрасные фантазии, а, наоборот, — воплощал самые жуткие страхи. Так продолжалось ночь за ночью, с каждым разом все хуже. В конце концов видения стали такими ужасными, что люди предпочли бросить наркотик — пусть даже ломка сама по себе была настоящей пыткой. Тем не менее они пережили ее и теперь были свободны от своего извечного голода, находя давно забытые радости в реальной жизни.

Чуть позже к компании присоединился акациец. Он предложил рассказать историю о Короле Снегов в обмен на пару кусков козьего мяса. Жуя и глотая, мужчина поведал, как Король Снегов решил, что только древние колдуны, давно изгнанные на край света, могут вернуть в мир прежнее равновесие. Он отправился на поиски чародеев и прошел весь Талай, убив по дороге стаю лариксов. Много дней он провел без пищи и воды, путешествуя по землям дальнего юга, где жара убивает человека почти мгновенно. Однако Король Снегов выжил и отыскал колдунов, обращенных в каменные статуи. Хитрость и находчивость помогли Королю убедить колдунов встать на его сторону в войне.

Дариэл сидел, зачарованно слушая повествование, которое звучало как древняя легенда. Принц никогда не слышал ее прежде. Он не мог припомнить никаких сказок о Короле Снегов, и это удивило его. Все эпические сказания Дариэл выучил почти наизусть еще в детстве, и они были понятнее, чем многие события нынешних времен. Вдобавок прозвание, которым рассказчик наградил короля, показалось Дариэлу странным. Откуда в этих сухих, выжженных солнцем землях могли взяться сказки, связанные со снегом? Каким образом здесь появился герой с подобным именем?

Дождавшись паузы, Дариэл спросил:

— Король Снегов? Кто же он такой?

Акациец обернулся к Дариэлу и смерил его презрительным взглядом, увидев перед собой молодого бродягу в просторной рубаше, распахнутой до пупа, и длинными волосами, небрежно собранными в хвост. Тем не менее акациец сидел у его костра и ел его мясо, а потому вынужден был проявить уважение.

— Королем Снегов называют самого Аливера Акарана, наследника престола Акации. Он получил это прозвание, когда король Леодан пал от рук убийцы. В ту ночь в Акации шел снег. Снег, понимаешь? Белые холодные пушинки, которые падают с неба. Такого не бывало в Акации сто лет, но королевские дети не испугались и решили поиграть в снежки. Снежки — это шарики из снега, их кидают друг друга и соревнуются таким образом. Ну вот. Аливер — старший из детей короля — сказал, что еще до конца ночи его провозгласят королем снегов. Это было пророчество, понял? Пророчество — потому что его отца убили в ту самую ночь. Вот почему мы так его называем. Это имя он дал себе сам. Странно, что ты ничего не слышал. Мы хотим присоединиться к Аливеру Акарану. Он говорит, что если мы будем сражаться на его стороне, то вместе сделаем мир лучше. Я ему верю.

— Мы все верим, — откликнулся один из мальчишек. Множество голосов поддержали его.

— Аливер Акаран говорит: пусть нас и мало в сравнении с мощью Мейна, но это не важно. Муравьи живут на акациях. Они прогрызают дупла и селятся в них, защищая деревья

от тех, кто хочет им навредить. Для муравьев дерево — это жизнь. Это их мир. Король Снегов предлагает людям вспомнить о тех муравьях и о силе, которой они обладают. Так поступаем и мы. Защищаем дерево, давшее нам жизнь.

В ту ночь Дариэл ни на миг не сомкнул глаз и на следующий день шел, словно во сне. Его не беспокоили воспоминания, не чувствовал он и душевного подъема. Внутри была пустота. Она осталась в душе на долгие годы — с того дня, когда мальчик лежал в горной хижине, чуть живой от страха. С тех пор пустота затаилась, но не исчезла совсем. Дариэл понимал, что близится момент, когда пустое место так или иначе будет заполнено, и это немного пугало его. Принц сказал себе, что примет как должное все, что придет к нему. Может быть, именно поэтому он перестал воображать, надеяться или мечтать о том, что должно прийти.

По словам Лики Алайна, они уже приближались к цели и потому не стали устраивать привал после наступления темноты. Вокруг виднелись распаханые поля. Очевидно, путники поднялись на возвышенность, потому что вечер был прохладным и ветреным. Наконец, настал момент, когда Дариэл поднялся на вершину холма и посмотрел на Юмэ. Вид, открывшийся перед ним, потряс юного принца до глубины души. Долина внизу сияла сотнями огней, словно под ногами оказалось небо, сияющее мириадами звезд. Огни были повсюду, насколько хватал глаз.

— Это просто костры, Дариэл, — сказал Лика. — Походные костры и лампы.

— Но их столько!.. Словно там город.

— Это не город. Всего лишь деревня. Однако вокруг нее расположилась армия твоего брата. И твоя.

Бок о бок они спустились с холма, направляясь к морю огней. Дариэл не ориентировался в поселении, поэтому просто шел за Ликой. Принц не знал в точности, сколько минуло времени, но, в конце концов, они приблизились к одному из больших шатров в центре деревни.

— Мы пришли, — сказал генерал.

Молодой талаец сидел на корточках неподалеку от входа. Он не двинулся с места, и лишь его глаза внимательно следили за приближением чужаков. Талаец оставался бесстрастным, однако Дариэл заметил, как что-то неуловимо изменилось в его взгляде, когда они с Алайном подошли у дому. Теперь юноша был уверен, что за кажущимся спокойствием этого красивого темнокожего лица таится веселье. Дариэл открыл, рот, собираясь заговорить, но талаец успел первым.

Он сказал что-то на родном языке. Дариэл начал было отвечать, что не понимает его, когда молодой человек улыбнулся и жестом предложил ему войти. На ломаном акацийском он проговорил:

— Заходи, принц. Внутри. Пожалуйста, иди внутрь.

Шатер был довольно велик. Многочисленные деревянные столбы подпирали крышу и растягивали стены. Горели масляные лампы. Повсюду стояли табуреты, невысокие диванчики и столы, кое-где висели карты. Так что приходилось пробираться по шатру словно по лабиринту. Дариэл остановился и замер, оглядываясь по сторонам. Он заметил человека, склонившегося над низким столом. Его волосы были коротко обрезаны на талайский манер, но кожа казалась гораздо светлее — не темная, а скорее оливковая. Хотя он был молод, его лицо светилось умом и мудростью, и Дариэл сперва решил, что перед ним какой-то советник или, может быть, ученый с военной специализацией.

Молодой человек поднял голову и пошел к Дариэлу. Он двигался легко и плавно, подобно талайским бегунам. Стало быть, еще и воин вдобавок ко всему прочему. На бедре он носил меч — слегка изогнутый клинок, не похожий на те, что Дариэл видел в Талае до сих пор. Однако в движениях не было никакой скрытой агрессии. Он шел, раскинув руки в стороны, ловко пробираясь между столами и табуретами. Дариэлу показалось, что молодой человек готов кинуться вперед, чтобы обнять его. Но с какой стати? Дариэл не знал, что и думать, а потому просто стоял и смотрел, как приближается воин. На его лице отражалась

одновременно и радость, и боль; оно было так странно, невероятно знакомо...

И тогда Даризэл понял.

Глава 53

Коринн чувствовала, что может вновь обрести радость бытия. Разумеется, дело продвигалось медленно и трудно. Конечно же, останутся воспоминания, которые подстерегут ее в самые счастливые моменты, и призрак смерти всегда будет прятаться в дальнем уголке сознания. Тем не менее боль потерь притупилась с прошедшими годами. Былые печали отступали — особенно теперь, когда в ее существовании появился смысл, и Коринн поверила, что жизнь умеет преподносить прекрасные дары. Можно позабыть о невзгодах и хотя бы на краткие мгновения стать счастливой. Коринн более не стыдилась таких рассуждений; напротив, она приветствовала их.

Появление этих мыслей, разумеется, целиком и полностью было заслугой Хэниша Мейна. С каждым днем Коринн все больше привязывалась к нему, и ее притягивал отнюдь не только секс. После той первой ночи в Мэниле они с Хэнишем часто занимались любовью, но желания Коринн не ограничивались постелью. Это даже немного пугало ее. Коринн хотелось, чтобы Хэниш принял ее такой, какая она есть, понимал ее, заботился о ней. Она так долго жила, защищаясь от мира, выстраивая прочные барьеры между собой и остальными людьми. Хэниш был первым человеком со времен ее детства, перед которым рушились эти стены. Он посвящал ее в свои тайны, делился самым сокровенным. Они оба отдавали что-то и доверяли друг другу. Оба были уязвимы.

В иной ситуации Коринн не ослабила бы защиту. Однако принцесса была довольна тем, что имела. Через девять лет после окончания войны она, наконец, нашла свое место в мире и смысл жизни. И человека, с которым могла разделить горе и радости. Они так недолго пробыли вместе; их любовь еще только зарождалась — медленно и осторожно, и все же Коринн не мыслила для себя иной жизни. Они с Хэнишем проводили вместе все свободное время — насколько позволяли его государственные дела. Каждую ночь они делили постель. Коринн было хорошо с Хэнишем. Она хотела его — ненасытно, жадно и страстно.

Однажды вечером она нарочно заставила его ждать себя в постели. Коринн вошла в комнату через дальнюю дверь. Она была одета в одну только прозрачную сорочку, едва прикрывающую бедра. Она медленно шла к кровати, чувствуя на себе взгляд Хэниша, зная, что огонь свечей подчеркнет контуры ее бедер, живота и груди. Коринн переполняло нервное возбуждение. Странное чувство. Она казалась себе вызывающе вульгарной, словно шлюха. Губы увлажнены ароматным маслом, а глаза подведены, как у куртизанки. И вместе с тем Коринн излучала невинность, будто она была еще ребенком, девочкой, ловившей на себе взгляд сияющих глаз. В них был оттенок покровительства; так мог бы смотреть на нее отец. Очень странно, подумала Коринн, но определенно приятно.

Она по-прежнему сопровождала Хэниша в поездках и через некоторое время добилась того, что вождь уже не мог без нее обходиться. Коринн стояла рядом с ним, когда Хэниш встречался со старейшинами племен Кендовии на переговорах в Элосе. В Алите она обучала угрюмого представителя Лиги, сэра Дагона, стрельбе из лука. К концу дня его нелюдимость как рукой сняло. Сэр Дагон расточал комплименты, восхищаясь ее умениями лучницы и чарующим характером. Во время увеселительной морской прогулки на корабле принцессе отлично подошла роль посредника между богатыми купцами-акацийцами и мейнской аристократией.

Все это вызывало досаду у многих мейнцев, составлявших двор вожды. Эти амбициозные лизоблюды казались вполне счастливыми в те времена, когда Коринн была мишенью для колких острот Хэниша. Теперь ее статус разительно изменился. Никто не сказал принцессе дурного слова, но Коринн могла представить себе мысли этих людей. Они ненавидели ее. Коринн чувствовала ненависть такую яростную, что временами казалось — она вот-вот прорвется наружу в каком-нибудь физическом воплощении. В конце концов,

Коринн была презренной акацией, представительницей покоренного народа. Она отличалась яркой, броской красотой женщин юга, которая, по идее, не должна привлекать мейнских мужчин. В их представлении Коринн могла быть разве что игрушкой, вещицей для развлечения. Даже Ренна, когда-то называвшая себя ее подругой, теперь избегала Коринн, говорила с ней только по необходимости и без особенной теплоты.

Не всегда отношения с Хэнишем были безоблачны. Порой случались и разлады. Коринн помнила момент, когда они стояли на смотровой площадке киднабанских рудников, глядя на неправдоподобно огромный кратер внизу. Хэниш кивнул на знамена с изображением акации, до сих пор висевшие на башнях.

— Все это создали Акараны, — сказал он. — Как вы до такого додумались? Откуда в вас столько злобы? Каким жестоким сердцем надо обладать, чтобы обратить в рабов миллионы людей?

Коринн почувствовала себя оскорбленной. На языке вертелась пара ехидных ответов, тем не менее она проглотила их и промолчала. Сарказм ничего не изменит, потому что Хэниш был прав. Ужасающая несправедливость, за пределами воображения. Теперь вождь сам пользовался рудниками, но не он создал их изначально. Коринн недоумевала, как она прожила столько лет в сердце империи, не зная, какой ценой достается окружающая ее роскошь.

Там, на рудниках Киднабана, она поклялась себе, что никто и никогда больше не сможет упрекнуть ее в невежестве. Немудренная мысль — но это решение что-то изменило в ней. С того дня Коринн начала учиться, каждый день узнавая что-то новое об истории, легендах, политических пертурбациях, власти — и о тех силах, что управляли миром. Многие вещи неожиданно всплыли в ее памяти, вынырнув из отдаленных уголков сознания, хотя Коринн не могла понять, когда и откуда узнала их. Она не просто запоминала факты, но также училась анализировать их, понимать причинно-следственные связи и законы мира. Мало-помалу это удавалось ей все лучше, так что Коринн чувствовала огромное воодушевление и была очень довольна собой.

Некоторое время спустя до Коринн дошли неприятные слухи. Казалось бы — мелочь, сущая ерунда, но Коринн ощутила невероятное раздражение. Она узнала, что Хэниш получил серьезное матримониальное предложение. Женщина была его четвероюродной сестрой и происходила из рода, который провозглашал, будто хранит мощи самого Хаучмейниша. Мешок костей и ветоши, надо так понимать. Впрочем, у этой девушки — почти девочки — была отличная родословная, а мейнцы очень ценили такие вещи. По описанию она была идеалом мейнской красоты — бледная и тонкая, с острыми чертами фарфоровой статуэтки. Коринн никогда не видала ее, но эта девица, какова б она ни была, представляла для нее реальную угрозу.

В начале лета Коринн начала ощущать в воздухе растущее напряжение. Что-то происходило во дворце, раздавались шепотки и бормотание, обсуждения за пределами ее слышимости. Коринн хотелось верить, что все это связано исключительно со скорым прибытием Тунишневр, но ей мерещилось, будто в этих разговорах все чаще поминается ее имя. А что, если Хэниш и впрямь собрался жениться? Что, если он строит планы за ее спиной? Не выйдет ли так, что Коринн отодвинут в сторону, снова превратят в игрушку, куклу для развлечений? Именно об этом мечтала и молилась вся мейнская аристократия. Коринн успокоилась лишь после того, как Хэниш сам рассказал ей о брачном предложении. Ему было смешно. Он не женится ни на ком, пока рядом есть принцесса Коринн, сказал Хэниш. Нынешнее предложение — далеко не первое. Он не принимал их всерьез. Пусть Коринн не беспокоится. Если бы он знал, что слухи так расстроят ее, он бы запретил даже упоминать о подобных вещах во дворце. Коринн хотелось спросить, почему бы ему в таком случае не жениться на ней, но она промолчала, боясь услышать ответ.

Однажды утром Коринн поздно поднялась с постели. На рассвете Хэниш придвинулся к ней, шепча на ухо ласковые глупости, сдул волосы с ее лица и провел пальцами по щеке. Ему не составило труда убедить Коринн заняться любовью, хотя она опасалась, что ее

дыхание будет не таким свежим, как хотелось бы. Хэниш, впрочем, ничего не заметил — или ему было все равно.

Потом Коринн задремала в его объятиях, а когда снова проснулась, Хэниша уже не было. Солнечные лучи били в окна, чертя на полу геометрические узоры. Коринн не любила подниматься поздно. Ей не нравилась мысль, что слуги могут счесть ее ленивой бездельницей. Коринн резковато поговорила со служанками, словно это они были повинны в том, что она проспала так долго. Несправедливо, возможно, но Коринн ничего не могла с собою поделать. Она чувствовала себя неуютно и неуверенно, была выбита из равновесия и ощущала легкую тошноту будто плыла по беспокойному морю в маленькой лодке.

Коринн встала и оделась. Однако когда утренний туалет был закончен, она не знала, что делать дальше. Коринн ничего не планировала на этот день. Впервые за долгое время она бесцельно бродила по дворцу. Вокруг было тихо, коридоры пусты, во дворе ни души. Жилые комнаты заперты, а пустые внушали ей уныние. Коринн ощутила легкую нервозность. Во-первых, такая тишина казалась необычной, а во-вторых, Коринн подозревала, что где-то кипит жизнь, но это «где-то» находится за пределами ее досягаемости. Определенно что-то происходило, но для принцессы там не было места.

Коринн не могла сказать наверняка, сознательно она отправилась к залу совета, или ноги сами принесли ее туда. Так или иначе, она вдруг обнаружила себя прямо перед дверью. За секунду до этого в зал вошел слуга, держа в руках поднос с графинами лимонной воды. Он не закрыл за собой дверь, и Коринн видела, как слуга обходит стол, расставляя стаканы. Она медленно двинулась вперед, не сводя глаз с Хэниша. Он что-то говорил людям, сидевшим вокруг массивного стола. Со своей позиции Коринн не могла охватить взглядом все помещение, но узнала по затылкам и профилям нескольких представителей высшего командования. Очевидно, в зале происходило большое военное совещание.

Возле двери дежурил стражник — крепкий мейнец в кожаном доспехе, вооруженный боевым топором. Он стоял, уперев древко в пол и положив руки на изгиб между двумя лезвиями. Стражник смотрел прямо перед собой, однако на несколько мгновений взгляд его остановился на Коринн. Он был полон презрения. «Тебе здесь не место», — словно бы говорил стражник, не имея власти выразить это словами. Коринн проигнорировала его.

Она не вошла в зал, а остановилась в дверях — там, откуда могла видеть Хэниша. Коринн сама не знала, что делает тут, но если бы Хэниш перехватил ее взгляд, она бы пошла к нему, надеясь, что он улыбнется или покраснеет, или отведет глаза, пряча воспоминания о недавней страсти — неуместные в этом зале, заполненном офицерами. Стоя на пороге, Коринн мало-помалу начала разбирать слова.

— ...он не должен пройти за этот рубеж. Если нам предстоит сражение, то оно должно произойти как можно дальше отсюда. — Хэниш наклонился над разложенной на столе картой и ткнул в нее пальцем. — Вот тут. Ни в коем случае нельзя выпускать его за пределы Талая. Пусть ваши генералы проведут перегруппировку войск. Это необходимо сделать до возвращения Маэндера. Когда он приедет, я... — Хэниш неожиданно замолчал. Он поднял голову и встретился взглядом с Коринн. Помедлив несколько секунд, Хэниш обогнул стол и двинулся к двери, на ходу продолжая говорить: — Маэндер возьмет на себя командование операцией. Вы будете докладывать ему напрямую.

— А вы присоединитесь к нам? — спросил один из офицеров.

Хэниш тем временем пересек залу. Несколько генералов повернулись, провожая вождя взглядами.

— Не думаю, — откликнулся Хэниш. — Маэндер отлично управится сам. А мне нужно позаботиться о Тунишневр.

Он дошел до выхода и положил руку на дверную ручку. Коринн отступила в коридор, улыбнулась, чуть склонив голову набок, и одарила Хэниша кокетливым взглядом, игриво прося прощения за то, что потревожила его. Он холодно посмотрел на принцессу и, не говоря ни слова, захлопнул дверь перед ее носом.

Ошарашенная Коринн осталась в коридоре. Из залы по-прежнему долетали голоса, но

она больше не могла разобрать слов. Ей стоило немалых усилий сохранить хорошую мину. Принцесса неторопливо повернулась к стражнику спиной и с достоинством удалилась.

Часом позже Коринн перехватила Ренну в одном из дворов верхнего яруса. Мейнка шла навстречу принцессе, не видя ее, ибо широкий край шляпы, предназначенной для защиты от солнца, загораживал девушке обзор. Ренна делала все возможное, чтобы сохранить свою снежную бледность. Ее далеко не идеальное личико, обрамленное тонкими белыми волосами, стало бы более привлекательным, если б кожа имела хоть какой-то цвет, но Ренна придерживалась мейнского идеала красоты. Коринн давно подозревала, что мало кто из мейнских мужчин предпочитал этот «идеал» другим расам. Впрочем, она, разумеется, не собиралась обсуждать такие темы с Ренной. Коринн искала ее совсем по другому поводу.

Мейнка попыталась пройти мимо, явно не желая общаться с принцессой, но Коринн остановила ее и убедила присесть на ближайшую скамейку. Они находились посреди открытого пространства, на всеобщем обозрении, но вместе с тем за пределами слышимости. Скамья стояла неподалеку от каменной балюстрады, нависавшей над обрывом высотой в сотню футов, под которым начинался следующий ярус. Ренна села спиной к нему, игнорируя красивый вид. Она предпочитала оглядывать двор, очевидно, обеспокоенная тем, что ее видят в компании принцессы.

Коринн же, недолго думая, перешла прямо к делу.

— Что тут творится? — спросила она. — Что-то витает в воздухе. Какое-то странное напряжение. Ты знаешь, что это такое?

Голубые глаза Ренны глядели куда угодно, только не на Коринн.

— А ты не знаешь?

— Нет.

— Хэниш не сказал тебе?

— Нет.

Несколько секунд Ренна обдумывала ее слова. Голос мейнки чуть потеплел:

— Тогда почему я должна объяснять?

— Потому что я тебя попросила. — Ренна молчала, и Коринн поняла, что лучше бы ей сменить тон. — Хэниш рассказывает далеко не все. Он многое от меня скрывает...

Коринн не хотелось так говорить. Она даже не знала наверняка, правда ли это, но решила, что подобное признание может смягчить сердце Ренны. Все мейнцы только о том и мечтали, не так ли? Им претила мысль, что Коринн и впрямь завоевала полное и безраздельное доверие их драгоценного вождя. Мейнцам было бы гораздо приятнее сознавать, что акацийская принцесса для него не более чем игрушка. Коринн хотелось вlepить Ренне пощечину, плюнуть ей в лицо и заорать во всю силу легких, что Хэниш любит ее. Любит больше всех на свете. Ее! Только ее, а не ту бледную мейнскую девку с лицом козы. Однако Коринн понимала, это не приведет ни к чему хорошему.

— Я знаю, как ко мне относятся при дворе, — сказала она; ее голос дрогнул, словно от обиды. — Я знаю, что вы все ненавидите меня, поскольку считаете, будто я — фаворитка Хэниша. Вам невдомек, что происходит между нами на самом деле. Это совсем не то, что выдумаете. Пожалуйста, Ренна, расскажи мне! Мы ведь были подругами когда-то, разве нет?

Юная мейнка поддалась напору Коринн. Что-то дрогнуло в ней; глаза Ренны потеплели.

— Но... если Хэниш не хочет тебе говорить...

— Ренна, тебе известно что-то, чего не знаю я. Может быть, все уже это знают. Я могла бы найти ответ и другим способом — их множество, но я спрашиваю тебя. Клянусь, никто не узнает, что ты мне сказала... Я буду твоей должницей, — прибавила Коринн.

Ренна на миг подняла на нее взгляд голубых глаз, словно спрашивая, какую цену принцесса готова уплатить в качестве долга.

— Ты не сможешь найти ответ другим способом. То, что происходит, пока еще не общеизвестно. Впрочем, скоро станет, я полагаю, но пока я знаю все это только потому, что отец, советник Хэниша, рассказал моему брату. А у него нет секретов от меня. — Ренна

огляделась по сторонам. На ее лице мелькнуло раздражение, но Коринн не поняла, на кого оно было направлено. — Все дело в твоём брате.

— Что?

— Твой брат Аливер. Говорят, он скрывался в Талае. А теперь перестал прятаться и собирает армию, чтобы напасть на нас. У него нет шансов на победу, но... — Ренна помедлила, обеспокоенная выражением лица принцессы. — Он собирается начать войну.

Во время их беседы Коринн стояла возле скамьи, но теперь медленно опустилась на нее. Она коснулась колена Ренны, и та нервно сцепила пальцы. Принцесса ожидала чего угодно, только не этого. Она и подумать не могла, что Ренна принесет новости о ее брате. Девушка чувствовала себя так, словно ее ударили в живот. Сердце бешено колотилось где-то у горла. Поток мыслей обрушился на нее, и Коринн ощущала, что захлебывается в этом море. Ей нужно время, чтобы все осознать. Много времени.

Весь день до самого вечера, и во время ужина, и после него Коринн сидела, придавленная весом новостей. Он давил на макушку как перевернутая пирамида: острый конец упирался в голову, а необъятные стены простирались во все стороны. Аливер жив! Эти слова эхом отдавались в ушах Коринн. Брат хочет начать новую войну. До сих пор все было более или менее понятно, но вот что дальше? Коринн не знала, как ей теперь вести себя, как реагировать на новости. Весь ужин она просидела тихо, с трудом удерживая в равновесии свою пирамиду. Хэниш держался как обычно, не обсуждая дневной инцидент и даже не упоминая, что у него был совет.

После ужина они с Хэнишем собирались провести время в паровых ваннах. В Акации никогда не было таких ванн, но мейнцы умудрились провести трубы от подземных духовых печей, нагнетающих тепло. Не то чтобы Коринн была в восторге от идеи бродить голой в облаках пара, потя и задыхаясь, но она не возражала против подобного времяпрепровождения, потому что делала это вместе с Хэнишем. Никакая другая женщина не могла похвастаться тем же.

Уединившись в спальне, они разделись и накинули халаты. Неожиданно для себя Коринн спросила:

— Почему ты обошелся со мной так грубо?

Она вовсе не собиралась говорить об этом сейчас, но слова вырвались сами собой. Может быть, потому, что Коринн пыталась спрятать от него другие свои мысли, не дававшие ей покоя. Хэниш удивленно посмотрел на Коринн.

— О чем ты? Когда это я грубо с тобой обошелся?

— А когда захлопнул дверь у меня перед носом. И не говори, что забыл.

— О! — Хэниш кивнул, словно вспомнив инцидент и одновременно, показывая, что Коринн все неверно интерпретировала. — Я не хотел тебя обидеть. Но пойми и меня: то, что говорится на военных советах, предназначено для ушей моих генералов — и не более того. Я рассказываю тебе обо всем, однако офицеры не обязаны делать то же самое. Они должны слушать меня, не отвлекаясь на посторонние вещи и не боясь говорить в открытую. Твое присутствие было неуместно. Мужчины Мейна...

— Да они даже не заметили меня!

— Никто не знает, что видит сосед. Мужчины Мейна не обсуждают серьезные вопросы при женщинах, кем бы они ни были. Так принято у моего народа. — Хэниш улыбнулся Коринн. — Посмотри на это дело с другой стороны: ты очень хорошо мне подыграла. Я в долгу перед тобой. Ты и сама знаешь: люди говорят, будто я слишком увлечен тобой. Многим это не нравится. Сегодня я успокоил своих генералов. Слышала бы ты, о чем они болтали между собой! «Может, и верно, что Хэниш души не чает в принцессе, но он знает, как поставить ее на место». Пусть они и дальше так думают, Коринн. Пусть пребывают в святой уверенности, а мы с тобой будем без помех наслаждаться друг другом.

— Но о чем ты говорил? Насчет Маэндера...

Хэниш небрежно махнул рукой.

— Не волнуйся. Беспорядки в Талае, ничего серьезного. Слухи, болтовня. Честное

слово, Коринн, если я узнаю что-нибудь важное, то немедленно расскажу тебе. А сейчас... — Хэниш подошел к Коринн и провел рукой по ее спине. Его голос стал тихим и вкрадчивым. — Давай пойдем в ванны? Окунемся. Потом ляжем рядышком, и пусть массажисты хорошенько нас разомнут. Ну а после мы их выгоним и поглядим, чем еще можно заняться...

Хэниш отошел от нее, а у Коринн появилось неприятное ощущение, будто он снова захлопнул дверь перед ее носом. Хэниш ждал в дальнем конце комнаты. Он повел плечами, скидывая халат. Окунул руки в таз с водой, смешанной с маслом и ароматическими травами, и растер плечи и мышцы на шее. Лампа на стене высвечивала контуры его тела. Мускулы на его спине напоминали Коринн тонкие крылья, свернутые и спрятанные под кожей. Хэниш обернулся к ней и сказал:

— Ну, идем же.

Шагнул за дверь и исчез из поля зрения. Коринн, все еще удивляясь и негодуя в душе, двинулась следом. Никакие ее мысли, впрочем, не отразились на лице. Она последовала за любовником, по пути развязывая пояс халата. Несмотря на все сказанное и сделанное Хэнишем, Коринн уже сделала выбор, и выбор этот определил отнюдь не голос крови. Коринн не придумывала четких многословных формулировок. Она просто знала. Она не говорила себе нечто вроде: «Что бы ни случилось, кто бы там ни пришел, я выберу Хэниша. Я люблю его, я хочу его, он нужен мне больше всех на свете. Я больна им. Все остальные не имеют значения». И все же, если бы Коринн нужно было выразить свои мысли словами, она сказала бы именно это. Так она чувствовала и тем жила.

...Да, жила. До середины нынешней ночи. А ночью Коринн неожиданно проснулась, незнамо от чего. Она повернула голову и взглянула на Хэниша, лежавшего на спине рядом с ней. Он не спал. Коринн уже открыла рот, собираясь спросить, что его тревожит. Широко распахнутыми глазами Хэниш смотрел в потолок, но взгляд его был мутным, затуманенным и рассеянным. Лицо казалось расслабленным, рот был чуть приоткрыт, и Коринн поклялась бы, что возлюбленный спит, если б не эти открытые глаза. Хэниш часто моргал. Потом Коринн услышала, как он сказал:

— Конечно. Я не забыл...

Услышала ли? Вовсе нет. Хэниш ничего не говорил. Губы его не шевелились, в комнате стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь звуком их дыхания. Но Хэниш каким-то образом сумел сформулировать эти слова и выпустить наружу, так, что Коринн уловила их.

Она готова была сесть на постели и окликнуть его, но отчего-то не стала этого делать. Что-то снова витало в воздухе. Странная энергия из невидимого источника, находящегося, как показалось, в изножье кровати. Какое-то существо... нет, не одно. Их было несколько — непонятных сущностей, будто бы слитых вместе. Они не произносили слов. На самом деле их даже не было в комнате. Коринн не знала, каким образом поняла это, но она услышала и осознала смысл их речей. Они укоряли Хэниша за слабость. Они сомневались в его верности и обвиняли в том, что он предает их.

— Предки, — сказал Хэниш, — никто, кроме вас, не имеет для меня значения.

Коринн лежала тихо, как мышка, глядя в неподвижные, широко распахнутые глаза любовника. Холодок пробежал по ее спине. Она «слушала» безмолвный разговор — укоры, обвинения и уверения в преданности. Сперва это просто ее изумляло. Странная вещь, необычное явление... Она была настолько зачарована происходящим, что не сразу поняла, о чем речь. А разговор меж тем вращался вокруг одной конкретной темы. Самой Коринн. Невидимые сущности спрашивали Хэниша, убьет ли он ее. Если это будет необходимо — прольет ли он кровь акаранской шлюхи?

Хэниш не колебался ни мгновения.

— Она ничто для меня. Я держу ее рядом, чтобы никуда не делась. Чтобы с ней ничего не стряслось. Чтобы она была под рукой, когда понадобится вам, предки.

Сущности не поверили ему и спросили снова. На этот раз Хэниш ответил прямо и достаточно ясно — так, что у Коринн не осталось сомнений. Слова еще долго отдавались

эхом у нее в голове.

— Я убью ее без сожалений, предки, — сказал Хэниш. — В любой момент, когда вам будет угодно...

Глава 54

Записка лежала рядом с ним, на тюфяке. Ее уголок был еще теплым — там, где его рука касалась бумаги. Мелио недоумевал, кто и каким образом положил ее сюда. Мелио спал чутко и мог проснуться даже от звука чужого дыхания. Как любой воин-марах, он был осторожен с миром даже во время сна. И тем не менее записка перед ним — бумажный квадратик, положенный на тюфяк чьей-то осторожной рукой. Мелио схватил бы ее немедленно, кабы не опасался, что в послании окажутся новости, которые он не хотел знать. Заметив прислоненный к стене меч Мэны, молодой марах обеспокоился еще больше. Он лежал, приподнявшись на локте, поглядывая то на письмо, то на оружие, и слушая звуки просыпающегося мира за открытыми окнами и тонкими стенами. Ночью был ливень, и капли до сих пор падали с деревьев, стуча по крыше.

Прошла неделя с тех пор, как исчезла Мэна. Мелио теперь жил в доме жрицы. Служанки хотя и боялись молодого мараха, не гнали его. Присутствие Мелио в какой-то мере даже радовало их, поскольку было удобно. Девушки настолько привыкли принимать приказания от Мэны, что, оставленные на произвол судьбы, растерялись. Появление Мелио вернуло им смысл жизни, а он вдобавок пристроил служанок к делу, пытаясь разыскать Мэну. Даже сейчас, когда Мелио тихо лежал на тюфяке, он чувствовал, что девушки где-то поблизости и готовы явиться по первому зову. Не кликнуть ли их в самом деле и не спросить ли, как записка очутилась в комнате? Возможно, в их компании он наконец-то решится прочитать ее...

В конце концов Мелио развернул листок и молча пробежал глазами текст, а едва закончив читать, подскочил с тюфяка и помчался по комнатам, зовя Мэну. Сперва он просто окликнул ее вполголоса, потом закричал. Мелио старался контролировать себя, но в его голосе то и дело проскальзывали отчаянные нотки. Служанки повыскакивали из всех углов и бегали следом за ним — тщетно. Несколько минут спустя стало ясно, что Мэны нет в доме. Девушки не видели ее, ничего о ней не слышали и пришли в настоящее отчаяние, узнав, что Мэна была здесь. Мелио не стал пересказывать содержание записки. Он крепко стиснул ее в руке, сел на влажную землю во дворе и, к ужасу служанок, вдруг заплакал, уткнув лицо в сжатые кулаки. Мелио знал, что поступает нечестно. Он напугал девушек и ничего им не объяснил, заставляя предполагать самое худшее. Знал — и не мог справиться с собой.

Впрочем, момент слабости быстро миновал. Человек, возвращавшийся с рынка, потрясенно сообщил, что видел у храма нечто ужасное. Вуманец был бледен, лицо цвета бронзы приобрело пепельно-серый оттенок. Поглядев на него, Мелио решительно поднялся. Он был готов действовать.

К тому времени, как он в сопровождении слуг Мэны подошел к главному входу в храм Майбен, там уже собралась небольшая толпа, растущая с каждой секундой. Ворота были закрыты, но люди и не рвались войти на священную территорию.

Они стояли у стены — молчаливые и изумленные. Некоторые прижимали ладони ко рту в безмолвном жесте ужаса. Некоторые опустили на колени. Кто-то воздел руки, указывая вверх — словно сомневался, что остальные видят то же самое. Труп огромного морского орла.

Труп был привязан к веревке, обмотанной вокруг одной из резных фигур, изображающей голову Майбен. Орел болтался между небом и землей, неуклюже накренившись и задевая деревянную колонну. Его голова безжизненно повисла, и не оставалось сомнений в том, что он мертв. Открытые глаза, застывшие и подернутые пленкой, глядели в никуда. Хищник был впечатляющих размеров и при жизни, несомненно, представлял реальную угрозу. Впрочем, Мелио понимал, что не это вызвало изумление и

ужас толпы.

— Поглядите на свою богиню, — прошептал он.

Женщина рядом с ним обернулась. Она услышала Мелио. Зеленоватые с золотистыми искрами глаза глянули из-под темных ресниц настороженно и пристально. Помимо собственной воли Мелио ответил на ее взгляд.

— Этого вы боялись, да? Ту самую птицу, которую вы называли Майбен. Думаю, это она. Вы правы. — Мелио посмотрел на тушу. Загадочные строчки из письма Мэны теперь обрели для него смысл. — Ваша Майбен мертва. И сдастся мне, я знаю, кто ее убил.

Люди попятились от него, словно среди толпы внезапно возник хищный и опасный зверь. Они переводили взгляды с Мелио на тушу орла и обратно — неуверенные, кто из них представляет большую угрозу.

Мелио заговорил мягче. Он хотел, чтобы люди поняли и перестали бояться. Для него было очень важно, чтобы люди поверили ему, хотя он сам еще толком не знал почему.

— Мэна. Жрица, которую вы называли Майбен Земной. Вот кто это сделал.

— Тихо! — раздался чей-то зычный голос.

Верховный жрец Вамини вышел на улицу в окружении своих помощников. Толпа расступилась, пропуская жреца и приветствуя его почтительными поклонами. За его плечом стоял второй жрец — Танин. Мелио прежде не видел ни того ни другого, но мгновенно узнал обоих. Мэна настолько точно описала их, что у Мелио не возникло и тени сомнения. Следом за жрецами шла храмовая стража. Они носили мечи, сделанные не из стали, а из дерева, но заточены так остро, как только позволял этот материал. Мелио знал, что стражи весьма искусны в своем стиле боя, немного напоминавшем сражения на палках.

— Я говорю правду, — сказал Мелио, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и ровно. — Это ее рук дело. У меня есть письмо, в котором...

— Ты не пророк Майбен! — ответил Танин. — Ты не имеешь права говорить за жрицу. Тем более за богиню. Верховный жрец, я обвиняю этого человека в том, что он оскорбил Майбен. Каким-то колдовством он убил... одного из ее воинов.

Выражение лица Вамини не изменилось. Ни один мускул не дрогнул на нем. Гнев, запечатленный в камне.

— Найдите жрицу, — проговорил он. — Приведите ее ко мне. Вы, все — на колени. Просите прощения за то, что видели результат этого злодеяния.

Люди рухнули в грязь — на колени, как было приказано. Вамини отвернулся и обменялся взглядами с храмовой стражей. Мелио понял безмолвный приказ: сейчас стража набросится на него. Его схватят и скрутят. Возможно — изувечат или убьют. Мелио знал, что в глазах окружающих людей оказался преступником и ни в коем случае не должен попасть в руки жрецов. Они перевернут все с ног на голову. Даже Мэна не сумеет остановить их.

Один из воинов стоял как раз слева от него. Стражник утратил бдительность, пялясь на мертвого хищника. Мелио повернулся к нему, словно собираясь что-то сказать или спросить. Прежде чем молодой стражник опомнился, Мелио ударил его ребром ладони по переносице, а другой рукой ухватился за рукоять деревянного меча. Юноша взвыл, обливаясь кровью, и Мелио воспользовался этим, чтобы выдернуть меч воина из ножен.

— Убейте его! — рявкнул Танин.

Его голос был резким и властным. Стражники кинулись вперед, на ходу выхватывая оружие. Они окружили Мелио со всех сторон и неумолимо сжимали кольцо. Судя по всему, их мечи предназначались более для устрашения и наказания, но Мелио не сомневался, что воины обучены и убивать. Он закружился на месте, вращая меч перед собой и судорожно пытаясь припомнить какой-нибудь фехтовальный прием для сражения со многими противниками. К сожалению, ничего из его арсенала знаний не годилось для круга из сорока человек.

— Вы совершаете ошибку! — крикнул Мелио, обращаясь одновременно к стражникам и жрецам. — Если причините мне вред, жрица разгневется на вас. Неужто вы не видите, что

тут происходит?

Стражники запнулись, приостановились.

— Я сказал: убейте его, — повторил Танин.

Мелио отлепил одну руку от деревянной рукояти и указал на труп орла.

— Гляньте! Птица мертва. Майбен никогда больше не будет забирать ваших детей!

Жрица сделала это ради вас!

— Убейте его! Немедленно!

Один из стражников прыгнул вперед, взмахнул мечом. Мелио отшатнулся назад, увернувшись от клинка. Крепко сжав свой меч, он врезал воину по щеке плоской стороной лезвия. Сила удара была такова, что голова стражника мотнулась в сторону, он потерял равновесие, не удержался на ногах и неуклюже повалился на землю.

Остальные мужчины не двигались с места.

— Я не хочу драться с вами, — сказал Мелио, обращаясь к ним. — И со жрецами тоже. Если Майбен была богиней, тогда жрица — убийца богини. Это правда. Она сама может подтвердить.

Танин потерял терпение. Он протолкался сквозь толпу на свободное место, оставленное поверженным стражником, и поднял с земли его меч. Судя по тому, как Танин держал оружие, жрец умел с ним обращаться. Вдохновленные его примером, стражники снова начали сжимать кольцо.

Разговоры закончились. Мелио ударил по ближайшему мечу, почти выбив его из рук владельца. Спинай он почувствовал еще одного противника, приближавшегося сзади, и резко обернулся — как раз вовремя, чтобы отразить атаку. Он поверг одного из бойцов на колени, рубанул другого сверху вниз, услышав хруст ломающейся ключицы. Танин снова и снова призывал убить преступника. Мелио пытался добраться до него, прорываясь сквозь вооруженную толпу, но тщетно: слишком много бойцов оказалось между ними. В конце концов Мелио перестал думать о том, что делает, отдавшись на волю рефлексов. Его тело кружилось, прыгало, уклонялось, рубило и резало почти без участия рассудка. Инстинкты работали быстрее разума. Мелио слышал удары дерева о дерево, иногда — удары дерева по живому телу. Его деревяшка крушила и ломала кости, но нападавшие наваливались снова и снова. Им не было конца.

Возможно, это продолжалось долго, а может быть — несколько секунд. Мелио утратил чувство времени. Внезапно он осознал, что ошестинившаяся мечами толпа отступила. Он вертелся, размахивал мечом и парировал, хотя врагов уже не было. Мелио замер. Он стоял, тяжело дыша и обливаясь потом, судорожно озираясь по сторонам, держа меч наготове. Стражники подались назад. Многие из них уже и не смотрели на Мелио. То, что привлекло их внимание, находилось за его спиной. Лишь Танин по-прежнему прожигал его взглядом; грудь жреца тяжело вздымалась, лицо было искажено яростью и изумлением. Мелио понял почему. Стражники так и не добрались до него. Никто из них не сумел пробиться сквозь защиту мараха, не коснулся его мечом. Он раскидал людей, а сам не получил ни царапины. Очевидно, это озадачило Танина. Как бы там ни было, воины прекратили атаку совсем по другой причине.

Сквозь толпу протолкалась женщина. Ее сопровождала волна растерянных, недоуменных возгласов. Люди окликали ее, хватали за руки, задавали вопросы. Женщина расталкивала их и что-то кричала на ходу, еще больше возбуждая толпу. Она остановилась, только добравшись до Вामини. Опустилась на колени перед верховным жрецом и быстро заговорила. Мелио стоило немалых усилий сосредоточиться, чтобы понять ее. Следом за женщиной бежали другие люди, неся ту же самую весть.

Час назад, сообщила вуманка, Майбен Земная явилась в дом градоначальника, где остановились иноземцы. Она прибыла, облаченная в свое божественное одеяние, прошла мимо ошеломленных охранников и потребовала встречи с пришельцами. Несколько минут они общались, разговаривая на странном языке, а потом чужеземцы схватили жрицу. Один из них — высокий человек с волосами как золотые нити — лично посягнул на божественную

персону. Они тут же увели жрицу к своему кораблю и теперь, должно быть, уже отплыли.

Женщина выпалила все это на одном дыхании, и Мелио едва понял, о чем речь. Лишь после того как вуманка закончила, весь смысл сказанного дошел до него. Новость ударила его, словно тяжелый таран. Первый удар, который достиг цели...

— Они забрали жрицу? — спросил Танин, все еще тяжело дыша.

— Да, — откликнулся один из новоприбывших. — Жрица пыталась говорить с нами. Я слышал ее слова. Я стоял ближе, чем она. — Человек пренебрежительно кивнул на женщину, прибежавшую первой. Потом он опомнился и почтительно опустился на колени перед Вамини. — Благородный жрец, она обратила на меня взгляд и сказала: «Люди Вуму...» — Человек замолчал, не закончив фразы.

— Люди Вуму? — повторил верховный жрец наконец, утратив свое ужасающее спокойствие. — Что еще она сказала?

— Это все. Чужаки утащили ее прочь, не позволили ей больше говорить.

Мелио лишь краем уха слушал бурное обсуждение, которое последовало за словами вуманцев. Тем не менее он уловил, что они на разные лады перепевают последние события, распаляясь все больше и больше. Чужаки схватили жрицу, похитили ее, уволокли на корабль, чтобы отвезти в земли своего странного бледного народа. Кто-то зарыдал, и плач мгновенно распространился по толпе. Кто-то закричал, что иноземцы убили Майбен. Богиня мертва, а жрица стала пленницей злодеев.

Мелио мучительно раздумывал. Какая-то мысль не давала ему покоя. Не исключено, что он мог повлиять на события. Не исключено, что Мэна предвидела нечто подобное, когда во все это ввязалась. Мелио встряхнулся. Время горевать настанет потом. Позже. Теперь надо действовать, ловить момент — если он не хочет потерять Мэну навсегда.

Мелио растолкал стражников, которые недавно пытались убить его, и подошел к телу орла. Ухватился за него и выдернул пучок перьев. Швырнул их в воздух над головами толпы. Глаза обратились к нему. Голоса утихли. Даже жрецы вопросительно уставились на Мелио. А он не знал, что скажет — до той секунды, когда открыл рот.

— Богиня живет в женщине по имени Мэна, — проговорил Мелио. — Вы слышите меня? Богиня вошла в нее! Мэна покинула нас, чтобы сразиться с чужеземцами и позволить народу вуму доказать свою силу. — Он помедлил и отчетливо понял, чем нужно закончить свою речь: — Люди Вуму, жрица в опасности. Она в руках врагов. Люди Вуму... готовы ли вы спасти ее?

Глава 55

Мэна всегда узнавала заранее, что мейнцы собираются спуститься к ней. Она слышала стук их тяжелых сапог на узкой деревянной лесенке. Маэндер входил первым, в сопровождении своей тени — акацийского ренегата по имени Ларкен. Они останавливались в дальнем конце каюты, чуть раскачиваясь в такт с движениями корабля, и смотрели на Мэну с озадаченным выражением на лицах. Мейнцы никак не могли понять, почему им удалось так легко захватить жрицу. Несколько раз они спрашивали Мэну, зачем она пришла тем утром в дом градоначальника. Девушка неизменно говорила одно и то же: она прослышала, что чужеземцы ищут ее. Эти простые слова вызывали усмешку на лице Маэндера, и он многозначительно переглядывался со своим приятелем.

Разумеется, на деле все было гораздо сложнее, но Мэна не видела необходимости разьяснять подробности. Мейнцы везли ее обратно к центру мира, в Акацию. Именно это ей и было нужно. Сами того не создавая, они действовали по ее воле. Впрочем, Мэна понимала, что лучше не распространяться о таких вещах. Она ничего не рассказала мейнцам о событиях, непосредственно предшествующих ее появлению у градоначальника. Если б они не уехали столь поспешно, то могли бы узнать гораздо больше, но Мэну вполне устраивало нынешнее положение Дел. Мейнцы видели перед собой молодую женщину — миниатюрную, почти крошечную. Она сидела спокойно, выпрямив спину, обряженная в

нелепые одежды из птичьих перьев. Скромная жрица, которая вела уединенный образ жизни. Несомненно, мейнцы знали, что она девственница, и с увлечением обсуждали этот факт.

Они и понятия не имели, что Мэна вернулась с Увумалия среди ночи. Выбравшись на берег, она направилась в город, держась городских окраин и прячась в тенях. Мэна сильно прихрамывала на правую ногу, все ее тело было покрыто синяками; что-то сдавливало грудь. Возможно, она переломала ребра, падая с дерева. Или подхватила воспаление легких, пока брела по холодному, мокрому лесу, волоча за собой тяжелую тушу, а потом плыла по исчерченному дождем морю обратно к Вумейру. Трудно сказать наверняка.

Тихий сонный Руинат был укутан черным одеялом ночи и тяжелых туч. Вода скапливалась в колеях от телег, отпечатках ног на дороге, в любых углублениях. Мэна шла, не обращая внимания на лужи, просто пересекала их, временами по щиколотку погружаясь в воду и жидкую грязь. Меч был привязан к ее спине, а за собой она волокла огромную тушу — такую тяжелую, что едва ухитрилась переставлять ноги. Веревку Мэна несколько раз обернула вокруг талии и перекинула через плечо. К другому концу была привязана мертвая птица с крыльями, крепко примотанными к туловищу. Мэна несла ее домой как подношение, дар людям Вуму. И пусть они сами решат, что с ней делать.

Забраться на ступени храма оказалось почти непосильной задачей. Туша цеплялась за все углы и выступы. Мэна согнулась в три погибели, волоча ее за собой вверх по лестнице. На верхней площадке она отвязала веревку от талии и закинула на резное каменное изображение Майбен. Потом навалилась на веревку всем весом и тянула, тянула, тянула, пока орлица не приподнялась над землей. Тут Мэна и оставила ее — просто бросила веревку и ушла прочь.

Мэна проскользнула в дом, стараясь двигаться как можно тише. Она знала, где спят служанки, и была уверена, что ее отсутствие ничего не изменило. Тем не менее в доме был кто-то еще. Человек, спавший в одной из комнат. Мелио... Мэна слышала его дыхание и чувствовала его запах в воздухе. Она не ожидала этого. Не учитывала его в своих дальнейших планах. И все же Мэна знала, что не может уйти просто так. Она обязана что-то сказать ему на прощание, оставить некий знак. Иначе ей не будет покоя. Надо как-то отблагодарить его за все, что марах для нее сделал.

Мэна быстро написала записку и, прижав клочок бумаги к груди, осторожно вошла в комнату. Девушка старалась дышать тихо и двигалась неслышно — как она умела, если было необходимо. Прислонив меч к стене, Мэна приблизилась к спящему. Его ни в коем случае нельзя разбудить, иначе все планы пойдут прахом. Сложенный листок бумаги лег на тюфяк под рукой Мелио. Понимая, что рискует, Мэна все же позволила себе задержаться на несколько секунд и немного постоять рядом с Мелио. Она любовалась его спокойным, умиротворенным лицом и более не удивлялась тому, что эти черты так ее притягивали. Хотя Мелио не был писаным красавцем, Мэна не видела лица, которое нравилось бы ей больше, чем это. По крайней мере с тех пор, как она последний раз смотрела на отца, рассказывающего ей мифы из древних времен.

Впрочем, чувство, которое она испытывала к Мелио, совсем не походило на привязанность к отцу. Мэна знала, что люди называют это чувство любовью. Она все поняла еще прежде, чем вошла в комнату.

Мэна любила его. Любила так сильно, что если б она разбудила Мелио, то никогда бы уже не смогла выполнить свой план. Потому-то Мэна и ушла, не потревожив его сна. Лишь оставила записку, где неровными, скачущими буквами написала по-акацийски:

М,
ты во всем был прав.
Мне понадобилось время, чтобы это понять, но теперь я знаю. М.

Чуть ниже она добавила еще две строчки. Не запоздалую мысль, а скорее постскриптум:

Я люблю тебя.

Если когда-нибудь жизнь позволит, я докажу свою любовь.

Мэне понадобилось еще несколько часов, чтобы должным образом подготовиться. Требовалась одна последняя хитрость, которая помогла бы ей выполнить план. Мэна тихо проскользнула в гардеробную, разделась, вымылась в бассейне с ароматной, пахнущей цветами водой и облачилась в наряд богини. Она накинула многослойные оперенные одежды и на ощупь наложила грим. Под утро, наконец удовлетворенная своим внешним видом, Мэна прямоком отправилась к дому градоначальника, где спали мейнские гости.

Все остальное произошло быстро. Маэндер задал Мэне всего несколько вопросов — только чтобы наверняка определить ее личность. Через полчаса она уже была на их корабле, и тот отвалил от причала, едва начался отлив. Мэна ощутила качку, когда корабль покинул мелкие воды гавани и понесся по крутым волнам, которые в то время года катили с юга на север.

Казалось, Маэндеру нравится проводить время в обществе Мэны и задавать ей вопросы, хотя она не могла сказать ему ничего нового — такого, чего мейнец не знал бы сам. Она понятия не имела, где сейчас ее братья. Все, что Мэна выяснила о своих родственниках, ей поведал Мелио, а он знал немного. На самом деле Маэндер рассказал Мэне гораздо больше, чем она ему. Так Мэна выяснила, что Аливер живет и здравствует в Талае. Он начал собирать армию в сердце этих земель и теперь постепенно продвигался на север вместе с войском, которое росло день ото дня.

— Говорят, он стал славным оратором, — сказал Маэндер. — Колдуны наложили на него какое-то заклятие, и теперь Аливер поднимает народ на борьбу одними только словами. Обещает освободить империю от угнетения, от рабского труда, от непомерных налогов, даже от Квоты. Странное дело. Похоже, твой братец позабыл, что именно его предки установили в мире такой порядок.

Был еще один слух — неподтвержденный пока, но правдоподобный, — будто к Аливеру недавно присоединился Даризэл. До недавних пор, сказал Маэндер, младший Акаран был обычным пиратом и разбойничал в Серых Валах. А Коринн подарили Хэнишу, и тот приспособил ее для постельных утех.

— Многие за глаза называют принцессу шлюхой вождя. Я сам, разумеется, никогда так не говорил.

— Верно, — кивнул Ларкен. — Если бы ты хотел ее как-нибудь назвать, то сказал бы это в лицо.

Слушая рассказы мейнца, Мэна едва умудрялась сдерживать бурлящие чувства. Впрочем, она уже нашла способ справляться с ними. Пока Мэна тащила по лесу труп Майбен, ее преследовали воспоминания детства: били ее, как древесные ветки, впивались, словно кровососущие насекомые. Дорогой Мэна даже разговаривала с братьями и сестрой — рассказывала им о себе, спрашивала, кем они стали, старалась понять, есть ли у них шанс воссоединиться и стать такими же, как прежде. Разумеется, нет. Ничто уже не будет как прежде. Мог ли кто-нибудь представить, что она станет той, кто она сейчас? Родные тоже наверняка сильно переменились. Тем не менее Мэна решила, что в ее душе нет места сомнениям: она будет любить их всех, несмотря ни на что.

Маэндер высадился в Аосе. У него были здесь какие-то дела. Впрочем, мейнец сказал, что успеет вернуться на Акацию вовремя. Мэну он оставил на попечение Ларкена. Выйдя из тени Маэндера, акациец изменился. Он по-прежнему был чванлив, высокомерен и самодоволен, но все это отвечало его характеру. Перемена произошла где-то внутри. Теперь Ларкен вел себя как свободный человек, а не просто лизоблюд и прихлебала. Невзначай брошенные слова намекали на его пренебрежение властью Маэндера, хотя Мэна не понимала, почему ей так кажется. На самом деле Ларкен не сказал ничего напрямую, просто что-то в его поведении и манере держаться наводило на подобные мысли.

Вечером того дня, когда они отплыли из Аоса, Ларкен пришел к ней в сопровождении

нескольких слуг-акацийцев. Мэна уже заметила, что все слуги на корабле — уроженцы Акации, а большая часть команды — талайцы. Только капитан, его первый помощник и стражники-пунисари были мейнской крови. Слуги расставили подносы с сырами, оливками и маленькими жареными рыбками, принесли графин лимонного вина.

— Почему бы нам не поужинать вместе? — сказал он. — Завтра мы будем в Акации и, возможно, никогда больше не увидимся.

Мэна не видела причин для отказа. Нельзя сказать, что девушке нравился Ларкен, или ее привлекала его компания. Он понимал, что сегодня судьба Мэны в его руках, а завтра принцесса будет принадлежать Хэнишу. Мэна в этой ситуации ничего не решала, однако ей казалось, что Ларкен в своем нынешнем состоянии способен сболтнуть лишнего. Что-нибудь интересное или полезное для нее.

— Маэндер говорил правду, когда рассказывал о моих родных? — спросила Мэна.

— О да, — откликнулся Ларкен, проводя кончиками пальцев по скуле и подбородку под нижней губой, как он часто делал во время разговоров. Акациец сидел рядом на табурете. Так близко, что мог бы притронуться к ней. — Маэндер никогда не лжет. Если он что-то говорит, можешь быть уверена, что это правда. Вот когда он молчит... тогда у тебя есть повод для беспокойства.

Мэна поднесла к лицу бокал с вином и вдохнула запах. Он показался ей знакомым, хотя девушка не могла сказать почему. Прежде она никогда не пила вина.

— Я надеюсь повидаться с Коринн. Я ведь увижу ее, да? Хэниш не станет прятать от меня сестру?

Ларкен обдумал вопрос, словно взвешивал не ответ, как таковой, а то, сколько сведений можно выдать безболезненно.

— Скажем так: у Хэниша есть планы и на тебя, и на Коринн, но они различны. И судьба вас ожидает разная.

Мэна опустила бокал, даже не пригубив вина. Она поняла, почему запах казался знакомым. Он часто был в дыхании отца, когда тот рассказывал им с Даризелом истории. Отец всегда брал бокал собой. Он отпивал и говорил, отпивал и говорил, а потом, когда целовал Мэну на сон грядущий, она чувствовала этот запах в воздухе.

— А ты не думаешь, что мой брат выкинет Хэниша Мейна из Изученного Мира, прежде чем он успеет распорядиться нашими судьбами?

— Это не займет много времени. — Ларкен усмехнулся, опустив глаза, и Мэне не составило труда понять, что акациец сказал далеко не все. — Ну а вдобавок я следую элементарной логике. Не хочу огорчать тебя, Мэна, но мы готовы к войне. На самом деле мы ждем не дождемся, когда твой брат раскачается. Мейнцы — бойцы по натуре и не привыкли к долгому миру. Они постоянно упражняются с оружием, оттачивают боевые навыки и мечтают о сражениях. Мальчишки, которым не досталось войны, теперь выросли, стали юношами. О, как им не терпится показать себя! Ну и, конечно, не будем забывать о нюмреках. Они на удивление хорошо приспособились к праздной жизни, но будут рады снова попрыгать с копьями и топорами. Вдобавок у нас есть и секретное оружие. Не то, которое Хэниш использовал в первый раз. Такие вещи проходят только единожды, у Хэниша имеется кое-что новенькое. Если бы ты узнала подробности — просыпалась бы по ночам с криком. Я не завижусь нашим врагам. Поверь мне: Хэниш легко управится с Аливером Акараном и его разношерстной толпой необученных бойцов. И не важно, насколько она велика или как там Аливер сумеет их вдохновить.

Мэна долго молчала, теребя пальцами серебряного угря, который висел у нее на груди.

— Ларкен, скажи мне кое-что... Ты акациец и всегда им будешь. Неужели ты не стыдишься предательства? Неужели тебе не хотелось бы избавиться от бесчестия и вернуть себе доброе имя? Нет ли таких мыслей где-нибудь глубоко, в потаенном уголке твоей души? Ведь ты мог бы оправдаться, даже сейчас, несмотря ни на что. Мог бы присоединиться ко мне и моему брату, обелить себя. Ты многое знаешь о планах и секретах мейнцев, эти сведения пригодились бы Аливеру. У тебя есть шанс искупить свои преступления.

— Едва ли, — ответил Ларкен. — Однако я тебя услышал. Я оказался бы не первым, кто переметнулся обратно, но... мне подходит иной образ жизни. Я выбрал мейнцев и вполне счастлив. Чувствую, что я на своем месте. Видела бы ты мою виллу в Мэниле! У меня есть слуги, готовые выполнить любую прихоть. Я никогда не достиг бы такого, оставаясь солдатом. Если Хэнишу или Маэндеру нужна моя служба, я прихожу и выполняю их приказы, зато в свободное время живу как знатный господин, аристократ. Я богат, у меня есть все, что нужно для счастья.

— Ты думаешь только о себе, получается?

— А о ком еще мне думать? Я один...

— Ну, тогда... измени себя к лучшему. Нужно только захотеть — и все получится. Я поняла это не так давно и попробовала сама.

Вместо ответа Ларкен спросил, слышала ли она мейнскую легенду о гигантском медведе Таллах. Этот Таллах, сказал Ларкен, в древние времена жил в горах Мейна. Огромный, свирепый зверь. Мужчины выходили против него, чтобы испытать свое мужество. Один за другим они отправлялись к его пещере и вызывали на битву. Один за другим они погибали. У Таллаха не было недостатка в пище, так что ему даже не приходилось покидать свое логово. Еда приходила сама. Так продолжалось много лет, и многие мужчины погибли. В конце концов один мудрец убедил людей попробовать другой способ. Зачем снова и снова посылать самых лучших, сильных и отважных на верную смерть? Почему не замириться с медведем? Люди, отчаявшиеся и перепуганные, решили, что в этом есть смысл. Они отправили посланников во главе с мудрецом, чтобы предложить Таллаху мир. Они обещали, что будут кормить его, заботиться о нем и почитать как божество.

— Как ты думаешь, что сказал им Таллах? — Ларкен пододвинул табурет ближе к скамье, где сидела Мэна. Судя по всему, он не ожидал от нее ответа. — Таллах сказал... — Ларкен наклонился вперед, обнажил зубы и издал длинный низкий рык, обдав Мэну теплым дыханием. — Ну а потом он сожрал их всех, как делал обычно. И впрямь: чего еще ожидать от медведя? Таллах не мог стать кем-то иным. Так не могу и я. Не могу и не хочу. Поэтому не пытайся заставить меня изменить свою натуру. Я сейчас еще кое-что расскажу. А потом спрошу, по-прежнему ли ты думаешь, будто для меня есть прощение и путь назад.

Ларкен поведал о своей роли в похищении Коринн и о том, как передал ее в руки Хэниша Мейна. Он пытался объяснить Мэне, что не просто перебежал на сторону врага, когда стало ясно, что дело проиграно. И не просто принес клятву верности новому хозяину. Он никогда не отвергал мысли о возможной измене. Всю жизнь Ларкен пробивал себе дорогу вверх. Сперва он пытался подняться к высшим ступеням иерархии марахов. Ларкен был отличным воином, безупречным солдатом. Он оттачивал свои боевые навыки с тщанием и старанием, которые изумляли наставников. Он посещал все тренировки, даже самые изнурительные и сложные, преодолевал все трудности без единого слова жалобы. Когда представилась возможность выполнить особое, опасное задание, Ларкен, не колеблясь ни секунды, вызвался добровольцем. И он всегда искал способы подняться еще на одну ступеньку повыше, пытался поймать удачу за хвост. Ларкен не сомневался, что если выпадет шанс отхватить большой кус, то он вцепится в него, не раздумывая. Методы не имели значения.

Ларкен видел, какую бурю поднял в империи Хэниш Мейн, и понимал: сражаться против него — дело гиблое. Когда к нему в руки попала Коринн, он обрадовался. Ее оказалось так просто заманить в сети. «Вы можете верить мне. Я живу, только чтобы защитить вас», — вот и все, что потребовалось сказать. Отдавая принцессу Хэнишу, Ларкен не испытывал ни сожаления, ни раскаяния. Он сделал бы то же самое с любым из молодых Акаранов, даже с Мэной, если б она имела несчастье попасть к нему в руки.

— Я имела несчастье, — с усмешкой сказала девушка, хотя в голосе ее не слышалось особого веселья...

Ночью Мэна лежала без сна, обдумывая идеи, которые раньше никогда не приходили

ей в голову. Что, если бы девять лет назад Ларкен в самом деле захватил ее, а не сестру? Что, если бы она выросла во дворце, как Коринн? Стала бы она тем же человеком, каким была сейчас? Разумеется, нет. Но, может быть, и впрямь лучше было бы оказаться кем-то другим? Мэна подумала — и отринула эту мысль. Она просто не могла представить себе такой поворот событий. Не могла понять, каково это — жить не на Вуму, никогда не узнать людей Руината, не стать Майбен Земной... Это была слишком большая часть ее личности. Пусть даже Мэне пришлось порвать с богиней, пусть она сочла Майбен обманщицей и убила, она по-прежнему не желала становиться кем-то иным. Хотела остаться Мэной, вышедшей из тени Майбен.

Предназначение, которое отец готовил для Коринн, оказалось исковеркано, искажено еще больше, чем судьба Мэны. Ларкен похитил ее и отнял у сестры шанс найти себя в большом мире, вдалеке от Акации. Такой дар приготовил отец для них всех. Лишь теперь, повзрослев и узнав о судьбе родных, Мэна начала понимать, что это за дар и для чего он был нужен. По вине Ларкена Коринн лишилась его. Вчера вечером Мэна еще не могла толком сказать, что она чувствует к этому человеку. Не могла подобрать для него подходящую эмоцию. Теперь все встало на свои места. Ненависть. Вот оно. Мэна ненавидела Ларкена. Она потратила остаток ночи, обдумывая, что с ним делать.

Следующим утром четверо охранников-пунисари спустились вниз и привели Мэну на палубу. Ларкен ожидал ее на носу корабля. Он был облачен в тальбу; два меча разной длины оттягивали пояс, небольшой кинжал покоился в ножнах, горизонтально прикрепленных к ремню в районе живота. Мэна окинула Ларкена быстрым взглядом. Если акациец и заметил его, то самодовольно не придал этому значения.

— Итак, у тебя была ночь, чтобы как следует подумать, — сказал Ларкен. — Ты по-прежнему считаешь, что для меня можно найти подходящее место в твоём мире?

— Да, — откликнулась Мэна, подходя к нему, — в каком-то смысле.

— В каком смысле?

Она двигалась спокойно, неторопливо. Яркое солнце, звуки и движение на корабле мешали ей сосредоточиться, но Мэна усилием воли постаралась отринуть все лишнее.

— Я не буду тебе объяснять, — сказала она Ларкену. — Возможно, когда это случится, ты все поймешь сам. Или не поймешь. На самом деле не так уж важно...

— Ты стала покорной, принцесса. Пожалуй, я даже немного огорчен таким поворотом.

Мэна шагнула вперед и остановилась перед Ларкеном — совсем близко, словно хотела поцеловать его. Однако вместо этого девушка протянула руку и схватилась за рукоять более длинного меча. Рука Ларкена дернулась, но не перехватила запястье Мэны. Казалось, ситуация позабавила акацийца.

— О, Мэна. Какое интимное прикосновение. Ты поосторожнее там, смотри, за что хватаешься.

Клинок запел, выскользнув из ножен единым плавным движением. Ларкен взмахнул руками в притворном испуге.

— Впечатляет, Мэна. Знаешь, вытащить чужой меч — тяжелая задачка. Не у всех получается. Нужно учитывать угол наклона ножен, силу рывка...

Мэна отступила на несколько шагов, взвешивая меч на руке, проверяя, удобно ли рукоять лежит в ладони. Попытавшихся подойти охранников Ларкен остановил небрежным движением руки. Мэна знала, что так и будет. Она спиной чувствовала пронизывающие взгляды мейнцев, но был еще талайский экипаж и слуги-акацийцы. И все смотрели на нее...

— Ну и?.. — сказал Ларкен. — Что ты собираешься делать дальше?

— Убить тебя.

— Ну, это маловероятно. У тебя действительно есть хватка, Мэна, я никогда и не сомневался. Беда в том, что я очень неплохо владею мечом. Вряд ли девочка, выросшая на Вуму и ставшая жрицей, способна мне противостоять. Видишь, я честен с тобой. Я мог остановить твою руку еще прежде, чем ты вытащила клинок. К тому же не будем забывать о моей охране. И о том, что тебя окружает вся команда корабля.

— Я разберусь с ними потом, — сказала Мэна.

Ларкен не сумел спрятать ухмылку.

— Интересно, твои братья столь же отважны? — Он положил ладонь на рукоять второго меча — более короткого, но не менее смертоносного в умелой руке. — У меня есть второй клинок.

Мэна встала в фехтовальную позицию, с которой начиналась Первая Форма.

— Потому я и взяла только один.

Ларкен вынул меч, когда Мэна шагнула к нему. Расслабив запястья, он опустил клинок и перекидывал его из руки в руку, готовясь отразить нападение снизу, с которого начинались атаки Эдифуса. Ларкен не особенно беспокоился, двигался неторопливо, почти лениво. Он полагал, что полностью контролирует ситуацию. Он ошибался.

Атака Мэны ничем не напоминала Форму. Первым же движением она разломала всю привычную структуру. Копчик клинка описал круг с такой скоростью, что Ларкен попятился. Мэна ударила наискось, метя в запястье. Остро наточенное лезвие прорезало кожу и мышцы как мягкий сыр, до самой кости. Кисть безжизненно повисла, пальцы разжались, выпустив меч. Ларкен, впрочем, сориентировался быстро. Невзирая на боль, он успел перехватить падающий клинок левой рукой и отразил бы следующий удар, если бы Мэна продолжила атаку. Она, однако, резко оборвала движение, закрутила мечом в обратную сторону и резанула Ларкена по левой кисти. Четыре пальца разом отделились от тела и взмыли в воздух, роняя на палубу капли крови. Мэне ни за что не забыть выражения лица Ларкена в тот момент — и в следующий, когда ее меч с маху взрезал его живот, оставив глубокую полукруглую рану, похожую на жуткую окровавленную улыбку.

Еще прежде, чем Ларкен рухнул на палубу, Мэна резким ударом рассекла руку пунисари, который надвигался на нее с обнаженным клинком. Секундой позже она убила второго, коротким движением вскрыв ему сонную артерию. Алый фонтан ударил в воздух, а Мэна уже позабыла о противнике. Никогда еще она не чувствовала такой уверенности в своих силах. Она закружилась, уходя от двух оставшихся охранников, вскочила на поручни борта, пробежала по ним и спрыгнула на груды деревянных ящиков. И пока растерянные мейнцы решали, что делать, Мэна воспользовалась передышкой: назвала себя перед моряками и слугами, наблюдавшими за схваткой с благоговейным ужасом, и потребовала — именем своего отца и брата, будущего короля, — чтобы они присоединились к ней и захватили корабль.

Когда матрос, уроженец Тея, наблюдавший за битвой с марсовой площадки, радостно прокричал имя принцессы, Мэна поняла, что корабль и команда принадлежат ей.

Глава 56

Секретарь Хэниша выскочил из кабинета вождя, прижимая к груди огромную стопку бумаг и притом ухитряясь удерживать в руках печать и восковые карандаши, которые торчали у него между пальцев. Он даже не заметил ожидавшего его человека, и тот кашлянул, пытаясь привлечь внимание. Секретарь выглянул из-за своих бумаг и с мученическим видом вздохнул. Похоже, Риалус Нептос испытывал его терпение одним только своим присутствием.

— Он не может принять вас сейчас, — сказал секретарь. — Вы прибыли слишком поздно, Нептос, Хэниш вскоре уезжает на материк по неотложным делам. Впрочем, он просил передать, что незамедлительно встретится с вами или с самим Калрахом сразу по возвращении. Через неделю. Или через две. Хэниш рассчитывает, что нюмреки поддержат его в предстоящей войне. Нюмреки — его правая рука, его боевой топор, и вождь не замедлит вознаградить их, как только Аливер Акаран будет повержен. А сейчас Калрах поступает в распоряжение Маэндера, поскольку тот будет стоять во главе мейнской армии. Прочие детали Хэниш сообщит позже, в личной беседе. Вот и все, что он сказал.

Нептос знал, что потом будет жалеть о сказанном, но не мог смолчать:

— Калрах сам попросил меня передать предложение...

Молодой мейнец замахал рукой, растопылив пальцы, словно пытался отгородиться импровизированным веером.

— Я пересказал вам все, что ответил Хэниш. До свидания.

Издевательство, думал Риалус. Высокомерная насмешка. Насмешка! Не смей посылать меня вон мановением руки. Не прикасайся ко мне! Не смей захлопывать дверь, пока я не согласился уйти!.. Разумеется, ничего этого Риалус не сказал вслух, и секретарь таки отправил его прочь движением руки, коснулся его локтем и захлопнул дверь за его спиной.

Секундой позже Риалус стоял в холле перед приемной в компании грубого стражника, который смотрел на него сверху вниз из-под густых золотистых бровей. Этот человек слегка нервировал Нептоса, однако он не ушел. Помимо него и стражника в холле не было ни души — только несколько статуй в человеческий рост, из-за которых пространство казалось еще более пустынным. Риалус не знал, что ему теперь делать, и просто стоял на месте, мучительно размышляя, а мысли ему в голову приходили самые что ни на есть мрачные. Что ж, думал Риалус, это полный провал, и теперь его ожидает большая беда. Калрах отправил посла к Хэнишу не с какими-то там бытовыми проблемами. И не для того, чтобы уточнить детали будущего сражения. Предводитель нюмреков желал прояснить вопрос относительно получения выплат по Квоте. Насколько мог судить Риалус, эта идея попахивала абсурдом. Нюмреки жили без забот и хлопот, творили, что хотели. Они регулярно охотились на людей в Тейских холмах. Захваченных крестьян нюмреки обращали в рабов. Точно так же они использовали бы и невольников, полученных по Квоте. Так зачем, требовать еще больше от Хэниша, который, по мнению Риалуса, и так чрезмерно щедр по отношению к союзникам?

Никакие разумные доводы на Калраха не действовали. Как ни бился Риалус, он не сумел разубедить вождя. Ничего не оставалось, как отправиться ко двору, и теперь, когда Хэниш дал послу от ворот поворот, Нептос дрожал от страха. Он вынужден вернуться к Калраhu ни с чем. Впрочем, может быть, соврать нюмреку, что он переговорил с Хэнишем? «Вождь обещал подумать», — скажет он Калраhu. Впрочем, обман таил в себе немалую опасность. Насколько понял Риалус, Хэниш по возвращении намерен переговорить с Калрахом лично. Он и раньше так делал. Тогда предводитель нюмреков узнает, что посол солгал. Если это произойдет, Нептос не даст и ломаного гроша за свою шкуру... Ну почему, почему он всегда влипает в идиотские ситуации?!

Нептос все еще торчал у двери приемной, жалея себя и раздумывая, что делать дальше, когда понял, что за ним наблюдают. Одна из неподвижных фигур, которую он сперва принял за статую, была человеком. Женщиной. Она отошла от стены, направляясь к Риалусу. И тогда он узнал ее.

— Принцесса Коринн? — пробормотал Нептос, делая шаг навстречу.

Она не ответила. Просто повернулась и поманила Риалуса за собой. Они миновали холл, свернули в боковой коридор и вошли в маленькую дверь. Все произошло так быстро, что Риалус не сразу сообразил, где оказался. Он стоял в огромной комнате с высоченными окнами от пола до потолка, заставленной стеллажами и пропахшей книжной пылью. Библиотека. Здесь царила удивительная глубокая тишина. Судя по всему, кроме них, в библиотеке не было ни души.

Коринн пересекла комнату и подошла к одному из высоких окон. Остановилась, обернулась и в упор посмотрела на Риалуса.

— В это время дня сюда никто не заходит. Другие двери закрыты, так что здесь вполне безопасно. Если кто-то войдет, мы услышим и успеем сбежать, — проговорила Коринн холодно и деловито. Нептос раскрыл было рот, собираясь задать вопрос, но тут принцесса шагнула к нему, оказавшись совсем рядом. — Риалус, — вымолвила она совсем другим голосом, — ты будешь со мной откровенен?

Ее дыхание пахло цитрусом. Нептос едва знал Коринн, они и виделись-то всего пару раз. Он даже не был уверен, что она помнит его имя. Однако принцесса помнила... А еще она была невероятно красива. Прекрасное лицо, безупречное тело. Совершенство форм и

пропорций... Запинаясь, Риалус заверил ее в своей откровенности.

— Тогда ответь мне, — проговорила Коринн, — ты когда-нибудь жалел о прошлом?

— О прошлом, принцесса?

Несколько секунд Коринн молчала. Риалусу казалось, что она оценивает его, прикидывает, стоит ли продолжать разговор. Неожиданно для себя Риалус взмолился, чтобы принцесса сочла его достойным доверия.

— Я имею в виду: не жалеешь ли ты о падении Акацийской империи? Как-никак, ты предал свой народ.

— У меня была на то причина, — отозвался он с ноткой возмущения в голосе. — Вы даже не представляете...

Коринн прервала его, приложив палец к губам:

— Не суди меня строго, Риалус. Я знаю, что ты чувствовал себя забытым. Брошенным на произвол судьбы. Я понимаю, каково было жить в этой мейнской глухомани. Однако ты несправедлив к моему отцу. Он часто вспоминал о тебе. Его огорчал твои письма, и он очень хотел помочь. Отец однажды сказа «Риалус Нептос, должно быть, хороший человек». Ведь не он отправил тебя в Катгерген, а алесийский совет. Отец пытался надавить на них, чтобы тебя отозвали из Мейна и назначили на какой-нибудь достойный пост в Алесии. Он бы обязательно добился своего, если бы вы дали ему время...

Слова принцессы ошеломили Риалуса. Однако он быстро спустился с небес на землю и покачал головой. Чего добивается принцесса? Ее уверения просто не могли — не могли! — быть правдой.

— Ты не веришь? — спросила Коринн. — Ну сам подумай: как бы я узнала о письмах, которые ты посылал отцу? О том, что ты несчастлив там, на севере? И считаешь, что тобой пренебрегают? Мы с отцом были очень близки, Риалус. Я любила его, и он любил меня. Отец часто рассказывал мне о своих делах, о проблемах, которые его беспокоили. В том числе и о тебе. Потому-то я и запомнила твое имя. Он рассказал о письме, а всего лишь через несколько недель тебя уличили в предательстве. Тогда я подумала: «Нет, невозможно. Нептос, о котором так тепло отзывался отец?». Однако ты действительно предал отца, предал империю и именно поэтому стоишь здесь, сейчас, передо мной. И я хочу понять: считаешь ли ты, что сделал правильный выбор? Счастлив ли? Получил ли то, о чем мечтал?

Нептос слушал обидные слова Коринн и готов был ответить какой-нибудь резкостью. О, он мог многое рассказать о том, как его презирали, обижали и унижали, но... В голосе принцессы не слышалось осуждение, не читалось осуждение на лице Коринн. Только любопытство. Риалус ожидал злобы, враждебности... однако ничего такого не было и в помине. То, что он чувствовал... ну... Риалус уже очень давно не испытывал ничего подобного по отношению к другому человеку. Он даже не мог припомнить нужного слова. Во всяком случае, до тех пор, пока Коринн не произнесла его.

— Я говорю все это не в осуждение и не в укор. На самом деле я сочувствую тебе. Я тоже предала тех, кого любила. Я знаю, каково это — совершать ошибки. Поступки, о которых потом сожалеешь. Когда мечтаешь, чтобы у тебя появился шанс исправить содеянное или хотя бы попросить прощения.

Сочувствие... Вот это слово. Принцесса сочувствовала ему. Риалус едва мог поверить в происходящее. Такое отношение со стороны принцессы... и возможности, которые оно предполагало... Тем не менее он опасался снова попасть впросак, а потому завел свою старую песню:

— Не думаю, что это одно и то же, принцесса. Я посол. Я занимаю важный и ответственный пост...

Коринн жестом прервала его:

— Чудесно. Выходит, тебя все устраивает. Верится с трудом, если честно, но ладно. Не буду с тобой спорить. Тогда скажи-ка, что ты думаешь насчет возвращения моего брата?

Аливер? Риалус едва не спросил, зачем ей это знать. Причины очевидны... хотя, наверное, все отнюдь не так просто. «Он мой брат и я люблю его», — могла сказать Коринн.

Это не то что хотелось бы услышать Риалусу. «Он представляет угрозу для Хэниша», — могла сказать Коринн. И такой ответ не устраивал Риалуса, невзирая на его нынешнее положение и расстановку сил. Поразмыслив, он высказался наиболее обтекаемо:

— Принц Аливер был и остается загадкой, принцесса. Я не уверен...

— Не лги мне. Говори правду, тогда и я буду откровенна тобой. Суть в том, Риалус, что у меня нет ни одного друга в этом дворце. Всем наплевать, что со мною станется. Хэниш мне тоже не друг, понимаешь? Он никогда не узнает, о чем мы тут говорили. Ни единого слова. Ты понял? Скажи, что понял.

Нептос осторожно кивнул, однако на лице его мелькнула тень сомнения. Уж слишком неправдоподобно все это звучало. Если Коринн и заметила его колебания, то не подала виду.

— Послушай, мне очень, очень нужен друг. Могущественный друг. Вот почему я сейчас рассказываю все как на духу. А тебе, Риалус, не нужен друг?..

Слова сорвались с губ Нептоса прежде, чем он успел одернуть себя:

— Да, нужен.

— Тогда я им стану. И мы с тобой будем помогать друг другу, как делают друзья. Итак, сперва расскажи мне о брате. Хэниш скрывает от меня все, что касается Аливера, — просто из жестокости. Все кругом и так уже всё знают, лишь я отрезана с мира. Ты не выдашь никаких страшных тайн. Пожалуйста, расскажи мне, что происходит на самом деле.

Пожалуй, вреда никому не будет, подумал Риалус. Коринн нуждается в нем, она сама так сказала. И впрямь невелика беда если она узнает то, что давно общеизвестно.

Следующие полчаса он рассказывал Коринн все, что знал сам. Мало-помалу он прибодрился и поведал подробности продвижении Аливера на север, описал его армию — численность и состав. Риалус пересказал мифы об Аливере Акаране слухи о чародеях и все остальное в подобном же роде. Впрочем, насколько знал Риалус, все это не произвело на Хэниша Мейн особенного впечатления. Единственное, что его раздражало, — время, когда Аливер надумал воевать. Хэниш был по горло занят проблемой Тунишневр и не желал, чтобы его отвлекали. Он оттянул часть войск из провинций и сосредоточил их в районе Бокума. Нюмреки пока еще не присоединились к ним, но собирались выступить сразу после возвращения Хэниша с материка. Война, заключил Риалус, начнется со дня на день.

Коринн засыпала его вопросами. С удивительной дотошностью она вызнавала мельчайшие детали и подробности. Риалус разъяснил ей что мог. В числе прочего принцесса спросила, что является самой большой угрозой для армии Аливера.

— Ну, нюмреки, разумеется. Те самые, у которых я состою послом.

— Да-да, эти непобедимые нюмреки... Они и вправду такие свирепые?

Некоторое время Риалус воспевал боевые умения и навыки своих «подопечных». Сам он в полной мере понимал всю горькую иронию этих панегириков, но Коринн задавала все новые вопросы, и Риалусу приходилось отвечать.

— Если весь мир разом обратится против них, то, конечно, они будут разбиты, — сказал он в заключение, — но, думаю, сражение окажется нелегким. Сдается мне, что Хэниш Мейн подумывал, не выступить ли против них, но то было прежде. Сейчас он рад, что может назвать нюмреков союзниками.

— Так они нужны ему?

— Очень даже. Хэниш может держать очередного туза в рукаве, но если и так — без нюмреков ему придется тяжело. Он рассчитывает на них.

Красивое лицо принцессы приняло обеспокоенное выражение. Казалось, ее мучили сомнения и неразрешенные вопросы. Словно позабыв о Риалусе, она отвернулась к окну, положив ладони на подоконник. Грудь бурно вздымалась под тонкой тканью платья, притягивая взгляд Риалуса. Ему хотелось протянуть руку, прикоснуться к принцессе, утешить и ободрить ее... Коринн неотрывно смотрела в окно, но взгляд ее был рассеянным, невидящим. Она покусывала краешек нижней губы, как видно, глубоко задумавшись о чем-то своем.

— Риалус, у тебя есть мечта? — внезапно спросила Коринн, повернувшись к нему. —

Чего ты желаешь больше всего на свете? — Теперь она говорила твердо и уверенно, как человек, припавший решение. — Сдается мне, я знаю. Ты хочешь, чтобы тебя уважали, чтобы вознаградили по заслугам, чтобы Хэниш понял, какую неоценимую помощь ты оказал ему и Маэндеру во время... восстания против моего отца. Тебе нужно признание, которое получили люди вроде Ларкена. Богатство. Красивые вещи. Слуга. Почему бы нет? Любой амбициозный человек стремится к этому. Я права, верно?

Риалус открыл было рот, но Коринн не дождалась его ответа:

— Хэниш не даст тебе ничего. Он смеется над тобой. Считает трусом, глупцом, слабаком. Как-то Хэниш сказал, что если бы ты не стал посланником у нюмреков, он назначил бы тебя придворным комедиантом. «Этому Нептосу даже не пришлось бы изучать актерское мастерство, — сказал Хэниш. — Ему достаточно просто быть собой». Вот как он о тебе думает.

— Я...

— Ты знаешь, что я говорю правду. И всегда это знал. Ты ненавидишь Хэниша, ведь так?

— Н... не... ненавижу? Это не то слово, которое я бы употребил, — пролепетал Риалус. — Принцесса, я... мне казалось, что вы весьма... что вы любите Хэниша. И...

Коринн откинула голову и расхохоталась, раскрыв рот так, что Риалус увидел ее вибрирующее горло. Он растерянно смотрел на принцессу, окончательно перестав что-либо понимать.

— Забавный ты человек, — сказала Коринн, отсмеявшись. — Я не люблю Хэниша. А ты?

Она снова не дала ему времени ответить, и на сей раз Риалус был этому рад.

— Разумеется, нет, — сказала Коринн. — Ты похож на меня. — Она положила ладонь на вырез платья — как раз между грудями, но этот жест, который мог бы быть очень чувственным, в исполнении Коринн казался почти агрессивным. — Мы с тобой оба знаем, чего стоит так называемая любовь. Я больше не отдам свое сердце мужчине. Даже тебе, Риалус, хотя ты очень мил. Думай обо мне все, что угодно. Я не могу вынуть мысли из твоей головы, да и не собираюсь — мне нет дела до твоих фантазий. Ты никогда не получишь моей любви, но ведь тебе этого и не надо, верно? Тебя интересует только внешняя оболочка, а не то, что внутри. Ну так ты получишь ее. Оболочку. У тебя будет много других женщин, красивее меня. Красивых и пустых. Понимаешь?

Риалус кивнул. Он понял. Понял, возможно, больше, чем Коринн хотела ему сказать. Принцесса Акаран оказалась вовсе не красивой куклой, какой он воображал ее до сих пор. За совершенным лицом таилась бездна. До сих пор Риалус полагал, что составил себе вполне ясное представление о принцессе Коринн. Теперь оказалось: он ошибся. Она была... опасной. Да. Именно так. Риалус не знал наверняка, какой властью она обладает, однако был уверен: перед ним не та женщина, которой можно безнаказанно играть.

Словно в ответ на его мысли, Коринн сказала:

— Хэниш предал меня, я никогда смогу его простить. И не смогу забыть. Надеюсь, Риалус, ты окажешься честнее его. У меня есть послание, которое ты должен передать Калраху. Я хочу сделать ему предложение. Лучше бы мне самой съездить к нему, но я не могу покинуть остров. Я пленница здесь, Риалус, и надеюсь на твою помощь. Если у нас все получится, ты станешь очень счастливым человеком. На сей раз о тебе не позабудут и после войны вознаградят по заслугам. Мы с братом лично проследим за этим.

Глава 57

Таддеус Клеgg мог назвать себя счастливым человеком. Он с восхищением и гордостью наблюдал, как взрослеет Аливер Акаран. Пожалуй, никто, кроме старого канцлера, не понимал, как сильно принц стал похож на своего отца — тембром голоса и осанкой, чертами лица и карими глазами, умом и жадной деятельностью. Аливер напоминал Леодана в юности,

однако он не просто унаследовал черты отца, а довел их до совершенства. Леодан обдумывал реформы, мечтал о справедливости, жаждал действовать, но никогда ничего не предпринимал. Аливер жил и дышал всем этим, боролся за то, чтобы мир стал лучше.

Таддеус был растроган молчаливой готовностью Аливера взять на себя всю ответственность за происходящее. Теперь, однако, все изменилось. После возвращения от сантот принц окончательно обрел уверенность в себе. Аливер попросил Санге отдать ему Королевский Долг, и вождь, не колеблясь ни секунды, вернул меч принцу. Клинок на поясе стал последним штрихом к образу истинного героя.

Первая же задача, вставшая перед Аливером — привлечь на свою сторону халали, — оказалась отнюдь не легкой. Принц отказался помогать им в междоусобной войне с соседями. Вместо этого Аливер убедил племена позабыть мелкие раздоры. У них был общий враг, гораздо более страшный, нежели любая угроза, которую одно племя Талая могло представлять для другого. Победа над Хэнишем Мейном, доказывал принц, поможет людям изменить мир и собственные судьбы. Аливер обещал, что, став королем, будет помнить каждое деяние, совершенное для него и совершенное против него. Он наградит всех союзников, дарует каждому именно то, что ему потребно. Халали, сказал Аливер, могут стать величайшими племенем Талая, а могут оказаться отщепенцами, чье мнение в новом мире не будет играть никакой роли. Будущие поколения осмеют халали — людей настолько слепых, что они не сумели разглядеть надвигающиеся грандиозные перемены и потому утратили право голоса. Нелегко было говорить такие вещи, глядя в лицо Обадала, но Аливер сумел это сделать.

Канцлер получал доклады из первых рук обо всех важных событиях. Когда принц вернулся из земель халали и начал продвижение на север, Таддеус наблюдал за этим самолично. В войско Аливера постоянно вливались все новые и новые бойцы. Каждый день люди собирались послушать принца, когда он излагал новоприбывшим свои планы и устремления. Аливер говорил с пылом истинного пророка, развивая и углубляя свои теории. Принц высказывал такие мысли и идеи, которых Таддеус не ожидал, не возвращившись в Аливере и даже не представлял, что они могут возникнуть. Тем не менее намерения принца были благородны, и канцлер не находил поводов для критики.

Обещая вознаградить своих сторонников, Аливер имел в виду не традиционные способы — не богатство, не власть одного племени над другим, не привилегии. Он хотел сломать старые стереотипы, уничтожить мировой порядок, прогнивший до самой сердцевины. Аливер убеждал слушателей, что все народы — Талая ли, Кендовиин, Ошениин, Сенивалей и любые другие — могут мирно сосуществовать друг с другом. Стать большой единой семьей. Они не обязаны любить соседей или отдавать им что-то без надежды на достойную компенсацию. Однако же они могли бы сидеть за столом переговоров и проводить в жизнь политику, которая шла бы на благо всем. Каждый народ будет процветать в своей земле и радоваться достижениям соседей. Неужели это невозможно?

— Эдифус был неправ, — сказал однажды Аливер. — И Тинадин был неправ. А последующие поколения унаследовали мир со всеми созданными ими несправедливостями и принимали их как должное. Мой отец, Леодан Акаран, хотел вырваться из порочного круга, покончить с тиранией и переустроить мир. Он знал, что в Акацийской империи творится много зла. Я тоже чувствовал это — сознавал в глубине души, даже не зная фактов. Я не видел этой грязи, потому что окружающие всеми силами старались скрыть ее от меня. А потом пришел Хэниш Мейн. Большее зло, которое сожгло землю и оставило ее в пламени. Искаженной и исковерканной. Я ненавижу Хэниша Мейна за зло и страдания, причиненные миру. Мне горько сознавать, что я буду вынужден просить тысячи и тысячи людей отдать жизни в борьбе с ним. Впрочем, есть одна вещь, за которую я благодарен Хэнишу Мейну: он разорвал эту цепь правления Акаранов. Он побудил нас к действию. Он заставил нас понять, что пора переиначить мир. Сам Хэниш не начал новую эру. Он всего лишь пауза между двумя фразами. Древние Акараны произнесли свою — это были слова о горе и несправедливости. Я и те, кто придет вслед за мной, — мы скажем свою фразу: о чистом

мире и праведной жизни.

...Хэниш Мейн — не более чем пауза между двумя фразами... Таддеус и представить не мог, что Аливер зайдет так далеко. Однако принц не остановился и здесь. Он обещал изничтожить систему рабского труда на рудниках. Он поклялся покончить с Квотой и торговлей мистом. Он дал слово, что будет править честно и справедливо, учитывая всех народов — насколько это возможно. Аливер не желал верить, будто горстка богатеев и миллионы бедняков, гнувших на них спину, — естественный порядок мироустройства. Принц любил и уважал предков и никому не позволил бы сказать иного. Однако признавал, что они были неправы, соорудив подобную систему. Именем всех Акаранов и ради них он создаст новый, лучший мир.

Какие бы сомнения ни терзали Аливера прежде, теперь они исчезли без следа. Они пропали, как пропал юношеский жирок с его стройного тела. Принц был неутомим; его энергия и энтузиазм, казалось, не имели предела. Лишь иногда, по вечерам, оставаясь в компании близких людей, Аливер позволял себе высказывать усталость, беспокойство. Впрочем, думал Таддеус, этого следовало ожидать.

К тому времени как армия достигла широких равнин, которые простирались на север до самого Бокума, многие называли Аливера не только Королем Снегов. Некоторые считали его пророком Дающего. До сих пор никто, рассуждали люди, не сумел донести правильные и справедливые слова до столь многих ушей. Сам Дающий говорит устами Аливера Акарана. Грядет священная война, где создатель увидит праведных. Может быть, после победы Дающий вернется в мир и снова будет жить среди людей...

Принц никогда не делал подобных заявлений сам, но идея укоренилась и распространялась по талайским равнинам подобно пожару. Она перетекала от человека к человеку, от селения к селению. Перепрыгивала горные кряжи и переплывала моря. Люди старались уловить любой отзвук речей молодого Акарана. Они с жадностью впитывали его слова и шли вперед с ясными глазами. Вдобавок ко всему прочему очень многие избавлялись от пристрастия к мисту. Таддеус иногда просыпался по ночам, раздумывая о том, что события катятся вперед слишком быстро. Это пугало его, но пути назад уже не было.

Порой канцлер все еще давал советы будущему королю, но мало-помалу Таддеус становился проводником идей Аливера, а не наоборот. Канцлер занимался связями с большим миром, задействовав все каналы, которые у него были. Благодаря его действиям пробуждалось до сей поры скрытое сопротивление. Люди во всех уголках империи узнавали, что Аливер Акаран явил себя миру, — и выходили из подполья. Едва ли не каждый, день канцлеру доносили о новых событиях и происшествиях. Диверсии. Удары партизанских отрядов по армейским частям Мейна. Нападения на торговые караваны. Подожженные форты. Восстания на рудниках. Аливер хотел отравить мейнцам жизнь всеми доступными способами. Однако эти акции членов сопротивления пока не перерастали в крупномасштабные боевые действия. Принц приказал не торопиться. Он хотел, чтобы борьба велась в каждом уголке мира, и одновременно с этим готовил свою армию к главному удару. В скором времени войска двинутся из сердца Талая — огромная сила, которую Хэниш Мейн не сможет оставить без внимания. Ему придется встретиться с Аливером на поле боя. И на этот раз битва состоится.

Солдаты Аливера говорили на разных языках, придерживались разных обычаев и традиций, воевали разными способами. Здесь были юноши и старики, мужчины и женщины, бывалые воины и желторотые новички. Рыбаки и ремесленники, рудокопы, пастухи и земледельцы — люди всевозможных профессий. Превратить эту разношерстную толпу в настоящее войско представлялось непростой задачей. Хэниш никак не препятствовал их продвижению на север, но стягивал свои воинские подразделения из провинций к центру. Аливеру доносили, что вождь мейнцев собирает армию на талайском побережье. Время сражения неумолимо приближалось.

К счастью, Лика Алайн вспомнил свои старые навыки бойца и командира. Легенда о генерале, спустившемся с гор верхом на шерстистом носороге, отнюдь не была забыта. В

конце концов, именно Лика Алайн первым из людей одолел в бою нюмрека. Он пережил свою армию и сражался во многих битвах первой войны. Алайн постарел, но до сих пор оставался боевым генералом и обладал немалым авторитетом среди солдат. Он взялся натренировать армию Аливера и готов был принять на себя командование.

Первым делом Алайн разбил войско на отряды, сообразно с опытом и умениями людей. Он велел офицерам подумать, как можно рационально использовать каждого человека, дабы усилить всю армию. Генерал упростил боевые команды, выбрав самые четкие слова, доступные носителю каждого из языков — с тем, чтобы представителю любого племени было нетрудно запомнить их и понять в бою. Алайн проводил строевые учения, превращая пеструю толпу людей в боевые отряды. Он устраивал сражения тупым оружием, где новички встречались с бывалыми ветеранами, и на примере этих битв показывал, как выглядят две армии, столкнувшиеся друг с другом. Генерал заставлял людей работать с полной отдачей, но всегда знал, когда нужно остановиться, чтобы солдаты не падали от усталости во время дневных переходов. Новых людей принимали в армию без проволочек и сразу же распределяли в отряды, чтобы они без промедления приступали к тренировкам. Разумеется, генерал понимал, что, как бы он ни старался, его войско не сравняется выучкой с бойцами пунисари или нюмреками, но этого никто и не ожидал. Он подготовил солдат так хорошо, как только мог, невзирая на то, что пришлось позабыть все акацийские воинские традиции и целиком переделать систему учений.

Что до самого Аливера, то более всех успехов армии, вместе взятых, его ободряло присутствие Даризэла. Брат был для принца ни с чем несравнимой моральной поддержкой. В ночь приезда младшего принца Таддеус кинулся в шатер совета и увидел двух братьев, сомкнувших объятия. Они, должно быть, стояли так уже довольно долго. Чуть погодя молодые люди сели на табуреты, по-прежнему держась за руки, и шепотом говорили о чем-то. Таддеус робко приблизился к ним. Он не знал, как вести себя, и не лучше ли будет уйти, но тут Аливер поднял взгляд. Он притянул к себе старого канцлера и крепко обнял его. Даризэл приветствовал канцлера грустной улыбкой. Таддеус последний раз видел юного принца, когда тот был еще ребенком. Теперь он стал мужчиной, хотя где-то в глубине его глаз по-прежнему прятался мальчишка. Таддеус успел шепотом поздороваться с Даризэлом, прежде чем эмоции нахлынули на него. У Таддеуса перехватило горло, и он уже не мог говорить...

Теперь братьям предстояло познакомиться заново, вращаясь в бурном водовороте каждодневных событий. Они много времени проводили вместе, сидели рядом на советах, совместно принимали решения, делились опытом, обретенным за годы разлуки. Таддеус часто думал, существуют ли какие-нибудь разногласия между ними. Не окажется ли, что братья стали чужими людьми? Не возникнет ли размолвок и соперничества — особенно учитывая, что один из них в скором времени может сесть на трон? Аливер и Даризэл вели очень разную жизнь и по-разному видели мир. Так не станет ли это камнем преткновения? Впрочем, Таддеус не замечал ничего подобного. Принцам было непросто приладиться друг к другу, но с каждым днем они становились все ближе. Возможно, Леодан правильно воспитал их с самого раннего детства, так что это двое пронесли братскую любовь через все долгие годы разлуки.

Как-то вечером Таддеус задержался у шатра Аливера. Ему хотелось узнать, о чем говорят между собою принцы. Сперва он вовсе не собирался подслушивать и, уж конечно, не имел дурных намерений, но когда до него донесся тихий голос Аливера, канцлер замер у входа. Таддеус с изумлением отметил, что интонации принца весьма отличались от обычных. В его голосе были искренность, откровенность, открытость. Человек разговаривал со своим братом — одним из немногих людей в этом мире, от которого не нужно скрывать ничего.

Аливер рассказывал, как трудно ему было понять талайскую культуру. Как нелегко пришлось поначалу в этой стране. Сперва он стыдился своей бледной кожи, прямых волос и тонких губ. Он побрил голову, старался как можно чаще находиться на солнце, даже надувал губы, чтобы они казались полнее — особенно когда разговаривал с молодыми женщинами. К

счастью, все это давно прошло. В последние годы его уже не беспокоил цвет кожи. Аливер знал, кто он таков, знал, что должен делать. И наконец, Аливеру выпал шанс посмотреть на Дариэла. У него снова была семья. Такой чудесный подарок сделали ему канцлер и генерал Алайн.

— В общем, спасибо тебе, что выжил, — сказал он, смеясь. — Будь добр, продолжай в том же духе.

Дариэл не остался в долгу. Он, ничего не утаивая, поведал брату о своей жизни среди пиратов. Признался, что порой одиночество и страх не давали ему покоя. Вокруг всегда были люди, товарищи, приключения, и все же принц чувствовал, что он один. Дариэл любил всех своих друзей, особенно Валя. Гигант заменил ему потерянного отца, насколько это вообще было возможно. Он воспитал Дариэла, сделал его таким, каков он есть сейчас. Валь очень многое дал приемному сыну. Возможно, больше, чем Дариэл мог вернуть...

— Не знаю, — сказал он, — чем я заслужил такой подарок судьбы. Просто не представляю.

— Валь тоже выбирал для себя, как и любой из нас, верно? — спросил Аливер. — Может быть, так он нашел свой путь, нашел смысл в жизни. Мне кажется, очень многие люди больше всего боятся... ну... оказаться недостойными доверия тех, кто их любит. Конечно, от этого наша жизнь становится сложнее. Ты и я — мы должны стать лучше, чем могли бы быть, тогда и мир вокруг нас станет лучше. Все мы звенья цепи, правда?

Слушая это, Таддеус понял, что принц в какой-то мере говорит и о нем — и несколько смутился. Вдобавок канцлер знал, что независимо от того, сколько он сделал для своих подопечных, ему никогда не удастся в полной мере завоевать доверие принцев Акаран, такое, какое они испытывали друг к другу. Казалось, он унаследовал чувство Леодана к этим детям, добавил его к своему собственному и заполнил этой смесью пустоту, оставленную смертью жены и сына. Он был отцом и дядей, плакальщиком и кающимся грешником — все разом. Слишком сложная комбинация для одного человека.

Что ж, подумал Таддеус, подходящее наказание за преступления...

Младшему Акарану еще только предстояло войти в курс дела и узнать все обстоятельства, чтобы с полной отдачей включиться в процесс подготовки. Таддеус стал преемником Лики Алайна и взялся просвещать юношу. Однажды вечером, когда войско встало лагерем в сотне миль от Бокума и побережья Талая, канцлер сидел в шатре вместе с Дариэлом, Аливером и Келисом, который в последнее время все чаще казался канцлеру третьим братом. Дариэл интересовался нюмреками. Он был наслышан об этих созданиях, но никогда не видел их. Принц спросил, правда ли то, что о них говорят.

— Смотря по тому, что тебе рассказывали, — отозвался Таддеус. — Кое-что наверняка правда. Кое-что — наверняка нет.

— Ну, например: их действительно изгнали из родных земель? — спросил Дариэл. — Мне говорили, будто именно поэтому нюмреки прошли через Ледовые Поля и примкнули к Хэнишу.

Таддеус кивнул.

— Те, кого акацийцы так никогда и не сумели одолеть на поле боя, пришли в наши края как побежденный народ. Они убегали от кого-то или чего-то, внушавшего им такой страх, что нюмреки предпочли ринуться в неизвестность. — Канцлер помолчал, позволяя слушателям осознать сказанное. — Мы знаем о собственном мире далеко не все. В нем больше ужасов, чем кажется на первый взгляд. Однако ж пусть эти мысли не отвлекают вас от основной задачи. В данный момент наш враг — Хэниш Мейн. Если мы не сумеем победить его, то уже не придется волноваться о том, что готовит нам будущее.

— И все-таки, — сказал Дариэл, — если нюмреков не смогли одолеть в первую войну, как мы собираемся управиться с ними сейчас?

Дариэл задал вопрос Таддеусу, но канцлер переадресовал его Аливеру. Старший принц

сидел на трехногом табурете, наклонившись вперед и расставив ноги; он упер локти в колени и массировал лоб кончиками пальцев. Аливер чуть заметно кивнул, показывая, что услышал вопрос, и подпер голову кулаком. Таддеус с беспокойством посмотрел на него; сегодня что-то угнетало принца более, чем обычно.

— Я не уверен, — наконец сказал Аливер. — Мне не нравится такой ответ, но это правда. Я хотел бы иметь перед глазами полную картину, прежде чем посылать людей на смерть. Собрать все кусочки мозаики...

— Ты не можешь, — откликнулся Келис. Из уважения к собеседникам он говорил по-акацийски. — Если ждать, пока все расставится по местам, пройдет вечность. Некоторые вещи известны нам только отчасти или неизвестны вовсе. Болтают, будто у мейнцев есть твари, которых им подарили Лотан-Аклун. Антоки — так они называются, но никто толком не знает, что это такое. Мы тоже не можем узнать, но и медлить нам нельзя.

Слова талайца повисли в воздухе. Аливер помолчал, не соглашаясь, не споря с ним.

— Еще есть сантот, — медленно проговорил он. — Из-за них я не стал тормозить события, хотя, на мой взгляд, они развиваются слишком быстро. Я знаю силу чародеев и верю, что они способны помочь. Не могу сказать, как именно, но если кто-то и может управиться с нюмреками, то только они. Если сантот присоединятся к нам, то найдут способ...

— Если присоединятся? — переспросил Дариэл. — Иначе сказать: есть вероятность, что этого не будет?

— Сантот обещали помощь, но поставили условие. Я обещал отдать им «Песнь Эленета». Она нужна чародеям, чтобы их магия работала правильно. Сантот не покинут свой дом на юге, пока я не сообщу им, что нашел книгу.

— Но мы с каждым днем уходим все дальше к северу, — заметил Дариэл.

— Расстояние не имеет значения. Я могу связаться с магами в любой момент. Эта связь не ослабевает с пройденными милями. Поверь: сантот могут слышать меня, если я направляю им свои мысли. Так же и я получаю их послания, когда они хотят, что-нибудь сказать мне. Проблема лишь в том, что книга сама не появится. Я понятия не имею, где она, и никто не спешит поведать мне об этом. Я ничего не сказал нашим людям о договоре с чародеями. Я решил, что просто призову сантот — не важно, найдется книга или нет. Я думал: когда они явятся, им ничего не останется, как помочь нам. А потом, после победы, я разыскал бы «Песнь Эленета» и отдал им. Я бы непременно выполнил обещание — просто поменял бы порядок действий, но... теперь я не уверен.

— Что же изменилось? — спросил Таддеус.

Очевидно, Аливер заговорил именно о том, что тревожило его в последнее время. Канцлер сожалел, что не вник в проблему раньше. В молодости, когда он был проницательнее и обладал более острым умом, Таддеус ухватывал такие вещи мгновенно. Ожидая ответа принца, он корил себя за то, что был слишком беспечен и вовремя не обратил внимания на настроение своего подопечного.

Аливер выпрямился и поднял взгляд, словно очнувшись от глубоких раздумий. Он потер глаза кончиками пальцев и проговорил:

— Люди начали массово отказываться от миста... потому что сантот помогают им. Я сказал им, что не могу вести на войну армию, которая вся поголовно каждую ночь впадает в наркотический транс. Тогда сантот произнесли заклинание. Я слышал его у себя в голове и чувствовал, как оно скользит по земле. Каждую ночь оно ползло, словно тысяча змей, и каждая искала своего... реципиента.

— Невероятно, — пробормотал Дариэл. — Я слышал, как люди освобождались от зависимости, но...

— Да, невероятно, — кивнул Аливер и замолк. Он медлил некоторое время, очевидно, пытаясь найти подходящие слова, чтобы выразить свои мысли. Принц поводил руками в воздухе, будто собираясь объяснить эти мысли жестами, но потом отказался от бесплодных попыток и положил ладони на колени. — Я ощущаю, что заклинание искажено. Сантот не

раз говорили мне... Не знаю, как лучше объяснить. На самом деле, я не понимал их язык... да это и вообще не язык. Он больше похож на музыку — как будто голоса выпевают мелодии из миллионов разных нот. И каждая нота — слово, но они не похожи на слова...

Аливер обвел взглядом окружающие его лица, надеясь, что собеседники поняли его лучше, чем он понял себя сам. Однако все взгляды выражали лишь недоумение, и Аливер разочарованно покачал головой. Таддеусу казалось, что он догадался о сомнениях принца. Он не стал вмешиваться — хотя и собирался, — а задумался, чувствуя, как разрозненные обрывки мыслей мало-помалу оформляются в стройную идею.

— Я не могу этого объяснить, — продолжал меж тем Аливер, — но в любом случае сантот оказались правы. Заклинание исказилось. Сантот не хотели превращать насылаемые мистом видения в кошмары, но так вышло помимо их воли. Вместо прекрасных грез, которые обычно дает мист, курильщики видели воплощения своих самых ужасных страхов и слабостей. Это превратилось в такую пытку, что люди боялись наркотика больше, чем мучений, связанных с отказом от него. Он пугал их так, как не пугала даже перспектива навсегда потерять волшебные сны. Понимаете? Да, в конечном итоге это принесло плоды, но сантот хотели спеть совсем другую песню. Они пытались воздействовать мягко, без таких вот жестокостей. Однако к тому времени, как заклинание достигло цели, оно преобразилось в нечто жуткое. Теперь представьте, что может произойти, когда сантот обрушатся на наших врагов, убивая и калеча их своими заклинаниями. Они будут петь о смерти и разрушении. И если эта песня тоже исказится... мне страшно подумать, какой она станет.

Вот оно, подумал Таддеус. Он сам не сказал бы лучше. Ответа на вопрос у него не было, и канцлер сидел в тишине — так же, как и все остальные.

— Знаете, — ухмыльнулся Дариэл, — если война закончится благополучно для нас, это будет самая что ни на есть удивительная история. Ее поставят на полку рядом со «Сказанием о двух братьях», как и говорил папа. Помните? «Самая изумительная легенда еще не написана, но когда это случится, она займет достойное место рядом с преданием о Башаре и Кашене».

— Я теперь понимаю историю о двух братьях совершенно иначе, — откликнулся Аливер.

Он принялся объяснять, что рассказали ему сантот, но Таддеус почти не слушал его. В тот миг, когда Дариэл произнес свою фразу, канцлер вдруг понял нечто очень важное. Холодок пробежал по спине, и Таддеус вздрогнул. В голове отдавались слова Леодана, произнесенные незадолго до смерти. Король тогда говорил о другом, но теперь кусочки головоломки внезапно встали на место...

Кто-то подошел к шатру. Стражник, стоявший у входа, спросил, по какому делу. Ему ответил женский голос. Таддеус не разобрал слов, но решил, что понял ситуацию. Принцы молоды, красивы и влиятельны. Разумеется, немало женщин добивались их внимания. Удивляло, скорее, то, что ни один из братьев не выказывал...

Женщина что-то крикнула. Таддеус снова не уловил слов, но Аливер и Дариэл вдруг вскочили на ноги и кинулись к выходу. Не успел Таддеус опомниться, как оба брата исчезли. Канцлер сидел в шатре, слушая восторженные крики снаружи. Он поднялся с места, лишь когда Дариэл окликнул его. Откинув занавес входа, в свете факелов и звезд Таддеус увидел обоих принцев, обнимающих молодую женщину. Она была опалена солнцем, как и они; так же гибка и сильна. На поясе у нее висели парные мечи пунисари, и это оружие так удивило канцлера, что он не сразу понял главное.

— Таддеус, — сказал Аливер, — посмотри, это же Мэна!

Во имя Дающего — когда он успел стать таким тупицей?! Таким медлительным? В какой момент его глаза утратили способность ухватывать самое важное? Мэна. Это была Мэна. Она высвободилась из объятий братьев и пошла к Таддеусу. Девушка двигалась плавно и уверенно, положив ладони на рукояти мечей, так что на миг Таддеусу почудилось: она хочет убить его. Мэна, которая всегда была самой энергичной из королевских детей. Мэна, понимавшая людей интуитивно, даже будучи ребенком. Мэна... Старый канцлер

боялся, что потерял ее навсегда. Она не раз приходила к Таддеусу в снах и перечисляла его преступления — одно за одним, загибая свои маленькие пальчики. Теперь Таддеус стоял перед нею, не дрогнув. Он был готов безропотно принять любую кару, которую Мэна изберет для него.

Если девушка и помнила о предательстве канцлера, она не подала виду. Мэна распахнула объятия, прижалась к груди Таддеуса и обвинила его руками, уткнувшись лбом в шею. Глаза канцлера мгновенно наполнились слезами, и он запрокинул голову, не позволяя им выскользнуть наружу. Отступив на шаг, Мэна провела ладонями по щекам Таддеуса и наклонила его голову вперед, так что слезы все-таки потекли по щекам...

— Ничуть не изменился. — У Мэны был непривычный акцент — мягкий говор жителей Вуму, звучавший в ее устах нежной музыкой. — Ни одной новой морщинки. Ни пятнышка, ни веснушки, которые я не помнила бы.

Таддеус сдался. Он оставил попытки скрыть эмоции и полностью отдался на их волю — даже более, чем при встрече с Аливером или Даризлом. Трое из детей Леодана воссоединились. Они — все они — были живы! Слишком много радости, и облегчения, и печали, чтобы удержать это в себе. Он не стал сдерживаться.

В ту же ночь Таддеус покинул лагерь. Это не было спонтанным решением. Или, во всяком случае, так говорил себе канцлер. В глубине души он давно уже понял, что ничем более не способен помочь Аливеру на тропе его судьбы. Победит ли принц или потерпит поражение — он примет любой исход. Аливер имел все, чтобы выиграть войну, кроме одной-единственной вещи. Ему нужна была книга. Книга, которая поможет чародеям плести заклинания на благо армии Акаранов. Таддеус знал, что никто не преуспеет в поисках «Песни Эленета» более, чем он сам.

На рассвете, задолго до восхода, Таддеус Клеэгг отправился за книгой. Его путь лежал на север — к Акации и дворцу, где, как он надеялся, по сей день хранится древний фолиант.

Глава 58

Хэнишу не понравилось их последнее прощание с Коринн. Он смотрел возлюбленной в глаза, не зная, как принцесса отреагирует на его отъезд. Хэниш был готов к бурному проявлению эмоций; возможно, ему даже хотелось этого. Но Коринн вела себя на удивление сдержанно. Хэниш уезжал, чтобы встретить Халивена и караван с Тунишневр. Коринн не возражала. Она не предложила поехать вместе с ним, хотя Хэниш ожидал этого. Принцесса спокойно пожелала ему удачи и скорейшего возвращения. Прощальный поцелуй вышел вялым; Коринн не прильнула к Хэнишу всем телом, как делала обычно. В этом поцелуе и объятии было больше вежливого равнодушия, нежели страсти. Хэниш невольно задумался, не охладела ли к нему принцесса. Мысль показалась донельзя глупой, и он решительно отринул ее. На самом деле, думал Хэниш, Коринн просто научилась скрывать свои чувства, переняв этот навык у мейнских женщин.

Он все еще убеждал себя, когда корабль отвалил от причала, направляясь к Аосу. Эмоции переполняли Коринн, просто она искусно прятала их. И все-таки не сумела совладать с собой. Хэниш заметил, как подрагивали уголки ее губ, увидел блеск в глубине глаз, обратил внимание на раздраженный жест, когда она резко откинула прядь волос, упавшую на лоб. Да, это все было. Хэниш не сумел бы точно выразить свои ощущения словами, но ему казалось, что Коринн не так уж и сильно изменилась. Она была все той же нежной, незащитной девушкой, кому пришлось пережить утрату семьи. Принцесса слишком долго чувствовала себя покинутой, брошенной на произвол судьбы, и тень былых горестей по-прежнему висела над ней. Коринн не хотелось, чтобы возлюбленный уезжал, однако она стоически пыталась это скрыть. Горькая ирония, подумал Хэниш — учитывая, что бояться ей следует как раз его возвращения...

Он подозревал, что Коринн узнала о появлении Аливера в Талае. Возможно, до нее

даже дошли слухи, что Мэна и Дариэл тоже живы. Как повлияет на нее это известие? По правде сказать, он и сам был не в восторге от подобных новостей. Каким образом получилось, что все его ищейки за прошедшие годы так и не обнаружили молодых Акаранов? Почему никто не выдал их — за деньги ли, которые с готовностью платил Хэниш, или по иным соображениям? Если прежде такие мысли вызывали у Хэниша лишь легкую досаду, то теперь превратились в постоянный источник раздражения. К счастью, под рукой был Маэндер с его любовью к кровавым бойням и с этими странными тварями из-за моря, на которых брат возлагал большие надежды. Маэндер позаботится об Акаранах.

Упорядочив все это у себя в голове, Хэниш постарался спрятать подальше любые эмоции, имевшие отношение к Коринн. Уезжая, он приказал пунисари не спускать с нее глаз. Вождь, обозначил четкие границы, за которые не позволялось выпускать принцессу. Разумеется, самой Коринн об этом знать не следовало. Хэниш велел охранникам действовать максимально корректно, чтобы Коринн чувствовала себя свободно, ни о чем не догадываясь. Однако пунисари надлежало держать ее в пределах дворца. К сожалению, у Хэниша не оставалось выбора. Если другие Акараны не будут доставлены в срок, Коринн придется умереть на алтаре, чтобы освободить предков. Эти мысли причиняли Хэнишу боль, но он полагал, что справится с собой. Воля и целеустремленность помогут сделать то, что необходимо.

Именно ради Тунишневр Хэниш отправился в дорогу. Он хотел помочь Халивену на последнем этапе пути в Акацию — к подземному залу, выстроенному специально для предков. Не было сейчас более важного дела. Не было и не будет, пока они не закончат свою миссию. Даже война с Аливером и его растущими день ото дня ордами не шла ни в какое сравнение. Ничего, Маэндер разберется с Акаранами. Хэниш полностью доверял воинским умениям брата. Разумеется, они обязаны разбить войско Аливера, и потому Хэниш позволил Маэндеру использовать любые ресурсы, какие он сочтет нужным, включая антоков — тварей, до сих пор не известных в Изученном Море. И все-таки исход войны определит не битва на равнинах Талая; его решит освобождение Тунишневр.

Хэниш высадился в Аосе и сразу прошел в доки, не задержавшись, чтобы полюбоваться окружающим великолепием. Во времена правления Акаранов портовый город процветал, богатея день ото дня. Впрочем, то было до войны. Теперь здесь поселились мейнская знать и ветераны-пунисари. Они жили праздной жизнью и купались в роскоши, какую прежде не могли и вообразить, влача жалкое существование в мрачном Тахалиане. Возможно, именно поэтому Хэниш шел, не поднимая глаз. Его народ завоевал мир, но это привело лишь к тому, что они сами во многих смыслах уподобились акацийцам. Бывшие оккупанты переоделись в богатые наряды покоренной нации и принялись наслаждаться тем, что раньше презирали. Хэниш собирался изменить ситуацию, как только получит помощь освобожденных предков.

Свежие лошади и эскорт пунисари уже ожидали. Вождь и его охранники вскочили в седла и покинули Аос, разочаровав градоначальника, который намеревался организовать пышный прием в честь правителя. Первые два дня пути по обе стороны дороги тянулись поля; этот край был истинной житницей империи. Каждый вечер мейнцы разбивали простой лагерь, даже не раскидывая шатров, ибо стояла прекрасная летняя погода, а небо было синим и безоблачным. На третий день поля сменились лугами с высокой сочной травой, где бродили тучные стада овец и коров. Их пасли юноши и девушки, глядевшие на проезжающих мейнцев так, словно те были волками человеческого обличья.

Хэниш с удивлением смотрел на это изобилие — огромные пространства плодородных земель, которые теперь были собственностью мейнцев. Хэнишу приходилось напоминать себе, что все это принадлежит ему — ему и его народу. И принадлежит по праву. Миром обладает тот, кто достаточно отважен, чтобы протянуть руку и взять его, думал Хэниш. Что ж, получается, он оказался самым отважным?

В тот вечер, когда отряд остановился на ночевку у границы Эйлаванских лесов, Хэниш все еще обдумывал этот вопрос. Он вспоминал воинов Мейна разных времен и поколений,

размышляя, кого мог бы счесть равным себе. Некогда он думал о них всех с почтением и едва ли не благоговением, но теперь, перебирая мейнских героев, Хэниш находил недостатки в каждом из них. Лишь Хаучмейниш не вызывал нареканий, человек неоспоримых достоинств и душевных качеств. Времена тогда были сумбурные; Хаучмейниш родился на войне и всю жизнь провел в центре урагана, показал себя великолепным бойцом и одаренным лидером. На долю Хаучмейниша выпали величайшие испытания, которые стали мерилом его стойкости и отваги. Кто иной отважился бы повести побежденных и истерзанных мейнцев за собой, в промерзший бесплодный край? В ссылку, где все они должны были погибнуть? Хаучмейниш сумел спасти свой народ, но в конечном итоге это была история о поражении и крахе. Что Хэниш скажет ему, когда увидит во плоти? Склонит ли он голову перед знаменитым предком? Или Хаучмейнишу следует поклониться новому вождю?

Хэниш знал, каким хотят увидеть его Тунишневр: робким, униженным, благодарным. Предки всегда нашептывали Хэнишу, что без них он — пустое место. Просто инструмент. Он достиг таких высот только с помощью своего народа. Ни один человек не имеет значения — лишь сила, которую они воплощают все вместе, чего-то стоит. Хэниш думал так всю свою жизнь и потому преуспел. Так почему же теперь его разум восстает против заученных истин? Именно сейчас — когда он так близок к достижению цели?

С некоторым беспокойством Хэниш признался себе, что несравненно больше уважает акацийских героев. Вполне возможно, Эдифус был ровней ему. И Тинадин, разумеется. Если бы он сейчас выступал против мейнцев, Хэниш не поручился бы, что сумеет возобладать в схватке. Эдифус правил, ни на шаг не отходя от выбранного курса, сражаясь со всяким, кто выступал против. Эдифусу не доставало изощренности ума, он отличался бесхитростностью и прямотой, но дрался в первых рядах во всех битвах, которые выпали на его долю. Тинадин был слеплен из другого теста — сплошь предательство и вероломство, коварство, лживость, убийства из-за угла. Человек, познавший всю бездну зла так глубоко и полно, как не постиг ее никто до или после него. Хэниш с ошеломлением осознал, что он сам учился у этих основателей Акацийской империи. Можно сказать, что он уважал и почитал их — пусть даже они и были величайшими врагами мейнцев. Хэниш лег спать, раздумывая о том, что сейчас ни в одном из двух народов не нашлось бы человека, способного сравниться с ним. Мысль столь же приятная, сколь и горькая...

Немного позже он открыл глаза и увидел над собой четкие контуры ярких звезд, точно нарисованных на ночном небе. Несколько секунд Хэниш озираясь по сторонам, пытаясь сообразить, что его разбудило. Какая-то невнятная тревога... Он увидел восемь пунисари, стоявших на своих постах вокруг лагеря, и других охранников, спавших на земле возле лошадей. Кроме звона цикад, ничто не тревожило тишину спокойной летней ночи. Его разбудила не какая-то внешняя угроза, понял Хэниш. Ему снился сон. Снилось женщина Акاران, которая выглядела точь-в-точь как Коринн, но не была ею. И виделось Хэнишу отнюдь не любовное свидание. Перед ним стояла... Мэна. Да, Мэна с мечом в руке. Яростная богиня — так она назвала себя в его сне. Мэна подняла свое оружие — лезвие было вымазано в крови. Кровь капала с клинка, словно меч сочился красной жидкостью. Именно эта картина и выдернула Хэниша из забытья. Но при чем тут Мэна? Разве не Аливер возглавляет мятеж? Почему его напугала юная женщина, которую он до сих пор вовсе не брал в расчет?

Хэниш не так много знал о Мэне — только то, что она убила Ларкена его собственным мечом, потом зарубила нескольких охранников-пунисари и подняла бунт на корабле. Последнее, очевидно, оказалось наиболее простым делом. К сожалению, реалии жизни в империи были таковы, что каждый мейнец зависел от множества людей из покоренного народа, которые обеспечивали нормальное течение жизни. Они водили корабли, готовили еду, строили дороги... Тем не менее Хэниш изумлялся тому, как легко малютка Мэна ускользнула из рук охраны.

Если представится такая возможность, он принесет в жертву именно Мэну. На всякий

случай лучше убрать ее с дороги. Возможно, Коринн однажды сумеет простить его. Может быть, в конце концов, они все-таки будут счастливо жить вместе... Хэниш перевернулся на бок, поудобнее устраиваясь на неровной земле. Он закрыл глаза и попытался уснуть, попытался не думать о Коринн... но ничего не вышло.

В середине следующего дня отряд поднялся на всхолмье, откуда открывался вид на извилистую дорогу, уводящую в глубь Эйлаванских лесов. Вдалеке Хэниш увидел приближающийся караван. Верховые патрулировали дорогу и окружающие леса. Отряды пунисари шли по обочинам, по обе стороны от каждой повозки. За этой нерушимой стеной охраны двигались огромные тяжелые возы, запряженные быками. На них стояли саркофаги, где покоились предки. Толпа жрецов и рабочих сопровождала процессию. Ветер донес до Хэниша шелканье хлыстов и окрики возниц. Все происходит наяву, подумал он. Мы действительно это сделали...

Он спустился по склону, проехал мимо всадников и пеших солдат, приблизившись к повозкам. Увидев караван вблизи, Хэниш изумился, как гигантские возы сумели пересечь изборозженную колеями, топкую, влажную землю плато Мейн. Летом почва превращалась в вонючее болото — неглубокое над каменной подложкой гор, но вязкое и опасное для тяжелых повозок, где они в любой момент могли опрокинуться, рассыпав содержимое, или увязнуть намертво. Очевидно, подобное путешествие было бы невозможно без помощи нюмреков. Именно они научили мейнцев делать возы такого размера, с огромными колесами и гибкими ходовыми частями, которые не ломались под весом груза. И все же Хэниш содрогнулся, представив, как этот караван двигался по коварной извилистой дороге, ведущей вниз с Мефалийского Предела. Позже он обо всем расспросит Халивена, поблагодарит его, поздравит его, вознесет ему хвалу. Дядя совершил подвиг, о котором поэты должны складывать баллады.

При виде племянника Халивен широко улыбнулся. Они поздоровались, обхватив друг друга за головы и крепко стукнувшись лбами. Старинное приветствие, принятое между близкими родственниками и уместное в моменты сильных эмоций. У Хэниша едва не посыпались искры из глаз, но боль от удара была безделицей в сравнении с той, которую он испытал, увидев, как выглядит Халивен. Никогда прежде Хэниш не встречал столь изнуренного, измученного человека. Разве что нищие, шатавшиеся на улицах Алеси, выглядели не лучше. Одежда в беспорядке и перепачкана сажей, губы пересохли и потрескались, глаза под кустистыми бровями казались черными провалами, а кожа туго обтягивала череп, придавая дяде сходство с его нынешними подопечными. Волосы Халивена стали белы как снег. Хэниш постарался припомнить, много ли было в них седины, когда дядя уезжал на север. Пожалуй, нет. Теперь же они походили на серебристую траву, замороженную ледяным ветром.

Отойдя на шаг, Хэниш сказал:

— Отлично выглядишь.

Ложь сорвалась с губ, прежде чем Хэниш успел одернуть себя. Халивен ответил хмурым взглядом, выразив в нем все, что думал об этих словесных выкрутасах. Однако в следующий миг лицо старика снова прояснилось.

— Нет, это ты отлично выглядишь. А я... я не настолько. Тому виной некая миссия, которую ты поручил мне, племянничек. Некое задание...

— И все же ты выполнил его.

Несколько секунд Халивен молча изучал лицо Хэниша. Потом коротко кивнул:

— Пойдем. Я тебе все покажу.

Вдвоем они обошли караван. Хэниш забирался на огромные повозки, прикасался к саркофагам, шептал слова приветствия и молитвы-восхваления. Он ясно ощущал силу, бьющуюся под крышками гробов. Энергия ярости пульсировала и изливалась наружу в жуткой тишине, словно каждый из неподвижных предков, закованных в оболочку своих тел, безмолвно кричал о смерти и разрушении. Рабочие казались нервными и перепуганными.

Изнуренными — более эмоционально, нежели физически. Даже яки, эти обычно невозмутимые звери, беспокоились, и возницы с трудом удерживали их в повиновении.

Халивен поведал Хэнишу о путешествии. Это была длинная история, которую он начал рассказывать днем и продолжал за ужином, когда на землю спустился синий вечер. К тому времени как он закончил, уже стояла глубокая ночь. Дядя и племянник сидели в тишине. Густой балдахин деревьев закрывал звезды, но на листьях дрожал отблеск их света. Халивен закурил трубку, набив ее листьями конопли. Хэниш и не знал, что дядя приобрел эту привычку. Он уже готов был высказать неодобрение, однако сдержался. Все же конопля — не мист. К тому же Халивен, пожалуй, заслужил право на небольшую слабость. Хэниш снова задумался о Коринн, когда Халивен нарушил молчание.

— Они нетерпеливы, — сказал он.

Хэнишу не нужно было спрашивать, о ком говорит дядя.

— И очень злы, — прибавил Халивен.

— Я знаю. Я сделал...

Халивен привстал с земли, вскинул руку и схватил Хэниша за запястье. Глаза старика горели яростным огнем.

— Ты ничего не знаешь! Ты не чувствовал их так, как я в эти дни. Они окончательно проснулись. Я слышу их мысли. Они так отчаянно жаждут мести, они дрожат от предвкушения. Я боюсь их, Хэниш. Я боюсь их так, как никогда не боялся никого и ничего на свете.

Хэниш убрал руку, медленно, но настойчиво высвободившись из хватки Халивена. Он говорил с уверенностью, которой не чувствовал, хотя должен был. Говорил, стараясь поверить собственным словам.

— Этот гнев направлен не на тебя, дядя. Наши собственные предки не причинят нам зла.

— Так они всегда говорили нам, — буркнул Халивен. — Что ты наболтал принцессе?

— Насчет Тунишневр? Я сказал ей, что она могла бы помочь мне освободить их. Несколько капель ее крови, отданные по доброй воле, снимут проклятие. Коринн, впрочем, не дала согласия, и я не давил на нее. Она думает, что я могу сделать это и без ее доброй воли.

— Можешь, — отозвался Халивен. — А ты объяснил ей, что означает освобождение Тунишневр? Сказал, что есть два способа снять проклятие, и исход будет очень разным?

— Я рассказал только об одном. Она полагает, что предки наконец-то отправятся за грань бытия и обретут покой. Я сказал, что они желают только этого.

— И все?

Хэниш кивнул. Халивен помолчал немного.

— Итак, ты солгал ей, — наконец произнес он.

— Да. Она не знает, что на самом деле предки хотят снова ходить по земле...

— С обнаженными мечами.

— Неся кровавое возмездие.

Воцарилась тишина. Все слова были сказаны. Хэниш протянул руку за трубкой. Халивен выбил ее и отдал племяннику.

Глава 59

Маэндер знал прежде и в очередной раз убедился теперь: ничто так не будоражит кровь, как война. Плотские утехи, состязания в доблести, погоня за богатством, мелкие стычки, охота — на зверя и на человека... Все это казалось сущими пустяками в сравнении с гигантской массовой резней. Маэндер блаженствовал в кровавом безумии первой войны и с тех пор соскучился по настоящему делу. Несколько раз он пытался убедить Хэниша затеять хоть небольшую войну с той или иной провинцией, но брат не принимал его всерьез. И вот, наконец, по прошествии девяти лет мирной жизни Маэндер снова попал в любимую стихию.

Аливер Акаран выбрался на свет и привел с собой много друзей, так что развлечение обещало стать интересным.

Маэндер высадил свои войска на талайском побережье и отвел их в глубь материка. Он думал о близкой битве с восторгом и упоением. Маэндер не чувствовал ни малейших признаков страха, озабоченности или тревоги и не предполагал, что схватка может иметь для него какой-нибудь неблагоприятный исход.

Он не мог проиграть — уж настолько-то Маэндер был уверен в себе. Никогда еще он не встречал человека, чей способ мышления был бы так же приспособлен для убийства, как его собственный. Должно быть, прославленный Тинадин мог бы потягаться с ним, но и только. Войска были готовы и ждали приказа. Хэниш позаботился о том, чтобы солдаты не почивали на лаврах первой победы и не слишком купались в роскоши, чтобы не размякли, как это случилось с акациями. Не так-то просто было это устроить, поскольку большинство мейнских воинов за одну ночь превратились в богатых людей. Тем не менее Хэниш поддерживал среди них строгую дисциплину, и солдаты по большей части вели надлежащий образ жизни.

Теперь они стали даже более грозной силой, чем в первой войне. У них появились прекрасное оружие и доспехи; бойцы неустанно тренировались, оттачивая свои навыки, и ни в чем не испытывали нужды. Только одно осталось, как было: мейнцы сохранили свою гордость и помнили заветы предков. Теперь им уже не нужно было восстанавливать справедливость, как девять лет назад однако они желали удержать то, что завоевали. Молодые люди жаждали славы — так же, как их отцы, дядя и старшие братья. Вдобавок мейнцы имели оружие, о котором Аливер даже не подозревал. Акарана ждал сюрприз — возможно, еще более неожиданный, чем нюмреки в первой войне.

Маэндер был уверен в себе и своих солдатах, а вдобавок к тому Тунишневр пообещали ему, что он возобладает над Акараном. Кровь Аливера будет пролита его рукой, сказали предки. Они позволили Маэндеру лично убить этого человека, если он сочтет нужным. Коринн будет принесена в жертву на алтаре и освободит предков от проклятия, а старшему принцу лучше умереть как можно скорее, ибо он представляет опасность.

Маэндер поднялся на гребень холма, откуда как на ладони была видна простирающаяся внизу широкая равнина — будущее поле битвы. Глядя на воинство принца, Маэндер радовался как мальчишка, предвкушающий веселую игру. Следующие несколько дней он распределял войска по лагерям, откуда должно было начаться развертывание. Если Аливер полагал, что его смутьяны-мятежники взбунтовали всю империю, оставив мейнцев без союзников, то он жестоко просчитался. В каждой провинции нашлись люди, которые откликнулись на призыв к оружию — те, кто процветал и благоденствовал под властью Хэниша и не желал утратить свое положение и привилегии. Эти карательные отряды умирляли бунты в провинциях, а теперь присоединились к армии Маэндера. В скором времени должны были прибыть нюмреки. Они вроде бы всего в нескольких днях пути от Талая, так что самое интересное не пропустят. Впрочем, возможно, нюмреки вообще не понадобятся.

Пусть основная часть Талая находилась под властью Акарана, но Маэндер держал Бокум и большую часть побережья с его бесконечными ресурсами. То, чего недоставало, перевозилось по морю. Несколько тысяч кораблей Лиги ждали в портах, готовые по первому требованию обеспечить армию всем необходимым. Войско Маэндера насчитывало тридцать тысяч человек, и все они были умелыми, отлично натренированными бойцами. Мейнцы пройдут через толпу Аливера, как нож сквозь масло. Если Маэндер и сожалел о чем-то, то только об отсутствии Ларкена; он привык, что акациец всегда под рукой в нужный момент. Увы, его больше не было, «благодаря» малютке Мэне — этой странной двуличной девице.

Именно из-за нее Маэндер надеялся, что Аливер примет предложение переговоров. Ему хотелось еще раз взглянуть на Мэну и увидеть в ней те признаки наличия боевых навыков, которые он проглядел в прошлый раз. Плюс к тому Маэндеру было интересно, что представляет собой Аливер как человек. Он, правда, немного опасался, что принц разочарует

его — приятнее было воображать доблестного и искусного врага, однако Маэндер был еще и любопытен. А вдобавок понимал, что с принцем надо покончить, как только представится возможность.

Акараны, впрочем, все равно отказали. В ответном письме они напомнили Маэндеру, как во время прошлой войны мейнцы использовали славные традиции переговоров для того, чтобы пустить в ход отвратительное оружие. Мы не допустим, писал Аливер, чтобы нечто подобное случилось вновь. Если Маэндер желает поговорить о капитуляции — от своего имени или от имени брата, — тогда принц Аливер его выслушает. В ином случае они положат конец всем разногласиям на поле боя.

Маэндер не слишком огорчился. В любом случае он мог сказать Аливеру не так уж много. Что, впрочем, не помешало ему отправить принцу довольно длинное послание. Он писал, что со своей стороны не примет капитуляции Акаранов, даже если те сами предложат сдаться. Маэндер полагал, что принц выбрал свою судьбу в тот день, когда решил явить себя миру. И с того же дня его жизнь неотвратимо двигалась к концу. Пожалуй, переговоры и впрямь не принесли бы ничего хорошего, и этих посланий вполне хватило, чтобы выяснить все вопросы. Никогда прежде Маэндер не писал столь длинных писем, но теперь это казалось ему вполне естественным. Очевидно, культурная жизнь в Акации научила его выражать мысли более многословно.

На следующее утро, перед рассветом, он отправил на равнину рабочих-рекрутов, чтобы те очистили будущее поле битвы от лишнего мусора. Тем временем солдаты вкатили катапульты на заранее выбранные позиции. К тому времени, как поднялось солнце, обе армии уже пришли в движение. Их разделяла плоская равнина, кое-где поросшая кустарником и акациями. Войска Аливера почти вдвое превосходили армию Мейна. Отряды выстроились в боевые порядки, и даже теперь любому было видно, насколько разнообразны солдаты этой армии. Маэндер называл их акацийцами, но по сути дела здесь были в основном представители разных народов и племен Талая. Многие носили оранжевый — цвет Акаранов. Кое-кто облачился в рубахи и штаны этого оттенка, другие повязывали полосы оранжевой ткани на головы или руки или же делали из них кушаки. Воины бальбара, которые почти не знали одежды, нарисовали оранжевые узоры на груди. Короче говоря, войско Аливера представляло собой довольно-таки пеструю, разношерстную толпу. Маэндер был вполне доволен этим обстоятельством. Он полагал, что врагу помешают языковые барьеры, различия в обычаях, в навыках и военных умениях. Все, что ему надо сделать, — дожждаться, когда среди армии противника воцарится хаос, и спокойно дорезать их.

Маэндер начал сразу с двух маневров, направленных на то, чтобы не дать Аливеру ни малейшей возможности перехватить инициативу. Он послал свои войска в бой и одновременно приказал задействовать катапульты. Комья горячей смолы полетели в сторону войска Аливера. Мейнцы же твердым шагом двигались вперед. Это была прекрасно сформированная, дисциплинированная армия. Они шли по полю точно по плацу, шагая в ногу, с боевыми песнями и воинственными выкриками. Что и говорить: мейнские солдаты являли собой пугающее и грозное зрелище.

Добавить сюда жуткие щелчки катапульт и объятые пламенем смоляные шары, летящие по воздуху и тащившие за собой хвосты огня и черного дыма. Эти боевые машины стали известны в Изученном Море благодаря нюмрекам. Теперь они были усовершенствованы, имели массивные шестерни и могли метать шары в два раза быстрее. Инженеры Лиги изготовили специальные шары со смолой, которые закатывали в ковш и затем поджигали. Взлетев в воздух, они держали форму и горели, не угасая, пока не сталкивались с препятствием. Помимо смолы шары были наполнены маленькими железными треножниками с зазубренными остриями. При ударе они рассыпались по земле, заостренные кончики почти всегда торчали вверх. Казалось бы, мелочь, но Маэндер не сомневался, что они выведут из строя сотни людей и лошадей. У Аливера не было подобного оружия, и он оказался не готов к его разрушительному действию. В ответ его войска выпустили тучи

стрел, которые, хотя и нанесли мейнцам некоторый ущерб, были не слишком серьезной проблемой — вроде надоедливых насекомых.

Первые шары взмыли в воздух задолго до того, как армии сошлись на поле. Они взорвались, разбрасывая во все стороны горящие комья смолы. В рядах акацийцев назревала паника. У Маэндера хватало катапульт, горящие шары то и дело взмывали в небо. Один шар взорвался в тылу акацийских войск, уничтожив отряд, который и вовсе не ожидал, что сегодня примет участие в битве.

Пусть почувствуют, что окружены, думал Маэндер. Огонь с трех сторон и враг с четвертой. Понаблюдав, как бестолково мечутся в черном дыму фигурки людей, он обернулся, чтобы поделиться впечатлениями с помощником. Увы, этот человек не был Ларкеном, и у Маэндера немного испортилось настроение. Впрочем, ненадолго.

Две армии встретились на поле под огненным дождем. Созерцая битву, Маэндер ликовал — дела шли даже лучше, чем можно было ожидать. Он выстроил кавалерию клином и бросил ее в центр. Аливер не сумел бы потягаться с мейнцами, даже если б хотел: у него не было кавалерийских отрядов — лишь отдельные разрозненные всадники. Конники Мейна носили тяжелые доспехи и были вооружены копьями. Они ворвались в ряды пехоты противника, протыкая людей насквозь. Хэниш подбирал в кавалерию сильных, крепких солдат, которые неустанно тренировались, оттачивая свои боевые умения. Их лошади лягали врагов и добивали копытами упавших.

Полчаса спустя кавалеристы прорвались к центру акацийской армии. Маневр мог показаться рискованным, потому что они глубоко увязли в рядах противника, окруженные с трех сторон. Однако следом за всадниками текла река мейнской пехоты, вооруженной топорами и мечами. Оружие великолепного качества было заточено до такой остроты, что прорубало и мышцы, и кости, и кожаный доспех и легкую кольчугу. Солдаты Аливера, не имевшие тяжелой брони, были беззащитны перед ними. Мечи и топоры крошили их в кровавые куски. Пехота Маэндера неумоимо пробивалась к центру, оставляя за собой горы неподвижных тел.

Маэндер видел, что он полностью контролирует ситуацию. Поле битвы безраздельно принадлежало мейнцам. Битва продолжалась долго — все утро и большую часть дня. Просто смотреть на эту резню и то было изнурительным занятием. К тому времени как Маэндер скомандовал отход, его одежда пропиталась потом, и мышцы ныли, словно он сам побывал в гуще событий. События развивались в полном соответствии с планами. Мейнцы потеряли горстку людей, а перебили великое множество. Войско Аливера действительно было огромно; очевидно, только поэтому у него еще кто-то остался.

Вечером в лагере мейнцев состоялся военный совет. Генералы Маэндера, в отличие от него самого, оказались настроены не столь оптимистично. Да, армии Акаранов нанесен урон, но не такой грандиозный, как представлялось Маэндеру. Военачальники видели битву не совсем так, как их предводитель. Например, что касается численности. Акацийцев сильно потрепали многие были убиты или смертельно ранены. Однако не меньше солдат сумели организованно отступить. Иные акацийцы, которых мейнские пехотинцы оставили позади, сочтя мертвыми, поднялись и ударили им в спину. Катапульты причинили не так уж много разрушений. Погибли лишь те, кто попал непосредственно под шар и сгорел заживо. Остальных расшвыряло в стороны или обожгло смолой, но они были лишь ранены, а многие и вовсе остались в строю.

— Их нелегко убить, — сказал один из офицеров. — Иной раз просто диву даешься...

Все генералы, которые наблюдали битву вблизи, закивали, и Маэндер вновь пожалел, что рядом нет Ларкена. Или брата. Или дяди. Кого-нибудь, с кем можно посоветоваться. Впрочем, вряд ли они сказали бы нечто такое, чего он не знал сам. Так или иначе, сегодня поле битвы осталось за Мейном. Если завтра акацийцы решатся продолжить сражение, им конец. По крайней мере с этим генералы не спорили.

На следующее утро Маэндер шагал в первых рядах, желая увидеть врага вблизи и

внести свою кровавую лепту в победу Мейна, которая была уже не за горами. Однако, когда две армии встретились, он неожиданно понял, что еще не все предрешено. Акацийцы доказали, что их и впрямь непросто убить. Они выживали, когда должны были умереть. Те, кого Маэндер считал убитыми, поднимались на ноги. Похоже, требовалось отрубить каждому противнику голову, дабы убедиться, что тот окончательно и бесповоротно мертв.

Вдобавок акацийцы великолепно сражались. Просто-таки неправдоподобно хорошо. И это несмотря на их оружие, явно худшего качества, легкие доспехи и отсутствие должной воинской подготовки. В какой-то момент, столкнувшись с мальчишкой-подростком, Маэндер потратил невероятное количество времени и усилий, пытаясь убить его. А ведь задача казалась пустяковой. Мальчик, хрупкий бетуни, был почти обнажен и сражался одним только коротким копьем. В глазах его застыл страх, однако он ухитрялся двигаться достаточно быстро, блокируя удары, защищаясь, иногда атакуя. Ситуация сложилась по-своему даже комичная: перепуганный щенок, которого Маэндер тем не менее не мог достать. Потом мальчишка задел его плечо. Разозлившись, Маэндер усилил напор, но тут кто-то навалился на него сбоку, оттолкнув в сторону. Подросток ускользнул; страх в его карих глазах сменился весельем, а Маэндер остался ни с чем, кипя от ярости. Этот инцидент стал первым, но не единственным разочарованием дня.

Вернувшись на холм, где располагался командный пункт, Маэндер пришел к выводу, что разрозненные отряды армии Аливера действовали на удивление слаженно. Прежде он не замечал этого. Сообщение между разными частями войска происходило быстро. Чересчур быстро, пожалуй, чтобы этот факт имел рациональное объяснение. Маэндер велел привести в действие катапульты и разрушить несколько передвижных смотровых башен. Вероятно, в башнях находятся командиры, тактики, а может, и сами Акараны. Подобная глупость изумила Маэндера. Башни привлекают внимание и служат отличными мишенями. Дважды огненные шары разорвались прямо над башнями. Были там Акараны или нет — взрывы наверняка унесли жизни нескольких офицеров.

К концу дня настроение Маэндера снова улучшилось. Он решил, что завтра начнет бой с разрушения оставшихся башен. Изменит тактику: бросит кавалерию на фланги акацийцев, а катапульты установит в центре. На армию Аливера обрушится град огня, и ей придет конец. По прошествии двух дней непрерывной резни акацийцы наверняка измучены и изрядно прорежены. Мейнцы же по-прежнему сильны и многочисленны. Третий день станет для Акаранов последним.

Однако за ночь армия Аливера каким-то образом восстановила прежнюю численность. Возможно, появились новые рекруты, которые заменили павших. Так или иначе, акацийское войско, вышедшее на поле в третий день, почти не уменьшилось.

Это было невозможно. Они не могли так быстро пополнить войска свежими силами. И все-таки факт оставался фактом. Каким-то образом разношерстная, плохо обученная толпа противостояла закаленным ветеранам... и не уменьшалась.

А огненный дождь? Он пролился именно так, как планировал Маэндер, но не произвел нужного эффекта. Не более чем в первые дни. Одна из башен после прямого попадания смоляного шара накренилась от удара, ее охватило пламя, а потом... потом огонь потух, словно его задул порыв ветра. Маэндер видел, что башня вновь встала ровно, будто ничего не случилось, хотя ее крыша обуглилась и почернела. К вечеру Маэндеру стало казаться, что он так и не сдвинулся с мертвой точки. Мейнцы давно уже должны были праздновать победу, а вместо этого топтались на месте. Если такая ситуация продлится еще немного — как бы не пришлось отступить.

Первый день слегка смутил Маэндера. Второй привел в замешательство. Третий всерьез обеспокоил. Впервые ему в голову закралась мысль, что Аливеру помогает колдовство. Он полагал, что ничего подобного давно не существует на свете, но как иначе объяснить происходящее? Да никак. Вместе с этим осознанием пришло первое сомнение. Оно появилось, словно зуд на коже, от которого не избавиться. Проходит, если почесешься, а потом возникает снова. Все это не нравилось Маэндеру. Совсем не нравилось.

Нюмреки так и не прибыли. Где их носит? В какие игры они играют? Разве что с Лигой вроде бы все в порядке. Они с готовностью помогали армии. Четыре дня назад корабли привезли большой запас смоляных шаров. Однако четыре дня — большой срок. Маэндер все чаще видел беспокойство в глазах солдат и офицеров. Прибыл человек от Хэниша: брат требовал отчета. Маэндер велел изолировать посланника в шатре и приставить к нему охрану.

Тем же вечером он принял решение: применить последнее средство, которое Хэниш велел использовать только в крайнем случае. У мейнцев было тайное оружие, подарок от союзников с той стороны Серых Валов. На сей раз не болезнь, но так же вещь, до сих пор неизвестная в Изученном Море. Маэндер предпочел бы не раскрывать все козыри, если этого можно было избежать, но он нутром чувствовал, что тот самый «крайний случай» уже настал.

Он направил посланника к Аливеру, предлагая двухдневное перемирие. Пусть обе армии получают передышку, чтобы позаботиться о раненых и похоронить мертвых. Аливер согласился. Получив ответ принца, Маэндер тут же связался с капитанами судов, ожидающих в гавани Бокума. На борту каждого из кораблей находился ценный секретный груз.

Нам нужны антоки, сказал Маэндер. Перевезите их на берег и подготовьте.

Глава 60

Коринн знала, что у нее есть только один шанс поговорить с представителем Лиги. Прошлой ночью он тайно прибыл на Акацию. Она выудила эти сведения из своих служанок, ни одна из которых, разумеется, не была мейнкой. До того как Коринн с ужасом узнала о намерении Хэниша зарезать ее на алтаре, принеся в жертву предкам, она никогда не рассматривала слуг в виде источника информации. Это было неприемлемо для принцессы, казалось унижением, демонстрацией слабости. Теперь Коринн решила, что самой грандиозной демонстрацией слабости будет смерть на алтаре. И нет большего унижения, чем покорно, овечкой, идти на заклание. Коринн не желала умирать таким образом. Она вообще не желала умирать.

После той странной ночи, когда принцесса узнала истинные намерения своего любовника, она пересмотрела все прежние взгляды. До сих пор служанки представлялись ей какими-то безликими, безымянными тенями на периферии зрения. Но утром следующего дня принцесса посмотрела на них иным взглядом. Коринн украдкой разглядывала лица девушек, спрашивая себя, что им известно такого, чего не знает она. Как служанки относятся к ней? Кому они верны? Коринн начала наблюдать за ними, изучая их поведение в разных ситуациях. Старалась понять, кто из девушек расположен к ней более других, а кто с трудом скрывает неприязнь. Кто себе на уме, а кем можно манипулировать. Наконец, Коринн выбрала кандидаток и принялась неторопливо их обрабатывать.

Ее тактика сработала великолепно. Слуги были отнюдь не так беззаветно верны мейнцам, как думала Коринн до сих пор. Они будто только и ждали, когда принцесса наконец-то предложит им заговор. Многие верили, что Аливер обязательно вернется. Один из слуг сообщил ей о появлении во дворце Риалуса Нептоса. Другой рассказал о смерти Ларкена. Девушка по имени Гиллейн принесла весть о прибытии на остров сэра Дагона, и Коринн на радостях обняла ее и чмокнула в щеку. Сэр Дагон потребовал почтовую птицу, готовую к полету. Очевидно, он собирался отплыть с первым утренним рейсом, и Коринн решила не терять времени.

В сером предутреннем свете принцесса тихо выбралась из своих покоев и крадучись пошла по дворцу. Она не взяла с собой ни лампы, ни свечи; эти коридоры были знакомы Коринн с детства. Перед выходом принцесса принарядилась. На ней было шелковое светло-голубое платье — из тех, что подчеркивали красоту ее плеч и шеи и ладно облегали фигуру. В конце концов, сэр Дагон мужчина...

Коринн давно поняла, что дворец стал ее тюрьмой. Ни Хэниш, ни кто-либо другой не говорили ей ничего подобного напрямую, но она уже несколько недель не бывала на острове. Принцесса порой заикалась о прогулке, и каждый раз Хэниш ей отказывал. А глаза мейнских охранников следили за ней с особенным вниманием. Коринн наблюдала за их поведением, когда приближалась к выходам из дворца или бродила возле зала совета. Принцесса никогда не заходила достаточно далеко, чтобы охранники остановили ее, однако была уверена: Хэниш велел им не оставлять ее без внимания. Где-то поблизости существовала невидимая граница, которую Коринн было заказано переступить. При мысли об этом холодок пробегал по спине, и кожа покрывалась мурашками.

Часть нижних ярусов дворца, зарезервированных для Лиги, находилась в пределах этих границ. Очевидно, Хэниш не предполагал, что принцесса когда-нибудь пожелает иметь дело с Лигой. Мейнские стражники пропустили ее, не моргнув глазом, а вот с офицерами Иштат возникли проблемы. Коринн с большим трудом убедила их сообщить сэру Дагону о ее приходе и просьбе аудиенции. Да и то сумела добиться этого, только угрожая гневом Хэниша и намекая, что сам вождь послал ее к Дагону. В конце концов глава Лиги согласился уделить принцессе несколько минут.

Войдя в кабинет сэра Дагона, Коринн увидела, что он уже собирает со стола бумаги своими тонкими пальцами. Сэр Дагон рассеянно глянул на девушку, словно его мысли были заняты чем-то совершенно другим.

— Моя дорогая принцесса, — сказал он, — что я могу для вас сделать? Пожалуйста, будьте кратки, поскольку времени у меня, к сожалению, очень мало. Вы хотите передать... сообщение от Хэниша?

Коринн ощущала легкую нервозность, но отнюдь не такую сильную, как она ожидала. Принцесса знала, что мучительная дилемма, для которой не находилось решения, может парализовать ее страхом. Временами Коринн ловила себя на том, что стоит на одном месте, глядя в никуда. Она часто думала о прошлом: об отце, о матери, о своем недолгом пребывании на Киднабане. Однако принцесса больше не была ребенком и сильно изменилась с тех пор. Прежний способ существования более не годился для нее. Она может влиять на мир и собственную жизнь; она сама решит свою судьбу... Вероятно, мысли об Аливере придавали ей отваги. Если так, то в этом была своеобразная ирония. Ибо план, который Коринн намеревалась воплотить в жизнь, лишь отчасти соответствовал устремлениям Аливера, как она их себе представляла.

— Вы можете сказать мне, почему вернулись? — спросила Коринн. — Какие у вас новости?

Сэр Дагон округлил глаза и уставился на нее.

— Я должен поверить, что подобная информация нужна Хэнишу?

— Если угодно. Но вы не пешка Хэниша. Я знаю это, даже если не знает он. Если можно, пусть все сказанное останется между нами. Вы не остановились бы здесь и не попросили почтовую птицу, если бы у вас не было важных известий. А у меня есть причина спрашивать.

— Вот в это я могу поверить. Однако допускаю, что вам не понравится мой ответ. Зачем знать правду, если нельзя ничего изменить?

Коринн пожала плечами.

— Так надо. Я должна быть в курсе событий.

Сэр Дагон насмешливо поджал тонкие губы.

— Ну что ж, если должны... Ладно. Я вернулся, чтобы передать послание Инспекторату. Один из наших патрульных кораблей заметил... ну, флот — думаю, это можно так назвать — из рыбачьих, купеческих и торговых судов, плывущих во Внутреннее Море. Они принадлежат вуманцам. Учитывая их количество, мы предположили, что вуманцы собираются спасти вашу сестру.

— Сестру?

— Воины Вуму намерены присоединиться к битве, и уж наверняка не на стороне Мейна. Я направляю птицу Инспекторату Иштат, который должен разгромить этот флот, прежде чем он достигнет Талая. Дело несложное. По сравнению с нашими боевыми судами корабли вуманцев — игрушечные лодчонки.

Коринн слышала Дагона, однако пропустила мимо ушей все его рассуждения о кораблях. Ее поразило другое.

— Вы хотите сказать, что Мэна жива?

Сэр Дагон ухмыльнулся.

— Ваша сестра ныне стала богиней. — Он произнес последнее слово с притворной почтительностью. — Богиней... Вуманские дикари не перестают меня изумлять. Впрочем, кажется, Мэна убила тамошнюю богиню или что-то в этом роде. Я не знаю точно, в чем там дело. Детали мне неизвестны. Могу сказать со всей определенностью, что Мэна была захвачена Маэндером и Ларкеном, однако недолго оставалась пленницей. Она зарезала Ларкена его собственным мечом, убила двух охранников пунисари, ранила еще нескольких, а потом подняла команду на бунт и уплыла в Талай. К концу путешествия она убедила большинство моряков встать на сторону вашего брата. Трудно представить, верно? Малышка Мэна, размахивающая мечом. Убийца божества и одного из самых искусных марахов, каких я когда-либо встречал.

Во время рассказа сэр Дагон рассеянно перекладывал бумаги на столе. Наконец он замолчал, поднял взгляд и несколько секунд рассматривал Коринн.

— Дорогая моя, боюсь, я испытываю вашу преданность. Возможно, мне не стоило говорить... Ваша тонкая душевная организация представляется очень странной, учитывая, насколько активны остальные юные Акараны. Один ведет за собой огромную армию; другую называют божеством, и многие люди фанатично ей преданны; а еще один — пират, капитан корабля, у которого тоже немало последователей, готовых умереть за него или по крайней мере вместе с ним. Кажется, не совсем то, что планировал ваш батюшка, но по крайней мере они нашли себя в жизни. Жаль, что вам не удалось обрести такую же значимость и пришлось ограничиться ролью любовницы завоевателя.

После странных новостей о сестре Коринн пребывала в растерянности и недоумении. Ее не держали ноги, она едва не попросила у сэра Дагона стул и сжала губы, чтобы не поддаться слабости. Принцесса была готова кинуться к Дагону за помощью и поддержкой... Но все эти намерения исчезли в тот миг, когда он произнес последнюю фразу. Коринн не нуждалась в жалости и не приняла бы ее. Пренебрежительное отношение Дагона привело ее в бешенство. Все не так. Совсем не так!

— Вы ошибаетесь. — Обойдя стол, она приблизилась к Дагону. Принцесса чувствовала невидимый барьер между ними — периметр, обводящий пространство, которое сэр Дагон считал своей личной территорией. Коринн подалась вперед, проламывая барьер, и ощутила странное сопротивление. Дагон не выказывал никаких признаков страха, и все же Коринн чувствовала, что он сражается с желанием сделать шаг назад. Это было приятно и придавало уверенности. — Как член Лиги, вы, разумеется, знаете, что внешность бывает обманчива. Форма и содержание — разные вещи. Верно?

— Вы уже ответили на свой вопрос.

— Вы еще не догадываетесь, что скрывается за фасадом. Вам кажется: ничего особенного. А может, и вообще ничего. Должна вас разубедить. Лига утверждает, будто не имеет скрытых интересов. Чушь! Вам нужно не только богатство, верно?

— Мы всего лишь хотим жить так, как живем сейчас, — произнес сэр Дагон. — Мы служим миру. Посредничаем между государствами, дабы они могли осуществлять плодотворную торговлю и процветать...

— Прошу вас, — сказала Коринн, — не обижайте меня. У вас иная цель. Я чувствую это за вашей маской.

— У меня нет маски, леди.

— Еще как есть. — Принцесса сделала еще полшага вперед, склонив голову и

рассматривая сэра Дагона. — В детстве вам пришили ее к лицу нитью толщиной в волос. Возможно, вы настолько свыклись с ней, что уже не замечаете, но швы видны, сэр Дагон. Вот здесь... — Коринн протянула к нему руку, словно намереваясь вытащить помянутую нить.

Дагон отмахнулся от нее, уворачиваясь. Ткань его одежд тяжело мазанула девушку по бедру.

— Ваша самоуверенность не имеет границ.

— Надеюсь. Хотя наверняка не знаю. Я как раз недавно обнаружила ее в себе и в дальнейшем собираюсь ею пользоваться. Впрочем, вы, со своей стороны, давно научились делать это виртуозно. Хотите контролировать мир. Хотите уподобиться богам. Хотите увериться, что вы дергаете все веревочки в этом марионеточном танце стран и народов. Я права?

— Как я уже сказал, мы стремимся лишь сохранить то, что имеем.

— И что же вы имеете?

Увеличив дистанцию между собой и принцессой, сэр Дагон восстановил душевное равновесие. Он усмехнулся и кивнул с довольным видом:

— Наконец-то вы задали стоящий вопрос. Что у нас есть? Что мы хотим сохранить? Подумайте сами. Если мы перестанем возить воду на рудники Киднабана, рабочие умрут от жажды. На острове очень мало водных ресурсов, а сбежать рабочие не могут, потому что мы контролируем моря. Если, к примеру, мы захотим, чтобы они умерли от жажды, то так и будет. Далее. Не забывайте, что сейчас только Лига знает секрет производства особой смолы. Даже нюмреки не умеют ее делать. Зачем бы? Ведь мы снабжаем их без ограничений. Не будет Лиги — не будет и горящих шаров, падающих с неба. Вдобавок только мы имеем дело с Лотан-Аклун, только мы знаем все о силах, которым они служат. Мы — барьер между Иными Землями и Изученным Миром; лишь благодаря нам жители последнего могут считать этот мир своим безраздельным владением. Понимаете, о чем я говорю? Сложите все эти вещи и прибавьте сюда множество других, о которых я даже не заикнулся. И каков же результат? Я вам скажу. Мы не хотим становиться богами. Мы уже боги. Мы не хотим дергать за веревочки, привязанные к каждому человеку Изученного Мира. Мы уже это делаем. Коль скоро ваши глаза так хорошо видят тонкие нити, вы заметите миллионы этих пресловутых ниточек, которые тянутся от моих пальцев. Не сомневайтесь. Дающий оставил мир нам, и с тех пор мы владеем им. Рука, что держит его — не рука божества. Не Акранов. Не Мейна...

— И не Лотан-Аклун?

— Это другой вопрос.

— Я догадалась. — Продолжая говорить, Коринн снова двинулась вперед, подступая к сэру Дагону. — Вы всегда убеждали людей, что Лотан-Аклун — главная сила мира. Но ведь это не так, верно? Хэниш передал мне то, что вы ему рассказали. Вы ведете с Лотан-Аклун дела, поскольку без них рухнет вся ваша отлаженная система торговли. Они богаты. Богаче вас, и вы желаете заполучить то, что они имеют. Верно? Вы называете их великой силой, но мечтаете о том, чтобы вам не приходилось делить с ними прибыли от торговли. Быть приниженным, младшим партнером. Иногда по ночам вам снится, как их дворцы становятся вашими. Их богатства для вас важнее всего на свете. Я права?

Сэр Дагон снова подался назад и недовольно поморщился.

— Сперва я читал вам нотацию, теперь вы мне. Простите, у меня нет на это времени. Последний раз спрашиваю: что привело вас сюда?

Коринн ощущала странную легкость. Вопрос Дагона пришелся ко времени, и она не моргнув глазом ответила:

— Я пришла с посланием от брата. Он хочет, чтобы вы перестали помогать Хэнишу. Если вы согласитесь с его предложением, то не пожалеете. Награда будет стоить затраченных усилий.

— Перестали помогать Хэнишу? — недоверчиво переспросил сэр Дагон. Его брови

медленно поползли вверх. — Я же объяснил вам, что ни мейнцы, ни Акараны не контролируют мир.

— Но и вы тоже. Не в одиночку, по крайней мере. Без поддержки масс у вас ничего не выйдет. Мой брат обеспечит вам эту поддержку. В гораздо большей степени, нежели Хэниш.

— Ваш брат! Он злит меня и забавляет одновременно. Вы знаете, что он каким-то образом убедил людей отказаться от миста? Это самое неприятное...

Коринн ничего не знала о людях, отказывающихся от миста, но приняла информацию к сведению, не выказав ни малейшего удивления.

— Именно поэтому вам следовало бы поддержать Аливера. Он освобождает людей, чтобы они помогли ему выиграть войну. После победы ситуация изменится. Мы можем решить этот вопрос к обоюдной выгоде. Аливер не таков, как наш отец. Я тоже. Очевидно, вы полагаете, что новая династия Акаран будет не лучше прежней. Да, раньше у Акаранов и Лиги были разногласия, но Хэниш Мейн открыл нам глаза. И мы проснулись. Поверьте: теперь все будет иначе.

Сэр Дагон, прищурившись, посмотрел на Коринн. Еще несколько дней назад этот пристальный, выворачивающий душу взгляд поверг бы принцессу в ужас. Даже сейчас выдержать его было непросто.

— Хорошо. Я услышал вас, — проговорил Дагон. — Однако не нашел ничего, что оправдало бы радиальную смену политики Лиги. Ваш брат не сумеет выиграть битву, принцесса. Поверьте мне. Я обладаю сведениями, которых нет у вас. И раз так, почему я должен присоединиться к слабой стороне? Особенно когда это идет вразрез с моими интересами? Если у вас есть убедительные аргументы, мы можем продолжить разговор. В противном случае я уйду.

Заставив себя не опускать глаз, Коринн постаралась сформулировать достойный ответ. Было очень непросто упорядочить разрозненные мысли, которые крутились у нее в голове. Пронизывающий взгляд сэра Дагона мешал сосредоточиться. Коринн хотелось, не думая более ни о чем, вывалить ему правду. Признаться во всем. Пусть он осудит или оправдает, лишь бы только понял ее. Но Коринн пришла сюда не для того. Она не скажет, как любила Хэниша и каким ударом для нее стало его невольное признание. Не скажет, что она почувствовала, поняв, что все их отношения были ложью. Не скажет, что возненавидела собственную слабость, когда поняла, что ее обманывали, что она была овечкой, предназначенной на заклятие. Коринн не станет раскрывать ему душу, не расскажет о своей боли и одиночестве. Дагону незачем знать, что она до сих пор иногда тоскует по Игалдану — принцу, который упал на колени и признался ей в любви. Что до сих пор не может понять, почему силы мира отняли у нее отца и маму. Что все ее детство было омрачено страхом смерти... Мысли вращались в голове бешеным хороводом, однако Коринн взяла себя руки и вынула из этой мешанины то, что действительно следовало сказать.

Она отыскала и упорядочила слова, и они вышли из ее уст гладкие, как шелк. Коринн повторила, что Лиге — ради ее собственной выгоды — необходимо порвать с Хэнишем. Нужно отозвать флот, снабжающий войско Маэндера, и оставить в покое корабли Вуму. Сейчас Лиге выгодно просто ждать. Не сражаться против Хэниша, а всего лишь отойти в сторону. Соблюсти нейтралитет. Если Хэниш победит, бездействие Лиги не принесет ей вреда. Хэниш, конечно, обругает их, но простит. Ибо какой у него выбор? Но если Лига будет по-прежнему помогать мейнцам, а те проиграют — тогда Аливер не пощадит ее. Он под корень уничтожит торговлю. Он обратится против Лиги, обрушит на нее все свои силы и будет сражаться, пока не возобладает. А если ничто из этого не кажется весомым аргументом, сказала Коринн, то у нее есть еще один. И она надеется, что сэр Дагон прислушается к ее словам.

Глава Лиги неотрывно смотрел на нее, ноздри его раздувались, и принцесса не могла понять, заинтересован он или раздражен сверх меры.

— Сэр Дагон, от имени моего брата я уполномочена сказать вам, что Аливер не собирается в будущем вести политику, которая пойдет вразрез с вашими интересами.

Напротив, мы — он и я — полагаем, что партнерские отношения между Лигой и Акаранами могут стать даже более благополучными, чем прежде.

Кажется, Коринн все-таки удалось привлечь внимание Дагона. Он кивнул, призывая принцессу продолжать. Во всяком случае, еще несколько минут он был готов ей уделить.

Глава 61

Новый день не принес ничего, что было бы для Аливера привычным и понятным порядком вещей в жизни мира. Не соблюдались законы природы, гласящие, что с рассветом создания ночи ложатся спать, в то время как дневные труженики занимают их место. Не слышалось утреннего щебета птиц. Петухи не пели свой панегирик восходящему дню. Не было ни лая собак, ни радостных криков и смеха играющих детей, ни звонких женских голосов. До его ушей не долетали обычные приветствия, которыми люди встречали друг друга согласно древним талайским обычаям. Он не слышал звуков молотбы, на долгие годы ставших для Аливера неотъемлемой частью любого талайского утра.

На рассвете того дня, когда должна была возобновиться битва с Маэндером Мейном, Аливер проснулся в своем походном шатре. Лежа на тюфяке, он думал, как соскучился по всем этим обыденным вещам привычного человеческого существования. Теперь они казались далекими, давно ушедшими, как воспоминания детства. Это были приметы мирной жизни, в которые Аливер теперь едва мог поверить. Было время, когда он считал себя изгнанником, а Талай — ссылкой, но теперь каждый день, проведенный в Умэ, казался Аливеру настоящей идиллией. Вспоминая, что некогда жил как обычный человек, принц ощущал почти физическую боль. Она приходила даже по ночам, в краткие моменты сна. Все беды, тревоги и страхи, которые раньше имели так много значения, казались сущей ерундой в сравнении с нынешними повседневными заботами.

Аливер поднялся и потер кулаками глаза, стирая усталость. Несколько минут спустя он вышел из шатра. Вокруг бурила жизнь огромного лагеря. Сотни палаток и шатров, тысячи людей, которые собрались по его зову. Мужчины и женщины, юноши и старики поднимались, готовясь к новому дню войны. Воины халали, по собственной инициативе взявшие на себя роль телохранителей принца, кивнули в знак приветствия. Аливер увидел, как множество лиц оборачивается к нему. Люди улыбались своему предводителю, в их глазах светилась надежда. Все они верили, что война закончится победой. Люди были бесконечно преданны Аливеру. Принц казался им возрожденным Эдифусом или Тинадином. Аливер много раз объяснял, что это не так, но люди, кажется, всерьез считали, что он защищает их от огня и клинка. Он — а не какие-то невидимые сантот.

Аливер обвел глазами лица окружающих его людей, остерегаясь подолгу задерживать взгляд на ком-то одном. Принц опасался, что кто-нибудь заметит его неуверенность. «Ты можешь чувствовать ее, — сказал Таддеус незадолго до своего исчезновения, — но никогда не показывай этого». Аливер и не понимал, как он нуждался в старом канцлере, пока тот не ушел. Иногда ему казалось, что сам отец говорит устами человека, некогда предавшего его. Все люди совершают ошибки, сказал однажды Таддеус, даже короли. И даже короли могут чего-то не знать или не уметь. Однако настоящий лидер держит себя так, словно он — легендарный герой древних дней. Такие герои никогда не сомневались в себе. Или по крайней мере не позволяли миру заметить этого... Аливер очень скучал по Таддеусу. Канцлер не сказал ни слова на прощание, но принц догадывался, что он ищет. И молился, чтобы поиски поскорее увенчались успехом.

Мэна и Дариэл завтракали у костра. Они сидели бок о бок, соприкасаясь коленями. Оба одинаково держали миски на весу и ловко работали ложками. Мэна — маленькая и хрупкая, но в ее теле, едва прикрытом одеждой, таились сила и гибкость стального клинка. Она была опасна, даже когда улыбалась и лучилась доброжелательностью. На боку Мэна носила меч в удобных ножнах, которые позволяли обнажить клинок за долю секунды. Дариэл — жизнерадостный, энергичный, с извечным озорным блеском в глазах. Рубаха, как обычно,

распахнута, обнажая плоский живот. Эти двое сдвинули головы и тихо переговаривались между собой. Они выглядели как... ну, что ж, как брат и сестра — непохожие, но любящие друг друга всем сердцем. Словно вовсе не было лет, проведенных в разлуке.

Волна щемящей нежности накрыла Аливера. Ему хотелось кинуться к ним, заключить обоих в объятия и заплакать, но это было не к месту и не ко времени. Принц не был уверен, что после такого объятия сумеет выпрямиться и делать то, что должен. Он, или Мэна, или Даризэл, или все они могли умереть в ближайшие часы. Аливер знал это. Он так много хотел сказать брату и сестре в напутствие, открыть им душу, разделить с ними все, что было в ней. Принц стремился проводить с родными все свободное время, хотел узнать, чем они жили, надеялся с их помощью понять самого себя.

Аливер уже рассказал Мэне и Даризэлу, как он видит дальнейшее будущее. После победы он не будет править единолично, не будет повелевать ими. Все решения братья и сестры будут принимать вместе — вчетвером. Они всегда сумеют отыскать компромисс и наилучший выход из любой ситуации. В долгих беседах они обретут мудрость, какую не нашли бы, действуя по отдельности. Вчетвером они смогут более эффективно управлять империей, не упуская из виду ничего, ни о ком не забывая. Каждый из четверых будет в ответе за будущее страны, и каждый получит право голоса в решении ее судьбы.

Аливер искренне верил, что так и будет, но все это говорил принц Акаран, а не брат. У брата же на душе было еще очень много всего, что он хотел бы разделить с родными. Шагая к костру, Аливер думал, что никогда в его жизни ничего не происходило так, как он себе представлял; что бы ни случилось, это всегда останется неизменным. Например, наступающий день может закончиться тем, что Аливеру уже никогда не выпадет шанс обнять родных... Впрочем, такие эмоции нужно оставить на потом, отложить до более спокойных времен, когда тысячи жизней не будут висеть на тоненькой ниточке. Так что Аливер спрятал свои чувства подальше и заговорил ровно и спокойно, как и положено старшему брату.

— И как это вы двое всегда ухитряетесь встать раньше меня?

Мэна поднялась на ноги, улыбнулась и стиснула его локоть. Даризэл отозвался:

— Я бы спросил, как тебе вообще удастся спать?

— Без проблем, братец, — откликнулся Аливер и процитировал старую талайскую поговорку: — Я сплю легко, и моя голова всегда поднята над гладью моря снов...

Через час все трое были вооружены и одеты для боя. Каждый отправился к своей части войск. Мэна и Даризэл до сих пор не участвовали в массовых битвах, но они быстро учились и все схватывали на лету. Мэна сражалась на передовой, изумляя всех своими боевыми навыками и умением убивать быстро и без сожаления, хотя в обыденной жизни она казалась доброй и скромной девушкой. Даризэл имел талант заражать людей бодростью и бесшабашностью, несказанно поднимая моральный дух, так что солдаты шли в бой с шутками и смехом. Его пираты рассказывали о своем предводителе байки, которые многие принимали за чистую монету. Дескать, Даризэл неуязвим для оружия, непобедим, благословлен богами. Молодые Акараны стали символами надежды и победы, которые всегда нужны людям. Слова Аливера, переданные устами его брата и сестры, поднимали солдат на битву, и они шли в бой с таким энтузиазмом, который не могли вызвать даже многоопытные генералы вроде Лики Алайна.

В частности, этим целям служили передвижные башни. Из них молодые Акараны посылали друг другу сообщения при помощи зеркал и разноцветных флажков. Помимо того, башни помогали Аливеру общаться с сантот; поднявшись наверх, он с большей легкостью передавал мысленные послания и получал их. Однако в последний день битвы Маэндер засыпал башни огненными шарами из катапульт, и от них пришлось отказаться. Они были удобными мишенями, и любой, кто оставался внутри, рисковал жизнью. На второй день Мэна едва не оказалась под огнем. Ее задержали как раз в тот момент, когда девушка собиралась подняться наверх. На ее глазах в башню влетел огненный шар, и она взорвалась изнутри.

Сам Аливер находился в последней башне, которую атаковали на третий день. Он только-только взобрался туда и открыл свой разум для сантот. Он обратился к магам, но тут же связь прервалась, а в следующий миг Аливер увидел, что все солдаты вокруг него кинулись на пол. Затем показалось: солнце упало на землю. Крыша вздрогнула и начала рушиться. Пламя врывалось в каждую щель, поливая принца каплями расплавленной горячей жижи. Перед глазами вспыхнуло золотистое пламя, а потом мир почернел и исчез. Несколько очень долгих секунд Аливер плавал в море ослепляющей боли. Он горел заживо, понимая, что умирает. Позже принц мог лишь припомнить, что думал о чем-то, но эти мысли ушли из памяти, как уходит сон после пробуждения...

Потом все изменилось. Еще секунду назад Аливер был объят пламенем, и кожа его обугливалась и чернела. В следующий миг огонь исчез, словно его не было. Башня, накренившаяся под опасным углом, выпрямилась и встала на место. Жар исчез. Аливер был цел и невредим; ни единого ожога не осталось на его теле. Люди вокруг него поднимались на ноги, изумленные.

Аливер ответил на их безмолвный вопрос. Он знал, что сказал правду, хотя сам был донельзя удивлен. Тем не менее принц говорил с менторской уверенностью, словно наставник, обучающий детей. Они наблюдали в действии магию сантот, объяснил Аливер. Тех самых невидимых чародеев, которые защищали их армию. Много раньше принц произнес целую речь, рассказывая, что легенды и мифы порой оказываются реальностью. Теперь он напомнил об этом своим людям и предложил им представить песню, которую будущие поколения сложат об этом сражении. Солдаты явились в войско Акаранов из всех уголков Изученного Мира; их защищали древние маги, которые мечтали о возвращении в мир живых и восстановлении справедливости. Мы ведем славную битву, сказал Аливер, и не можем проиграть.

Он не стал говорить, что на самом деле чародеи скорее всего защищали не армию, а его лично. Остальные спаслись, поскольку им повезло оказаться рядом с принцем. Также Аливер умолчал о том, что магия имела такой грандиозный эффект исключительно из-за прочной связи между ним и сантот, установленной мгновением ранее. Впрочем, принц уже понял, что полуправда иногда полезнее истины. Он знал, что через пару часов слух о происшествии разойдется по всей армии. Появится еще одна история о чуде. Для окружающих Аливер был чародеем, и все необычные деяния приписывались ему. Да, он понимал, что это ложь, но она вселяла в людей мужество и веру в победу. Что, несомненно, шло только на пользу.

Отказавшись от башен, трое Акаранов влились в ряды своей армии. Отряды уже пришли в движение, сомкнув строй и направляясь вниз по длинному склону — на равнину, ставшую полем битвы. По пути Аливера нагнал посланник Обадала и передал сообщение, смысла которого Аливер не смог понять. Что-то насчет странного поведения противника, не желающего принимать бой. Солдаты уже почти дошли до позиций, так что принц просто оставил посланника за спиной и поспешил вперед, чтобы увидеть все собственными глазами. Зрелище, представшее перед Аливером, было поистине удивительным.

На поле собрались его собственные солдаты, уже начавшие перестраиваться в боевые порядки. Но кроме них не было никого. Поле оказалось пустым. Голым. Бледная сухая равнина, утыканная кустарниками и акациями. Огромная армия Мейна не вышла навстречу акациям. Аливер вынул из кармана подзорную трубу, раздвинул ее и посмотрел на вражеский лагерь. Там было тихо. Принц разглядел маленькие фигурки людей. Походные костры посылали в небо дымные плюмажи — прямые колонны, которые мало-помалу истончались и рассеивались высоко над головой. Люди никуда не делись, но непохоже было, чтобы они собирались сражаться. Возможно, Аливер неверно понял Маэндера, и перемирие должно было продолжаться более двух дней?..

— А это что такое? — спросила Мэна.

В тот миг, когда сестра заговорила, Аливер тоже заметил на поле несколько... объектов. Сперва они не привлекли его внимания, поскольку в сравнении с ордой, которую ожидал увидеть принц, были невелики. Во всяком случае, так Аливеру казалось, пока он не

рассмотрел предметы более детально. На поле, там, где должна была стоять первая линия вражеских войск, помещались четыре контейнера. Деревянные, с внешним каркасом из толстых металлических прутьев, они были в два или три человеческих роста высотой и длиной в сотню шагов. Поглядев на них повнимательнее, Аливер почувствовал, как сердце начинает колотиться в бешеном ритме. Внутри ящиков что-то было... а вернее сказать: кто-то. Нечто живое, движущееся за прутьями клеток. Да, теперь стало понятно, что ящики — это огромные клетки. Аливер открыл рот, словно собираясь отдать приказ... но не произнес ни единого слова.

— Как мило со стороны Маэндера оставить нам подарок, — сказал Даризэл. — Может, он предлагает мировую?

Аливер не ответил.

Получасом позже принц стоял перед своей армией. Его сопровождали верные телохранители из числа воинов Обадала. Гордые и отважные, халали всегда шли в битву в первых рядах. За их спинами стояли другие отряды, готовые к схватке — разношерстная пестрая толпа, какой они были с первого дня войны. Клетки стояли не так уж далеко. Со своего места у первой линии войск Аливер видел людей, копошившихся возле каждой из них. Судя по всему, люди не были воинами. Они носили простую коричневую одежду из кожи и оттого почти сливались с окружающим пейзажем. У некоторых в руках были пики — длинные тяжелые палки с металлическими наконечниками, явно не предназначенными для сражения с людьми. Аливер не мог выделить среди этих мейнцев командира; похоже, там вообще не было офицеров, не говоря уж о самом Маэндере.

— У нас есть план? — спросил Даризэл.

В его голосе слышалась ирония. Глаза задорно блеснули. Как обычно, неунывающий Даризэл пытался разрядить ситуацию. Аливеру нравилась эта черта брата, но ответить Даризэлу он не успел. Все четыре ящика разом открылись спереди, когда люди в коричневом потянули за веревки. Едва передние стенки ящиков упали, как люди брызнули в стороны, подняв тучи пыли. Серые облака завихрились вокруг клеток, скрывая их от взгляда, и трудно было понять, что происходит внутри. Тем временем мейнцы схватили пики и выставили оружие перед собой.

Аливер судорожно сглотнул. Он не понимал, с чем столкнулся, и не знал, что предпринять, а потому просто ждал развития событий. Пылевые тучи рассеялись; теперь стали видны черные квадраты отверстий. Вся акацийская армия затаила дыхание, напряженно вглядываясь в эту темноту...

— Глядите! — воскликнула Мэна. — Один на восточном краю!

Да. Там возникло движение. Сперва это было просто невнятное шевеление во тьме, а затем наружу высунулась звериная голова. Плоское рыло с полукруглыми ноздрями напоминало кабанью морду, украшенную таким количеством зазубренных клыков, что трудно было сказать, какие из них росли из нижней челюсти, а какие — из верхней. Голова располагалась на высоте, превышающей человеческий рост, и была длиннее, чем все туловище обычного кабана. Из остальных клеток тоже показались звери, но Аливер не сводил глаз с первой твари. Она была огромна. Даже на таком расстоянии ее размеры поражали воображение. Глаза, посаженные по разные стороны от рыла, смотрели на мир взглядом хищника. Передние ноги как у кабана, а остальное туловище не напоминало ни об одном звере, которого Аливеру случалось видеть прежде. Острый спинной хребет, казалось, вот-вот прорвет кожу. Короткие и массивные задние ноги с выступающими буграми мышц не оставляли сомнений, что зверь умел бегать очень быстро. Тело животного покрывали твердые наросты, похожие на огромные бородавки; они были отшлифованы до плоского состояния и походили на пластины доспеха. Очевидно, что и защищали они не хуже брони.

Аливер понял, что он видит перед собой. Тех самых тварей, тайное оружие мейнцев, о которых ходило множество слухов, но никто не мог сказать ничего вразумительного. Неестественная, извращенная форма жизни, хуже любого ларикса. Чудовище, созданное при помощи отвратительного колдовства... Аливер приказал своей армии сдать назад. Может, и

не придется сражаться с этими зверями? Они стояли в сотне шагов поодаль. Если люди просто отойдут вверх по склону — медленно, тихо...

Одна из тварей — та, что вышла первой — завывала. Остальные ответили ей. Все четверо подняли головы, нюхая воздух. Они уставились на людскую массу, ряд за рядом поднимавшуюся на холм. Казалось, это зрелище взбудоражило зверей. Мейнцы в темной одежде стояли сбоку, крепко сжимая пики, но твари не обращали на них внимания.

Аливер повторил приказ отходить. Подобный маневр не просто совершить при таком количестве людей. Едва солдаты успели двинуться с места, как твари — антоки — трусцой направились в их сторону. Этого было достаточно, чтобы армия запаниковала. Воины, которые отважно сражались с людьми, не вынесли вида жутких, противоестественных чудищ. Солдаты повернулись и кинулись бежать. Некоторые побросали оружие. Люди толкались и едва не лезли друг другу на головы, стремясь как можно скорее убраться подальше. Аливер, Даризэл и Мэна закричали, пытаясь восстановить хотя бы подобие порядка. Аливер отменил приказ об отступлении, велел повернуться лицом к врагу, сомкнуть ряды и встретить тварей с оружием в руках. Некоторые откликнулись на его призыв, но далеко не все.

Антоки ускорили бег. Под ударами раздвоенных копыт земля гудела, как туго натянутый барабан. Чудовища ворвались в толпу, сбивая людей с ног, топча их, хватая огромными челюстями и подкидывая высоко в воздух. За каждой из четырех тварей оставалась ровная просека, усеянная окровавленными, изувеченными телами. Антокам было все равно кого убивать, они просто бесновались в толпе, калеча и круша все, что не успевало убраться с дороги. Их неистовая ярость, казалось, не имела предела. Временами они действовали каждый сам по себе, иногда сходились вместе, загоня случайно выбранную жертву. Каждый походил на рыбу-меч, скользящую в стае анчоусов. Антоки двигались плавной поступью, но были гораздо быстрее людей, не оставляя им ни единого шанса спастись бегством. Всюду, где проходили жуткие твари, оставались груды мертвых тел. Солдаты, сохранившие достаточно отваги, чтобы встретить антоков с оружием в руках, были бессильны. Стрелы и копья отскакивали от «брони» антоков, а мечники не могли подобраться на расстояние удара — в противном случае чудовища неизбежно растоптали бы их.

Один анток пробежал так близко от Аливера, что слюна зверя брызнула ему в лицо. К тому времени как он стер окрашенную кровью жижу с глаз, неистовая тварь была уже далеко. Взгляд принца упал на женщину, лежавшую на земле в нескольких шагах от него — ее живот, таз и бедра превратилось в кровавую кашу. Слезы катились из глаз, губы шевелились, произнося слова, которых Аливер не мог слышать. Женщина бессмысленно водила руками по земле, будто стараясь разгладить смятую ткань. За дни беспрестанных сражений Аливер видел немало раненых, но это разрушенное, беспомощное тело ошеломило его до глубины души.

Принц снова оглядел поле боя. Даризэла нигде не было видно, зато он заметил в отдалении Мэну. Она со всех ног бежала за одним из чудовищ, преследуя его, хотя анток вовсе не обращал на нее внимания. Он видел вокруг так много беззащитных, податливых тел, которые можно разорвать на куски. В несколько минут твари убили сотни людей. Антоки не выказывали усталости и не задерживались подле мертвых. Они не собирались поедать свои жертвы; эти твари убивали исключительно ради убийства. Аливер видел, как один из антоков ударил упавшего солдата копытом в живот. Зверь постоял над ним пару секунд, словно раздумывая, а потом нанес второй удар, который разрубил человека пополам. Анток схватил челюстями верхнюю часть тела и подкинул ее в воздух, будто это забавная игрушка.

Нужно что-то делать, думал Аливер. Все эти люди собрались здесь по его зову, он не мог позволить им умирать вот так. Отринув все мысли, принц сосредоточился, выпевая безмолвный призыв. Сантот... Только бы удалось связаться с ними! Он объяснит чародеям, что происходит, и попросит о помощи. Возможно, они сумеют остановить или уничтожить

зверей своей магией. Аливер направил им мысленный зов. Дважды он ощущал, как призыв исходит из него и устремляется вдаль, разматываясь, будто витки огромной веревки, брошенной в воздух. Увы, оба раза связь оборвалась. Трудно сосредоточиться, стоя на поле, среди паники, криков ужаса и боли. Аливер как раз предпринял третью попытку, когда Келис окликнул его.

— Погляди, — сказал он, указывая подбородком на северо-восток, — кто-то идет.

— Кто идет?

Проследив за взглядом талайца, Аливер увидел группу людей, подходящих к северной оконечности поля. Сперва он подумал, что это мейнцы решили вступить в дело, но люди шли не от лагеря Маэндера, да и было их не так уж много. Принц выхватил подозрную трубу и направил на незнакомцев. В душе теплилась слабая надежда, что сантот каким-то образом слышали его. Разглядывая пришельцев, Аливер пришел к выводу, что ошибся в обоих предположениях. По полю двигался отряд примерно в сотню человек. Они шагали через равнину, направляясь прямоком к месту битвы. Эти люди с коричневой кожей почти не носили одежды, были невысокими и стройными, не имели при себе никаких знамен или иных опознавательных знаков. Оружием им служили мечи, сделанные, как показалось Аливеру, из дерева.

Один из антоков заметил новоприбывших. Он вырвался из толпы и заспешил им навстречу. Аливер вздрогнул; подозрная труба заплясала в трясущихся руках, и он с трудом вернул ее в нужное положение. Увидев несущуюся на них тварь, воины остановились. Они быстро переговорили между собой, о чем-то яростно споря, но не выпуская антока из поля зрения. Один из воинов — немного выше прочих и с более светлой кожей — отчего-то показался Аливеру знакомым, хотя он не взялся бы сказать, где и когда мог его видеть. Принц решил, что подумает об этом потом, а сейчас он лишь пристально наблюдал за развитием событий.

Судя по траектории движения антока, он должен был пробежать прямо через маленький отряд. Однако вышло не так. Приблизившись, зверь притормозил и, наконец, остановился совсем. Воины извлекли деревянные мечи, выставив их пред собой. Они стояли спокойно и твердо, хотя навряд ли могли что-нибудь противопоставить бешеной твари. Полуобнаженные, с деревянными палками вместо оружия, они были совершенно беззащитны. Аливер мог только дивиться их безрассудной храбрости, а следом за удивлением пришел стыд — стоило ему только подумать, что эта кошмарная тварь сделает с пришельцами.

Ничего подобного не случилось. Анток не стал нападать. Он придвинулся вплотную к воинам, понюхал воздух и помотал головой. Невероятное дело — но тварь как будто растерялась. Анток прошелся вдоль отряда, рассматривая людей с разных сторон, но не обнаружил ничего, достойного внимания. Отвернувшись от воинов, анток потрусил прочь.

Аливер — ошарашенный, изумленный, недоумевающий — не мог отвести глаз от странных пришельцев. Анток не тронул их. Не повредил ни волоса на их головах. Он стоял в полушаге от их обнаженных тел и оружия, которое не могло причинить, ему вреда, и... и... что? Аливер поймал обрывок мысли, проскользнувшей где-то на краю сознания. Нечто очень-очень важное... принц никак не мог уловить суть. Это касалось воинов с деревянными мечами... и также мейнцев в коричневой одежде, стоявших возле клеток. Антоки не напали ни на тех, ни на других.

Аливер перевел взгляд на свою армию, на пестрое буйство красок. И все понял в единый миг. Принц был уверен, что не ошибся — настолько, будто сам тренировал этих зверей. Он поделился догадкой с Келисом, а потом набрал в легкие побольше воздуха и закричал — чтобы слышали все.

Глава 62

Мэне казалось, что она преследует антока вот уже несколько часов кряду. Ее

телохранители остались где-то позади. Они должны были сопровождать принцессу, но она кинулась в бой так стремительно, что воины отстали, и Мэна почти сразу потеряла их из виду. Она носилась по полю, усеянному трупами, то и дело оскальзываясь в крови и вываленных внутренностях. Мэна перепрыгивала через тела, игнорируя крики и стоны раненых. Пот лил с нее градом, ноги гудели, она задыхалась от бега, но не останавливалась. Мэна старалась не слышать и не видеть ничего, кроме твари, за которой охотилась — зная, что если она отвлечется, ужас происходящего парализует ее.

Все усилия были тщетны. Как бы Мэна ни металась по полю, ей никак не удавалось приблизиться к антоку. Вдобавок она понятия не имела, что будет делать, когда догонит его — разве что позволит своей ярости вытечь по лезвию меча. Тварь не внушала Мэне страха, ибо слишком сильна была ненависть. Майбен билась внутри, стараясь прорваться наружу и разодрать зверя на части своими могучими когтями. Майбен проклинала слабое тело Мэны — бескрылое, слишком медлительное и хрупкое. И от этого принцесса злилась еще больше.

Она остановилась лишь в тот момент, когда чья-то тяжелая рука опустилась ей на плечо. Хватка была крепкой, так что Мэна не сумела вырваться и вынуждена была замереть на месте. Она резко обернулась, готовая накинуться на любого, кто бы это ни был — обрушить на него поток обвинений и ругани. Лицо, которое Мэна увидела перед собой, выглядело измученным и усталым, но вместе с тем упрямым и жестким; взгляд, обращенный к ней, умолял и настаивал — все одновременно. И резкие слова, готовые сорваться с языка, разом испарились.

— Принцесса, — сказал Лика Алайн, — прекратите вы эту беготню.

Телохранители столпились вокруг него, тяжело дыша и обливаясь потом. К удивлению Мэны, они воспользовались передышкой, чтобы снять свои куртки, армированные металлическими пластинами, скинуть шлемы и содрать оранжевые нарукавные повязки. Генерал сказал:

— Скажите мне, что это за люди, которые ходят на войну почти голыми и с деревянными мечами? Воины с коричневой кожей и черными волосами?

Мэна ответила, прежде чем успела задуматься, почему он спрашивает.

— Мои люди. Вуманцы, я хочу сказать.

— Ну что ж, ваши люди явились за вами принцесса, — проворчал Лика. — Неплохо. Хотя бы потому, что они подсказали Аливеру выход.

— Выход куда? — спросила Мэна, сбита с толку.

Она подняла взгляд, разыскивая антока, и увидела его горбатую спину, прорезающую людское море, словно акулий плавник — водную гладь.

— Выход из положения. Способ утихомирить кровожадных гадов и потом, может быть, убить их. Для начала вам нужно раздеться.

Мэна снова обернулась к Алайну.

— В каком смысле?

— Догола.

— Вы шутите?

Генерал чуть прищурился.

— Приказ исходит от вашего брата. Так что раздевайтесь и ступайте за мной. Идея безумная, но может статься, это наш единственный шанс выжить. Не волнуйтесь, вы будете не одиноки в своей наготе.

Алайн повернулся и пошел прочь, стягивая доспех. Мэна пошла следом за ним и солдатами, которые тоже раздевались на ходу. Алайн сдернул через голову нижнюю рубаху и отшвырнул в сторону, расстегнул пояс и позволил ему соскользнуть с бедер, предварительно вытащив меч. Мэна раскрыла рот, готовая засыпать генерала вопросами, но тут он оглянулся назад и сам объяснил, что произошло, пока принцесса гонялась за своим зверем. Слушая его, Мэна наблюдала, как изменяется поле битвы вокруг.

Антоки по-прежнему неистовствовали, топча и калеча людей, подкидывая в воздух разодранные тела, но все, кто сумел избежать встречи с тварями, занимались необычным

делом. Люди стаскивали с себя доспехи, рубахи, штаны, срезали кинжалами нарукавные повязки. Они срывали ткань, будто та обжигала их своим прикосновением. Лишь после того как все избавились от одежды, армия начала перегруппировываться, однако разбивалась не на прежние отряды. Вместо этого воины формировали большие группы, где люди стояли плечом к плечу, в несколько рядов.

Если Мэна правильно поняла объяснение Лики, Аливер предположил, что зверей привлекают яркие цвета. Мейнцы, выпустившие антоков из клеток, и новоприбывшие вуманцы — все они избежали нападения, потому что были коричневыми. Очевидно, этот цвет антоки считали нейтральным. Возможно, твари привыкли к нему, говорил Лика. Может быть, их дрессировали люди с коричневой кожей. Или зверей специально натаскивали таким образом, чтобы мейнцы не пострадали. Солдаты же армии Аливера, хотя и были в большинстве своем темнокожими жителями Талая, все носили яркий оранжевый цвет Акаранов. Эти пламенеющие цели привлекли внимание антоков и вызвали их агрессию. Прав был Аливер или нет, акацийцам ничего не оставалось, как попробовать такой способ. В любом случае одежда и доспехи не защищали от бивней, копыт и зубов антоков.

Жизнь на Вуму приучила Мэну не стыдиться своего тела, так что она быстро разделась донага. Оставив на теле лишь пояс с ножнами, девушка оглядела себя. Грудь, руки и ноги были покрыты ровным коричневым загаром. Низ живота и бедра оказались гораздо светлее. Мэна не думала об этом раньше и удивленно посмотрела на них.

— Да, проблема, — сказал Лика, разглядывая ее. Его обнаженная грудь и зад были бледными — еще светлее, чем кожа Мэны. — Сейчас я бы дорого дал, чтобы иметь талайский цвет кожи. Но ладно, пойдемте к остальным. Они нас прикроют.

Минутой позже Мэна поняла, что имел в виду генерал. Они подошли к одной из групп людей, собравшихся на поле. Талайцы всех племен сформировали круг, прикрывая собой светлокожих акацийцев, кендовинцев, сенивальцев и ошенийцев. Всех, чье тело не было темно-коричневым, заталкивали в центр, закрывая от взглядов зверей. Мэне не хотелось забиваться в гущу толпы, она предпочла остаться с краю, чтобы понаблюдать за развитием событий. Лику и охрану давно оттеснили в сторону, но Мэна прочно утвердилась на своем месте, расталкивая солдат локтями и крича, что она принцесса.

Вскоре к Мэне присоединились ее телохранители-бетуни. Это помогло ей избежать толчков и пинков, но долгое время принцесса ничего не видела, окруженная со всех сторон высокими людьми. Наконец она нашла местечко на скальном выступе, откуда открывался неплохой обзор. Бетуни сомкнулись вокруг, готовые защищать принцессу. Мэна положила руки на плечи ближайших к ней воинов — в знак благодарности и ободрения. Однако взгляд ее был прикован к происходящему на поле.

Людское море снова приняло единый цвет, только теперь оно не было вызывающе пестрым. Яркая одежда валялась на земле. Антоки все еще шастали среди толпы, но не так, как прежде. Они двигались медленнее, неувереннее, недоуменно озираясь по сторонам. Каждый раз, заметив цветной лоскут, они снова кидались вперед, отчаянно желая проткнуть или затоптать кого-нибудь, но на людей антоки не обращали никакого внимания, хотя им не составило бы труда разорвать любого как кусок ветоши. Тем не менее твари просто пробегали мимо, игнорируя коричневые тела. Яркий цвет — вот все, что имело для них значение.

Один зверь подхватил с земли мертвеца и подкинул в воздух. Другой врезался в кучу одежды и разодрал ткань в мелкие клочки. Он кружился под дождем оранжевых лоскутов, топоча и мотая огромной башкой. Потом анток резко остановился и теперь стоял, украшенный яркими флажками, облепившими голову и рыло, повисшими на клыках. Тварь тяжело дышала, озираясь по сторонам, ворчала и пофыркивала. Мэна видела, что зверь в растерянности. Это был вожак антоков, и миг спустя он завыл, обращаясь к остальным. Трое других ответили, и в их трубных голосах слышались разочарование и недоумение. Однако антоки не собрались вместе, каждый стоял в одиночестве, окруженный потенциальными жертвами, которые его более не интересовали.

После переключки антоков наступила мертвая тишина. Равнина безмолствовала. Здесь стояли тысячи солдат, но все молчали. Никто не выкрикивал приказов, не переговаривался, не трубили рога. Лишь изредка из толпы долетали приглушенные рыдания и стоны раненых. Мэна слышала, как переступают с ноги на ногу и тяжело дышат антоки. Один из них сдвинулся с места и медленно пошел вдоль людской стены. Все немедленно обернулись к нему, ибо никто не хотел оказаться спиной к чудовищу. Перед этим исполинским зверем люди казались маленькими, точно дети. Если б анток захотел, он мог бы переступать через них, не задевая брюхом макушек даже самых высоких мужчин.

Наблюдая за ним, Мэна вдруг заметила Аливера. Он стоял неподалеку от нее, чуть ниже по склону. Теперь лишь несколько шагов отделяли брата от громадного антока. Аливер так походил на талайцев фигурой и манерой держаться, что взгляд мог скользнуть по нему несколько раз, не выхватив из толпы. Принц стоял на внешней линии, плечом к плечу с талайцами. Он отличался от них более светлым оттенком кожи, но все же тело принца было скорее коричневым, нежели белым. Тем не менее Мэна не могла отделаться от ощущения, что брату угрожает опасность.

Зверь подходил все ближе к Аливеру. Его взгляд метался от одного человека к другому, выискивая хотя бы малейший повод для убийства. Клыки казались обнаженными мечами — невероятное множество изогнутых клинков. Мэна положила ладонь на рукоять собственного оружия и ощутила, как биение сердца отдается в ладони. Затаив дыхание, она смотрела на антока, неумолимо приближавшегося к ее брату. Ей хотелось прорваться через стену телохранителей, каждый мускул и нерв Мэны кричали, призывая ее ринуться в битву с мечом на изготовку. Если она вспрыгнет на плечи мужчин, а потом соскочит на землю, то приземлится как раз в удачном месте. Останется лишь выхватить свой клинок и...

Аливер поймал ее взгляд. Он не двигался, его тело не изменило позы, словно брат обратился в каменное изваяние, глаза сосредоточились на Мэне. Казалось, он хотел что-то сказать ей, но Мэна не могла понять. Она слегка качнула головой. Аливер перевел взгляд на антока, смотрел на него миг, а потом снова устаивался на Мэну. Аливер повторил это три раза. На большее не хватило времени, потому что зверь подошел к нему, загородив брата от Мэны. Она смотрела на тварь, покрытую редкой жесткой шерстью, на твердые пластины природной брони, сухую складчатую шкуру и морщинистый зад. Анток прошел мимо, и Мэна снова увидела брата, но теперь внимание Аливера было полностью сосредоточено на звере. Аливер пошевелился. Мэна не услышала звука, который он издал — только заметила, как напряглись мускулы на шее, и рот приоткрылся, словно Аливер резко вдохнул воздух. Анток мотнул огромной головой, и ближайшая группа солдат отпрянула, пихая друг друга. Анток оглянулся и приостановился, ища того, кто осмелился дразнить его. Взгляд чудовища задержался на принце. Он изучал его одним выпученным, испещренным сосудами глазом; морда твари оказалась так близко к лицу Аливера, что анток мог былизнуть его.

Аливер в упор смотрел на зверя и, должно быть, ощущал на лице его смрадное дыхание. С каждым выдохом анток обдавал его брызгами слюны, грязи и крови. Аливер не отводил глаз, его лицо было неподвижным, без малейших признаков эмоций. Черты, изваянные в камне... Затем его губы снова пошевелились. Аливер что-то сказал талайцам, стоявшим вокруг него. Все они, как один, обратили взгляды на антока.

Что задумал Аливер? Мэна не могла понять. Что он хочет ей показать? Должно быть, у него есть какой-то план. Иначе почему брат так спокоен, словно зверь уже в его власти? Более всего на свете Мэне хотелось кинуться вперед, высвободив ярость Майбен, которая билась у нее внутри. Она сдержалась — из-за любви к брату, гордости и веры в него. В этот миг Мэна хотела поклониться Аливеру, как герою. Она знала, что брат победит. И только одно ее беспокоило: Аливер пытался что-то сказать ей, а она никак могла взять в толк, что именно. Мэна неотрывно смотрела на него и на антока, стараясь понять.

В одной руке Аливер держал Королевский Долг, а в другой кинжал. Очевидно, он собирается напасть, подумала Мэна. Значит, нашел уязвимое место в защите зверя... Она посмотрела на Аливера и проследила за его взглядом. Мэна искала ту же точку на теле

антока, куда смотрел сейчас брат. Наконец принцесса увидела ее. Между пластинами на плече твари шкура ритмично вздымалась и опадала. Там, под толстой кожей, пульсировала артерия. Мэна ни за что не заметила бы ее, если бы зверь не стоял неподвижно. Не отводя глаз от антока, она наклонилась к ближайшему воину-бетуни и прошептала ему на ухо. Миг спустя он тоже увидел жилу и кивнул.

Мэна прошептала:

— Скажи остальным: пусть посмотрят и делают так же, как мой брат.

Мгновением позже она увидела над толпой голову Лики Алайна. Долгий миг генерал рассматривал антока, глянул на Мэну и снова исчез. Тихие шепотки поползли из уст в уста.

Принцесса не знала точно, сколько прошло времени. Казалось, не более нескольких секунд. Зверь потерял интерес к принцу и отправился прочь. Мэна видела, как Аливер кинулся на антока. Он пробежал несколько шагов, а затем прыгнул. Воткнув кинжал по самую рукоять в заднюю ногу зверя, Аливер оперся на него, чтобы оказаться повыше. Следующее движение было плавным, почти нежным. Взмахнув мечом, принц дотянулся до артерии и воткнул в нее свой клинок. Потом, обеими руками ухватив меч за рукоять, налег на него всем телом. Лезвие прорезало плоть и дошло до артерии, рассекло ее. Анток мотнул головой над плечом и щелкнул зубами, пытаясь ухватить Аливера, но тот отскочил, выдернув меч. Он приземлился на ноги рядом со зверем. Кровавый фонтан хлынул из раны, окатив близстоящих солдат. Кровь была почти черная и густая, как масло. Анток закружился, ища обидчика. Кровь хлестала потоком, пятная его шкуру и землю вокруг зверя.

Аливер стоял в стороне от остальных людей и ближе всех к чудищу. Вскинув меч, он описывал им круги в воздухе. Королевский Долг казался в его руках очень легким, очень тонким, а временами словно совсем исчезал, превращаясь в размытую линию. Аливер что-то говорил, но Мэна не могла разобрать слов. Очевидно, брат окликал тварь, напоминая о себе. Наконец анток перестал вертеться и заметил обидчика. Зверь пошатывался, точно пьяный, и быстро моргал, стараясь вернуть себе ясность мысли. Кровь, питающая мозг, вытекала, не достигая его. Аливер нагнулся, подобрал с земли кусок ткани и помахал тряпкой над головой, демонстрируя антоку пламенеющий оранжевый цвет. Потом принц что-то сказал зверю и приложил ткань к своей груди.

В значении этого жеста трудно было усомниться. Тварь тоже поняла его. Она взревела и ринулась вперед, прихрамывая и пошатываясь из стороны в сторону. Однако она была по-прежнему опасна и пылала прежней яростью. Аливер ждал, не сходя с места, пока анток не оказался в нескольких шагах от него, а потом кинул тряпку в воздух. Анток потянулся за ней, вскинув голову и разинув пасть. В этот миг Аливер поднырнул под него. Он ударил зверя мечом в живот, разделив его от груди до желудка. И едва успел выскочить, когда туша начала заваливаться набок, падая в лужу собственной крови и скользких внутренностей.

Глава 63

Пробраться во дворец оказалось не так уж трудно, хотя, как в случае с внезапной догадкой относительно «Песни Эленета», Таддеус преуспел лишь благодаря Дариэлу, который между делом поведал канцлеру одну историю. Однажды вечером, вскоре после приезда младшего принца в Талай, он рассказал, как познакомился с Валем из Верспайна — пиратом, заменившим ему отца. Дариэл говорил о подземных помещениях дворца. Многое помнилось ему смутно, и реальность тесно переплелась с детскими фантазиями. Воображение мальчишки населило подземелья странными, зловещими обитателями и превратило туннели в огромный лабиринт, растянувшийся на многие мили. Жители же «верхнего дворца», по мнению Дариэла, даже не подозревали о них.

Вместе с тем юный принц очень подробно описал случай, когда его едва не унесло в море. Время не стерло эти воспоминания. Платформа находилась аккуратно над уровнем воды, объяснил Дариэл, на северной оконечности острова, возле храма Вады. Это была маленькая плоская площадка, вырезанная в скале с какими-то непонятными целями. Проход

располагался как раз над ней, удачно прикрытый торчавшим вверх камнем, так его сложно было заметить с воды. За ним начинался туннель, уводящий в подземелья. Коридоры расплзались по всему пространству под дворцом, в них можно было проникнуть даже из детской.

Таддеус сохранил в памяти все сказанное Дариэлом. Тайно покинув лагерь Аливера, он повлек свои старые кости на север. Потом круто свернул к западу, дабы избежать встречи с армией Маэндера. Прибыв в портовый город на побережье, Таддеус купил самый крохотный шлюп, на котором только мог отважиться выйти в открытое море, и отплыл в тот же день, на закате. Ветер благоприятствовал ему большую часть ночи, и к тому времени, как тьма сменилась серым предутренним светом, канцлер оказался неподалеку от храма — с внешней стороны скал северного побережья Акации.

Канцлер искал долго — до тех пор, пока не разгорелся день. Тогда, опасаясь, что его обнаружат, он решил продолжить поиски на твердой земле. Он поднял парус, развернул шлюп носом в море и прыгнул за борт. Ветер понес лодку прочь, а канцлер проплыл среди скал и забрался наверх, впервые за много лет ступив на землю Акации.

Прошло еще немало времени, прежде чем Таддеус отыскал вход. Канцлер был весь покрыт потом, тяжело дышал и уже начинал задумываться, не совершил ли очередную глупость. Обнаружив, наконец, разлом в скале, он вознес горячую молитву Дающему и нырнул в темноту туннелей. Заброшенные и мрачные, они оказались именно такими, как описывал их Дариэл.

Что и говорить, мероприятие рискованное, и Таддеус изумился, осознав, с какой легкостью он пробрался во дворец. Канцлер вдруг оказался в знакомых залах... Неожиданно. Слишком быстро. Он не успел подготовиться к этому. Едва совладал с собой, чтобы не пройти по дворцовым коридорам — так, словно они до сих пор принадлежали ему. Таддеус вовремя спохватился. Надо быть крайне осторожным, особенно сейчас. Все дневные часы канцлер провел, прячась в тени. Он не всегда мог отличить заброшенные туннели от тех, которыми до сих пор пользовались слуги, и укрывался в нишах и разломах в стенах, откуда порой мог слышать и видеть происходящее во дворце. Невероятно, как просто оказалось перемещаться здесь незамеченным. Таддеус невольно задумался: неужели этими коридорами пользовались и во времена Леодана?

Разумеется. Канцлер знал ответ еще до того, как задался этим вопросом. Конечно же, за ними шпионили и раньше. Лига... Если кто-то и ходил по туннелям, то только они. Иначе откуда члены Лиги доподлинно узнавали о приближающихся событиях, указах, советах? Возможно, они и по сей день используют эти проходы, чтобы следить за Хэнишем. Теперь Таддеус перемещался с удвоенной осторожностью, задерживаясь лишь там, откуда мог наблюдать за жизнью дворца. А во дворце было шумно. Слуги суматошно носились туда-сюда, все гудело, словно в ожидании какого-то грандиозного события. Таддеус неплохо знал мейнский язык и из обрывков подслушанных разговоров уяснил, что Хэниша нет на острове, но он вскоре возвращается. Когда на остров спустилась ночь, канцлер решил, что он услышал достаточно. Настало время заняться делом. В конце концов, он прибыл сюда не как шпион и должен выполнить главное задание.

Сложив воедино все сведения и факты, которые накопились за долгие годы, канцлер пришел к выводу: «Песнь Эленета» до сих пор хранится в библиотеке Леодана. Можно сказать, что она никогда не пропадала. И если библиотеку не разорили, то древний фолиант должен по-прежнему находиться на своем месте — там, где он простоял бесчисленное количество лет. Нужно лишь тихо проникнуть в библиотеку, найти книгу и сбежать из дворца и с острова, не попав в руки мейнцев.

В ночной тишине Таддеус пробирался по коридорам в сторону библиотеки, стараясь двигаться как можно тише и раздумывая обо всех событиях, которые стали результатом его нынешнего пребывания во дворце. Он с печалью вспоминал последний разговор с Леоданом. Собственно, Таддеус никогда и не забывал его, однако теперь давняя беседа предстала в новом свете. Прежде, когда перед мысленным взором вставало лицо умирающего короля,

Таддеус думал, что Леодан вспоминает жизнь, которую они прожили бок о бок — ненависть, любовь, дружбу, предательство. Теперь старый канцлер отнюдь не был в этом уверен. Леодан говорил с ним загадками. Король не сказал напрямую, где находится книга, потому что не доверял Таддеусу, а дети были слишком малы. Так что Леодан дал лишь ключ к разгадке, разделив его между ними. Король знал, что дети и канцлер увидят его и соберут воедино, когда придет время. Когда все они будут готовы.

В тот день Леодан накорябал на листе пергамента дрожащей рукой: «Скажи детям, что их история написана только наполовину. Пусть они допишут ее до конца и поместят подле самых великих преданий. Скажи им. Их история стоит рядом с величайшей легендой, какую только знал мир». Вот так просто. Леодан сообщил Таддеусу, что история детей стоит рядом с величайшей легендой. А детям сказал, что величайшая легенда — «Сказание о двух братьях». Сложи вместе два куса головоломки, и ответ очевиден. «Их история» — не просто рассказ об их жизни. И даже не хроника рода Акаран. Это длинная повесть человеческой глупости. О том, как люди уподобились богам, завладели божественным языком, поработили создание Дающего и рассердили его, забрав себе власть над миром. Это история о предательстве Эленета...

Дверь библиотеки заскрипела, открываясь. Петли давным-давно никто не смазывал. Воздух здесь был точно такой же, каким его помнил Таддеус — тяжелый, пропитанный пылью, пропахший плесенью и сандалом. Сквозь огромные окна в помещение проникали лунные лучи. Света оказалось вполне достаточно, чтобы канцлер быстро сориентировался и нашел путь к нужным стеллажам.

Неимоверно, неправдоподобно просто... «Сказание о двух братьях» стояло на полке, на своем обычном месте, а рядом виднелся гладкий корешок древнего фолианта. В тот же миг, когда Таддеус извлек его с полки и открыл, он понял, что достиг цели.

«Песнь Эленета». Словарь, написанный рукой первого чародея. По обложке невозможно было судить о содержании — просто темная вытертая кожа без надписей или иных знаков. Она походила на заурядный журнал для записей или амбарную книгу. Поэтому-то Таддеус и открыл ее — чтобы прочитать хотя бы несколько страниц. И пусть он уверен, что держит в руках ту самую книгу, которая ему нужна, все равно очень важно удостовериться.

Усевшись на подоконник, он открыл обложку и углубился в чтение, ощущая затхлый запах книжной пыли всякий раз, как переворачивал страницу. А каждая страница заставляла его переворачивать следующую, но отнюдь не потому, что предыдущая была прочитана. Напротив: он не мог прочитать ничего. Очень быстро канцлер осознал, что не в состоянии удержать слова в памяти дольше, чем на несколько секунд. Он пробежал глазами текст — и тот немедленно выветривался из памяти. Таддеус читал — и не читал. Вот перед ним страница, заполненная текстом, потом еще одна, и еще. Буквы и слова, написанные человеческой рукой на бумаге, покособившейся от времени. Все слова казались знакомыми, но Таддеус не мог удержать в голове только что прочитанную фразу. Более того: миг спустя он забывал, о чем шла речь. Даже образ, даже общий смысл не удерживался в голове. Недоумевая, канцлер перелистывал страницу за страницей, каждый миг чувствуя, что вот-вот поймет значение. Однако это впечатление было обманчиво. Таддеус не знал, сколько времени провел так, вперившись в книгу и позабыв обо всем на свете.

Наконец, разъяренный, он прошипел:

— Какой смысл во всем этом?!

Звук собственного голоса вернул канцлера к реальности. Он поднял голову, оглядел библиотеку, пыль, висящую в воздухе. Послушал тишину. Задумался, не мог ли кто-нибудь увидеть или услышать его. Зала была пуста и тиха, но Таддеус понял, что ночь уже кончилась. Стояло утро — и даже не раннее. Солнечный свет лился в окна. Пока канцлер сидел, с головой погрузившись в книгу, минули долгие часы. Он был так увлечен, что кто-нибудь мог подойти и постучать его по плечу. Со двора доносились голоса, чьи-то сапоги простучали по коридору, в соседней комнате раздавался скрежет, словно там двигали

тяжелую мебель... Таддеус ощутил вес книги; фолиант будто нарочно давил на колени, искушая его попробовать еще раз. Нет, он больше не собирался пробовать. Это можно понять только после очень долгого изучения, да и то не всякому, а лишь тому человеку, кто готов принять в себя столь грандиозное знание. Таддеус был не из их числа. Он сунул книгу под мышку и двинулся к двери, сильно устав и проголодавшись. А ведь ему еще предстоит выбраться с острова.

Приближаясь к выходу, Таддеус вдруг услышал голос, долетевший со двора через открытое окно. Женский голос, окликавший кого-то. Канцлер не расслышал слов, но ему вдруг захотелось увидеть, кто это говорит и кому. Он подошел к окну и осторожно выглянул наружу, стараясь не привлекать внимания. Величественный вид на остров, представший взгляду, на миг заставил его позабыть обо всем на свете. Однако он быстро спохватился и глянул на двор.

Три женщины стояли спиной к нему. Одна из них двинулась через двор навстречу подходящей девушке. Та поколебалась, приостановившись на миг, а потом пошла к остальным. Таддеус смотрел по все глаза: он узнал ее. Коринн! Да, это была Коринн... Она походила и на Леодана, и на Алиру. Что-то в ней напоминало Аливера, что-то Мэну, а что-то Даризэла. Понемногу от каждого из ее родных, и вместе с тем — ее собственный облик. Она стала высокой и статной. Небесно-голубое платье подчеркивало тонкую талию и высокую грудь. Коринн была изумительно хороша, богата той истинно акацийской красотой, которой не досталось в полной мере больше никому из детей Леодана. И она как никто принадлежала этому месту...

Раздумывая об этом, Таддеус понимал, что прав лишь отчасти. Да, Коринн принадлежала Акации, но иным образом. Не так, как сейчас. Не как пленница, не как любовница Хэниша Мейна. Не как живое воплощение предательства всего и вся, что было ей дорого. Таддеус видел лицо Коринн, пока она разговаривала с другими женщинами. Принцесса по-прежнему была прелестна, однако ничто не могло скрыть глубокой печали, спрятанной под тонкой маской внешнего благополучия. Канцлер видел, что Коринн несчастна. Хотя ее лицо словно заледенело, внутри бурлил огонь. Казалось, будто принцесса в любой момент может взорваться, разлетевшись на тысячу кусочков.

Таддеус стоял у окна, разглядывая Коринн, пока та оставалась во дворе. Уже во второй раз старый канцлер позабыл об осторожности. Он смотрел на принцессу и ее окружение, анализируя все увиденное. Не составило труда заметить, что Коринн находится под бдительным надзором. Люди, шпионящие за человеком, могут успешно скрываться от него самого, но для других все ясно, как день. Стражники пристально наблюдали за принцессой. Проходящие мейнцы то и дело кидали на нее взгляды исподтишка. Служанка несколько раз прошла туда-сюда по двору, держа в руках одну и ту же корзинку. Да, Коринн здесь в плену, пусть даже мейнцы стараются скрыть это от нее.

И тогда Таддеус решил спасти принцессу.

Подобная мысль уже приходила ему в голову. Он размышлял об этом, пробираясь через северный Талай, однако тогда предпочел не рисковать. Возвращение книги было вопросом жизни и смерти, а освобождение принцессы только усложнило бы и без того непростую задачу. Это увеличивало шансы провалить все дело, а Таддеус не имел такого права. Он даже подумывал, не поторговаться ли с Хэнишем, предложив выкуп за Коринн... Впрочем, канцлер полагал, что Хэниш не причинит вреда принцессе. С какой стати, если столько лет она прожила у него при дворе, катаясь как сыр в масле? И уж тем более учитывая, что с недавних пор они были любовниками. Коринн в безопасности, заключил Таддеус, и эта проблема может подождать до окончания войны.

Только вот все это было прежде, пока старшая принцесса оставалась смутным образом в голове канцлера. Он часто думал о ней, но не видел уже девять лет. Теперь, когда Коринн предстала его глазам, все изменилось. Если бы удалось сбежать с острова вместе с книгой Эленета и принцессой, Таддеус сделал бы огромный шаг на пути к искуплению своих грехов. Все дети соберутся вместе, в безопасности. Будущее мира окажется в их надежных руках.

Раз у Тадлеуса есть шанс это сделать, значит, нужно его использовать.

Глава 64

Маэндер наблюдал за боем с помоста, сооруженного неподалеку от его шатра в мейнском лагере. У него имелся хитроумный оптический прибор — две подозрительные трубы, скрепленные вместе, чтобы можно было рассматривать отдаленные предметы сразу обоими глазами, не теряя объемного зрения. Маэндер хмыкнул, когда акацийцы стройными рядами спустились по склону. Улыбнулся, увидев, как они заколебались при виде антоков. Маэндер воображал, какое изумление должно сейчас отразиться на лицах этих людей, и хохотал во весь голос, пугая своих офицеров.

И все-таки кровавая бойня, устроенная зверями, потрясла даже его. Маэндер полагал, что знает, каковы они в деле. Несколько лет — с тех пор как Лига привезла ему детенышей антоков в качестве подарка от Лотан-Аклун — Маэндер лично наблюдал за дрессировкой зверей. Малыши, размером с молочного поросенка, выросли на его глазах, превратившись в огромных чудовищ. Маэндер лично инструктировал дрессировщиков, объясняя, как готовить антоков к боям вроде того, который он наблюдал сейчас. Их учили ненавидеть все цвета, вбивали страх к ярким оттенкам. За долгие месяцы работы антоков заставили уяснить, что оранжевый, красный, лиловый, зеленый и синий обозначают боль и страдания. Им вбили в головы, что есть только один способ избавиться от этого дискомфорта: уничтожить источник страданий. В целом это оказалось несложно. Ярость была неотъемлемой частью природы антоков; они впитали ее вместе с молоком матери.

Однако зрелище, представшее глазам Маэндера, было за пределами воображения. Он наблюдал, как четыре монстра бесновались на поле, прокладывая просеки в рядах войск, бессистемно метались туда-сюда, так что акацийцы не могли предсказать, куда чудовище кинется в следующий миг. Антоки приближались к краям поля, бросались на убегающих, сгоняя их обратно в человеческое стадо, и разрывали людей в клочья. С некоторым удивлением Маэндер признал, что дрессировщики не преувеличивали возможности антоков. Все рассказы Лотан-Аклун об этих созданиях были правдой. Казалось, твари не остановятся, пока не добьют последнего акацийца. Пока каждый клочок пламенеющего цвета не будет раздавлен, разорван, уничтожен. Созерцая все это, Маэндер ощущал радостное возбуждение, которое, впрочем, перемешивалось с тревогой. С опасением, которое возникало при мысли о чужаках из-за Серых Валов. Если Лотан-Аклун просто так отдал подобное оружие, что же они хранят у себя и для себя?..

К добру или к худу, Маэндера отвлекли прежде, чем он успел зайти слишком далеко в своих размышлениях. Ему доложили, что к Аливеру прибыл небольшой отряд — вуманцы, как вскоре выяснилось. Маэндер точно знал, почему антоки не напали на них, но не ожидал, что в горячке битвы акацийцы тоже это поймут. Он выругался, увидев, как бойцы Акаранов поспешно сдирают с себя одежду. Ему хотелось заорать, чтобы они прекратили. Это не спасет вас! Умрите отважно, а не с голыми задницами, выставленными на всеобщее обозрение... Тем не менее Маэндер увидел, как акацийцы мало-помалу усамирили зверей, окружив их стенами из собственных тел. Все стояли обнаженные, беззащитные, уязвимые. Именно так они погасили ярость антоков. Маэндер и подумать не мог, что такое возможно.

Он не поверил глазам, когда увидел, что Аливер нашел способ разделаться с антоками. Голый, как в первый день своего появления на свет, вооруженный лишь легким мечом и кинжалом, он проявил чудеса мужества и отваги, которые сделали бы честь самому Маэндеру. Мейнец не мог разглядеть все детали, но он видел, как Аливер прыгнул на зверя. Бой продолжался не более чем несколько секунд, а потом зверь завалился набок и затих. Другие воины из акацийской армии последовали примеру своего предводителя, и через полчаса все четыре антока были мертвы. Ликующие талайцы забрались на них и пустились в пляс.

Вечером состоялся военный совет. Генералы пытались подчеркнуть положительные

стороны сегодняшнего боя. Завтра акацийцы не смогут вывести армию на поле. Офицеры оценивали потери врага в пятнадцать тысяч человек. Грандиозная цифра. Почти четверть всех их сил Акаранов. Вдобавок во время боя не наблюдалось никаких признаков магии. Возможно, акацийский чародей погиб, разорванный антоками. Или его могущество имело предел. Не исключено, что магия у него кончилась, как заканчивается все на свете.

— Аливер отсрочил свое поражение, — сказал один из генералов, — но теперь мы прикончим его. Завтра нужно двинуть на них все наши силы. Задавить массой. Даже если акацийцы не выйдут на поле — перережем их прямо в лагере. Завалим землю трупами.

Некоторые генералы согласно закивали. Еще один офицер, предваряя ответ Маэндера, проговорил:

— Не забывайте: сегодня мы не потеряли ни одного солдата. Ни единого. Даже Хэниш не управился бы лучше.

Тем не менее слова генералов не ободрили Маэндера. На сей раз его советники радовались успехам, а сам он полагал, что день закончился поражением Мейна. История об Аливере, убившем антока, разойдется по миру со скоростью эпидемии. Принц станет легендарным героем, ожившим мифом. К нему стекутся огромные массы народа, люди превознесут Аливера до небес и будут сражаться за него с фанатичной преданностью.

Тем же вечером Маэндер получил еще два сообщения, которые не прибавили ему оптимизма. Все корабли Лиги, дрейфовавшие вдоль побережья, внезапно уплыли. Они не дали никаких объяснений и проигнорировали все попытки диалога. Очевидно, Лига продала их, хотя никто не мог понять почему. Таким образом, Маэндер лишился возможности эвакуировать свою армию, если ее отбросят к морю. Хотя Маэндер ни с кем не поделился своими мыслями, он раздумывал, не приложил ли сюда руку его собственный брат. Наказание это? Или вызов?.. Глупая, сумасбродная идея, но Маэндер никак не мог от нее отделаться.

Немного позже, когда Маэндер сидел в своем шатре, глядя на неподвижное пламя масляной лампы, ему принесли еще одно письмо. Послание от Хэниша, прилетевшее из-за моря с почтовой птицей. Брат ни единым словом не упоминал о Лиге. Возможно, он и впрямь ни при чем и даже не знает о произошедшем. Хэниш с радостью рассказывал, что вернулся с материка, привезя на Акацию Тунишневр. Всех до единого. Никто не пострадал в путешествии. Предки бурлили жизнью и рвались на свободу. Хэниш временно поместил Тунишневр в подземной зале дворца, специально приготовленной для них. И очень скоро предки обретут свободу.

Таким образом, думал Маэндер, ты завершишь дело своей жизни. А я... я не сделал ничего толкового. Разве что помогал тебе сохранить и приумножить славу.

Эти мысли наполняли его унынием. Вслед за ними пришли печальные воспоминания о давних временах, когда ему было одиннадцать лет, а Хэнишу как раз сравнялось тринадцать. Отец тогда еще был жив и громогласно гордился обоими сыновьями. В честь дня рождения Хэниша Хеберен устроил для них с Маэндером мазерет, который мальчишки должны были станцевать в Калатроке перед почтенными и уважаемыми воинами. В последний раз Хэниш принимал участие в «детском» мазерете, где сражались не до смерти. Братья вооружились настоящими ножами, но под тальбами они носили кольчуги. «Сердце» было нарисовано у каждого на груди; именно туда и следовало целиться.

Оба мальчика были гибкими и стройными, оба быстро росли и стремительно взрослели. Маэндер почти догнал Хэниша в росте, был так же силен и даже подозревал, что танцует мазерет лучше брата. Он нашел тому подтверждение, когда во время танца перед прославленными ветеранами почти вытолкнул Хэниша из круга. Изначально Маэндер вовсе не собирался этого делать, просто так получилось. Однако гордость захлестнула его и от сего момента руководила всеми его действиями. Маэндер двигался все быстрее, с неожиданными сменами темпа. Он изумился тому, каким спокойным и невозмутимым осталось лицо брата — особенно учитывая, что Маэндер чувствовал внутреннее напряжение Хэниша и его досаду. Маэндер даже не пытался выиграть поединок: это было бы слишком большим

оскорблением. Мальчишке хотелось, чтобы взрослые заметили его таланты, так что он слегка пустил Хэнишу кровь. Он ловко поднырнул под руку брата и задел кинжалом его левую ноздрю, а потом покосился на толпу, дабы увериться, что все заметили его подвиг. Несколько секунд спустя он позволил Хэнишу поразить его в «сердце». Маэндер уходил из круга очень довольный собой. По правилам мазерета порезанное лицо считалось сущей ерундой, и уж точно эта рана не была серьезной. Но шрам у Хэниша сохранится надолго. Эта мысль была очень приятной.

Маэндер почивал на лаврах до самого вечера, а ночью... ночью он неожиданно проснулся, ощутив внезапный укол страха. Кто-то навалился ему на спину, прижав к кровати, схватил за волосы и оттянул голову назад. Лезвие ножа коснулось горла. Прямо над ухом раздался холодный и резкий голос Хэниша:

— Только не ври, будто это вышло случайно! Любой, у кого есть глаза, все видел и все понял. Ты хотел показать мне, кто из нас лучше. Хотел, чтобы я тебя боялся, да? Только я не боюсь. Сейчас мой нож у твоего горла, братец. Он всегда там был и всегда будет. Я могу убить тебя прямо здесь, прямо сейчас, если захочу.

Маэндер не усомнился ни на миг. Словно голосом брата говорил сам Дающий — столько в нем было твердости и уверенности. Хэниш предложил Маэндеру выбор: он может умереть прямо сейчас, лишившись возможности прославить свое имя — или же согласится помочь Хэнишу изменить мир.

— Поклянись предками, что никогда не выступишь против меня. Поклянись, что всегда будешь мне подчиняться. Поклянись — и я оставлю тебе жизнь. Иначе умрешь прямо сейчас. И мне ничего за это не будет. Ты и сам знаешь.

К великому стыду Маэндера, слова полились из него словно сами собой. Возможно, именно это до сих пор заставляло его хранить верность клятве, которую он дал в ту ночь. Жгучий стыд, терзавший его и по сей день. Столкнувшись лицом к лицу со смертью, он сдался. Маэндер лежал, парализованный ужасом, страшаясь того, что он может потерять жизнь, не успев совершить подвигов. Да, он знал, что поддался непростительной слабости. Хэниш пригрозил ему единственной вещью, которая действительно могла напугать мейнского мужчину: умереть, не успев покрыть свое имя славой. Горькая ирония! Согласно мейнскому кодексу чести Маэндеру следовало высмеять угрозы Хэниша и отказать ему. С равнодушной улыбкой принять самый худший из всех мыслимых исходов. А он не сумел.

Может быть, Маэндер не пережил бы позора, но дальнейшее немного примирило его с действительностью. Услышав слова клятвы, Хэниш как-то разом обмяк. Маэндер услышал его резкое, прерывистое дыхание и через несколько секунд понял, что брат плачет. Горько рыдает, сотрясаясь всем телом и захлебываясь слезами. Маэндер не шевельнулся и не напомнил брату, что тот все еще держит нож у его горла... С тех пор они никогда не говорили об этой ночи, но Маэндер ни на миг не забывал о ней. Никогда.

А теперь... теперь Хэниш стоит на пороге величайшего триумфа. Маэндер же, напротив, испоганил дело, не выполнил задания. Вот и все, чего он достиг. Полного провала. Нет, это вовсе не означало поражения Мейна. Аливеру не под силу остановить Хэниша, когда тот начнет церемонию освобождения предков. Когда предки снова придут на землю, они станут неодолимой силой. Любые уловки, хитрости и стратегии, которые они с братом способны придумать, — ничто в сравнении разрушительной яростью возрожденных Тунишневр. Удерживая армию Аливера на севере Талая, Маэндер помогал брату без помех выполнить задуманное. Не так уж мало, конечно. Однако беда в том, что сам Маэндер Мейн так и не займет достойное место в этом мире. Не покроет себя неувядаемой славой. Не останется в истории. Кто вспомнит о нем? Кто будет воспевать Маэндера, когда Хэниш достигнет того, к чему его народ стремился более двадцати поколений? Брат был прав: его клинок по сей день остался у горла Маэндера. С той ночи — и навсегда.

Поразмыслив над этим, Маэндер решил, что остался только один достойный способ обелить себя. Он прикажет генералам повременить с завтрашним наступлением. Маэндер собирался начать утро немного иначе. Он знал, что не переживет этот день, но не важно.

Если он присоединится к сонму живых мертвецов, то будет освобожден заодно с ними в ближайшие дни. Маэндер станет одним из Тунишневр, одним из предков, которых брат обязан почитать. В любом случае слишком уж долго он тянул, пора увидеть лицо врага. Сам Хэниш — и тот никогда не встречался с Акаранами на поле боя. Если Маэндеру удастся выполнить свой план, даже Хэниш не сумеет отобрать у него славу.

Выйдя на следующее утро из шатра, Маэндер был абсолютно спокоен. Никакие мысли и чувства, бурлившие внутри, не отражались на неподвижном лице. Он держался и вел себя как обычно. Маэндер покинул лагерь вместе с небольшим отрядом личных телохранителей-пунисари. Они шли по полю под косыми лучами восходящего солнца. Высокие, статные воины с загорелыми лицами, бесстрастные, словно каменные изваяния. Их волосы цвета бледной соломы, ниспадавшие ниже плеч, были спутаны — по традиции, долженствующей напомнить о тех временах, когда предки уходили в далекую северную ссылку. Все спутники Маэндера знали, куда и зачем они идут, но никто из них не колебался ни секунды. Маэндер стянул вместе три свои косицы с вплетенными в них разноцветными лентами, которые обозначали число людей, убитых его рукой. Маэндер был одет в серую тальбу; единственное его оружие — илахский кинжал — покоился в ножнах на животе.

Маленький отряд пересек поле, перекореженное недавней битвой, и приблизился к акацийскому лагерю. Маэндер нес в руке знамя парламентаря. На его губах блуждала странная улыбка, а лицо выражало смирение и покорность судьбе.

Глава 65

Бумажный лебедь ожидал ее возле порога. Должно быть, кто-то сунул его в щель под дверь. Впрочем, не вполне понятно, как это было сделано, учитывая, что лебедь стоял вертикально, а щель была не настолько широка, чтобы стилизованная фигурка сумела протиснуться в нее, не смявшись. Под лебедем лежала записка — просто бумажная ленточка, такая тонкая, что оказалось непросто подобрать ее с пола. Коринн аккуратно подцепила бумажку ногтями. «Примите этот подарок, — прочитала она, — в случае, если он вам нужен».

Подписи не было, но Коринн знала, кто прислал лебедя. Она недоумевала, как агентам сэра Дагона удалось проскользнуть мимо внешней охраны. При мысли о том, что, возможно, они побывали в ее комнате, пока она спала, кожа Коринн покрылась мурашками. Она поднесла лебедя к лицу и осторожно понюхала. Никакого запаха. Сжав бумажную фигурку в пальцах, она ощутила упрятанные внутри шероховатые кристаллики. Коринн знала, что эти зернышки выделяются из корней дикого цветка посредством процесса, известного только Лиге. Они представляли собой смертельный яд без вкуса и запаха, не оставлявший в организме никаких следов. Коринн снова посмотрела на записку, но та раскрылась и осыпалась хлопьями. От нее не осталось ничего, кроме беловатой пыли на пальцах и на полу. Сквозняк из-под двери быстро развеял ее.

Коринн находилась в своих старых покоях, где иногда ночевала, если Хэниша не было дома. Здесь она могла уединиться, отгородившись от всего мира, а одиночество все более привлекало Коринн. Ей нужно было управиться с водоворотом мыслей и чувств, бурливших внутри. Сегодня утром принцесса проснулась с уверенностью, что несколько следующих дней полностью изменят ее жизнь. Лебединое послание только упрочило веру Коринн. Небольшое, но веское подтверждение тому, что движущие силы мира на ее стороне. Зная, что не стоит держать лебедя в руках слишком долго, принцесса сложила крылья птички и сунула ее за пояс.

Затем Коринн вернулась в будуар и села на табурет возле туалетного столика с зеркалами, отразившими ее лицо с разных сторон. Коринн собиралась поразмыслить о грядущих событиях, однако помедлила, изучая себя в зеркалах. Ее немного подташнивало, как часто бывало в последнее время. С каждого ракурса лицо принцессы выглядело по-другому. Она казалась себе то жалкой, то очень хорошенькой, то нежной, то взволнованной,

то самоуверенной, то... злой. Да, глядя вот на этот профиль слева, Коринн увидела незамеченную прежде жесткую складку в уголке рта и зловещий блеск в глазах, и странную, невесть откуда взявшуюся манеру агрессивно вздергивать подбородок. Будто само ее лицо превратилось в оружие, приготовленное к бою. Коринн не нравилось то, что она видела в зеркале. Во всяком случае, иногда. В иные моменты такое зрелище вполне устраивало ее, а временами принцесса казалась себе отвратительной. Какое из этих лиц она покажет Хэнишу, когда тот вернется?

Хэниша ждали на следующий день. Он приплывет вместе с огромным флотом судов, несущих на остров его знаменитых предков. Как раз накануне Хэниш прислал письмо, в котором с энтузиазмом рассказывал о своих планах. Он собирался как можно скорее положить предков в приготовленную для них усыпальницу. Хэниш писал, как счастлив он был, увидев корабли, нагруженные саркофагами. Бесподобное, невероятное зрелище! Ах, если бы только Коринн могла понять его чувства! Он надеялся, что Коринн останется верна слову и поможет освободить предков, дабы они нашли отдохновение за гранью бытия. Когда это случится, писал Хэниш, трещина, расколовшая Изученный Мир, наконец-то исчезнет. Мейнцы и акацийцы получат шанс позабыть о старой вражде и жить в мире друг с другом. Земля сумеет залечить свои раны. Война, которая шла много веков, окончательно прекратится. Это была долгая битва, бесконечное сражение, но конец уже близок. «Если ты согласишься помочь мне, Коринн, — писал Хэниш, — все это станет возможным. И мой, и твой народы будут превозносить и восхвалять тебя. И я тоже...»

— Он и не подозревает, что со мной происходит, — сказала Коринн пустой комнате. Было время, когда этот факт причинял ей боль. Теперь же, напротив, на нем держался весь план принцессы. Хэниш думает, будто может играть с ней, морочить ей голову. Коринн не позволит ему этого. Никогда больше. — Он ничего не знает. Ничегошеньки...

— Нет, — ответил ей чей-то мягкий голос. — Ни один человек не знает. Ни единая живая душа не может этого знать.

Коринн подскочила и резко обернулась, ища источник голоса. Сперва она не увидела ничего. Человек протиснулся между двумя гобеленами и шагнул в комнату. Он остановился всего в нескольких шагах от Коринн. Человек был живой, настоящий. Он взялся незнамо откуда и теперь стоял перед ней. От неожиданности и ужаса у Коринн перехватило дыхание.

— Не бойтесь, — сказал незнакомец. — Пожалуйста, принцесса, только не надо кричать. Я служу вашему брату и вам.

Лишь теперь Коринн узнала его. Канцлер! Таддеус Клегг. Ближайший друг ее отца, предавший его. Во имя Дающего, как же он постарел! Лицо Таддеуса избородили глубокие морщины, щеки провалились, плечи ссутулились. Он выглядел очень усталым, стоял на ногах неуверенно, слегка покачиваясь; черты лица заострились, под глазами набухли мешки. В руках канцлер держал книгу, бережно прижимая ее к груди. С трудом преодолев изумление, Коринн умудрилась заговорить и спросила первое, что пришло в голову:

— Как вы сюда попали?

Таддеус спросил, можно ли ему сесть. От усталости он даже разговаривал с трудом, едва ворочая языком.

— Я все расскажу вам, принцесса Кор...

— Вы в моей комнате?... — проговорила Коринн, все еще недоумевая. Того, что происходило сейчас, просто не могло быть. — Как вы оказались в моей комнате?

— Пожалуйста... можно мне сесть? Если я не сяду, то, вероятно, упаду. И... прошу вас, сделайте так, чтобы нас не беспокоили. Если меня найдут здесь, будет беда. Я все объясню.

Коринн молча смотрела на канцлера. Она понимала, что нужно соображать быстро. Происходило что-то важное. С чем бы ни пришел этот человек, она не может просто так выставить его вон, не выслушав. И уж конечно, канцлер в своем нынешнем состоянии не нападет на нее. Независимо от того, как он оказался здесь и какие вести принес, Коринн поговорит с ним, и поговорит наедине.

— Ждите, — прошептала она.

Принцесса выглянула наружу и велела слугам не тревожить ее ни при каких обстоятельствах. У входа в покои Коринн стояли стражники, так что она спрятала Таддеуса в неприметную нишу на балконе. Здесь принцесса показала канцлеру на стул с высокой спинкой, а сама устроилась напротив. Выполняя обещание, Таддеус рассказал все. Поведал, как проник во дворец и как перемещался по секретным туннелям в стенах. Потребовалось немало времени, чтобы добраться до покоев принцессы, но в конце концов канцлер отыскал низкий коридор, который заканчивался в нужной комнате, как раз за кроватью Коринн.

— Вы удивитесь, — сказал Таддеус, — узнав, что он был там все эти годы, надежно укрытый от глаз благодаря паре маленьких архитектурных деталей... Впрочем, — прибавил канцлер, — должно быть, мне лучше начать сначала.

Таддеус сказал, что его прислал Аливер, а потом долго описывал человека, которым ныне стал принц. Он готов выполнить свою миссию, готов принять власть, готов сделать все, чего ждал от него Леодан. Аливер умен и проницателен. Он умеет вдохновлять и вести за собой массы. У него есть цель и средства для ее достижения. Таддеус поведал о Мэне и Даризле — жрице-воительнице и отважном пирате. Вместе они начали битву, которую не должны проиграть. Принц уверял людей, что каждый из них сам кузнец своего счастья и хозяин судьбы. Аливер же, когда одержит победу, не будет править ими. Он будет править для них. С позволения людей и только ради их блага. Он уничтожит всю грязь, все мерзости, которые ныне властвуют в Изученном Море, и найдет путь к процветанию. Аливер обещал, что найдет способ примирить все народы, поднимет втоптаных в грязь, сломает хребет Лиге, разделается с Квотой и уничтожит рабский труд.

Старый канцлер говорил и говорил. Коринн слушала, понимая, что должна, по идее, испытать облегчение, радость, надежду. Она попыталась найти все эти вещи в себе, почувствовать их. Однако чем дольше разглагольствовал канцлер, тем более его слова казались принцессе бредом сумасшедшего. Великолепная чушь. Детская сказка. Фантазия, в которой ей нет места. Неужели кто-то и впрямь верил, что подобные вещи можно воплотить в реальности? Некоторые сплетни доходили до Коринн и прежде. Что-то рассказывала Ренна, что-то — Риалус Нептос. Кое-что она подслушала сама. Однако сейчас Коринн не верила ушам. Старый, умудренный жизнью, искушенный в политике канцлер говорил как новообращенный последователь пророка... Пророка чего, интересно? Свободы? Равенства? Звучало так, будто Аливер собирался построить империю на небе. Сказочное идиллическое королевство, которое будет парить в облаках... «Оно и исчезнет как облако, унесенное первым же сильным ветром», — хотелось сказать Коринн. Вместо радости и надежды принцесса испытывала горечь.

На балконе появилась золотистая обезьянка. Она, должно быть, спрыгнула откуда-то сверху и замерла от неожиданности, увидев людей в затененном алькове. Зверек издал высокий, какой-то птичий крик. Шерсть обезьянки казалась особенно яркой на фоне голубого неба. Коринн повернулась к ней спиной.

— Хэниш возвращается завтра. Он везет с собой Тунишневр. Хэниш хочет, чтобы я помогла ему совершить ритуал, который снимет проклятие. Он говорит, что когда предки обретут свободу, закончится многовековая война между мейнцами и акацийцами. Раны мира будут исцелены. Наша давняя вражда станет историей. Ничего подобного не повторится в будущем. Что вы думаете обо всем этом?

— Он везет сюда Тунишневр? — переспросил Таддеус. Несколько секунд канцлер молчал; рот его был приоткрыт, глаза застыли, глядя в одну точку. — Мне следовало бы догадаться! Конечно же, он... У Хэниша было время построить для них усыпальницу. Он отправил брата сражаться с Аливером не потому, что принял угрозу всерьез... а затем, чтобы без помех заниматься собственным делом. Я должен был это предвидеть. Мы искали союзников в своих собственных мифах. Почему бы Хэнишу не сделать то же самое?..

Таддеус повернулся к Коринн. Взгляд старческих, пронизанных красноватыми венами глаз остановился на лице принцессы.

— Вы спрашиваете, что я об этом думаю? Я думаю, Хэниш лжет. Легенда гласит, что

есть два способа снять проклятие с Тунишневр. Он действительно может отпустить их на свободу. Для этого нужно несколько капель вашей крови, отданных добровольно. Так называемый дар прощения... Но сдается мне. Хэнишу нужно совсем не это. Если он насильно заберет вашу жизнь, убьет вас на алтаре — тогда предки не уйдут за грань бытия, а возродятся в мире. Хэниш вернет их к жизни. Тунишневр снова обретут тела и возможность ходить по земле. Они обладают невероятным могуществом и жаждут мести. Они потопят мир в крови, Коринн. Если Тунишневр вырвутся на свободу, нам всем конец. Вот почему вы должны пойти со мной.

— И поэтому вы пришли сюда? — спросила принцесса. — Чтобы спасти меня?

— Я пришел по другой причине, — отвечал бывший канцлер. Он рассказал Коринн о сантот, об их искаженной магии и о том, что чародеям необходима «Песнь Эленета». Он нашел книгу, объяснил Таддеус, поскольку наконец-то сложил вместе кусочки головоломки, оставленные для них Леоданом. Аливер еще не знает, что Таддеус преуспел в своих поисках. Принц даже не в курсе, что канцлер отправился сюда, на Акацию. Нужно отдать Аливеру книгу, и как можно быстрее. Но сейчас не менее важно, чтобы Коринн убежала с острова. Довольно рискованное мероприятие, тем не менее шансы есть. Они уйдут тем же путем, каким Таддеус проник сюда, проберутся по туннелям и окажутся неподалеку от храма Вады. Канцлер пойдет в храм и убедит жрецов дать им какую-нибудь маленькую лодку. Потом вернется за принцессой, и они улетят с острова на крыльях ветра. Не исключено даже, что ему удастся отправить послание Аливеру, и тогда они смогут скоординировать действия...

Коринн молча смотрела на Таддеуса. Ей казалось, что старый канцлер слишком уж торопится, однако она покамест держала свои мысли при себе.

— Это и есть та самая книга? «Песнь Эленета»? — спросила Коринн, указывая на фолиант.

Не очень-то похож на великую книгу магии, говоря откровенно, однако принцесса заметила, что канцлер не выпускал фолиант из рук — даже здесь, когда они остались вдвоем в этом укрытом от посторонних глаз алькове.

Таддеус сдержанно кивнул. Коринн протянула руку к книге.

— Принцесса, у нас мало времени, — сказал Таддеус. — Завтра возвращается Хэниш. Мы должны...

— Дайте мне посмотреть! — перебила Коринн.

В ее голосе появились командные нотки. Она смотрела прямо в глаза канцлеру, отчего-то уверенная, что если отведет взгляд, он откажется, как-то отвергнется, придумает отговорку или сменит тему. Таддеус открыл рот, собираясь что-то сказать, и не успел. Коринн выдернула книгу из его рук и отошла на несколько шагов.

Фолиант был гораздо легче, чем казался с виду. Обложка открылась от легчайшего прикосновения ее пальцев. В тот миг, когда принцесса взглянула на текст, она поняла: ничто в ее жизни уже не будет как прежде. Страница была заполнена округлыми рукописными буквами с причудливыми завитками. Они двигались перед глазами, мерцая и преображаясь, становясь то одним, то другим словом, написанным на красивом чужом языке. Слова, которые читала Коринн, бились в ней, словно ноты, звенящие в душе. Принцесса не знала, что они обозначают на самом деле, но когда ее взгляд останавливался на них, слова поднимались со страницы и наполняли ее песней. Они приветствовали Коринн. Они восхваляли ее. Они танцевали вокруг нее в воздухе, точно диковинные птицы. Слова уверяли принцессу, что ждали ее. Ожидали — давным-давно. Теперь дела пойдут как надо. Она, она, она может сделать так, что все будет хорошо и правильно. Слова ластились к ней, как истосковавшаяся по хозяйской руке ласковая кошка. Коринн не могла объяснить, каким образом она знала, или слышала, или понимала все эти ощущения, уверения и обещания. Но звенящие, чистые голоса в ее голове не оставляли сомнений в том, что слова правдивы. Не оставалось сомнений, что книга была тем самым даром, которого Коринн ожидала всю свою жизнь.

К тому времени когда принцесса закрыла обложку и вернулась в реальный мир, снова

обратив взгляд к Таддеусу, она уже знала все, чего не понимала раньше. И точно знала, как надо поступить.

— Великолепно, — сказала она, ничуть не кривя душой. — Скажите-ка мне: кто-нибудь знает о книге? О том, что вы нашли ее, и она здесь, у меня?

— Нет, не волнуйтесь. Никто, кроме нас с вами. Принцесса, у вас такое лицо... вы... увидели что-то в книге?

Коринн тепло улыбнулась, но не ответила.

— Вы сделали великое дело. Мой отец недаром так любил и уважал вас.

Если у канцлера и были сомнения, после этих слов они растаяли как дым. Глаза старка наполнились слезами.

— Спасибо вам... — сказал Таддеус. — Спасибо за эти слова. Коринн, вы... вы сумеете простить меня?

— Не понимаю, о чем вы, — откликнулась она. — За что я должна простить? Мне нужно благодарить вас.

Еще одна слеза вытекла из глаза Таддеуса и покатилась по щеке. Он смахнул ее рукой и снова заговорил. Поток слов хлынул из него, когда канцлер принялся объяснять, что он совершил, когда и почему. Как он сожалел, и молился, и старался исправить содеянное, и искупить грехи...

Коринн пропустила большую часть всего этого мимо ушей, однако смотрела на Таддеуса и кивала, широко раскрыв глаза. Речь канцлера становилась все медленнее, язык у него словно заплетался. Веки потяжелели, то и дело опускаясь помимо его воли, Таддеус боролся с собой, пытаясь держать глаза открытыми. Коринн сидела рядом с ним, размышляя о своем. Как только решение окончательно созрело у нее в голове, принцесса порывисто поднялась на ноги.

— Ну, будет вам, Таддеус, — сказала Коринн. — Я не держу зла. Понимаете? — Она протянула руку и осторожно коснулась его щеки. — Мне не за что вас винить. И давайте больше не вспоминать об этом. Я принесу вам поесть. Отдохните. Когда вернусь, мы придумаем, что и как делать.

Чувствуя, что он готов возразить, Коринн сунула канцлеру в руки «Песнь Эленета». Вроде бы это успокоило его. Принцесса вышла из комнаты и отправила служанку за чаем и легкой закуской. Сама же осталась стоять на пороге — тихая и задумчивая. Сладко-горькое воспоминание о «Песне» не давало ей покоя. Коринн так полюбила ее. «Песнь» наполнила жизнь принцессы смыслом. Коринн знала, что выучить этот язык будет непросто. Потребуются месяцы, а может, и годы вдумчивого изучения. Книга каким-то образом сообщила ей об этом. Принцесса приобретет очень многое, но только если у нее будет возможность без помех постичь язык. Спокойно, тихо, может быть, втайне. Почему отец и все поколения королей до него не использовали «Песнь», засунув ее подальше, с глаз долой? Какая глупость! Уж Коринн-то не совершит подобной ошибки.

Надо торопиться. Есть очень много вещей, которые надо сделать, организовать, предусмотреть, — и очень мало времени. Будет трудно, но Коринн мало-помалу приобретала нужный навык. Сообразительность и хитроумие помогали принцессе, и благодаря ее усилиям кое-какие колесики мира уже завертелись в нужную сторону. Нужно просчитать каждый шаг и досконально продумать порядок действий, чтобы не совершить ошибку. Еще раз осмыслить то, что говорил Таддеус о намерениях Аливера, уложить все это у себя в голове и понять, что к чему. Потом надо написать письмо Риалусу и отыскать возможный способ отправить его с почтовой птицей. Непростая задача, но это надо сделать только один раз. И еще придется исследовать проходы в стенах. А первым делом следует позаботиться о Таддеусе.

Дождавшись, когда вернется служанка, Коринн взяла поднос из ее рук и повторила приказ не тревожить ее ни по какому поводу. Она проводила молодую акацийку взглядом и плотно закрыла за ней дверь. Потом Коринн поставила поднос на стол. Пальцы скользнули за пояс, и принцесса вытащила на свет бумажную птицу. Кончиком пальца она развернула

фигурку, взяла листок за края и наклонила над чашкой. Крохотные кристаллики, поблескивая, посыпались в чай. Принцесса надеялась, что они действительно не имеют вкуса и запаха, как утверждали химики Лиги. Да, она планировала использовать этот порошок для Хэниша... но ничего страшного, Коринн найдет другой способ разделаться с ним. Удачно, что «посылка» прибыла именно сегодня — незадолго до того, как Таддеус Клегг вышел из стены. Еще один знак того, что мир и судьба на ее стороне.

Коринн взяла серебряную ложечку и принялась медленно размешивать жидкость. Принцесса не солгала Таддеусу: она действительно не держала на него зла. Предательство, которое так беспокоило старого канцлера, не имело для Коринн никакого значения. Нет, решение было продиктовано отнюдь не эмоциями. Все очень просто: Таддеус принес ей ту самую вещь, которую принцесса искала всю свою жизнь, даже не сознавая этого. Словно память далеких предков пробудилась в принцессе и подсказала Коринн, что «Песнь Эленета» предназначена для нее. Именно поэтому Таддеус принес книгу сюда. Ей, а не Аливеру. Он сам не понимал, что делает, но для Коринн все было предельно ясно. Она, а не Аливер — тот человек, которому предстоит постичь устройство мира. Аливер мечтатель, наивный идеалист. Мир, полагала Коринн, всегда будет использовать таких людей, держа их за дураков. Она же знала, как управлять им, как приводить в движение его силы. Какие бы сомнения ни терзали Коринн, в душе она понимала, что не может положиться ни на кого, кроме себя. Себя и «Песни». Знания, хранящиеся в книге, предназначались для нее, и уж принцесса не упустит своего. Может быть, она даже позволит Аливеру попользоваться книгой, сказала себе Коринн. Да, пожалуй, позволит. Позже. Когда пройдет время, Коринн узнает брата получше и убедится, что он не идиот-мечтатель, ведомый безумными фантазиями.

Коринн вернулась в комнату, держа в руках кружку горячего чая. Канцлер спал. Он по-прежнему сидел на стуле, но голова упала на грудь, рот был приоткрыт, Таддеус шумно дышал. Несколько секунд принцесса смотрела на него, ошеломленная внезапным чувством ностальгии, которое еще не умерло в ней до конца. Коринн сказала себе, что поступает правильно. Кто-то умрет, кто-то будет страдать, но когда все закончится, она создаст новый мир — совсем не такой, как прежний. Она сделает то, что задумала, потому что любит своих близких и желает им победы. Она откроет им глаза, чтобы они не пали жертвой собственного идеализма. Коринн сейчас действовала не против родных, а старалась помочь им.

Принцесса медленно двинулась вперед. Она шла неслышно, как тень, держа на вытянутых руках кружку с горячим чаем, и та жгла ей руки, словно расплавленный свинец.

Глава 66

Ужас войны потряс Дариэла до глубины души. Он не видел ничего подобного за все годы своего морского разбоя. Лишь неугасимый оптимизм и неунывающий характер помогли юноше пройти через все. К тому же с момента воссоединения с Аливером и Мэной он чувствовал себя еще более счастливым и жизнерадостным, чем прежде. Дариэл знал, что речь идет о жизни и смерти, но он был не один в этой борьбе. Родные стояли рядом с ним, плечом к плечу. Дариэл наблюдал, как сестра вела людей в битву, воздев меч, который был словно продолжением ее руки. Он видел брата, стоявшего перед кошмарным монстром. Обнаженный и беззащитный, он, однако, поверг чудовище на землю, будто герой из древней легенды. Да, брат и сестра были рядом. Дариэл более не чувствовал себя сиротой, покинутым на произвол судьбы. Он обрел семью. Скоро они одержат победу, и тогда смерти и страдания, годы изгнания, несправедливости — все останется в прошлом.

Такие мысли помогали Дариэлу на поле битвы. Они заставили его подняться после кошмарной битвы с антоками. На следующее утро он встал до рассвета, проспав чуть более двух часов. Юный принц вышел из шатра, все еще заляпанный кровью и грязью. Он был готов делать все, что мог, для раненых, умирающих и мертвых. Дариэл потратил лишь несколько секунд, чтобы плеснуть водой в лицо и оттереть грязь с рук — да и то лишь

потому, что так велела Мэна. Она проверила, не ранен ли Дариэл, спросила, сколько он спал, поел ли. В конце концов, она его старшая сестра. Одна из немногих в этом мире, кто имел право задавать Дариэлу такие вопросы и требовать ответов. Когда все закончится, думал Дариэл, они сядут рядом в тишине, и он расскажет Мэне, как сильно любит ее. Он отыщет для сестры какой-нибудь подарок и расскажет, что память о ней прошла через всю его жизнь. Дариэл никогда не забывал, как добра была к нему Мэна, как всегда поддерживала и помогала ему — еще в те времена, когда оба были детьми.

Только благодаря этим мечтам и надеждам, Дариэл находил в себе силы выстоять и не расклеиться окончательно. Слишком уж много вокруг было боли и страданий. Антоки убили, ранили и покалечили так много хороших людей!.. Но Дариэл старался думать о семье и любви к близким, завернувшись в эти мысли, точно в плащ. Они помогали ему нынче утром, когда юноша проверял повязки раненых, произносил слова восхваления и ободрения, подносил чаши с водой к пересохшим губам. Он разговаривал с умирающими, уверяя, что их деяния навсегда останутся в памяти поколений, что их будут помнить и чтить, и славить — отныне и во веки веков...

Так прошло несколько часов, а потом до ушей Дариэла донеслась странная весть. Сперва слова пролетели мимо него — быстро, точно порыв ветра. Однако ветер этот сорвал с плеч юноши его защитный покров. Потребовалось некоторое время, чтобы осознать услышанное. Дариэл не поверил в это, пока не присоединился к брату и сестре. И тогда он собственными глазами увидел отряд мейнцев. Заклятые враги спокойно стояли посреди акацийского лагеря. Их было десять — высоких, белокурых, длинноволосых воинов, вооруженных только кинжалами. Они были невозмутимы, уверены в себе; казалось, мейнцев ничуть не смущали тысячи глаз, глядевших на них с неизменной, яростной ненавистью. Маэндер Мейн... Дариэл недоумевал, зачем он явился сюда, но в тот миг, когда он увидел предводителя мейнцев, сердце захолонуло от дурного предчувствия.

Пока один из мейнских офицеров произносил слова формального представления, Маэндер лениво посматривал по сторонам с усмешкой на тонких губах, изучая Аливера и его воинов — словно никогда прежде не встречал столь забавную компанию. Он выглядел абсолютно спокойным, расслабленным, словно явился к себе домой, а не во вражеский стан. Маэндер был великолепно сложен. Стройное мускулистое гибкое тело дышало силой. Дариэл предположил, что он очень ловок и быстр, и охотно верил, что Маэндера Мейна недаром называют искусным убийцей. Однако его надменный, самодовольный взгляд привел Дариэла в бешенство.

— Принц Аливер Акаран... — начал Маэндер, когда формальности были закончены. — Или ты предпочитаешь, чтобы тебя величали Королем Снегов? Странное прозвание, должен заметить. Не вижу никаких признаков снега. Если снежинка упадет на эту горячую землю, она исчезнет в мгновение ока.

— Не мы выбираем, как другие станут нас называть, — спокойно ответил Аливер. — И не мы решаем, под каким именем останемся в истории.

— Верно подмечено, — кивнул Маэндер. — Каждый старается заслужить славное имя... но кто знает?.. Думаю, твой отец и представить не мог, что его первенец поведет за собой армию бродяг из пустынь Талая. Что старшая дочь станет любовницей проклятого оккупанта, а младшая — символом религиозной секты. Не говоря уж о том, что младший сын изберет путь обычного морского разбойника. Как бы мы ни старались управлять своей судьбой, жизнь часто преподносит нам сюрпризы. Верно?

Рассуждая, Маэндер отвлекся от Аливера и повернул голову к Мэне. Секунду он смотрел ей в лицо, потом смерил девушку взглядом с головы до ног, словно оценивая шлюху. Однако прежде чем отвести глаза, Маэндер кивнул ей — с уважением и даже, пожалуй, с почтительностью. Жест, несказанно удививший Дариэла. Сам он, впрочем, удостоился совсем другого взгляда — насмешливого, с оттенком пренебрежения. Дариэла трудно было смутить, но тут он усомнился, что сумеет ответить Маэндеру тем же. Спокойная уверенность мейнца таила в себе опасность, и Дариэл понял, что едва ли

переиграет его на этом поле.

— Так что ты хочешь сказать мне? — спросил Аливер. Маэндер развел руками, словно торговец, уверяющий покупателя в своей честности.

— Хочу сделать предложение. Очень простое. Поединок, Аливер. Только ты и я. Честно. До смерти. Никто не будет вмешиваться, и каждый сможет увидеть, кто из нас лучше.

— Поединок? — переспросил Аливер. — Какой в нем смысл? Неужели ты думаешь, что я поверю, будто армия Мейна готова признать поражение в случае твоей смерти? Что Хэниш упакует вещи, покинет Акацию и вернется в Мейн? Это было бы для меня большим искушением, но мы оба знаем, что ничего подобного не случится.

Маэндер рассмеялся. Он признал, что не обещает ничего такого. Равно не просит он и Аливера принести подобную клятву. Но почему бы им не «побеседовать» как мужчина с женщиной? Было время, когда предводители армий сходились один на один, чтобы решить спор ценой собственной крови. Это сейчас командиры прячутся за спинами солдат, кладут их жизни на алтарь победы, сами не рискуя ничем. Так было не всегда. Когда-то и мейнцы, и акацийцы имели совсем другие понятия о чести. Все изменилось во времена Тинадина, когда идеалы благородства были раздавлены, втоптаны в грязь, и...

— Ты сошел с ума! — Дариэл не мог более сдерживаться. Аливер, похоже, всерьез раздумывает над предложением Маэндера. Вряд ли он с презрением и насмешкой отвергнет эту несуразную идею — что казалось Дариэлу наиболее верным ответом. Ему хотелось, чтобы брат понял весь абсурд ситуации. — Нашу армию никто не гнал в бой насильно. Каждый имеет свои причины сражаться с вами. Все знают, на что идут, и ни один солдат не позволит Аливеру рисковать жизнью. Никто не станет прятаться за его спину!

Со всех сторон раздались голоса, подтверждающие слова юного принца. Люди кричали, возмущались, ругались. Многие осыпали Маэндера оскорблениями.

Мейнец обернулся к Дариэлу и одарил его долгим взглядом.

— Ты ведь пират, не так ли? Вряд ли тебе известно что-нибудь о благородстве. Я обращаюсь только к Аливеру — как к равному. И только ему предлагаю поединок.

Дариэл сплюнул на землю. Он почувствовал, как Мэна коснулась его локтя, но отдернул руку.

— Равному? Ты не король. Ты не Хэниш Мейн. Почему Аливер Акаран должен выходить против тебя? Да кто ты вообще такой? Бред! Ты, должно быть, отчаялся... — Обернувшись к толпе, Дариэл продолжал: — Я знаю, почему они явились сюда. Мейнцы отчаялись! Мы их побили, друзья!

Маэндер снова обратил взгляд к Аливеру и заговорил, перекрывая гомон, который был ответом Дариэлу:

— Ничто так не сплачивает армию, как символ. Если — или мне стоит сказать: «когда» — ты убьешь меня, принц Аливер, можешь снять мою голову с плеч. Возьми ее, насади на копье и подними повыше, чтобы узнал весь мир. Маэндер Мейн убит. Аливер Акаран торжествует. Твоя армия удвоится за одну ночь. Втоптанные в грязь массы, которые уже забыли, чья нога их туда втоптала еще прежде моего брата, — все поднимутся одной великой волной. Пророчество подтвердилось. Рок! Возмездие...

Аливер спокойно смотрел на Маэндера. Казалось, ситуация не удивляла его, не внушала недоумения. Принц не боялся глядеть в лицо человеку, который погубил столько его людей. Аливер слегка подался вперед и движением руки призвал толпу к тишине.

— А если я погибну?

— В этом тоже есть красота, — откликнулся Маэндер. — Твоя смерть взбудоражит массы. Гнев. Ярость. Месть. Ты станешь героем, принеся в жертву жизнь, погибнув за свой народ. Иной раз мучеников ценят дороже, чем живых.

— Хорошо говоришь, — усмехнулся Аливер, — но все это самое применимо и к тебе. Победишь ты или проиграешь — эффект будет тот же. И какой тогда смысл в поединке?

— Не совсем так. Меня бояться, но не любят. У меня есть некоторая власть, но я не

верховный вождь, не лидер — как верно заметил твой брат. Нет, моя смерть тебе более выгодна, чем мне твоя.

— Тогда почему ты так хочешь этого поединка?

— Потому что он глупец, — сказал Дариэл. Улыбка исчезла с губ Маэндера, его лицо помрачнело.

— Да, считай, что я просто глупец, Аливер. Но сразись со мной. Я вызываю тебя согласно старым Кодексам — тем, что были в ходу до Тинадина. Если ты человек чести, то у тебя нет иного выбора, кроме как принять вызов. Ты это знаешь — даже если не знает твой брат...

Чуть позже, когда молодые Акараны и их ближайшие сподвижники собрались на совет, Дариэл попытался воззвать к рассудку Аливера. Он снова и снова повторял, что соглашаться на поединок — чистой воды безумие. Наверняка это уловка, какая-то хитрость. Маэндер замыслил очередное предательство. Ни в коем случае нельзя ему потакать. Напротив — нужно отказать Маэндеру, взять его в плен или просто убить на месте. Он не заслужил неприкосновенности парламентаря. Дариэл повторял все это бесчисленное число раз, мало-помалу понимая, что никакие доводы разума на брата не действуют. Аливер внимательно слушал и молчал. Дариэл подозревал, что брат принял решение еще до того, как они уединились в шатре. Аливер предложил всем присесть, сам же остался на ногах и мерил шагами шатер.

Дождавшись момента тишины, Келис спросил:

— Что это за старые Кодексы, о которых говорил Маэндер?

Аливер объяснил. Кодексы были системой неписаных законов и установлений, которые негласно соблюдались в древности, когда Изученный Мир еще населяло множество разных народов. Каждый народ имел своих предводителей и собственные обычаи — еще более различные, чем сейчас. Однако, общаясь между собой, народы соблюдали некие правила поведения, которые понимали все. Аливер назвал несколько таких законов и мог бы продолжать еще долго, но тут Лика Алайн перебил его.

— Некоторые из старых Кодексов давно и прочно забыты, — сказал генерал, — но Маэндер, сукин сын, сослался на очень известный прецедент. В те времена короли воюющих держав встречались в поединке, вместо того чтобы вести солдат на смерть. Первая Форма — Эдифус при Карни — пример такого поединка.

— А Тинадин уничтожил эти Кодексы?

Лика вздохнул и помолчал несколько секунд.

— К нашему извечному стыду. Впрочем, он переписал вообще все, не только Кодексы. Тинадин объединил Изученный Мир под своей властью, и многое из того, что было прежде, исчезло...

Мелио Шарратт, предводитель вуманского отряда, сидел рядом с Мэной. Именно он научил принцессу пользоваться мечом. Он же помог Аливеру спасти армию от антоков, поэтому никто не возразил, когда Мэна привела его на совет. Вдобавок в юности Аливер и Мелио были почти друзьями. Аливер помнил его и считал, что появление Мелио как нельзя более кстати. Молодой марах спросил, не бывало ли так, чтобы место короля на поединке занимал другой.

Аливер ответил, прежде чем кто-нибудь успел хотя бы раскрыть рот. Он улыбнулся и твердо произнес:

— Никто не займет мое место. Не ты, Келис — я вижу, ты подумываешь об этом. И уж конечно, не ты, Мелио. Или считаешь, что до сих пор дерешься лучше меня, как было в юности?

— Вовсе нет, милорд, — почтительно сказал Мелио. — Ты давно превзошел меня.

Аливер обвел взглядом своих советников, посмотрев на каждого по очереди. Его худое, красивое лицо было опалено солнцем. Карие глаза с серыми крапинками и тонкими серебристыми прожилками были серьезными и задумчивыми. Сегодня Аливер как никогда

воплощал собой идеал молодого короля.

— Маэндер прав. Я не могу презреть старые Кодексы. Они — часть того, за что мы сражаемся. Я согласен с ним: предводитель несет самую большую ответственность. Если таковы мои убеждения, как я могу отказаться от вызова? Я предаю себя и все, во что верю. Я не ожидал такого поворота событий, но раз это случилось, я приму его как данность. Негоже мне трусливо убежать прочь.

Никто не возразил.

— Если все решено, — сказал Даризэл с горечью в голосе, — зачем мы вообще здесь собрались?

Аливер улыбнулся уголками губ.

— Мы собрались, чтобы лишний раз побыть вместе. И еще — чтобы мейнцы немного поволновались, ожидая нашего решения.

— Ты можешь дать мне слово, что не умрешь? — Даризэл знал, что это звучит по-детски, но вопрос звенел у него в голове, и юный принц не сдержался. — Можешь пообещать?

Нет, признал Аливер. Разумеется, он не в силах дать такое обещание. Он подошел к Даризэлу и осторожно взял его за подбородок.

— Брат, вспомни: я был рядом с отцом, когда Тасрен Мейн всадил отравленный кинжал ему в грудь. Я стоял на расстоянии вытянутой руки. Я видел, как убийца кинулся вперед. Я видел его лицо, и оно до сих пор стоит у меня перед глазами, словно все было вчера. Я помню это лицо до последней черточки. На самом деле наш поединок уже начался — и очень давно. В тот день, когда Тасрен убил отца... Мы сражаемся за благородные идеалы, — продолжал Аливер, — но кровь есть кровь. Отец должен быть отмщен. Это тоже установление из старых Кодексов. Маэндер, может, и не помнит его, но я помню.

Аливер вынул из ножен Королевский Долг и положил на походный стол. Он отправил посланника к Маэндеру и велел сообщить, что принимает вызов. Они будут сражаться на кинжалах. Никакого другого оружия. Никаких доспехов. И никто не должен вмешиваться. Вдобавок при любом исходе, Маэндеру — или его людям — будет позволено беспрепятственно уйти после окончания поединка. Такие условия поставил Аливер и принес клятву, что станет соблюдать их досконально.

Несколько минут спустя все вышли наружу. Солнце словно выбелило мир. Оно было слишком ярким. Даризэл, прищурившись, осмотрел место, отведенное для поединка: небольшую овальную площадку, уже окруженную стеной тел. Все воины отложили оружие и поклялись не вмешиваться в схватку.

Аливер и Маэндер вышли в круг. Оба знали условия поединка. Оружие было чисто вымыто, чтобы исключить наличие яда, и проверено на предмет секретных приспособлений.

Мэна подошла к Даризэлу, взяла его за плечо и прошептала:

— Разве брат не убил антока? Разве он не разыскал сантот? А до того Аливер разделался с лариксом. Может быть, волшебство было с ним всю жизнь? Верь в него, Даризэл.

Время пришло. Аливер, обнаженный до пояса, носил лишь юбку талайского бегуна, длиной до колен. Кинжал в его руке казался серебристым осколком льда. Маэндер был одет в тальбу — такую тонкую, что из-под нее проступал рельеф мышц груди и живота. Его кинжал был немного короче, чем у Аливера, слегка изогнутый на конце, выкованный из какого-то темного металла. Аливер что-то произнес. Секунду Маэндер озадаченно смотрел на него, потом ответил.

Даризэл не разобрал слов. Он мог лишь наблюдать за тем, что происходило в круге, утратив ощущение собственного тела, оглохнув, не видя ничего, кроме двух фигур на выбеленной жгучим солнцем арене. Маэндер и Аливер двинулись по кругу, обходя друг друга. Каждый пытался оценить противника, найти сильные и слабые стороны, проверяя его короткими стремительными атаками. Даризэл видел улыбку на тонких губах Маэндера; временами мейнец что-то говорил с насмешливым видом, но Даризэл по-прежнему не мог

разобрать слов. Маэндер кинулся вперед. Он ударил молниеносно, как атакующая кобра, но Аливер увернулся и подпрыгнул, пролетев над головой Маэндера. В полете принц взмахнул кинжалом, однако Маэндер отклонился назад — гибкий, подобно той же змее. Аливер опустился на землю в тот же миг, когда Маэндер, перекатившись, ловко вскочил на ноги.

Дариэл ошеломленно наблюдал за боем. Первые движения изумили его, а потом он и вовсе не мог разобрать, что происходит — так быстро двигались бойцы. Они кружились, атакуя все чаще. Кинжалы мелькали в воздухе, временами сталкиваясь друг с другом. Аливер взмахнул своим оружием, резанув Маэндера по суставам пальцев. Темп все нарастал. Двое мужчин превратились в размытые тени, вертясь с такой скоростью, что уже трудно было понять, кто где. Кто-то пустил противнику кровь, задев его плечо. Один из бойцов упал и откатился в сторону, потом поднялся на четвереньки. Дариэлу показалось, что это Аливер, но уже в следующий миг брат подпрыгнул в воздух, взлетев над тучей пыли и размахивая кинжалом так, что тот казался длинной размытой линией.

Наблюдая за схваткой, Дариэл почувствовал, что к нему возвращается надежда. Аливер благословлен. Как иначе он сумел бы отразить все нападения Маэндера? Аливер был быстрее, сильнее, более умелым, более совершенным и в защите, и в нападении. Его атаки, истинное произведение искусства, напоминали отточенные движения Формы, хотя не были ни одной из них. Да, вот оно! На глазах Дариэла создавалась новая Форма... Мэна права: здесь работает магия. И Аливер прав: он победит во имя отца. Брат завершит поединок, начавшийся много лет тому назад.

Не отводя глаз, Дариэл наблюдал за боем. Он по-прежнему едва мог разобрать, что же видит. Перед глазами мелькали тени и линии. Аливер поднырнул под руку Маэндера, избежав удара, который неизбежно должен был поразить его. Потом вскинул руку с кинжалом, собираясь взрезать живот Маэндера, как Королевский Долг взрезал брюхо антока... Однако случилось совсем другое. Маэндер напряг ноги и резко оттолкнулся от земли, высоко подпрыгнув. Аливер стремительно распрямился; лезвие кинжала скользнуло по животу Маэндера, разрезав ткань тальбы. Аливер встал во весь рост, стремясь завершить начатое движение и погрузить кинжал в плоть противника. Он увлекся, позабыв про оружие Маэндера у себя над головой. Маэндер перемахнул через Аливера и мягко приземлился на ноги; его рука опустилась принцу на плечо, а кинжал вошел в шею за ухом. Аливер вздрогнул, поняв, что пропустил удар, но было слишком поздно. Маэндер повел кинжалом вбок, взрезав шею и артерию на горле. Он остановил руку лишь после того, как кинжал оказался под подбородком Аливера, глубоко в его горле. И в тот миг, когда тело принца повалилось на землю, Маэндер нагнулся над ним, выхватил кинжал Аливера из его руки и поднял над головой, торжествуя победу. Он будто хотел усилить и без того мощный эффект, который произвело его деяние. Желал ощутить себя полным хозяином положения...

Дариэл метнулся вперед — вместе с толпой людей, кинувшихся к Аливеру. Он расталкивал их, отшвыривая с дороги и крича, чтобы его пропустили, хотя в поднявшемся шуме даже сам не мог услышать себя. Оказавшись подле брата, Дариэл подsunул под него руки, приподняв над землей. Пальцы тут же покрылись липкой влагой; тело Аливера было тяжелым и вялым. Боясь навредить, Дариэл действовал со всей возможной осторожностью. Он испугался, увидев, как безжизненно повисла голова Аливера. Проклиная себя за неуклюжесть, Дариэл попытался опустить тело обратно на землю, чтобы не сделать хуже, но напротив уже стояла Мэна. Она помогала Дариэлу держать Аливера, ее лицо, белое как смерть, было отмечено печатью горя. Горя, а не страха. Не озабоченности, не тревоги... горя.

Опустив взгляд, Дариэл вновь посмотрел на брата и лишь теперь понял все... Никогда больше Дариэл не сможет посмотреть на шею человека, не увидев там раны, от которой умер Аливер Акаран. Это было... слишком страшно. Слишком тяжело, чтобы вынести. Дариэл не знал названий чувств, которые поднялись в нем горячей волной; но что бы это ни было, принц не мог — и даже не пытался — удержать их в себе.

Дариэл встал. Взгляд принца обратился к Маэндеру и его людям, уходившим прочь от лагеря. Понадобилось несколько мгновений, чтобы отыскать их в толпе, которая неохотно

расступалась, освобождая дорогу маленькому отряду. Дариэл ощутил, что тысячи глаз устремлены на него. Он знал, чего ждут люди, и хотел того же, что и они. Принц чувствовал те же эмоции, и когда он стал центром внимания толпы, эмоции эти потекли в него со всех сторон. Ярость, гнев, ненависть бушевали в нем, стремясь вырваться наружу. Да, он хотел совершить преступление против чести. Хотел — здесь и сейчас, перед лицом тысяч свидетелей. Во имя Аливера он сделает то, что сам Аливер никогда бы не одобрил. Совесть станет его палачом на всю оставшуюся жизнь. Дариэл знал... но это не остановило его. Он открыл рот и произнес худшие из всех возможных слов. Глядя вслед уходящим мейнцам, Дариэл отринул все добродетели, которые так почитал брат. Он прошептал:

— Убейте его.

Никто не ответил. Тогда Дариэл возвысил голос, прокричав приказ так громко, как только мог. И на этот раз его услышали все.

Глава 67

Хэниш использовал транспортные суда своего личного флота и корабли мейнской знати, стремящейся внести посильный вклад в освобождение Тунишневр хотя бы на этом последнем этапе на пути к Акации. Переезд с материка на остров прошел без малейших затруднений. На острове корабли встали в доки. Хэниш разогнал рыбаков и купцов, приказав акацийцам не высовывать носа из нижнего города. В конце концов мейнцы расчистили себе место — несложная задача хотя бы потому, что порт был загружен гораздо меньше, чем обычно. В частности, там не оказалось ни одного корабля Лиги. Хэниш заметил это и потребовал объяснений, прежде чем двигаться дальше. Впрочем, опасности вроде бы не наблюдалось, а бесчисленные, вооруженные до зубов пунисари были готовы отразить любое нападение. Так что Хэниш приказал капитанам начинать разгрузку.

Спустя несколько часов первые саркофаги покинули доки и по наклонным пандусам начали подниматься к дворцу. Прежде чем покинуть порт, Хэниш немного понаблюдав, как саркофаги один за другим всплывают в ворота. Какое облегчение! Предки, наконец, в безопасности и направляются в специальные залы, построенные для них. Долгое путешествие заканчивалось; новое должно было начаться вскорости — может быть, даже завтра.

Едва Хэниш в сопровождении Халивена вступил на территорию дворца, секретари и помощники кинулись ему навстречу. Они обрушили на него множество новостей, тонны депеш и докладов; сотни разных дел ожидали внимания вождя. В числе прочего Хэниш получил наконец разъяснение относительно порта. Он был сравнительно пуст, потому что стоявшие там корабли Лиги ушли, а те, которые ожидались, не прибыли. Сэр Дагон внезапно уехал, не объясняя причин, и забрал с собой всех представителей Лиги, находившихся на Акации. Что-то произошло, но подробностей никто не знал. Не было даже полной уверенности, что Лига по-прежнему оказывает Маэндеру поддержку на море.

Последнее заявление обратило мысли Хэниша к последним событиям, и он спросил, как дела у Маэндера в Талае. Тут же в его руки легло последнее письмо от брата. Оно пришло сегодня утром. Начав читать, Хэниш вспомнил, что давно уже не может связаться с братом через мир снов. Он подозревал, что Маэндер сознательно блокирует его, не желая давать доступ к своим мыслям, что было возможно во время такого общения. Хэниш снова уткнулся в письмо, читая на ходу. Из него вождь узнал о гибели антоков. Послание принесла почтовая птица, а значит, это случилось по меньшей мере сутки назад.

Антоки нанесли акацийцам большой ццерб, писал Маэндер, однако не решили дело. Эти твари не так уж непобедимы, как они надеялись. А вдобавок Аливеру, похоже, помогает какое-то колдовство. Впрочем, Маэндер полагал, что это не так уж страшно, поскольку у него есть еще один план. Брат не уточнил деталей, и Хэнишу оставалось только гадать, что он придумал и чем это обернется. Он узнает не раньше, чем из-за моря прилетит следующая птица.

— Что-то Маэндер темнит, — сказал Хэниш, предъявляя письмо дяде.

Халивен молча прочитал его, потом кивнул в сторону дворца, словно говоря племяннику, что их сейчас ожидают более важные дела.

С той минуты, как Хэниш ступил на землю Акации, его не покидали мысли о Коринн. Он решил, что встретится с ней только вечером. Хэниш не сказал ей об этом: Коринн понимала все сама. Всякий раз, когда вождь возвращался после сколько-нибудь длительного отсутствия, накапливался миллион дел, которые требовали его внимания. На сей раз их было даже больше, чем обычно. Хэниш провел остаток утра и первую половину дня в своем кабинете, разгребая бумаги. Военные советники представили ему детальный отчет о войне в Талае и мятежах по всей империи. Хэниш отдал Маэндеру слишком много солдат, и потому провинции контролировались весьма посредственно. Оставшиеся там гарнизоны в основном состояли из местных жителей, а их верность под большим вопросом. Если Маэндер потерпит серьезное поражение, предупреждали советники, в Ошени, Кендовии и Сенивале вспыхнут бунты. А нюмреки не присоединились к Маэндеру; их не было на поле боя, и они не реагировали на приказы. Это не понравилось Хэнишу; он представить не мог, что стряслось с нюмреками, и надеялся, что они, может быть, еще появятся — хотя бы и с большим опозданием.

Впрочем, гораздо больше, чем нюмреки, Хэниша беспокоила растущая популярность Аливера Акарана. Принц был отличным лидером, умел увлечь за собой массы, а теперь он стал почти легендарной фигурой. Имя Аливера связывали с магией, с пророчествами, а после того как он первым убил антока, показав остальным пример, все это разрастется до невиданных размеров. Менестрели и сказители сочинят истории, которые мгновенно разойдутся по свету. Маэндеру будет трудно с ним тягаться, что бы он там ни придумал. Лучше всего, подумал Хэниш, было бы захватить всех Акаранов живыми. Провести их, закованных в цепи, по улицам каждого города в империи, чтобы люди увидели пленников собственными глазами. Это убьет легенду. Так всегда бывает, если легенда встречается с правдой в честном бою...

Одна приятная мысль во всем этом бардаке — Хэниш полагал, что его империя в безопасности. Пусть акацийцы думают, что они возобладали на поле боя. Их жалкие победы ничто. Никто не устоит перед мощью Мейна после церемонии. Если у Аливера и есть какая-то магия, вряд ли она способна сравниться с бурлящей яростью и мощью Тунишневр. Не исключено, что именно поэтому Лига столь поспешно убралась восвояси. У них был резон бояться той силы, которая вскоре вырвется на свободу. Прекрасно, подумал Хэниш, пусть боятся. Возможно, предки возьмут бразды правления миром в свои руки. Ему хотелось, чтобы так и произошло. Пусть они яростным вихрем пронесутся по провинциям, погасив в зародыше все мятежи. Пусть сэр Дагон со своей Лигой попытается встать у них на пути — если осмелится. А Хэниш с радостью отдохнет от забот и попытается забыть те вещи, которые ему нужно забыть.

По мере того как день клонился к вечеру, мысли Хэниша все чаще возвращались к Коринн. Наконец он резко поднялся и отослал помощников, сказав, что продолжит завтра утром, лишь попросил Халивена сопровождать его при осмотре церемониальной залы. После этого, решил Хэниш, он наконец-то пойдет к Коринн и проведет с ней последнюю ночь.

Зала строилась с первого года их пребывания на Акации. Монументальный проект, который разрабатывался втайне. Подземелья копали, все глубже вгрызаясь в камень под поверхностью восточного побережья острова — как раз под дворцом. Хэниш как мог старался соблюдать секретность, а потому привлек к делу необходимый минимум рабочих. Весь камень, выломанный внутри, они вытаскивали через вход и использовали его, чтобы расширить пристань и создать в море искусственный остров, куда было бы удобно причаливать кораблям Лиги. Камень пошел и на другие нужды, но никто официально не сообщал, откуда он взялся и что мейнцы копают там, под островом.

Нижний город полнился слухами о том, что строят глубоко в недрах земли. Укрепленное убежище. Пыточные камеры. Клетки, в которых будут выращивать чудовищ.

Залы наподобие Калатрока для военных игр и тренировок. Не важно, что думали люди; они так и не узнали истины.

В пещере Хэниш понаблюдал, как рабочие устанавливают последние саркофаги. Жрецы со строгими лицами надзирали за ними, а белый свет чисто вычищенных масляных ламп только подчеркивал суровость их черт. Залы воистину грандиозны; они были устроены в соответствии со своим предназначением и напоминали усыпальницу залы в Тахалиане. Там саркофаги стояли в нишах, поднимаясь ярус за ярусом; нечто подобное требовалось создать и на Акации. Именно здесь Тинадин произнес свое проклятие, и только здесь оно могло быть снято. Ниши, вырезанные в граните, отшлифованные и отполированные, казались огромными каменными сотами. Когда предки снова начнут дышать и шевелиться — впервые после многих лет, десятилетий или веков, — они смогут прикоснуться к древнему камню, на котором воздвигли свой дворец древние Акараны.

В центре зала стоял скейтвитский камень — огромный базальтовый блок, сгусток такой непроницаемой черноты, что, казалось, он засасывает свет в свои темные глубины. Это был камень, вырезанный из тела Черных Гор высоко на плато Мейн. Предков Хэниша заставили принести его в дар Акаранам, чтобы помочь тем выстроить великую стену, защищающую Алесию. После победы Хэниш вынул блок из стены и перевез сюда. Теперь он станет алтарем, на который прольется кровь Акаранов. Все идет как надо...

Хэниш напомнил себе об этом, проговорил как молитву очищения, но не мог ничего с собою поделать: перед мысленным взором стояла Коринн — такая, какой она будет завтра. Церемония уже пройдет до половины, и Хэниш произнесет древние слова, подсказанные предками, когда к нему приблизится Коринн. Изящная, гибкая, прелестная — она подойдет, веря, что должна отдать лишь несколько капель крови и тем самым принести предкам вечный покой. Хэниш посмотрит ей в лицо и ободряюще улыбнется, оттягивая момент, когда Коринн все поймет. Однако он неизбежно наступит. Хэниш возведет Коринн на алтарь, поставит ее над чашей, куда польется жертвенная кровь. Он сделает вид, что намерен сделать небольшой разрез, но... Момент настанет. Принцесса догадается, что нужна не только ее кровь, но и жизнь. Она увидит это в его глазах или жестах, услышит в дрожащем голосе. Хэниш был уверен: Коринн не пойдет на смерть покорно, без сопротивления. Хэниш представлял, как она борется с ним, пытается оттолкнуть его, не позволит прижать себя к камню. Как проклинает его, раздирает ногтями лицо, старается вцепиться в глаза. Что она скажет ему? Хэниш мог придумать тысячу оскорблений, и все они были заслуженны.

Стоявший рядом Халивен отвлек его от тяжелых мыслей.

— Хотел бы я, чтобы можно было отыскать другой путь, — проговорил он, — но его нет. Есть вещи, которые невозможно изменить. Я по крайней мере знаю, как ты старался найти остальных и как много ты отдал Тунишневр. Именно ты избран для великой миссии, потому что у тебя хватит сил ее завершить.

Хэниш почувствовал, как к горлу подступает ком, мешая дышать. Он знал, что дядя пытается помочь, но сейчас эти разговоры были совсем не ко времени.

— Оставь меня, — бросил он.

Потом возвысил голос, крикнув рабочим, чтобы вышли из зала. Сел, ожидая, пока все выйдут вон, не обращая внимания на недовольные мины жрецов. Когда в зале повисла гулкая тишина, донесся тихий звук, похожий на стук сердца, — биение жизни Тунишневр. Глаза Хэниша затуманились, кровь прилила к щекам. Он быстро заморгал, сконфуженный потоком льющих слез. Хэниш стер их тыльной стороной ладони, боясь, что кто-нибудь заглянет в залу и увидит его, но слезы набежали вновь. Все началось с размышлений о Коринн, хотя дело было не только в ней. Боль при мысли о смерти Коринн переплеталась со страхом перед той силой, которую придется выпустить на свободу. Тунишневр. Сонм злобных духов, пылающих яростью и жадной мести. Как же Хэниш боялся их! Как они были ему омерзительны! Он прожил всю жизнь, кланяясь им и выполняя их замыслы, и вскоре встретится с ними лицом к лицу. Они придут на землю во плоти, оживленные с помощью слов искаженного языка Дающего.

В те времена, когда Хэниш был мальчишкой, отец часто водил его в подземную усыпальницу Тахалиана. Хеберен прижимал сына лбом к холодному полу и заставлял лежать там распростертым на ледяных плитах по несколько часов кряду. А потом уходил, оставляя мальчика одного. Говорил, что он должен научиться слышать голоса предков. Только если Хэниш сумеет услышать их, он сможет служить Тунишневр. А в служении им состоит смысл жизни... Как же ему было страшно! Мальчишка, оставленный один в темноте; злые крики духов в тишине подземной гробницы; сотни трупов, окружающих его, — существ живых и мертвых одновременно. Хэниш едва дышал, зная, что с каждым вдохом он принимает в себя частицу Тунишневр. Что ж, он слышал их, слышал великолепно. Тем или иным образом Хэниш слышал предков каждый день своей жизни.

Еще ребенком он задавался вопросом: почему предки так хотят вернуться на землю? Если жизнь только прелюдия к смерти и если живущие — лишь слуги ушедших, почему тогда эти старые люди так отчаянно жаждут возродиться во плоти? Этот вопрос четко сформировался у него в голове не то на восьмом, не то на девятом году жизни. Впрочем, Хэниш так никогда и не произнес его вслух. Он боялся, что если задаст его, то на свет вылезет большая ложь, которая не понравится предкам и в некий день сильно помешает ему жить. Теперь, через три десятка лет, был ли у него иной выбор, кроме как потворствовать лжи? Хэниш делал это всегда. Всю свою жизнь. Если не освободить Тунишневр, если не выполнить свою миссию — окажется, что он жил зря. Осознав это, Хэниш понял: он выполнит миссию. Доведе́т дело до конца. Халивен был прав: избрав его, Тунишневр не ошиблись.

К тому времени как Хэниш покинул залу, лицо его было каменно-спокойно, а глаза сухи. Он еще не знал, что в скором времени слезы прольются снова...

Секретарь столкнулся с Хэнишем на лестнице, на полпути к поверхности. Молодой мейнец вытащил из кармана свернутый листок бумаги. Письмо только что прилетело с почтовой птицей, сказал он. Прямо из Бокума.

— От моего брата? — спросил Хэниш.

— Нет, — отозвался секретарь. Его голубые глаза были круглыми и перепуганными. — Не от него, но о нем. Тут говорится о двух смертях. — Он протянул дрожащую руку с запиской. — Пожалуйста, господин... лучше прочтите сами...

Некоторое время спустя Хэниш вошел в свои покои и увидел Коринн. Услышав его шаги, принцесса подняла взгляд, встала и пошла ему навстречу — прекрасная, как и всегда. Платье облегалo тело, длинный шлейф волочился по полу, крохотные бубенцы позвякивали в такт шагам. Хэниш знал, что ему не стоило приходить к ней сегодня. Он законченный негодяй, трус и лжец. Коринн назвала бы его так, если бы знала правду, если бы знала его таким, каков он на самом деле. Хэниш знал — но сжал ее в объятиях. Услышал собственный голос, рассказывающий последние новости. Хэниш говорил, как скучал по ней, как долго ждал этого момента и как он рад, что миг наконец-то настал. Им будет хорошо вдвоем. Они разделят горе и радость... В сердце принцессы еще нет ненависти к нему, потому что сейчас только они двое в целом мире могут понять всю меру скорби, которую испытывает каждый из них.

Так думал Хэниш — и старался забыть, что завтра он убьет Коринн.

Глава 68

— Как ты мог умереть? — спрашивала Мэна в сотый раз. Поздним вечером, в день поединка Аливера и Маэндера, она сидела на своем одеяле в походном шатре. Вечер был тих — ни дуновения в теплом воздухе. Ни ветерка, чтобы освежить лицо. Мэна стиснула медальон в виде угря, не зная, вцепиться в него покрепче или сорвать и отшвырнуть прочь. Рядом беспокойно дремал Мелио. Он лежал лицом вниз, одной рукой стиснув лодыжку Мэны. Хватка была твердой, пальцы не разжимались, словно они бодрствовали, даже если

сам Мелио спал.

— Как ты мог умереть?

Мэна говорила тихо, не желая тревожить Мелио. Они вдвоем оставались в шатре уже довольно давно. Мэна задавала один и тот же вопрос, а Мелио шептал ей на ухо все новые и новые слова утешения, раз за разом вытаскивая Мэну из колодца горя, куда она так упорно пыталась провалиться. В последние два дня между ними происходило что-то вроде странного, сумбурного романа. Они не говорили о письме, которое Мэна написала Мелио. Обоим было просто не до того. Однако слова, написанные в нем, никуда не исчезли — как и тот факт, что Мелио переплыл море с отрядом, который ухитрился сколотить буквально из ничего. Переплыл море, следуя за ней. Если когда-нибудь для них настанут мирные времена, Мэне не придется далеко ходить, чтобы отыскать свою любовь. Сейчас, однако, эта любовь находилась по ту сторону зловещего, непредсказуемого «если».

Часы, минувшие с момента смерти Аливера от руки Маэндера, были самыми тяжелыми в ее жизни. А этот день — самым страшным испытанием. У Мэны не было ни малейшей возможности отомстить за убийство брата. Время не медлило, чтобы подстроиться под нее; все случилось слишком быстро, и Мэна не успела сориентироваться. Едва Даризэл отдал приказ, на Маэндера и его товарищей набросились все. Мэна же оставалась с Аливером, баюкая его, стараясь думать только о нем, хотя и слышала, что происходит вокруг. Мейнцы сражались отважно. Они встали в круг, спинами друг к другу, а вокруг кипело человеческое море. Бесчисленные талайцы, акацийцы, ошенийцы и прочие воины из разных уголков Изученного Мира — все обратились против них. Маэндер шутил и смеялся им в лицо, обзывал их бесчестными ублюдками, шлюхами, сукиными детьми. Его слова были так же остры, как меч, они кололи и резали не хуже стали. Мейнцы убили очень многих, но в конце концов их задавили массой. Мертвые тела, уже истерзанные и изуродованные до крайности, рубили, кололи и кромсали снова и снова. Казалось, каждый хотел омыть свой клинок в крови Маэндера, наказать его за то, что он сделал, и позабыть слова, которые он сказал. Мэна не хотела всего этого слышать, не хотела думать, что Даризэл был там, среди них, наказывая мертвое тело за свои страдания и растерянность.

Впрочем, воевать с мертвецами акацийцам пришлось недолго. Едва страсти утихли, как раздались крики тревоги. Воспользовавшись замешательством и суматохой, мейнская армия прошла по равнине, никем не замеченная. Смерть предводителя привела мейнцев в ярость. Они кинулись вперед, крича о мести. Мейнцы уже знали о гибели Маэндера и о вероломстве акацийцев. Как новости могли донестись до них так быстро? Ведь все произошло лишь минуты назад! Должно быть, Маэндер предупредил своих генералов заранее, когда ушел из лагеря нынче утром. Он предвидел все, что должно было произойти. Мейнцев вели в бой ярость и негодование, они сражались с неистовством, какого еще не видели акацийцы за все дни их боев. Маэндер мгновенно превратился в героя. В мученика. И все произошло в полном соответствии с его словами: мучеников ценят дороже, чем живых...

Отдав приказ защищать тело Аливера, Мэна схватила оружие и кинулась навстречу врагу. Она, Даризэл, Лика Алайн и другие генералы старались привести свою армию в порядок и достойно встретить противника — тщетно. Солдаты утратили уверенность в себе. Они пытались выполнить приказания, но боевой дух армии был не на высоте. Люди испугались и растерялись, поняв, что Аливер не поведет их к победе. Король Снегов мертв. Он не выполнит своих обещаний, не даст им свободы и мира, не вычистит империю праведным мечом. И если он не способен этого сделать — как сумеют они?..

Битва кипела прямо среди шатров, над лагерными кострами, вокруг отхожих ям и складов продовольствия. В какой-то момент Мэна бросила попытки объединить солдат и ни о чем не думая кинулась в бой. Она ворвалась в ряды мейнцев, пылая жаждой убийства. Ярость полыхала в ней, кипела и бурлила — ослепляющая, всепоглощающая. Мэне казалось, что если она остановится хоть на секунду, ее разорвет изнутри. Она сражалась старым мечом, который вернул ей Мелио. Клинок вращался вокруг девушки, будто живая собственной жизни и следуя собственным смертоносным целям. Мэна лишь следовала за

ним, все глубже врубаясь в ряды врага. Она знала, что сейчас ей лучше держаться подальше от своих: Мэна убивала слишком быстро, не успевая разобрать, друг перед ней или враг.

И хотя ярость гнала ее вперед, она не чувствовала радости от убийства. Наоборот. Это была кошмарная битва. Везде и во всем вокруг Мэна видела Аливера. Она рубила и резала, отсекала конечности, вспарывала животы, выпуская кишки — и в каждом убитом была частичка брата. Мэна знала, что убивает врагов — его врагов! — и все же он был здесь, во всех этих людях. В отрубленных руках, в озлобленных лицах, в остекленевших глазах и криках боли. Это сводило Мэну с ума. Она налетала как буря, безжалостно убивая и думая, думая, думая о брате. Мертвые тела, оставленные за спиной, исчислялись многими дюжинами. Если бы клинок Мэны не был откован из лучшей стали, он бы затупился или сломался еще до исхода дня. Но и к закату меч был по-прежнему остр; он без труда раскраивал черепа и проходил сквозь мышцы и кости, как через мягкое масло.

Наконец мейнцы отошли. Они не были побеждены, их даже не потеснили. Напротив. Глядя на акацийский лагерь и груды убитых солдат, мейнцы не сомневались, что завтрашний бой решит дело в их пользу. Халали приняли на себя удар мейнцев первыми. Воины Обадала полегли все до последнего. Тяжелая потеря. Даже те племена, которые враждовали с халали, боялись или ненавидели их, за время войны научились уважать этих отважных, гордых бойцов. Теперь все они были мертвы.

Келис, друг Аливера, получил удар копьем в живот и сейчас лежал в шатре, страдая от невыносимой боли. Никто не знал, дотянет ли он до утра. И сколько еще умрет за ночь? А сколько дезертируют, разбегутся по домам, жалея, что вообще ввязались в это смертоубийство?..

Когда Мэна возвращалась, руки ее дрожали. Подгибались колени. Она вся с ног до головы была покрыта засохшей кровью. Шагая по полю, Мэна ощущала на себе взгляды солдат. Даже Даризэл, который отдал приказ совершить бесчестное убийство, смотрел на нее в испуге. Может быть, они наконец-то увидели истинный облик Мэны? Ей хотелось заорать на них: ну что вы пялитесь?! да, я убийца! я Майбен! ярость — мое истинное лицо!.. Мэна шла среди трупов, зная, что каждый мертвец в поле зрения — дело ее рук.

Вечером пришел Мелио — обнял Мэну, укачивая как ребенка, шепча слова утешения. Мало-помалу она успокоилась, поверила, что там, на поле, не убивала снова и снова. Мэна помнила, как оббивала руками окровавленное тело брата. Оно было таким горячим; жар струился из него как из печи. Мэне казалось, что она чувствует в воздухе запах гари. Ей вспоминался жуткий момент, когда она прикоснулась к ране на шее, пытаясь понять, насколько та глубока — и почудилось, будто она в самом деле сунула пальцы в открытый огонь. Странное воспоминание; каждый раз, когда Мэна возвращалась к нему, она заново ощущала невероятную мягкость обнаженных тканей. Никогда прежде она не прикасалась ни к чему столь же мягкому, такому же нежному... и вместе с тем Мэна испытывала жуткое отвращение. Отчего-то казалось, что это ее пальцы нанесли страшную рану, что они могут резать так же легко, как клинок.

Все это было прежде. Теперь Мелио дремал в шатре, держа Мэну одной рукой, защищая ее даже во сне... Что за странная мысль? Неужели ей может понадобиться защита?.. Тело отчаянно хотело спать, но она не могла себе этого позволить, боялась, что ее бессознательный разум выкинет что-нибудь ужасное. Непоправимое...

— Как ты мог умереть? — снова спросила она.

В наступившей тишине пришло еще одно воспоминание. Разговор, который состоялся у них с Аливером перед поединком. Брат отвел ее в сторону, когда они вышли из шатра после совета, дождался, когда все остальные отойдут на приличное расстояние, а потом посмотрел Мэне в глаза.

— Если я умру, — сказал он, — сохрани Королевский Долг. Отдай его Даризэлу, когда решишь, что пришла пора. Я хочу, чтобы он забрал его. Тебе ведь он не нужен, верно, Мэна? Ты создала собственный легендарный меч. — Аливер улыбнулся. — И еще одно... это очень важно. Возможно, тебе придется вызвать сантот...

Мэна запротестовала было, но Аливер не дал ей договорить. Она должна быть готова, сказал Аливер. Если он умрет, все ляжет на ее плечи — ее и Даризэла. Даризэл обладает огромной внутренней силой, но он слишком эмоционален. Даризэл еще мальчишка, он не умеет контролировать свои чувства и быстро выпускает их наружу. Лишь Мэна может сосредоточиться и заглянуть за бурю, чтобы послать зов сантот.

— Но я не знаю, как это делается! — возразила Мэна.

Аливер улыбнулся.

— Научишься, когда придет время. — Он помолчал. — Я не собираюсь покидать вас сегодня, Мэна, но если так получится... и если наше дело окажется на грани провала — позови сантот. Поговори с Нуало. Он один из них. Очень хороший человек.

— А как же «Песнь Эленета»? — спросила она.

Аливер печально посмотрел на сестру.

— Не знаю. Думаешь, я разбираюсь в том, как все это делается? Вовсе нет. Хотелось бы мне, чтобы у нас была эта книга, но я позову сантот даже без нее. А потом... видно будет.

А после Аливер ушел на поединок и уже не вернулся...

Как он сказал? «Видно будет»? Разве можно обращаться с подобными силами мира столь легкомысленно и беспечно? Аливер говорил, что общается с сантот, но никогда не рассказывал об этом достаточно подробно, чтобы Мэна могла попробовать сама. Нужно открыть разум. Сперва требуется достичь спокойного медитативного состояния, освободив сознание от всех мыслей и думая только о тех, с кем хочешь связаться. Зов отделяется от тела, говорил Аливер, и ищет путь по собственному разумению. Это может занять много времени, но в конце концов в голове слышатся голоса, отвечающие на призыв. Сантот разговаривают словно бы изнутри, объяснял Аливер. Они даже могут читать мысли, хотя, как правило, сперва нужно сформулировать фразу, сосредоточиться и передать ее. Для такого общения нужно терпение, вера...

Да, Аливер так сказал. Нужна вера. То самое слово, которое Мэна прошептала на ухо Даризэлу. Но смерть Аливера доказала несостоятельность веры, ее бессилие. Может, так и есть, а может, это работает только во времена бедствий — великих несчастий, когда все иные средства бесполезны. Что ж, если так — случай как раз подходящий. Утром мейнцы их всех перережут. Они уже победили; завтра будет просто зачистка захваченной территории. А раз так, нужно опробовать веру еще раз. В конце концов, Мэна пообещала Аливеру, что постарается...

Принцесса огляделась по сторонам, будто ища какие-нибудь предметы, которые могли помочь ей. В конце концов она просто села поудобнее, прижала большие пальцы к медальону-угрю и закрыла глаза.

Мэна попыталась успокоить разум и отринуть ненужные мысли. Не так-то просто избавиться от нагромождения кровавых картин дневного сражения, забыть о мертвом Аливере и поединке, когда все еще было возможно исправить... Да, Мэна отвлеклась. Задумалась о ненужном. Подобные вещи, казалось, только и ждали, чтобы напасть на нее из засады. «Оставь эти вещи позади, — сказала она себе. — Очисти разум. Думай только о сантот». Мэна не могла представить себе чародеев, поскольку никогда не видела их. Она попыталась определить местонахождение их энергии. Мэна вообразила ее в виде точки света в пустом небе, потом как намек на тепло в окружающем холоде, потом — как жизнь, пульсирующую в тихой вечности. Все это Мэна искала внутри своего разума, но ей казалось, что подобные вещи — не более чем ментальное упражнение. Они оставались в ней, не выходя наружу, в мир. Тем не менее Мэна держалась за них, как могла.

В какой-то миг она поняла, что нашла точку тепла, бьющейся жизни. Нет, не нашла... она создала ее. Мэна сосредоточилась на ней и подносила все ближе, и ближе, и ближе, пока тепло не оказалось внутри нее, в самом центре. Мэна попыталась сформулировать мысль и вытолкнуть ее наружу, но в голове было слишком много разных вещей, которые следовало сказать. Мэна не могла сжать их до одной фразы. Тогда она взяла их все вместе — все свои страхи, надежды, желания, стремления и мечты; все ужасы недавних дней, сцены кровавой

бойни, антоков, поединок, смерть и страдания, ожидающие их утром. Она крутила их перед собою, как мяч, и толкала к свету. Если сантот способны понять все, что угодно, они поймут и это.

Решив, что она сделала все возможное для передачи послания, Мэна принялась слушать. Ждать. Искать ответ в тишине. Казалось, этому не будет конца, но она ждала — не зная, что еще можно предпринять. Просто ждала ответа.

Ответа не было.

Мэна открыла глаза, когда рассветный свет наполнил шатер. Она удивилась, поняв, что уснула, и села на одеяле. Мелио зашевелился возле нее. Снаружи слышались звуки просыпающегося лагеря. Кто-то прошел мимо — зашуршал песок под ногами. Мэна поняла, что Мелио больше не держит ее за лодыжку, и ей стало грустно.

Миг спустя вчерашний день хлынул в нее — воспоминания обо всем, включая и попытку вызвать сантот. Мэна старалась, потому что Аливер просил ее, но не получила ответа. Она слушала так напряженно и долго, что, в конце концов, провалилась в сон. Вот и все. Мэна даже не знала, сумела ли она на самом деле отправить послание. Возможно, она просто вообразила себе этот свет, нафантазировала что-то, сидя в шатре рядом с Мелио накануне последней битвы. Похоже, подумала Мэна, у нее ничего не вышло. Она старалась, но этого оказалось мало. Кажется, согласившись на поединок с Маэндером, Аливер совершил не одну ошибку, а целых две.

Реальность обрушилась на нее. Сегодняшний день уже настал, и вскорости все решится. Что ж, может быть, это не так и плохо? По крайней мере Мэна понимает, как она умрет. Маэндер точно знал, что произойдет с ним, и потому был так спокоен и уверен в себе. Он кивнул ей незадолго до поединка, но Мэна лишь теперь поняла, что хотел сказать мейнец. Он предрекал свое будущее. Нужно было снести ему голову с плеч в ту же секунду. А вместо этого Мэна позволила Маэндеру контролировать их мир, так что всем пришлось играть по его правилам... Вот когда она совершила первую ошибку.

Или дело вовсе не в этом? Мэна совершала ошибки и раньше, но не только они одни имели значение. Много что следовало бы изменить годы тому назад. Нет, не годы... десятилетия и века. Еще в те времена, когда Дающий ходил по первозданной земле. Кому-нибудь следовало пристукнуть Эленета, прежде чем тот совершил свою кражу. И если так, то не Дающий ли — главный виновник? Ведь это было его творение. Именно на него Мэне хотелось обрушиться с гневными обвинениями. Почему он допустил такое? Еще не успела высохнуть роса творения, как он позволил собственным детям предать себя! И почему ему наплевать на тех, кто теперь стремится сделать мир правильным и изничтожить все мерзости и грязь на земле? Мэна боялась этого вопроса. Он мог перевернуть все с ног на голову. Возможно, окажется, что она сама дерется вовсе не за праведное дело. Убийца, так легко впадающая в ярость, такая искушенная в кровавой резне. Может, Хэниш Мейн не более ужасный злодей, чем она сама? Может, и нет разницы между добром и злом?..

Чья-то рука откинула полог шатра, и поток света на миг ослепил Мэну. А потом она услышала голос Лики Алайна — странно испуганный, что никак не вязалось со старым генералом:

— Принцесса, идите сюда! Вы должны это увидеть. Что-то происходит.

Глава 69

Риалус Нептос был хлипким, миниатюрным человечком. Это было особенно ясно видно, когда он стоял рядом с воинами нюмреков — высокими, широкоплечими, мускулистыми. Твердые узлы мышц перекачивались под их красноватой кожей. А Риалус... Хорек в компании волков. Каждый из нюмреков, согнувшихся в три погибели под низким потолком подземного туннеля, мог схватить Риалуса за шею и за один миг вытряхнуть из него жизнь. Если бы Коринн не требовался переводчик, дабы разъяснить нюмрекам задачу,

возможно, она попросила бы их сделать именно это. Как странно, подумала принцесса, что ее судьба зависит от таких сомнительных союзников.

Коринн редко доводилось встречаться с нюмреками. За девять лет своей жизни при дворе Хэниша она несколько раз сидела рядом с ними на банкетах. Но лучше всего Коринн запомнились переговоры, состоявшиеся вскоре после того, как ее захватили и вернули на Акацию. Тогда она видела нюмреков первый раз. Их кожа была бледной, даже, пожалуй, голубоватой. Они напоминали подземных жителей, внезапно оказавшихся под солнечным светом. Да, те нюмреки сильно отличались от ладных темнокожих созданий, каким они стали теперь. Коринн едва поверила, что перед ней одни и те же существа, но она помнила их манеру держаться, их тела — мускулистые и жилистые одновременно, и их большие головы с темными волосами. Тогда Коринн яростно ненавидела их. С тех пор ничего не изменилось, но ее чувства не имели значения. Только дело.

Еще несколько часов назад она лежала в постели рядом с Хэнишем, держа его за руку и слушая спокойное дыхание спящего любовника. В эту ночь они любили друг друга — неумолимо, страстно. Их обнаженные тела стали скользкими от пота и слез. Коринн тяжело дышала, прижавшись к Хэнишу, а он снова и снова повторял ее имя. А перед тем как предаться страсти, они просто лежали, обнявшись, и каждый старался поддержать другого в его горе. Известие о гибели братьев настигло их одновременно. Горькая ирония! Аливер и Маэндер — смертельные противники, чья вражда убила их обоих. Коринн и Хэниш — любовники, пытавшиеся сделать вид, что война за стенами дворца не имеет значения для их отношений...

Впрочем, все это было раньше, еще до рассвета. На самом деле, конечно, война имела значение, и Хэниш знал это — как знала и сама Коринн. Она рассталась с ним несколько минут назад, одарив Хэниша долгим, страстным поцелуем и пожелав успеха на церемонии освобождения предков. Пора, сказала Коринн, начать исцеление, прекратить безумную войну, положить конец старым распрям между народами. Пришло время отдать дань уважения мертвым. Коринн пообещала Хэнишу, что приготовится и присоединится к нему, но вместо этого пошла в свою комнату, заперла за собой дверь и выскользнула через тайный проход, о котором рассказал Таддеус. Она нашла Риалуса и нюмреков именно там, куда велела им прийти — в подземном туннеле, ведущем к дворцу.

Да, они действительно были здесь. Стояли под темными сводами — облаченные в доспехи и при оружии. Их зловонное дыхание портило и без того спертый воздух. Коринн ощутила укол панического страха при мысли о том, что она делает. Однако принцесса справилась с ним, подумав о предательстве Хэниша, о том, что он планирует ее смерть. Коринн повторила клятву: она никогда и никому не позволит распоряжаться своей жизнью. Принцесса убедила себя, что должна отомстить за брата, и вспомнила чудесные обещания «Песни Эленета».

Риалус исполнял обязанности переводчика. Он представил Коринн предводителя нюмреков. Калрах смерил девушку взглядом, и на его лице появилось удивленное выражение. Он что-то сказал; это вызвало оживление среди его воинов. Риалус недоуменно взглянул на Корини.

— Принцесса, — сказал он, — это правда, что вы носите ребенка? Я едва ли могу сказать, но нюмреки... у них нюх на такие вещи.

Коринн не собиралась обсуждать это. Усилием воли она подавила желание прикоснуться ладонями к животу. Оставив без ответа вопрос Риалуса, Коринн обернулась к предводителю нюмреков.

— Калрах, сколько с тобой воинов?

Риалус перевел ее слова, а затем слова Калраха:

— Две сотни.

— Две сотни? — переспросила Коринн. — Я писала, что мне нужен отряд, чтобы захватить весь дворец и часть нижнего города. А ты привел мне две сотни?

— Принцесса, я сделал все, что мог, — отозвался Риалус. — Поразительно, как нас

вообще не заметили. Вы знаете, как трудно было перетащить двести нюмреков по морю в маленьких лодках? Пусть даже и под покровом ночи. Малейшая оплошность — и все планы пошли бы насмарку. Хотя должен заметить: этот проход — нечто невероятное! Подумать только! Он был здесь сотни лет. В любой момент враги могли невозбранно проскользнуть в сердце Акации, если бы только знали путь... — Заметив, что Коринн нетерпеливо поджала губы, Риалус свернул в нужное русло: — В любом случае двести нюмреков — вполне достаточно, чтобы захватить дворец изнутри. Их очень трудно убить.

— У Хэниша здесь целая армия. В том числе пунисари. Их тоже убить непросто.

Калрах, раздраженный тем, что не участвует в беседе, нетерпеливо подтолкнул Риалуса. Человечек заговорил с нюмреком на его текущем языке. Калрах усмехнулся. Казалось, слова Коринн, переданные через Риалуса, позабавили его. Он что-то сказал, покачивая головой.

Нептос перевел:

— Пунисари не проблема. Калрах сказал, что захватит дворец через пару часов. Уборка, говорит он, займет больше времени, чем сама атака.

Коринн посмотрела в большие глаза нюмрека с радужками цвета янтаря. Она никогда не замечала этого прежде. Они были почти привлекательными, если заглянуть поглубже. Так странно стоять здесь, под землей, и спокойно разговаривать с Калрахом о подобных вещах. Нюмрекам необязательно ненавидеть, чтобы убивать. Да, они недовольны Хэнишем и его людьми, считают себя обиженными, но они не участвовали в борьбе, растянувшейся на много поколений. Коринн знала, что нюмрекам все равно, кто стоит у власти, пока они получают свою выгоду. Это подходило принцессе как нельзя лучше. Нюмреки не имеют политических убеждений, идеологии, сложных принципов. Они просты и честны в своей алчности. Понятный мотив — и понятные вещи, которые они просили у Коринн в обмен на помощь. С такими людьми легко иметь дело. Всегда знаешь, что они не предадут тебя, пока получают все, что им нужно.

— Итак, вы сумеете захватить дворец? — спросила она. — Вы уверены?

Калрах сказал, что на войне никакой уверенности быть не может, затем ухмыльнулся и прибавил:

— Никакой, кроме победы нюмреков.

Он огляделся вокруг, ища одобрения своих людей. Те одобрительно заворчали, подтверждая слова вождя. Ответили все — даже воины, стоявшие дальше всех в коридоре, которые отсюда казались просто смутными тенями. Каждый желал, чтобы его слышали.

— Не вступайте ни с кем в переговоры, — сказала Коринн, когда нюмреки утихомирились. — Вы провалите все дело, если...

Калрах перебил ее. Он произнес несколько фраз, а потом Риалус перевел:

— Он говорит, что они убьют их всех.

— Это все, что он сказал?

Риалус усмехнулся.

— Основная суть. Еще Калрах описал методы и способы убийства, но я не думаю, что они вас интересуют.

Вновь обернувшись к Калраху, принцесса проговорила:

— Убейте всех. Всех и каждого, не раздумывая. Никакой жалости, никакой пощады. Не слушайте мольбы. Убейте всех, кроме самого Хэниша. Этого оставьте в живых — для меня.

Выслушав распоряжения, Калрах пожал плечами. Нет проблем, сказал он. Хэниш его больше не интересовал. Однако прежде чем уйти, Калрах попросил принцессу подтвердить ее обещания. Коринн подтвердила, и предводитель нюмреков ухмыльнулся; его зубы блеснули в свете факелов.

— Меня все устраивает. Но как я узнаю, что ты сдержишь слово?

— Можешь быть уверен, — откликнулась Коринн, — потому что мы с вами хотим одного и того же. То, что вы получите — не просто награда за помощь. Это в наших общих интересах.

Услышав перевод, Калрах некоторое время рассматривал принцессу. Его взгляд был оценивающим, пристальным — и вместе с тем равнодушным.

— Пожалуй, с тобой иметь дело выгоднее, чем с Хэнишем. Поэтому ты получишь свой дворец обратно. И, как ты просила, мы никому не скажем, что ты нам пообещала. Это будет нашей тайной, верно? Между принцессой Коринн и нюмреками. Никому больше не надо знать — до времени...

Коринн посторонилась, пропуская отряд. Нюмреки один за другим прошли мимо нее. Они казались огромными — и очень шумными. Кожаные штаны скрипели при каждом шаге, оружие и доспехи гремели. Многие переговаривались на своем странном языке. Некоторые поглядывали на Коринн; на завешенных волосами лицах принцесса видела ухмылки. Когда Риалус сообщил, что нюмреков всего две сотни, Коринн решила, что это очень мало. Теперь же, когда они шагали мимо, один за другим исчезая в темноте туннеля, процессия казалась бесконечной.

Наконец нюмреки ушли. Гулкая тишина подземелий, грубо изгнанная прочь толпой шумных воинов, вернулась в свои владения. Риалус остался рядом с Коринн, нервно ерзая, то и дело прочищая горло, словно вот-вот собирался заговорить. Принцесса не обращала на него внимания. Ею снова овладели сомнения. Тугой ком возник в животе, поднялся к груди, выдавливая воздух из легких. Коринн задрожала. Принцесса до сих пор не могла поверить в происходящее. Неужели она — она сама — затеяла все это? Коринн не могла этого постичь. Казалось, будто потолок давит на плечи, пригибая ее к земле. Принцесса подняла глаза, подозревая — вопреки любому здравому смыслу, — что он действительно опускается вниз. Она впервые заметила странные резные изображения на стенах — непонятные создания, полулюди-полужвери. Неужели люди когда-то и в самом деле так выглядели? Неужели это — ее далекие предки?

Риалус вторгся в ее мысли, наконец осмелившись заговорить:

— Могу я спросить, принцесса, как вы узнали об этих туннелях?

— Таддеус Клегг, — услышала Коринн собственный голос.

— Клегг? — с тревогой переспросил Риалус. — Старый предатель здесь, во дворце? Ему нельзя доверять, вы же знаете. Что он...

— Он мертв, Риалус. И никого больше не предаст. «Таддеус покинул нас, — подумала Коринн, — но подарок, что он принес мне, остался». Однажды, когда она научится использовать его, Коринн сделает очень много всего. Хороших вещей. Благостных вещей. Тогда ей не придется убивать. Не придется искать союзников среди...

— Ладно, могу я спросить, что вы собираетесь делать дальше? Вам ведь нужно не то же самое, что вашему брату. Его больше нет, как ни жаль, но остались Мэна и Дариэл. Что будет, когда...

Коринн повернулась к Риалусу и шагнула к нему — достаточно резко, чтобы человек испуганно попятился. Его страх помог Коринн взять себя в руки.

— Нет, Риалус, ты не можешь спросить. Мы будем разговаривать, только если мне понадобится что-то узнать. Только так. Понимаешь? Ты мне нужен, но я не питаю насчет тебя никаких иллюзий. Ты такой же, как нюмреки. Как и они, ты будешь мне верен до тех пор, пока я могу дать то, что ты желаешь. Мейнцы сдерут с тебя кожу заживо. Мои брат и сестра кинут тебя в тюрьму как предателя. Только со мной у тебя есть шанс воплотить мечты. Или ты сомневаешься в этом?

Нептос не сомневался.

— Хорошо. Я пообщаюсь со своими родственниками, когда придет срок. Я люблю их, разумеется. Они любят меня. А ты не впутывайся.

Коринн замолчала. Где-то в отдалении раздались приглушенные крики тревоги и лязг оружия. Расстояние скрадывало их, они казались тихими, почти призрачными. Такие звуки и не заметишь, пока не начнешь прислушиваться. Коринн была наслышана о том, как сражаются нюмреки, чтобы представить сцены, которые происходили сейчас во дворце. Нюмреки лавиной мчатся по коридорам. Они появились в самом сердце дворца, совершенно

неожиданно, вызвав панику... Несутся из комнаты в комнату, размахивая боевыми топорами, отрубая руки и раскалывая черепа, копьями припиливая людей к стенам, пронзая мечами, не щадя никого.

Коринн прижала руку к животу. Калейдоскоп лиц вертелся у нее перед глазами — лица людей, которых она обрекла на смерть. Среди них окажутся и те, кто был ей симпатичен, вроде Халивена, дяди Хэниша. Среди них окажутся женщины — Ренна, которую она когда-то считала своей подругой, и Альрен, которая смеялась над ней во время ужина в Калфа-Вен. Стражники и солдаты, слуги и горничные, секретари, придворные дамы и их дети. Жуткая мешанина лиц и имен, мысль о каждом из них — словно резкий удар в живот. Неужели все это сделала она? Она?! Коринн отступила назад и схватилась за стенку. Пришлось напомнить себе, что эти люди — ее враги. Любой и каждый из них. И если кто-то был мягким и безобидным, то лишь потому, что находились люди, которые делали кровавую работу за них. И для них.

Подошел Риалус, спросил, все ли с ней в порядке. Коринн холодно ответила:

— Во время разговора с Калрахом ты сказал, что мне вряд ли будут интересны детали. Учти на будущее: когда станешь переводить для меня, переводи дословно. Редактировать мои и чужие слова — не твоя задача. Ясно?

Риалус кивнул, покорно признавая упрек. Мгновением позже, глянув на него, Коринн увидела удовлетворенную улыбку, проскользнувшую по лицу маленького человечка. Она готова была рывкнуть на него, спросить, почему он улыбается, но тут же поняла сама. Коринн только что пообещала ему будущее. Похоже, теперь она имеет власть одаривать. Или отбирать дары.

Понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть к этому.

Глава 70

Выйдя из шатра незадолго до рассвета, Лика Алайн уже знал, что этот день станет для него последним. Он часто сражался, во многих разных землях — от этих выжженных солнцем полей до гор Сенивала, болот Кендовии, ошенийских лесов и холодной тундры Мейна. Он встречался в бою с отрядами Маэндера, открыто выступал против Хэниша, дрался с племенами в сенивальских горах. Он бился и с нюмреками — первый из всех жителей Изученного Мира. Алайн даже приручил одного из их шерстистых носорогов. Он сражался в сердце снежного шквала и под градом огненных шаров, одерживал победы и терпел поражения. Даже пристрастился к мисту, однако сумел освободиться от зависимости и получил еще один шанс.

Тогда он чувствовал себя счастливейшим из людей. Благодаря Таддеусу Клеггу и его жестокому «лечению», Лика Алайн возродился к новой жизни. Он отыскал молодого принца Даризла и приложил руку к тому, чтобы превратить его из пирата в благородного человека — истинного наследника королевского рода и достойного сына своего отца.

Алайн видел Мэну — гибкую и худенькую, что не помешало ей стать мастером боевых искусств, каких он еще не встречал прежде. То, что делала Мэна на поле боя, было просто невероятно. Глядя на ее миниатюрную фигурку и доброе, мудрое лицо, с трудом верилось, что эта девушка способна превратиться в вихрь испепеляющей ярости.

Алайн наблюдал, как старший сын короля Леодана стал пророком перемен, благороднейшим из людей, который мечтал о лучшем мире, готов был сражаться за него и умереть. Алайн видел собственными глазами, как Аливер убил антока — тварь из глубин преисподней. Воистину, отрадное зрелище. Гибель Аливера стала тяжелейшим ударом для старого генерала. Неисповедимы и непредсказуемы пути судьбы...

Лика Алайн был доволен жизнью, которую прожил. Он не сожалел о годах, проведенных на службе королю и стране, не считал, что уже исполнил меру своих дел, и с удовольствием пожил бы еще. Однако, если так распорядилась судьба, он примет смерть уже сегодня. По крайней мере он проиграет достойно и умрет, как подобает солдату. Так

размышлял Алайн утром того дня, когда должен был состояться их последний боя с армией Мейна. Он вышел из шатра, облаченный в доспехи, с мечом у бедра. Спокойный и невозмутимый, генерал собирался показать пример всем, кто сражался под его командованием.

Таково, во всяком случае, было намерение Алайна, когда он откинул полог шатра и вышел наружу. Но то, что он увидел над южным горизонтом, было так странно и неожиданно, что его невозмутимость улетучилась, как дым. Разинув рот, он смотрел вверх, не зная, что и думать. А над горизонтом пылали огромные облака — красные и оранжевые, кое-где тронутые оттенками желтого и фиолетового. Огромные облачные горы, заполонившие небеса. На фоне этих разноцветных облаков двигались гигантские фигуры — настолько прозрачные, что сквозь них виднелись последние предутренние звезды, мерцающие в просветах между облаками. Темные силуэты исполинских людей шли прямо по небесам, их тела раскачивались из стороны в сторону в такт шагам. Гиганты помахивали разведенными в стороны руками, будто стараясь удержать равновесие. Их ноги, должно быть, покрывали мили с каждым шагом. За первыми гигантами Лика увидел других и ощутил, что их там еще много — таких же, идущих сюда из-за горизонта. Алайн покопался в памяти, ища хоть что-нибудь, способное объяснить невероятное зрелище. В голову пришло только одно...

— Может быть, это Говорящие Словами Бога? — спросил он Мэну, когда та вышла из шатра. — Когда Тинадин изгнал их, разве они не ушли на юг в облике разгневанных гигантов? Я помню, такую сказку рассказывали мне в детстве.

Сказка из детства? Идея достаточно абсурдная, чтобы Лика усомнился в собственном здравом рассудке. Он, должно быть, спит, или у него начались галлюцинации. Сейчас Мэна смерит его презрительным взглядом и назовет безумцем. Алайн осторожно спросил:

— Вы тоже их видите? Я надеюсь...

Мэна не ответила. Она неотрывно смотрела на небо — и так генерал получил ответ на свой вопрос.

Мгновением позже к ним присоединился Даризэл. Он тоже вперил взгляд в небо, утратив дар речи. Несколько минут спустя все солдаты, оставшиеся от их армии, стояли неподвижно, глядя в сторону юга. Трудно было понять, как далеко отсюда находятся фигуры. Каждый их шаг был огромен. Казалось, в следующий миг нога перешагнет зрителей, и гигант отправится дальше, за противоположный горизонт. Но следующий шаг был таким же. И снова. И снова. Тем не менее Лика знал, что фигуры подходят ближе.

Люди вокруг встревожились. Сам Алайн не испытывал страха. Что-то происходило, да. Нечто странное. Тем не менее, даже не зная, что именно, Лика скорее радовался, чем переживал. Однако, учитывая недавние события, неудивительно, что люди перепугались. Они не старики, как Лика, они не смирились с неизбежностью смерти. Разумеется, люди вполне могли решить, что к ним приближается нечто враждебное и опасное.

Кто-то начал бормотать молитву на бетуни. Кто-то произнес слово, обозначающее предков мейнцев — закричал, что они идут отомстить за Маэндера. Другие уверяли, будто возвращается сам Маэндер. Его убили бесчестно, и теперь надвигается кара.

— Тише-тише! Давайте-ка успокоимся, — сказал Алайн.

Никто его не услышал. Люди начали пятиться, спотыкаясь и падая. В их глазах бился страх.

— Всем стоять! — заорал Алайн. — Слушать меня! Что бы это ни было, сохраняйте мужество и встречайте врага достойно! Мы еще сражаемся — за принцессу Мэну и принца Даризэла. Просто в нашем случае...

Мэна схватила генерала за руку.

— Я знаю, что это, — сказала она. — Вы правы. Это Говорящие Словами Бога. Я призвала их сюда.

Она издала резкий и громкий звук, похожий на птичий крик. Мало-помалу лица людей обратились к Мэне, и тогда она заговорила:

— Вам нечего бояться. Эти гиганты — чародеи сантот. Они пришли, отвечая на мой

зов. Они друзья моего брата. Наши друзья. Не бойтесь!

Ее голосу не доставало уверенности, но люди не обратили на это внимания. Само по себе утверждение принцессы уже производило успокаивающий эффект. Солдаты, готовые бежать прочь, куда глаза глядят, сомкнули ряды, окружая Акаранов и генерала Алайна. Даже те, кто был далеко от Мэны и вряд ли слышал ее слова, подошли ближе, возможно, памятуя о подвигах принцессы в предыдущие дни. Так, собравшись вместе, они ждали.

Лика стоял рядом с Акаранами. Он увидел, как Даризэл наклонился к уху сестры, и услышал его шепот:

— Надеюсь, ты не ошибаешься, Мэна.

— Я тоже, — сказала она, снова поглядев в небо. — Я тоже надеюсь...

Никто не успел толком отследить момента, когда фигуры изменились. Все они прошли сквозь пространство за несколько секунд. Миг назад они еще были гигантами, какими увидел их Лика. В следующую секунду сантот уменьшились в размерах. Потом стали еще меньше. И еще. Все произошло так быстро, что генерал по-прежнему глядел в небо, хотя там уже никого не было. Разноцветные облака исчезли во вспышке беззвучного взрыва. За ними показалось утреннее небо бледно-голубого цвета, привычного для Талая.

«Что же это было?» — думал Лика. Световые картины на небесах произвели на него неизгладимое впечатление. Ничего не объяснилось, и генерал почувствовал разочарование.

Однако события отнюдь не закончились. Рука Мэны коснулась плеча Алайна, и он опустил взгляд.

По земле шла группа людей. Нормального роста, из плоти и крови. Их было около сотни. Они двигались легкими шагами, чуть раскачиваясь, как делали гиганты, но только это и придавало им сходство с фигурами на небесах. В остальном — люди как люди. Материальные, осязаемые. У них были сторбленные плечи, тонкие старческие руки и исхудавшие лица. И все же Лика невольно подался назад, вжавшись в баррикаду тел за спиной.

Первые из пришельцев остановились в нескольких шагах от него. Они были какими-то неправильными. Не нормальными. Генерал мог рассмотреть лица до последней черточки: носы разных форм, неровные линии волос, пристальные, немигающие глаза... и все же... Лике казалось: еще немного — и он увидит стежки на лбу или под подбородком, словно пришельцы взяли лица других людей и пришили их поверх своих собственных. Временами по коже пришельцев пробегала дрожь, и они неуловимо изменялись, становились иными, нежели прежде. Чем дольше Лика смотрел на них, тем более он уверялся в мысли, что видит в лицах черты знакомых людей. Он узнал себя в хмуром взгляде одного из незнакомцев, в бровях другого, в линии челюсти третьего...

— Кто призвал нас?

Вопрос возник у него в голове. Лика услышал его, хотя ни одного слова не было сказано вслух. Губы людей не двигались, и все же слова звучали внутри мощным хором. Поглядев вокруг, генерал понял, что не только он «услышал» вопрос.

— Кто призвал нас?

— Я, — сказала Мэна. Ее голос был ломким, как прутик. Казалось, Мэне не понравилось, как он прозвучал. Она попробовала снова и заговорила, не открывая рта.

— Я призвала вас. Ты сантот Нуало? Есть он среди вас?

Фигуры подались вперед, будто скользя по воздуху. Один из пришельцев каким-то образом дал понять, что он — Нуало. Лика просто знал это. И все остальные вокруг тоже знали.

— Почему не перворожденный? — спросил Нуало.

Мэна покосилась на брата, на генерала, перевела дыхание.

— Аливер... перворожденный среди нас... мертв. — Мэна покраснела, губы ее задрожали, и все же она нашла в себе силы продолжать: — Наш враг убил его. Вот почему я призвала вас. Незадолго до смерти Аливер сказал мне, что только вы...

Сантот не позволили ей закончить. Они попросили доказательств смерти

первороденного. Мэна ответила, что его тело лежит неподалеку, и чародеи поплыли к нему. Они знали, где найти тело Аливера, не нуждаясь в указаниях.

Лика не понимал, что нужно говорить или делать, а потому молчал, не двигаясь с места. Все остальные, похоже, испытывали сходные чувства. Люди растерянно, смотрели друг на друга. Наконец, Даризэл нарушил тишину. С проблеском иронии в голосе он сказал:

— Я уже задавал этот вопрос раньше и вынужден спросить снова: у нас есть план?

Мэна не успела ответить. Сантот возвращались. Они по-прежнему двигались удивительно плавно, будто скользя над землей, и безмолвно заговорили с Мэной. Лика едва сумел уловить обрывки этой «беседы» — не только сформулированные слова, но и смутные мысли, которые не имели четкого вербального воплощения. Вскоре генерал запутался в потоке мыслей, однако Мэна, вероятно, сумела донести до сантот нужную информацию. Сантот сказали, что почувствовали смерть Аливера в тот момент, когда это случилось. Они ощутили, что связь прервалась, и все же надеялись, что здесь какая-то ошибка. Чародеи поверили Аливеру, когда тот пообещал освободить их. Только он мог это сделать, поскольку был первым в своем поколении и прямым потомком Тинадина. Сантот желали знать, почему он позволил себе умереть, не выполнив данной им клятвы.

Мэна не могла найти вразумительный ответ. Просто так получилось. Она спросила сантот: не может ли Аливер воскреснуть? Вдруг чародеи способны вернуть его к жизни?.. Нуало, который теперь говорил от имени всех остальных, сказал: нет, нет и нет. Они не умеют оживлять мертвых. Эленет и тот не выучил таких слов. Дающий берег это знание как зеницу ока и ушел из мира, ни разу не произнеся нужных слов. А может, их и не существует вовсе. Может, нельзя воскресить человека, умершего по-настоящему, без воздействия колдовства.

— Тогда сделайте то, что в силах, — сказала Мэна. — Помогите нам победить мейнцев. Они хотят убить нас. Посмотрите сами, если не верите. Они идут.

Нуало и остальные сантот поглядели туда, куда указывала принцесса. Мэна не ошиблась: мейнская армия уже приближалась. Казалось, солдат было еще больше, чем вчера, и они шли, желая довершить начатое. Глядя на них, Лика понял: акацийская армия обречена. Он надеялся, что гигантские фигуры в небе испугали мейнцев, но те наступали, словно не заметили ничего необычного. Генерал ощутил возрастающий страх и уныние своих солдат. Конец был близок. Железная стена надвигалась на них, неся смерть на кончиках мечей.

— Мы не можем, — сказал Нуало. — Мы только причиним вред.

— Мейнцы собираются сделать то же самое, — заметил Даризэл, и на сей раз в его голосе не было и тени юмора.

Разделяя свою мысленную речь со всеми присутствующими, Нуало объяснил, что язык Дающего всегда требовал очень осторожного обращения. Он не предназначался для людей, и те не должны были изучать его. Силы, которыми владели сантот, были очень опасны даже в лучшие времена, когда чародеи имели в своем распоряжении «Песнь Эленета». Теперь все только усугубилось. Как бы они ни старались, в речь всегда вносятся искажения. Тинадин изгнал чародеев не без основания. И сейчас никто из сантот не желает искушать судьбу, рискуя невольно совершить злое дело вместо доброго. Начиная петь заклинание, они не могут предсказать, во что оно превратится в конце.

— Принц Аливер знал, что мы ничего не в состоянии сделать, не изучив сперва «Песнь Эленета», — сказал Нуало.

— О чем мы спорим?! — воскликнул Даризэл.

Он поднял голову и посмотрел на север, откуда неумолимо надвигалась на лагерь мейнская армия. Она шла с боевыми песнями и воинственными выкриками, бряцая оружием. Даризэл снова обернулся к чародеям и заговорил, не раскрывая рта, как делала Мэна:

— Аливер мертв! Эта армия идет, чтобы уничтожить нас. Вы их видите, верно? Объясните мне, как вы собираетесь вообще когда-нибудь вернуться из своего изгнания, если мы все сейчас погибнем? С нами умрет и последняя ваша надежда!

Нуало всем телом повернулся к младшему Акарану. На лбу чародея возникла складка

— и соскользнула вниз, пройдя через глаз, изменив форму носа и оттянув угол губ. Лика понял, что эта складка была выражением гнева, отчаяния — знак того, как трудно изгнанникам находиться в физическом мире. Он услышал безмолвные слова Нуало:

— Ты не понимаешь, о чем просишь.

И, глядя на него, Лика поверил, что сантот не кривит душой.

Возмущенный, Дариэл повернулся спиной к чародеям и пошел навстречу мейнцам, призывая солдат последовать его примеру. Пройдя мимо шатра, Дариэл прихватил свое оружие. Многие ответили на его призыв, но Мэна осталась стоять неподвижно, глядя на Нуало.

— Может быть, он и не понимает, — сказала она, — однако я понимаю. Я позвала вас, и вы пришли. Вы не затем пришли, чтобы сидеть сложа руки. Так сделайте то, что можете. Позже, когда настанет мир, я найду «Песнь Эленета». Вы снова будете петь правильные заклинания и сумеете исправить все искажения.

Некоторое время Нуало и прочие сантот стояли молча, будто осмысляя ее слова. Их лица теперь видоизменялись быстрее — шли складками, меняли черты, покрывались ямочками, шелушились и вновь исцелялись. По ним словно пробегали волны ряби. Чародеи были взволнованы, сердиты, голодны. Да, и голодны тоже. Они быстро говорили о чем-то между собой.

Лика услышал звуки разгоравшейся битвы. Генерал знал, что его место там. Он не позволит Дариэлу умереть в одиночестве. Повернувшись на каблуках, Лика поспешил прочь, когда до него донеслись мысли Нуало:

— Другие сделали ошибку, веря, что добро приходит из зла. Это не так. И сегодня не будет иначе.

Лика продолжил путь, положив ладонь на рукоять меча и ощутив успокаивающее прикосновение шершавой кожи. Он по-прежнему чувствовал исходящие от сантот эмоции. Генералу было прекрасно известно, как ощущается ярость, как она ведет людей к действию, и теперь понимал, что именно она пульсирует за его спиной. Сантот двинулись в битву. Пусть они обладали великой мудростью и знали законы мироздания, чародеи по-прежнему оставались людьми. Они желали освобождения. Они оплакивали своего избавителя. Они жаждали мести. И еще одного хотели чародеи — может быть, более всего остальных. Хотели сделать то, что не могли себе позволить много столетий: сломать печать молчания и говорить.

— Что бы ни случилось, — предупредил Нуало, — держитесь сзади. Не ходите за нами и не смотрите.

Лика еще шел к месту битвы, когда сантот проплыли мимо него. Один из них сделал жест, и старый генерал отлетел назад, едва не упав. Чародеи поступали так же со всеми акацийцами, кто оказывался перед ними. Движениями пальцев они выхватывали солдат прямо из битвы и отбрасывали назад, подальше от мейнцев. Дариэл пронесся по воздуху и рухнул на землю рядом с сестрой. Мэна помогла ему встать и заставила отвернуться от битвы. Она закричала, приказывая остальным сделать то же самое.

— Нуало сказал: не смотреть! — рявкнула Мэна. — Делайте, как он велел. Что бы ни случилось — не смотрите.

Лика, однако, не позабыл свое намерение, которое пытался осуществить всего несколько секунд назад. Он не подумал толком, прежде чем принять решение. Генерал не хотел оскорблять сантот, не желал проявлять неуважения к ним. Однако же он проснулся нынче утром, намереваясь умереть, уверенный, что видит солнце в последний раз. Теперь, стоя рядом с величайшей битвой, какую только знал мир, он не мог остаться в стороне. Он отвернулся от Мэны и Дариэла, от сгрудившихся сзади акацийцев — и ринулся в битву следом за колдунами.

Алайн был среди сантот, когда те рассеялись по полю. Чародеи двигались с закрытыми глазами. Их губы шевелились. Они говорили. Нет... они пели. Они наполняли воздух вьющимися, звенящими мелодичными переплетениями слов и звуков. Их песня, казалось,

была материальной. Музыкальные ноты пролетали с едва слышным шуршанием, у них была форма — сложная текстура, словно узор на спине змеи. Каждый миг кто-нибудь из сантот проводил рукой по воздуху, словно хотел притронуться к материи эфира кончиками пальцев.

Мейнцы подались назад — изумленные, растерявшиеся. Их генералы попытались восстановить порядок и возобновить атаку, но им не дали такой возможности. В этот момент сантот напали. Они двинулись вперед все той же плавной походкой, однако каждый из них за единую секунду преодолевал огромные расстояния. На ходу чародеи продолжали выкрикивать странные, непонятные слова. Они размахивали руками и били воздух как безумцы, обуянные невидимыми демонами.

Ли́ка побежал, чтобы не отстать. Он стоял за спинами сантот, когда те приблизились к отряду белокурых солдат. Мейнцы ждали врага, выставив вперед мечи, готовые и нападать, и обороняться, но одним взмахом руки сантот сорвал с двоих солдат доспехи, одежду и даже кожу. Воины выронили мечи и застыли, еще не понимая, что произошло. Их мышцы, сухожилия и хрящи — все было обнажено; кишки, точно блестящие змеи, выскользнули из животов на землю. Чародей прошел мимо еще прежде, чем мейнцы упали, и сделал то же самое с остальными солдатами отряда, стоявшими чуть позади.

Другой маг резко ударил кулаком по воздуху — странный жест при отсутствии непосредственного противника. Однако секундой позже целая группа солдат в сотне ярдов перед ним превратилась в жидкость. Каждый из них стал тысячью шариков влаги размером с боб, собранных в форме человеческой фигуры. Капли упали на землю и разбились от удара, оставив на земле ярко-красное пятно. Еще один чародей выдул свою ярость прямо из горла — с силой, которая изогнула воздух перед ним и проложила в рядах мейнцев кровавую просеку. Оторванные конечности и головы разлетелась в разные стороны.

За несколько секунд все изменилось. В мейнской армии воцарился хаос. Многие солдаты бросали оружие и срывали шлемы. Они накидывались на своих товарищей, топтали упавших или бездумно метались по полю. Страх завладел ими безраздельно. Было ясно, что мейнцы потерпели сокрушительное поражение. Ли́ка не знал, что они видят на лицах магов, но это зрелище наполняло их ужасом. А сантот все преследовали и преследовали врага, и ярость чародеев пылала все жарче. Они шагали по земле, и земля прогибалась под их ногами. Пласты почвы вставали торчком, словно земная кора была сделана из тонких досок, и сила ударов швыряла мейнцев высоко в воздух.

— Невозможно... — пробормотал Ли́ка.

Такого просто не могло быть. Он повторял это снова и снова. Невозможно — пусть даже ощущение казалось ему знакомым. Оно было созвучно с его кошмарами, обуявшими генерала в те времена, когда он горел в лихорадке на плато Мейн, под грудой мертвых тел. Картины, которые вспыхивали тогда в голове Ли́ки, во многом походили на те, что окружали его сейчас. Но его бредовые видения не были реальностью. Сны. Иллюзии... Не более. Алайну хотелось верить, что нынешние картины окажутся такими же вывертами разума. Не нужно принимать их за чистую монету. Иначе придется поверить, что мир лишь картина, написанная на ломком полотне. Ее можно разодрать на части. Прodelать дыры в земле и в небе. Такие дыры возникали прямо у Алайна на глазах; они исчезали почти мгновенно, однако ужас оставался в памяти. А потом разверзлись небеса, и вниз посыпались твари. Змеи, черви, сороконожки размером с сосну, похожие на угрей чудища, словно выдернутые из черных глубин великого океана — все это падало на землю. Адские создания скручивались и извивались, налетая на мейнских солдат, расплющивая людей в кровавые лепешки. И генерал понимал, что его глаза многого не видят. Истинные кошмары находились где-то на периферии зрения, они ускользали, когда он пытался сосредоточиться. Ли́ка вертел головой из стороны в сторону, взгляд его иступленно метался по полю, но все же он не мог разглядеть этих ужасов, хотя точно знал: они где-то здесь, рядом. Очень близко.

Один из сантот стоял неподвижно, выпевая слова очередного заклятия. Генерал узнал Нуало и двинулся к нему. Он подошел так близко, как только осмелился, и остановился — тяжело дыша, ощущая такую усталость, какой не чувствовал никогда прежде, за всю свою

жизнь. Эта усталость, понял Лика, была следствием отнюдь не только физического напряжения.

Живому трудно находиться рядом с магией, подумал он. Такая сила...

Нуало обернулся — медленно, плавно. Сперва обратил к Лике взгляд, затем повернул голову и уж потом — все тело. Чародей коротко глянул на поле. В его глазах плескалась ярость, какую Лика прежде не мог даже вообразить. Там, за этими глазами, полыхало пламя, и его беззвучный рев потрясал основы мироздания.

— Искажена. Такая сила — искажена. — Алайн услышал слова у себя в голове и понял, что Нуало закончил его незавершенную мысль. — Как же вы живете?..

Глядя в глаза Нуало и думая обо всем, что кричало, билось и извивалось повсюду вокруг него, Лика не мог ответить на вопрос. Его выдернуло из обычного мира, и генерал созерцал его будто бы изнутри и снаружи одновременно. Ему позволили увидеть все это, пережить все это, но он даже примерно не представлял, как такое возможно.

Позже Лика Алайн не сумеет сказать наверняка, что именно он видел. Большая часть воспоминаний этого дня останется у него в голове калейдоскопом разрозненных картин, расколотой мозаикой. Однако кое-что генерал знал наверняка: сила, которую он наблюдал, пугала не только своей разрушительностью. Она была полным и абсолютным злом. Стремление использовать ее необязательно должно быть продиктовано дурными намерениями. Нуало и другие сантот не были злодеями сами по себе. Даже ярость, бурлившая в них, уходила корнями в любовь к миру, в желание воссоединиться с ним. Однако сила, которую они выпустили, обладала собственной злобной волей. Возможно, в прежние, далекие годы язык Дающего был языком творения. Возможно, акт творения являлся гимном любви. Так гласили легенды, и если они не лгали, то чистый, незапятнанный мир был прекрасен — как и язык-музыка, породивший его. То, что высвободили сантот, являлось полной его противоположностью. Их песня стала разрушительным огнем; пустотой, которая пожирает творение, а не питает его.

Лишь теперь Лика понял, зачем он увязался за сантот, почему бежал за ними, стремясь увидеть их деяния. Он бежал, чтобы знать. Он бежал, чтобы стать свидетелем. Для того, чтобы — если приспееет такая нужда — хоть кто-нибудь мог объяснить, почему созданное не имеет права владеть силой создателя.

Глава 71

Коринн потребовалась вся сила воли, чтобы смотреть вперед, не опуская взгляда к залитому кровью полу. Она старалась не обращать внимания на мертвые тела, забрызганные кровью стены, разломанные и разбитые вещи. Можно видеть лишь простые предметы — уцелевшую мебель, фрески в конце коридора, произвольные участки стен. Она намеревалась запереться в своих покоях и дожидаться, когда закончится уборка. Не высовывать носа за дверь, пока последнее напоминание о кровавой резне не исчезнет без следа. Принцесса отправила Риалуса в нижний город, чтобы нанять для этой уборки акацийских простолюдинов. Она заплатит им свободой, привилегиями, своей благодарностью и любовью. Она сделает так, что они снова будут гордиться Акацийской империей. Есть множество проблем, которые потребуют ее внимания, но — позже. Сперва ей нужно пройти по всем этим залам и закончить еще одно дело.

Коринн отыскала Риалуса. Немного ранее, когда нюмреки вернулись и доложили, что дворец захвачен, тот решил осмотреться. Теперь, казалось, его вот-вот стошнит. Впрочем, язык работал исправно, и Нептос начал трещать еще прежде, чем Коринн подошла к нему. Он с изумлением констатировал, что дворец действительно пал очень быстро. План принцессы сработал идеально. Нижний город закрыл ворота и дрожал от ужаса. Возможно, сколько-то мейнцев спрятались на территории слуг или в городе, но за ними охотятся нюмреки. Жрецы, защищавшие Тунишневр, были необычайно упрямы. Они цеплялись за саркофаги, пока их не оторвали от драгоценных предков и не перебили на месте, всех до

последнего человека. Несколько знатных семей перехватили в порту, когда они пытались уплыть, нагрузив яхты добром. Кое-кто успел отчалить. Нюмреки, которые не особо любят соваться в воду, решили...

Коринн перебила Нептоса:

— Где он?

Риалусу не требовалось спрашивать, о ком говорит принцесса.

— В церемониальной зале, как вы велели.

Они двинулись дальше, и Риалус снова затарахтел, пересказывая Коринн то, что ему удалось узнать о битве. По большей части она шла именно так, как и предрекали нюмреки. Их неожиданное появление вызвало растерянность и панику. Первыми погибли две мейнские женщины, которым нюмреки снесли головы с плеч, прежде чем они успели закричать и поднять тревогу. Далее последовала обычная резня. Мейнская стража сражалась отчаянно, но их перебили поодиночке. Несколько человек сумели организовать сплоченный отпор. Имела место крупная стычка в главном дворе, где сосредоточился дворцовый гарнизон. Нюмреки с радостью приняли вызов.

Хэниш был в церемониальной зале, когда началась атака, но, услышав звуки боя, кинулся наружу. Он и его личный отряд пунисари до последнего держали нижний двор, стараясь закрыть собой вход в подземелье. Нюмреки обступили их, словно мясники, режущие диких зверей. Пунисари не поддавались. Лучшие воины Хэниша — быстрые, ловкие и искусные в бою, способные противостоять даже нюмрекам — сражались великолепно, не выказывая ни малейших признаков усталости. Многие дрались двумя мечами. Пунисари выставили круговую оборону и бились плечом к плечу, смыкаясь, когда кто-нибудь из них падал. Никто даже и не думал о том, чтобы сдаться или попросить пощады. Сам Хэниш все время что-то говорил своим людям, но очень мало нюмреков владеют каким-то языком, помимо родного. Поэтому никто не сумел объяснить Риалусу, что сказал вождь.

— Жаль, — прокомментировал Риалус. — Хотел бы я знать, как он воспринял происходящее. Должно быть, здорово удивился. Полагаю, наш вождь планировал провести этот день совершенно иначе...

Двое последних воинов, оставшихся с Хэнишем, были самыми искусными бойцами. В конце концов, одного свалили, отрубив ему ногу ниже колена. Он упал, хотя еще пытался драться, опираясь на окровавленную культю. Добить его в таком положении было уже нетрудно. Второго нюмрек ударил сзади копьем в шею и, по всей видимости, перебил позвонки, потому что мейнец больше не мог двигаться.

Сам Хэниш намеревался дорого продать свою жизнь, но в какой-то момент понял, что нюмреки не собираются его убивать. Он прекратил атаки, опустил клинок и встал в оборонительную позицию, ожидая развития событий. Никто не напал, и тогда Хэниш, наконец, сообразил, что к чему. Он выхватил илахский кинжал и воткнул бы его себе в живот, если б один из нюмреков не успел выбить оружие. Потом они накнулись на Хэниша... Странное, должно быть, зрелище, когда человека жестоко избивают, чтобы не дать ему покончить с собой. Риалус признал, что нюмреки обошлись с Хэнишем не слишком-то ласково, но он сам виноват. В конце концов, он остался жив. Его связали, как велела Коринн, и затащили в церемониальный зал.

Закончив повествование, Риалус обернулся к Коринн и помолчал немного, рассматривая ее профиль.

— Принцесса, это была великолепная работа. Просто, как все гениальное. Когда все закончится, мир склонится перед вами и вашей красотой. Люди забудут сегодняшнюю резню. — Нептос мгновение поколебался, быстро облизав пересохшие губы. — План, который вы придумали, все эти сюрпризы... Никто не подозревал в вас таких талантов. Я молюсь, чтобы у вас никогда не возникло причины прогневаться на меня.

Что-то в его хвalebных словах растрогало Коринн. Она почувствовала, как защипало в глазах, и с трудом сдержала слезы.

— Спасибо, Риалус. Я не забуду твою помощь.

Коринн оставила Нептоса во дворе и пошла в сторону подземного зала, где теперь покоились Тунишневр. Постояла несколько секунд, пытаясь успокоиться, затем вынула кинжал, который прихватила с собой, и решительным шагом прошла мимо нюмреков, толкущихся у входа. Она миновала полутемный коридор и вступила в зал. Едва Коринн пересекла порог, как ощутила в воздухе бурлящую, яростную энергию. Принцесса постаралась не обращать на нее внимания и пошла по залу, не выказывая никаких признаков страха. Нелегкая задача. Если бы воздух мог царапать, как когти, он бы разорвал Коринн в клочья. Если бы безмолвные крики могли уничтожать плоть, ее сожрали бы заживо. Все инстинкты Коринн приказывали ей повернуться и бежать, бежать подальше от этого места. Она шла вперед, выпрямив спину и вскинув голову. Гордость — даже перед лицом этих живых мертвецов — теперь казалась для нее самой важной вещью на свете.

Хэниш висел, привязанный к скейтевитскому камню; руки, поднятые над головой, стянуты в запястьях, голова безвольно упала на грудь. Он был обнажен до пояса, покрыт ссадинами и кровоподтеками. Кровь сочилась из раны под мышкой и засыхала, окрашивая бок цветом ржавчины. Лодыжки тоже были связаны, так что если бы даже Хэниш попытался освободиться, он бы только и мог, что извиваться в воздухе. Одна ступня была вывернута под странным углом и явно сломана. Самое же жуткое впечатление отчего-то производили его волосы — неровно обрезанные мечами нюмреков, а кое-где и выдранные вовсе, так что обнажилась бледная кожа головы.

Коринн подалась вперед. Первым ее порывом было кинуться к Хэнишу, спустить его на пол и умолять о прощении. Ей хотелось собрать эти светлые пряди волос и вернуть их на место. Невероятно... Невероятно и непостижимо: Хэниш, вождь империи, истерзан до подобного состояния. Вот так работает мир? Вот так Коринн может влиять на него?..

Однако, когда она приблизилась, никакие чувства не отражались на ее лице. Гордость, подумала Коринн, презирает неуверенность.

Хэниш поднял голову, глянув на Коринн, и тогда она заговорила:

— Я подумала: не взять ли мне с собой лук и колчан стрел. Пожалуй, можно было бы прибить тебя к стене, распластать, как мишень. Ты помнишь, что я отлично стреляю? Ты бы сам называл мне те места на своем теле, в которые хотел бы получить стрелу.

Хэниш заморгал, словно что-то мешало ему видеть отчетливо. Капли крови стекали с запястий и падали на лоб. Он молчал, созерцая принцессу мутным взглядом, словно вот-вот был готов потерять сознание. Тем не менее сумел выговорить:

— Достаточно одной в сердце.

Коринн поджала губы, не позволяя чувствам вырваться на свободу.

— Теперь я понимаю, — продолжал Хэниш, — почему тебе так нравится лук. Лучше всего ты убиваешь на расстоянии. Можно пустить стрелу, оставаясь в безопасности. Да... тебе это подходит.

В безопасности? За всю свою жизнь Коринн так и не отыскала безопасного места. Впрочем, она собиралась наконец его найти. Собиралась... Подойдя ближе, Коринн подняла кинжал.

— И все же сюда я пришла с твоим оружием. И умрешь ты от него.

Хэниш усмехнулся; его зубы были бурыми от крови.

— Стало быть, это твоя личная месть? Я оскорбил тебя, и потому ты приказала убить тысячи людей... Знаешь, о чем это говорит? Ты ничем не лучше меня. А может быть, и хуже.

Я не такая, как ты, хотела сказать Коринн, но боялась, что голос дрогнет на этих словах. Ей не хотелось думать о том, что они могут обозначать.

— Прежде чем умереть, ты узнаешь, почему провалились твои планы. Ты все потерял из-за меня, шлюхи. Все. Я вырезала сердце твоей империи. Даже если войско твоего мертвого брата побьет войско моего мертвого брата, они не сумеют изменить того, что я сделала здесь.

От этих слов у нее стало легче на душе. Произнеся их, она почувствовала себя гораздо

лучше. Никогда еще — за много лет — ей не было так хорошо. Коринн поднялась по ступенькам, взойдя на скейтевитский камень. Это и впрямь был алтарь. Ниши с Тунишневр, похожие на соты исполинского улья, окружали ее со всех сторон. Их энергия наэлектризовала воздух до предела. Вот-вот саркофаги начнут открываться и иссушенные трупы выйдут наружу, оживленные собственной ненавистью...

Коринн неторопливо разглядывала вырезанную в камне чашу, которую Хэниш собирался наполнить ее кровью.

— Корабли уже плывут в море на четыре стороны света. Каждый из них — герольд перемен. Меньше чем через час отсюда полетят гонцы. Они расскажут всему Изученному Миру, что Хэниш Мейн мертв, и Акация снова в руках Акаранов. А твои Тунишневр никогда не будут ходить по земле. Если ради этого ты жил, то знай, что жил зря.

Хэниш втянул воздух сквозь зубы, потом сплюнул на пол. Сгусток кровавой слюны остался у него на подбородке.

— Я должен был заковать тебя в цепи в тот миг, когда узнал, что твоя сестра сотворила с Ларкеном. Мне следовало понять, что женщины Акаранов гораздо опаснее мужчин.

Коринн подошла ближе, поднеся кинжал к его покрытой синяками груди, провела им над ребрами и напряженными, туго натянутыми мышцами.

— Поэтому мейнцы не позволяют своим женщинам сражаться? Они боятся их?

— Я должен был заковать тебя в цепи, — повторил Хэниш, задержав на ее лице взгляд своих серых глаз, — но я слишком тебя любил. Эта штука... любовь... вот ее-то мне следовало бояться больше всего. Теперь мы оба видим почему.

— Я больше не в твоей власти. — Слова прозвучали не так уверенно, как хотелось Коринн. Пальцы покрылись потом; рукоять кинжала скользила в ладони. Одна мысль неотступно билась в голове, не давая покоя. «Почему даже сейчас, до сих пор, я что-то чувствую к этому человеку?..»

Казалось, жизнь выходит из Хэниша с каждым вздохом. Он снова уронил голову на грудь, тихий стон вырвался из горла. Потом заговорил — медленно, делая паузы между словами, тяжело и хрипло дыша:

— Можешь ты убить меня, наконец? Предки хотят поговорить со мной... напрямую... Не позволяй прошлому поработить себя, Коринн. Мертвые только и ждут случая, чтобы использовать нас... искорежить наши жизни... Не позволяй им.

Хэниш замолчал. Его дыхание стало размеренным, но тяжелым; легкие испытывали на себе давление висящего тела и с трудом перекачивали воздух. Трудно было сказать, в сознании он или нет.

Кинжал в руке Коринн отражал свет уцелевших масляных ламп. Она подняла его и взглянула на грудь бывшего любовника, скользнула взглядом по шее и животу с рельефными кубиками мышц. Каждый участок этого тела был ей знаком. Как часто она склонялась к его груди, проводя губами по коже, слушая биение сердца... Теперь часть этого сердца стучала внутри нее. Маленькое, тихое сердечко... Коринн смотрела на Хэниша — и не могла найти места на его теле, куда сумела бы всадить кинжал. Она отошла на шаг и прижала заостренный кончик к ладони. Он разрезал плоть легко, не причинив настоящей боли. Отведя кинжал, Коринн сжала пораненную руку в кулак и замерла на миг. Алая жидкость просачивалась сквозь пальцы, неторопливо растекаясь по ее руке.

— А знаешь?.. — прошептала она. Ей хотелось, чтобы Хэниш услышал, и в то же время она надеялась, что он не поднимет головы. Надеялась, что слова войдут в его бессознательный разум — потому что сомневалась, что сумеет сказать это, глядя ему в глаза. — Я ношу твоего ребенка. Ты — отец будущего Акацийской империи.

Коринн наклонилась и прижала окровавленную ладонь к дну каменной чаши, оставив размытый отпечаток руки, который черный базальт тут же всосал в себя.

— Я воспитаю его как акацийца. Радость это или кара — тебе виднее. Но ни ты, ни твои предки никогда не будете решать судьбу моего ребенка.

Коринн повернулась и спустилась с камня. Ей почудился голос Хэниша за спиной.

Воздух наполнился другими звуками. Она не знала, нужно ли произносить какие-то определенные слова. Может, следовало что-то сказать на языке из книги — «Песни Эленета»? Разумеется, Коринн провела обряд не вполне правильно, но она сделала самое главное. Отдала свою кровь — по доброй воле, чтобы Тунишневр ушли в забвение. Ей мерещились крики, протесты, вопли ярости древних мертвецов, которые утратили шанс вернуться на землю. Впрочем, это продолжалось недолго. Коринн чувствовала, как древние тела предков Хэниша рассыпались в гробах. Они стали пылью, их души ушли за грань бытия, как и должно в этом мире. Они ушли, освобожденные из клеток своих мертвых тел, более не представляя угрозы для живых...

Выйдя на улицу, под солнечный свет, Коринн увидела Риалуса. Тот замер на месте, глядя на юг, и не заметил ее появления. Коринн посмотрела в ту же сторону. Когда ее глаза привыкли к свету позднего дня, принцесса увидела, что так приковало его внимание. На горизонте бушевала буря. Небеса содрогались от ее ярости, вспыхивая живым разноцветным светом. Возможно, это были молнии, однако такие, каких Коринн не видала прежде. Страшное и грозное зрелище, но чем дольше она смотрела на юг, тем более уверялась в мысли, что это — чем бы оно ни было — происходит очень, очень далеко отсюда. И не представляет для них опасности.

Принцесса протянула руку и тронула Риалуса за плечо. Он обернулся, его лицо резко изменило выражение. Увидев кровь, стекающую с ее руки, Риалус спросил:

— Вы ранены?

Она покачала головой.

— Все кончено, принцесса?

— Нет, — сказала Коринн. — Как я могла убить отца своего ребенка? Если я сделаю это, он утащит меня за собой. Если бы я воткнула в него кинжал, то переживала бы этот миг снова и снова — до конца жизни. Я никогда не сумела бы освободиться от него. Я бы видела его в глазах ребенка. Понимаешь? Он бы управлял мной даже после смерти...

Коринн отвела взгляд, не желая, чтобы Риалус увидел слишком много в ее глазах. Она и так чересчур разоткровенничалась. Признание излилось из нее с необычайной легкостью. Хватит! Больше она не поддастся слабости.

— Так что вместо меня, Риалус, это сделаешь ты, — сказала Коринн. — Вот, возьми. Его собственный кинжал. Воспользуйся им. Пусть это будет моим даром тебе.

Серебристое лезвие изгибалось как тонкий месяц. Риалус недоверчиво взял оружие, переводя взгляд с кинжала на Коринн и обратно. Он мог бы сойти за специалиста по мейнским артефактам — так пристально и дотошно разглядывал кинжал: надпись, выгравированную на оголовье, изящную гарду и закругленную рукоять. Коринн же, следя за ходом его мысли, понимала, что Риалус думает вовсе не об оружии. Он восстанавливал в памяти длинный список обид, причиненных ему Хэнишем. Вспоминал, как его принижали, оскорбляли, пренебрегали им столько лет... Риалус думал, как беспомощен был тогда и как сильно он жаждет мести.

— Сумеешь? — спросила Коринн.

— А он... крепко связан?

Коринн ответила, что Хэниш не причинит ему вреда. Риалус кивнул, повернулся на каблуках и направился к темному проходу.

— Да, — сказал он едва слышно. — Сумею, принцесса... если ты действительно хочешь этого.

Риалус ушел неуверенным шагом. Человек, ошеломленный свалившейся на него удачей — такой, какую он и вообразить не мог.

Когда тени поглотили его, Коринн снова повернулась к бурлящему хаосу, что бушевал над южным горизонтом. Она никогда не видела ничего подобного. Там была ярость — приглушенная расстоянием, но дикая, необузданная. И еще там была красота. Небеса горели жидким огнем, на них танцевали цвета, которым Коринн не знала названий. Она не могла избавиться от чувства, что это представление предназначалось для нее, что оно каким-то

образом отмечает перемены в мире. Те самые, которым Коринн только что положила начало. Принцесса надеялась, что к ней придут радость, облегчение, покой, но отчего-то великолепное зрелище наполняло ее лишь печалью. Коринн не могла определить причину, однако понимала, что Хэниш был неправ. Она вовсе не такая, как он.

— Я лучше, чем ты, — сказала Коринн вслух, хотя никого рядом не было. И некого было убеждать, кроме себя самой.

Эпилог

День выдался холодный и ветреный. Небо затянули низкие тяжелые облака. Море вокруг Акации катило серые волны, увенчанные белыми шапками пены. Похоронная процессия покинула дворец через западные ворота, направляясь к Небесной Скале. Люди шли по горной тропе, продуваемой всеми ветрами. Окружающие холмы перетекали в долины, окрашенные тусклыми цветами поздней осени. Мэна шагала в голове процессии вместе с родными и маленькой группкой акацийской аристократии. Перед ними везли узорчатый ларец, в котором стояли две урны с прахом. В одной из них покоились останки Леодана Акарана — Таддеус Клегг спрятал урну и тайно хранил ее все эти годы. В другой лежал пепел Аливера Акарана — мальчика, который стал великим лидером, воспетым в балладах; принца, который так и не сделался королем.

Минуло почти десять лет с тех пор, как Мэна в последний раз ходила этой дорогой. Она до сих пор помнила верховую прогулку с отцом, сестрой и братьями. В то время она и не догадывалась, какие суровые испытания ожидают ее впереди. Шагая в молчании, она не могла отрешиться от воспоминаний о девочке, которой когда-то была. Мэна смотрела по сторонам, думая, что когда-то боялась акаций. Глупая мысль. Дерево — это всего лишь дерево. Детские страхи давно канули в небытие; на их место пришли другие.

Теперь Мэна боялась снов. Слишком часто в них она встречалась с Ларкеном — первым убитым ею человеком. Каждый такой сон чересчур напоминал реальность: Мэна уверена в себе, она движется к цели, готовая разрубить плоть — без колебаний и сожалений. Снились ей и битвы в Талае, особенно тот день, когда, после смерти Аливера, она убивала яростно и самозабвенно. За три месяца, прошедших с тех пор, воспоминания не померкли. Лица всех ею убитых скользили перед мысленным взором девушки, как сотни портретов, отгораживающих ее от мира. Мэна знала, что они останутся с ней на долгие годы. Впрочем, это было не самое страшное. Более всего пугало понимание, что если понадобится — она будет убивать снова. Мэна действительно приняла в себя часть Майбен. Злобная богиня и ее дар — ярость — с ней навсегда.

Что ж, не ее одну искалечила война. Дариэл медленно шел следом за сестрой, бок о бок с Пичугой. Казалось, девушка чувствует себя неловко, обряженная в приличествующее случаю платье. Пичуга была пираткой всю свою жизнь и до сих пор не избавилась от развязных манер и некоторой агрессивности. Тем не менее Пичуга Мэне нравилась, и она надеялась, что девушка сможет сделать ее брата счастливым. Дариэлу требовалась радость. Он все еще был скор на смех и шутки, его губы часто улыбались, а глаза лучились искрометным весельем. Но Мэна знала, что в смерти брата Дариэл винит себя — только себя одного. Он носил вину, словно свинцовый плащ. Если Дариэл думал, что никто его не видит, бесшабашное веселье исчезало, как дым. Мэне еще предстояло передать брату Королевский Долг. Пока Дариэл не готов к этому, но рано или поздно день настанет.

Иные и вовсе не пережили войну. Таддеус Клегг был во дворце, когда его атаковали нюмреки, и, очевидно, погиб во время резни, которую организовала Коринн. Как он сумел туда попасть и разыскал ли «Песнь Эленета» — оставалось загадкой. Никто не знал, где находится книга. Коринн даже спросила, существует ли она вообще. В нагрудном кармане Таддеуса нашлась записка, в которой говорилось, где он спрятал прах короля. Теперь государя могли похоронить как должно.

Судьба Лики Алайна тоже оставалась тайной. Некоторые клялись, что генерал увязался за сантот, когда те закончили бой и вернулись на юг, в изгнание. Если верить эти рассказам, старый генерал бежал за магами, когда они уходили. Может быть, он стал одним из них. Или его испепелила их ярость. Так или иначе, от Лики Алайна не осталось ни следа в Изученном Море — за исключением славы и великого почета, который всегда будет сопровождать имя этого человека.

Да и сам мир стал другим с тех пор, как в нем побывали сантот. Мэна не могла сказать с точностью, что именно переменялось; в одном она была уверена: события страшных дней в Талае еще откликнутся эхом. Временами она ощущала дыры, которые сантот прорвали в ткани мироздания. В иные минуты ей казалось, что швы, соединяющие эту ткань, вот-вот разорвутся. За прошедшие дни сумбур немного улегся, но не исчез совсем. В тот день сантот бросали на поле боя одно заклинание за другим. Несколько часов они плели свою магию, и кто мог знать, как изменят мир остатки искаженного языка Дающего?

Процессия поднялась на плато, что тянулось до самых утесов, и Мэна увидела Коринн. Сестра, идущая впереди, оглянулась через плечо, словно решила немного замедлить шаг, чтобы Мэна могла ее догнать. Просто невероятно, какой стала Коринн! Ничего общего с той юной девушкой, которую помнила Мэна. По правде сказать, общение с Коринн было непростым делом. Да, внутренняя связь, связь крови между ними не исчезла — но как же трудно шло сближение с сестрой! Всех потрясла новость о том, что, пока они сражались в Талае, Коринн отвоевала Акацию у Хэниша Мейна. Тот факт, что она сделала это с помощью нюмреков и заключила какое-то соглашение с Лигой, был еще невероятнее. Мэна и Даризэл шли в бой под предводительством Аливера, думали, что определяют исход войны... а выяснилось, что Коринн ждет их на освобожденной Акации. Она обладала властью, собственной армией нюмреков и флотом кораблей... Мэне еще только предстояло привыкнуть ко всему этому.

Она до сих пор думала об их воссоединении с некоторым беспокойством. Событие, которое должно было стать радостным в столь многих смыслах, оказалось... Мэна даже не могла точно определить все произошедшее. В общем, все получилось не так, как она себе представляла. Через неделю после того, как сантот очистили поле боя от мейнских солдат, Мэна и Даризэл приплыли в гавань Акации. Они стояли на носу корабля — того самого, который Мэна отбила у Ларкена, — и смотрели на вздымающийся террасами город, их прежний дом. Он не изменился; Мэна помнила город именно таким, однако ее по-прежнему преследовало странное ощущение. Слишком много лет Мэна думала об Акации, не зная, что она помнит верно, а что просто выдумала...

Следом за ними в порт вошли корабли, несущие оставшихся солдат некогда великой армии. Люди были изнурены долгими битвами, но Мэна чувствовала, что эта армия за спиной толкает ее вперед, словно попутный ветер. Был триумф. И облегчение. И усталость. Еще они несли с собой горе, но оно уже накрепко переплелось с ощущением победы. Мэна не верила, что когда-нибудь сумеет почувствовать подлинную, чистую радость. Жизнь не дала ей этого — ни как Мэне, девочке-принцессе, ни как Майбен Земной, ни как воительнице с талайских равнин. И все же, глядя на вздымающийся перед глазами остров, Мэна трепетала от предвкушения встречи. Наконец-то она возвращалась домой.

Они причалили и высадились среди шумной толпы. Воздух звенел от музыки флейт и цимбал — сладкий от ладана и благоухающий испеченным мясом, кипящей похлебкой и жареной рыбой. Победителей встречали высокопоставленные лица. Они и сообщили, что Коринн с нетерпением ожидает родных. В самом деле: выйдя из доков и продравшись сквозь толпы в нижнем городе, Мэна и Даризэл поднялись наверх, на вторую террасу, к Коринн. Она стояла на площадке центральной лестницы, ведущей к дворцу. Ее окружала свита — странная компания из советников и нюмреков. Нюмреки были одеты в красное — разнообразные оттенки алого, пурпурного и красновато-коричневого. Мэна почти ничего не знала о том, как сестра захватила дворец и победила Хэниша; тем не менее Коринн явно обладала здесь какой-то властью.

Разумеется, Коринн была центральной фигурой встречающей делегации. Как чудесно она выглядела! Мэна всегда считала сестру красивой, но даже представить не могла, что Коринн насколько хороша собой. На ней было платье с длинными рукавами из тонкой поблескивающей ткани кремового цвета с легким оттенком оранжевого. Волосы Коринн уложила в сложную прическу и переплела лентами; бесчисленные шпильки поддерживали тугой узел на затылке, украшенный белым пером какой-то птицы. Черты лица идеальны; облегающее платье подчеркивает гибкую, стройную фигуру; запястья и пальцы изящны, будто у танцовщицы. Коринн сделала шаг вперед и развела свои красивые руки в жесте приветствия.

Очевидно, она ожидала, когда брат и сестра поднимутся по лестнице. Пока они шагали по ступенькам, в голову Мэны пришла омерзительная мысль. Девушка понятия не имела, откуда она взялась, и сочла ее каким-то помрачением уставшего от войны рассудка. Ей вдруг представилось, что Коринн вынимает одну из своих шпилек и кидает ее вперед — как оружие, как отравленный дротик. Глупо и неприятно. Почему такая картина встала перед глазами в столь радостный миг? Что с ней происходит?

Все еще задаваясь этим вопросом и глядя на великолепную Коринн, Мэна вдруг осознала, как выглядит она сама. Полуодетая, в короткой юбке и тунике без рукавов, обожженная солнцем, руки и ноги покрыты бесчисленными порезами и ссадинами, волосы спутаны как воронье гнездо... Мэна ощутила соленую корку на щеках, и песок, застрявший в сгибах локтей, и пленку грязи на обутых в сандалии ногах... Она покосилась на Дариэла. Бесшабашный, веселый, в распахнутой до пупа пиратской рубахе, загорелый — скорее разбойник-головорез, нежели принц Акации. И почему им не пришло в голову сперва привести себя в порядок?

Дождавшись, когда между ними останется лишь несколько ступенек, Коринн начала спускаться, протянув вперед обе руки ладонями вверх и склонив голову набок.

— Добро пожаловать домой, — сказала она, — моя сестра и мой брат. Добро пожаловать, воины Акации.

Коринн продолжала речь, состоящую по большей части из формальных фраз, словно заранее заготовленное приветствие, предназначенное, скорее, для зрителей, чем для Мэны и Дариэла. Коринн заключила брата и сестру в короткое объятие, а потом отодвинула от себя и рассмотрела их по очереди. Ее глаза горели, губы чуть заметно подрагивали. Она была обходительной, любезной, приветливой, но Мэна остро почувствовала фальшь. Даже в тот миг, когда Коринн возвысила голос и обратилась к толпе, прося ее приветствовать «дочь и сына Акации, вернувшихся домой», Мэна не могла отделаться от ощущения, что Коринн не слишком понравилось увиденное.

Именно так все и было между ними с тех пор. Мэна не могла обвинить Коринн в каком-то пренебрежении к ним с Дариэлом. Старшая сестра была добра к ним. Все трое проводили вечера с прекрасной едой и вином, говоря о прошлом, заново узнавая друг друга. Они катались верхом, как в детстве. Обсуждали серьезные вопросы, пытались вновь собрать империю в единое целое. Дариэл, похоже, полностью доверял Коринн — настолько, что Мэна не стала делиться с ним своими сомнениями. И все же младшая принцесса опасалась, что между ними никогда не возникнет простой и естественной теплоты, как было с Аливером и Дариэлом. Коринн говорила, что они — семья, одно целое, однако не стремилась воплощать слова в жизнь. Она называла их треугольником — «три точки семейного ядра», и вместе с тем, казалось, хотела показать, что именно она вершина треугольника, а Мэна и Дариэл — лишь поддерживающее основание.

Эти мысли не покидали Мэну и теперь, когда она шла во главе похоронной процессии. Коринн улыбнулась, отвела руку от своего уже заметно увеличенного живота и тронула пальцы Мэны.

— Сестренка, — сказала Коринн, — этот день наконец-то наступил. Сегодня мы сделаем отца счастливым. Он давно ждал, когда его пепел развеют в воздухе, как и мамин — много лет назад. Отец соединится с ней и станет частью самой земли этого острова. Он будет

в каждой акации.

Очевидно, Коринн сказала все, что хотела. Она уже отошла от Мэны, когда та спросила:

— Мы собираемся сделать мир лучше? — Коринн озадаченно посмотрела на сестру, и Мэна замялась, подыскивая правильные слова, чтобы задать вопрос. — Ты не знала Аливера... я имею в виду, такого, каким он стал. Если бы ты слышала, что он говорил! У него была масса идей о том, как распорядиться властью. Он рассуждал о новом порядке вещей. Верил, что сумеет уничтожить такие уродливые явления, как Квота...

— У меня не слишком много времени для философских рассуждений, — сказала Коринн. — Собираемся ли мы сделать мир лучше? Разумеется. Мы правим им вместо Хэниша. Кто сомневается, что это само по себе уже улучшение?

В последнее время, беседуя с сестрой, Мэна понимала, что им все труднее находить общий язык. Нет, Коринн не сердилась и не расстраивалась, как случалось в детстве. Просто она все решала в меру собственного разума. И, единожды сказав, была непоколебима.

— Конечно, улучшение, — согласилась Мэна, — но... мы ведь не отменили Квоту. Не закрыли рудники. Не...

— Я не рассталась с идеалами, если ты к тому ведешь, — откликнулась Коринн. — Однако рассуждать о правлении и править на самом деле — совершенно разные вещи. У меня масса важных и срочных дел. Я подумаю обо всем, что ты говоришь, — в свое время. Пока же надо переловить разбежавшихся мейнцев, которые успели уплыть с Акации в Алесию или Мэнил. А провинции? Ты удивишься, Мэна, узнав, что они выставляют барьеры, настаивают на унижительных условиях, делают всякие заявления, на которые не имеют права. Если бы они успокоились и приняли жизнь, какова она есть, мы могли начать... как ты сказала? Делать мир лучше. А Лотан-Аклун? Никто из нас их не видел, но они внушают опасения. Горькая ирония в том, что я взяла себе в союзники две силы, которые ненавидела более всего на свете — Лигу и ньюмреков. В конце концов, именно они обеспечили мне победу.

Мэна едва не сказала, что огромная армия сражалась и погибла почти вся, стремясь к той же цели. Она готова была напомнить об Аливере, принесшем себя в жертву, о сантот, без которых победа была бы невозможна... но Коринн говорила не об их победе. Она упомянула лишь ньюмреков и Лигу и сказала «я» вместо «мы».

Мэна могла бы обрушиться на нее с обвинениями, но вместо этого тихо проговорила:

— Я буду помогать во всем, чем могу. Только попроси.

— Ты уже помогаешь. Занимаешься организацией армии, восстанавливаешь Элиту. Нам понадобятся воины, благородные и искусные. Кто лучше тебя обучит их? — Коринн коротко улыбнулась, не разжимая губ. — Я всякое слышала. Рассказывают, как ты сражалась с богиней и повергла ее вниз с горной вершины. Твои методы боя станут новой Формой. Ты, моя маленькая сестренка, такая же легенда, как и Аливер.

— На самом деле это было обычное дерево, — сказала Мэна, — и орлиное гнездо на нем. Никакая не гора. И я ничего не сделала, просто сумела выжить в схватке с орлом.

Несколько секунд Коринн рассматривала сестру. Ее брови взлетели вверх, похожие на два одинаковых горных пика.

— Сказители вечно все перевирают, да? В любом случае я рада, что твои мужественные деяния не окончились гибелью.

Видя, что сестра хочет прекратить разговор, Мэна задала еще один вопрос, который не давал ей покоя:

— Коринн, а что ты предложила ньюмрекам взамен за их помощь? Я до сих пор не понимаю толком.

— Они могут управлять большей частью Талая — так, как сочтут нужным.

Мэна немного подумала.

— Мне кажется, этого им было бы мало.

— Тебе кажется. — Коринн отвела глаза, казалось, потеряв интерес к разговору. —

Однако хватит болтать. Мы пришли сюда, чтобы отдать последние почести двум достойным людям.

Мэне нравилось смотреть на разношерстную компанию, которая собралась сегодня возле утесов. Они стояли, опустив глаза долу, стараясь не морщиться от запаха птичьего помета и не ежиться от холодного влажного ветра. Кендовианцы касались плечами сенивальцев, а те, в свою очередь, стояли подле ошенийцев в их вычурных одеждах. Пираты с Внешних Островов перемешались с акацийскими аристократами. Здесь же был Санге, приемный отец Аливера, и его талайцы. А также воины халали и бальбара. Вуманцы вплели в волосы орлиные перья. Бетуни нанесли бледную раскраску на лица.

В соответствии с традицией двое уважаемых людей, не являвшихся членами семьи, взяли из ларца урны. Темнокожий Келис, тяжело раненный в тот же день, когда погиб его друг, нес урну Аливера. Мелио, откинув с лица длинные каштановые волосы, взял прах Леодана. Оба молодых человека были очень хороши собой — каждый в манере своего народа. Такие юные, думала Мэна, молодые и сильные, полные жизни. Аливер сейчас тоже мог бы быть таким...

Вместе с тем она спрашивала себя, обрадовался бы Аливер более сомнительным гостям. Риалус Нептос стоял с краю, подняв ворот плаща до самых ушей. Здесь же присутствовали сэр Дагон и несколько других представителей Лиги; они расселись на табуретах, принесенных слугами. По какому праву здесь эти люди — предавшие Леодана, едва не погубившие Даризэла? Они сидели и разглядывали тяжелые тучи, затянувшие небо, а их мысли витали где-то далеко.

И Калрах... Вместе со своими воинами он стоял на почетном месте. Помимо воли Мэна все время возвращалась к ним взглядом. Сегодня они казались совсем другими из-за вежливых манер и опрятной одежды. Нюмреки расчесали спутанные волосы и собрали их в хвосты, падавшие на спины. Их лица и в самом деле не так уж сильно отличались от человеческих. Впрочем, Мэна не знала наверняка, считает она теперь нюмреков в большей степени людьми, или другие люди напоминают нюмреков сильнее, чем ей того хотелось бы.

Сама церемония была простой. Ни хвалебных речей, ни печальной торжественной музыки. Все это уже имело место в предыдущие дни. Здесь, на Небесной Скале, двум мертвым людям предстояло уйти к свободе, как и всем акацийским королям. Коринн ясно дала понять, что считает своего погибшего брата королем — пусть даже он никогда не был официально коронован.

Все молча наблюдали, как Коринн взяла урну из рук Мелио. Она произнесла имя отца и пожелала ему обрести мир и покой, вернуться к земле острова и отыскать свою супругу, дабы воссоединиться с ней. В тот миг, когда крышка урны распахнулась, попел взмыл вверх, подхваченный ветром. Коринн перевернула урну, вытряхнув остатки праха, и серая пыль полетела по ветру обратно, в сторону острова. Потом Коринн высвободила останки Аливера, поблагодарив его за подвиги, которые никогда не будут забыты. Затем склонила голову и попросила всех помолчать немного в знак уважения к мертвым.

Мэна тоже наклонила голову, но не закрыла глаз. Она смотрела на сестру. Коринн стояла, положив одну руку на живот и поглаживая его пальцами. Она не двигалась, повернувшись к ветру, что обтекал ее двумя стремительными потоками. Ее фигура словно резала ветер напополам. Мэне казалось, что сестра не испытывает сильных чувств. Словно ничто не связывало ее сейчас с отцом и братом.

Вопросы, которые не давали Мэне покоя со дня смерти Аливера, вновь нарушили величественное спокойствие этих минут. Не совершил ли Аливер ошибку тем утром, когда согласился сражаться с Маэндером? Знал ли он, что проиграет, или яростная жажда мести помутила здравый рассудок? Мэна надеялась, что Аливер сделал все именно так, как хотел, и все получилось в полном соответствии с его планами. И еще Мэна надеялась, что отец выбрал их пути задолго до того, как пришел срок расставаться, и случившееся было его деянием. Только в отличие от сестры Мэна не верила в непогрешимость своих суждений.

По прошествии нескольких минут Коринн подняла голову, рассматривая окружающие

ее скорбные лица. Казалось, ей не понравились чувства, которые она прочитала на них.

— Вы здесь, — сказала она громко, чтобы ее услышали за шумом ветра, — представляете все народы Изученного Мира. Храните свою гордость и надежду на лучшее будущее. Два короля Акации... они свободны, как и наша страна. Теперь у нас есть возможность создать такой мир, который желали увидеть эти двое мечтателей. — Коринн на миг задержала взгляд на Мэне, потом отвела глаза. — Итак, мой народ, сотрите слезы с глаз и обратите лица к грядущим дням. Именно этого хотели от нас Леодан и Аливер. Давайте встретим вместе радости и трудности, пусть в наших сердцах живет сила и вера в лучшее...

Несколько секунд спустя Коринн сошла с утеса. Она приблизилась к Мэне, наклонилась поближе и спросила:

— Ты действительно хочешь знать, что я предложила нюмрекам? Есть одна вещь, о которой они мечтают более всего на свете — вернуться домой и отомстить Лотан-Аклун, преследовавшим их многие годы. Будет война, и я думаю, что мы должны принять в ней участие — ради нашей же собственной выгоды. В скором времени пора будет начинать подготовку. Мы, нюмреки, и Лига отправим флот за Серые Валы, против Лотан-Аклун. А после победы возьмем в свои руки торговлю с Иными Землями. Тогда у меня будет достаточно сил и власти, чтобы изменить мир к лучшему... — Отступив на шаг, Коринн заглянула в глаза сестры. — Наша битва еще не окончена. Мы не узнаем покоя, пока весь мир не склонится перед нами. Теперь тебе известно, каково мое намерение.

С этими словами она двинулась прочь, оставив Мэну одну. Гости один за другим уходили с утеса. Кто-то подошел к Мэне. Мелио. Он взял ее за руку и спросил, все ли в порядке, а Мэна не знала, как ответить. Глядя в спину Коринн, она сознавала, что не до конца понимает этот мир — такой, каков он сейчас. Только теперь Мэна догадалась, кто ее сестра на самом деле. Она уже слышала этот титул прежде, но не соотносила его с Коринн. Понимание пришло к ней, точно слова, выписанные в воздухе огромными буквами, и ошеломило Мэну. Там, вдалеке, спускалась с холма королева Акации. Она сложила руки на животе, баюкая своего наследника. Свита окружала ее — верные люди, которых Коринн успела осыпать милостями. И будущее мира тоже принадлежало ей.